

**Казанский (Приволжский) федеральный университет**

**Институт международных отношений,  
истории и востоковедения (ИМОИВ)**

**Высшая школа международных отношений и востоковедения  
ИМОИВ**

**Институт Конфуция на базе КФУ**

# **РОССИЯ – КИТАЙ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Сборник статей и докладов участников VIII научно-практической конференции

**Казань – 2015**

УДК 327 (510)  
ББК 66.4 (5 Кит)  
Р 76

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Института Конфуция на базе  
Казанского (Приволжского) федерального университета*

**Научное редактирование и составление:**

док. ист. наук, доцент Д.Е. Мартынов

канд. ист. наук, доцент Р.Р. Мухаметзянов

ассистент Т.А. Урывская

Материалы конференции публикуются в авторской редакции.

**Россия – Китай: история и культура:** сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции (Казань, 8 – 11 октября 2015 г.). – Казань, 2015. – с. 289

**ISBN 978-5-98688-067-6**

Сборник международной научно-практической конференции включает статьи различного содержания, в первую очередь, посвящённых актуальным проблемам российско-китайских отношений, истории Второй мировой войны на Дальнем Востоке, внешней и внутренней политике Китая, истории российского востоковедения. Они отражают всё многообразие российской китаистики и смежных отраслей социального и гуманитарного знания.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей, а также всех лиц, заинтересованных проблемами китаеведения, международных отношений, зарубежного регионоведения.

© Мартынов Д.Е., 2015  
© Институт Конфуция КФУ, 2015

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: история и культура», мы выпускаем перед самым её открытием. Эта книга в очередной раз иллюстрирует тот факт, что конференция, начавшись восемь лет назад как скромное предприятие, ограниченное стенами Института востоковедения Казанского университета, стало признанной площадкой общения профессионалов высокого уровня. Конференция традиционно включает пять секций, включая историческую, международных отношений, философии и культуры Китая, актуальных проблем филологии и преподавания китайского языка и проводимой во второй раз секции молодого китаиста. Несмотря на все политические пертурбации, финансовые проблемы и международные санкции, конференция приняла не меньше участников, чем прошлогодняя. Общий список докладчиков включает 90 человек, в том числе представителей академического и образовательного сообщества Польши, Украины, Болгарии, Казахстана и Китайской Народной Республики. География российских участников также показывает непрерывное расширение – помимо традиционных центров китаистики: Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, наших друзей и партнёров из Екатеринбурга, ещё и Челябинск, Барнаул, Нижний Новгород. Многообразие тем, представленных в докладах участников, настолько велико, что было принято решение публиковать их в алфавитном порядке. Такая композиция позволяет также в какой-то мере объединить самых разных, в том числе узких, специалистов, а также признанных мэтров и студентов, магистров и аспирантов, которые только ищут собственные пути на огромном непаханом поле, имя которому – китаистика.

Есть, однако и ещё одна важная тема, одновременно минорная и мажорная. Сборник наш складывался и редактировался как раз во время торжеств, посвящённых 70-летию великой победы народов России и Китая во Второй мировой войне. События последних лет, и даже недель и дней показывают, что память о войне вновь становится насущнейшим предметом повседневной жизни в условиях, когда наметилась откровенная ревизия представлений о ходе и результатах скорбных событий, охвативших весь наш мир.

Однако трагическое величие памяти и скорби служит достойным поводом, чтобы поразмышлять над удивительным сходством исторических судеб ближайших соседей, чьи огромные страны географически «привязаны» друг к другу. Именно народы России и Китая вынесли на себе наибольшую тяжесть первых лет войны, именно они одержали решающую победу. Именно Китай оказался первой страной, вовлечённой в величайший мировой конфликт. 18 сентября 1931 г. японская Квантунская армия начала захват Северо-Востока Китая и вскоре вышла к советским границам. Несмотря на то, что в Китае шла гражданская война и общество было очень далеко от согласия, развернулся невиданный патриотический подъём; китайский народ очень быстро осознал, что является авангардом человечества, ведущего антифашистскую борьбу. Когда в 1932 г. японские войска попытались захватить Шанхай, эта попытка была отбита в первую очередь отчаянным сопротивлением жителей города. В борьбе участвовали и советские граждане, жившие и работавшие в стране, в том числе Илья Михайлович Ошанин – известный составлением наиболее фундаментальных китайско-русских словарей. Великий историк и просветитель Чжан Бинлинь в эпитафии павшим бойцам 19-й армии, сражавшимся за Шанхай в битве 28 января 1932 г., написал: «С начала борьбы Китая с иностранными государствами не было подобного боя, во время которого было бы уничтожено столько солдат противника», и это не поэтическое преувеличение. Он только не мог знать, что впереди таких сражений будет слишком много... Но он очень хорошо понимал, что грядущая мировая война не будет походить ни на один конфликт, известный из истории прошлого, поскольку Вторая мировая не укладывалась в классическое определение фон Клаузевица о «продолжении политики иными средствами». В этом плане важно подчеркнуть удивительную схожесть целей и характера борьбы народов Китая и России. С самого начала она шла под знаменем спасения человеческой цивилизации и человеческого достоинства и права жить в своей собственной стране по установленным самими собой законам. И она была справедлива.

7 июля 1937 г. японские войска спровоцировали печально известный инцидент на мосту Лу-гоуцяо (Марко Поло), развязав японо-китайскую войну, трагедия которой в полной мере стала ясна всего пару десятилетий назад, когда были преданы гласности масштабы Нанкинской резни. Ещё раньше стало известно об экспериментах над живыми людьми, которыми занимались в «отряде 731». Однако ценой невероятного количества жертв, несмотря на нерешительность высшего руководства Китайской Республики (официально война Японии была объявлена с китайской стороны только 10 декабря 1941 г.), армия, партизаны и рядовые граждане смогли сорвать планы японских милитаристов; в результате война в Китае стала прологом войны на всём Дальнем Востоке и закончилась, по сути, в день капитуляции Японии 2 сентября 1945 г., а формально японские войска в Китае капитулировали вообще 9 сентября. На фоне Мюнхенского сговора не покажется удивительным, что Китай оказался в международной изоляции, и единственной страной, которая сразу же пришла на помощь, был Советский Союз, с которым ещё в 1929 г. были разорваны дипломатические отношения. СССР регулярно осуществлял поставки вооружения, боеприпасов и прочего в Китай по морю и через про-

винцию Синьцзян, при этом второй путь являлся приоритетным из-за морской блокады китайского побережья. 16 июня 1939 года был подписан Советско-китайский торговый договор, касавшийся торговой деятельности обоих государств; были предоставлены беспроцентные кредиты на закупку вооружений. В Китае работало свыше 300 советских военных советников, а всего – свыше 5 тысяч советских граждан. Среди них были лётчики-добровольцы, преподаватели и инструкторы, рабочие по сборке самолетов и танков, авиационные специалисты, специалисты-дорожники и мостовики, транспортники, медики. 1 сентября 1940 года в Урумчи был произведён пуск первой очереди нового авиасборочного завода, построенного советскими специалистами, Китаю было поставлено 1285 боевых самолетов, 1600 орудий разных калибров, 82 танка, 1850 грузовых автомашин. Благодаря всему этому удалось резко снизить боевые и небоевые потери китайской армии, которая связала 94% сухопутных войск, 60% ВВС и значительные силы флота японских милитаристов, внося свою лепту в действия союзников на Тихом океане и в Восточной Европе.

Именно народы России и Китая понесли наибольшие потери в той войне. Сухие числа таковы, что не поддаются воображению. 27 миллионов своих жителей потерял Советский Союз, 35 миллионов жизней пожертвовали народы Китая, чтобы отстоять своё право на существование.

В самый критический момент Великой Отечественной войны в рядах Красной армии сражались китайские граждане. Старший сын Мао Цзэдуна и родственники других руководителей КПК и героев китайской революции, находившиеся на учебе в СССР, перешли на военную службу в Красную армию или же включились в работу по тыловому снабжению, чтобы обеспечить все необходимое для передовой. В приграничных районах бойцы и командиры китайских сил сопротивления вошли в состав 88-й бригады РККА. Бойцы этой бригады представили массу ценнейших разведданных, способствовали наступлению советских войск на позиции Квантунской армии в августе 1945 г. Советские войска передали своим китайским союзникам вооружения и военные запасы японских войск, чем способствовали наступлению Народно-освободительной армии Китая и созданию в 1949 г. Китайской Народной Республики.

В сохранении исторической памяти – залог сохранения истинных результатов великой Победы. Чем глубже мы проникаем в язык и культуру великого китайского соседа (и наоборот) – тем больше шансов на то, что в момент самых тяжёлых испытаний не придётся дополнительно опасаться за свои тылы. В битве за Москву зимой 1941 – 1942 гг. Красная армия могла позволить себе снять часть войск с дальневосточной границы, потому что японские войска в Китае были заняты во второй и третьей Чаншайской операциях, по результатам которых так и не удалось захватить Хунань. Показательно, что в ходе видеомоста 28 мая 2015 г. «Россия и Китай: совместная борьба с фашизмом и милитаризмом. К 70-летию Великой Победы» (Москва – Пекин), обе стороны пришли к единому выводу. Согласно ему, Вторая мировая война началась ещё в 1931 г., а СССР и Китай являются двумя главными победителями. О том же сообщил в своём интервью агентству «Синьхуа» профессор Петербургского университета Н.А. Самойлов: Китаю и России следует наладить сотрудничество в деле отстаивания исторической правды, выпускать больше научных и научно-популярных книг о Второй мировой войне, где подробно, с использованием исторических документов, показывать роль СССР и Китая в этой войне. Задача историков двух стран состоит сегодня в том, чтобы донести исторические факты до широких масс. В противном случае спасителем «свободного мира» от «красной чумы» (а вовсе не коричневой!) в очередной раз станет рядовой Райан...

Мартынов Д.Е.,  
доктор исторических наук

## **«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР**

*Аликберова А.Р.,  
ИМОИВ КФУ*

В последнее время все более очевидной и актуальной становится необходимость формулирования новых теоретических и практических подходов к изучению форм и направлений внешней политики Китая. В настоящее время политика «мягкой силы» является одним из наиболее эффективных и значимых средств реализации внешнеполитической стратегии для любого государства, претендующего на роль лидера в системе международных отношений. Цель данного исследования заключается в раскрытии специфики функционирования института «мозговых центров»<sup>1</sup> (далее МЦ) как механизма «мягкой силы». Для реализации поставленной цели нами будет изучена история развития научных и аналитических институтов в области международных отношений в Китае. В ходе исследования мы дадим классификацию существующих «мозговых центров», а также рассмотрим механизмы работы политики «мягкой силы» и определим основные каналы влияния аналитических центров на внешнюю политику КНР. Материалы статьи могут быть полезны специалистам, занимающимся изучением международных отношений, историей и политикой Китая, научным сотрудникам и преподавателям гуманитарных дисциплин вузов. Рекомендуется также магистрантам, аспирантам и студентам высшей школы с углубленной исследовательской подготовкой.

«Мягкая сила» является одним из наиболее эффективных и значимых средств реализации внешнеполитической стратегии для любого государства, претендующего на значимую роль в системе международных отношений. Не является исключением из этого правила и Китайская Народная Республика — один из лидеров формирующегося сегодня многополярного мира. Вместе с тем «мягкая сила» (другой термин «мягкое влияние») страны до недавнего времени не являлась приоритетным направлением, что, в конечном счете, грозило привести к негативным последствиям, поскольку способствовало бы распространению и укреплению мифа о «китайской угрозе», укоренению общественных предубеждений и предрассудков относительно Китая и его политики. Китайская Народная Республика является ключевым игроком на международной арене, а благодаря плодотворной работе множества «мозговых центров», научно-аналитических организаций в настоящее время Китай стал одним из центров мировой дипломатии и политики.

Наряду с относительно «закрытыми» структурами, занимающимися вопросами распространения «мягкой силы» Китая, разработкой теоретических рекомендаций, а также анализом результатов реализации политики в этой сфере занимаются широко представленные в Китае «мозговые центры». По данным агентства «Синьхуа» в стране к 2008 г. насчитывалось 2,5 тыс. научно-исследовательских институтов, занимающихся политическими исследованиями. По мнению американских ученых, количество китайских МЦ центрального уровня, отвечающих критериям справочника «The Global Go-To Think Tanks» [1] и оказывающих влияние на процесс принятия политико-управленческих решений, составляет 428.

По американской классификации «мозговые центры» существующие в КНР подразделяются на несколько типов: официальные, полуофициальные и независимые.

Центры, относящиеся к первой категории, непосредственным образом связаны с Государственным Советом и различными министерствами, и правительственными ведомствами. Во вторую категорию «мозговых центров» входят специализированные академические исследовательские институты, в основном из числа аффилированных с главным китайским «мозговым центром» — Академией общественных наук Китая (далее — Академия). Полностью независимые МЦ, финансируемые из национальных коммерческих источников или международных институтов и коммерческих организаций, по оценкам американских аналитиков, составляет лишь 5%. Штат каждого из них не превышает 20 человек, а совокупный годовой бюджет — 450 тыс. дол. [2].

Иную типологию китайских «мозговых центров» предлагают Чжу Сюэфэн (Zhu Xuefeng) и Сюэ Лань (Xue Lan) [3]. Они выделяют официальные, полуофициальные (негосударственные) общественные институты и гражданские (частные) аналитические центры, т.е. научно-исследовательские институты, связанные с компаниями, университетами и некоммерческими фондами. Они не являются полностью независимыми от правительства, но имеют большую автономию в управлении, чем официальные научно-исследовательские институты. Их руководители назначаются правительством, и они финансируются за счет государственных средств и в этой связи представляют аналитику государственным органам власти. Они пользуются большей свободой, поскольку имеют право принимать денежные средства от иностранных государственных учреждений или международных организаций.

Проанализировав внутреннюю структуру китайских «мозговых центров» и их механизмы взаи-

---

<sup>1</sup> «Мозговые центры» (think tanks) — это получающие поддержку от государства или частного капитала группа профессионалов, которые проводят исследования по отдельным или по многим дисциплинам и информируют о результатах своей работы широкую общественность или целевую аудиторию, на чье мнение они хотят повлиять.

модействия с другими организациями наиболее точной представляется следующая классификация научно-аналитических центров КНР:

1. Официальные МЦ;
2. Полуофициальные (квазинезависимые) МЦ;
3. Гражданские МЦ;
4. Независимые МЦ;
5. «Фантом» (квазиправительственный МЦ).

Официальные «мозговые центры» подчинены и финансируются правительством КНР, а их сотрудники имеют статус государственных служащих среднего звена. Сотрудники таких центров имеют доступ к секретной информации различных уровней. По китайскому гражданскому законодательству официальные институты, проводящие политические исследования, называются правительственными. Эти организации играют важную роль в процессе выработки правительственной политики, отвечают за разработку политического курса, распространение информации и организацию исследовательского процесса по политическим проблемам. Основная задача центров данного типа заключается в подготовке аналитики и практических рекомендаций по текущей ситуации в сфере политики «мягкой силы». Ключевые центры: Институт современных международных отношений Китая, Институт международных исследований Китая, Исследовательский центр развития Государственного Совета.

Полуофициальными МЦ по китайскому законодательству называются общественные институты, большей частью академические. Они создаются правительством и им же курируются. Данные организации не являются полностью независимыми, так как их руководство назначается правительством, и финансируются кураторами (правительственными организациями). СВ подобных «мозговых центрах» более независимый стиль управления, они более свободны, поскольку могут получать дополнительные средства из зарубежных фондов и выполнять заказы от других правительственных органов и организаций, даже международных. Эти МЦ являются наиболее важным компонентом в системе политических исследований и консультаций вне правительства Китая. Он выступает своего рода «информационными фильтрами», «советчиками политических идей», «политическими интерпретаторами» в процессе разработки китайской политики. Однако не все ее институты сосредоточены на проведении политических и внешнеполитических решений. В зависимости от темы и сложности аналитического задания для его разработки и решения привлекаются специализированные институты. Таким образом, «мозговые центры» второй категории не участвуют в постоянном процессе анализа и выработки решений по политике «мягкой силы». В связи с этим их влияние ниже, нежели у «мозговых центров» первой категории. К тому же темы их исследований носят, как правило, теоретический и долгосрочный характер и не могут быть использованы в текущей деятельности по реализации политики. В своей деятельности «мозговые центры» второй категории пользуются информацией, полученной из открытых источников и редко сведениями с грифом секретности. Однако они выполняют важную функцию по проведению масштабных исследований, требующих анализа больших объемов открытой информации, например, касающихся восприятия Китая обществами зарубежных государств [4]. Кроме того, взаимодействие с зарубежными исследовательскими центрами осуществляется преимущественно центрами третьей (реже — второй) категории. Некоторые из центров третьей категории достигают высоких успехов в специализации на изучении отдельных проблем, как, например, Китайский центр исследований «мягкой силы» культуры на базе Пекинского института графических коммуникаций. Ключевые центры: Университет Цинхуа, Пекинский университет, Университет Фудань, Шанхайский Университет.

Гражданские «мозговые центры» стали активно создаваться с 1992 г. основная сфера их деятельности во многом сходна с полуофициальными. Данные центры выполняют следующие функции: предоставляют информацию, анализ и консультации руководству; проводят связанные с политикой исследования; ведут образовательную работу: многие видные ученые преподают в университетах, читают лекции в правительственных учреждениях. Публикуют статьи в газетах, участвуют в телевизионных программах; выступают инициаторами публичных обсуждений актуальных внутренних и международных проблем, публикуя оппозиционные статьи в газетах «Nanfang City Daily», «Beijing News», «China Youth Daily»; являются проводниками в Китай для внешнего мира.

Гражданские МЦ призваны пропагандировать новый имидж реформирующегося Китая на Западе, развивая сотрудничество, как с иностранными организациями, так и с отдельными зарубежными специалистами, также участвуя в международных исследовательских проектах. Предполагается, что подобные мероприятия позволяют приглашенным иностранным ученым взглянуть на китайское общество собственными глазами и самостоятельно оценить систему принятия политических решений [5].

Существует два типа гражданских «мозговых центров». Одни создаются при университетах и колледжах и часто возглавляются учеными, вернувшимися после зарубежной стажировки. Их деятельность отличается академичностью, а аналитические продукты имеют менее прикладной характер. Эти МЦ разрабатывают новые концепции, поддерживают связи с научным обществом, а основным источником их финансирования часто являются иностранные гранты. Примером таких МЦ слу-

жит Китайский центр экономических исследований, созданный при Пекинском университете Джастин-ном Линь Ифу (Justin Lin Yifu).

Центры второго типа учреждаются отдельными лицами, которые уже стали известными специалистами. Прежде они успешно работали в полуофициальных «мозговых центрах», но покинули их, чтобы создать собственные исследовательские агентства в соответствии со своими амбициями и убеждениями. Китайские аналитики называют их «народными исследовательскими институтами» в формате неприбыльных или коммерческих организаций. Например, Институт экономики «Юнирул» (г. Пекин, КНР) был основан в 1993 г. группой ученых-экономистов во главе с Мао Юйши (Mao Yushi), а Центр экономических наблюдений и исследований Дацзюня (г. Пекин, КНР) был основан Чжун Дацзюнем (Zhong Dajun) в 2000 г. в качестве акционерной компании. Такие центры работают на контрактной основе и стремятся к самоокупаемости, стараясь диверсифицировать свой исследовательский продукт и клиентскую базу. Среди их клиентов значительную долю занимают бизнес-структуры. Общим для обеих групп является, как правило, небольшой формат исследований, но зато они привлекают к работе известных ученых, которые социально активны, имеют связи, как с правительственными структурами, так и с теми, кто правительство критикует.

Гражданские центры все чаще и чаще подвергают критике экономическую политику правительства. В этой связи точкой приложения исследовательских программ подобных центров являются экономика или реже экология, но, практически никогда — международные отношения. Такие центры создаются по инициативе ученых экономистов, предпринимателей и общественных деятелей и финансируются исключительно на негосударственные деньги. Они рассчитывают, прежде всего, на частные пожертвования и специальные субвенции в рамках реализуемых национальных проектов или программ подготовки кадров. Они регулярно проводят семинары, ежегодные конференции, и получают доходы от издательской деятельности. К числу частных «мозговых центров» можно отнести созданные в 1993 г. некоммерческий институт экономики (Unirule Institute of Economics) и в 1994 г. некоммерческая экологическая организация «Друзья природы» (Friends of the Nature). «Друзья природы» — старейшая экологическая НКО в Китае, сделавшая ставку на повышение экологического сознания среди широкой китайской общественности. Подобные частные аналитические центры долгое время оставались «маргинальными» с точки зрения возможности влияния на власть и воздействие на общественное мнение. В сфере же международных отношений практически невозможно обнаружить реально независимый, частный «мозговой центр». Одним из таких исключений является «маленький» и независимый «мозговой центр Китай» (China Think Tank) созданный в 2006 г. Это один из трех или четырех исследовательских центров в области международных отношений в Китае с минимальным контролем со стороны правительства, но с весьма незначительным уровнем влияния. Данный центр объединяет порядка двухсот экспертов высокого уровня, которые проводят исследования в области безопасности, обороны и военной стратегии, так как более половины из сотрудников центра являются бывшими военными. Данный центр частично финансируется за счет государственных субсидий для реализации специальных проектов, а также за счет оплаты семинаров и тренингов со стороны коммерческих компаний. Залог независимости подобных центров заключается в способности оказывать эффективную экспертную поддержку правительственным структурам при сохранении «доброжелательно — критического» отношения последних. Стоит также отметить деятельность тайваньского Фонда Цзян Цзинго (Jiang Jingguo), названного в честь бывшего президента Тайваня, который финансирует проекты и предоставляет гранты иностранным китаеведам, в том числе из России и стран Восточной Европы. Пристального внимания заслуживает деятельность исследовательского Центра зарубежного китаеведения, созданного в 1996 г. на базе Пекинского университета иностранных языков. Он занимается развитием теоретического китаеведения в Китае и за рубежом, а также финансирует некоторые научные программы иностранных исследователей, в том числе из России. Центром были подготовлены и выпущены следующие издания: «История преподавания китайского языка в России в начальный период», «Краткая история православия в Китае», «История синологии в России», «Русская духовная миссия в Пекине» и др.

Независимые «мозговые центры» не связаны с правительственными органами, поэтому могут более критично относиться к проводимой правительством КНР политике. Поскольку они не связаны с правительственными органами, то могут более критично относиться к проводимой правительством страны политике. Первой такой организацией стал Институт социального развития, учрежденный в 1988 г. компанией Stone Electronics. Наиболее известными являются Институт по связям с общественностью «Катэй» и компания Gongmeng Consulting Co., Ltd. (ее часто называют просто «Гунмэн»), расположенные в г. Пекин.

Кроме того, необходимо упомянуть еще об одном типе «мозговых центров», так называемом «фантоме» (квазиправительственный тип). Созданный с целью производить впечатление неправительственной научно-исследовательской организации, является при этом инструментом правительства. По мнению американских исследователей, такой прием часто применяют авторитарные режимы для маскировки своей диктатуры под процветающее общество. В Китае такой организацией является Китайский институт развития.

Таким образом, большая часть китайских «мозговых центров» находится в юрисдикции прави-

тельствственных органов и их независимость ограничена. Частные же аналитические центры ограничены финансовыми и другими средствами, а также политикой правительства, поэтому заметно уступают в развитии.

Несмотря на то, что многие научные проекты центров затрагивают различные сферы деятельности, большинство занимаются политическими исследованиями. Проанализировав работу большинства МЦ Китайской Народной Республики, можно смело говорить о «мозговых центрах» как об инструменте «мягкой силы», выделяя следующие механизмы реализации данной политики:

1. Проведение исследований касающихся внешней политики КНР;
2. Разработка собственной китайской концепции политики «мягкой силы»;
3. Активное участие в международных исследовательских проектах;
4. Проведение международных форумов, конференций, круглых столов;
5. Написание специальных работ для западных организаций;
6. Активная работа со СМИ;
7. Привлечение талантливой молодежи для учебы в КНР, прохождения магистратуры, докторантуры, в том числе рекламируя деятельность академических «мозговых центров».

Развитие китайской общественной дипломатии ограничивается отсутствием эффективных негосударственных механизмов, функционирующих в данной сфере. Тем не менее, Китай стремится максимизировать эффективность использования имеющихся государственных органов общественной дипломатии [6]. 31 декабря 2012 г. была создана специализированная организация в данной сфере — Ассоциация публичной дипломатии. Указанное ведомство, объединяющее выдающихся деятелей китайской культуры, искусства, политики, ставит перед собой задачу продвижения интересов Китая с использованием ресурсов «мягкой силы». Представители Ассоциации, так же, как и официальные представители китайской власти, принимают участие в общественно значимых мероприятиях, проводимых на территории КНР и за рубежом. При этом, чем большее значение имеет страна для Китая, тем более высокий чин выступает перед студентами. Так, в ходе своего сентябрьского турне по странам Центральной Азии перед студентами Университета им. Назарбаева в Казахстане выступил председатель КНР Си Цзиньпин (Xi Jinping) [7].

Отмечается либерализация взаимоотношений между «мозговыми центрами» и СМИ Китая. Ранее важнейшая функция «мозговых центров», а именно доведение результатов исследований до широкой общественности в Китае не реализовывалась в силу чрезмерной цензуры. Сегодня же западные дипломаты отмечают прорыв в вопросе донесения позиций «мозговых центров» до китайской общественности через СМИ.

Внешнеполитические журналисты, комментаторы в СМИ в настоящее время рассматриваются в качестве третьей силы во внешнеполитическом процессе КНР после правительственных исследовательских институтов и университетов. Это стало возможным благодаря тому, что китайская общественность в настоящее время более образованна и проявляет повышенный интерес к внешней политике благодаря доступу к всемирной сети Интернет, где существуют сотни, если не тысячи форумов, блогов, на страницах которых обсуждаются наиболее горячие темы международных отношений. Политические форумы, блоги, социальные сети занимают нишу негосударственных субъектов во внешнеполитическом процессе в Китае, но эта тема уже много исследована.

Эксперты, работающие в «мозговых центрах» при китайских университетах находятся вне механизма влияния на внешнюю политику государства, но некоторых из них в силу личных связей имеют доступ к лицам, принимающим решения. Чэнь Цзянь (Chen Jian) из Школы международных исследований университета Жэньминь (Renmin) и Шэн Динли (Sheng Dingli) из Школы американских исследований при университете Фудань консультируют первых лиц государства, а их многочисленные ученики пользуются авторитетом и репутацией своих наставников для построения карьеры профессиональных дипломатов. Сегодня пять китайских университетов (Бэйда, Цинхуа, Жэньминь, Фудань и Нанкай) получили признание в мире в качестве авторитетных центров подготовки международных работников и экспертов в сфере внешней политики, национальной безопасности Китая [8]. Возврат к конфуцианским традициям в современном Китае придает дополнительный авторитет фигуре «профессора». «Мозговые центры» в Китае в ближайшее время будут все больше заинтересованы в привлечении университетских профессоров. Авторитет университетских «мозговых центров» может в ближайшие годы превзойти авторитет и влияние академических научно-исследовательских институтов, т.е. полугосударственных политических институтов. Интеллектуальные продукты университетов менее академичны и обладают большей степенью практического применения в сравнении с «продуктами» полугосударственных «мозговых центров». Это не уникальная китайская тенденция и стоит отметить, что многие немецкие или французские аналитические центры проигрывают конкуренцию научным подразделениям университетов этих стран в борьбе за влияние на национальные правительства или наднациональные структуры Европейского Союза.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что изучение китайских «мозговых центров» позволяет открыть новые возможности исследований в сфере внешней политики и внешнеполитического процесса Китайской Народной Республики. До последнего времени исследователи полагали, что «мозговые центры» представляли собой исключительно чисто американский феномен, но, как пока-



зало исследование, «мозговые центры» заняли в последние годы более видное положение в политическом процессе Китая, чем можно было предположить. Способность китайских «мозговых центров» прямо или косвенно участвовать в формировании внешней политики и готовность китайских политиков, партийных функционеров обращаться к ним за советом приводят исследователей к выводу, что эти структуры начинают оказывать более сильное воздействие на формирование государственной политики, чем это было два или три десятилетия назад.

Как отмечает Дональд Эйбелсон (Donald Aybellson), очень немногие исследователи, пытаясь измерить или оценить влияние «мозговых центров», внимательно рассматривают то, как достигается политическое влияние и какие разнообразные преграды приходится преодолевать [9]. По крайней мере, важно осознавать, что «мозговые центры» оказывают различные типы политического влияния на различных стадиях политического цикла. Рост численности «мозговых центров» в Китае подводит нас к заключению о росте их влияния. Однако прежде чем прийти к такому выводу, исследователям надо будет уделять пристальное внимание тому, какой вклад внесли «мозговые центры» в конкретные внешнеполитические дебаты и следовали ли их советам политики, работающие в разных министерствах и ведомствах, что весьма трудно в практике закрытости китайской политической системы, в том числе, в процессе выработки внешней политики.

Многие ученые, западные дипломаты и политики все ещё недооценивают роль и потенциал китайских «мозговых центров». Мы попытались весьма кратко показать, что «мозговые центры» Китая стали более заметны и во многих отношениях становятся мало-помалу важными участниками политического процесса. Исследование позволило нам углубить наши теоретические и эмпирические знания в весьма закрытой сфере взаимоотношений между экспертным сообществом Китая и политической властью. Для отечественных исследователей, наблюдателей ближе всего изучение формальных механизмов планирования и реализации внешнеполитического процесса, а изучение «мозговых центров», как неформальных институтов предоставляет нам новые перспективы понимания внешнеполитических инициатив и решений, а также толкают нас на размышления о происходящей в Китае интеллектуальной революции.

И все же тот факт, что «мозговые центры» так разрослись с 1949 г., скорее дает нам представление о культуре, обществе и политике Китая, чем о масштабах влияния, оказываемого этой разнородной совокупностью государственных, академических и частных «мозговых центров» на политическую среду и конкретные политические решения. Несомненно, «мозговые центры» Китая могут вносить и вносят свой ценный вклад в китайскую внешнюю и внутреннюю политику. Вопросы, на которые до сих пор пытаются ответить исследователи, относятся к тому, насколько сильно их воздействие и какими способами оно осуществляется. Ответы на эти и другие вопросы позволят получить дополнительные представления о роли и функциях этих организацией и об их месте во внешнеполитическом процессе Китая.

#### **Список литературы:**

1. The Global «Go-To Think Tanks», 2008. The Leading Public Policy Research Organizations in the World / University of Pennsylvania. Philadelphia, PA, USA. 2009. URL: [http://www.foreignpolicy.com/files/2008\\_Global\\_Go\\_To\\_Think\\_Tanks.pdf](http://www.foreignpolicy.com/files/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf) (дата обращения: 07.12.2013).
2. Журбей, Е.В., 2011. «Мозговые центры» и внешняя политика КНР: история вопроса. Аналитические центры АТФ // Ойкумена. №3. – С. 131-139.
3. Zhu, Xuefeng, 2006. China's Think Tanks: Roles and Characteristics // EAI Background Brief. 2006. №30. October 19. URL: <http://www.eai.nus.edu.sg/BB306.pdf> (дата обращения: 07.12.2013).
4. Nye, J.S., 2012. «Why China Is Weak on Soft Power» // The New York Times. 18 January. URL: [www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?\\_r=0](http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0) (дата обращения: 07.12.2013).
5. McGann, J.G., 2012. Chinese Think Tanks, Policy Advice and Global Governance. RCCB Working Paper. No. 21. March. URL: <http://www.indiana.edu/~rccpb/pdf/McGann%20RCCPB%2021%20Think%20Tanks%20March%202012.pdf> (дата обращения: 07.12.2013).
6. Yan, X., 2012. The Path for China to Increase its «Soft Power» . URL: <http://www.ccwe.org.cn/ccweold/en/journal/2/4ThePathforChinatoincreaseitsSoftPower.pdf> (дата обращения: 07.12.2013).
7. Сегодня Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин посетили «Назарбаев Университет» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан 07.09.2013. URL [http://www.akorda.kz/ru/page/page\\_214693\\_segodnya-prezident-kazakhstan-nursultan-nazarbaev-i-predsedatel-kitaiskoi-narodnoi-respubliki-si-ts](http://www.akorda.kz/ru/page/page_214693_segodnya-prezident-kazakhstan-nursultan-nazarbaev-i-predsedatel-kitaiskoi-narodnoi-respubliki-si-ts) (дата обращения: 07.12.2013).
8. Комиссина, И.Н., 2012. Справочник научных и аналитических центров Китая. М.: 266 с.
9. Li, Mingjiang, 2009. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. N.Y.: Lexington.

## ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В XXI ВЕКЕ (АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР)<sup>1</sup>

*Анисимова И.В., Лысенко Ю.А.  
Алтайский государственный университет, Барнаул*

В обеспечении национальных интересов в международных отношениях гуманитарное сотрудничество стоит на одном уровне с экономической и политической деятельностью государства. Понятие «международное гуманитарное сотрудничество» включает в себя взаимодействие по вопросам культуры, науки, информации, спорта, туризма, образования. Гуманитарное сотрудничество имеет и прикладное значение. Так, знание языка, культуры, традиций страны, с которым государство развивает политические и экономические отношения, позволяют успешно взаимодействовать в различных сферах. Сознвая важность гуманитарного сотрудничества, национальные органы власти и международные организации вкладывают в его развитие значительные финансовые средства [12]. Можно еще отметить, что взаимодействие в данной сфере содействует формированию позитивного имиджа страны, содействует продвижению политических и экономических интересов. Современный Китай стремится заявить о себе как новый центр «мягкой силы», наращивание которой является частью целенаправленной долгосрочной политики государства. Руководство страны старается повысить международное влияние китайской культуры и расширить присутствие культурной продукции Китая на мировом рынке. Наращивание «мягкой силы» в контексте развития национальной культуры стало одной из ключевых задач в политике КПК [3].

Россия и Китай сегодня успешно развивают сотрудничество в гуманитарной сфере. При этом, среди многочисленных направлений данного взаимодействия преобладает сотрудничество в сфере образования и культурной деятельности. Можно говорить о росте образовательной миграции, культурных и научных совместных проектах и т.д.

Безусловно, среди институтов, в рамках которых сотрудничество происходит более успешно, необходимо назвать Шанхайскую организацию сотрудничества. Развитие сотрудничества в гуманитарной сфере изначально определялось в качестве приоритетной задачи ШОС согласно уставным документам организации [22]. Однако реальное претворение в жизнь этого направления началось лишь в 2005 г., когда была создана экспертная группа по вопросам культурного взаимодействия и принят план многостороннего культурного сотрудничества государств-членов ШОС на 2005-2006 г. [12]. На первой встрече экспертов рабочей группы по вопросам культурного взаимодействия в рамках ШОС, состоявшейся 19 декабря 2005 г., были приняты решения по проведению конкретных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества. Так, эксперты одобрили проведение в 2006 г. в Шанхае Второго фестиваля искусств государств-членов ШОС, приуроченного к пятилетнему юбилею Организации, в России - Молодежного фестиваля профессионального искусства «Роза мира», в Душанбе - кинофестиваля государств-членов ШОС, в Ташкенте - выставки живописи и изделий декоративно-прикладного искусства в рамках шести стран ШОС, в Кыргызстане - Международных Иссык-Кульских спортивных игр под эгидой ШОС [4].

Важным этапом развития сотрудничества стало подписание в августе 2007 г. на саммите в Бишкеке Соглашения о сотрудничестве в области культуры [14]. В Соглашении были закреплены основные направления гуманитарного сотрудничества стран – участниц ШОС, а именно взаимодействие в различных сферах искусства, сотрудничество в архивном и музейном деле, охрана объектов культурного наследия. Также стороны заявили о необходимости организации подготовки и повышения квалификации работников культуры и искусства, и оказании поддержки прямому взаимодействию между учебными заведениями культуры и искусства государств участниц ШОС. Подписание Соглашения усилило процесс сближения стран и участниц ШОС.

Важную роль в реализации приоритетной задачи ШОС играют встречи министров культуры стран-членов ШОС. Первая встреча министров культуры ШОС состоялась в Пекине в 2002 г. На ней обсуждалось современное состояние и перспективы культурного обмена и сотрудничества между государствами участницами, а также была поддержана инициатива проведения Дней культуры стран-участниц ШОС, различных фестивалей и других культурных мероприятий. На состоявшемся в 2012 г. девятом Совещании министров культуры государств-членов ШОС стороны отметили, что благодаря созданному в 2002 г. механизму проведения ежегодных совещаний, за минувшие десять лет сотрудничество в области культуры в рамках Организации постепенно развивается общими усилиями сто-

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант РГНФ № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)»

рон [7]. В июне 2014 г. в г. Душанбе (Таджикистан) состоялось одиннадцатое Сопсовещание министров культуры государств-членов ШОС, на котором стороны обсуждали вопросы совершенствования двустороннего и многостороннего культурного сотрудничества между государствами-членами, государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС [11].

Подписанные соглашения стали получать реальное воплощение в серии культурных мероприятий. Был создан альбом «Диалог цивилизаций», представляющий собой обзор культур государств-членов ШОС, проведены Иссык-Кульский кинофестиваль, художественный форум в Ханчжоу и т.д. Важной формой культурного сотрудничества в рамках ШОС стало проведение фестивалей искусств. В первый раз фестиваль искусств и выставка под эгидой ШОС состоялись во время саммита в Астане (Казахстан) в 2005 г. Такие фестивали стали выражением богатого духовного наследия стран – участниц ШОС. Фестивали направлены на сохранение нематериального наследия и традиционной культуры государств-членов ШОС. Цель таких Фестивалей, по мнению министра культуры КНР Цай У заключается в «охране культурного разнообразия мира» [5]. Изначально на фестивале искусств все страны-участницы имели возможность представить традиционную культуру своего народа, но в 2013 г. формат проведения Фестиваля было решено изменить. На 10-м юбилейном совещании министров культуры стран ШОС было принято решение, что сторона, проводящая саммит ШОС, будет демонстрировать на Фестивале свою культуру [16].

Немаловажную роль играет и сотрудничество в сфере охраны историко-культурного наследия, так, страны-участницы ШОС совместно продвигают включение объектов культуры, в том числе Великого Шелкового пути, в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Необходимо отметить, что Китай, являясь по сути «локомотивом» развития ШОС, стремится по максимуму использовать возможности взаимодействия в гуманитарной сфере по линии ШОС и чаще других стран-членов организации выступает инициатором проведения различных выставок, фестивалей культур. Китайской стороной с 2005 г. выделяются целевые бюджетные средства на подготовку 1500 специалистов в различных сферах культурного сотрудничества для других государств - членов ШОС.

Одной из насущных проблем в рамках гуманитарного сотрудничества между странами является отсутствие единого информационного канала. В перспективах видится создание единого «информационного поля» ШОС путем открытия специального информационного телевизионного канала и обеспечение доступности телеканала «Мир» для населения центральноазиатских стран и Китая. Предлагается также целесообразным создать специальный радиоканал или расширить трансляцию радио «Голос России». По мнению экспертов, для этого нужны отдельные соглашения о возможности трансляции российских теле- и радиоканалов в Китае, Индии, Иране, Пакистане и других странах, а их каналов – в России. Важным представляется и создание печатного органа, выходящего в указанных странах [13].

Одной из форм культурного взаимодействия, рассчитанного на продвижение и популяризацию своей культуры, является проведение в рамках двусторонних отношений «Дней» и «Годов» стран-партнеров, художественных выставок, музыкальных фестивалей, спортивных соревнований. Двустороннее сотрудничество между Россией и Китаем в культурной сфере получило мощный импульс в 2006 и 2007 гг., когда сначала в Китае прошел Год России, а затем в России – Год Китая. В рамках этих инициатив было организовано огромное число культурных мероприятий, которые способствовали укреплению дружбы и улучшению взаимопонимания между народами двух стран.

В 2009-2010 гг. было организовано совместное проведение Года русского языка и Года китайского языка. Мероприятия языковых годов не ограничивались узкоспециализированной филологической направленностью, а затронули сферы культуры, образования, СМИ, кинематографии и др. [20] Новой страницей в развитии культурных отношений между двумя странами стало открытие в конце сентября 2010 г. китайского культурного центра в Москве и российского культурного центра в Пекине.

Важное значение имело проведение годов российского туризма в Китае и китайского туризма в России в 2012–2013 гг. Широкая популяризация туристической деятельности двух государств привела к увеличению взаимного интереса населения двух стран. По мнению, начальника Государственного управления по делам туризма КНР Шао Цивзя, которое он озвучил на российско-китайском форуме по культуре и туризму 22 ноября 2013 г., Годы туризма, благодаря размаху мероприятий и широкому освещению в СМИ, становятся серьезным стимулом взаимных обменов между народами и краеугольным камнем прочной дружбы [2].

В апреле 2014 г. стартовал Год молодежных обменов между Россией и Китаем. В своем послании, приуроченном к открытию мероприятия президент РФ В.В. Путин отмечал, что «Годы дружественных молодежных обменов между Россией и Китаем продолжают серию масштабных двусторон-

них гуманитарных проектов, успешно осуществленных за последнее время, - национальных Годов, Годов туризма, Годов русского и китайского языков. Их реализация существенно расширила связи в сферах образования, науки, культуры, туризма, спорта, здравоохранения, способствовала укреплению отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Российской Федерацией и КНР» [19].

Безусловно, полный перечень мероприятий значительно шире представленных здесь примеров, но они в полной мере создают представление о расширении культурных контактов между Россией и Китаем.

Важнейшей сферой гуманитарного сотрудничества является образование. Необходимо отметить, что сотрудничество в этой сфере является наиболее перспективным. 26 октября 2005 г. Совет глав правительств государств ШОС принял решение об активизации сотрудничества в сфере образования. Согласно этому соглашению, государства-члены ШОС должны обеспечивать развитие интеграционных процессов в образовании, содействовать обмену студентами и научно-педагогическими работниками, обмениваться информацией по вопросам образования, поощрять изучение языков, истории, культуры государств организации.

Китай сегодня уделяет этому направлению достаточно серьезное внимание, что, по мнению исследователей, является результатом применения принципов «мягкой силы в регионе». Следствием соглашения стало выделение Китаем для каждого государства – члена ШОС 20 ежегодных стипендий студентам, обучающимся в Китае, внедрение программы изучения китайского языка в странах Центральной Азии, открытие курсов по обучению специалистов из стран ШОС в сфере телекоммуникаций на базе Университета коммуникаций китайской корпорации «ЗТЕ», организация по инициативе КНР курсов повышения квалификации предпринимателей и должностных лиц в области электронного машиностроения [12].

Конечно, сегодня одним из значимых проектов образовательной интеграции является Университет ШОС (УШОС). Осознание необходимости объединения усилий в подготовке кадров для инновационного развития национальных экономик, а также для создания единого евразийского образовательного пространства дало импульс процессу создания УШОС. Проект был направлен на взаимный обмен знаниями и академическую мобильность студентов из разных стран, на повышение уровня образования по направлениям. Впервые инициатива создания сетевого университета ШОС прозвучала от российского президента в августе 2007 года на Бишкекском саммите ШОС, а затем была поддержана подавляющим большинством государств – членов этой организации.

Так было положено начало одному из крупнейших образовательных проектов, как на пространстве Азии, так и во всем мире. Образовательная практика не знает примеров создания подобных сетевых образовательных структур под эгидой глав государств на таком пространстве и с таким демографическим уровнем населения [18]. К февралю 2008 г. была разработана концепция УШОС, которая неоднократно обсуждалась на совещаниях экспертной рабочей группы государств – членов ШОС по сотрудничеству в области образования. Эта концепция была принята на втором совещании министров образования государств – членов ШОС в октябре 2008 г. в Астане, а ее новая редакция принята на третьем совещании в Новосибирске в сентябре 2010 г.

По результатам проведения конкурса по отбору базовых образовательных учреждений высшего профессионального образования, формирующих УШОС, весной 2009 г. были отобраны 52 вуза, которые будут осуществлять подготовку по следующим направлениям обучения: «Нанотехнологии», «IT-технологии», «Энергетика», «Регионоведение», «Экология», «Педагогика», «Экономика». Сегодня в состав Университета ШОС входит 82 вуза. Россию представляют 25 ВУЗов, в том числе крупнейшие российские университеты - МГУ, РУДН, МИСиС, ряд региональных ВУЗов Российской Федерации: Алтайский государственный университет, Сибирский федеральный университет, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Новосибирский государственный технический университет и др. В УШОС со стороны Китая входят 20 университетов.

Предполагается, что Университет ШОС будет функционировать как сеть уже существующих ведущих университетов в государствах-членах ШОС, а также странах-наблюдателях (Монголия, Индия, Иран, Пакистан). Доля в финансировании Университета составит для России и Китая по 22 % т.д. по нисходящей [21]. Создание Университета ШОС будет способствовать развитию интеграционных процессов в сфере образования, науки и технологий, расширению спектра совместных научных и образовательных программ и проектов, развитию академической мобильности, совместной подготовке специалистов, формированию интегрированного информационного пространства в интересах государств-членов ШОС [8].

В ноябре – декабре 2009 г. университеты начали согласовывать программы со своими партнерами – университетами других стран, входящими в сеть УШОС. На этой основе подписаны двусторонние и многосторонние документы о согласованной подготовке магистров. Россия сегодня выделяет наибольшее количество квот для иностранных студентов, обучающихся в Университете ШОС. Так, в 2010 г. было выделено 106 мест, в 2011 г. это число выросло до 194. На 2014–2015 уч. год государствам, входящим в Университет ШОС, выделено 302 квоты, в том числе: Казахстану – 144, Китаю – 77, Кыргызстану – 56 и Таджикистану – 25 [15].

Интерес к обучению в Университет ШОС поступательно возрастает. Основной поток обучающихся приезжает из государств Центральной Азии. Студенты из Казахстана хотят учиться в России и в Китае, особенно активно проявляет интерес к УШОС киргизская и таджикская молодежь. Сегодня выделяются две страны-реципиента – Россия и Китай [10].

В мае 2014 г. в г. Уфа (Россия) состоялась VII Неделя образования государств-членов Шанхайской организации сотрудничества «Образование без границ». Заместитель руководителя Россотрудничества Л. Ефремова в своем докладе отметила, что, несмотря на ряд трудностей, с которым столкнулось образовательное сообщество на пространстве ШОС, есть возможность говорить и об успешно выполненных задачах. По ее словам, наблюдается положительная динамика развития УШОС: если в 2010 г. в проект входили 62 высших учебных заведения, то сейчас их количество возросло до 82. Прделана большая совместная работа по формированию организационных, правовых и методических основ деятельности Университета, его информационному обеспечению. Утверждена Хартия Университета, подготовлено Соглашение о реализации магистерских программ в рамках УШОС [15].

Однако пилотные наборы в УШОС выявили и ряд проблем, требующих согласованных действий. Это, прежде всего, существенная несогласованность национальных систем образования, значительно затрудняющая как академические обмены вообще, так и построение совместных согласованных образовательных программ. Нередко у вузов – партнеров различаются периоды обучения и длительность семестров. Также в разных странах используются разные классификаторы учебных программ, относящие сходные специальности к разным направлениям обучения. Требования к объему и содержанию учебных программ магистратуры не всегда совпадают. Например, в Китае обучение в магистратуре может продолжаться 3 года, в то время как в российских Вузах он не превышает 2-х лет, и т.д. Сегодня усилия партнеров по УШОС направлены на выработку единых учебных планов и их выполнение. Безусловно, УШОС заложил новую форму образовательной интеграции на пространстве Северной, Восточной и Центральной Азии, создал модель позитивного взаимодействия на различных организационных и методических уровнях.

Сотрудничество в сфере образования и науки не ограничивается работой в рамках УШОС. В 2011 г. свыше 100 ученых из стран Шанхайской организации сотрудничества посетили учреждения РАН и столько же представителей российской науки выезжали в страны – партнеры России по ШОС. Были заключены соглашения о сотрудничестве между научными учреждениями стран – членов и стран – наблюдателей ШОС (в том числе с Монголией).

Развивая гуманитарное, образовательное сотрудничество по линии ШОС, и Россия и Китай вместе с тем, выстраивают политику в этой сфере, как и в других преимущественно в формате двусторонних отношений.

Сегодня Россия занимает 9 место по числу обучающихся иностранных студентов, в основном за счет студентов из стран СНГ (где преобладают студенты из ЦА), которые составляют более 1/3 от всех иностранных студентов. Тем не менее, за последние годы были сделаны важные шаги в области экспорта российского образования, который реализуется путем разработки и внедрения трансграничных форматов и программ, обучения иностранных студентов в российских вузах, коммерческого присутствия в странах-партнерах (совместные университеты, филиалы и представительства за рубежом), работы российских преподавателей в зарубежных университетах.

Присоединение в сентябре 2003 г. России к Болонской конвенции по высшему образованию, перспектива взаимного признания российских и европейских дипломов, общие подходы к качеству образования будут также способствовать расширению экспортных возможностей российских вузов. В РФ продвижением страны на мировой рынок образовательных услуг занимаются Министерство образования и науки РФ, Россотрудничество и Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина.

Углубление сотрудничества в области образования не только хороший потенциал для развития сотрудничества собственно в области образования и науки между университетами, но и для улучшения отношений между государствами в целом, а также для развития интеграционных процессов. По

мнению М.М. Лебедевой, возможности «мягкой силы» в интеграционных процессах недооцениваются [9].

Можно говорить об интенсификации образовательных контактов между российскими и китайскими вузами и организациями. На сегодняшний день между двумя государствами установлено более 900 партнерских связей, наша страна представлена 120 вузами, Поднебесная — 600. Университеты реализуют совместные программы по подготовке специалистов, повышению квалификации ученых и преподавателей, изучению языков. В 2015–2016 учебном году Россия увеличила квоту государственных стипендий для студентов из Китая до 850, на 22 квоты больше 2014–2015 уч. г.

Активно развивается студенческая образовательная миграция из России в Китай. В XXI в. Китай становится все более привлекательной страной для иностранных студентов. По данным Министерства образования КНР, число иностранных студентов в Китае в 2010 г. насчитывало более 265 тыс. иностранных студентов из 194 стран. Лидеры среди них: Южная Корея, США, Япония, Таиланд, Вьетнам, Россия, Индия, Казахстан и др.

В целях перманентного продвижения китайских традиций и стратегической линии КНР уже несколько лет реализует проект создания по всему миру сети институтов Конфуция, первый из которых был открыт в 2004 г. в Сеуле. Это популярное гуманитарное учреждение, созданное для продвижения китайского языка и культуры в других странах мира. Ключевое значение придается деятельности таких институтов на территории США, где на сегодняшний момент функционируют около 400 институтов, центров и классов Конфуция. Проект по созданию за рубежом институтов Конфуция курируется правительственной Канцелярией КНР по распространению китайского языка в мире (кит. Ханьбань). Институты Конфуция создаются как структурное подразделение действующих иностранных учебных заведений, партнером выступает один из китайских вузов. Иностранцы предоставляют помещение, китайцы – преподавателей и учебные материалы. Между китайским и иностранным университетом выстраиваются прямые связи. По данным за 2012 г. в 96 странах и регионах мира действовало 358 институтов и 500 классов Конфуция, в том числе в Азии – 65, Европе – 73, Америке – 51, Африке – 16, Океании – 6, в России – 12 [6].

Благодаря китайской финансовой и кадровой поддержке Институты Конфуция способны предложить привлекательные условия для желающих изучать китайский язык. Как правило, обучение там стоит дешевле, чем на коммерческих курсах, создаваемых местными учебными заведениями своими силами. На основании появившейся несколько лет назад в китайских СМИ информации эксперты предположили, что Ханьбань ежегодно тратит на содержание одного Института Конфуция около 100 тыс. долларов. Эти деньги уходят на зарплату китайских преподавателей, учебные пособия, оборудование и т.д. Китайские эксперты отмечают, что в Институтах Конфуция не просто преподают китайский язык, но и используют его как носитель при передаче идей, содержащихся в китайской культуре. Здесь проявляется взаимосвязь «жесткой» и «мягкой силы» – экономический подъем КНР повышает интерес к сотрудничеству, возникает спрос на изучение китайского языка, и это обеспечивает продвижение китайской культуры [3].

Институты Конфуция остаются неотъемлемым элементом распространения китайского влияния по линии образования. Распространённой практикой является открытие при институтах всевозможных фондов, спонсирующих программы по обмену студентов и поддерживающих развитие образовательных программ о Китае. Безусловно, деятельность Институтов Конфуция благоприятствуют развитию гуманитарного сотрудничества между двумя государствами.

Осенью 2014 г. состоялось пятнадцатое заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, где было подчеркнуто, что сотрудничество в гуманитарной области между обеими странами отмечено новыми успехами и достижениями [17]. Достижением сотрудничества в 2013 – 2014 гг. стало расширение наименований ассоциаций профильных университетов России и Китая. Так, наряду с Ассоциацией технических университетов России и Китая и Ассоциацией вузов Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных регионов КНР совместными усилиями также организованы Российско-Китайская Ассоциация экономических вузов, Российско-Китайский Союз высших педагогических учебных заведений, Российско-Китайская Ассоциация художественных университетов и Российско-Китайская Ассоциация медицинских университетов. Важным шагом в развитии двустороннего сотрудничества между КНР и РФ в гуманитарной области стало создание российско-китайского университета в г. Шэньчжэне (КНР) на базе МГУ имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета и ряд других мероприятий.

Таким образом, современное гуманитарное сотрудничество между Россией и Китаем получило многовекторное развитие. Инициатором многих интеграционных проектов в сфере образования и культуры выступает Китай, что является выражением проводимой КНР политики «мягкой силы». При-

оритетной сферой сотрудничества является образование, где сегодня существует развитая нормативно-правовая основа, пилотные проекты, различные образовательные формы (УШОС, Институты Конфуция, правительственные квоты и т.д.), способствующие участию в образовательном процессе всех стран региона. Если говорить об иных формах гуманитарного сотрудничества, то многие из них находятся сегодня на начальной стадии своего формирования и представляют значительные перспективы.

#### **Список использованной литературы:**

1. Арефьев А.Л. Иностранцы студенты в российских вузах. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php>
2. Более 600 мероприятий Годов туризма в Китае и России успешно завершились. URL: <http://russian.cri.cn/2369/2013/11/26/1s492131.htm>
3. Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>
4. В 2006 году в Шанхае состоится второй фестиваль искусств государств-членов ШОС, приуроченного к пятилетнему юбилею Организации. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/3964471.html>
5. В Пекине открылся Фестиваль искусств - демонстрация нематериального наследия и традиционной культуры государств-членов ШОС. URL: [http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-06/06/content\\_25579732.htm](http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-06/06/content_25579732.htm)
6. Изимов Р. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1759411.html>
7. Информационное сообщение по итогам девятого Совещания министров культуры государств-членов // Режим доступа: <http://www.sectsko.org/RU123/show.asp?id=524>
8. Иншаков О.В., Иншакова Е.И. Формы международного сотрудничества России в сфере нанотехнологий: евразийский вектор // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3. Экон. Экол. 2009. № 2 (15). С. 47.
9. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО - Университета. 2014. № 2(35). URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva.pdf>
10. Маслов А. Университет ШОС должен стать символом качества образования. URL: <http://uscso.org/?lng=ru&module=news&action=view&id=403>
11. Министры культуры стран ШОС встретились в Душанбе. URL: [http://www.knews.kg/culture/50950\\_ministryi\\_kulturyi\\_stran\\_shos\\_vstretilis\\_v\\_dushanbe/](http://www.knews.kg/culture/50950_ministryi_kulturyi_stran_shos_vstretilis_v_dushanbe/); В Душанбе состоялось 11-е Совещание министров культуры государств-членов ШОС. URL: [http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-06/11/content\\_32627241.htm](http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-06/11/content_32627241.htm)
12. Морозов Ю. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной сфере: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4-5.
13. Морозов Ю.В. Влияние политики ведущих государств мира на трансформацию военно-политических отношений в Центральной Азии. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=144>
14. Об утверждении Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области культуры. URL: [http://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000367\\_](http://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000367_)
15. Образование без границ в Уфе. URL: <http://f-campus.ru/obrazovanie-bez-granic-v-ufe.html>
16. Осенью в Бишкеке пройдет фестиваль искусств стран ШОС. URL: <http://ktrk.kg/ru/content/osenyu-v-bishkeke-proydet-festival-iskusstv-stran-shos-video>
17. Протокол пятнадцатого заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. URL: <http://xn--80abcujibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/5336/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/4227/Protokol%202014.pdf>
18. Реморенко И.М. Университет ШОС: инновационная международная платформа высшего образования. URL: <http://federalbook.ru/files/FSO/soderganie/Tom%208/IV/Remorenko.pdf>
19. Россия и Китай открыли Год молодежных обменов. URL: <http://ria.ru/world/20140401/1002105398.html>
20. Ряснов И. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI в. // Власть. 2013. № 9. С. 79–81.
21. Университет, не имеющий аналогов в мире. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=4190>
22. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.infoshos.ru/?id=33>

## ОТРАЖЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ АФОРИЗМАХ

Бай Юй  
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т

Стереотипы как общие понятия, мыслительные аналогии и ассоциации, моральные нормы и предрассудки характерны для массового сознания различных лингвокультур. Языковые и речевые стереотипы как нормированные языковые и речевые средства обозначают определенные нормированные ситуации разных видов человеческой деятельности [1; 2; 3], в которых раскрываются особенности коммуникативного поведения. Коммуникативное поведение представителей лингвокультуры раскрывается в особенностях общения, описанных в совокупности, реализует совокупность норм и традиций общения народа [4].

Под *возрастным стереотипом* понимается представление людей о поведении людей разных возрастов в той или иной лингвокультуре. В данной статье мы рассмотрим, как отражаются возрастные стереотипы коммуникативного поведения детей в русских и китайских афоризмах.

При выявлении возрастных стереотипов коммуникативного поведения детей в русских и китайских афоризмах основными критериями дифференциации афоризмов выступают 1) обмен информацией между коммуникантами; 2) обмен действиями между партнерами по коммуникации; 3) восприятие и определенное отношение к партнеру (партнерам) по коммуникации, находящие отражение в коммуникативном поведении индивида или группы людей, или общества в целом [5; 6]. Анализ русского и китайского фактического материала позволил выделить следующие группы русских и китайских афоризмов, в которых отражаются возрастные стереотипные нормы коммуникативного поведения русских и китайцев в детстве.

### РУССКИЕ АФОРИЗМЫ

#### 1. Детям следует обеспечивать прекрасную жизнь.

*Дети должны жить в мире красоты, игры, сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества* (В. Сухомлинский) [7]

#### 2. Дети – цветы жизни, но иногда они приносят много проблем.

*Дети – цветы жизни. Подождите, это ещё цветочки!* (Е. Кащеев) [8]

#### 3. Рожать детей не трудно, но воспитывать – трудно.

*Делать детей легко – переделывать трудно* (И. Карпов) [8]

#### 4. Дети должны учиться и воспитываться.

*Годы детства – это прежде всего воспитание сердца.* (В. Сухомлинский) [7]

*В детстве даже шорохи поучительные.* (В. Власенко) [7]

#### 5. Успехи детей – большая радость для родителей.

*Нет ничего более прекрасного, чем дети, ставшие на голову выше тебя.* (Г. Александров) [8]

#### 6. Утрата детей – большое горе для человека.

*Утрата детей в молодости – старит, в старости – убивает.* (И. Шевелев) [8]

#### 7. Современные дети очень зависимы от компьютеров.

*Появились компьютеры и... дети стали зависеть.* (Е. Кащеев) [8]

Как показал анализ русских афоризмов, для русской лингвокультуры актуальным является обучение и воспитание детей, что находит свое выражение в нормах коммуникативного поведения взрослых и детей.

### КИТАЙСКИЕ АФОРИЗМЫ

#### 1. Почитание родителей, т.е. детям обязательно уважать, слушать и любить своих родителей.

子曰：孝，天之经，地之义，民之行也。 – (春秋)孔子 [9].

Исполнить сыновний долг – нет ничего более естественного. Весь народ должен так делать. (период Чуньцю, Кун-цзы) (Перевод автора – Бай Юй)

孝子之至，莫大乎尊亲。 – (战国)孟子 [10].

Для почтительного сына ничего не важнее чем уважать и любить родителей. (период Чжаньго, Мэн Цзы) (Перевод автора – Бай Юй)

惟孝顺父母，可以解忧。 – (战国)孟子 [10].

Только почитать родителей и слушать их даст мне жить спокойно. (период Чжаньго, Мэн Цзы) (Перевод автора – Бай Юй)

孝子不谀其亲，忠臣不谄其君，臣子之盛也。 – (战国)庄子 [11].

Почтительный сын не льстит родителям, и верноподданный не заискивает перед монархом. (период Чжаньго, Чжуан Цзы) (Перевод автора – Бай Юй)

事其亲者，不择地而安之，孝之至也。 – (战国)庄子 [11].



Всегда и везде почитать родителей и слушать их – это достаточно. (период Чжаньго, Чжуан Цзы) (Перевод автора – Бай Юй)

## **2. Воспитание детей.**

### **1) Как воспитать детей:**

Мы должны стать маленькими, чтобы быть маленькими родителями. – Тун Чун [12].

Для того чтобы справиться с работой, учителям необходимо поставить себя на место детей. (Тао Синчжи) (Перевод автора – Бай Юй)

Суть образования: научиться учиться, научиться жить, научиться творить. – Ян Чжэнь [12].

Надо учить детей стремиться к знаниям, быть порядочным человеком, жить настоящей жизнью и стремиться к творчеству. (Ян Чжэнь) (Перевод автора – Бай Юй)

Сочетая сказочные образы,引导孩子去思考、探索,比单纯说理要深刻。 – 杨振武 [12].

Лучше воспитать детей через притчи или басни, чем просто сказать им что надо и что нельзя. (Ян Чжэнь) (Перевод автора – Бай Юй)

Пусть дети растут, и вместе вырастем с ними. – 陈鹤琴 [12].

Давайте войдем в внутренний мир детей, и вместе вырастем с ними! (Чэнь Хэцин) (Перевод автора – Бай Юй)

### **2) С кем детям можно общаться и дружить:**

Общайтесь с людьми разных возрастов. – 晨曦 [12].

Мы должны учить ребенка свободно дружить с взрослыми людьми всех возрастов. (Чэнь Си) (Перевод автора – Бай Юй)

Помогите ребенку общаться с людьми из разных социальных слоев. – 刘大伟 [12].

Помогите своему ребенку общаться и дружить с детьми из различных общественных слоев. (Лю Давэй) (Перевод автора – Бай Юй)

### **3) Родители должны воспитать в ребенке самостоятельность:**

Пусть ребенок учится решать проблемы самостоятельно. – 赵东华 [12].

Пусть ребенок самостоятельно размышляет о своих делах, и не мешайте ему. (Чжао Дунхуа) (Перевод автора – Бай Юй)

Пусть ребенок действительно принимает решения. – 舒天丹 [12].

Дайте ребенку возможность, чтобы он действительно сам принимал решение. (Шу Тяньдань) (Перевод автора – Бай Юй)

### **4) Как правильно хвалить ребенка:**

Не надо хвалить ребенка пустыми словами, а надо хвалить искренними словами. (Чэнь Си) (Перевод автора – Бай Юй)

Вместо того чтобы хвалить ребенка пустыми словами, лучше хвалить его конкретными фактами. – 张石平 [12].

Водить детей на прогулку, на гору, в парк, в кинотеатр, это самые лучшие меры поощрения детей. (Чжан Шипин) (Перевод автора – Бай Юй)

Никогда не говори ребенку, что он хуже, чем другой ребенок. (Ян Чжэнь) (Перевод автора – Бай Юй)

Никогда не говори ребенку, что он хуже, чем другой ребенок. (Ян Чжэнь) (Перевод автора – Бай Юй)

В результате анализа русских и китайских афоризмов установлено, что в них отражаются возрастные стереотипные нормы коммуникативного поведения русских и китайских детей. Выявлено, что в русском и китайском обществе существуют определенные стереотипы относительно психофизических и поведенческих характеристик представителей различных возрастных категорий населения, в частности детей. Также стереотипные нормы русского и китайского коммуникативного поведения содержат определенные правила отношения взрослых к детям (воспитание, наставление) и детей ко взрослым (почитание, уважение).

## **Список литературы:**

1. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиадискурса: монография. – М.-Волгоград: Ин-т языкознания РАН: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
2. Желтухина М.Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Юрлингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. – Кемерово, 2011. – 600 с. – С. 350-368.
3. Желтухина М.Р. О креативности порождения и восприятия информации в политической медиакоммуникации // Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т». – Вып.2. / гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2012. – 236 с. – с. 94-98. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 20)
4. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4-20.

5. Желтухина М.Р., Бай Юй. Критерии дифференциации афоризмов, отражающих нормы коммуникативного поведения // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. – № 2. – С. 72-80.

6. Желтухина М.Р., Бай Юй. Комплексные афоризмы о нормах иноязычного коммуникативного поведения как средство формирования коммуникативной этики в межкультурном взаимодействии (на материале русского и китайского языков) // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2015. – № 1 (30). – С. 293-299.

7. Афоризмы о детстве, молодости, зрелости и старости. [Электронный ресурс] URL: <http://www.respectme.ru/aphorism/age?page=2> (дата обращения 12. 10. 2014). (АДМЗС)

8. Афоризмы про детей и взрослых. [Электронный ресурс] URL: <http://aforizmi-i-citati.ru/o-detyax/1975-aforizmy-pro-detej-i-vzroslyx.html> (дата обращения 22. 12. 2014).

9. 孔子及其弟子, 《论语》, 春秋 (Конфуций и его последователи, Луньюй, древнее литературное собр., период Чуньцю.)

10. 孟子, 《孟子》, 战国 (Мэн Цзы, Мэнцзы, древнее литературное собр., период Чжаньго.)

11. 庄子, 《庄子》, 战国 (Чжуан Цзы, Чжуан Цзы, древнее литературное собр., период Чжаньго.)

12. 杨茜彦, 《名言警句大全书(超值白金版)》, 北京, 中国华侨出版社, 2011. (Ян Сиянь, Полное собрание сочинений афоризмов (супер-издание), Пекин, Издательство китайских эмигрантов, 2011.)

## СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

*Бариева Л.И.,  
ИМОИВ КФУ*

Одним из основных признаков отличия одного языка от другого является особенность его фонетической системы и законов функционирования различных единиц языка.

Звуки речи, не обладая собственным значением, являются средством для различения слов. Изучение различительной способности звуков речи является особым аспектом фонетического исследования и носит название фонологии, т.е. фонология – это раздел лингвистики, изучающий структуру звукового строя языка и функционирование звуков в языковой системе.

Фонологический подход к звукам речи занимает ведущее положение в изучении языка.

Для обозначения звука, когда он рассматривается с фонологической стороны, пользуются термином фонема.

Фонема рассматривается лингвистами как минимальная единица звукового ряда, с помощью которой возможно измерить тот или иной язык.

Фонологические системы русского и китайского языков преимущественно реализуют прямо противоположные артикуляционно-акустические возможности речевого аппарата человека: консонантная доминанта в первом и вокальная доминанта во втором.

В настоящее время существуют некоторые противоречия относительно того, каков же фонетический состав китайского языка, сколько фонем существует в языке и как их классифицировать.

В процессе изучения китайского языка, как иностранного, одним из самых сложных аспектов является фонологическая система. Ее сравнительный анализ с русской фонологической системой дает более точное понимание.

Говоря об особенностях фонологической системы китайского языка, в первую очередь необходимо отметить, что китайский язык относится к изолирующему типу. Это свидетельствует о том, что в китайском языке лидирует тенденция низкого соотношения морфемы и слова. То есть, в данном случае морфологически значимым является слог: он соответствует либо целому слову, либо его значимой части. В китайском языке слог формируется либо из одной слогаобразующей фонемы, либо из нескольких фонем. Другими словами, в китайском языке понятия «слово», «морфема» и «слог» практически совпадают.

В китайском языке фонема как смысловозначительная единица легко выделяется из состава слога, но автономно функционирует в речи лишь при условии наличия определенного просодического оформления, то есть при наличии тона. Таким образом, фонемы китайского языка вне просодического оформления выступают как фигуры, а слоговые морфемы, обладающие просодией, выступают как знаки плана выражения [14, 113].

Как известно, содержание фонем данного языка определяется совокупностью дифференциальных и интегральных признаков, которые в различных языках не совпадают. По этой причине носители китайского языка не различают дифференциальную особенность звонкости русских согласных и соответственно не различают пары слов типа дом – том, зуб – суп, год – кот и так далее.

Для русских, наоборот, существует трудность в изучении тоновых оппозиций китайских гласных, так как в русском вокализме не реализуется противопоставление гласных по тону.

Особенности фонетической системы каждого данного языка определяются его фонологической системой. Фонемы не представляются вне фонетической системы данного языка, которая формируется в процессе его исторического развития. Своеобразие фонологической системы любого языка определяется количеством согласных и гласных в языке, разделением фонем по позициям, а также содержанием самих фонем.

Согласные и гласные китайского языка могут, как известно, быть относительно автономными. Это означает, что гласные могут реализовываться в речи без того или иного согласного, то есть самостоятельно образовывать сонему. К таким сонемам китайского языка относятся, например, — yí1 один, 雨 yu3 дождь.

Среди китайских гласных есть и такие, появление которых в речи фонетически обусловлено определенными согласными фонемами. Это означает, что некоторые гласные фонетически связаны с некоторыми согласными. К таким гласным относятся две тоновые серии особых гласных i и e, которые фонетически связаны с апикально-переднетвердонебными согласными z, s. Например: 儿子 er2zi сын.

Выборочная сочетаемость гласных и согласных определяется в виде правила в фонетической системе языка. Так, например, гласные тоновой серии i не сочетаются не только с перечисленными выше согласными, но также не сочетаются с заднеязычными согласными. Данное явление объясняется ослаблением артикуляции этих согласных по месту образования преграды.

Кроме того, действует правило выборочной сочетаемости гласной фонемы [u], которые сочетаются только с серией палатальных согласных, например, 驴 lu2 осел, 女 nu3 женщина и так далее.

Максимальными сочетаемыми возможностями с согласными среди узких гласных характеризуются лабиализованные гласные заднего ядра тоновой серии u. Правило выборочной сочетаемости для гласных этой серии накладывает полный запрет только на сочетаемость с согласными палатальной серии, так как со среднеязычно-твердонебными согласными сочетаются узкие лабиализованные переднеязычные тоновой серии [u].

Также несочетаемыми являются фонемы тоновой серии [a] с согласной [r], а гласная первого тона [a] встречается только в сонеме [rai].

Как и в любом другом языке, фонологическая система русского языка представляет собой организованный строй минимальных звуковых единиц, предназначенных для выработки сигналообразующего фундамента, с помощью которого произвольно и постоянно совершается подбор исходных звуковых единиц, для формирования и преобразования звуковых оболочек слов в составе всевозможных словоформ.

В русском языке звуковая сфера охватывает, как и автономные звуковые единицы, так и многочисленные сочетания звуков, в которых отображены названия суждений и воззрений о предметах/явлениях, изображающих окружающий нас мир.

Охарактеризовать фонологическую систему русского языка можно при условии установления состава фонем, и, как следствие, определения возможности сочетаемости фонем и их аллофонов (синтагматические отношения), и оппозицию фонем и их аллофонов (парадигматические отношения).

В русском языке пять гласных фонем: и, э, а, о, у. В определенном положении гласные фонемы изменяются в своем качестве, образуя закономерные ряды своих модификаций. Модификации гласных фонем зависят от двух условий:

1. от соседства с различными по своему качеству согласными;
2. от положения по отношению к ударению. Изменение качества гласных фонем в ударяемом слоге зависит от первого из указанных условий, а изменения их в безударных слогах - от обоих условий.

В слоге под ударением гласные фонемы видоизменяются в зависимости от сопредельности с твердыми или мягкими согласными, то есть они не сохраняют свою характерную идентичность в любом ударяемом положении. Необходимо учитывать тот факт, что, несмотря на изменение центрального свойства гласных фонем, в любой позиции под ударением они будут различаться между собой, поэтому такое видоизменение практически незначительно для системы гласных фонем как инструментов для распознавания значений языка. Иначе говоря, в ударяемом слоге гласные фонемы в зависимости от позиции (от соседства с мягкими или твердыми согласными) реализуются в вариациях.

При определении количества гласных фонем русского и китайского языков выясняется, что китайский язык является более вокальным, чем русский, так как по количественному соотношению в китайском языке присутствует большее количество гласных. В китайском языке из 5-10 (разные лингвисты выделяют то или иное количество фонем), а в русском языке – 5. Но здесь следует обратить внимание на то, что в русском языке гласные фонемы выступают в своих вариациях.

Отличительной особенностью гласных фонем китайского языка является образование сложных по составу фонем: дифтонгов и трифтонгов, что не применимо для русского языка.

Прежде всего, следует обратить внимание на способ образования гласных фонем в обоих языках. Необходимо помнить, что гласные классифицируются по участию губ в их образовании.

В китайском языке к огубленным гласным фонемам относятся [u], [o], [a]. В русском языке – это [y] и [o]. Следовательно, в образовании гласных фонем большую роль играют губы. К неогубленным гласным в китайском языке относятся фонемы [i], [e]; в русском языке – [и], [э], [а].

Кроме того, гласные фонемы различаются по степени подъема языка. К гласным верхнего подъема относятся: китайский язык – [i], [u]; русский язык – [и], [у]. Гласные фонемы среднего подъема: соответственно – [e], [o]; [э], [о]. И гласные нижнего подъема: [a]; [а].

Гласные фонемы также различаются по степени продвинуто-сти его назад. Здесь выделяют следующие фонемы [15, 119]:

- 1) Фонемы переднего ряда: русский язык – [и], [э]; китайский язык – [i], [e], [a];
- 2) Фонемы среднего ряда: русский язык – [а]; китайский язык – [a];
- 3) Фонемы заднего ряда: русский язык – [у], [о]; китайский язык – [u], [o].

Выше перечисленные характеристики можно представить в таблице:

Участие губ	Неогубленные (р.я./к.я.)	Огубленные (р.я./к.я.)	Носо- вые
Подъ- ем/ряд	передний	средний	за- дний
верх- ний	и/i		у/ u
сред- ний	э/e		о/ o
ниж- ний	/a	a/	

Из таблицы видно, что в четырех пунктах гласные фонемы русского и китайского языка совпадают. Следовательно, фонемы [и] – [i], [у] – [u], [э] – [e], [о] – [o] идентичны по своему образованию. Например: Гласный [u] произносится в китайском языке с отодвинутым назад языком. Задняя часть спинки языка несколько приподнята к мягкому нёбу, а кончик языка лежит у нижних зубов. По сравнению с русским [у] при произнесении китайского [u] язык менее отодвинут назад, а губы не так сильно выдвинуты вперед. Китайский гласный [i] соответствует ударному русскому [и] в таких словах, как сила, липа.

В русском языке гласный [э] является гласным переднего ряда среднего подъема. В сравнении с ним китайский гласный [e] является более закрытым, то есть по уровню подъема языка стоит чуть выше русского гласного [4, 16].

При произнесении китайского гласного [o] язык расположен несколько ниже обычного русского [о] значительно меньше и огубленность данной фонемы.

Различия наблюдаются в фонемах [а] – [a]: в русском языке данная фонема образуется с подъемом средней части языка, а в китайском языке – поднимается передняя часть. Несовпадение состоит в некоторой продвинуто-сти всего тела языка вперед и небольшого его смещения вверх

Следующей характеристикой гласных фонем русского языка является их положение по отношению к ударению. Но данный факт не применим к китайскому языку, так как здесь, по сути, отсутствует ударение, но в данном случае следует отметить преобразование китайских гласных фонем по отношению к тону.

При обучении фонетики китайского языка как иностранного возникает проблема в усвоении тонов. Определение тона как различительного признака гласных, даваемое на основе дифференцированной работы голосовых связок в артикуляциях китайских гласных, обнаруживает очевидное различие гласных русского и китайского языков и таким образом намечает пути для артикуляционной и инструментальной фонетики в разработке более конкретных приемов и методов овладения произношением и аудированием связочно (тонально)-дифференцированных гласных китайского языка. В частности, для артикуляционной методики важно указать на то, что гласная фонема китайского языка артикуляторно определяется не только рядом и подъемом языка при том или ином растворе челюстного угла, но и дифференцированной работой голосовых связок, обуславливающей коартикуляционную работу всех произносительных органов. Это положение согласуется с данными современной экспериментальной фонетики. Для науки последних лет характерно стремление найти строгую зависи-

мость между артикуляцией и акустическими характеристиками звуков, так как между артикуляцией и акустическим эффектом имеется причинная связь [1, 86].

Например, гласные, входящие в корреляцию третьего тона, как артикулируемые при самой большой звукопроизводящей массе голосовых связок являются самыми долгими, по качеству тембра самыми открытыми, то есть произносимыми при большем растворе и меньшей степени подъема языка по сравнению с другими оппозициями одноименной тоновой серии, например, серии [a], а также наименее интенсивными, то есть аудитивно наименее звучными или громкими. На гласных, входящих в корреляцию третьего тона, или просто гласных третьего тона, ясно видна потребность в определении соотношения терминов акустического (слухового) и физиологического (артикуляторного) оснований. Так, по мускульному ощущению артикуляции гласные третьего тона в русских описаниях обычно оцениваются как наиболее напряженные и произносимые с нажимом в голосе, а по интенсивности, измеряемой инструментально и отражающей амплитуду колебаний голосовых связок, гласные третьего тона оказываются наименее интенсивными. Эти на первый взгляд взаимоисключающие данные рационально объясняются с психолингвистической и физической точек зрения.

Итак, фонема – минимальная единица звуковой системы языка, предназначена для образования и различения сонем и нонем. Фонема обладает системообразующей функцией, что ярче всего показывается в одноморфемных словах. Кроме того, фонема реализует сонеморазличительную функцию. Фонемный состав отдельных языков различен, что подтверждает наличие в разных языках своих акустико-артикуляционных особенностей.

Изучением фонемного состава языков в свое время занималась Ленинградская фонологическая школа, которая определяла фонему, как все звуки языка, объединяющиеся в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы. Московская фонологическая школа выяснила, что фонемой является функциональная единица, главное назначение которой – отождествлять морфемы и слова. Третьей теоретической базой для курсовой работы послужили выводы Трубецкого Н.С., который был представителем функциональной фонологии. Фонема – это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию.

Фонема обладает определенными функциями: различительной и отождествляющей функцией. Это свидетельствует о том, что в процессе функционирования языка (в потоке речи) фонема подвергается различным преобразованиям, обусловленным позиционными условиями как контекстного, так и структурного свойства.

Фонемы различных языков можно разделить на гласные и согласные фонемы. Такие фонемы в свою очередь делятся на фонемы, обладающими какими-либо особенностями.

Следовательно, гласные фонемы китайского языка делятся на узкие, широкие, на фонемы низкого, среднего, высокого и смешанного ряда, а также носовые гласные.

Система согласных фонем китайского языка включает в себя семь основных групп: губно-губные, губно-зубные, апикально-зубные, апикально-десенные, апикально-переднетвердонебные, средняяязычно-твердонебные, задняяязычно-мягконебные. Также лингвисты делят согласные фонемы по способу образования преграды: смычные, фрикативные, аффрикаты, носовые и латеральные.

Сочетаемость фонем китайского языка происходит по определенным правилам, которые отражаются в фонетическом законе. Существуют согласные и гласные фонемы, которые не могут сочетаться друг с другом, так как при взаимодействии друг с другом они теряют свои акустико-артикуляционные особенности и переходят в разряд других фонем. И, наоборот, фонемы, сочетаясь друг с другом, образуют новые морфемы и обладают всеми выше перечисленными функциями.

Русский язык отличается более скудным вокализмом по сравнению с китайским. Это определяется, прежде всего, наличием большего числа фонем в китайском языке и их вариациями в зависимости от тональности. Гласные фонемы русского языка также выступают в своих вариантах, но в зависимости от их сочетаемости с другими фонемами и позиции ударения в словах.

Согласные фонемы русского и китайского языков имеют свои сходства и различия. Основными сходствами согласных фонем двух представленных языков являются присутствие однотипных фонем по месту образования, то есть губно-губных, губно-зубных, задняяязычных, передняяязычных. Данные согласные образуются по общему принципу. Также в русском и китайском языке присутствуют такие согласные, как носовые и боковые.

Отличительной особенностью фонем китайского языка является наличие придыхательных и непридыхательных фонем. В русском языке им в некоторой степени могут соответствовать звонкие и глухие согласные. Также фонемам русского языка присуща твердость и мягкость, что в меньшей степени проявляется в китайском языке.

#### **Список литературы:**

1. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка / А.Н. Алексахин. – М.: Восток-Запад, 2006. – 204 с.

2. Бондаренко Л.В. Звуковой строй современного русского языка / Л.В. Бондаренко. – М.: Просвещение, 1977. – 150 с.
3. Дэн Цзе. Позиционные закономерности русской фонетической системы «в зеркале» китайского языка: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Дэн Цзе; Моск. гос. ун-т. – М., 2012. – 24 с.
4. Задоев Т.П. Основы китайского языка / Т.П. Задоев, Хуан Шунин. – 2-е изд. – М.: Наука, 1993. – 720 с.
5. Касаткин А.А. Современный русский язык. Фонетика / А.А. Касаткин. – М.: Академия, 2006. – 250 с.
6. Касевич В.Б. Морфонология / В.Б. Касевич. – Л.: ЛГУ, 1986. – 390 с.
7. Кубрякова Е.С. Морфонология в описании языков / Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
8. Ли Шуцзинь. Сопоставление артикуляционных баз русского и китайского языков: консонантизм / Ли Шуцзинь // Вісник ХНУ. -2011. - №19. - С. 64 – 72.
9. Панов М.В. Русская фонетика / М.В. Панов. – М.: Просвещение, 1967. – 341 с.
10. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика / М.В. Панов. – М.: Высшая школа, 1979. – 256 с.
11. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1970. – 525 с.
12. Румянцев М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка / М.К. Румянцев. – М.: Восток-Запад, 2007. – 302 с.
13. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков / В.М. Солнцев. – М.: Восточная литература, 1995. – 354 с.
14. Софронов М.В. Введение в китайский язык / М.В. Софронов. – М.: ИД Муравей, 1996. – 256 с.
15. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык. Фонетика и разговорный язык / Н.А. Спешнев. – СПб: КАРО, 2003. – 341с.
16. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка / Н.А. Спешнев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980. – 142 с.
17. Котов А.В. Новый китайско-русский словарь / А.В. Котов. – М.: Русский язык-Медиа, 2007. – 605 с.

### **ЧЭНЬ ШОУ. ИСТОРИЯ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ** **Биография Лю Бэй («Сань го чжи», гл. 32)**

*Белова С.В.,  
СПбГУ*

Лю Бэй известен любому синологу и многим любителям истории и литературы Китая. Однако к настоящему времени ситуация сложилась так, что более яркие персонажи романа заслонили собой исторических личностей. Хотя бы отчасти заполнить этот пробел призвана данная публикация. В публикации представлен перевод первой половины 32 главы «Сань го чжи». Перевод выполнен по электронному тексту, без внутритекстовых комментариев Пэй Сун-чжи и прочих классических добавлений.

#### **Перевод**

Основатель царства Шу происходил из рода Лю<sup>1</sup>, личное имя при жизни Бэй<sup>2</sup>, второе имя Сюаньдэ<sup>3</sup>. Лю Бэй был родом из уезда Чжосянь<sup>4</sup>, округа Чжо. Лю Бэй являлся потомком Лю Шена<sup>5</sup>, правителя округа Чжуншань<sup>6</sup>, который был сыном императора Восточной Хань, Цзин-ди<sup>7</sup>. В 117 году до нашей эры Лю Шену был пожалован округ Чжосянь и дарован титул тинхоу<sup>8</sup>. Из-за отсутствия денег в семье он прекратил отправлять дань императору и был лишен титула. Деда Лю Бэй звали Лю

<sup>1</sup> Лю (刘 liú).

<sup>2</sup> Бэй (备 bèi).

<sup>3</sup> Сюаньдэ (玄德 xuándé).

<sup>4</sup> Чжосянь (涿县 zhuōxiàn) – префектура в провинции Ючжоу (幽州 yōu zhōu) на севере Китая (в период Троецарствия), уезд в нынешней провинции Хэбэй.

<sup>5</sup> Лю Шен (刘胜 liú shèng) ?-112гг. до н. э. – правитель округа Чжуншань, предок Лю Бэй.

<sup>6</sup> Чжуншань (中山 zhōngshān) – город, расположенный северо-западнее нынешнего уездного центра Цзиньян провинции Шэньси.

<sup>7</sup> Цзин-ди (汉景帝 hàn jǐng dì) 156-141гг. до н. э. – шестой император династии Хань.

<sup>8</sup> тинхоу (亭侯 tíng hóu) – титул знатности при династии Хань, на ступень ниже 乡侯.

Сюн<sup>1</sup>, отца звали Лю Хун<sup>2</sup>, оба служили в уезде Чжосянь. Лю Сюн получил степень чиновника на экзаме-не в провинции<sup>3</sup> и должность в Дунцзюнь<sup>4</sup>.

В детстве Лю Бэй осиротел; чтобы заработать на жизнь, занимался вязкой сандалий и плетени-ем циновок, как и его мать. Рядом с его домом на юго-восточной стороне росло тутовое дерево более пяти чжанов<sup>5</sup> в высоту. Его было видно издалека, очертания его напоминали крытую колесницу. Каж-дый, кто проходил мимо, удивлялся, какое необычное дерево растет в этом месте. Люди говорили, что из этой семьи выйдет знаменитый человек.

Когда Лю Бэй был еще совсем молод, он играл с детьми под этим деревом. Лю Бэй сказал: «В будущем я непременно стану императором и буду ездить на королевской колеснице», на что его дядя, Цзы Цзин сказал: «Тебе лучше избегать подобных необдуманных речей, это может принести непри-ятности нашему дому».

В возрасте пятнадцати лет, мать Лю Бэя отправила его учиться вместе с другими членами се-мьи, Лю Дэжанем<sup>6</sup> и Гунсунь Цзанем<sup>7</sup> с Запада Ляо<sup>8</sup> под началом правителя области<sup>9</sup> Цзюцзян<sup>10</sup>, Лу Чжи<sup>11</sup>. Отец Лю Дэжана, Лю Юаньци<sup>12</sup> часто помогал Лю Бэю и Лю Дэжаню материально. Жена Лю Юаньци спросила мужа: «Мы две разные семьи, как можно постоянно давать ему деньги!» На что Лю Юаньци ответил: «Этот мальчик член нашего рода, более того, исключительный ребенок!» Гунсунь Цзань и Лю Бэй были хорошими друзьями. Гунсунь Цзань был старше по возрасту и Лю Бэй относил-ся к нему как к старшему брату. Лю Бэю не очень нравилось учиться, он любил собак и лошадей, му-зыку и красивую одежду. Рост его был семь чи<sup>13</sup> и пять цуней<sup>14</sup>, заметной особенностью его были длинные руки и мочки ушей. Он был малоразговорчивым, с добротой относился к подданным и слу-гам, эмоции свои часто скрывал под спокойным выражением лица, Лю Бэй имел хорошие отношения со знаменитыми и храбрыми людьми, и многие из них хотели присоединиться к нему. В Чжуншане богатые купцы Чжан Шипин и Су Шуан, которые накопили тысячи золотых, пошли продавать лошадей в префектуре Чжо. Там они увидели Лю Бэя и были поражены тем, насколько он был необыкновен-ным, и дали ему часть своего золота. При помощи этого золота, Лю Бэй начал привлекать к себе лю-дей.

К концу правления императора Лин-ди<sup>15</sup>, в 188 году нашей эры поднялось восстание желтых повязок<sup>16</sup>, в каждой области набирали войска добровольцев для защиты населения. Лю Бэй возгла-вил своих последователей вместе с капитаном Цзоу Цзином<sup>17</sup>, напали на войска желтых повязок и разбили их. Помощник областного начальника<sup>18</sup> приехал в уезд для исполнения своих обязанностей. Лю Бэй попросил его аудиенции, но помощник областного начальника отказал ему. Лю Бэй был очень зол, его люди схватили помощника областного начальника, связали его и били 200 раз палками, по-сле чего Лю Бэй повесил вокруг его шеи свою официальную печать и пояс и отправил его в столицу. Сам же ушел в отставку. Через некоторое время, главнокомандующий<sup>19</sup> Хэ Цзинь<sup>20</sup> послал офицера У Цю набирать солдат. Лю Бэй вместе с У Цю отправились в Сяпи<sup>21</sup> и победили мятежников в городе. После чего Лю Бэй был назначен губернатором Сяпи.

<sup>1</sup> Лю Сюн (刘雄 liú xióng)

<sup>2</sup> Лю Хун (刘弘 liú hóng)

<sup>3</sup> Сяолянь (孝廉 xiàolián) – преданный родителям и честный (звание, связанное со специальными привилегиями и правами на чиновничьи должности во времена Династии Хань).

<sup>4</sup> Дунцзюнь (东郡 Dōng jùn) – область, занимавшая частично территорию нынешних провинций Хэбэй и Шаньдун.

<sup>5</sup> Чжан (丈 zhàng) – китайская сажень, равная 3, 33 метра.

<sup>6</sup> Лю Дэжань (刘德然 liú dérán) – сын Лю Юаньци, в детстве учился вместе с Лю Бэем.

<sup>7</sup> Гунсунь Цзань (公孙瓒 gōngsūn zàn) ?-199гг. – военачальник поздней династии Хань, учился вместе с Лю Бэем.

<sup>8</sup> Ляоси (辽西 liáoxī) - территория к западу от реки Ляохэ в западной части провинции Ляонин.

<sup>9</sup> Правитель области (太守 tàishǒu)

<sup>10</sup> Цзюцзян (九江 jiǔjiāng) – город и уезд в провинции Цзянси.

<sup>11</sup> Лу Чжи (卢植 lúzhí) ?-192гг. – учитель и друг Лю Бэя.

<sup>12</sup> Лю Юаньци (刘元起 liú yuánqǐ) – дядя Лю Бэя, отправил его учиться вместе со своим сыном.

<sup>13</sup> Чи (尺 chǐ)– мера длин, в период Троецарствия равнялась примерно 24 см.

<sup>14</sup> Цунь (寸 cùn)– мера длины, около 3,33 см.

<sup>15</sup> Император Лин-ди (汉灵帝 Hànlíng dì) 156-189гг. - В его правление династия Ханьослабла. После его смерти империя распалась на части и военачальники сражались друг с другом за власть, пока сын Лин-ди Сянь-ди не отрёкся в пользу Цао Пи, что стало началом Троецарствия.

<sup>16</sup> Восстание Желтых повязок было инициировано сектой Тайпиндао, которая предсказывала появление миссии-избавителя, в короткий срок охватило значительную часть империи.

<sup>17</sup> Цзоу Цзин (邹靖 zōujìng) ?-255гг. – был капитаном под командованием Лю Яня, в период восстания советовал Лю Яню использовать добровольные вооруженные силы для защиты людей.

<sup>25</sup> Лю Янь (刘焉 Liú Yān) ?-194гг. – член королевской семьи и полководец династии Хань.

<sup>18</sup> Помощник областного начальника (督邮 dūyōu)

<sup>19</sup> Главнокомандующий (大將軍 dàjiàngjūn)

<sup>20</sup> Хэ Цзинь (何进 Hé jìn) 135-189гг. – главный администратор судов при династии Хань, брат императрицы Хэ, жены Лин-ди. Был убит евнухами.

<sup>21</sup> Сяпи или Сяпэй (下邳 xià pēi) – город в восточной части нынешнего уезда Писяньпровинции Цзянсу.

Гунсунь Цзань отправил Лю Бэя и губернатора Цинчжоу<sup>1</sup>, Тянь Кая<sup>2</sup> отразить атаки Юань Шао<sup>3</sup>, правителя Цзичжоу<sup>4</sup>. Лю Бэй защитил уезд Пинъюань<sup>5</sup> и был назначен губернатором. В Пинъюань был один человек, Лю Пин<sup>6</sup>, который презирал Лю Бэя и послал к нему убийц. Убийцы отказались убивать Лю Бэя, потому что в Пинъюань Лю Бэй был всеми любим и пользовался большим авторитетом.

Юань Шао напал на Гунсунь Цзаня, Лю Бэй и Тянь Кай разместили свои войска на востоке. Лорд Цао Цао<sup>7</sup> атаковал Сюйчжоу<sup>8</sup>, и управляющий Тао Цянь<sup>9</sup> отправил гонца Тянь Каю с просьбой о помощи. Тянь Кай и Лю Бэй отправились в Сюйчжоу спасти Тао Цяня. В то время у Лю Бэя было около тысячи солдат, а также конница из племени Ючжоу<sup>10</sup>. К нему также присоединились несколько тысяч голодных простолудинов. Тао Цянь дал Лю Бэю войско из четырех тысяч человек. Лю Бэй тотчас же оставил службу у Тянь Кая и отправился на помощь Тао Цяню. Тао Цянь порекомендовал Лю Бэю должность ревизора<sup>11</sup> города Сяопэй<sup>12</sup> в округе Юйчжоу<sup>13</sup>. Позже Тао Цянь сильно заболел и перед смертью сказал своему помощнику Ми Чжу<sup>14</sup>: «Ответственность за спокойствие и безопасность Юйчжоу всецело ложится на Лю Бэя». Жители Юйчжоу приветствовали нового правителя Лю Бэя, однако Лю Бэй отказался принять предложение покойного Тао Цяня. Чэнь Дэн<sup>15</sup> из Сяпи сказал Лю Бэю: «Ханьский царствующий дом ныне пришел в упадок, настало время свершать великие дела. Сюйчжоу процветающий богатый округ со стомиллионным населением. Пожалуйста, рассмотрите это предложение». Лю Бэй ответил: «Господин Юань Шу<sup>16</sup> находится рядом с Шоучунь<sup>17</sup>, Люди из четырех поколений его семьи заняли пять высоких позиций в государстве и славятся во всей земле. Мы должны позволить господину Юаню занять это место». Чэнь Дэн ответил Лю Бэю: «Он не самый лучший правитель. Теперь, если Вы пожелаете, у Вас будет десять тысяч воинов, среди них пехота и кавалерия. Встав во главе, Вы сможете помочь людям, спасти свой народ и установить свои законы в случае успеха, или, по крайней мере, иметь свою территорию и защищать ее. Вот мой совет для Вас». Кун Жун<sup>18</sup>, губернатор округа Бэйхай<sup>19</sup>, сказал Лю Бэю: «Неужели Юань Гунлу<sup>20</sup> действительно заботится о стране? Он сейчас словно истлевшие кости в могиле<sup>21</sup>, нет необходимости обращать на него внимание. На сегодняшний день, множество людей хочет, чтобы Вы заняли эту позицию, если Вы не согласитесь, то позже пожалеете об этом». После чего Лю Бэй принял новую позицию в Сюйчжоу.

Позже Юань Шу снова атаковал земли Лю Бэя. Лю Бэй отбил атаку в Сюйи<sup>22</sup>. В 196 году господин Цао Цао предложил Лю Бэю должность генерала<sup>23</sup> в области Ичэн<sup>24</sup> и титул знатности Тинхоу<sup>25</sup>. Лю Бэй сражался с Юань Шу в течение месяца. Люй Бу<sup>26</sup> воспользовался возможностью и захватил Сяпи. Цао Бао<sup>27</sup>, охранявший крепость Сяпи, сдался и присоединился к Люй Бу. Люй Бу захватил в плен жену Лю Бэя. После чего Лю Бэй вместе со своими войсками отступил в Хайси. Лю Бэй оставил

<sup>1</sup> Цинчжоу (青州 qīng zhōu) – округ, расположенный на территории нынешней провинции Шаньдун.

<sup>2</sup> Тянь Кай (田楷 tiánkǎi) ?-199гг. – губернатор Цинчжоу и полководец под командованием Гунсунь Цзаня.

<sup>3</sup> Юань Шао (袁紹 Yuan Shao) 142-202гг. – полководец эпохи Троецарствия, член знатного рода Юаней. Старший брат Юань Шу. Возглавлял восстание против Дун Чжо, захватившего императора Сянь-ди и фактически управлявшего страной.

<sup>4</sup> Цзичжоу (冀州 jìzhōu) – округ, занимавший территорию нынешних провинций Хубэй и Шаньси. В него входили земли, расположенные севернее реки Хуанхэ и западнее реки Ляохэ.

<sup>5</sup> Пинъюань (平原 píngyuán) – уездный центр в нынешней провинции Шаньдун.

<sup>6</sup> Лю Пин (刘平 liú píng) – известен только тем, что пытался убить Лю Бэя.

<sup>7</sup> Цао Цао (曹操 Cáo Cāo) 155—220гг. – первый министр династии Хань, автор сочинений по военному делу и поэт, отец основателя царства Вэй.

<sup>8</sup> Сюйчжоу (徐州 xúzhōu) – округ, занимавший частично территорию провинций Цзянсу, Шаньдун и Аньхой.

<sup>9</sup> Тао Цянь (陶謙 táoqiān) 132-194гг. – полководец и управляющий Сюйчжоу, сражался с Цао Цао, умер от болезни.

<sup>10</sup> Ючжоу (幽州 Yōuzhōu) – округ, занимавший территорию нынешних провинций Шэньси и Ганьсу.

<sup>11</sup> Ревизор (刺史 cìshǐ).

<sup>12</sup> Сяопэй (小沛 xiǎopèi) – нынешний уездный центр Пэйсянь в провинции Цзянсу.

<sup>13</sup> Юйчжоу (豫州 Yuzhōu) – округ на территории нынешней провинции Хэнань.

<sup>14</sup> Ми Чжу (糜竺 mízhū) ?-221гг. – служил в царстве Шу, брат Ми Фана, умер вскоре после предательства Ми Фана.

<sup>15</sup> Чэнь Дэн (陈登 Chen Deng) – офицер периода Троецарствия, шпионил за Люй Бу для Цао Цао. Присоединился к Лю Бэю, позже сдался Цао Цао.

<sup>16</sup> Юань Шу (袁公 Yuanshu) ?-199гг. – родственник Юань Шао. Объявил себя императором, но вскоре после этого умер.

<sup>17</sup> Шоучунь (寿春 shòuchūn) – город в уезде Шоусянь в провинции Аньхой.

<sup>18</sup> Кун Жун (孔融 Kōng Róng) 153-208гг. – знаменитый ученый и поэт периода Троецарствия.

<sup>19</sup> Бэйхай (北海 běihǎi) – городской округ в Гуанси-Чжуанском автономном районе.

<sup>20</sup> Юань Гунлу (袁公路 Yuan Gonglu) – второй вариант имени Юань Шу.

<sup>21</sup> Так обычно говорят о никчемном, ни на что не годном человеке.

<sup>22</sup> Сюйи (盱眙 xūyí) – древний город, находившийся северо-восточнее нынешнего уездного центра Сюйи в провинции Аньхой.

<sup>23</sup> Генерал (将军 jiāngjūn)

<sup>24</sup> Ичэн (宣城 Yícheng) – древний город на территории современной провинции Хубэй.

<sup>25</sup> Тинхоу 亭侯 (tíng hóu)

<sup>26</sup> Люй Бу (吕布 lǚ bù) ?-198гг. – считался величайшим воином эпохи Троецарствия. Был на службе у Дун Чжо. Был казнен Цао Цао.

<sup>27</sup> Цао Бао (曹豹 cáobào) ?-196гг. – был избит у бит Чжан Фэем. Спровоцировал Люй Бу атаковать Сюйчжоу.



Чжан Фэй<sup>1</sup> защищать Сяпи, в то время как сам боролся с Юань Шу. Чжан Фэй хотел убить офицера Тао Цаня, Цао Бао. Однако Цао Бао послал к Люй Бу за помощью. Люй Бй атаковал Сяпи и Чжан Фэй отступил. Когда Лю Бэй узнал об этом, он направил свои войска атаковать Сяпи, но не смог разбить войска Люй Бу. Лю Бэй собрал все свои войска и снова атаковал Юань Шу, но потерпел поражение.

Ян Фэн<sup>2</sup> и Хань Сянь<sup>3</sup> занимались разбоем в Сюйчжоу и Янчжоу<sup>4</sup>, Лю Бэй атаковал их и казнил. Лю Бэй добился перемирия с Люй Бу, после чего Люй Бу вернул его жену. С того момента Лю Бэй поручил Гуань Юю<sup>5</sup> защищать Сяпи.

Весной 198 года Лю Бэй вернулся в Сяпи. Лю Бэй собрал войско из десяти тысяч человек. Люй бу снова освирепел и напал на Лю Бэя. Лю Бэй был побежден и отправился к Цао Цао. Лорд Цао Цао узаконил статус Лю Бэя в качестве правителя области Юйчжоу. Лю Бэй призвал свои войска, разделившиеся в результате битвы, дал им провиант и приказал атаковать с востока. Люй Бу послал Гао Шуня<sup>6</sup> штурмовать Сяпи, в свою очередь Цао Цао отправил Сяхоу Дуня<sup>7</sup> защищать Сяпи. Сяхоу Дунь не смог отстоять Сяпи и был побежден Гао Шунем. Гао Шунь снова захватил жену Лю Бэя и отправил их к Люй Бу, после чего Цао Цао лично возглавил поход на восток. Цао Цао вместе с Лю Бэем окружили Люй Бу в Сяпи. Союзники схватили Люй Бу, Лю Бэй смог вернуть свою жену. Цао Цао пожаловал Лю Бэю титул Генерала Левого руки<sup>8</sup>. Цао Цао уважал Лю Бэя, они гуляли и отдыхали вместе.

Юань Шу, проезжая к северу от Сюйчжоу, захотел увидиться с Юань Шао. Цао Цао приказал Лю Бэю проконтролировать Юань Шу. Но еще до прибытия Лю Бэя, Юань Шу скончался от болезни.

Дядя императора Сянь-ди<sup>9</sup>, генерал Дун Чэн<sup>10</sup> получил тайный указ убить Лорда Цао Цао. Тем временем Лю Бэй еще оставался с Цао Цао, во время совместной трапезы господин Цао Цао сказал: «В наше время настоящие герои это мы с Вами. Остальные, вроде Юань Шао весьма незначительны». Лю Бэй был настолько удивлен этой фразой, что положил палочки для еды на стол. Дун Чэн, генерал У Цзилань<sup>11</sup>, Ван Цифу<sup>12</sup> и еще несколько офицеров, кто готовил убийство Цао Цао, были схвачены прежде чем ими были приняты какие-то действия и казнены вместе со своими семьями.

Лю Бэй отвоевал Сяпи, убил ревизора из Сюйчжоу, оставил Гуань Юя защищать Сяпи, сам же вернулся в Сяопэй. В городе Дунхай<sup>13</sup> народ взбунтовался против правления Цао Цао, восставшие были поддержаны Лю Бэем. Лю Бэй послал Сунь Цяня<sup>14</sup> заключить мир с Юань Шао. Цао Цао в свою очередь отправил офицеров Лю Дая<sup>15</sup> и Ван Чжуна<sup>16</sup> атаковать Лю Бэя, однако они потерпели поражение. В 200 году Цао Цао лично возглавил поход против Лю Бэя, в котором государь Шу потерпел полное поражение. Цао Цао завоевал Сюйчжоу, захватил жен Лю Бэя, а также Гуань Юя и увез их к себе.

Лю Бэй отправился в Цинчжоу<sup>17</sup>. Ревизор Цинчжоу, Юань Тань<sup>18</sup> собрал войска, чтобы встретить Лю Бэя. Лю Бэй следовал за Юань Танем до Пиньюаня<sup>19</sup>. Юань Тань послал гонца своему отцу, чтобы сообщить ему о прибытии Лю Бэя. Юань Шао собрал своих генералов и войска, чтобы офици-

<sup>1</sup> Чжан Фэй (张飞 Zhang Fei) 167-221 гг. – названный брат Лю Бэя и Гуань Юя, один из пяти Тигров царства Шу.

<sup>2</sup> Ян Фэн (杨奉 yángfèng) 153-197гг. – был подданным Юань Шу и Люй Бу. Убит людьми Лю Бэя.

<sup>3</sup> Хань Сянь (韩暹 hánxiān) 159-197гг. - был подданным Юань Шу и Люй Бу. Убит людьми Лю Бэя.

<sup>4</sup> Янчжоу (扬州 yángzhōu) – округ, занимавший территорию нынешних провинций Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Чжэцзян и Фуцзянь. Во времена Троецарствия административным центром округа был город Хэфэй, расположенный на территории провинции Аньхой.

<sup>5</sup> Гуань Юй (关羽 guānyǔ) 160-219гг. – названный брат Лю Бэя и Чжан Фэя, один из пяти Тигров царства Шу. Считается одним из величайших воинов Китая.

<sup>6</sup> Гао Шунь (高顺 gāoshùn) ?-198гг. – Генерал Люй Бу и известный полководец в период поздней династии Хань. Пойман и казнен Цао Цао.

<sup>7</sup> Сяхоу Дунь (夏侯惇 Xiàhòu Dùn) ?-220гг. – один из прославленных офицеров Цао Цао, талантливый воин. В одной из битв потерял глаз и носил повязку.

<sup>8</sup> Генерал Левого Руки (左将军 zuǒjiāngjūn)

<sup>9</sup> Сянь-ди (獻帝 xiàndì) период правления 190-219гг. Последний император династии Хань. Цао Цао уговорил императора Сянь-ди перебраться из разрушенной столицы Лояна в свокостолицу Сюй в Инчуани. После этого Цао Цао фактически стал правителем Китая. Послесмерти Цао Цао его сын Цао Пэй вынудил императора Сянь-ди отречься от престола и основал царство Вэй.

<sup>10</sup> Дун Чэн (董承 dǒngchéng) – племянник императрицы Дун, которая была матерью императора Лин-ди. Дун Чэн был тестем императора Сянь-ди, но предпочитал называть себя его дядей, нежели тестем.

<sup>11</sup> У Цзилань (吴子兰 Wú zǐ lán) ?-200гг. – был участником заговора против Цао Цао. Имя Цзилань было псевдонимом, настоящее имя У Ши (吴硕 Wú shì).

<sup>12</sup> Ван Цифу (王子服 wángzǐfú) ?-200гг. – известен участием в заговоре против Цао Цао в 200 году.

<sup>13</sup> Дунхай (东海 dōnghǎi) – город на территории современной провинции Гуандун.

<sup>14</sup> Сунь Цянь (孙乾 sūnqián) – офицер царства Шу, верно служивший Лю Бэю.

<sup>15</sup> Лю Дай (刘岱 liúdài) – офицер царства Вэй.

<sup>16</sup> Ван Чжун (王忠 wángzhōng) – офицер царства Вэй.

<sup>17</sup> Цинчжоу (青州 qīng zhōu) – округ, расположенный на территории нынешней провинции Шаньдун.

<sup>18</sup> Юань Тань (袁谭 yuántán) ?-205гг. – офицер армии Юань Шао, сын Юань Шао. После смерти отца воевал со своим братом Юань Шаном за наследство.

<sup>19</sup> Пиньюань (平原 píngyuán) – уездный центр в нынешней провинции Шаньдун.

ально встретить Лю Бэя в двухстах ли<sup>1</sup> от города. Спустя чуть более месяца пребывания Лю Бэя в лагере Юань Шао рассеянные генералы и войска Лю Бэя постепенно возвращались. Юань Шао и Цао Цао сражались в Гуаньду<sup>2</sup>. Лидер Желтых повязок, Лю Пи<sup>3</sup> из Жунаня<sup>4</sup>, восстал против Цао Цао и заключил союз с Юань Шао. Юань Шао предложил Лю Бэю действовать совместно с Лю Пи. Тем временем Гуань Юй вернулся к Лю Бэю. Цао Цао приказал Цао Жэню<sup>5</sup> атаковать Лю Бэя. Лю Бэй вернул войска к Юань Шао. Лю Бэй и Юань Шао говорили о том, чтобы заключить союз с Лю Бяо<sup>6</sup>, управляющим Цзинчжоу<sup>7</sup>. Юань Шао приказал Лю Бэю вернуться с основными войсками в Жунань, чтобы объединиться там с войсками повстанцев, составляющих примерно тысячу человек. Цао Цао отправил Цай Яна<sup>8</sup> перехватить войска, но был уничтожен Лю Бэем.

Цао Цао победил Юань Шао, после чего повернул на юг, чтобы атаковать Лю Бэя. Лю Бэй отправил Ми Чжу<sup>9</sup> и Сунь Цяня на переговоры Лю Бяо. Лю Бяо встретил их с особым почетом за пределами города. Лю Бяо дал им войска и предложил остановиться в Синь<sup>10</sup>. Множество выдающихся воинов из Циньчжоу день ото дня приходили к Лю Бэю, чтобы присоединиться к его войскам. Лю Бяо относился к этому с недоверием. Цао Цао приказал Сяоу Дуню и Ю Цзиню<sup>11</sup> атаковать Лю Бэя. Они прибыли в Бован<sup>12</sup>, где Лю Бэй устроил засаду. Лю Бэй намеренно поджег свои припасы, и отступил. Сяоу Дунь и Ю Цзинь продолжали преследовать его, попали в засаду и были побеждены.

В 207 году Цао Цао атаковал варварские племена Ухуань<sup>13</sup> на севере. Лю Бэй предложил Лю Бяо внезапно атаковать Цао Цао, но Лю Бяо отказался. Цао Цао отправился на юг атаковать Лю Бяо, тем временем, Лю Бяо скончался от болезни. Сын Лю Бяо, Лю Цун<sup>14</sup>, послал гонца к Цао Цао с просьбой о капитуляции. Лю Бэй с войсками находился в Фань<sup>15</sup> и не знал о том, что Лю Цун сдался, когда внезапно приехал Цао Цао. Лю Бэй собрал свои войска и отправился в Сяньян<sup>16</sup>. Чжугэ Лян сказал Лю Бэю: «Если сейчас мы атакуем Лю Цуна, можем завоевать Цзинчжоу». Но Лю Бэй ответил: «Я не могу так поступить». Лю Цун, его окружение и множество людей Цзинчжоу присоединились к Лю Бэю. Дойдя до Даньяна<sup>17</sup>, Лю Бэй повел с собой более десяти тысяч простых жителей и несколько тысяч обозов. За день они могли пройти чуть более десяти ли. Лю Бэй приказал Гуань Юю взять несколько сотен лодок и отправиться в Цзянлин<sup>18</sup>. Кто-то сказал Лю Бэю: «Вам надо защищать Цзянлин, а мы застряли здесь с народом, среди нас мало воинов, когда господин Цао Цао нападет на нас, как мы отразим его атаку?» На что Лю Бэй ответил: «Человек, который делает великие дела, не может пренебрегать простым народом. Как я могу оставить их, если они доверяли мне и следовали за мной все это время?»

Цао Цао знал, что в Цзянлине находится большое количество оружия и продовольствия и опасался, что Лю Бэй завладеет Цзянлином. В это время Цао Цао только достиг Саньяна. Узнав, что Лю Бэй уже ушел из Саньяна, Цао Цао отобрал пять тысяч всадников и с ними помчался за Лю Бэем. За день они преодолевали по триста ли. Когда Цао Цао достиг Даньяна, Лю Бэй, бросив свою жену, вместе с Чжугэ Ляном, Чжан Фэем и Чжао Юнем<sup>19</sup> бежали, Цао Цао захватил людей и припасы. Добравшись до реки Ханьцзинь<sup>20</sup>, Лю Бэй встретился с Гуань Юем, прибывшем на судах. Лю Бэй и Гу-

<sup>1</sup> Ли (里 lǐ) – китайская единица длины, в древности равнялась примерно 300 шагам, современный общепринятый вариант – 500 метров.

<sup>2</sup> Гуаньду (官渡 guāndù) – древний город, находящийся северо-восточнее нынешнего уездного центра Чжунмоу в провинции Хэнань.

<sup>3</sup> Лю Пи (刘辟 Liú Pì) – после восстания Желтых повязок переехал в Жунань, позже присоединился к Лю Бэю.

<sup>4</sup> Жунань (汝南 Rǔnán) – район, занимавший частично территорию провинций Хэнань и Аньхой. Современный уезд Жунань.

<sup>5</sup> Цао Жэнь (曹仁 cáorén) 168-223гг. – кузин Цао Цао. Военный министр Цао Цао.

<sup>6</sup> Лю Бяо (刘表 liú biǎo) 142-208гг. – управляющий провинцией Цзинчжоу, выступал против семьи Сун.

<sup>7</sup> Цзинчжоу (荆州 jīngzhōu) – округ, занимавший территорию нынешних провинций Хубэй и Хэнань и частично провинций Сычуань, Гуйчжоу, Гуанси, Гуандун. Сам древний город Цзинчжоу находился северо-восточнее современного уездного центра Улин провинции Хунань.

<sup>8</sup> Цай Ян (蔡阳 càyáng) ?-200гг. – офицер Цао Цао, был убит Лю Бэем в Жунане.

<sup>9</sup> Ми Чжу (糜竺 mízhū) ?-221гг. – офицер царства Шу, отец Ми Фана, умер сразу после предательства Ми Фана.

<sup>10</sup> Синь (新野 Xīnyě) – небольшой городок, расположенный в 120 ли южнее уездного центра Наньян в провинции Хэнань.

<sup>11</sup> Ю Цзинь (于禁 yújīn) ?-221гг. – служил Цао Цао. Был схвачен Гуань Юем, был опозорен Сяо Пэем и совершил самоубийство.

<sup>12</sup> Бован (博望 Bówàng) – название места, расположенного в северо-восточной части уезда Наньян в провинции Хэнань.

<sup>13</sup> Ухуань (乌桓 wūhuán) – не китайское племя на территории нынешней Внутренней Монголии.

<sup>14</sup> Лю Цун (刘琮 liú cōng) – унаследовал государство Лю Бяо после его смерти, после сдал его Цао Цао.

<sup>15</sup> Фань (樊 fán) – название местности в провинции Хэнань.

<sup>16</sup> Сяньян (襄阳 xiāngyáng) – нынешний уездный центр Сяньян в провинции Хубэй.

<sup>17</sup> Даньян (当阳 dāngyáng) – нынешний уездный центр Даньян, расположенный в 70 км северо-восточнее уездного центра Ичан провинции Хубэй.

<sup>18</sup> Цзянлин (江陵 Jiānglíng) – нынешний уездный центр Цзянлин в провинции Хубэй.

<sup>19</sup> Чжао Юнь (赵云 zhàoyún) 168-229гг. – один из самых верных воинов Лю Бэя и Четвертый Тигр царства Шу.

<sup>20</sup> Ханьцзинь (汉津 Hānjīn) – река, протекающая через северо-западную часть уезда Ханьян провинции Хубэй. Протекает через прежние округа Ханьчжун, Синань, Юньань, Саньян, Янаньлу, Ханьян и впадает в реку Янцзы.

ань Юй встретились со старшим сыном Лю Бяо, Лю Ци<sup>1</sup>, который являлся на тот момент правителем области Цзянся<sup>2</sup>, после чего все вместе отправились в Сякоу<sup>3</sup>. Лю Бэй послал Чжугэ Ляна обсудить союз с Сунь Цуанем<sup>4</sup>. Сунь Цуань приказал Чжоу Юю<sup>5</sup> и Чэн Пу<sup>6</sup> собрать военный флот и объединиться с Лю Бэем. Войска Шу и У сражались с Цао Цао в битве при красных утесах. Корабли противоборствующих сторон были сцеплены и подожжены, флот Цао Цао сгорел, Лю Бэй вместе с войсками царства У преследовали Цао Цао по суше и воде. Они преследовали его до графства Наньцзунь<sup>7</sup>, в это время распространилась эпидемия, в результате которой многие погибли, Цао Цао был вынужден отступить.

Лю Бэй назначил Лю Ци ревизором Цзинчжоу и отправился в поход, чтобы вернуть четыре южные префектуры. Правитель области Улин<sup>8</sup>, Цзинь Сюань<sup>9</sup>, правитель области Чанша<sup>10</sup>, Хань Сюань<sup>11</sup>, правитель области Гуйян<sup>12</sup>, Чжао Фань<sup>13</sup> и правитель области Линлин<sup>14</sup>, Лю Ду<sup>15</sup> сдались.

Лэй Сю<sup>16</sup> из Луцзяна<sup>17</sup> привел свои войска и предоставил их Лю Бэю. Позже Лю Ци умер от болезни. Его подчиненные признали Лю Бэя подходящим на должность управляющего округа Цзинчжоу. Сунь Цуань был взволнован возрастом влияния Лю Бэя, поэтому он предложил ему жениться на своей сестре, Сунь Шансян<sup>18</sup>. Лю Бэй прибыл в столицу царства У, чтобы увидеться с Сунь Цуанем и жениться. Сунь Цуань отправил гонца Лю Бэю в Цзинчжоу с предложением атаковать Шу<sup>19</sup>. Однако У не может пройти через территорию Цзинчжоу чтобы атаковать Шу. Секретарь<sup>20</sup> Цзинчжоу, Инь Гуань<sup>21</sup> сказал Лю Бэю: «Если У будет авангардом и атакует Шу первыми, и если мы не сможем победить Шу, у У будет возможность атаковать нас с тыла. Но если мы согласимся идти войной на Шу, но сказать, что мы только что прибыли Цзинчжоу и еще не обосновались и не можем сейчас действовать, У не осмелится в одиночку атаковать Шу. Такой вариант наиболее выгоден». Лю Бэй последовал этой рекомендации. Сунь Цуань не осмелился атаковать.

#### Литература:

- 1) 《三國志》；《蜀書二》；《先主傳》// Chinese Text Project URL <http://ctext.org/sanguozhi/32>
- 2) Crespigny, R.R.C. de. To Establish Peace. Canberra: Faculty of Asian Studies, Australian National University. 1996. 690 p.
- 3) Ло Гуань-чжун. Троецарствие / пер. с кит. В. Панасюк. – М., 1954. – 839 с.

<sup>1</sup> Лю Ци (刘琦 liúqí) ?-209гг. – старший сын Лю Бяо, являлся близким другом Лю Бэю.

<sup>2</sup> Цзянся (江夏 Jiāngxià) – название местности, находившейся в юго-восточной части уезда Юньмын провинции Хубэй. Ныне уезд Учан.

<sup>3</sup> Сякоу (夏口 xiàkǒu) – древнее название города Ханькоу.

<sup>4</sup> Сунь Цуань (孙权 sūn quán) 182-252гг. – второй сын Сунь Цзяня, младший брат Сунь Це. Первый император У, проживший долгую жизнь.

<sup>5</sup> Чжоу Юй (周瑜 zhōu yú) 175-210гг. – опытный стратег царства У, командовал войсками У в битве при красных утесах (Чи Би).

<sup>6</sup> Чэн Пу (程普 Cheng Pu) ?-210гг. – служил трем поколениям правителей царства У.

<sup>7</sup> Наньцзунь (南郡 nánjūn) – область в южной части провинции Хубэй.

<sup>8</sup> Улин (武陵 Wuling) – нынешний уезд Чндэ провинции Хунань.

<sup>9</sup> Цзинь Суань (金旋 jīn xuán) ?-208гг. – был правителем области Улин, побежден Чжан Фэем.

<sup>10</sup> Чанша (长沙 chángshā) – округ, занимавший всю территорию нынешней провинции Хунань.

<sup>11</sup> Хань Сюань (韓玄 hánxuán) 163-209гг. – правитель области Чанша. Вэй Янь убил его и передал Лю Бэю.

<sup>12</sup> Гуйян (桂阳 Guiyang) – нынешний уездный центр Гуйян в провинции Хунань.

<sup>13</sup> Чжао Фань (赵范 zhào fàn) – правитель области Гуйян.

<sup>14</sup> Линлин (零陵 Línglíng) – нынешний уездный центр Линлин в провинции Хунань.

<sup>15</sup> Лю Ду (刘度 liú dù) 168-?гг. – сдался Лю Бэю после того, как его сын был побежден.

<sup>16</sup> Лэй Сю (雷绪 Lei Xu) ?-209гг. – служил в царствах Вэй и Шу.

<sup>17</sup> Луцзян (庐江 Lújiāng) – название уезда на территории нынешнего городского округа Чаоху в провинции Аньхой.

<sup>18</sup> Сун Шансян (孫尚香 Sun Shangxiang) 189-?гг. – младшая сестра Сунь Цуаня и Сунь Це, вышла замуж за Лю Бэя, но позже вернулась в царство У.

<sup>19</sup> Шу (蜀 shǔ) – название местности, расположенной на территории современной провинции Сычуань. Иероглиф тот же самый, что используется для обозначения царства Шу, но в данном случае имеется ввиду территория, занимаемая тогда отдельными правителями областей, так как царство Шу Лю Бэй основал на этой территории только в 221 году.

<sup>20</sup> Секретарь (主簿 zhǔbù).

<sup>21</sup> Инь Гуань (殷观 yīnguān) – убедил Лю Бэя не позволять Сунь Цуаню атаковать территорию Шу.

## ПАРТНЁРСТВО КИТАЯ И РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА СОПРЯЖЕНИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЁЛКОВОГО ПУТИ» И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Белоглазов А.В.  
ИМОИВ КФУ

Отношения России и Китая в 2015 году вышли на новый, беспрецедентно высокий уровень сотрудничества. Начали реализовываться десятки важных совместных проектов, было проведено много знаковых мероприятий. При этом наиболее значимым и долговременным проектом в двусторонних отношениях стало участие России в создании «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и его сопряжении с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). О масштабности инициативы говорят следующие цифры: по подсчетам китайских специалистов из пекинского университета Цинхуа, «Экономический пояс Шёлкового пути» охватит обширный регион с населением почти в три миллиарда человек и с ВВП в 23 триллиона долларов США [1, p.1].

Впервые идея создания «Экономического пояса Шёлкового пути» была озвучена Председателем КНР Си Цзиньпином 16 сентября 2013 года во время его выступления в Назарбаев-университете в Астане. Китайский лидер охарактеризовал его как новую форму сотрудничества Китая, государств Центральной Азии и России. Однако расшифровывая понятие, он заявил лишь в общих чертах о пяти его составляющих: усиление политического согласования, усиление строительства единой дорожной сети, усиление торговых связей, усиление валютных потоков, усиление народных связей [2].

Немного позже, в октябре того же года, выступая в Индонезии в Совете народных представителей, китайский лидер представил «Морской шелковый путь XXI века». Предполагалось, что он пройдет от Южно-Китайского моря до Средиземного, огибая Евразию с юга, соединяя крупнейшие порты на побережье и дополняя сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути».

Весь 2014 год шли переговоры, согласования, дискуссии, исследования. В мае, во время визита В.В. Путина в Пекин, Си Цзиньпин заверил его в том, что проект будет работать на благо обоих государств. В совместном заявлении, принятом по итогам их переговоров, в пункте 21, было отмечено, что «Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шелкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации» [3].

В конце 2014 года, 29 декабря, Си Цзиньпин объявил о создании специального Фонда шелкового пути. И вот, наконец, концепция «Экономического пояса Шелкового пути» была подробно и развернуто представлена 26-29 марта 2015 года на экономическом форуме в Боао, городке на восточном побережье острова Хайнань, называемом специалистами «китайский Давос». На нем Председатель КНР выступил с рядом концептуальных заявлений. Главным среди них стало заявление о необходимости реформирования мировой экономической инфраструктуры через активное продвижение стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути», которые в Китае афористично и обобщенно назвали «Один пояс, один путь».

В беседе с китайскими и зарубежными предпринимателями Си Цзиньпин выразил надежду, что товарооборот КНР с государствами, вовлеченными в эти проекты, в ближайшие 10 лет превысит 2,5 триллионов долларов США [4].

Одновременно на Форуме Государственный комитет по делам развития и реформ Китайской Народной Республики познакомил собравшихся с Планом действий по совместному строительству «пояса и пути». Причем, объединенный проект в понимании современных китайских лидеров – это не два состыкованных маршрута, а пять различных взаимосвязанных географических направлений, берущих начало из Китая. Перечислим их в том порядке, как их представляли на Форуме:

1. Китай – Центральная Азия – Россия – Европа;
2. Китай – Центральная Азия – Западная Азия – страны Персидского залива – Средиземноморье;
3. Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – Индийский океан;
4. Китай – Южно-китайское море – Индийский океан – Средиземное море – Европа;
5. Китай – Австралия и страны Южной части Тихого океана.

Таким образом, первые два маршрута относятся к сухопутному «Экономическому поясу Шелкового пути», два последних – к морскому пути, а третий является промежуточным звеном с сухопутными и морскими элементами. Так что в последней версии проекта это уже не путь, и даже не пояс, а скорее веер, рукоятка которого находится в Китае.

Однако при этом далеко не все страны и регионы, куда Китай планирует прокладывать свои маршруты, отнеслись к проекту позитивно. Так, например, Шри-Ланка в тот период под влиянием Индии приостановила деятельность китайских строителей, работавших над созданием крупного океанского порта, узлового на третьем и четвертом направлениях. Индия опасается китайского военного присутствия в зоне своей политической ответственности. Также и от стран, находящихся под влияни-

ем США, например, от Австралии, не последовало положительной реакции на планы включения в проект.

Именно поэтому Си Цзиньпин много говорил о доверии и обещал, что проект Шелкового пути не будет направлен против существующих экономических партнерств. При этом лейтмотивом заседания стал рекламный слоган «Новое будущее Азии – шаг к сообществу общей судьбы» [5]. В то же время второй из анонсированных маршрутов - через Ближний Восток, называемый Китаем Западной Азией, весьма проблематичен в связи с усиливающейся нестабильностью в регионе. Таким образом, опасения одних регионов и нестабильность в других на современном этапе делают наиболее актуальным первое направление с российским участием.

У России с Китаем взаимное доверие не подвергается сомнению. Российскую делегацию на Форуме возглавлял первый вице-премьер Правительства РФ И.И. Шувалов. В нее вошли около сотни руководителей крупного российского бизнеса, банков и инвестиционных фондов, представителей профильных министерств и ведомств.

В ходе форума было объявлено о решении России принять участие в создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который должен стать одним из основных финансовых механизмов в реализации предлагаемой Китаем концепции.

Также «на полях» форума состоялся российско-китайский двусторонний бизнес-диалог. Его участники обсудили различные проекты сотрудничества в создании и модернизации объектов инфраструктуры, прежде всего, в энергетической и транспортной сферах, чрезвычайно важных для «Экономического пояса Шелкового пути».

На сегодняшний день это российско-китайские нефтепровод и два строящихся газопровода, проходящая по территории России железная дорога «Чунцин – Синьцзян – Европа», трасса «Западная Европа – Западный Китай» через Россию, участие Китая в развитии Дальнего Востока и Восточной Сибири, строительство железнодорожного моста через Амур. Особенно отрадно, что в перечень инфраструктурных объектов вошла и высокоскоростная железная дорога Москва-Казань.

Следующим знаковым шагом стали российско-китайские переговоры на высшем уровне 8 мая 2015 года, накануне празднования 70-летия Великой Победы. По итогам переговоров В.В. Путина с Си Цзиньпином были приняты два совместных заявления, в том числе «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». В нем указывалось, что Россия и Китай «будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути». В заявлении намечалось восемь приоритетных направлений, среди которых были расширение торгово-инвестиционного взаимодействия, укрепление взаимосвязанности в сферах логистики и транспортной инфраструктуры, содействие увеличению расчетов в национальных валютах [6].

Как заявил В.В. Путин по итогам переговоров, «по сути, речь идёт о выходе в перспективе на новый уровень партнёрства, подразумевающий общее экономическое пространство на всём Евразийском континенте» [7].

Кроме того, в присутствии двух лидеров был подписан солидный пакет из 32 документов, касающихся различных отраслей промышленности, торговли, финансов, а также инфраструктурных проектов. Среди них был и Меморандум о формах сотрудничества и модели финансирования высокоскоростной магистрали Москва – Казань, которую участники позиционировали как приоритетный проект Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва – Пекин. Его подписали Минтранс РФ, Госкомитет КНР по развитию и реформе и РЖД. Предполагается, что после реализации этого проекта дорога между Москвой и Казанью сократится до 3,5 часов.

Третий важный шаг был сделан на двойном саммите в Уфе – БРИКС и ШОС. Строго говоря, саммит получился даже тройным, так как на нем в полном составе присутствовали еще и лидеры Евразийского Экономического Союза. В общей сложности в башкирскую столицу приехали главы 15 государств. Однако системообразующую роль играли Россия и Китай.

Главным итогом саммита БРИКС, проходившего 7 – 8 июля, стало создание Банка развития БРИКС с уставным капиталом в сто миллиардов долларов. Было решено, что Банк будет финансировать инфраструктурные проекты на территориях стран-участниц.

Идея создания банка была провозглашена ещё на саммите БРИКС в Дурбане (ЮАР) 2013 года, а договор о нем был подписан на саммите 2014 года в Форталезе (Бразилия). За прошедший после этого события год все страны БРИКС ратифицировали его. Россия сделала это 20 февраля, а Китай – 1 июля 2015 года. Безусловно, финансирование инфраструктурных проектов в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» будет иметь приоритетное значение, учитывая наиболее значительный финансовый вклад Китая в капитал банка.

По предложению КНР на саммите была также специально рассмотрена реализация стратегии «Экономического пояса Шёлкового пути». Завершающим мероприятием саммита БРИКС стала встреча его лидеров с лидерами стран ШОС и ЕАЭС, явив, таким образом, полное единство трех организаций.

На саммите ШОС, который состоялся после этой встречи, тема экономической интеграции стран-участниц в рамках китайской инициативы вновь звучала неоднократно. Так, в частности, главы государств Шанхайской организации сотрудничества на расширенном заседании обсудили реализацию идеи сопряжения Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шёлкового пути». При этом было подчеркнуто, что «большие перспективы, на наш взгляд, имеет инициатива формирования общей транспортной системы ШОС, в том числе с использованием транзитного потенциала Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей в России» [8].

Кроме того, в итоговой Уфимской декларации ШОС отмечается, что «Государства-члены поддерживают инициативу Китайской Народной Республики о создании «Экономического пояса Шелкового пути». Они считают важным наладить консультации и информационный обмен между соответствующими ведомствами государств-членов ШОС» [9].

И это не случайно, ибо организация изначально создавалась для сотрудничества не только в политической, но и в торгово-экономической области, в сфере энергетики, транспорта и т.д. Китай с первых лет функционирования ШОС прилагал усилия для создания зоны свободной торговли ШОС, но эта идея была тогда заблокирована Россией как несвоевременная [10]. Теперь же экономическое сотрудничество в рамках ШОС развернулось в приемлемом для обоих государств формате.

Одним из важнейших итогов саммита ШОС стало расширение рядов организации. В Уфе руководители Шанхайской организации сотрудничества начали процедуру перехода Индии и Пакистана из наблюдателей в полноправные члены Организации, а Белоруссия, бывшая ранее партнером по диалогу, стала наблюдателем. Кроме того, Азербайджан, Армения, Камбоджа и Непал приобрели статус партнеров по диалогу. Все это демонстрирует растущую силу и притягательность организации, которая, по всей видимости, станет ядром «Экономического пояса Шелкового пути». Не случайно, некоторые авторы, анализируя деятельность ШОС, выдвигают гипотезу, «что на самом деле ЭПШП уже существует» [11].

И, наконец, последний визит Путина в Пекин 2-3 сентября 2015 года на празднование 70-летия завершения Второй мировой войны стал еще одним шагом в сотрудничестве в рамках реализуемого проекта. После торжественных мероприятий, где российскому президенту была отведена центральная роль наиболее почетного гостя, состоялись переговоры двух лидеров. На них Председатель КНР заявил, что России и Китаю необходимо расширять сотрудничество в сфере финансов, инвестиций, энергоносителей, а также на местном уровне, необходимо разработать программу долгосрочных планов сотрудничества по сопряжению строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза [12].

В ходе переговоров было подписано почти три десятка договоров. Многие из них представляют развитие отдельных аспектов сотрудничества России и Китая в сопряжении ЭПШП и ЕАЭС. Так, например, «Соглашение о сотрудничестве между Российским фондом прямых инвестиций, Внешэкономбанком и Китайским фондом Шелкового пути в области инвестиций в приоритетные секторы экономики России и Китая» предполагает сотрудничество в софинансировании проектов, направленных на рост торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем, а также развитие инфраструктуры [13].

Конечно, возникает вопрос, что же получит Россия в случае успешной реализации проекта? Во-первых, увеличение товарооборота, как с Китаем, так и с другими государствами «пояса». Во-вторых, развитие собственной инфраструктуры, в том числе и с помощью китайских инвестиций и мощностей. В-третьих, гораздо более широкое и полное использование своих транзитных возможностей. В-четвертых, укрепление и расширение интеграционных объединений ЕАЭС и ШОС. Наконец, в-пятых, и это главное, реализация проекта приведет в первом приближении не только к экономической, но и к политической интеграции Евразии, что подрывает реализуемый здесь Соединенными Штатами имперский принцип «Divide et impera».

Таким образом, планы по сопряжению двух мегапроектов – ЭПШП и ЕАЭС – в интересах обоих государств, поскольку они не только усиливают национальные экономики, но и работают на стратегическую интеграцию Евразии. Не случайно западные авторы весьма тревожно и нарочито скептически описывают совместные планы Китая и России [14].

Уже сделанные совместные шаги РФ и КНР по их реализации продемонстрировали не только провал попыток США и их союзников организовать изоляцию России, но и серьезное продвижение по пути выстраивания многополярного мира и освобождения от пут западной финансовой системы. Полная реализация совместного китайско-российского проекта сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза призвана довести этот процесс до логического завершения.

#### **Литература.**

1. Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers. Center for China in the World Economy, Tsinghua University China Economic Net. May 20, 2014. P. 1.

2. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете 16 сентября 2013 г. Сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
4. Си Цзиньпин: Китай надеется, что в ближайшие 10 лет товарооборот со странами вдоль «пояса и пути» превысит 2,5 трлн. долл. США. Синьхуа. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://russian.news.cn/china/2015-03/29/c\\_134107402.htm](http://russian.news.cn/china/2015-03/29/c_134107402.htm), свободный. - Проверено 14.09.2015.
5. Боаоский форум и китайский порядок. Синьхуа. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-03/31/content\\_35204798.htm](http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-03/31/content_35204798.htm), свободный. - Проверено 14.09.2015.
6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
7. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров 8 мая 2015 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49433>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
8. Стенограмма заседания Совета глав государств – участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
9. Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5lJmFSa5CWlgaHxRxA6.pdf>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
10. Белоглазов А.В. Политика РФ и КНР в Центральной Азии в начале XXI века: сотрудничество или соперничество? Россия-Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников VI Международной научно-практической конференции. – Казань: Издательство «ЯЗ», 2014. С.52.
11. Захаров В. О некоторых политических задачах российского председательства в ШОС. Международная жизнь, 2014, № 9. С.32.
12. Председатель КНР Си Цзиньпин встретился с президентом РФ В. Путиным. Женьминь жибао. 04.09.2015. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0904/c31521-8945552.html>, свободный. - Проверено 14.09.2015.
13. ВЭБ, РФПИ и Фонд шелкового пути намерены объединить усилия по поиску привлекательных инвестиционных проектов. Сайт ВЭБ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://www.veb.ru/press/news/index.php?id\\_19=101117](http://www.veb.ru/press/news/index.php?id_19=101117), свободный. - Проверено 14.09.2015.
14. Michael Clarke. Understanding China's Eurasian Pivot. The «One Belt, One Road» strategy provides a guide to the future of China in Eurasia. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://thediplomat.com/2015/09/understanding-chinas-eurasian-pivot>, свободный. - Проверено 14.09.2015.

## О ВЛИЯНИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС КНР В XXI ВЕКЕ

Бодрова О.И.  
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Выдвижение на первый план той или иной концепции в Китае всегда обуславливается национальными приоритетами КНР. Реакция мирового сообщества на усиление Китая: экономическое, политическое, культурологическое – вынуждает, тем не менее, китайское руководство к неизбежным корректировкам выдвигаемых концепций, по сути, не меняя принятой программной линии «мирного возвышения».

Впервые идея «мирного возвышения» (和平崛起 héping juéqǐ) была сформулирована на пленарном заседании Боаосского форума (03.10.2003 г.) известным китайским ученым Чжэн Бицзянем и опубликована в статье «China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status» в журнале «Foreign Affairs» (США) [4].

Основополагающими критериями программы «мирного возвышения» являются: 1) обеспечение условий для мирного возвышения страны путем следования социализма с китайской спецификой при активизации участия в экономической глобализации; 2) опора в экономической и политической деятельности исключительно на собственные силы; 3) развитие страны должно происходить только в мирном контексте. В своей статье Чжэн Бицзянь отмечает, что «...Китай не стремится к гегемонии или преобладанию в мировых делах ... Развитие Китая зависит от мира во всем мире – мира, который его развитие в свою очередь укрепит. ...» [4]. Тем не менее, стремление КНР к возвышению, пусть даже мирному, вызвало в кругах зарубежных специалистов видение «китайской угрозы».

Период принятия Китаем основополагающей внешнеполитической концепции «мирного возвышения» можно охарактеризовать как вызывающий опасения мирового сообщества. Формулировка «мирное возвышение» вызывала неоднозначность и сомнения в экспертных кругах внутри самого Китая, в связи с чем руководство КНР во второй половине 2004 года заменило в официальном лексиконе термин «мирное возвышение» на «мирное развитие» (和平发展 héping fāzhǎn). Для определения статуса КНР в мировом сообществе была предложена формулировка «ответственная развивающаяся великая держава» (负责任的发展中大国 fùzérènde fāzhǎn zhōng dàguó) [6], тогда как термин «мирное возвышение» был оставлен для внутреннего использования.

Поворот к социально ориентированной экономике привел к выдвижению принципа «человек в качестве основы» (以人为本 yǐ rén wéi běn) (3-м пленум ЦК КПК 16-го созыва, 11-14 октября 2003 г.) [10], и как следствие, на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва (5-14 марта 2004 г.) в Конституцию КНР были внесены специальные поправки о защите частной собственности и прав человека. Внесение данного принципа в «Постановление ЦК КПК по некоторым вопросам совершенствования структуры социалистической рыночной экономики» подчеркнуло, что руководящей идеей в процессе углубления реформ становится «...такое развитие, при котором человек стоит на первом месте, а само развитие является всесторонним, гармоничным, долгосрочным и способствует развитию и экономики, и общества, и человека» [10]. В Постановлении обозначены критерии такого развития – «пять гармоний»: гармоничное развитие города и села; гармоничное развитие всех регионов; гармоничное развитие экономики и общества; гармоничное развития человека и природы; гармоничное сочетание внутреннего развития страны и открытости внешнему миру, в опоре на которые и совершенствуется социалистическая рыночная экономика.

Свое дальнейшее развитие идея гармонии получила на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (16-19 сентября 2004 г.), где была принята концепция по выполнению программы построения «гармоничного общества»: «концепция научного развития» (科学发展观 kēxué fāzhǎn guān) [11], направленная на согласованное развитие всех сторон общественной жизни: экономики, социальной сферы, охраны окружающей среды, науки и образования, культуры и спорта.

Председатель КПК Ху Цзиньтао выделил шесть основных направлений по построению «гармоничного социалистического общества», утвержденные впоследствии 5-ым пленумом ЦК КПК 16 созыва (октябрь 2005 года) [9]: 1) демократия и законодательство означают развитие социалистической демократии, действительное претворение основной стратегии в управлении государством на основе законов; 2) равенство и справедливость означают гармоничность интересов и отношений всех сторон общества, защиту и осуществление социальных равенства и справедливости; 3) искренность и дружба означают взаимопомощь и доверие, равенство и содружество всех народов; 4) жизнеспособность означает благоприятствование социальному прогрессу, поддержку творческой деятельности, выявление творческих способностей, утверждение творческих успехов; 5) стабильный порядок означает совершенство социального управления, спокойную жизнь народа, сохранение стабильного и сплоченного общества; 6) гармоничное слияние человека с природой означает развитие производства и сохранение экологии.



Каждый вновь принимаемый партийный документ подтверждает возрастающее значение развития гармоничного общества, и это отражается на формировании международной позиции Китая: внешнеполитические действия выглядят вполне обоснованными на фоне внутренних преобразований, обретающих четкое выражение.

Концепция «гармоничного мира» стала более эффективным вариантом взаимодействия с зарубежными странами: председатель КНР Ху Цзиньтао на Афро-азиатском саммите (Джакарта, апрель 2005 г.) впервые выдвинул идею совместного построения гармоничного мира. И уже на саммите ООН по случаю 60-й годовщины создания организации (15.09.2005 г.) Ху Цзиньтао выступил с речью «Приложить усилия по созданию гармоничного мира на основе прочного мира и совместного процветания», где выразил готовность Китая «... строить совместно с другими странами справедливый и разумный новый международный политический и экономический порядок» [5] и внес предложение из четырех пунктов по созданию гармоничного мира, содержание которых заключается в следующем: 1) надо установить новую концепцию безопасности, нацеленную на взаимодоверие, взаимную выгоду, равноправие и взаимодействие; 2) ООН должна предпринять реальные меры по осуществлению Целей развития тысячелетия; 3) следует уважать права всех стран мира на самостоятельный выбор социального строя и пути развития, защитить многообразие цивилизации в духе равноправной открытости, укрепить диалог и обмены между разными культурами, совместно создать гармоничный мир, в котором будут сосуществовать разные культуры; 4) необходимо повысить эффективность ООН и ее способность к противодействию новым угрозам и вызовам. На XVII съезде КПК (15-21 октября 2007 г.) эта концепция была включена в отчетный доклад председателя КНР Ху Цзиньтао, став одной из официальных идеологических установок КНР, а лозунг о формировании «гармоничного мира» был внесен в обновленную редакцию Устава КПК, получив статус «важной стратегической идеи и концепции» [12]. Это является документальным подтверждением нового взгляда руководства Китая на современное глобальное состояние мира, при этом учитывается, что существуют факторы, способствующие и препятствующие такому развитию.

Таким образом, концепцию построения гармоничного мира можно считать официальной внешнеполитической концепцией, состоящей из пяти основных элементов: 1) политическая составляющая в виде усиления взаимопонимания между странами на основе мирного диалога; 2) развитие экономической сферы на основе мирного политического диалога; 3) культурная составляющая, включающая в себя усиление взаимного обмена и взаимного дополнения культур; 4) усиление диалога и сотрудничества в области безопасности; 5) экологическая составляющая, представляющая собой призыв Китая ко всем странам совместными усилиями защитить окружающую среду.

На XVIII съезде принципиально решено, что «концепция научного развития» является руководящей идеей, которой необходимо постоянно придерживаться, что окончательно разрешило вопрос о меняющемся приоритете выдвигаемых китайским правительством концепций развития КНР. Определено, что общая четырехкомпонентная схема строительства социализма с китайской спецификой, включающая экономическое, политическое, культурное и социальное строительства, должна быть расширена до пятикомпонентной схемы, пятой составляющей которой стало строительство экологической цивилизации. Это явилось «... новым шагом в претворении в жизнь концепции научного развития, продемонстрировало уважительное отношение к природе, адаптацию к ней и охрану ее, тем самым была реализована новая концепция гармонического развития человека и природы, что добавило Китаю дополнительные очки на международной арене» [2].

В XXI веке понятия «мир и развитие» и «гармония» стали основой декларируемых Китаем внешнеполитических концепций. Корректировка формулировок сообразно международным оценкам – от «мирного возвышения» к «мирному развитию» и, затем, к «гармоничному миру» – свидетельствует о стремлении Китая занять положение, действительно соответствующее его роли и месту в мире.

Внешнеполитическая концепция «гармоничного мира» тесно связана с реализуемой в КНР политикой «гармонического социалистического общества», что подтверждает идею «гармонии», когда внешнее уравнивает внутреннее (阴阳 yīnyáng). Гармоничное экономическое, политическое и культурное развитие становится основой принятого курса и официально провозглашено и зафиксировано в документах КПК. Актуальность традиционности в китайской современности подтверждает и то, что принцип «гармонии» остался основным в «концепции научного развития», которую XVIII съезд КПК утвердил в качестве руководящей идеи.

Таким образом, последний XVIII съезд КПК показал, что соотношение древнего традиционного принципа «гармонии» с современными политическими и социальными реалиями не исчерпывает своей актуальности. Теоретики китайского правительства и КПК, однажды прочно взяв на вооружение конфуцианские принципы, продолжают все более активно апеллировать к ним при разработке научных концепций, очевидно, что привлекательность китайской культурной традиции становится той платформой, на основе которой Китай формирует свой новый международный облик.

Новейшая внутригосударственная концепция Си Цзиньпина «китайская мечта» (中国梦 zhōngguó mèng), без упоминания которой не обходится в настоящее время ни одно значимое событие в КНР, вряд ли сама по себе способна настолько серьезно «выйти» за пределы Китая, чтобы стать

глобальным проводником китаецентричных стремлений в современной реальности. В одном из первых упоминаний о «китайской мечте» Си Цзиньпин поясняет: «Осуществить великое возрождение китайской нации – это и есть самая великая мечта китайской нации в настоящее время. Эта мечта олицетворяет заветное желание нескольких поколений китайцев» [7]. Также имеют место следующие комментарии: «Для осуществления китайской мечты необходимо накапливать влияние Китая» [8]. Безусловно, речь идет о внешней направленности такового влияния, что заставляет задуматься об идеи подъема китайской нации до уровня её возвеличивания над остальным миром.

Официальное провозглашение концепции «китайской мечты» можно отнести к 1-й сессии Все-китайского собрания народных представителей (ВСНП) и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) 12-го созыва (3-17 марта 2013 г.), когда Си Цзиньпином были обозначены задачи развития КНР на ближайшее время. Первоначально, как и практически все выдвигаемые концепции, «китайская мечта» в своих претензиях практически не выходила за рамки страны. Однако во время своего визита в Россию в марте 2013 года Си Цзиньпин представил идею «китайской мечты» как претендующую на глобальное восприятие: «Когда Китай становится развитым и сильным, это несет миру еще больше шансов, а не какую-то угрозу. Мы хотим осуществить китайскую мечту, которая принесет счастье не только китайскому народу, но и народам всех стран» [3]. Имели место и последующие высказывания первых лиц государства, подтверждающие перенос новой концепции на международную арену. К примеру, министр иностранных дел КНР Ван И в марте 2014 года отметил, что в области внешней политики «китайская мечта» фактически уже имеет свою позицию, что она касается не только народа Китая, но и связана с мечтами народов других государств. Таким образом, можно констатировать, что Китаем выдвинута новая дипломатическая стратегия: новая модель отношений между ведущими державами, соседская дипломатия, инклюзивность [1].

Последующим закономерным этапом в глобализации «китайской мечты» является идея «Азиатско-Тихоокеанской мечты», высказанная Цзиньпином 9 ноября 2014 года на встрече Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Данный факт позволяет Западу усиливать апелляцию к опасениям по поводу возрождающейся «китайской угрозы». Несомненным остается осознание глубоких противоречий в восприятии картины мира Китаем и Западом (это, как правило, США и страны ЕС). В данном контексте активизирующаяся работа Китая по сближению со странами Африкой, Латинской Америкой, Россией, Индией и рядом соседних стран выглядит естественной и оправданной. А повышенное внимание к организациям ШОС и БРИКС со стороны всего мирового сообщества подтверждает, что Китай не только находится в центре значимых мировых событий, но и является одним из главных зодчих мировой архитектоники, что, в свою очередь, позволяет китайским лидерам активно предлагать миру удобные для себя идеологические концепции всеобщего развития.

#### **Список литературы:**

1. Ван И: «Китайская мечта» тесно связана с мечтами народов других государств // Китайский информационный Интернет-центр. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/>.
2. Доклад Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/sghd/t998823.htm>.
3. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с лекцией в МГИМО 23.03.2013 г. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/>.
4. Zheng Bijian. China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status // Foreign Affairs. – 2005. – September-October.
- 5.胡锦涛. 努力建立持久和平、共同繁荣的和谐世界—在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话 // 人民日报. – 2005. – 9月16日. – 第1版.
- 6.王海云. 新形势下中国外交战略中的国家定位 // 世界大势与中国和平发展.徐敦信主编. – 北京: 世界知识出版社, 2006. –页 78-87.
- 7.习近平在参观«复兴之路»展览室的讲话 (2012年11月29日) // 人民日报. – 2012. – 11月30日.
- 8.在第十二届全国人民代表大会第一次会议上的讲话 (2013年3月17日) // 人民日报. – 2013. – 3月18日.
- 9.在新的发展起点上阔步前进 // 人民日报. – 2005. – 10月12日.
- 10.中共中央关于完善社会主义市场经济体制若干问题的决定. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65411/4429165.html>.
- 11.中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65412/4429181.html>.
- 12.中国共产党章程. – 北京: 人民出版社, 2012.

## НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ПУТЕШЕСТВИЯМ Н.Ф. КАТАНОВА<sup>1</sup>

Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.  
ИМОИВ КФУ

На протяжении 100 с лишним лет сохраняется интерес академического сообщества к личности и наследию Н.Ф. Катанова (1862 – 1922). На рубеже XX – XXI вв. главную роль в изучении проблематики, связанной с Катановым, играют исследователи Татарстана, Хакасии и Тувы. В 2000-е годы имел место большой поток публикаций, описанных в коллективной монографии Р.М. Валеева и В.Н. Тугужековой [2, 4–9], продолжаемый и в настоящее время. При всей очевидной ценности и важности опубликованных материалов, приходится признать, что многогранное и объёмное творческое наследие Катанова до сих пор полностью не описано и не введено в научный оборот. Значительная часть неопубликованных материалов находится в Национальном архиве Республики Татарстан, заместитель директора которого – Н.А. Шарангина, представила в 2005 г. обзор катановского фонда [1]. К сожалению, как показала наша работа с материалами НА РТ в 2014 г., данный обзор не вполне точен, чем и объясняется исходный посыл нашей публикации.

Поскольку значительный промежуток жизни и творчества Н.Ф. Катанова связан с Казанским университетом, в котором он работал в период 1893 – 1911 и 1917 – 1922 гг., неудивительно, что именно в НА РТ сохранился личный фонд учёного. В одном из крупнейших архивов России, содержащих в своих фондах материалы по истории и персонам российского востоковедения, – Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН), личного фонда Н.Ф. Катанова нет. Согласно официальному письму директора СПФ АРАН И.В. Тункиной от 25 августа 2014 г., в фондах архива содержатся, преимущественно, материалы переписки Н.Ф. Катанова с учёными-академиками, в частности, А.А. Шахматовым и С.Ф. Ольденбургом.

Личный фонд Н.Ф. Катанова в НА РТ (фонд 969) включает 551 дело, датированных периодом 1878 – 1919 гг. Среди дел, перечисленных в статье Н.А. Шарангиной [1, 109–110], наше внимание привлекли три комплекса дневниковых записей, чьё описание, к сожалению, не вполне соответствует их содержанию. Речь идёт о трёх объёмных документах:

- Ф. 969, оп. 1, д. 10: Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану, совершённое в 1890 г. (241 лист);
- Ф. 969, оп. 1, д. 11: Поездка в Семиречье и Тарбагатай, 1891 г. (558 л.);
- Ф. 969, оп. 1, д. 76: Путешествие по Средней Азии, Западному Китаю (Турфану) и Монголии (487 л).

Все перечисленные в статье [1] характеризуются как «носящие черновой характер». На самом же деле дневниковые записи путешествий 1890 и 1891 гг. были совершенно обработаны автором для публикации, начисто переписаны чернилами на бумаге большого формата, и даже снабжены соответствующим предисловием. В заблуждение мог ввести внешний вид рукописей: некоторые страницы расчерчены самим Н.Ф. Катановым надвое или перечёркнуты, а, кроме того, безвестный исследователь в 1920-е гг. попытался снабдить все фольклорные материалы, содержащиеся в дневниках, единой нумерацией, нанесённой красным и синим химическим карандашом, что тоже не добавляло тексту внешней аккуратности. Только материалы дела 76 действительно являются черновиками – это маленькие самодельные блокнотики, густо исписанные карандашом. Некоторые записи расплылись, некоторые странички (особенно начальные) почти нечитаемы. Постараемся теперь показать важность введения данных материалов в научный оборот. Читателю, однако, следует иметь в виду предварительный характер данных заметок.

Вдова исследователя – А.И. Катанова, в письме С.Е. Малову от 7 декабря 1926 г. упоминала, что демонстрировала уполномоченному Берлинской научной организации доктору Феттиху рукописи Николая Фёдоровича, среди которых упоминала отправку в Берлин «Поездки в Семиречье и Тарбагатай» и «Путешествие по Дзунгарии, Сибири и Туркестану» [2, 6]. Письмо это хранится в СПФ АРАН в фонде С.Е. Малова. Оказалось, что материалы дела 10 («Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану») вплоть до листа 61, содержали фольклорные материалы абаканских хакасов и были опубликованы В.В. Радловым («Образцы народной литературы тюркских племён», т. IX. СПб., 1907). В дальнейшем эти фольклорные материалы переиздавались как минимум дважды: в 1963 году в Абакане – в сборнике «Хакаский фольклор»; и в двухтомнике «Фольклор саянских тюрков XIX века», увидевшем свет в Москве в 2003 г. под редакцией и в стихотворной обработке А.В. Преловского.

Отправленные в 1926 г. в Берлин материалы увидели свет в двух томах в 1933 и 1943 г. в трудах Прусской академии наук в переводе Карла-Генриха Менгеса (Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan), на русском языке они были отрецензированы С.Е. Маловым.

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проекты № 14-11-16015 а/В/2014, № 15-01-00061 а/В/2015, № 15-11-16009 а/р/2015.

Однако значительная часть подробнейших дневников Катанова, касающихся множества сторон жизни народов, населявших Синьцзян и Монголию, находившихся тогда под властью маньчжурской династии Цин (1644 – 1912), так и осталась неопубликованными.

На территории Цинского Китая Н.Ф. Катанов побывал несколько раз. Летом 1890 г. он посетил восемь китайских центров – Хотан, Кашгар, Аксу, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Турфан, в которых его в первую очередь интересовали язык и фольклор тюркских народов Восточного Туркестана. Следующая поездка по территориям, в основном, Семиречья с базированием в Чугучаке, проходила с 13 мая по 7 ноября 1891 г., причём в Чугучаке он находился с 13 мая по 7 ноября. С 8 ноября 1891 по 7 марта 1892 г. он вновь отправился в Синьцзян, где жил, преимущественно, в Хами. Далее он отправился в Кульджу, и вернулся в пределы Российской империи в мае 1892 года, пробыв на китайской территории, в общей сложности, 18 месяцев [2, 33–39].

Дневники Н.Ф. Катанова интересны далеко не только тюркологу, но и Китаеведу. Надо заметить, что и сам Катанов это осознавал, заинтересовавшись системой управления Илийским краем со стороны китайских властей. Однако даже в бытовых записях можно найти огромное количество подчас уникальной информации.

В дневниковых материалах сохранились зарисовки планов китайских пограничных укреплений и – с другой стороны – визитные карточки китайских купцов и чиновников, представлявших собой в те времена листы красной бумаги с написанными от руки иероглифами имени.

Таким образом, недостаточно констатировать значимость общегеографических и историко-культурных материалов, доставленных Н.Ф. Катановым в ходе его экспедиции в Сибирь, Туркестан, Семиречье и Туву. Его вклад в научное исследование Центральной Азии по меньшей мере сопоставим с наследием Ч. Валиханова, Г. Потанина, Н. Пржевальского, братьев Грум-Гржимайло, П. Козлова, Г. Цыбикова, С. Гедина и Дж. Туччи. Однако настало время полностью ввести в научный оборот и представить читающей публике ход этих путешествий во всей их полноте.

#### **Список использованной литературы:**

1. Шарангина Н.А. Документальное наследие Н.Ф. Катанова в Национальном архиве РТ // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. Казань: Алма-лит, 2009. С. 109 – 114.

2. Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии. Казань, Абакан: Алма-Лит, 2008 – 2009. 354 с.

### **ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИНОЛОГИИ В КАЗАНИ (30-50 ГГ. XIX ВВ.): ФОНДЫ И МАТЕРИАЛЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

*Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Федорченко Р.Г.,  
Аликберова А.К., Минеева М.С., Мратхузина Г.Ф.,  
ИМОИВ КФУ*

На протяжении XVIII — XX вв. в России формируется и развивается синология — актуальная научная дисциплина и направление мирового востоковедения. Истоки развития университетской синологии в России прочно связаны с казанским центром востоковедения XIX в.

Большой интерес представляет комплекс документов Национального архива Республики Татарстан, в которых освещаются события, имена, процесс изучения китайского языка, формирования направлений научного изучения истории и культуры народов Китая.

В системе университетского востоковедения в России историко-научные истоки Китаистики связаны с педагогической и научной деятельностью ординарного профессора восточной словесности Д. Сивиллова и его приемника — О. Войцеховского. Как свидетельствуют разнообразные оригинальные материалы до середины XIX в. главную роль в научном изучении истории и культуры народов Китая в университете играла образованная в 1837 г. новая кафедра китайской словесности, руководимая до 1844 г. Д. Сивилловым, в 1844-1850 гг. — О. Войцеховским, в 1851-1854 гг. — В. Васильевым.

Значимый комплекс документов, представленный в фондах Национального архива Республики Татарстан в сравнении с другими материалами отечественных архивных центров, позволяют оценить научные и просветительские традиции исследования китайской цивилизации в России в XIX в. Они связаны с основными направлениями и особенностями российской и европейской Китаистики: преподавание китайского языка на классических литературных и эпических образцах; подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; поиск, изучение и переводы рукописей и книг, материальных памятников китайской цивилизации; подготовка и организация научных путешествий в Китай; публикация оригинальных и переводных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических статей и работ по истории и культуре народов Поднебесной и др.

На современном этапе перспективным представляется реализация комплексного исследовательского проекта «Научное наследие российских востоковедов XIX в.: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев» с участием коллег из российских и зарубежных востоковедческих центров.

История российского востоковедного образования, научной мысли о Востоке XIX – начала XX вв. представлена известными и забытыми именами и трудами ориенталистов, общественно значимым научно-просветительским наследием востоковедов России и Европы. В ряду основоположников академического и университетского востоковедения, в области монголоведения, китаеведения, буддологии, маньчжуроведения и тибетологии главное место принадлежит О. М. Ковалевскому и В. П. Васильеву.

О.М.Ковалевский(1801—1878) - известный российский и польский ученый, профессор и декан Казанского и Варшавского университетов, член-корреспондент Академии наук, заведующий первой в России и Европе кафедры монгольской словесности, ректор Казанского университета (1855 – 1860). Его имя связано с формированием и развитием российской и польской школ монголоведения в 20—50-х гг. XIX в. Он совершил научное путешествие в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай (1828—1833) и собрал уникальные книги, рукописи и этнографические материалы народов Центральной Азии, стал автором классических работ в области монголоведения, буддизма, исследовал историю, языки, литературу, религию, фольклор, этнографию монгольских народов. Особую роль сыграл Ковалевский в воспитании известных востоковедов-монголоведов России: Д.Банзарова, В.П.Васильева, К.Ф.Голстунского, Г.Гомбоева, В.Л.Котвича, А.М.Позднеева и др.

В.П.Васильев (1818 – 1900) – ученик О. М. Ковалевского – выдающийся отечественный востоковед, профессор, заведующий кафедрами китайско-маньчжурской словесности (1851 – 1855гг.) Казанского университета и Санкт-Петербургского университета, профессор (с 1855 г.), декан восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878 – 1893 гг.), академик Петербургской Академии наук (1886 г.; член-корреспондент с 1866г.).

В годы учебы в Казанском университете в 1834–1839 гг. В.П.Васильев занимался изучением монгольского языка и буддийской философии. Во время своего десятилетнего пребывания в Пекине в составе Двенадцатой Российской духовной миссии (1840–1850 гг.) он изучал тибетский, китайский и маньчжурский языки и собрал богатейшую коллекцию книг на нескольких восточных языках. Труды В.П.Васильева периода его деятельности на восточном факультете Санкт-Петербургского университета являются без преувеличения эпохальными для российского и европейского востоковедения, в особенности, китаеведения и буддологии.

Академик В.П.Васильев оказал огромное влияние на исследования своих учеников и коллег – С.М.Георгиевского, А.О.Ивановского, Д.А.Пешурова, П.С.Попова, Д.М.Позднеева, А.И.Иванова, С.Ф.Ольденбурга, Ф.И.Щербатского и др. В своих работах он исследовал историю, языки, литературу, религию, фольклор и этнографию народов Восточной и Центральной Азии.

Исследовательский проект ученых ведущих гуманитарных центров России направлен на изучение наследия О.М. Ковалевского и В.П. Васильева, историко-научного, социокультурного и мировоззренческого контекста их жизни и деятельности, и современного анализа традиций и новаций в формировании и развитии ключевых региональных дисциплин и направлений (монголоведения, китаеведения, буддологии, тибетологии и др.) в востоковедческих центрах России и Европы.

Настоящее системное исследование позволит провести комплексный поиск разнообразных материалов (в особенности архивных фондов и рукописей), обобщить и оценить концепции, факты и события зарождения и развития российского и европейского монголоведения, китаеведения, буддологии, тибетологии в XIX – первой четверти XX вв. и разнообразное научное наследие основоположников науки о Востоке.

## **ОСНОВНЫЕ ИТОГИ НАУЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В. П. ВАСИЛЬЕВА В ПЕКИН (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)<sup>1</sup>**

*Валеев Р.М., Валеева Р. З. Мартынов Д. Е., Федорченко Р.Г.,  
Казань*

На рубеже XVIII – начале XIX вв. Казань являлась крупным социополитическим, торгово-экономическим и культурным центром востока Российской империи. Занимая важный стратегический рубеж между Западом-Россией-Востоком, в Казани сформировались основные условия для развития востоковедения. В первой половине XIX в. ведущим центром российского и мирового университетского востоковедения, в том числе синологии стал Казанский университет.

В начале XX в. востоковедение в России представляло особую систему знаний об истории и культуре народов Востока. Стержнем сформировавшегося классического востоковедения в России в начале XX в. стали восточное языкознание и исследования памятников традиционной восточной

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №14-11-16015а/В2014.

письменности и материальной культуры. Знание и использование классических и живых восточных языков, письменных текстов или памятников материальной культуры народов Востока – ключевые черты российского университетского и академического востоковедения. В XIX – нач. XX вв. академическое и университетское направления отечественного востоковедения характеризуются взаимодействием с государством и обществом, обновлением тематики и изменением роли региональных научных дисциплин, появлением новых форм организации исследований и объединения ученых-востоковедов, международными научными и культурными контактами с Азией и Европой.

Практическое, академическое и университетское изучение языка, литературы, истории и культуры народов Китая стало важным фактором зарождения и развития синологии в России в ХУШ – нач. XX вв.

Формирование университетского китаеведения, маньчжуроведения и буддологии в Казани до 1855 г. в основе которых было изучение языков и памятников духовной культуры народов Центральной Азии связано с деятельностью известных ученых и участников Пекинской духовной миссии – архимандрита Даниила (1798–1871, Пекин, 1821–1830), И.П.Войцеховского (1793–1850, Пекин, 1819–1831) и воспитанника восточного разряда, также члена миссии в 1840–1850 гг. В.П.Васильева (1818–1900). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли неоценимый вклад в изучение истории и культуры народов Китая<sup>1</sup>. Университетская кафедра китайского языка и словесности (1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

Университетское китаеведение в Казани в первой половине XIX в. формировалось и развивалось на основе организации научных путешествий в страны Центральной и Восточной Азии. Наряду с практическими занятиями воспитанников с природными носителями живых азиатских языков непосредственное знакомство с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стали особенной чертой казанской школы востоковедов XIX – начала XX вв.

В архивных фондах гг. Казани, С.-Петербурга и в отечественной историографии представлен огромный материал, посвященный научным путешествиям воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета – О.Ковалевского (1800–1878) и А.Попова (1855–1880) в Сибирь, Монголию и Китай (1828–1833 гг.) и В.Васильева в Китай (1840–1850 гг.)<sup>2</sup>.

В отечественном востоковедении XVIII – нач. XX вв. огромный интерес вызывал Китай и особую роль в развитии российско-китайских связей и становлении российского китаеведения сыграла Пекинская духовная миссия, куда также стали отправляться представители университетских центров. В истории российского университетского востоковедения и китаеведения первой половины XIX в. важное место занимают научные путешествия в Китай и участие в составе Пекинской духовной миссии монголоведа О.М.Ковалевского (1800–1878)<sup>3</sup> и китаеведа В.П.Васильева (1818–1900 гг.)<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Даниил (Сивиллов). Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещенного ума // УЗКУ. – 1837. – Кн. II–III; Его же. Всеобщая история Китая // УЗКУ. – 1837. – Кн. IV; 1838. – Кн. II и IV; ОРПК НБ КГУ. – № 4478. Даниил Сивиллов. Лао-цзы. Философия. Перевод иеромонаха Даниила. Рукопись. 19 в. 36 п/л.; Там же. – № 4485. Даниил Сивиллов Любомудрие Конфуция. Черновая тетрадь переводов о. Даниила. 19 в. Тет. 8+4+5 лл.; Васильев В.П. О китайской траве Му-суй // Казанские губернские ведомости. – 1851. – № 50; Его же. Китайская трава Му-суй // Библиотека для чтения. – 1852. – Т. 113; Его же. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. – 1852. – Ч. 73; Его же. О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии // Вестник Географического общества. – 1855. – Ч. 15. – отдел «Смесь»; Его же. Буддизм. Его догматы, история и литература. – СПб., 1857. – Ч. 1; Его же. Записки о восточных книгах в С.-Петербургском университете В.П.Васильева // Русский вестник. – 1857. – Т. 9. – Кн. 2; Русский вестник. – 1857. – Т. 11. и др.

<sup>2</sup> НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.2237. «Об отправлении двух студентов Казанского университета в Иркутск для обучения монгольскому языку». 741 лл.; Там же. Ф.92. Оп.1. Д.4814. «Об отправлении студентов Казанского университета Васильева, Навроцкого и Рушко в Пекин для изучения китайского, монгольского и маньчжурского языков. 14 марта 1838 г.» 453 лл.; Там же. Ф.977. Оп. Совет. Д.1266. «Документы о научном путешествии в Иркутск и Монголию кандидата О.Ковалевского и студента Попова. Т.1. 23 апреля 1828 – 15 мая 1832 г.» 168 лл.; Там же. Ф.977. Оп. Совет. Д.1267. «То же. Т.2. 27 апреля 1828 – 2 июля 1834 г.» 114 лл.; Там же. Ф.977. Оп. Совет. Д.2283. «О командировании и пребывании магистра Васильева В.П. в Китае с Пекинской духовной миссией.» 115 лл.; РГИА. Ф.733. Оп.42. Д.90. «Дела о назначении ст-ов ун-та В.П.Васильева, Н.Навроцкого и С.М.Рушко в Пекинскую дух. миссию для изучения языков тибетского, санскритского, монгольского, маньчжурского и китайского. Краткий отчет о занятиях в Пекине магистра ун-та В.П.Васильева. лл.205–256. 17 марта 1838 – 5 декабря 1852 г.» 327 лл.;

<sup>3</sup> Монголовед О.М.Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). – Казань, 2004; Россия – Монголия - Китай: Дневники монголоведа О.М.Ковалевского 1830–1831 гг./Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий, указатели Р.М.Валева, И.В.Кульганек. – Казань, 2005; Ramil M.Valeev, Irina V. Kulganek, Jerzy Tulisov. Professor O.M. Kowalewski – Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks//Acta Orientalia Vilnensia. - V. 10. - 1-2(2009). – Vilnius, 2011. - P.29 – 56.

<sup>4</sup> См.: Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева. Читан в заседании общего собрания имп. АН. 13 мая 1900. – СПб., 1900; Столетие со дня рождения академика Василия Павловича Васильева. 20 февраля 1918 – 5 марта 1918 г.: Речи, читанные в торжественном заседании Российской Академии наук: Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму; Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П.Васильева; Иванов А.И. В.П.Васильев как синолог. – Пг., 1918; Козин С.А. Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В.П.Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР: К 30-летию со дня смерти В.П.Васильева. 27 апреля 1930 // Известия Академии наук СССР. Отд. обществ. наук. – 1931. – С. 759 – 774; Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев // Очерки по истории русского востоковедения. – 1956. – Сб. 2. – С. 232 – 340; История и культура Китая (сборник памяти академика В.П.Васильева). – М., 1974; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведе-

История академического и университетского отечественного китаеведения XIX в. представлена яркими и выдающимися именами ученых-синологов и их бесценным наследием, посвященным истории и культуре великого соседа России – Китая. Среди них особо выделяю лишь следующие имена – это Н.Я.Бичурин (1777-1853), П.И.Каменский (1765-1845), С.В.Липовцев (1770-1841), П.И.Кафаров (1817-1878) и В.П.Васильев (1818-1900). Все они в разные годы жили и учились в Казани, и их тернистый путь в науку о Китае был связан с Российской духовной миссией в Пекине. Особенно жизнь и наследие Бичурина, Кафарова и Васильева составили эпоху в российском китаеведении XIX в. Их биографии и судьбы тесно сплетены и в целом раскрывают величие и трагедию научного творчества и поиска первых российских ученых-китаеведов, заложивших основы классической синологии в России.

Формирование университетского китаеведения в Казани связано со следующими событиями и именами. 11 мая 1837 г. впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д.П.Сивиллов, 1798–1871)<sup>1</sup>, который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И.П.Войцеховский (1793–1850), заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани в 1844–1850 гг. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В.П.Васильев (1818–1900)<sup>2</sup>, который только что приехал из Пекина.

Истоки образовательной подготовки будущих монголоведов, синологов и буддологов в Казанском университете для научного путешествия в составе Пекинской духовной миссии связаны с интересными архивными материалами, касающихся биографий и наследия российских востоковедов. Среди них – С. Рушко (выпускник восточного разряда университета в 1841 г, преподаватель китайского языка в гимназии и университете в 1841-1845 гг.), В. Васильева (выпускник восточного разряда университета в 1837 г., преподаватель китайского языка в Казанском университете в 1851-1855 гг. и преподаватель китайского и маньчжурского языков в Петербургском университете в 1855-1900 гг.) и М. Навроцкий (выпускник восточного разряда университета 1846 г., преподаватель арабского языка в Казанском университете в 1846-1855 гг. и Петербургском университете в 1855-1871 гг.).

Попечитель казанского учебного округа М.Н.Мусин-Пушкин (1795-1862) просил оценить знания студентов, намереваясь впоследствии С. Рушко «отправить в Пекин для усовершенствования в языке китайском», В. Васильева для «усовершенствования в языке тибетском», а студента М. Навроцкого «для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского»<sup>3</sup>.

Отправка студентов Казанского университета в Китай планировалась в составе духовной миссии, представлявшей на тот момент одну из немногих официальных возможностей посетить Среднюю империю. С XVII в. миссия являлась единственным центром для подготовки в России знатоков китайского и маньчжурского языков<sup>4</sup>. В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии народов Циньской империи.

В марте 1838 года преподаватели китайского и монгольского языков, архимандрит Даниил и Осип Ковалевский, положительно оценивали успехи вышеупомянутых студентов и отмечали, что отправление их на стажировку за границу «послужит единственным средством доставить им все возможные способы к приобретению основательных познаний в восточных языках»<sup>5</sup>. Выделяя перспективы изучения тибетского языка, ординарный профессор Осип Ковалевский, посещавший в 1831 г. Пекин в составе XI Пекинской духовной миссии, отмечал, что «в Китайской столице, сколько мне известно находятся тысячи лам из природных Тибетцев, а в том числе и таких, которые знают язык санскритский и разные индийские наречия».

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В.Васильева, выдержавшего испытания на степень магистра<sup>6</sup>.

С отъездом В.Васильева из Казани 20 января 1840 г. в составе XII духовной миссии в научное путешествие в Китай открывалась новая страница в жизни молодого ученого, где, по его словам, родились «многие его мысли и взгляды». Уникальная образовательная и научная командировка

---

ния. – М., 1977; История отечественного востоковедения до середины XIX в. – М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1997 и др.

<sup>1</sup> См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904). К., 1904. Ч.1; Русский биографический словарь. СПб., 1905.

<sup>2</sup> РГИА. Ф.733. Оп.42. Д.5. «Дела об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назначении на его место И.П.Войцеховского. 5 марта 1837 – 17 ноября 1844 г.» 70 лл.; НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.4599. «Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка. 1 марта 1837 г.» 32 лл.; НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д.5451. «Об утверждении при Казанском университете кафедры маньчжурского языка. 28 марта 1843 г.» 2 лл.

<sup>3</sup> НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 4814. Л. 1-3 об.

<sup>4</sup> Васильев В. Воспоминание об И.И.Захарове // ЖМНП. 1885, сент.

<sup>5</sup> НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 4814. Л. 1-3 об.

<sup>6</sup> НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д. 4814. Л. 14.

В.П.Васильева в Пекин (с января 1840 г. по сентябрь 1850 г.), продолжавшая традиции научных путешествий в истории российского востоковедения XIX в., сыграла исключительную роль в его научной судьбе.

Научное путешествие В. П. Васильева переломное в истории отечественной синологии XIX в. В истории Российской духовной миссии в Пекине (1715-1864) впервые был прикомандирован выпускник российского университета и магистр восточной словесности. В Пекине он развил наблюдательность, память и удивительную способность научной работы над оригинальными классическими текстами. Именно в этот период сформировались особенные черты характера личности – скептицизм, упорство, настойчивость и твердость. В основном сформировался основательный научный фундамент разносторонних знаний об истории и культуре народов Китая.

По поручению Совета университета профессором О.М.Ковалевским в июне 1839 г. была составлена программа для студента Казанского университета, направляемого в Пекин<sup>1</sup>.

«Руководительное наставление» О.М.Ковалевского основных направлений занятий В.П.Васильева в Пекине стала оригинальной университетской образовательной и научной программой комплексной подготовки востоковеда-синолога, тибетолога, буддолога и маньчжуроведа. В нем он наиболее полно осуществил идею и принципы: «университетское образование..., не ограничиваясь одною теориею языков, руководствует своих питомцев к практическому их употреблению, а объясняя историю и литературу важнейших азиатских народов, открывает путь к дальнейшей разработке богатейших рудников восточной учености, для пользы и славы нашего Отечества»<sup>2</sup>. В программе занятий обращалось основное внимание изучению тибетского и санскритского языков, «истории Тибета, его литературы и древностей», сбору сведений о Китае Индии и Монголии, приобретению книг и рукописей и др. Будущий ординарный академик В.П.Васильев был назначен агентом-корреспондентом Академии наук с целью приобретения тибетских и монгольских книг, а также для выполнения других академических научных поручений. В дополнение к наставлению университета и Академии наук<sup>3</sup> попечитель распорядился, чтобы были даны дополнительные задания по сбору для Казанского университета редких предметов для обогащения зоологического музея, гербария и т.д.<sup>4</sup>

В инструкции путешественнику, составленной О.Ковалевским, отмечается, что Казанский университет, отправляя В.Васильева в Пекин при Российской духовной миссии сроком на десять лет, надеется со временем приобрести в его лице отличного преподавателя тибетского языка и глубокого исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих «восточную полосу Азии»<sup>5</sup>. Основательное изучение тибетского языка, а также его наречий, как подчеркивалось, являлось первым и главнейшим занятием и основною целью будущего ученого<sup>6</sup>. Для этих целей В.Васильеву предлагали обратить внимание на составление «лексикона» на основе тибетских сочинений разных периодов.

После изучения языка и составления учебных пособий основное внимание должно было быть уделено изучению истории Тибета, его литературы и древностей наравне с историей, литературой и древностями народов, имевших влияние на судьбу Тибета или находившихся с ним в контакте. Было отмечено, что «Индия, Китай, Монголия и другие страны должны необходимо войти в круг любознательности г. Васильева»<sup>7</sup>.

При изучении истории необходимо было «определить индийско-тибетскую и китайскую хронологию, равно как и географическое положение государства в разные периоды их жизни, не придерживаясь тех систем, придуманных некоторыми ориенталистами, оставив в стороне доводы и догадки ученых европейцев». В.Васильеву было поручено «стараться самому изыскивать истинное значение географических наименований», не обращая внимания на системы, придуманные «некоторыми ориенталистами»<sup>8</sup>. Предполагалось, что он, получивший в университете достаточные сведения о буддизме, ламской иерархии и философии буддизма, сумеет в Пекине «пополнить и совершенствовать приобретенные познания»<sup>9</sup>.

Важным предметом наблюдений Васильева должна была стать экономика страны пребывания. «Земли и жители, как основание силы государства..., государственные постановления и управление; предметы народного хозяйства и народная образованность во всех отношениях», по мнению Ковалевского должны занимать внимание г. Васильева. Китайский язык и литература не являлись главным занятием, однако считались важнейшим средством достижения цели<sup>10</sup>.

<sup>1</sup> НА РТ. Ф. 977. Оп. Совета. Д. 8453. Лл. 6-10.

<sup>2</sup> Ковалевский О.М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета, 8-й день августа 1837 г. ординарным профессором Осипом Ковалевским. Казань, 1837. С. 36.

<sup>3</sup> НА РТ. Ф. 977. Оп. Совета. Д. 8453. Лл.11-12.

<sup>4</sup> НА РТ. Ф. 977, Оп. Совета. Д. 8453. Л.5.

<sup>5</sup> Там же. Л.6.

<sup>6</sup> Там же. Л.6

<sup>7</sup> Там же. Л.7

<sup>8</sup> НА РТ. Ф. 977, Оп. Совета. Д. 8453. Л.8.

<sup>9</sup> НА РТ. Ф. 977. Оп. Совета. Д. 8453. Л.10.

<sup>10</sup> Там же. Л.10.



В обязанности В.Васильева также входило приобретение для университетской библиотеки книг на санскритском, китайском, тибетском и монгольском языках<sup>1</sup>. В качестве пожелания высказывались мысли о необходимости иметь собрание тибетских и монгольских летописей, «о которых Европа чрезвычайно мало имеет сведений».

Он, как и предшествующие путешественники, обязан был вести подробный дневник о своих занятиях и наблюдениях как в пути, так и во время всего периода пребывания в Пекине. В дневнике предполагалось помещать ежедневные записи о происшествиях в китайской столице, постановления правительства «и все что знаменует характер места и народа».

Присоединившись к Пекинской миссии в Казани, В. П. Васильев в январе 1840 г. начал свое путешествие в Китай<sup>2</sup>.

Во время нахождения в пути и в Пекине Васильев вел обстоятельный дневник. В.П.Васильев отмечает, что в дневник были внесены больше официальные известия, почерпнутые из Пекинской газеты, нежели собственные впечатления и переживания.

Другим важным оригинальным источником об этой научной командировке являются его письма, направляемые М.Н.Мусину-Пушкину.

Например, он отмечал, что учителя тибетского языка из местных лам, очень плохо владели языком и с трудом могли обучить ученика чему-либо новому. Прежде чем удалось найти подходящего наставника, В. Васильеву несколько месяцев пришлось заниматься самостоятельно<sup>3</sup>.

«Краткий отчет во время десятилетнего пребывания в Пекине магистра Васильева», сохранившийся в Национальном архиве РТ, помогает лучше понять предмет и цели его научных и учебных занятий. «Изучая историю и культуру восточных стран», пишет Васильев, «я никогда не почитал занятий собственно китайским языком дело для меня второстепенным»<sup>4</sup>.

Важной частью отчета В.П.Васильева является информация о его письменных работах. Автор отмечает, что «отчет о моих письменных трудах покажется не совсем удовлетворительным», он обращал больше внимания на сбор разнообразного материала для дальнейшей обработки по возвращении в Россию, также Васильев больше времени уделял поиску редких книг и общению с ламами<sup>5</sup>. На основе архивных материалов следует отметить, что в Пекине В.Васильев составил письменные конспекты по следующим направлениям – тибетская грамматика, история буддизма в Индии, география Тибета, литература буддизма, географические карты и др.<sup>6</sup>

Трудно переоценить значение десятилетия напряженной работы В.П.Васильева по сбору и изучению материалов по истории буддизма в Тибете и сопредельных с ним странах, настойчивых поисков и обработки данных китайских источников, раскрывающих сложные взаимосвязи китайской империи с соседними народами и племенами, скрупулезной работы над созданием исторических карт Китая со времен глубокой древности до позднего средневековья. Исследования Китая и стран Юго-Восточной Азии, начатые им во время пребывания в составе Духовной миссии, получили свое развитие в периоды научно-педагогической работы в Казанском (1851-1855) и Санкт-Петербургском университетах (1855-1900).

Значимым итогом научной командировки в Пекин явилось пополнение библиотеки Казанского университета китайскими, маньчжурскими, тибетскими, монгольскими книгами и рукописями. В 1850 г. В.П.Васильев привез собрание восточных фолиантов, состоящее из 2737 томов и 14447 тетрадей<sup>7</sup>. Собрания сочинений, прибывшие в Казань в пятьдесят одном ящике, охватывали все отрасли знаний: богословие, философия, правоведение, библиография и филология, история и география, изящная литература в стихах и прозе, земледелие и промышленность, астрономия и медицина<sup>8</sup>.

В 1850 г. В. П. Васильев представил в историко-филологический факультет университета подробный отчет о своей деятельности в Китае<sup>9</sup>. Он добросовестно выполнил все указы ученых университета, добившись исследовательских результатов, неустанно работал над совершенствованием своих знаний в монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках, собрал ценный материал по истории, литературе, этнографии, географии, философии и религиям Китая.

Сегодня его научные, общественно-политические и просветительские идеи свидетельствуют о выдающемся прогрессивном ученом и мыслителе XIX в. Для него были органичны научный критицизм, размышления об общности Востока и Запада, критика колониальной политики Европы, гуманизм и вера в будущее народов Азии, оценки об экономическом, политическом и духовном прогрессе китайского народа, гуманистического характера китайской культуры, критика консерватизма и догматизма императорского Китая и др. В оценке Васильева: «человек, где бы он ни жил, все остает-

<sup>1</sup> Там же. Л. 9.

<sup>2</sup> Александров Б.Г. Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае. - М., 2006. С. 83

<sup>3</sup> НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л.47-49.

<sup>4</sup> НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л.60.

<sup>5</sup> Там же. Л. 67 об.

<sup>6</sup> Там же. Л. 75-79.

<sup>7</sup> Фойгт К.К. Обзор хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. Казань, 1852. С.61.

<sup>8</sup> НА РТ. Ф. 92. Оп.1. Д.4814. Л. 300-301.

<sup>9</sup> НА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 8453. Лл.59-82. Карты Лл.83-88.

ся человеком, что везде видно его высокое призвание преобразовать самого себя, выработать окружающую его природу... Человек столько же заслуживает внимания на Востоке, как и на Западе». Патриотизм, любовь к Отечеству, неприятие цензуры и существующего общественного порядка, идеи просвещения народа и возвышения науки в России органичны в наследии ученого-китаевода. Современный Восток и особенно Китай интересовали Васильева в не меньшей степени, чем средневековое азиатское государство и общество.

В 1883 г. в университетской актовой речи «Современное положение Азии – китайский прогресс» профессор В.П.Васильев писал: «Китай имеет все данные, чтобы достигнут самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне»<sup>1</sup>.

Ученый и мыслитель В.П.Васильев критиковал европоцентристские подходы в оценке роли и наследия восточных государств и обществ – идеи неполноценности азиатских народов, умаления их культурного наследия, абсолютизации роли европейской цивилизации в мировой истории, невозможности возрождения народов Азии и Африки.

## Н.Ф. КАТАНОВ И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА<sup>2</sup>

*Валеев Р.М., Валеева Р.З., Минеева М.С.,  
ИМОИВ КФУ, Казань,  
Туужекова В.Н.,  
ХакНИИЯЛИ, Абакан*

Многообразная научная, педагогическая и общественная деятельность Катанова Н.Ф. – яркое свидетельство развития в России тюркологической науки и национальных гуманитарных исследований, и научных школ. Феномен его личности и наследия в истории отечественного востоковедения и культуре народов России, к великому сожалению, пока недостаточно изучен. Сегодня биография Н.Ф.Катанова для современников представляет не только историко-научное значение. Жизнь и труды замечательного тюрколога и этнографа Н.Ф.Катанова следует оценивать не только в координатах истории востоковедения в России и Европе, но и, принимая во внимание широкий общественно-политический и культурный контекст исторического развития тюркских народов во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX в. Наследие и судьба ученого-просветителя определялись единством и многообразием истории и культур тюркоязычных народов России и зарубежного Востока на рубеже XIX - XX вв.

В контексте современной историографии жизнь и деятельность Н.Ф.Катанова оценивается, прежде всего, его личным огромным вкладом в развитие тюркологии рубежа XIX – XX вв., а с другой стороны отсутствием условий для создания научной школы.

Биография и творчество профессора Н.Ф.Катанова «занимает видное место в классическом наследии отечественной тюркологии» (С.Н.Иванов) XIX – XX вв. Российская ориентальная историко-научная и просветительская литература 1920 – 2015 гг., посвященная жизни и деятельности профессора Казанского университета, раскрывает основные этапы и особенности его творчества и бесценного наследия<sup>3</sup>. Сформировались и развиваются разноплановые исследования катановского насле-

<sup>1</sup> Васильев В.П. Современное положение Азии – китайский прогресс. СПб., 1883. С.22.

<sup>2</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках научного проекта №14-11-16015а/В2014.

<sup>3</sup> См.: См.: Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф.Катанова. 1862-1922//Новый Восток. -1922.-

Кн.1; Самойлович А. Памяти Н.Ф.Катанова//Восток.-1922.-Кн.1; Малов С.Е. Н.Ф.Катанов, проф. Казанского университета (1862-1922 гг.). К 95-летию со дня рождения//Вестник Академии наук Казахской ССР.-1958.-№ 5(158); Николай Федорович Катанов: Материалы и сообщения. Абакан, 1958; Материалы и сообщения. К 100-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова (1862-1962)//Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. – Кызыл, 1963. Вып. X, С.211-235; Исхаков Г.И. Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862-1922 гг.) //Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964; Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.Ф.Катанова //Ученые записки Хакасск. НИИЯЛИ. 1964. Вып. X. С. 68- 159; Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). Изд.2-е. М.,1973; Каримуллин А.Н. Н.Ф.Катанов – библиограф и книговед// Книги и люди: Исследование. Казань, 1985; Кокова И.Ф. Н.Ф.Катанов: Документально-публицистическое эссе. Абакан, 1993; Катановские чтения. Сб. статей. Казань, 1998; Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии (Предисл., составл., подг. статей и текстов, пер. В.Е.Майногашевой, подбор научных статей В.Н. Туужековой). – Абакан: Хакасской кн. Изд-во, 2000, С.355-544; Научное наследие Н.Ф.Катанова и современное востоковедение. Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н.Ф.Катанова, 2003.

дия, научной биографии, роли ученого в отечественной истории тюркологии и культуре народов России.

Академик Гордлевский В.А. в своей речи «Памяти Н.Ф.Катанова от 11 июня 1922 на заседании Восточной комиссии Московского археологического общества говорил: «историк востоковедения сумеет оценить труд долгий и бескорыстный, внесший обильный доброкачественный материал по языкам, до Катанова мало обследованным»<sup>1</sup>.

В настоящем докладе мы хотим затронуть тему историко-этнографического вклада Н.Ф.Катанова в процессе изучения тюркских народов Восточного Туркестана.

Историко-этнографические и фольклористические заслуги Катанова со студенческих лет в Петербурге (1884-1888), периодов экспедиции в Южной Сибири и Восточном Туркестане (1889-1892) и преподавательской работы в Казани (1894-1922) будут связаны с комплексным исследованием языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Сынцзяня, Поволжья и Приуралья, в том числе Восточного Туркестана. Он оказал огромное влияние на развитие отечественной тюркологической этнографии и фольклористики.

Эти основные жизненные этапы научно-исследовательской деятельности Катанова отражают традиционные направления и некоторые особенности его вклада в историко-этнографическую мысль России последней четверти XIX – начала XX вв. На протяжении этих лет ученым накапливался огромный обобщающий этнографический и фольклористический материал, имеющий теоретическое и методическое значение. Особенно с первых полевых экспедиций в Сибири с 1889 г. началось накопление им достоверных фактических историко-этнографических материалов и формирование научно-методических принципов исследования тюркоязычных народов евразийского пространства.

Во многом вклад выдающегося хакасского ученого Н.Ф.Катанова определяется сохранением и углублением преемственности разнообразных зарубежных и отечественных историко-этнографических исследований, и материалов XVII – начала XX вв., посвященных тюркским народам Евразии.<sup>2</sup>

В целостности его этнографические материалы представляются комплексным и энциклопедическим наследием о многих тюркских народах, проживающих в Российской и Цинской империях – хакасах, тувинцах, уйгурах, казахах, киргизах, тофаларах, татарах, башкирах и т.д. Эти ценные материалы формировались по итогам полевых этнографических экспедиций и поездок. Они особенно ярко демонстрируют научное трудолюбие, скрупулезность и высокий уровень исследовательской культуры Н.Ф.Катанова.

Его имя и этнографическое наследие звучат в общих историографических работах. Известный советский этнограф С.А.Токарев в своем историко-этнографическом обзоре алтайско-саянских народов писал: «Очень ценны работы хакасского ученого проф. Н.Ф.Катанова, его материалы филологического и этнографического характера, особенно записи фольклора».<sup>3</sup> Особенно отмечалась фольклорно-собираТЕЛЬская деятельность Катанова.

Однако многие эти оценки не позволяют глубже представить направления и преемственность многогранной историко-этнографической работы Н.Ф.Катанова на протяжении многих десятилетий.

Современная оценка вклада одного из основоположников этнографии тюркских народов Евразии нач. XX в. имеет огромное значение для исследования истории отечественной тюркологии, ее школ и традиций. Наследие Н.Ф.Катанова ярко отражает историко-научное развитие этнографии в дореволюционной России 1880 – 1917 гг. и в первые годы советской власти 1918-1922 гг.

В целом годы учебы в университете и научной экспедиции (1884 – 1892) стали исключительно значимыми для становления Катанова – этнографа-исследователя. Изучение тюркских языков народов Сибири и Восточного Туркестана, непосредственное знакомство с жизнью населения, сбор фольклорного материала – это его основные направления этнографических исследований. После фундаментальной востоковедческой подготовки в университете он во время своего научного путешествия на высоком методическом уровне изучал живую разговорную тюркскую речь и собирал разнообразный этнографический материал.

После окончания университета Н. Ф. Катанов решил посвятить себя научно-педагогической работе. Период с 28 мая по 4 июля 1888 г. в его биографии связан с основными решениями об оставле-

---

– 272; Наследие Н.Ф.Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного научного семинара. 30 июня-1 июля 2005 г.- Казань, 2006 и др.

<sup>1</sup> Гордлевский В.А. Памяти Н.Ф.Катанова (1862-1922)//Избранные сочинения. – Т.1У. – М., 1968. С. 401.

<sup>2</sup> См.: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тесты и комментарии. Т.1. Ч.2. – Иркутск, 1936; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. – М.- Л., 1950; Сухова Н.Г. Физико-географические исследования Восточной Сибири в 19 в. –М., 1964; Наумов В.Г. Русские географические исследования в Сибири в XIX в. – М., 1965; Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). – М., 1970; Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). – Красноярск, 1973; Ширина Д.А. Летопись экспедиций Академии наук на Северо-Восток Азии в дореволюционный период. – Новосибирск, 1983; Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М., 1989. – 749 С.; Миллер Г.Ф. Сибирь ХУШ в. в путевых описаниях. – Новосибирск, 1996 и др.

<sup>3</sup> Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. – М., 1958. – С. 430.

нии его «при университете для дальнейшего усовершенствования в тюркских наречиях». <sup>1</sup> Инициатива принадлежала самому выпускнику восточного факультета Николаю Катанову и его учителю профессору И. Н. Березину, который дал отзыв о своём ученике. Решение совета факультета восточных языков и ходатайство ректора университета «об оставлении кандидата Н. Катанова при университете для приготовления к ученой степени» были поддержаны попечителем учебного округа. От 4 июля 1888 г. было разрешено оставить Н. Ф. Катанова «при С.-Петербургском университете, по кафедре турецко-татарской словесности на два года с 1 июля с назначением ему...стипендии по 600 руб. в год» <sup>2</sup>.

Важным рубежом жизненного и профессионального пути Николая Катанова стало научное путешествие в 1889-1892 гг. в Южную Сибирь и Восточный Туркестан с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованная и поддержанная Русским географическим обществом, Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения.

В октябре – ноябре 1888 г. Н. Ф. Катанов принимает окончательное решение. Происходит согласование вопроса о его научном командировании «в Монголию и Сев.-Запад. Китай для этнографического и лингвистического исследования тюркских племен» между Санкт-Петербургским университетом и Русским географическим обществом.

Указом Александра Ш от 22 декабря 1888 г. кандидат Н. Ф. Катанов был командирован на два года «за границу с ученой целью» <sup>3</sup>.

Министерством внутренних дел от 8 декабря 1888 г. был подготовлен и вручен открытый лист Н. Ф. Катанову, командированному в Восточную и Западную Сибирь и Китай с научной целью. Официальный документ, который подписал граф Д. Толстой, предписывал «местам и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенного на него поручения» <sup>4</sup>.

На заседании совета факультета восточных языков от 28 января 1889 г. была утверждена «Инструкция для занятий командированного с ученою целью за границу кандидата Николая Катанова», составленная профессором И. Н. Березиным <sup>5</sup>.

Декан факультета И. Н. Березин писал ректору университета: «Путешествие г. Катанова, судя по полученному императорским русским географическим обществом сборнику материалов, добытых нашим молодым исследователем, должно почитаться весьма успешным: он собрал статистические данные относительно посещенных им тюркских поколений, составил описания их обычаев, представил рисунки родовых клейм (тамга) и предметов домашнего обихода, сделал попытку к составлению урянхайского словаря (около 1150 слов); песни, загадки, сказки, пословицы, шаманские молитвы и причитания считаются в сборнике сотнями» <sup>6</sup>.

В марте 1892 г. был подготовлен новый отзыв факультета попечителю учебного округа: «...Пребывание г. Катанова на Востоке продолжается и последние представленные им Географическому обществу отчеты свидетельствуют, что г. Катанов и в настоящую пору не менее плодотворно продолжает свои исследования. В виду этого, и полагая, что для пользы науки, такой ревностный молодой труженик не может быть оставлен без необходимых для него поддержки и руководства ученых специалистов...» <sup>7</sup>.

Эта экспедиция по значимости общегеографических, лингвистических и историко-этнографических материалов стоит в ряду известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX – начале XX вв. Как известно, среди участников этих масштабных по научной и культурной значимости были Ч. Ч. Валиханов, Г. Н. Потанин, Н. М. Пржевальский, братья Г. Е. и М. Е. Грумм-Гржимайло, В. И. Роборовский, В. В. Радлов, П. И. Лерх, В. А. Обручев, П. К. Козлов, Г. Н. Цыбиков, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман и другие <sup>8</sup>. В период своего путешествия и в дальнейшем Н. Ф. Катанов постоянно

<sup>1</sup>См.: Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее - РГИА СПб). Ф. 14. оп. 1. Д. 8933. Л. 1-5.

<sup>2</sup>РГИА СПб. Ф. 14. оп. 1. Д. 8933. Л.4.

<sup>3</sup>См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1889.- Ч. 261. – отд. 1. – С. 22; РГИА СПб. Ф. 14, оп. 1. Д. 8933, Л.13; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец ХУП в. – 1917 г.). – СПб., 1993. - С.287.

<sup>4</sup>См.: НА РТ. Ф. 977. оп. Совет. Д. 8904. Л.14.

<sup>5</sup>См.: РГИА СПб. Ф. 14. оп. 1. Д.8933. Л. 15-16об.

<sup>6</sup>См.: РГИА СПб. Ф.14. оп. 1. Д.8933. Л.23.

<sup>7</sup>РГИА СПб. Ф. 14. оп. 1. Д. 8933. Л. 40об.

<sup>8</sup>См.: Валиханов Чокан. Избранные произведения. - М., 1987; Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 гг. Вып. 1-4. - СПб., 1881-1883; Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867-1869 гг. – СПб., 1870; Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами и Тибет и на верховья Желтой реки. – СПб., 1883; М., 1948; Памяти Николая Михайловича Пржевальского. (Ст. и речи). – СПб., 1890; Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-шань и в Нань-шань. – М., 1949; Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских песен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собр. В. В. Радловым. Ч. 1-10. – СПб., 1866-1907; Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1-2. – СПб., 1888-1902; Обручев В. А. Краткий обзор экспедиций, снаряженных имп. Русским географическим обществом для исследования материк Азии с 1846 по 1896. //Известия восточно-сибирского отдела имп. Русского географического общества. – 1897.- Т.27; Козлов П. К. Трехлетнее путешествие (1899-1901 гг.) по Монголии и Тибету. Экспедиция РГО. – СПб., 1913; Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 1907-1909: Экспедиция в Нагорной Азии. - М.-Пг., 1923 и др.

обращался к этим и другим опубликованным материалам, посвящённым географии, истории, этнографии и культуре народов Центральной Азии.

В декабре 1888 г. Николай Катанов выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. 19 января 1889 г. он прибыл в Красноярск, позднее - в Минусинск и Асхыз.

Особенно интересными представляются разнообразные материалы, посвященные экспедиции в основные центры Восточного Туркестана. Например, во время одного из научных экспедиций летом 1890 г. Н. Ф. Катанов посетил восемь китайских центров (Хотан, Кашгар, Ак-су, Кучар, Каракаш, Бая, Логучен и Старый Турфан), где знакомился с языком тюркского населения Восточного Туркестана. Оригинальные оценки были сделаны по итогам этой поездки: «Наречия тюркских обитателей этих городов в фонетическом отношении почти все сходны. Разница заключается лишь в большем или меньшем количестве китайских и монгольских слов» и ряд других значимых языковедческих выводов о тюркских языках Восточного Туркестана<sup>1</sup>.

Также сохранился «Дневник путешествия» 1890 г., где представлены материалы поездки Н.Ф. Катанова в «Дзунгарию и северную часть Восточного Туркестана»<sup>2</sup>. Как отмечал путешественник, ему «не удалось в эту поездку добраться до г. Хами, где можно было бы собрать интересные научные сведения как об языке, так и об обычаях обитателей Хамийского оазиса, неисследованных до настоящего времени ни одним специалистом. Кроме ограниченности средств, препятствием поездки в этот интересный оазис служило задержание нас в г. Урумчи китайскими властями, обещавшимися пропустить меня и двух моих спутников не иначе, как по получении из Пекина разрешения»<sup>3</sup>.

В следующий период путешествия с февраля по ноябрь 1891 г. в центре полевых исследований Н. Ф. Катанова находились тюркоязычные народы (уйгуры, казахи и другие этносы) Восточного Семиречья (Тарбагатай). Наиболее важным итогом экспедиций 1890-1891 гг. стал сбор огромного массива фольклорных материалов: «исторические рассказы о войнах в Вост. Туркестане, песни, распеваемые в главные мусульманские праздники, песни эротические, толкования снов, загадки и пословицы», а также изучение «языка Казак-киргизов, состоящих в ведении Тарбагатайского хебей-амбана, живущего... в г. Дурбульджине»<sup>4</sup>. Оригинальные тюркские тексты, собранные во время экспедиции, записывались и впоследствии публиковались Н. Ф. Катановым в принятой академической транскрипции этого периода. Н. Ф. Катанов оставался последователем этой академической традиции: тюркоязычные тексты, термины, названия, имена он записывал максимально приближенным к тексту или народному звучанию. В 1906 г. в связи с публикацией оригинального таранчинского текста песен, собранных Н.Н. Пантусовым в 1899-1900 гг. в г. Яркенте (Джаркент) Семиреченской области и присланных Н.Ф. Катанову в 1904 г. писал: «Для облегчения чтения текстов я снабдил их русской научной транскрипцией, принятой в тюркских изданиях нашей Академии Наук»<sup>5</sup>.

Местом своего пребывания между поездками Н.Ф. Катанов избрал укрепление Бахты, Семиреченской области.

Обобщённые материалы экспедиции, собранные в восточных районах Семиреченской области и г. Чугучак с 24 февраля по 19 октября 1891 г., изложены Н. Катановым в отчёте, направленном Русскому географическому обществу<sup>6</sup>.

С 13 мая по 7 ноября 1891 г. Н. Ф. Катанов также жил в г. Чугучак (Китай) с тем, чтобы «подготовиться к путешествию по Китаю»<sup>7</sup>. Отсюда он писал В. В. Радлову: «Подготовка моя заключалась в том, что я нашел, при помощи русских поданных, живущих в Чугучаке, несколько китайских татар из городов Турфана, Логучена. Аксу, Кучара и Кашгара, записываю с их уст памятники народной литературы и таким образом совершенствуюсь в изучении татарского языка, с которым придется мне иметь дело во время поездки в Хами и Турфан»<sup>8</sup>. Именно в г. Чугучак в октябре 1891 г. Н. Катанов переписал тюркский текст литографированной китайской книги «Ли» (Закон). В 1902 г. этот текст был издан при поддержке В. Р. Розена в «Записках Восточного отделения русского археологического общества»<sup>9</sup>.

Наиболее протяжённым по времени и значимым по итогам научной экспедиции стали комплексные исследования основных тюркских этносов Синьцзяня.

<sup>1</sup>См.: Письма Н.Ф.Катанова... - С.95-107.

<sup>2</sup>См.: НА РТ. Ф. 969. оп. 1. Д. 10. «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану. Дневник путешествия, совершенного по поручению императорского Русского географического общества в 1890 г.». 241 л.

<sup>3</sup>НА РТ. Ф.969. оп. 1. Д.10. Л. 1.

<sup>4</sup>См.: Письма Н.Ф.Катанова... - С. 63.

<sup>5</sup>См.: Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н.Н.Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н.Ф. Катанова.//ИОАИЭ. – 1906. – Т. XXП. – Вып. 5. – С.303.

<sup>6</sup>См.: Отчеты канд. С.-Петербургского Унив. г. Катанова, отправленного для этнографического исследования тюркских племен в Вост. Сибирь, Монголию и Сев. Китай.//Живая старина. – 1892. –Вып. 1У. – С. 111-122; 134-137.

<sup>7</sup>См.: Письма Н. Ф.Катанова... - С.62-63.

<sup>8</sup>См.: Письма Н. Ф.Катанова... - С.62-63.

<sup>9</sup>Подробнее см.: Катанов Н. Ф. Маньчжурско-китайский «ли» (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана.//Записки Восточного отделения русского археологического общества. 1902. – Т. Х1У. – С. 31-75.

8 ноября 1891 г. Н. Ф. Катанов «покинул г. Чугучак и через гг. Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манас, Урумчи, Гучен и хребет Тянь-Шань (перевал Гоу-чен-дабан) проехал в г. Хами, где прожил вплоть до 7 марта 92 г.»<sup>1</sup>.

Эта последняя экспедиция была проведена с ноября 1891 г. по март 1892 г. в Хамийском оазисе и завершилась в марте – мае 1892 г. в Турфане. Специальный паспорт на китайском, русском и маньчжурском языках для продвижения в Хами и Турфан был получен в октябре 1891 г. при содействии консула в г. Чугучак М. П. Шишмарева и консула в г. Кульдже В. М. Успенского.

По свидетельству самого путешественника, «в давно желанный город Хами» он проехал по маршруту «Чугучак – Кара Усу – Урумчи – Гучень – хребет Тяньшань – пикет Янь-цзы». «Здесь я намерен пробывать 1,5-2 месяца, - писал из г. Хами Н. Ф. Катанов в письме от 8 января 1892 г. В. В. Радлову, - и потом поеду в г. Логучен или Турфан, где пробуду около 1,5 месяца; далее 1,5 месяца пробуду среди илийских таранчей и оттуда поеду к верховьям р. Томи и Абакан для подробного исследования шаманизма качинцев, сагайцев, бельтиров и койбалов, и оттуда в С.-Петербург»<sup>2</sup>. Н. Ф. Катанов пробыл в г. Хами до середины марта 1892 г.

Во второй половине марта 1892 г. «приехал на русской телеге из Хами через Пичань в Турфан»<sup>3</sup>. В этом городе Восточного Туркестана Н. Ф. Катанова заинтересовала китайская система управления краем. О власти хамийского и логученского цзюнь-ваней (князя второй степени) он писал: «Оба вана сильно обирают своих подчиненных; крестьяне работают на них три недели и на себя одну. С посевов значительная часть отдается в собственность вана»<sup>4</sup>.

Следующим центром пребывания Н. Ф. Катанова в Синьцзяне стал г. Кульджа, куда он прибыл в конце апреля 1892 г.

В целом на китайской территории Восточного Туркестана Н. Ф. Катанов находился 18 месяцев.

Н. Ф. Катанов закончил своё путешествие по китайскому Восточному Туркестану, прибыв в мае 1892 г. в г. Джаркент Семиреченской области. Он писал: «Путешествие по округам Тарбагатаю и Или и новой провинции Гань-су-синь-цзянь я закончил благополучно, собравши богатый этнографический и лингвистический материалы и большую коллекцию денежных знаков. Мною посещены следующие города северо-западного Китая: Чугучак (по-китайски Бияр), Дурбульджин, Кур-Кара-Усу, Манасы, Чан-цзи (Санжи), Урумчи, Гучен, Хами, Пичан, Турфан, Джин-хо, Суйдун и Кульджа, и находящиеся близ них поселки и деревни. Исследованы мною быт и язык казак-киргизов и китайских татар»<sup>5</sup>.

По пути в Санкт-Петербург Н. Ф. Катанов писал своему учителю В. Р. Розену о своих основных итогах научного путешествия: «Четырехлетнее странствование мое по степям, горам и пустыням Азии было для меня весьма полезно: я окреп здоровьем, научился многому и видел много редкостного. Бывали во время путешествия и такие минуты, когда проклинал себя за то, что выехал из Петербурга, но теперь все неприятное забыто, и, кажется, было бы излишнее съездить куда-н[ибудь] еще раз, хотя бы напр[имер] в Русский Туркестан. Материалов, не приведенных в порядок, везу с собою ¼ пуда. По прибытии в Петербург (в конце этого месяца) займусь обработкою их, чтобы под свежими впечатлениями издать их как можно лучше»<sup>6</sup>.

Основные историко-этнографические материалы в ходе и по итогам научной экспедиции были опубликованы в известных и забытых работах Н.Ф.Катанова<sup>7</sup>. В сентябре 1893 г. в своем предисловии к изданию В.В.Радлов, которому были адресованы письма кандидата С.-Петербургского университета Н.Ф.Катанова отмечал, что в них «не мало сведений, новых и интересных для этнографии и туркологии». Основоположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций среди тюркских народов Сибири второй половины XIX в. В.В.Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что описаны на местах исследований и под свежим впечатлением»<sup>8</sup>. Именно его ученику было суждено продолжить комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии.

Эти опубликованные письма Н.Ф.Катанов писал в Академию наук В.В.Радлову с 17 апреля 1889 г. по 12 ноября 1892 г. Они были написаны в ходе этнографической и лингвистической экспедиции из основных центров южной полосы Сибири и Восточного Туркестана.

<sup>1</sup>Катанов Н. Ф. В императорское русское географическое общество. (отделение этнографии).//Живая старина. – 1892. – Вып. IV. – С. 135.

<sup>2</sup>Письма Н.Ф.Катанова...- С.69.

<sup>3</sup>Письма Н.Ф.Катанова...- С. 73.

<sup>4</sup>Письма Н.Ф.Катанова...- С. 76.

<sup>5</sup>Письма Н.Ф.Катанова...- С.81-82.

<sup>6</sup>СПб. филиал Архива РАН. Ф.777. оп. 2. Д.197. Л. 1об.

<sup>7</sup> Подроб см.: Катанов Н.Ф. Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар//Известия Томского университета. – 1890. – Кн. 2. –С.237-239; Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 году//Записки Русского географического общества. – 1891. –Т.ХУ1.- Вып.2. – С.133-230; Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен//Известия Русского географического общества. -1893. – Т.ХХ1Х. – С.519-541; Отчет о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Северный Китай в 1890 и 1891 гг.//Живая старина. – 1892. – Вып. 4. – С. 111-122; Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. – СПб., 1893

<sup>8</sup> См.: Письма Н.Ф.Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читан в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. – СПб., 1893. - С.1.

На протяжении 1889 – 1892 гг. Н.Ф. Катанов собирал и обобщал разнообразный этнографический материал о тюркских, самодийских и монгольских народах на огромных географических пространствах и историко-этнографических областях Центральной Азии. В центре этнографического изучения были современные тюркоязычные народы Алтае-Саянского нагорья - хакасы, тувинцы, тофалары. Кроме того, были собраны этнографические материалы о тюрках Восточного Туркестана – уйгурах, казахах и киргизах.

После возвращения из путешествия в Санкт-Петербург в своем выступлении на общем собрании Русского географического общества (19 мая 1893 г.) Н.Катанов отмечал: «Не входя в подробное рассмотрение всего обширного и лингвистического материала, собранного мною за 4 года, я остановлюсь лишь на некоторых памятниках народного творчества тюркских племен Северной и Средней Азии, именно на таких памятниках, которые рисуют религиозные воззрения, быт и нравы названных племен и отношения их к соседним народам».<sup>1</sup> Материалы этого периода свидетельствуют, что объектами его историко-этнографического изучения стали малоисследованные тюркские этносы.

В целом опубликованные сведения и материалы по истории и этнографии тюркских народов 1889 – 1893 гг. группируются по следующим направлениям. Это – географические, административные, экономико-хозяйственные, лингвистические, фольклорные, культурно-исторические и религиоведческие. Практически не встречаются антропологические сведения. В этот период Катанов олицетворяет тип фольклориста-этнографа, занимающегося «полевой» собирательской работой. Особенно в этот период видами его этнографической работы стали личные наблюдения, опрос местного населения и комплексный сбор разнообразных фольклорных текстов.

Основные направления этнографического изучения позволили путешественнику сформулировать выводы, что тюркские и другие этносы вели активное историко-культурное взаимодействие и взаимовлияние на пространствах Центральной Азии. Например, Н.Ф.Катанов отмечал, что верование урянхайцев «в дракона заимствовано через монголов у китайцев» или, выделяя тюрков Восточного Туркестана как приверженцев суннитского ислама, он пишет, что «жизнь обитателей Хамийского оазиса не обошлась без влияния Китая, сказавшегося...на объяснениях некоторых явлений природы и обыденной жизни».<sup>2</sup> Такие оценки постоянно выделяются в историко-этнографических публикациях 1889-1893 гг. и более поздних работах Катанова Н.Ф.

На протяжении последующей научно-педагогической и общественной деятельности Катанов развивал научные основы и исследовательские направления этнографии тюркских народов России и зарубежного Востока, в частности Восточного Туркестана.

## ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ (XVIII – XIX вв.): КРАТКИЙ ОБЗОР

*Валеев Р.М., Федорченко Р.Г.,  
ИМОИВ КФУ*

Термин «синология» сформировался в Европе в XIX в. Однако основы китаеведческих исследований были заложены католическими миссионерами, отправлявшимися в Китай для распространения христианства<sup>3</sup>. Главной целью миссионеров было распространение христианства в Китае, однако они уделяли внимание изучению китайского языка, переводам китайских текстов и распространению знаний о Поднебесной в Европе, именно тому, что в дальнейшем назовут "синологией"<sup>4</sup>.

Благодаря продолжительному пребыванию в Китае некоторым из миссионеров удавалось овладеть китайской устной и письменной речью на таком уровне, который позволял им читать и понимать сложные китайские трактаты. Иезуиты являлись авторами первых сочинений на китайском языке, переводов китайских литературных произведений, трудов по истории и географии Китая, написанных на базе китайских классических источников<sup>5</sup>. Представители миссии, по меткому выражению российской исследовательницы Д.В. Дубровской, «практически завалили информацией – письмами, фолио, записками, путевыми заметками, докладами, переводами и учеными трудами» о Китае<sup>6</sup>. Наиболее значимыми трудами являлись «Записи об истории, науках, искусствах и ремеслах Кита» (17 томов), «Письма зарубежной миссии иезуитов» в 34 томах, большое количество словарей и трактатов по грамматике китайского языка и др.

<sup>1</sup> Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен//Известия русского географического общества. – 1893. – Т. XXIX. – С. 520.

<sup>2</sup> См.: Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен//Известия русского географического общества. – 1893. – Т. XXIX. – С. 522, 527.

<sup>3</sup> Coughlan C. J. The study of China in universities. – США, 2008. – P.107; *Никифоров В.Н.* Китаеведение в Англии. – М., 1977. – С.5.

<sup>4</sup> Mungello D.E. Curious Land: Jesuit accommodation and the origins of sinology. – Гавайи, 1989. – P. 13.

<sup>5</sup> Бартольд В.В. История изучения Востока в России и Европе // Собр. соч. – Т. 9. – С. 298.

<sup>6</sup> Дубровская Д.В. Миссия Иезуитов в Китае. – М., 2000. – С. 12.

Европейские миссионеры как Маттео Риччи (1552–1610), создатель первого португальско-китайского словаря, или Мартино Мартини (1614–1661), издавший атлас Китая, Просперо Инторцетта (1626–1696), впервые представивший конфуцианство Западу – заложили основы европейской синологии<sup>1</sup>.

Основными центрами европейской синологии в XVIII - XIX вв. были Франция, Англия, Германия. В остальных европейских государствах синологические исследования если и присутствовали, то в гораздо меньших масштабах, нежели в вышеуказанных странах.

Преподавание китайского языка и изучение Китая осуществлялись в рамках одной из трех парадигм: миссионерская синология, практическая синология и академическая синология.

Практическая синология являлась основой подготовки переводчиков китайского языка для министерств иностранных дел, торговых палат и других государственных органов средневековой Европы и Нового времени.

Выявляя обзор основных европейских синологических центров, также определим их роль в исследовании Китая.

Во Франции подготовкой китаеведов-практиков занималась Школа изучения живых восточных языков. Этот колледж декретом национального Конвента был открыт 30 мая 1795 г. для «изучения живых восточных языков для целей политики и торговли». «Научить своих слушателей читать, писать и говорить на преподаваемых восточных языках и сообщить им сведения по политической и торговой географии стран, где эти языки употребляются, – вот вся задача школы», – отмечал профессор востоковедения Д. Позднеев (1865–1937)<sup>2</sup>.

В связи с практическим направлением подготовки все профессора школы изначально являлись специалистами именно разговорного китайского языка. Первым профессором был М. Базин (1799–1862), впоследствии его место занял Н. Нозль (1797–1873), затем профессором был назначен граф М.А. Клецковский (1818–1886), состоявший до этого первым секретарем и переводчиком французского правительства в Китае, далее эту должность занимал М. Жаметель (1856–1889)<sup>3</sup>.

В 1872 г. была создана кафедра истории, географии и законовведения государств Дальнего Востока, которую возглавил известный французский синолог Гийом Потье (1801–1873). В 1881 г. кафедра перешла к Анри Кордые (1849–1925), длительное время работавшему библиотекарем в Шанхае, автору ряда трудов по истории Китая<sup>4</sup>. В соответствии со своей конкретно поставленной задачей колледж строил систему преподавания на чисто практической основе, срок подготовки студентов был определен в три года.

Существовала определенная свобода выбора студентами основных предметов, они могли записаться на изучение нескольких иностранных языков одновременно. Соответственно, по окончании колледжа студент был обязан пройти окончательное испытание по всем иностранным языкам, по которым он практиковался. Кроме выпускных испытаний, существовали ежегодные публичные экзамены, которым подвергались все воспитанники. Программы основных испытаний составлялись советом профессоров и утверждались министром образования. Наряду с испытанием в китайском языке в программу экзаменов входили история, география и законоведение Китая.

Французская школа синологии была сильнейшей в Европе вплоть до XX в., и практическая ее ветвь являлась законодательницей правил в части подготовки переводчиков и торговых агентов для нужд торгово-промышленных компаний, дипломатии и государства<sup>5</sup>.

В Англии синология также имела прикладной характер. В XVII–XVIII вв. некоторые английские купцы и путешественники изучали китайский язык, собирали коллекции китайского фарфора и книг, но систематическая работа по изучению Китая не проводилась<sup>6</sup>. Несмотря на то, что в университетах учреждались должности "профессора синологии", в основном в XIX в. преподавание в них ограничивалось практическими навыками разговорного китайского языка.

Обучение китайскому языку для нужд торговли и дипломатии было организовано в качестве специальных двухлетних курсов при Кингс-колледже (King's College) Лондонского университета и Лондонской торговой палате, а также в специальных коммерческих учебных заведениях (Колледж лондонского Сити).

Обучение китайскому языку не имело постоянного характера из-за отсутствия учеников. К примеру, в 1895 г. преподавание даже было приостановлено, поскольку учеников было менее двух<sup>7</sup>. Российский синолог В.М. Алексеев (1881–1951), посетивший в 1905 г. Кембриджский университет, так

<sup>1</sup> Более подробно о деятельности миссии см.: *Mungello D.E. Curious Land: Jesuit accommodation and the origins of sinology.* – США, 1989.

<sup>2</sup> Позднеев Д.М. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже //ЖМНП. – 1894. – Ч.295. – С. 314.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Анри Кордые (фр. Henri Cordier; 8 августа 1849, Новый Орлеан, — 16 марта 1925, Париж) — французский востоковед и синолог, библиограф.

<sup>5</sup> 张西平. 欧洲早期汉学史: 中西文化交流与西方汉学的兴起 (Чжан Сипин. Ранняя история китаеведения в Европе: культурный обмен между Китаем и Европой и подъем западного китаеведения). – С. 667.

<sup>6</sup> Никифоров В.Н. Китаеведение в Англии. – М., 1977. – С. 5.

<sup>7</sup> Weimin Q. The Formation and Development of Sinology at Cambridge// сайт Cambridge.com. – С. 35.



описывал преподавание китайского языка: "Профессор дает лишь элементарные, и притом исключительно практические сведения своим слушателям, также крайне немногочисленным"<sup>1</sup>.

Идея о преподавании китайского языка в Оксфордском университете впервые возникла в 1875 г. в кругах английской интеллигенции, связанной с Китаем. Вскоре был сформирован Комитет, занявшийся сбором средств на открытие должности профессора. Председателем этого комитета был Розерфорд Алкок (1809–1897), занимавший впоследствии должность чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае. Путем общественной подписки Комитет собрал и внес в кассу университета 3000 фунтов в счет затрат университета на организацию должности профессора синологии<sup>2</sup>.

Первым профессором китайского языка в Оксфорде, вступившим в должность в октябре 1876 г. стал Джеймс Легг<sup>3</sup>. Он длительное время был миссионером в Китае, возглавлял Англо-китайский колледж. Кроме административной работы, он активно занимался переводами книг из конфуцианского канона<sup>4</sup>. Именно на его перевод китайских классиков В.П. Васильев ссылался «как на единственный капитальный труд, который еще долго не потребует переделки»<sup>5</sup>.

В 1875 г. Дж. Леггу за его переводы китайских классиков была присуждена французская синологическая премия, учрежденная в Парижском университете профессором китайского языка Н. Ноэлем.

Несмотря на широкие связи, существовавшие в XIX в. между Китаем и Англией, а также присутствие английского капитала в Азии, число учеников, готовых заниматься изучением китайского языка в Оксфорде и Кембридже, было незначительным. Профессор китайского языка в Королевском колледже Роберт Дуглас (1838–1913) так описывал ситуацию с преподаванием синологии в Лондоне: "Совершенно понятно, что вы в Петербурге не могли ничего знать о наших школах, потому что их de facto, можно сказать, не существует. Вы должны будете совершенно разочароваться в своих ожиданиях, хотя и были правы, создавая их. Я – единственный профессор китайского языка в Лондоне, и стыдно сказать, у меня всего-навсего три ученика. Из них один, занимаясь в Гонконгском банке, не в состоянии уделять достаточно времени для изучения языка; другой – лейтенант французского флота, также занят службой; третий взял всего дюжину уроков. Две по названию школы: King's College и School for Modern Oriental Studies established by Imperial Institute по отношению к изучению китайского языка и дальнего Востока составляют de facto одно и то же. В публике совершенно нет никакого интереса к ознакомлению с Китаем... Вы говорите, что у вас на китайско-монголо-маньчжурском отделении число слушателей колеблется между 20 и 40. Что же должен я сказать об Англии? У нас китайский язык преподается в King's College, а также в Оксфорде и Кембридже. У меня, вы знаете, три слушателя. В Кембридже прошлый год не было ни одного. В Оксфорде у проф. Legge числилось три слушателя, но и то благодаря особому обстоятельству. Студенты китайского языка пользуются там стипендиями (the scholarship), и, при дороговизне университетского курса в Англии, только это держит их на данном отделении. Итого 6 слушателей на всю Англию. Других языков, кроме японского, здесь не преподают; по-монгольски и по-маньчжурски только один я читать умею; библиотек на этих языках у нас нет. О какой же постановке школьного дела может быть здесь речь; какие программы и курсы можно вырабатывать?"<sup>6</sup>.

Также подготовке переводчиков китайского языка в Германии был дан старт в 1887 г. В рамках университета Фридриха-Вильгельма была открыта школа практических восточных языков (включая китайский), которая называлась «Семинар восточных языков». Инициатором открытия школы являлся Отто фон Бисмарк (1871–1890), испытавший на себе отсутствие хорошего переводчика с турецкого языка на Берлинском конгрессе, проходившем в 1878 г. Школа должна была готовить востоковедов, обладавших, помимо теоретических знаний, практическими навыками, необходимыми для применения восточных языков. Главными потребителями выпускников школы являлись немецкие колониальные власти, военные и торговцы<sup>7</sup>. Обучение в школе длилось 2 года. Студенты первого и второго курсов занимались по пять часов в неделю китайским языком с немецким профессором, в том числе один час был посвящен обзору событий новейшей истории Китая. На втором курсе студенты читали и переводили официальные тексты, а также пересказывали по-китайски отрывки из европейских газет. Разговорный китайский язык в школе преподавался по двенадцать часов в неделю, со студентами практиковались китайцы<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Алексеев В.М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии // Журнал Министерства Народного Просвещения. Н. серия. Часть V. 1906, сентябрь, – С. 137.

<sup>2</sup> Edith H. James Legge: Missionary and Scholar. – London, 1905. – P. 204.

<sup>3</sup> Джеймс Легг (англ. James Legge, 20 декабря 1815 г. — 29 ноября 1897 г.) — выдающийся британский синолог, миссионер. Более подробно о нем см.: Girardot N.J. The Victorian translation of China: James Legge's Orientation pilgrimage. – London, 2002.

<sup>4</sup> Edith H. James Legge: Missionary and Scholar. – London, 1905. – С. 206.

<sup>5</sup> Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы. – С. 5.

<sup>6</sup> Позднеев Д.М. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже //ЖМНП. – 1894. – Ч.295. – С. 287.

<sup>7</sup> Восточные языки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://de.wikipedia.org/wiki/Seminar\\_f%C3%BCr\\_Orientalische\\_Sprachen](http://de.wikipedia.org/wiki/Seminar_f%C3%BCr_Orientalische_Sprachen), свободный. - Проверено 02.12.2014.

<sup>8</sup> Алексеев В.М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии // ЖМНП. – 1906. - Ч.V. – октябрь. – С. 339.

Кроме вышеупомянутого университета, китайский язык присутствовал в расписании Берлинского института восточных языков с момента его открытия в 1887 г. а также в Институте этнологии, где имелся лектор, обучавший китайскому и маньчжурскому языкам<sup>1</sup>.

На основании обзора заведений по подготовке практических переводчиков китайского языка в Европе XIX в. можно отметить, что все они обладали такими общими чертами как строгая направленность на обучение разговорному китайскому языку; короткие, по сравнению с университетскими (в несколько раз), сроки обучения; минимальный набор дополнительных предметов, необходимых для жизни и работы в Цинской империи.

Наряду с практической синологией, как стали обозначать это направление в изучении Китая, развивалась и отрасль китаеведения, которая получила наименование «академическая (университетская) синология». Но это направление европейской синологии требует специального обзора.

## **РОЛЬ СУНЬ КЭ В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

*Верченко А.Л.,  
ИДВ РАН*

Сын Сунь Ятсена Сунь Кэ (1891 – 1973), или Сунь Фо, как принято в отечественном китаеведении, сыграл значимую роль в процессе улучшения отношений между СССР и Китайской Республикой в сложный для обеих сторон период 1930-40 гг. Он внес определенный вклад в восстановление дипломатических отношений, но что было еще важнее в годы, когда западные партнеры Китая бездействовали, – в поддержание добрых отношений с СССР и получение от советских кредитов, столь необходимых для оказания сопротивления агрессии Японии.

После инцидента 18 сентября 1931 г. Япония начала активную колонизацию Северо-Востока Китая. Лишь недавно преодолевшая территориальную раздробленность страна была слабой, и ее вооруженные силы не могли противостоять мощной японской военной машине. Многие политические деятели Китая понимали, что Япония вряд ли остановится на завоевании Маньчжурии, а укрепившись там, продолжит продвижение на юг. В этой ситуации Сунь Кэ стал одним из политических деятелей левого крыла Гоминьдана, которые решились убеждать Чан Кайши в необходимости восстановления дипотношений с СССР. Он считал, что из трех великих держав (США, Англия, СССР), которые были связаны с политической ситуацией на Дальнем Востоке, Англия и США находились далеко, и определенно не стали бы использовать вооруженные силы для вмешательства в китайско-японскую войну, чтобы помочь Китаю. С его точки зрения, «единственно, где можно было искать друзей – это в СССР» [10, 196]. Он понимал, что для того, чтобы обращаться за помощью, сначала следует восстановить дипломатические отношения.

В начале 1932 г. Сунь Кэ и Чэнь Южэнь, который незадолго до этого отказался от поста министра иностранных дел в знак несогласия с внешней политикой правительства, внесли предложение о восстановлении дипотношений с СССР на рассмотрение 2-го пленума Гоминьдана 4-го созыва. Предложение не было принято по целому ряду причин. Многие в Гоминьдане в то время не доверяли СССР из-за Маньчжоу-го. Кроме того, были опасения, что восстановление дипотношений помешает Гоминьдану проводить «карательные походы» против советских районов (коммунистов) в Китае.

В процесс переговоров по данному вопросу с 1931 г. были вовлечены с китайской стороны: глава делегации Китайской Республики (КР) на советско-китайской конференции Мо Дэхуэй, член этой делегации Ван Цзэнси, сотрудники Посольства Китайской Республики в Москве, представитель КР на переговорах по разоружению в Женеве Янь Хуэйцин, министр иностранных дел Ван Чунхуэй и др. Китайское руководство предлагало одновременно подписать соглашения о ненападении и восстановлении дипотношений. В итоге китайская сторона согласилась на предложение СССР сначала восстановить нормальные дипотношения в полном объеме.

12 декабря 1932 г. в Женеве между наркоминдел М.М. Литвиновым и Янь Хуэйцином состоялся обмен нотами. Во врученной М.М. Литвиновым ноте говорилось: «формально восстановлены... нормальные дипломатические и консульские отношения с правительством Китайской Республики» [4]. Этот шаг был одобрен 3-й пленумом Гоминьдана 4-го созыва в декабре 1932 г. Предложение выдвинул среди других лиц Сунь Кэ.

М.М. Литвинов таким образом прокомментировал событие: «Народы СССР относились и относятся с величайшей симпатией к китайскому народу и его стремлению сохранить его независимость и суверенитет и к достижению международного равноправия. Советское правительство дало немало доказательств своего дружественного отношения к Китаю» [7, 130].

<sup>1</sup> Ruegg W. Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800-1945). – London, 2004. – P. 447.

Однако советско-китайские отношения развивались крайне медленно, на государственном уровне оставались напряженными и прохладными. Правительство Чан Кайши не стремилось активизировать связи с государством иной социальной формации – социалистическим Советским Союзом, во главе которого стояла коммунистическая партия. Неофициально прозондировать почву в СССР и узнать отношение советского руководства лично к руководителю Китая Чан Кайши (именно он был у власти, когда в 1929 г. были разорваны дипотношения) в 1934 г. был направлен профессор Цзян Тинфу. Позже состоялся визит в СССР военной делегации во главе с генералом Ян Цзе, обсуждавшим возможность оказания СССР военной помощи Китаю и поставок вооружения.

Официальная информация об СССР в Китае была очень скудной и поступала в страну после строжайшей цензуры. Тем не менее, представители интеллигенции и молодежи предпринимали некоторые попытки улучшить ситуацию. Важным шагом на пути нормализации двусторонних отношений следует считать создание в Нанкине 25 октября 1935 г. Общества культурных связей с СССР, председателем которого был избран Сунь Кэ [6, 59]. И это был не случайный выбор. Его кандидатура была одинаково приемлема и для Китая, и для СССР. Как отмечал зав. Отделом печати Полпредства СССР в Китае П.Г. Саратовцев, Сунь Кэ «в Китае уже «скомпрометирован» своими симпатиями к СССР и его появление в качестве руководителя Общества китайско-советского культурного сближения является наименьшим злом. Сунь Фо относится к этой работе с должным вниманием и придает ей заслуженно серьезное политическое значение» [7, 466]. В феврале 1937 г. Сунь Кэ в статье о А.С. Пушкине писал: «Работа по культурному сближению и взаимопониманию между нашими странами имеет громадное общеполитическое значение, так как через конкретные формы культурного сближения мы идем к политическому взаимопониманию и дружбе» [7, 622].

В Китае с Сунь Кэ не могли не считаться, так он был сыном основателя Китайской Республики Сунь Ятсена и родственником Чан Кайши, хотя он и относился к малочисленной левой фракции, имевший незначительный вес в Гоминьдане. В Советском Союзе знали Сунь Кэ как сына выдающегося китайского революционера Сунь Ятсена, продолжателя линии на дружбу и поддержание связей с Советским Союзом, хотя по оценкам советских дипломатов, его «влияние на китайскую общественность было больше потенциальное чем фактическое. Он опирался в основном на интеллигенцию» [7, 712]. Сунь Кэ позитивно относился к развитию отношений с СССР. Советскому полпреду И.Т. Луганцу-Орельскому, например, говорил, что Гоминьдан совершил ошибку, отойдя от завещанной Сунь Ятсеном политики дружбы с СССР, и что необходимо исправить ошибку и взять твердо курс на СССР [8, 297]. Накануне Второй мировой войны Сунь Кэ не только выполнял миссию по получению военной помощи из СССР, но как председатель Общества культурных связей с СССР работал в направлении укрепления взаимопонимания и культурного взаимодействия между народами двух стран. Например, когда он в 1939 г. во второй раз приехал в СССР, то привез для ВОКСа (Всероссийского общества связи с заграницей) два документальных фильма – «Оборона Шанхая» и «Бороться до конца» [8, 399] для ознакомления советских людей с положением в Китае. В Китае он создавал образ СССР как надежного и ответственного партнера, нацеленного на оказание помощи сражающемуся китайскому народу. Его «просоветские» выступления часто не совпадали с мнением представителей других фракций в правительстве. Сунь Кэ также положительно отзывался о помощи со стороны СССР в других странах. Он озвучивал то, что видел в реальной жизни во время пребывания в нашей стране. Советские дипломаты в Китае из бесед с Сунь Кэ вынесли убеждение в том, что он был сторонником «крепкого и искреннего единства всех сил Китая и борьбы до конца, сближения с СССР и сотрудничества с КПК» [9, 515]. Как только помощь СССР стала сокращаться, тон его выступлений изменился, и это подметили сотрудник Постпредства в Китае, отмечавшие, что после 1941 г. Сунь Кэ значительно поправел. Вот как в 1942 г. характеризовал Сунь Кэ советский посол в Китае А.С. Панюшкин: «По политическим убеждениям примыкает к левому крылу Гоминьдана. Во внутренней политике сторонник либеральных конституционных реформ. Во внешней политике, не отрицая ведущей роли США и Англии для Китая, выступает за укрепление связей с Советским Союзом». В то же время он стал допускать открытые выпады против КПК, которую называл «странной партией», а коммунизм считал неподходящим для Китая строем, настаивая на том, что КПК должна помогать Гоминьдану осуществлять три народных принципа, обвинял коммунистов в нарушении единства в стране [9, 514-515].

После событий 7 июля 1937 г., когда Япония начала полномасштабную агрессию против Китая, страна оказалась один на один с мощным противником в войне за выживание. Встречи Чан Кайши с послами США, Англии, Франции, Италии, Германии показали, что эти страны заняли выжидательную позицию, по существу попустительствовавшую действиям Японии. Лиги Наций колебалась в определении действий Японии, хотя вторжение японской армии на территорию суверенного Китая было ничем иным, как агрессией, угрожавшей независимости и территориальной целостности не только Китая, но и других стран региона, в том числе СССР.

Убедившись в прохладном отношении главных держав, Чан Кайши решает сосредоточить дипломатические усилия на поиске реальной помощи у СССР и подкрепляет усилия Посольства и миссии Ян Цзе направлением в СССР на длительный срок Сунь Кэ. Его авторитет и высокое положение (председатель Законодательного юаня) открывали широкие возможности для встреч с советским ру-

ководством на самом высоком уровне. В Европе аналогичные миссии выполняли послы Китайской Республики Гу Вэйцзюнь во Франции и Го Тайци в Великобритании.

Таким образом, накануне Второй мировой войны деятельность Сунь Кэ по поиску моральной и материальной поддержки Китаю в СССР, стала для него приоритетной. Сунь Кэ направил свои усилия по трем направлениям:

1. встречи и беседы с советскими руководителями на самом высоком (Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян) и на рабочем уровне (наркомат иностранных дел);
2. встречи с советскими дипломатами в Китае;
3. встречи с советскими дипломатами за рубежом в третьих странах.

Параллельно большую работу по разъяснению положения в Китае и выяснению позиции Москвы по японо-китайскому конфликту проводил посол Китайской Республики в Москве Цзян Тинфу, который играл не последнюю роль в подготовке встреч Сунь Кэ с советским руководством.

До поездки в Москву Сунь Кэ неоднократно встречался с советским полпредом в Китае Д.В. Богомоловым, контакты с которым начались с приезда полпреда в Китай в 1933 г. Теперь в беседах с ним Сунь Кэ высказывал опасение о серьезности ситуации, о том, что «конфликт может разрастись в открытую войну между Китаем и Японией». Важно отметить, что Сунь Кэ имел и свое собственное мнение по советско-китайским отношениям, отмечая, что он и Фэн Юйсян<sup>1</sup> хотели бы активизировать советско-китайское сближение, в то время как Чан Кайши придерживался слишком осторожной политики в отношении с СССР [8, 60]. На последующих встречах обсуждались предложения Китая о создании Тихоокеанского пакта, пакта о ненападении между СССР и Китаем и о двустороннем пакте. СССР в то время избегал заключения двусторонних договоренностей, выступая за совместные выступления великих держав на Дальнем Востоке, и планомерно через Сунь Кэ доводил свою позицию до Чан Кайши, подчеркивая, что с советской точки зрения, Китай может успешно сопротивляться Японии только в том случае, если война против Японии будет действительно народной войной, если китайскому правительству удастся поднять волну патриотизма и обеспечить себе поддержку всех политических партий и всех слоев населения.

Большинство документов по китайскому вопросу шли с пометкой «совершенно секретно», «вне очереди», «особо важно». В этой связи стоит отметить, что китайская сторона, в том числе Сунь Кэ, допускали иногда неосторожные открытые заявления о военной помощи со стороны СССР, которые могли вызвать осложнения на международной арене. По воспоминаниям советского полпреда в Великобритании И.М. Майского, Сунь Кэ открыто ссылался на советскую помощь, оказывая давление на Англию; без стеснения запугивал японцев призраком советской угрозы.

Советские дипломаты выделяли Сунь Кэ из числа других политических деятелей. Рабочие, доверительные отношения с полпредом Д.В. Богомоловым позволяли высказывать с обеих сторон достаточно откровенные мысли. На одной из встреч Сунь Кэ «закинул пробный шар» - передал просьбу своего правительства произвести на маньчжурской границе некоторое передвижение советских войск, чтобы «отвлечь внимание Японии от Китая». Также он поднимал вопрос о подписании пакта о взаимопомощи и о военных поставках.

Одновременно с СССР велись переговоры и по другим каналам, без непосредственного участия Сунь Кэ, однако, когда возникла проблема с подписанием Договора о ненападении между СССР и КР, Сунь Кэ сыграл важную роль. В день намеченной церемонии (21 августа) к Д.В. Богомолову неожиданно пришел заместитель министра иностранных дел КР Сюй Мо и заявил, что китайское правительство настаивает на подписании не только Договора о ненападении, но и Соглашения о военных поставках, о чем ранее договоренности не было. В течение дня Богомолов встретился с Сунь Кэ и дал понять, что оттягивание подписания Договора может вызвать неблагоприятную реакцию в Москве. Он прямо спросил Сунь Кэ: «Чего китайское правительство хочет от нас: аэропланы для борьбы с Японией или только письменное обязательство неизвестно для каких целей». Сунь Кэ немедленно посетил Чан Кайши и сумел убедить его в необходимости подписать Договор о ненападении, как это было условлено ранее. Вечером, в 20.30, Богомолов побывал у Чан Кайши, который сослался на недоразумение и сообщил, что уже дал указание министру иностранных дел Ван Чунхуэю подписать документ. Договор был подписан в 10 часов вечера того же дня. Советские дипломаты полагают, что «недоразумение» было вызвано давлением на Чан Кайши со стороны прояпонской группировки из его окружения [8, 90]. Этот пример свидетельствует об отношениях конструктивного сотрудничества Сунь Кэ с советской стороной.

Однако соглашение о военных поставках и кредитах тогда не было подписано, и это не могло не беспокоить китайское правительство. Ускорить работу в этом направлении должен был Сунь Кэ.

После подписания Договора о ненападении китайские дипломаты исходили из того, что центральное правительство окончательно решило сопротивляться японской агрессии силой оружия и поэтому готово использовать любые средства, чтобы укрепить свои международные позиции и получить помощь из любых источников. Главным на тот момент был СССР.

<sup>1</sup> В СССР с именем Сунь Кэ также связывали левых гоминьдановцев Юй Южэня, Сун Цинлин, Шао Лицзы.

Сунь Кэ прекрасно знал из сделанных в ноябре 1937 г. заявлений Сталина и наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова генералу Ян Цзе о том, что СССР в то время не был готов вести войну на два фронта, но мог предоставить Китаю определенную военную помощь и содействовать в подготовке военных кадров [8, 136-138, 151-157]. Исходя из этого, он должен был добиться на советском направлении максимального результата. Убедившись в обязательности советской стороны по выполнению договоренностей по поддержке Китая в первый год антияпонской войны, китайское правительство через Сунь Кэ предполагало добиться расширения военных поставок, уже начатых к тому времени. Следует отметить, что СССР и сам был заинтересован в росте боеспособности китайской армии, сковавшей значительные силы японской армии на восточных рубежах.

Сунь Кэ прибыл в Москву в декабре 1937 г. в качестве «специального посла для посещения СССР и для обсуждения с советским правительством всех вопросов, которые могут быть признаны имеющими жизненный интерес для Китая и Советского Союза» [8, 166]. Последовавшая за этим поездка Сунь Кэ в Европу в декабре – январе убедила его в нерешительной позиции западных держав, нежелании США идти на коллективные действия, и укрепила уверенность вопреки его англо-американской ориентации в целесообразности сосредоточиться на переговорах о помощи с Советским Союзом. Он делился своими соображениями с послом Гу Вэйцзюнем: «Советские и китайские интересы в отношении японских агрессоров полностью совпадают. Только в Советском Союзе Китай может найти самую большую помощь и поддержку» [2, 170].

Сообщение в январе 1938 г. о том, что японское правительство прекращает отношения с китайским правительством и отзывает своего посла, совпало с возвращением Сунь Кэ в Москву [5]. Подобное заявление Японии не могло не осложнить китайско-японские отношения и окончательно развязать Японии руки, хотя и до этого политика Японии была крайне агрессивной и экспансионистской. Представляется, что это сообщение вызвало у Сунь Кэ ощущение повышенной ответственности за свою миссию, от которой зависел успех военной кампании и в значительной степени судьба страны и оказало влияние на еще большую решимость Сунь Кэ выполнить данные ему Чан Кайши поручения. Во время встреч с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, его заместителями В.П. Потемкиным и Б.С. Стомоняковым, Сунь Кэ исходил из общности интересов СССР и Китая в отражении японской агрессии [1], постоянно отмечал: «Китай и Советский Союз должны находиться в очень тесных отношениях в целях обеспечения мира на Дальнем Востоке. Ведя войну против интервентов, т.е. за свое освобождение, китайский народ черпает силы в симпатии и поддержке со стороны СССР. Китайский народ уверен, что, если эта помощь будет продолжена, то скорее придет день его победы» [8, 191]. Сунь Кэ неизменно подчеркивал, что единственной страной, которая оказывает помощь Китаю, является СССР, и китайский народ обращает свои взоры к СССР в надежде не только на моральную, но и на материальную поддержку в борьбе против фашизма и войны. Основную цель своей поездки Сунь Кэ видел в установлении более тесного сотрудничества с СССР и откровенном обмене мнениями по дальневосточной проблеме. Ему был оказан дружественный прием, предоставлена возможность ознакомиться с жизнью советской страны: он побывал в Москве и Ленинграде, посетил несколько воинских частей, присутствовал на заседании Верховного Совета СССР, принял участие в торжествах по случаю 20-й годовщины Красной армии, осмотрел ряд музеев.

За время первой миссии Сунь Кэ был дважды принят Сталиным. Первая беседа состоялась в начале февраля. Известно, что беседа началась в кабинете Молотова в 12 час. ночи и завершилась после ужина в квартире Молотова в 5.15 утра. Перед окончанием встречи приехали Н.И. Ежов и А.И. Микоян [8, 198-200]. Сталин представил Сунь Кэ руководителя советской разведки Н.И. Ежова, отметив, что его «японцы боятся, как огня, потому что он уже арестовал много японских шпионов». Вероятно, Сталин специально акцентировал внимание на этом направлении деятельности Ежова, чтобы подчеркнуть напряженность отношений с Японией.

Советское правительство отклонило озвученное Сунь Кэ во время встречи предложение Китая объявить войну Японии, но обещало помощь оружием, самолетами и боеприпасами, отметив при этом, что залогом победы в войне является создания собственной военной промышленности и достижение единства всей страны - только в этом случае Китай станет по-настоящему независимым государством.

По мнению поверенного в делах КР в США Юй Мина, в ходе первого визита Сунь Кэ в СССР была создана атмосфера взаимного доверия, допускающего дружественный обмен взглядами [8, 204]. После полученных заверений в дружеской помощи со стороны СССР и неизменности позиции Советского Союза в отношении помощи Китаю Сунь Кэ заявил, что «никогда не чувствовал себя таким счастливым» [8, 200].

В дневнике полпреда СССР в Великобритании М.М. Майского (из Архива внешней политики РФ) есть запись от 12 апреля 1938 г. о беседе с Сунь Кэ в Лондоне, куда тот приехал из Москвы. Майскому показалось, что Сунь Кэ был расстроен, так как его надежды на вступление СССР в войну не оправдались, поэтому он не сразу оценил важность обещания Сталина предоставить материальную помощь, не требуя взамен ни валюты, ни золота, а соглашаясь на поставки товаров, которые Китай мог дать без особого ущерба для своего народного хозяйства [8, 242-243]. Как понял Майский, ощущение успеха своей миссии пришло к Сунь Кэ позже – после улучшения положения на фронте в связи

с прибытием советской авиации, танков, артиллерии. Сунь Кэ высоко отозвался о качестве советских машин и помощи авиационных экспертов.

Вторая встреча Сунь Кэ со Сталиными состоялась 23 мая 1938 г. Она по традиции советского лидера началась поздно - в 10 часов вечера и закончилась в 1 час утра. Сунь Кэ поднял вопрос о новом кредите, обосновав просьбу тем, что Китай оказался в сложном финансовом положении. Видимо, получение второго займа было его основной целью, поскольку разговоры на другие темы – о создании своей оборонной промышленности, использовании партизанской тактики, обеспечении политического единства страны, которые инициировали советские руководители, Сунь Кэ не поддерживал и не развивал.

Итогом длительного пребывания Сунь Кэ в СССР (до августа 1938 г.) стало подписание соглашений о предоставлении двух очень важных для Китая кредитов (соглашения от 1 марта и 1 июля 1938 г.) на 50 млн долларов каждый «для закупки промышленных товаров и оборудования», как официально значилось в документах. На самом деле это были военные поставки. Оказанная СССР материальная и моральная поддержка в этот период и усилия на этом направлении Сунь Кэ не дали Китаю оказаться в международной изоляции и не допустили его капитуляцию в самое тяжелое время – в начальный период антияпонской войны.

Не менее важным итогом встреч Сунь Кэ со Сталиным было установление личного контакта и дружественных отношений с руководителем СССР, что было личной заслугой Сунь Кэ. О том, что такие связи были установлены, свидетельствует хотя бы тот факт, что из Парижа, куда Сунь Кэ уехал в августе из Москвы, он прислал Сталину письмо от своего имени, хотя и излагал мысли Чан Кайши. Последний, видимо, решил, что письмо от человека, лично знакомого с советским руководителем, чему сам Чан Кайши придавал огромное значение, будет воспринято более благоприятно, тем более что в нем излагались новые предложения об углублении двустороннего сотрудничества. Речь в послании, в частности, шла о том, что «Китай обязуется следовать руководству СССР в вопросах войны и мира по отношению к нашему общему врагу на Дальнем Востоке, что Китай желает более прямого и полного сотрудничества с СССР в военных и дипломатических действиях для восстановления и гарантирования мира на Дальнем Востоке» [8, 277-278].

Находившийся за пределами Китая длительное время Сунь Кэ осознал, что мог упускать какие-то детали из непростой внутривнутриполитической ситуации в стране и направил Чан Кайши письмо, в котором просил разрешения вернуться в Китай. В этом письме он изложил также свое видение китайско-советских отношений: СССР воздерживается от вооруженного выступления; сближение с Советским Союзом необходимо, поскольку СССР является единственным подлинным другом Китая; китайское правительство должно вести твердый и неуклонный курс на Советский Союз.

После возвращения в Китай Сунь Кэ поддерживал тесные рабочие контакты с новым советским полпредом И.Т. Луганцом-Орельским, по-прежнему выполняя роль проводника идей Чан Кайши. Представляется, что китайский лидер одобрил взгляды Сунь Кэ относительно перспектив советско-китайских отношений, учел его мнение о нежелательности настаивать на вооруженном участии СССР в войне и предложил заключить секретный договор, не предусматривавший вооруженного выступления СССР, но направленный на дальнейшее укрепление дружбы между Китаем и СССР и представлявший по своему характеру пакт о взаимопомощи. Встречаясь с советским полпредом И.Т. Луганцом-Орельским 26-27 августа 1939 г., Сунь Кэ передал предложения Чан Кайши по заключению пакта, которые бы предусматривали следующее:

1. Сотрудничество обеих армий, в частности в вопросе обучения для совместной борьбы против Японии.

2. Дипломатическое сотрудничество, предусматривающее проведение Китаем той же внешней политики, что и СССР.

3. Политическое сотрудничество: Китай навсегда сохранит просоветский курс, будет поддерживать фронт демократических стран и никогда не примкнет к фашистским странам.

4. Экономическое сотрудничество: взаимное снабжение необходимыми товарами (СССР поставляет вооружение, Китай – сырье).

5. Постройку Северо-Западной железной дороги [8, 292-293].

Заключением подобного пакта китайская сторона пыталась гарантировать длительную помощь СССР Китаю даже при наихудших условиях. Сунь Кэ, лучше других знакомый с проблемой, был готов выехать в Москву для официального обсуждения этих предложений в случае одобрения их советской стороной. Для Чан Кайши удобно было использовать Сунь Кэ, чтобы проверить на нем реакцию и мнение советской стороны о его новых предложениях, и «не потерять лица», если эти предложения не пройдут.

Как опытный дипломат и человек широкого международного видения Сунь Кэ анализировал возможную позицию других держав по договору и пришел к выводу, что, как он изложил Луганцу-Орельскому, ни Америка, ни Англия, ни Франция не могут иметь ничего против этого пакта, «отношения с Германией и так плохие, у нее нет сил реагировать на этот пакт», а при напряженных отношениях с Италией «церемониться с ней нечего» [8, 294-295].

Советская сторона в тот период считала нецелесообразным и несвоевременным подписание подобного пакта. Тем не менее, Сунь Кэ, исполняя указания Чан Кайши, на встрече с Луганцом-Орельским 31 августа 1938 г. продолжал отстаивать идею пакта, мотивируя это тем, что такой документ мог бы вселить уверенность в тех, кто сомневается в победе, укрепить взаимодоверие, подтвердить твердый антифашистский и просоветский курс Китая, внести ясность в позицию западных стран по поводу помощи СССР Китаю и заставить их самих помогать Китаю, а также, как он выразился, произвести «тяжелое впечатление на Японию». Сунь Кэ также полагал, что пакт мог бы укрепить авторитет Чан Кайши внутри страны.

За очень короткий срок Сунь Кэ, добросовестно выполняя роль переговорщика с советским представителем, успел озвучить три предложения Чан Кайши: заключение пакта с обязательством СССР вступить в войну, пакта без этого обязательства и открытого политического договора, каждый раз подробно разъясняя суть документа, необходимость его подписания.

Переговоры этого периода Сунь Кэ резюмировал таким образом: при сохранении разницы в позициях они не могут отрицательно отразиться на китайско-советских отношениях, что правы обе стороны, только Китай видит больше плюсов, а СССР больше минусов от заключения договора. Как осторожный политик Сунь Кэ предпочитал обтекаемые формулировки и избегал категоричных суждений. Он, пользуясь доверительными отношениями с Луганцом-Орельским, в типично восточной манере рекомендовал ему не сообщать Чан Кайши в окончательной форме об отказе советского правительства подписать пакт или договор, а дать понять, что они является несвоевременным в данное время [8, 313-319], т.е. не захлопывать дверь плотно.

С начала 1939 г. Сунь Кэ (в октябре 1938 г. пали Ухань и Гуанчжоу) начал обсуждать с советским полпредом вопрос о новом визите в СССР, в ходе которого он должен был передать Сталину письмо Чан Кайши, содержащее просьбу о предоставлении нового займа на вооружение. Вторая миссия Сунь Кэ была сложнее, т.к. он должен был добиться предоставления единовременно крупного займа и обсудить вопрос об углублении политических связей. По словам секретаря Сунь Кэ Мин Биня, его полномочия были неограниченными, «так что все, что он решит, Чан Кайши подтвердит» [8, 430].

Накануне отъезда в СССР Сунь Кэ имел беседу с полпредом И.Т. Луганцом-Орельским, которому изложил цели поездки в СССР. Телеграмма Луганца-Орельского в НКВД ушла с пометкой «вне очереди» [3, 223], что говорит о самом серьезном отношении в СССР к ситуации в Китае, которая не в последнюю очередь затрагивала национальные интересы и безопасность СССР.

Сунь Кэ приехал в Москву в марте 1939 г. Он планировал обсудить со Сталиным вопрос об увеличении материальной помощи Китаю и предложение китайского правительства к СССР взять на себя инициативу по организации помощи Китаю в международном плане. Кроме того, Сунь Кэ готовился поставить перед руководством СССР три практических вопроса. Речь шла об открытии регулярной воздушной линии, о помощи в организации добычи нефти в Китае, о строительстве железнодорожной ветки из Западного Китая в СССР. Сунь Кэ должен был передать Сталину личное послание Чан Кайши, а также письма от председателя Исполнительного юаня, министра финансов Кун Сянси председателю Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотову и от министра иностранных дел Ван Чунхуэя наркому М.М. Литвинову.

В письмах этого периода фигурирует обращение «товарищ», причем это относится не только к Сталину и другим советским руководителям, но и к китайским деятелям. Например, Чан Кайши пишет Сталину: «Товарищ Сунь Кэ после возвращения из Москвы в прошлом году рассказывал нам о большом чувстве дружбы, которое Вы питаете к Китаю» [8, 412, 447].

Чан Кайши в письме от 22 марта, обосновывая необходимость заключения политического пакта в дополнение к Договору о ненападении, отмечает, что СССР является величайшим другом Китая, что СССР и Китай – это революционные страны, которые на протяжении будущих 50 лет должны быть связаны единым фронтом, поэтому должны тесно сотрудничать.

Чан Кайши проявлял нетерпение, пытался понять, почему после месяца пребывания в Москве Сунь Кэ еще не был принят Сталиным. Он опасался, что это может быть связано с изменением позиции Москвы в отношении помощи Китаю. Дополнительную тревогу вызвала смена в СССР наркома иностранных дел (В.М. Молотов сменил М.М. Литвинова). В это время Япония оккупировала Хайнань и Наньчан, китайская армия нуждалась в дополнительном вооружении, поэтому Чан Кайши оказывал сильное давление на Сунь Кэ и требовал более решительных действий по организации встречи с советским лидером для решения насущных проблем. В ожидании приема у Сталина Сунь Кэ даже организовал перевод всех документов, представленных первоначально на английском языке, на русский, надеясь таким образом ускорить встречу со Сталиным.

Наконец в середине мая 1939 г. встреча со Сталиным состоялась. На ней присутствовали К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, А.И. Микоян, первый заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин. Переводчиком выступал тогда молодой дипломат, теперь академик – Сергей Леонидович Тихвинский. Ожидая в приемной В.М. Молотова приглашения в кабинет, Тихвинский перебирал в уме вежливые фразы на китайском языке. Однако в ответ на приветствие на стандартном китайском языке Сунь Кэ ответил, что он с детства воспитывался за границей, его родной гуандунский диалект даже

в Китае знают немногие, поэтому предложил перейти на английский. С.Л. Тихвинский вспоминает, что сразу же завязался непринужденный деловой разговор. Сунь Кэ выразил благодарность советскому правительству за помощь, особенно за ратный труд военных советников и летчиков-добровольцев и обосновал необходимость дополнительной помощи, передав список требовавшихся видов вооружения: самолеты, танки, горючее, боеприпасы, транспортные средства [11, 38-40]. Он озвучил просьбу Чан Кайши предоставить кредит на 150 млн долл., с помощью которых, по мнению Чан Кайши, «в течение предстоящих 18 месяцев Китай имел бы гарантии в окончательной победе».

Конкретные вопросы поставок помогал прояснять министр внешней торговли А.И. Микоян. Сталин поручил Наркомату внешней торговли подробно рассмотреть изложенные Сунь Кэ новые заявки Китая, а также подготовить проекты торгового договора и соглашения о кредите. Переговоры велись в обстановке строгой секретности. Все заметки, которые делал переводчик, у него отобрали после окончания встречи. Тихвинский не упоминает о постановке вопроса о политическом договоре.

Учитывая тяжелое военное положение, которое сложилось в Китае к лету 1939 г., Сталин пообещал удовлетворить все заявки китайской стороны на материальное снабжение и дал поручение А.И. Микояну подготовить соответствующее соглашение о кредите на обозначенную Чан Кайши сумму. Через месяц, 13 июня 1939 г. Договор о реализации кредита был подписан А.И. Микояном и Сунь Кэ. Торговый договор те же лица подписали 16 июня. Чан Кайши получил большой кредит как гарантию предоставления Советским Союзом помощи на длительное время, чего он настойчиво добивался. Кредит был выделен именно на ту сумму, которую Чан Кайши запрашивал. Бесспорно, Советский Союз при выделении кредита учитывал не только потребности Китая, но и интересы своей национальной безопасности. Однако нельзя не отметить роль Сунь Кэ, получившего за предыдущий год богатый опыт общения с советской стороной, научившегося вести переговоры с советской стороной, чтобы добиться требуемого. Несомненно, он внес свой вклад в подготовку документов и письма от имени Чан Кайши в убедительном тоне и в нужном ключе и обеспечил таким образом успех своей второй миссии. Программа-максимум (политический договор) не была выполнена, однако то, чего добился Сунь Кэ, нельзя назвать программой-минимум. Представляется, что кредит, тем более на такую большую сумму, обеспечивавший серьезные военные поставки, по значимости для реальной обстановки в Китае того времени был намного важнее договора.

**Вывод** Военно-политическая ситуация в регионе, совпадающие или близкие национальные интересы СССР и Китая, деловые и дипломатические качества Сунь Кэ обеспечили успех его двух поездок в СССР накануне Второй мировой войны. Н был одним из китайских политических деятелей, которые работали на советском направлении и обеспечили Китаю ощутимую материальную помощь в войне сопротивления японской агрессии на ее начальном этапе. Чан Кайши принял правильное решение, назначив Сунь Кэ главным переговорщиком. Он оказал именно тем китайским политиком, который смог сыграть отведенную ему роль в истории в данном месте и в данное время: поддерживать добрые отношения между Китайской Республикой и Советским Союзом, а также получить кредиты в общей сумме на 250 млн долларов США на приобретение военного снаряжения в трудный для Китая начальный период антияпонской войны.

#### **Литература:**

1. Гао Хуа. Сунь кэ юй гоминь чжэнфу дэ дуй сулянь вайцзяо. 1932-1945 (Гао Хуа. Сунь Кэ и внешняя политика гомиьдановского правительства в отношении СССР. 1932-1945). URL:<http://mall.cnki.net/magazine/article/NJDX199802009.htm> Обращение 03.03.2015.
2. Гу вэйцзюнь хуэйи лу (Воспоминания Гу Вэйцзюня). Т.3. Бэйцзин. 1985.
3. Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2: 1 сентября – 31 декабря 1939 г. М., 1992.
4. Известия. 13 декабря 1932 г.
5. Известия. 17 января 1937 г.
6. Ли Юйчжэнь. Сунь кэ юй чжаньши чжун су гуаньси (Ли Юйчжэнь. Сунь Кэ и советско-китайские отношения во время войны) // Нэймэнгу шифань дасюэ сюэбао. 2002. Т. 31. № 4.
7. Русско-китайские отношения в XX веке. Т.III: Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 – сентябрь 1937. М., 2010.
8. Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV: Советско-китайские отношения. 1937-1945. Кн. 1: 1937-1945. М., 2000.
9. Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV: Советско-китайские отношения. 1937-1945. Кн. 2: 1945. М., 2000.
10. Сунь Кэ цзай шанхай дуй цзичжэ таньхуа. 1937 нянь 7 юэ 2 жи (Беседа Сунь Кэ с журналистами в Шанхае. 2 июля 1937 г.) / Сунь Чжэшэн сяньшэн вэньцзи. (Собрание сочинений господина Сунь Чжэншэна. Т.4. Тайбэй. 1990.
11. Тихвинский С.Л. Возвращение к «Воротам небесного спокойствия». М., 2002.



## ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

*Власова Н.Н.  
СПбГУ*

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых методических аспектов обучения аудированию на начальных этапах изучения китайского языка на опыте преподавания на Восточном факультете СПбГУ. Имевшаяся программа по китайскому разговорному языку была расширена нами именно с целью развития аудитивных навыков.

Аудирование, то есть восприятие и понимание звучащей речи на слух, является одной из основных задач в ходе изучения любого иностранного языка, поскольку аудитивные навыки в числе прочих во многом определяют, сможет ли учащийся эффективно применять полученные знания на практике, сможет ли адаптироваться при необходимости в языковой среде и осуществлять профессиональное межкультурное общение на изучаемом языке. При изучении китайского языка, особенно если мы говорим об обучении на начальном этапе в отрыве от языковой среды, процесс формирования аудитивных навыков осложняется особенностями самого языка, ведь учащимся приходится иметь дело с кардинально иной просодической системой языка, в котором минимальной единицей является тонированный слог, и наличие тонов создает дополнительную трудность для восприятия, поскольку первоначальной единицей для восприятия является именно тонированный слог, то есть анализ проводится на коротком отрезке и в результате необходимо прийти к умозаключению не просто о составе слога, но еще и определить тон.

Как показывают исследования, среди четырех коммуникативных умений в повседневной жизни наиболее востребованным является умение восприятия и понимания речи со слуха (42 %), затем говорения (32 %), чтения (15 %) и письма (11 %) (см. подробнее [3, С. 4]), при этом говорение и аудирование являются «винтиками» одного механизма и тесно взаимосвязаны. Фактически обучение говорению в отрыве от аудирования и наоборот невозможно, однако, методисты, сосредотачиваясь на обучении говорению, не уделяют внимания формированию аудитивных навыков, не рассматривая аудирование как специфический вид речевой деятельности, которому необходимо обучать студентов целенаправленно.

На Восточном факультете СПбГУ преподавание традиционно ведется в рамках устного и письменного аспектов по отдельности. Базовый курс китайского разговорного языка, рассчитанный на первые четыре семестра, в рамках которого проходит обучение аудированию, подразделяется на несколько этапов.

В самом начале обучения на протяжении пяти-шести недель студенты первого курса осваивают вводный фонетический курс на базе учебника «Введение в китайский язык» Н.А. Спешнева [1] и прилагаемого к учебнику аудиокурса. На данном этапе задача учащихся — освоить произношение слогов китайского языка в четырех тонах (тоны вводятся постепенно) и транскрипцию «пиньинь», научиться распознавать на слух и записывать в транскрипции слог и его тон, затем от отдельных слогов перейти сначала к двусложным сочетаниям, а затем – к многосложным конструкциям.

Несмотря на то, что изначально методические указания призывали сосредоточиться на прослушивании слогов и повторении за магнитофоном или преподавателем, нам кажется целесообразным на данном этапе сочетать аудирование с письмом в виде диктантов. Преподаватель проводит каждый раз диктанты с целью проверки, насколько хорошо усвоен изученный материал. Сначала в диктант входит двадцать двусложных сочетаний, затем двадцать трехсложных и в конце вводного фонетического курса двадцать четырехсложных (таким образом увеличивается протяженность единицы восприятия от слога к двусложному, а затем к многосложному слову), при этом сочетания тонов для пассивного восприятия даются раньше, чем студенты активно осваивают их чтение. Кроме того, в качестве «разминочных» упражнений с целью повторения пройденного материала учащимся предлагается сыграть в «морской бой»: преподаватель произносит сочетания слогов в разных тонах, а студенты должны найти в таблице слогов нужные ячейки, назвать номера ячеек (инициалы в таблице пронумерованы буквами, а финалы – цифрами) и тоны. Тем самым задействуется не только слух, но и зрительная память, поскольку для некоторых учащихся фонетическая запись «пиньинь» на первых порах представляет определенную сложность.

Нами была разработана особая система оценок за фонетические диктанты. Оценки выставляются отдельно за правильность транскрибирования и за правильность тона по следующему принципу: за каждый неверно написанный слог снимается 0,5 балла, за каждый неправильно написанный тон

снимается 0, 25 балла. Разница объясняется просто: расслышать тон зачастую мешает неразвитость слуха, а вот неверную транскрипцию в большинстве случаев студенты записывают потому, что во время самоподготовки уделили ей недостаточное внимание (то есть, по сути верно расслышав слог, записывают *pien* вместо *pian*, *chung* вместо *chong* и т.д.), а значит оценка за правильность написания слогов должна быть строже. По результатам диктанта выстраивается рейтинговый список. Данная система позволяет четко отслеживать динамику каждого конкретного учащегося, кроме того привносит элемент состязательности, создает здоровую конкурентную среду, чем способствует повышению успеваемости. Кроме того, студентам предлагаются диктанты для самостоятельной работы дома с целью проверки собственных знаний и рекомендуется прослушивание аудиокурсов продвинутого уровня или радиопрограмм на китайском языке в фоновом режиме. Это своего рода имитация языковой среды, что, по нашим наблюдениям, тоже облегчает усвоение материала даже у студентов с неразвитым музыкальным и фонематическим слухом, ведь в языковой среде процесс усвоения иностранного языка проходит более естественно и безболезненно. Подобная имитация языковой среды позволяет учащимся «перенастроить» слуховой аппарат на восприятие китайской речи, в результате процесс обучения идет быстрее и легче.

Ниже в качестве примера приведена динамика оценок студентки (1) с неразвитым музыкальным слухом, для которой освоение фонетики китайского языка представляло определенную сложность (сразу оговоримся, что с такими учащимися тоны и их сочетания осваиваются методом ассоциативно-запоминания (см. подробнее [4]) и студента (2) с хорошо развитым фонематическим и музыкальным слухом.

Дата	Звуки (1)	Тоны (1)	Звуки (2)	Тоны (2)	Примечание:
11.09. (начало обучения 08.09)	-1,5	5	3,5	5	Двадцать двуслогов, только в первом тоне (в каждом последующем диктанте постепенно вводятся новые изученные слоги)
12.09	-0,5	5	4	5	
15.09	2	5	5	5	
18.09	0,5	1,7 5	2,5	4,5	Начиная с этого диктанта вводятся сочетания тонов по мере изучения
19.09	-3	0,7 5	0,5	5	
22.09	-3,5	-1,5	0	3,5	
25.09	-3,5	-1,5	1,5	4,2 5	
26.09. 2015	-6,5	-1	0,5 -	5 2,7	Пройдены все слоги и все четыре тона. В последующих диктантах на двуслоги при должной подготовке студенты должны демонстрировать рост хотя бы первой оценки.
29.09	-2	- 0,75	- 0,5	3,2 5	Добавлены сочетания с нулевым тоном
02.10	0	- 0,75	3,5	4	
04.10	0,5	- 0,75	2,5	4	Из-за неразвитого музыкального слуха у студентки (1) возникли проблемы с восприятием на слух сочетаний тонов, отсюда стагнация.
06.10	-2	- 3,75	4	2	Диктант на трехсложные сочетания (слогов уже в общей сложности не сорок, а шестьдесят). Изначально в трехсложных

					сочетаниях нет нулевого тона.
09.10	-1	- 1,75	2,5	2,2 5	Студентка (1) была единственной в группе, кто ушел «в минус» по тонам.
11.10	-1	0,5	1	2	Трехсложные сочетания, в том числе и с нулевым тоном.
13.10	1	0,2 5	3	3,5	
16.10	-2	-1,75	4,5	2	Четырехсложные сочетания (в общей сложности 80 слогов)
17.10 (зачетный диктант)	2,125	1,25	4,625	4,625	Выставляется средний балл за четыре части на различные фонетические трудности, поэтому балл более дробный. В данном случае студенткой (1) с первой попытки не пройден порог в 2 балла, студент (2) аттестован с первой попытки.
24.10 (пересдача)	2,5	2,5			Студентка (1) аттестована

На втором этапе учащиеся закрепляют правильное произношение. Обучение весь остаток первого курса продолжается по второй части учебника Н.А. Спешнева. Изначально данный этап не предусматривал отдельное развитие аудитивных навыков, студентам предлагалось сосредоточиться на механическом запоминании диалогов из микротем и доведении до автоматизма воспроизведения, однако наблюдения показали, что обучение проходит более эффективно, если на каждом занятии предлагать студентам небольшой текст на китайском языке по мотивам уже изученных микротем, который они должны воспринять на слух и записать по-русски. При такой работе одновременно отрабатываются фонетические, лексические, грамматические навыки. Длина воспринимаемого отрезка увеличивается до предложений и небольших текстов, однако задача пока что максимально упрощена, поскольку студенты к этому моменту привыкли к речи преподавателя.

С начала второго семестра в рамках курса разговорного языка (на первом курсе это 8 часов в неделю) еженедельно выделяется 2 часа для занятий аудированием в следующем формате: студенты заранее получают список незнакомых слов, которые встретятся в новом тексте, с переводом (после 10 урока слова уже не выдаются), во время самостоятельной домашней работы студенты должны, слушая аудиозапись, записать в транскрипции «пиньинь» и иероглифами текст и перевести на русский язык, а на занятии они вместе с преподавателем проверяют записанный текст, проясняют непонятные места, отвечают на вопросы по прослушанному материалу. Задача усложняется, поскольку теперь студенты слышат не знакомый голос преподавателя, а дикторский текст и лишены отныне зрительной опоры, то есть возможности видеть артикуляцию и мимику говорящего. Кроме взаимодействия аудирования с письмом, на этом этапе аудирование совмещается с говорением, поскольку при ответе на вопросы по содержанию прослушанного материала от студентов уже требуется самостоятельное оформление своих мыслей. Преподаватель должен объяснять встретившиеся в тексте незнакомые грамматические конструкции, особенности словоупотребления встретившейся в тексте лексики и необходимые культурные реалии. Сразу оговоримся, что студенты так и не видят напечатанный текст, а работают с тем, что записали сами, как в классе, так и при подготовке к проверочной работе. Проверочная работа проводится после каждых пяти уроков: преподаватель диктует несколько фраз из каждого пройденного урока, а студенты записывают их (на первом курсе транскрипцией с тонами) и переводят на русский язык с учетом всех нюансов, которые обсуждались при проверке аудирований. Оценка за проверочную работу выставляется по 50-балльной шкале, что делает отметку и динамику более наглядной. Проходной минимум — 30 баллов. Ниже в качестве примера приведен рейтинг оценок за контрольную работу по аудированию студентов первого курса (2014-2015 уч. год):

Саша 50 Даша 49 баллов
---------------------------

Максим 48
София 47, 5 баллов
Миша, Сережа 47 баллов
Настя Б. 46 баллов
Элина 45 баллов
Алина и Вероника 44 балла
Надя 42, 5 балла
Настя К. 38, 5
Ира 28 баллов (не аттестована)
Илья 27 баллов (не аттестован)
Валера 25, 5 баллов (не аттестован)

В рамках эксперимента в 2014-2015 учебном году во втором семестре помимо обычных аудирований в качестве дополнительного материала студентам нами предлагались диалоги из учебника «Подлинный китайский» (начальный уровень) [2], которые по замыслу составителей пособия были записаны там, где происходили (диалог на тему «Ориентация в пространстве» на улице на фоне шума движущегося транспорта и прочих звуков, диалог на тему «Покупки» в магазине и на рынке и т.д.), причем темп речи и манера речи дикторов отличались от привычного медленного темпа и четкой речи в аудиоматериалах для начального уровня. В результате, когда студенты первого курса приняли в июне участие в импровизированном экзамене HSK (3 уровень), и средний балл по аудированию составил 88, 25 балла (из 100 возможных).

В третьем семестре и в первой половине четвертого семестра в качестве дополнительных материалов для тренировки способности распознавать на слух разговорную речь носителей языка и как платформа для изучения новой лексики используются упражнения из сборников по подготовке к экзамену HSK, поскольку в середине четвертого семестра студентам-второкурсникам рекомендовано сдать экзамен HSK 4 уровня, что соответствует уровню B2 согласно международным критериям. За последние пять лет средний балл по аудированию составил (из 100 возможных):

2011 год- 79,8 балла
2012 год- 81,6 балла
2013 год- 88,1 балла
2014 год- 73, 9 балла
2015 год- 83,8 балла

Что интересно, анализируя средние баллы студентов по разным частям экзамена, мы отметили практически во всех случаях прогнозируемый «перекосяк», в каких-то группах более сильный, в каких-то менее сильный, в сторону чтения, что вполне объяснимо, поскольку навыки чтения формируются быстрее и легче, чем аудитивные, что еще раз говорит о важности целенаправленного обучения аудированию с целью гармоничного развития у студентов всех навыков. Для примера приведем средние баллы тех же учащихся, принимавших участие в экзамене HSK 4 уровня, за «Чтение на понимание» (из 100 возможных):

2011 год- 86, 4 балла
2012 год- 86, 9 балла
2013 год- 87, 2 балла
2014 год- 75, 9 балла
2015 год- 87, 3 балла

В течение третьего и четвертого семестра еженедельно по-прежнему выделяется 2 часа для занятий аудированием (за основу берется пособие для среднего уровня, тексты становятся более длительными и более сложными в плане содержания), работа ведется в том же ключе, как и во втором семестре с тем отличием, что теперь преподаватель не раздает слова заранее, а учащиеся сразу стараются все записывать иероглифкой, а затем на занятии вместе с преподавателем разбирают непонятные места и обсуждают прослушанное. Каждые пять уроков проводится контрольная работа, аналогичная той, что проводилась и на первом курсе, но студенты уже должны записывать все иероглифкой, контрольная работа по-прежнему оценивается по 50-балльной шкале.

Во второй половине четвертого семестра после экзамена HSK дополнительно проводится обучение аудированию с опорой на видеоматериалы (аутентичные фильмы), что позволяет интенсифицировать процесс обучения, вновь задействовать зрительный канал получения информации уже на базе более сложного материала и почерпнуть экстралингвистическую информацию, поскольку национальный кинематограф в определенном смысле является рупором национальной культуры. Более того восприятие речи героев фильма с их произносительными особенностями и более сильно выраженная (по сравнению с учебными аудиоматериалами) эмоциональная окрашенность помогает освоить правильную интонацию и подготовиться к восприятию речи разных носителей языка, что способствует лучшей языковой адаптации.

Стоит отметить, что в конечном итоге овладение изучаемым языком, разумеется, зависит не только от одного аудирования и не сводится исключительно к развитию аудитивных навыков, куда важнее найти баланс всех речевых умений в ходе учебного процесса и развивать их гармонично и комплексно, учитывая при этом индивидуальные особенности студентов.

#### **Список использованной литературы:**

1. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык: фонетика и разговорный язык – СПб.: Каро, 2006. - С. 9-142.
2. 原声汉语— 初级实况听力教程 (Подлинный китайский. Материалы по аудированию начального уровня, записанные в реальных условиях). - 北京: 北京大学出版社 (Издательство Пекинского университета), 2010.
3. Flowerdew J. Academic Listening: Research Perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
4. Vlasova N.N. Teaching Mandarin tones to the students with a bad ear for music and tone-deaf students // 20-Th biennial conference EACS. European association for Chinese studies. Book of abstracts, 2014. – P. 284.

### **ЗАКОН О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КНР 2015 ГОДА: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР**

*Гамерман Е.В.*

*Благовещенский филиал Московской академии  
предпринимательства при Правительстве Москвы*

1 июля 2015 года в Китае, Постоянным Комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) был принят Закон о национальной безопасности [2], пришедший на смену Закона КНР о контрразведке 1993 года. Таким образом, закон 2015 года, по сути, является первым законом подобного рода в Поднебесной.

Это вызвало очень бурную реакцию мировой общественности, и, прежде всего, западных СМИ. Внимание к этому событию было значительно большим, чем к Саммитам БРИКС и ШОС в Уфе, которые на тот момент только должны были состояться 8-10 июля. Так CNN, вышло со следующим заголовком: «Почему новый закон о безопасности коммунистической партии – это плохие новости для Китая». И далее идут рассуждения о том, что в законе происходит подмена понятия «национальная безопасность» понятием «поддержание монополии партии на власть». Здесь же CNN вспоминает о всех правозащитниках, которые сидят в китайских тюрьмах и об усилении борьбы с инакомыслием при Си Цзиньпине. Особую обеспокоенность на Западе вызвала статья 25 закона, в которой говорится об информационной безопасности, киберугрозах, о преследовании кибератак и т.д. Западные компании, работающие в Китае, опасаются, в силу неопределенности формулировок закона, что им придется раскрывать свою коммерческую информацию и что китайские правительство будет активнее вмешиваться в их деятельность [9].

Британская «The Guardian» значительно более умерена в оценках, однако тоже не избежала критики закона. Так, издание отмечает, что в законе нет четких определений, какие конкретные действия будут представлять собой угрозу государственной безопасности. Также, говорится о том, что закон снижает потенциал гражданского общества для критики правительства. Французское издание обращает внимание и на то, что закон не будет действовать в Гонконге и Макао. Однако эти территории упомянуты в законе и, по мнению экспертов, это сделано для того, чтобы оказать давление и они приняли свои аналогичные законы [4].

Практически все западные СМИ отмечают наличие возможностей у государства после принятия закона для еще большего ограничения прав и свобод граждан.

Однако, для того, чтобы действительно разобраться в причинах происходящих изменений в правовом поле Китая, необходимо обратиться к чуть более раннему периоду.

В 2011 году администрацией президента США Барака Обамы, в виду опасений чрезмерного усиления Китая в регионе, было принято решение реанимировать свои сильные позиции в АТР. Было объявлено о «возвращении США в Азию». И американцы действительно активизировались [1]. Стали более тесными контакты с традиционными союзниками в регионе, все чаще стали проводиться военные учения, несколько раз прозвучали заявления о скором создании системы ПРО на территории Японии, Южной Кореи и Филиппинах. Так, 16 ноября 2011 г. Хиллари Клинтон подписала с филиппинским министром иностранных дел А. дель Розарио Манильскую декларацию. В декларации говорилось, что обе страны разделяют «общий интерес в поддержании свободы судоходства, беспрепятственной законной торговли» и придерживаются «основанного на правилах подхода к разрешению конкурирующих претензий в отношении приморских районов посредством мирного, кооперационного, многостороннего и дипломатического процессов в рамках международного права» [3]. 19 ноября 2011 года, впервые приняв участие в Восточноазиатском саммите, Барак Обама заявил: «Хотя мы и не являемся участниками спора в Южно-Китайском море и не принимаем чью-либо сторону, мы придаем очень большое значение морской безопасности в целом и разрешению споров в Южно-Китайском море в частности – как тихоокеанская держава, как морское государство, как торговая нация и как гарант безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [6]. Далее, министр обороны США Л. Панетта на Диалоге по безопасности «Шангри-ла» в Сингапуре в июне 2012 года заявил о намерении Пентагона сконцентрировать до 60% всех сил и средств ВМФ США на Тихом океане к 2020 г. [8]. Также, в ноябре 2011 г. было объявлено о запуске крупного экономического интеграционного проекта под названием «Тихоокеанское партнерство» («Trans-Pacific Partnership»). Цель проекта – создание в АТР преференциального торгового режима на базе многостороннего торгового соглашения с участием Австралии, Новой Зеландии, Малайзии, Брунея, Сингапура, Вьетнама, Чили и Перу (без участия КНР) [7]. И все это только за один год. Далее, после предвыборного года, активность США несколько снизилась, но логика действий осталась прежней и такой же прямолинейной.

Кульминацией данных действий Вашингтона стала новая стратегия национальной безопасности США от февраля 2015 года [5]. Среди всех регионов мира на первое место (в том числе и по важности) США поставили АТР. Даже Европа расположилась всего лишь на втором месте. И текст по этому региону в стратегии очень красноречивый. Отмечая важность двусторонних отношений с Китаем и роль Поднебесной в развитии региона, Вашингтон отмечает обеспокоенность военной модернизацией в Китае, а также усилением китайского военного присутствия в регионе. США в стратегии обещают тщательно следить за всеми военными приготовлениями Китая. А далее следует уже прямое обвинение Китая в многочисленных кибератаках на США, причем как со стороны коммерческих предприятий, так и стороны правительства. Также Вашингтон обещает вывести на новый уровень свои союзнические отношения со странами ЮВА – Вьетнамом, Таиландом, Филиппинами; а также с Японией, Южной Кореей и Австралией [5].

Помимо этого, в 2015 году увидел свет обстоятельный американский отчет конгрессу почти на 100 страницах о событиях в сфере безопасности и военных приготовлениях в Китае.

КНР, уже далеко не такой слабый, как еще 5 лет назад, очень остро реагирует на такую критику. И закон о национальной безопасности 2015 года стал, в том числе, и своеобразным ответом на американскую риторику. Закон, в первую очередь, направлен вовне (на международную аудиторию), а не на внутреннего потребителя. Он должен продемонстрировать всему миру, что Пекин не собирается сдаваться на милость победителю и будет отстаивать свои национальные интересы в «домашнем» для себя регионе Восточной Азии.

В законе, действительно, очень общие и абстрактные формулировки (которые можно по-разному интерпретировать). Однако, это уже можно назвать частью китайской законодательной традиции. В документе нашли отражение практически все сферы, в которых у Китая есть угрозы национальной безопасности, как традиционные, так и нетрадиционные - это и терроризм/экстремизм (ст.28), экология (ст.30), энергетика (ст.21), продовольственная безопасность (ст.22), в сфере ядерного оружия и ядерной энергетике (ст.31), информационная безопасность (ст.25). Таким образом предметное поле проблематики безопасности стало значительно более широким в том числе и на законодательном уровне [2].

Статья 25 направлена на обеспечение информационной безопасности, на предотвращение кибератак, незаконного распространения вредной информации, в целом – на развитие информационных технологий и жизненно важной инфраструктуры в этой сфере [2]. Китай готов защищать свое информационное пространство – и это один из главных посылов данного документа. Будет дальнейшее ужесточение контроля за интернет-пространством, ограничение доступа ко многим западным ресурсами, а также контроль за деятельностью иностранных IT-компаний на территории Китая.

Также в законе четко отмечается, что Китай будет использовать все имеющиеся ресурсы для защиты территориальной целостности (что подразумевает и попытки разрешения вопроса Тайваня, и ужесточение мер по борьбе с сепаратизмом в СУАР).

Прямо говорится об ответственности всех граждан и организаций за нарушения норм и правил обеспечения национальной безопасности, за неоказание помощи компетентным органам и структурам. Прямое упоминание об этом дается китайскими законодателями впервые [2].

Таким образом, можно сказать, что китайское законодательство с одной стороны является ответом на американское, а также на все действия США в регионе и намечается дальнейшее усиление политической конфронтации, прежде всего, в Южно-китайском море, а также по линии Пекин-Токио и Пекин-Вашингтон. Уже спустя буквально две недели после принятия китайского закона, в Японии нижней палатой Парламента был принят закон, разрешающий использовать Национальные силы самообороны за пределами страны в боевых действиях (до этого страна восходящего солнца участвовала только в гуманитарных миссиях ООН без права использования оружия). Т.е. началась уже давно ожидаемая трансформация правового поля Японии, в сторону отмены пацифистских положений Конституции. Все это свидетельствует о грядущем изменении обстановки в регионе и об усилении эскалации напряженности в сфере военной безопасности в Восточной Азии.

Также принятие закона в КНР имеет и сугубо практическую плоскость. Необходимо было привести законодательство в соответствие с международным опытом (Китай был чуть ли не единственной страной, где отсутствовали законодательные акты в этой сфере). Июльский 2015 года закон является одним из нескольких по проблемам безопасности, регулирующих различные стороны и аспекты, и которые будут приняты в течение ближайших 2-3 лет.

Помимо всего прочего, принятие Закона о национальной безопасности КНР - это свидетельство превращения Китая в новое качество, в глобального игрока (в законе отмечаются как приоритетные такие сферы, как космос, Арктика и Антарктика) в сфере безопасности, политики, экономики и культуры; в игрока, который не собирается быть статистом, а планирует и дальше увеличивать свою роль и влияние на региональном и международном уровне.

#### **Список использованной литературы:**

1. Мамонов М. «Возвращение» США в Азию // [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=708#top-content](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=708#top-content)
2. <http://npc.people.com.cn/n/2015/0710/c14576-27285049.html>
3. <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/11/177226.htm>
4. <http://www.theguardian.com/world/2015/jul/01/china-national-security-law-internet-regulation-cyberspace-xi-jinping>
5. National Security Strategy [https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015\\_national\\_security\\_strategy.pdf](https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf)
6. Obama and Asian Leaders Confront China's Premier [http://www.nytimes.com/2011/11/20/world/asia/wen-jiabao-chinese-leader-shows-flexibility-after-meeting-obama.html?pagewanted=all&\\_r=0](http://www.nytimes.com/2011/11/20/world/asia/wen-jiabao-chinese-leader-shows-flexibility-after-meeting-obama.html?pagewanted=all&_r=0)
7. Remarks by the President in the Meeting with Trans-Pacific Partnership // <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/12/remarks-president-meeting-trans-pacific-partnership>
8. Secretary of Defense Speech <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1681>
9. Why the Communist Party's new security law is bad news for China <http://edition.cnn.com/2015/07/02/opinions/china-security-law-nicholas-bequelin/>

## **СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРОНЗОВЫХ РИТУАЛЬНЫХ СОСУДОВ ИЗ САНЬСИНДУЙ, ПРОВИНЦИЯ СЫЧУАНЬ, КНР<sup>1</sup>**

*Гирченко Е.А.  
Институт археологии и этнографии СО РАН*

К городищу Саньсиндуй в уезде Гуанхань провинции Сычуань относятся в общей сложности 913 разнообразных ритуальных вещей из бронзы. Из них в первой жертвенной яме было обнаружено 178 предметов, во второй – 735. Памятник Саньсиндуй, считающийся столицей древнего государства Шу, знаменит своими изделиями из бронзы, особенно известны на весь мир бронзовые головы, маски и изображения животных, но крайне редко в своем анализе археологи обращаются к ритуальным сосудам. В первой жертвенной яме к этой категории относятся один полностью сохранившийся сосуд

<sup>1</sup> По ряду технических причин, оказалось невозможным воспроизвести иллюстративный материал статьи. – *Ред.*

(кит. *цзунь*) со стилизованными фигурками дракона и тигра по плечикам, бутыль, блюдо, крышка, а также фрагмент изделия, предположительно относящийся к круглому цзуню [1, С. 134–137]. Во второй яме были найдены 6 круглых цзуней, 3 круглых ритуальных сосудов лэй, 1 квадратный сосуд лэй. Кроме того, 5 фрагментарных находок относятся, как минимум, к 5 круглым и 1 квадратному сосудам цзунь. Также два фрагмента тулова и поддона соответствуют двум разным круглым сосудам лэй [15, С. 491–513.]. Несмотря на свою малочисленность, ритуальные сосуды имеют большое значение, они не только выступают в качестве репрезентативных хронологических маркеров своей эпохи, свидетельствуя о существовавших контактах между Сычуаньской котловиной сопредельными территориями, но и являются знаковыми репродукциями для характеристики культурных особенностей культуры *саньсиндуй*. Сычуаньская котловина со всех сторон окружена горами – хребтами Циньлин и Даба-шань на севере, Юньнань-Гуйчжоуским плоскогорьем на юге – представляет собой довольно закрытую природную единицу со своей уникальной культурой, тем любопытнее становится трансформация тех вещей и традиций, которые приживались в Саньсиндуй, часто в совершенно ином качестве.

Жертвенные цзунь и лэй были очень распространены в эпохи Шан и Чжоу (в некоторых отдельных случаях эта категория жертвенной утвари встречается на территории Китая вплоть до эпохи династии Сун). Как правило, они использовались во время жертвоприношений и поминаний предков. Характеризуется выпуклыми орнаментами на тулове, поддоне, наличием зооморфных личин таоте с разветвленными рогами [2, С. 246–250].

Все сосуды памятника Саньсиндуй сходны по форме, с широким устьем, резко очерченными плечиками, переходящими в массивное тулово, у сосудов цзунь – достаточно высоким поддоном, резными ребрами-украшениями на поддоне и фигурками по плечикам. При сохранении традиционной формы сычуаньские ритуальные сосуды обладают рядом характерных особенностей, которые будут рассмотрены в данной работе.

В первую очередь, мы обратимся к размерам обязательных составных элементов сосудов в сравнении с показателями других территорий. Для Саньсиндуй характерен достаточно высокий поддон, часто занимающий более 30% общей высоты всего сосуда (за исключением единственной фрагментарной находки K2:109). Наибольшая высота поддона у экземпляра K2:151 – 22, 4 см, что соответствует более 40% высоты сосуда. Единичными для всех обследованных экземпляров являются показатели диаметра плечиков (наблюдаются у всех исследованных 6 сосудов – K2:135, K2:79, K2:146, K2:127, K2:129, K2:151), варьирующиеся в пределах 28–29 см.

Сосуды лэй более разнообразны, разделяются на два основных типа – круглые и квадратные [16, С. 815–821]. Примерами круглых сосудов являются два образца – K2:70 и K2:88. Их особенностью является преобладание над другими частями сосуда длинного и широкого тулова. Длина тулова может достигать 58% общей высоты сосуда. Такая форма роднит сычуаньские лэй с обнаруженными в культуре *эрлиган* (верхний слой, первый период) в Чжэнчжоу, где было обнаружено 5 сосудов лэй, 4 из которых демонстрируют очевидное преобладание тулова над поддоном и горлышком с устьем (более 50%). Это бронзовый сосуд лэй с головами баранов из Сяньяна, сосуд № С8 могильника Бай-цзячжуан, сосуды №1615 и С1 с прямым устьем и ручками, сосуд лэй 0243 из Чжэнбо [12, С. 145]. В последующей культуре *иньсюй* первого периода эта традиция вытянутого тулова сохраняется. Например, в материалах погребений M388 и M232 такого классического для первого периода *иньсюй* памятника как Сяодунь длина тулова сосудов лэй так же превышает 50% общей высоты сосуда, а бронзовый лэй из погребения M388 по высоте тулова превышает 66% общей высоты сосуда. Лэй K2:159 представляет собой классический образец еще одного типа круглых сосудов лэй. Оба типа цзунь и лэй имеют поддоны, это характерно и для предшествующей неолитической культуры *баодунь*, культуры плоскодонной керамики и поддонов, там крайне редки треножники или круглодонные сосуды. В культуре бронзового века, *саньсиндуй*, доминирование сохраняется. Сохраняется оно и в культуре позднего бронзового века Чэндуской равнины *шиэрцяо*, т.е. преобладание поддонов сохраняется с неолита до эпохи Чжоу, но в отличие от цзуней, у лэй поддон не является выдающейся частью сосуда.

В Саньсиндуй орнаментация бронзовых сосудов цзунь и лэй примерно одинакова. Как правило, горлышко и поддон оформлены двумя или тремя линиями выпуклого струнного орнамента, на краях плечиков расположены головы быков или баранов. Единственным исключением является вышеупомянутый сосуд из первой жертвенной ямы с головами драконов на плечиках. Сама традиция добавления бронзовых фигурных элементов на плечиках восходит к первому периоду верхнего слоя *эрлиган*. На шанском городище в Чжэнчжоу также были найдены 4 бронзовых цзуня и один лэй так же с головами баранов и быков. В *саньсиндуй* мы наблюдаем некоторую особенность расположения таких голов, т.к. они помещались вертикально, практически параллельно тулову (например, K2:70, K2:159, K2:88, K2:103, K2:39), в то время как в Чжэнчжоу фигурки помещались плашмя, частично на плечике, частично на тулове.

Помимо голов животных и фантастических существ, для Саньсиндуй как правило характерно наличие боковых выпуклых ребер по тулову и поддону. Они разделяют личину таоте на две равные части. Такие ребра встречаются не на всех сосудах лэй и цзунь, как правило, они расположены перпендикулярно к стенке, но встречаются и несколько загнутые внутрь. Такие дополнительные элементы не являются изобретением культуры *саньсиндуй*, ребра впервые так же появляются на первом



этапе *эрлиган* на шанском городище в Чжэнчжоу (например, сосуд цзунь С7:0890), по стилю изображения и положению на сосуде похожи на встречающиеся в Саньсиндуй.

В соответствии с конструктивными особенностями орнаментации все известные нам типы орнаментации можно разделить на три типа. Примерами первого варианта являются сосуды К2:135 и К2:112, изображения на которых достаточно просты, промежутки между основными контурами заполнены спиралевидным орнаментом, который дополнен изображениями в виде глаз. Орнаментация не имеет выпуклых элементов. Такие изображения типичны для первого периода культуры *иньсюй* [4, С. 77–81].

Второй тип изображения личин представлены одним цзунем (К2:79) и тремя лэй (К2:88, К2:70, К2:205). У подобных личин рога, нос, рот состоят из тонких выпуклых линий, а промежутки заполнены спиралевидным орнаментом, таким образом, формируется двухуровневое изображение, при котором личина выделяется чуть выше базового орнамента. Стилистически изображения личин на всех сосудах очень похожи – выпуклые глаза, выступающие изо рта зубы, загнутые рога, являющиеся стилистическим изображением безрогого дракона. Такие изображения так же крайне характерны для культуры *иньсюй* первого периода.

Личины третьего типа встречаются чаще остальных. К нему относятся 5 цзуней (К2:109, К2:146, К2:151, К2:127, К2:129) и 2 лэй (К2:159, К2:103). Орнамент состоит из трех уровней, спиралевидный узор является базовым, личина слегка возвышается над базовым орнаментом и на ней проходит еще один узор. Такой сложный орнамент появляется только на втором периоде *иньсюй*, примером могут послужить бронзовые сосуды из могилы Фу Хао [9]. Личины на двух сосудах цзунь из Саньсиндуй (К2:127, К2:129) полностью им идентичны. Изображение с обеих сторон дополнено изображениями стилизованных драконов, своей формой вплетающихся в рога личины, которые занимают  $\frac{1}{2}$  изображения. Сравнение двух экземпляров показали, что они идентичны в каждой детали, вплоть до размеров.

Предполагается, что по форме сосудов и особенностям орнаментации можно определить время его создания. Наличествующие в Саньсиндуй формы указывают на наличие как минимум двух периодов [3, С. 170–175]. Очевидно, что сосуды из первой ямы более ранние, соответствуют первому, второму периодам *эрлиган*, первому периоду *иньсюй*. Материалы второй ямы соответствуют второму периоду *иньсюй* [16, С. 430–433]. Некоторые специалисты утверждают, что весь комплекс бронзовой жертвенной утвари первой ямы не может быть датирован одним периодом, некоторые его элементы (такие как, например, единичная находка бронзового бутыля) относятся ко времени не ранее среднего периода *иньсюй*. Исследователи указывают на близость этого сосуда и орнаментации бронзовых цзуней и лэй позднего этапа второго периода *иньсюй*, соответственно бутыля может быть более поздней вещью. Более комплексные исследования, оценивающие весь объем бронзовых вещей Сычуаньской котловины шанского времени, указывают на ранний-средний периоды *иньсюй*. При этом первая яма относится к первому периоду *иньсюй* или немного более позднему времени, вторая же яма указывает на второй период *иньсюй* [13, С. 158–159, 166–168]. Наше же исследование, направленное на изучение форм и орнаментов, наиболее типичных для цзуней и лэй, указывает на верхний слой *эрлиган* и первый, второй периоды *иньсюй*, что не противоречит существующим датировкам.

Похожие на Саньсиндуй цзунь и лэй довольно редки, встречаются только на р. Янцзы и р. Ханьшуй. Как правило, это клады или отдельные случайные находки. В целом, опираясь на форму и стиль орнаментации, исследователи относят их к позднему периоду Шан, т.е. к более позднему времени, нежели Саньсиндуй. Общими признаками для всех трех регионов (в том числе и Сычуани) являются сильно отгибающееся устье, струнный орнамент на горлышке, резкий переход плечиков, фигурки на плечиках, зооморфные личины на тулове, ребра на тулове и поддоне, нетипично высокий поддон, прямоугольные отверстия в поддоне.

Основные районы распространения на р. Янцзы – сосуды цзунь из Хуажуна и Юэяна (пров. Хунань), Шаши (пров. Хубэй), на территории Сычуаньской котловины в районе Санься, г. Ушань, на р. Даньинхэ. Бронзовый сосуд цзунь из Хуажуна на среднем Янцзы достигает в высоту 72, 3 см. Такой высоты цзуни встречаются только в Саньсиндуй (максимальная высота К2:109 69 см). Сходны по технологии и орнаментации сосуд К2:129 из Саньсиндуй и найденные в Ушань на памятнике Даньинхэ. Здесь мы наблюдаем две головы баранов и две птицы на плечиках, на тулове и на поддоне также изображена личина, заполненная спиралью в качестве базового орнамента, по краям обрамленная драконами-рогами. Что касается сосудов лэй, то близкие Саньсиндуй формы встречаются только в Юэяне в бассейне р. Янцзы. Сосуд в высоту составляет 50 см, по плечикам сидят три птицы [12, С. 147].

Похожие на Саньсиндуй сосуды (11 цзуней и 7 лэй) найдены в верхнем течении р. Ханьшуй в Суцунь близ г. Чэнгу (пров. Шэньси) и в Цзаояне (пров. Хубэй) [10, С. 66–80.]. Находки датируются верхним слоем *эрлиган* и первым, вторым периодами *иньсюй*. Сосуд из Чэнгу 64:1 по общим характеристикам похож на К2:79 из Саньсиндуй, общая его высота составляет 44 см, высота поддона 14 см. Так же, как и в Саньсиндуй, по горловине проходит струнный орнамент, сильно отгибается устье, три птицы сидят по плечикам. Изображение личины таоте, стилизованные рога-драконы по краям сходны.

Другой цзунь из Суцунь (74:2) сходен по форме и орнаментации с найденным в Саньсиндуй K2:112 (общая высота в Саньсиндуй 31, 5 см, Суцунь 33, 2 см, высота поддона в Саньсиндуй 8, 4 см, в Суцунь 8, 9 см).

Бассейн р. Ханьшуй – регион, демонстрирующий наибольшее количество параллелей с Сычуанью. Другие категории находок, например, керамика тоже находит немалое количество параллелей. На р. Ханьшуй встречаются столь типичные для Саньсиндуй остродонные чаши, плоскодонные горшки с маленьким дном, чаши на ножке. Исследователи даже полагают, что культура бассейна Ханьшуй это культура раннего Шу, испытавшее большее влияние шанской культуры среднего Хуанхэ, нежели Сычуаньская котловина. Другие же исследователи, не отрицая большого влияния Сычуани на бассейн Ханьшуй, тем не менее, называют в большей степени более позднюю культуру Сычуани *ши-рцзяо*, а не *саньсиндуй*.

На среднем Янцзы и в верхнем течении р. Ханьшуй сосуды лэй типа *эрлиган* встречаются на памятнике Паньлунчэн, но похожие на Саньсиндуй отсутствуют. Сосуды лэй верхнего течения р. Ханьшуй не похожи по форме на имеющиеся в Саньсиндуй. На среднем Янцзы в Юэяне был найден один сосуд лэй позднешанского времени, близкий по стилистике Саньсиндуй, но, к сожалению, мы пока не обладаем другими свидетельствами контактов между Чэндуской равниной и средним течением Янцзы в ранний период *иньсюй*.

Дабы проследить способы применения сосудов в ритуалах, мы снова обратимся к материалам соседних территорий. Фигурки на плечиках жертвенных сосудов – явление довольно раннее для среднего Хуанхэ. Так, например, в Эрлигане на шанском городище в Чжэнчжоу в верхнем слое были обнаружены 4 цзуны с выпуклыми головами быков по плечикам и 5 лэй, на одном из которых были три головы баранов [14, С. 55–58]. На других же 9 жертвенных сосудах верхнего слоя *эрлиган* таких изображений нет. Выпуклые изображения встречаются и на чашах, и на кувшинах, но личины характерны в большей степени для цзунь и лэй. Несмотря на стилистические соответствия верхнему слою культуры *эрлиган* и раннему периоду культуры *иньсюй*, назначение сосудов меняется. На среднем Хуанхэ жертвенные сосуды имели назначение священных сосудов для вина во время церемоний. Это были очень ценные вещи в Шан, но в Саньсиндуй их назначение несколько иное, их находят наполненными ритуальными нефритами, морскими раковинами и предметами из слоновьей кости. Так в K2:88 было найдено 43 нефритовых долота (без следов использования, довольно тонких), 326 трубочек и бусин, одно кольцо. Также внутри находят украшения из бронзовой и золотой фольги. Сосуды обжигались вместе с костями жертвенных животных. Бронзовые сосуды находят в одних ямах с масками и головами из бронзы, а также ритуальными нефритами. Опираясь на доступный нам археологический материал, можно частично реконструировать способ их использования в ритуальных церемониях. Во второй жертвенной яме была обнаружена фигурка коленопреклоненного человека с сосудом цзунь на голове. Фигурка расположена на конусообразном основании. Лицо (или маска?) похоже на отдельные бронзовые головы, располагающиеся по периметру ямы. Таким образом, ритуальная церемония проводилась с сосудом на голове.

Любопытно, что фигурки птиц по плечикам в Саньсиндуй это изобретение носителей именно этой культуры, т.к. птицы стилистически идентичны бронзовым фигуркам, найденным в жертвенных ямах отдельно или на «дереве духов». Птицы – часто встречающийся образ, имеющий большое религиозное значение. Существует мнение, что резные ребра по тулову и поддону являются упрощенным изображением птиц. На среднем Хуанхэ подобных находок сделано не было. Соответственно, на среднее Янцзы и в регион р. Ханьшуй «птичьи» цзуны и лэй могли попасть из Сычуани. Таким образом, фигурки птиц из Гучэна, Цзаояна, Ушани и Хуажуна являются свидетельством некоторых связей с Сычуаньской котловиной.

Бронзовая ритуальная утварь из жертвенных ям Саньсиндуй находит много параллелей в материалах сопредельных культур эпохи Шан, они соответствуют верхнему слою *эрлиган* и первому, второму периодам *иньсюй*, но демонстрируют очевидные локальные особенности [5, С. 150–157]. Тем не менее, эти связи опровергают мнение о том, что Сычуаньская котловина была достаточно изолированным регионом. Вероятно, шанские традиции проникали в Сычуань через верхнее течение р. Ханьшуй, но имело место и обратное влияние, т.к. на среднем Янцзы и в бассейне р. Ханьшуй мы находим типично сычуаньские вещи.

#### **Используемая литература:**

1. Варенов А.В., Гирченко Е.А. Зооморфные изображения в бронзах Саньсиндуя (по материалам изделий из жертвенной ямы №1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – Том XX. – С. 134–137.
2. Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культурные бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 246–250.

3. Гирченко Е.А. Периодизация культуры *саньсиндуй* по бронзовым материалам жертвенных ям // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 170–175.
4. Гирченко Е.А. К вопросу о межкультурных коммуникациях в культуре *саньсиндуй* // «Номо Eurasicus» в прошлом и настоящем. Мат-лы IV науч.-практ. конференции. – СПб.: Изд-во СПб. гос. инженерно-экономического ун-та, 2012. – С. 77–81.
5. Гирченко Е.А. Ритуальные бронзы Сычуани: к проблеме межкультурного взаимодействия // Средневековые древности Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 2012. – Вып. 2. – С. 150–157.
6. Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках первой жертвенной ямы памятника Саньсиндуй уезда Гуанхань] // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. – Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. – С. 161–179. (на кит. языке).
7. Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках второй жертвенной ямы памятника Саньсиндуй уезда Гуанхань] // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. – Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. – С. 180–210. (на кит. языке).
8. Иньсюй цинтунци [Бронзовые изделия культуры *иньсюй*]. Пекин: Изд-во «Вэньу», 1985. – С. 27–75. (на кит. языке).
9. Иньсюй Фу Хао му [Могила Фу Хао культуры *иньсюй*]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – 242 с. (на кит. языке).
10. Ли Боцянь. Чэнгу тунциюнь юй цзаоци шувэньхуа [Серия бронзовых находок из Чэнгу и культура раннего Шу] // Каогу юй вэньу. – 1983. – №2. – С. 66–80. (на кит. языке).
11. Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуй] – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. – 628 с. (на кит. языке).
12. Саньсиндуй цинтун цзунь лэй дэ ишу фэнгэ хэ вэньхуа ханьи [Стилистические особенности и культурное наполнение бронзовых цзунь и лэй из Саньсиндуя] // Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин [Саньсиндуй и культуры Янцзы]. Чэнду: Изд-ва «Сычуань», «Сычуань вэньи», 2005. – С. 145–153. (на кит. языке).
13. Сунь Хуа. Сычуань пэньди дэ цинтун шидай [Эпоха бронзы Сычуаньской котловины]. Пекин: Изд-во «Кэсюэ», 2000. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000. – 397 с. (на кит. языке).
14. Цао Ванкай. Гушу хэ чжунюань миньцзудэ цзяохуэй цзунхэн [Контакты народов Древнего Шу и Центральной равнины] // Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин [Саньсиндуй и культуры Янцзы]. – Чэнду: Сычуань жэньмин чубаньшэ, 2005. – С. 55–58. (на кит. языке).
15. Чжунго каогусюэ. Ся–Шан цзюань [Археология Китая. Том Ся–Шан]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. – С. 491–513. (на кит. языке).
16. Чжэнчжоу шанчэн 1953 – 1985 нянь каогу фацзюэ баогао [Доклад об археологических раскопках на шанском городище в Чжэнчжоу в период 1953–1985 гг.]. Пекин: Изд-во «Вэньу», 2001. – 1058 с. (на кит. языке).

#### **ПИТОМЕЦ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ХАРБИНЕ (НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДОКТОРА В.А.КАЗЕМ-БЕКА)**

*Гилазетдинова Г.Х.,  
ИФМК им. Л. Толстого КФУ*

Владимир Алексеевич Казем-Бек родился в 1892 году в Казани, в семье ординарного профессора Казанского императорского университета Алексея Николаевича Казем-Бека (1859-1921), известного мецената, основателя туберкулезного диспансера в Каменке (Высокогорский район г. Казани). Матерью Владимира Алексеевича Казем-Бека была Александра Владимировна, урожденная Бечко-Друзен. В семье было пятеро детей. Все получили прекрасное образование. Владимир Казем-Бек продолжил дело отца и в 1910 году поступил в Казанский университет на медицинский факультет, который успешно окончил в 1915 году. Работал ординатором хирургической клиники ушных и носовых болезней. Был участником мировой войны. В 1920 году эмигрировал в Харбин.

Известно, что город Харбин появился в конце XIX века в северо-восточной части Маньчжурии в связи со строительством Китайской Восточной железной дороги. Инженер-исследователь и писатель Н.Г.Гарин-Михайловский называл Харбин «русским Эльдорадо», «русским Чикаго» не случайно. Город строился по-русски, впитывая в себя русскую культуру. Харбин стал одним из культурных

центров русской эмиграции на Дальнем Востоке. В отличие от Русского Зарубежья Европы и Америки, дальневосточная русская диаспора не ассимилировала с коренным населением страны, сохраняя, прежде всего, язык, уклад и традиции русской духовной культуры [3, с. 3]. Примечательны в связи с этим воспоминания писательницы Е.Н. Рачинской, приехавшей в Харбин в 1918 году: «... Харбин говорил по-русски; говорила линия КВЖД; в школах, гимназиях, университетах – преподавание шло на русском языке, газеты, журналы, книги издавались по-русски. Русскими были названия улиц; над магазинами красовались русские вывески, Даже китайцы, с которыми нам приходилось иметь дело, заговорили по-русски, избавив нас от необходимости учить китайский язык» [1, с. 121].

Характерен тот факт, что в 1925-1926 гг. В.А.Казем-Бек находился в Париже для совершенствования своих знаний в качестве доктора медицины, однако в Париже не остался, а вернулся в Харбин [2].

В.А.Казем-Бек в Харбине жил на Пекарной улице. Сейчас эта улица носит китайское название – Хонг жуан тье (Кирпичная), а дом сохранился и поныне.

В Харбине доктора Казем-Бека знали все. Будучи молодым врачом, этот цветущий, на редкость обаятельный человек, невольно располагал к себе с первого взгляда. Владимир Алексеевич был незаурядной личностью, человеком исключительного бескорыстия, готовый в любое время дня и ночи прийти на помощь больному вне зависимости от того, будет оплачен его труд или нет. В.А. Казем-Бек занимался благотворительной работой, оказывая постоянную помощь больной бедноте. По воспоминаниям русских, проживающих в Харбине, Владимир Алексеевич, приходя к беднякам, незаметно оставлял им деньги.

Доктор Казем-Бек умер ненастным днем 4 августа 1931 года, заразившись скарлатиной, спасая маленькую девочку. «Умер бессменный дежурный врач Харбина», – говорили тогда в городе, вспоминая о том, что именно этого человека можно было поднять с постели в любой час ночи к умирающему бедняку, даже в самые отдаленные окраины Харбина. За гробом В.А.Казем-Бека шел буквально весь город. Как писали газеты того времени, «больше всего поражала неутешная сосредоточенная скорбь, которая охватила многие тысячи людей при известии об этой кончине». Даже нищая братия откликнулась на это общее горе и послала в редакции газет делегатов для выражения своих чувств по поводу смерти Владимира Алексеевича.

Харбинцы, харбинская общественность решили увековечить имя доктора Казем-Бека. В дружном призыве к жертвенности на создание памятника покойному доктору – организацию больницы в память доктора В.А.Казем-бека – тогда объединились глава православной церкви митрополит Мелетий, архиепископ Нестор, викарный делегат отец Владимир Островский и харбинский раввин А.М.Киселев. На пожертвования была открыта скромная амбулатория в квартире доктора Казем-Бека на Пекарной улице, затем – небольшая больница в наемном доме в районе Модягоу на Гоголевской улице, а через пять лет в специально оборудованном здании на углу Бельгийской и Сербской улиц открылась больница, которая стала носить имя доктора-гуманиста. Кроме того, в Харбине был организован Фонд имени доктора В.А. Казем-Бека, деньги которого распределялись между Беженским комитетом и неимущими учащимися средних учебных заведений [2].

Владимир Алексеевич Казем-Бек был похоронен на Успенском (Новом) кладбище за Успенской церковью. На могиле – белый мраморный крест. По свидетельству русских харбинцев, впоследствии (в пятидесятые годы XX века) прах и памятник были перенесены на новое место – ныне существующее православное кладбище в районе Санкешу, которое находится за городом. Кладбище представляет собой печальное зрелище. Многие памятники на могилах разрушены, в том числе и памятник В.А. Казем-Беку. На могиле сохранился лишь высокий четырехгранный столб (остатки креста) и надпись – «Докторъ Владимиръ Алексѣевич Каземъ-Бекъ 14. II 1892 – 4.VIII 1931».

#### **Литература:**

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
2. Российское зарубежье во Франции, 1919-2000: биогр. слов.: в 3 т./ под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. Т.1: А-К. – 796 с.
3. Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 272 с.

### **ЖИЗНЬ ЧАН КАЙШИ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»**

*Гулева М.А.,  
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*

Один из крупнейших деятелей китайского государства в XX в., Чан Кайши (Цзян Цзешу), стал для советского общества образцовым злодеем второго плана. Его политическая биография изображалась как череда предательств, преступлений и поражений, личная же жизнь характеризовалась нечистоплотностью, семейственностью и лицемерием. Эти свойства с разной степенью обоснованности приписывались Чан Кайши и отечественными работами научного толка, и советскими средствами массовой информации. Относительно развёрнутая биография Чана появилась в СССР весьма поздно, в 1989 г., это было научно-популярное сочинение В. Б. Воронцова «Судьба китайского Бонапарта» [37]; прежде же популярным источником представлений о Чан Кайши служил переводной труд Чэнь Бода «Четыре семейства Китая» [41]. В обеих книгах образ Чан Кайши был негативным. Пересмотр и дополнение сведений о Чан Кайши, возглавлявшем Китайскую Республику и партию Гоминьдан в течение нескольких десятилетий, начался только в конце советского периода; наконец, в 2000 г. появилась новая биография Чана, написанная Ю. М. Галеновичем [39; см. также 38]. Однако вполне очевидно, что устоявшийся негативный стереотип «чанкайшистов» и «гоминдановцев» в советском сознании был сформирован не специализированными работами, а более массовыми сообщениями: новостями в газетах, радиосводками, прочими материалами СМИ. Среди них ярко выделяются произведения карикатуристов журнала «Крокодил».

Журнал сатиры и юмора «Крокодил» непрерывно издавался с 1922 г., выходил в среднем три раза в месяц, тиражи его поднялись к 1970-м гг. с нескольких десятков тысяч до более пяти миллионов экземпляров. С 1930-х гг. публикацией журнала занималось издательство «Правда». Материалы, опубликованные в «Крокодиле», можно рассматривать как своего рода популярную версию центральных газет. Благодаря этому, а также тому, что состав редакционной коллегии и команда «крокодилцев» сохраняли постоянство многие годы, наблюдение за изменениями карикатурных образов показывает акценты в политической линии КПСС. С этой точки зрения и анализируется жизнь Чан Кайши в иллюстрациях «Крокодила».

Поскольку перед настоящей статьёй стоит цель проследить эволюцию образа Чан Кайши в работах «крокодилцев», сначала я оцениваю количественные показатели – число рисунков и их распределение по времени публикации, а затем рассматриваю принципы изображения Чана: атрибуты образа, тональность работ, метафорические схемы, «амплуа» персонажа в карикатурах.

С появления «Крокодила» до смерти Чан Кайши (1922 – 1975 гг.) на страницах журнала появилось более 80 рисунков, изображающих Чана. Следует сразу уточнить, что в 51 случае портретируемый подписан, поэтому идентификация изображения не представляет трудностей, а в остальных 30 случаях о том, что нарисован именно Чан Кайши, можно говорить более или менее уверенно благодаря контексту и устоявшейся иконографии этого персонажа (о её элементах речь пойдёт дальше).

В частоте упоминаний и изображениях Чан Кайши и ассоциируемых с ним политических и территориальных образований (партия «Гоминдан», атрибутируемая, как правило, по белому солнцу на голубом фоне – флагу Китайской Республики; «правительство» в 1930-е гг.; «Тайвань» или «остров» после 1949 г.) прослеживается чёткая связь с ходом событий в Китае. График 1 показывает, когда и в каких количествах появлялись рисунки с изображением Чан Кайши.

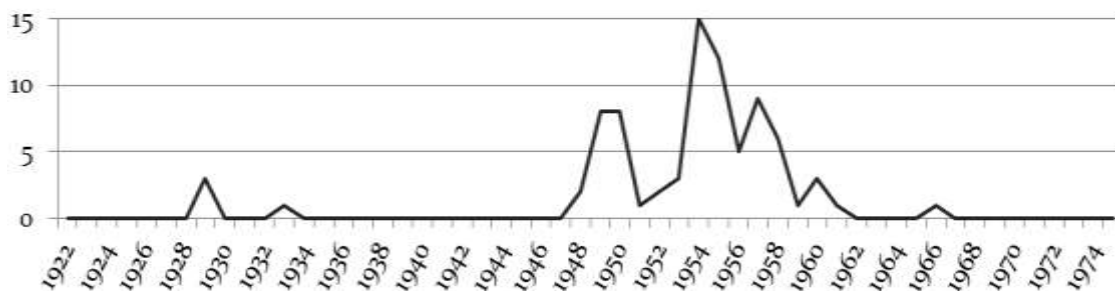


График 1. Рисунки, изображающие Чан Кайши, «Крокодил» (1922 – 1974 г.)

Видно, что впервые (и сразу трижды) Чан Кайши возникает в журнале в 1929 г., предсказуемым образом в связи с советско-китайским конфликтом на КВЖД. Затем фигура Чана исчезает из китайского дискурса, уступив место неперсонифицированным врагам и союзникам (однократное появление в 1933 г. спорно – изображён некий китайский генерал, но возможно, что это не Чан Кайши [6, с. 16]). Следующий, гораздо более заметный всплеск карикатур на Чана относится уже к периоду гражданской войны и победы Коммунистической партии Китая, 1948 – 1950 гг. Эту тенденцию прервала Корейская война, но в 1954 г. «враг» коммунистов Чан Кайши возвратился в тематику «крокодилских» выпусков, и тогда же наблюдается максимум в количестве рисунков, посвящённых ему. Это можно объяснить не только ориентирами советской политики, но и активизацией США по отношению к Тайваню в этот период. На протяжении всех 1950-х гг. интерес «Крокодила» к Чан Кайши не угасал, хотя с охлаждением советско-китайских отношений число карикатур на этого «общего врага» сократилось. В 1960-е гг. Чан Кайши постепенно исчезает из актуальных сообщений, ему на смену приходят более

остросовременные герои и антагонисты. Журнал даже не опубликовал никаких материалов о смерти Чана в 1975 г.

Во всех рисунках Чан Кайши портретируется как отрицательная фигура. Это отличает журнал от газет, в которых Чан на первых порах оказывался положительным персонажем [см., например, 2, с. 1; 3, с. 1]. «Крокодил», выходящий раз в неделю или декаду, готовился дольше ежедневных газет и предлагал более последовательную картину событий; кроме того, общая стилистика «крокодилских» выпусков подразумевала изображение прежде всего отрицательных героев, поэтому внимание журнала Чан Кайши привлекал именно в периоды противостояния СССР и Гоминьдана.

Стоит подчеркнуть, что после 1949 г. и особенно в 1954 – 1956 гг. Чан Кайши и его представители (изображения которых не учтены в графике 1) часто фигурировали в связи с вопросом о членстве Китая в ООН. Наряду с проведением дипломатических мероприятий, Москва активно работала над тем, чтобы создать в глазах простых советских граждан картину неправомерного членства Китайской Республики в ООН. О действиях советских дипломатов писал в 1979 г. М. С. Капица [40, с. 48 – 50, 133 – 143], подчёркивая важность мер, предпринимавшихся СССР и нелегитимность «гоминьдановской» делегации в ООН. Но карикатуры «Крокодила» рисовали другую сторону картины, показывая читателям в самых недвусмысленных образах малость, слабость и антинародный характер тайваньского правительства. Эта тема стала появляться реже, когда в конце 1950-х гг. между Москвой и Пекином возникли разногласия. Последние изображения Чана в «Крокодиле» относятся к 1960-м гг., причём они весьма немногочисленны. Как ни парадоксально, враждебный Чан Кайши перестал появляться в «Крокодиле», когда пришло время для сатиры в адрес Мао Цзэдуна.

Рассмотрев динамику изображения Чан Кайши, я хотела бы вернуться к иконографии этого образа в журнале. С первых же рисунков в 1929 г. у Чана появляется набор атрибутов, по которым можно с определённой долей уверенности его идентифицировать (надо сразу уточнить, что карикатуры на Чан Кайши публиковались в газетах и раньше 1929 г., см., например [1, с. 3], и использовали аналогичные каноны изображения). Карикатура Ю. Гомбарга, первый портрет Чана в «Крокодиле», содержит основные элементы: Чан изображён нарочито скуластым, в фуражке с высоким околышем и кокардой (впоследствии часто с эмблемой в виде гоминьдановского «солнца»), в китайской военной форме [4, с. 5]. В конце 1940-х гг. к этим атрибутам добавились усики, бритая голова (при отсутствии фуражки) и, что важно, просительно-плаксивое выражение лица [например, 8, с. 1; 11, с. 6; 12, с. 9]. После провозглашения Китайской Народной Республики военная форма Чан Кайши становится подчёркнуто поношенной или вовсе рваной, Чан оказывается то забинтованным буквально по самый нос [14, с. 8 – 9], то на костылях [22, с. 8]. В этот период почти любое изображение хромого, раненого, просящего подаяние азиата было карикатурой на Чан Кайши (с похожей символикой появлялись Ли Сын Ман, японцы, Нго Динь Дьем, но в спорных случаях журнал, как правило, указывал в подписи или на самом рисунке, кто изображён).

Эти метаморфозы в атрибутике, разумеется, неслучайны. Они воплощают те метафорические схемы, в которые художники вписывали главу Китайской Республики. В момент открытого противостояния СССР и Китая, в 1929 г., Чан Кайши изображался агрессором с саблей и окровавленными руками [5, с. 3]. Напротив, в конце 1940-х гг. Гоминьдан и его лидер перешли на положение «битых», чему служат метафоры больного человека («Поможет, как мёртвому припарки» [13, с. 5]), сломанной машины [9, с. 12] и аналогичных пейоративных схем, которые призваны показать не сильного врага, а поражённого противника.

Параллельно с метафорой «больного» развивалась схема «марионетки» – Чан Кайши рисовался привязанным к веревочкам в руке США, он бросался «на ручки» к «дяде Сэму» или вовсе становился погремушкой, игрушкой или барабанной палочкой всё в тех же руках с запонками в виде доллара [например, 18, с. 8; 20, с. 8; 29, с. 11; 35, с. 16]. Чан Кайши был врагом второстепенным, он действовал не самостоятельно, а по воле Соединённых Штатов. Сюжет с «рукой Госдепа», сыплющей доллары в «дырявую копилку» – Чан Кайши, появляется не менее 12 раз. Одновременно Чан регулярно изображался клянчащим деньги (его наиболее частое амплуа в многофигурных карикатурах Ю. Ганфа, Б. Ефимова и др. в конце 1940-х – 1950 гг.). Эта сюжетная линия показывала, с одной стороны, финансовую зависимость правительства Чан Кайши от внешних сил, а с другой, подчёркивала продажность и двуличие Чана, готового целовать любую руку, дающую монету [26, с. 2].

Нетрудно заметить, что почти весь корпус иллюстраций, связанных с именем Чан Кайши, обращается к международному положению Китайской Республики. О внутренней политике Чана «Крокодил» говорил немного, в основном в 1920 – 1930-е гг. Когда же Национальное правительство, Гоминьдан и сам Чан Кайши эвакуировались на Тайвань, их деятельность в «крокодилской» интерпретации свелась к беспомощному бряцанию оружием у берегов «народного Китая» [28, с. 3; 31, с. 3; 34, с. 1]. Нередко даже пользоваться оружием Чан Кайши был не в состоянии, и типичен по уже перечисленному набору символов рисунок Кукрыниксов «Все в той же позе на Формозе» [17, с. 1]: посреди пустынного океана торчит крошечный кусочек суши (Тайвань всегда изображался подчёркнуто маленьким), на суше сидит человек в синей военной форме (с рваным локтем и расходящимися швами), вместо головного убора на лысой голове лежит эполет, из сгорбленной спины растут поганки. Выражение лица у портретируемого жалостливо-скорбное, рука подпирает подбородок (то ли у человека

болит зуб, то ли это жест отчаяния), вся фигура склонилась на потрёпанный чемодан со знаком доллара на боку, а из чемодана во все стороны торчат клинки, штыки, дула и прочая военная техника. Рванный ботинок на переднем плане символизирует, вероятно, бегство с материка, а финальный штрих композиции придаёт отражение человека в водах океана: вместо зеркального портрета из волн на Чан Кайши смотрит череп. Вождество, с каким взирает Чан на запад, то есть в сторону Китая, объясняется в комментарии, сопровождающем рисунок: «Четырёхлетие Китайской Народной Республики клика Чан Кай-ши на острове Тайвань (Формоза) встретила очередными угрозами «освободить континент»». В этой иллюстрации, размещённой на обложке выпуска (где публиковались наиболее значимые темы), прочитываются все основные метафоры, касающиеся образа Чан Кайши: он беспомощен, одинок, бит, опирается только на помощь западных агрессоров и не имеет иных перспектив, кроме скорой гибели.

Однако ход событий показал, что это пророчество никак не сбывалось, поэтому «Крокодил» должен был перейти от образа больного оборванца-попрошайки к следующему уровню метафоры умирания: апофеозом беспомощности, слабости и ничтожности Чан Кайши становятся карикатуры, на которых он изображён в мусорном ведре. Таких отмечено не менее четырёх [19, с. 16; 24, с. 10; 32, с. 16; 36, с. 15], и они со всей неприглядностью передают презрение, выражаемое «Крокодилом» по отношению к Чан Кайши. Аллегорический смысл всех этих рисунков прозрачен: сам Чан уже нежизнеспособен, как и его правительство, а удерживаться на Тайване и в ООН им удаётся только благодаря американской помощи. Но и эта помощь не способна оживить «политические мумии» [15, с. 3].

Любопытно, что наряду с собственно китайско-тайваньской проблемой, в журнале находили отражение многие другие внешнеполитические действия Чан Кайши. «Крокодил» откликнулся на подписание Тайбэем соглашений с такими странами, как Южная Корея и США, но всегда стремился привлечь внимание своих читателей на безвольность Чан Кайши в международных вопросах, бесполезность его внешнеполитических мероприятий и обречённость заключённых альянсов [18, с. 8; 27, с. 13; 33, с. 8 – 9]. Так, подписанию Тайванем и США «Договора о взаимной безопасности» в 1954 г. даётся весьма критическая оценка даже в уже упоминавшейся монографии М. С. Капицы, опубликованной на четверть века позже: договор называется «грубым нарушением» Устава ООН, его цель сформулирована как обеспечение «господства американского империализма на Дальнем Востоке» [40, с. 135 – 136]. В «крокодилском» же отклике на этот эпизод аллегория гораздо более категорична: одноглазый американский адмирал с подзорной трубой и жалкий матрос Чан Кайши с саблей у горла плывут по бурному океану на утлой лодке с бумажным парусом «договора» и рваным флагом Гоминьдана, болтающимся рядом с пиратским «Весёлым Роджером». То есть договор между Тайванем и США показан не имеющим надежд на будущее, при этом он является угрозой пиратского ограбления мирных народов и примером неравноправных отношений между США и их «марионетками» [27, с. 13]. Чан Кайши мог предпринимать любые действия, они всё равно получали негативный отклик в «Крокодиле».

Заслуживает упоминания ещё одна линия в «крокодилских» сюжетах о Чан Кайши: до ухудшения советско-китайских отношений в «Крокодиле» нередко публиковались карикатуры из китайских газет и журналов, а также работы китайских художников, сделанные специально для «Крокодила». Метафоры в этих рисунках узнаваемы, это битый Чан, служащий опорой для американского «рычага», пытающегося перевернуть или атаковать Китай [25, с. 12; 30, с. 8 – 9]. Собственно, описанный выше рисунок о подписании тайваньско-американского договора – это карикатура Цзян Фаня из сатирического журнала «Маньхуа». Наряду с китайскими, были опубликованы и некоторые работы карикатуристов из стран социалистического лагеря (Чехословакия [16, с. 16], ГДР [21, с. 9], Болгария [23, с. 7]). Эти рисунки важны не с точки зрения непосредственной критики действий Чан Кайши, а как демонстрация общего осуждения общего врага.

Обзор всего корпуса «крокодилских» портретов Чан Кайши даёт возможность выявить основной принцип изображения этого марионеточного злодея. Во всех карикатурах на Чан Кайши есть признаки дегуманизации, т. е. отрицания таких свойств человеческой личности, как способность чувствовать, свобода действий, познавательные способности, моральные качества и др. При этом, изображение человека в виде животных (в данном случае речь идёт о змеях) и, тем более, предметов и механизмов, что активно применяется по отношению к Чан Кайши, призвано уместить весь комплекс его поведения и поступков в узкие стереотипные рамки, лишаящие персонажа малейшего шанса на позитивный отклик со стороны читателя. Чан Кайши, особенно изображённый в одном ряду с Ли Сын Маном, Нго Динь Дьемом и прочими «марионетками США», утрачивает не только политический вес, но и перестаёт быть реальным человеком, превращаясь в пейоративный термин в метафорической системе внешнеполитического новостного дискурса СССР. «Чанкайшист» становится в 1950-е гг. таким же удобным ярлыком, какими служили тогда «расист», «куклуксклановец» и «фашист», а позже стали «маоисты» и «хунвэйбины». Дегуманизация Чан Кайши проявилась и в том, что его личная жизнь почти никогда не освещалась «Крокодилом». Замечено всего два упоминания семейных дел Чана, это отсылки к «супруге» или «мадам Чан Кай-ши» и его «родственникам» [7, с. 4; 10, с. 4]. В обоих случаях осуждались корыстолюбие и коррумпированность этих персонажей, но тема не получила развития, вероятно, потому что важнее было показать обезличенность и изолированность Чан

Кайши; наличие же у него семьи игнорировалось (в отличие от ранее названных работ В. Б. Воронцова и Чэнь Бода, где внутрисемейным непорядкам Чана уделялось достаточно внимания). Иными словами, «крокодильский» Чан Кайши воплотил в себе все пороки Гоминьдана и своего окружения и стал персонифицированным врагом, утратив при этом черты человечности и индивидуальности.

#### **Использованные источники и литература:**

1. Известия. 19.04.1927.
2. Известия. 22.09.1926.
3. Известия. 24.03.1927.
4. Крокодил. 1929. № 28.
5. Крокодил. 1929. № 29.
6. Крокодил. 1933. Спецвыпуск «Крокодил – авиации».
7. Крокодил. 1947. № 22.
8. Крокодил. 1948. № 3.
9. Крокодил. 1948. № 7.
10. Крокодил. 1948. № 18.
11. Крокодил. 1948. № 33.
12. Крокодил. 1949. № 20.
13. Крокодил. 1949. № 28.
14. Крокодил. 1949. № 36.
15. Крокодил. 1950. № 8.
16. Крокодил. 1953. № 15.
17. Крокодил. 1953. № 29.
18. Крокодил. 1953. № 35.
19. Крокодил. 1954. № 10.
20. Крокодил. 1954. № 13.
21. Крокодил. 1954. № 20.
22. Крокодил. 1954. № 23.
23. Крокодил. 1954. № 24.
24. Крокодил. 1954. № 29.
25. Крокодил. 1954. № 36.
26. Крокодил. 1955. № 5.
27. Крокодил. 1955. № 6.
28. Крокодил. 1955. № 7.
29. Крокодил. 1955. № 11.
30. Крокодил. 1955. № 14.
31. Крокодил. 1956. № 1.
32. Крокодил. 1956. № 34.
33. Крокодил. 1957. № 20.
34. Крокодил. 1958. № 26.
35. Крокодил. 1958. № 33.
36. Крокодил. 1961. № 27.
37. Воронцов В. Б. Судьба китайского Бонапарта. – М.: Политиздат, 1989.
38. Галенович Ю. М. Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008.
39. Галенович Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. – М.: Муравей, 2000.
40. Капица М. С. КНР: три десятилетия – три политики. – М.: Политиздат, 1979.
41. Чэнь Бо-да. Четыре семейства Китая / Пер. с кит. А. Г. Гатова; вступ. статья В. Я. Аварина. – М.: Изд-во и тип. Гос. изд-ва иностр. лит., 1948.

### **МОРАЛЬ В КИТАЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Ю.Н. Данилова,  
Курганский гос. ун-т*

Понятие «мораль» ряд исследователей, например Р.Г. Апресян [1], относят исключительно к европейской культуре и полагают, что ни в одной другой культуре не было сформировано подобного лексически-семантического обобщения поведения людей. Принято считать, что именно в европейской культурно-философской традиции были определены общезначимые моральные принципы. Однако, следует сказать, что хотя в других, неевропейских культурах, не было сформулировано универсального нравственного императива, тем не менее, в них существует понятие морали. Например, в



китайском языке есть слова, обозначающие мораль – «даодэ» (道德), «лун» (伦), «лунли» (伦理), «лунли даодэ» (伦理道德). С ними в Китае тесно связаны понятия общественного и личного долга, обязанностей, переживаний чувств вины и стыда.

Исследователи не раз отмечали, что несмотря на то, что в социальной и экономической сферах Китай активно использует достижения европейской цивилизации, сами жители Поднебесной, особенно среднее и старшее поколение, продолжают в личной и общественной жизни руководствоваться нравственными ценностями, сформировавшимися еще в эпоху средневековья. Социальные преобразования XX в., переход к рыночной экономике не смогли изменить уклада жизни, так что китайскую культуру и сегодня по праву можно назвать традиционной.

Представители западной компаративистики (Д. Рене, Х. Кетц, К. Цвайгерт) относят Китай к дальневосточной правовой системе, для которой право и закон не принято считать единственным средством обеспечения социального порядка. Система судебных наказаний никогда не имела одобрения со стороны общества, которое отдавало предпочтение системе нравственного воспитания, силе убеждения, самокритичным оценкам поведения. Рассуждая о роли моральных принципов в китайском обществе, Т.В. Пашкова считает: «Законы не являются нормальным средством решения конфликтов между людьми. Их полезная роль ограничивается тем, что они предлагают образцы поведения и предупреждают тех, кто повел бы себя антиобщественным образом» [7]. Общественное мнение, осуждение со стороны окружающих способны заставить провинившегося посредством переживаний чувств вины и стыда самому выносить себе справедливый приговор.

Становление норм морали в китайском обществе имеет долгую историю, охватывающую доимперский, имперский и современный периоды в истории Китая. В первый период (с древности до III в. до н.э.) страна была охвачена территориальными войнами, анархическими выступлениями, жестокой борьбой за власть. Несмотря на то, в конце этого периода появились такие мыслители как Кун-цзы, Лао-цзы и Мэн-цзы, их нравственные учения не стали нормой ни для правителей, ни для простого народа. В то время предпочтение отдавали учению Шан Яна, позднее получившему название легизм, или фацзя (法家). В «Книге Шана», составленной его последователями, излагалась система авторитарного права, действующего в то время: «В хорошо организованной нации наказание должно быть обычным и повсеместным явлением, награда же – редкостью» [9, 39]. Учения легистов того времени не соответствовали тем общечеловеческим нормам морали, которые позднее станут основой межличностных отношений в стране, так как оправдывали даже убийство: «Если убийством можно уничтожить убийство, то разрешается даже убийство» [8, 145].

Несмотря на насаждаемые сверху принципы управления при помощи наказаний и законов, на протяжении всей средневековой истории Китая отношение к ним как средствам установления социальной справедливости среди народа было негативным: «Закон нарушает врожденное чувство справедливости, возбуждение судебного процесса накладывает дурной отпечаток на отношения между индивидами, а закон в силу своей абстрактности... способен нарушить естественный ход событий» [4]. Общественное порицание считалось более действенным и суровым средством наказания за преступление. Судебный приговор зачастую заменялся символическим, но не менее действенным, наказанием – сянь: на преступника надевали специальную холщевую рубашку или на его тело наносилась татуировка. Подвергая осужденного всеобщему осуждению и презрению, общество стремилось его перевоспитать [10].

Несмотря на то, что уже в 124 г. до н.э. была учреждена Императорская Академия (Тайсюэ), в которой изучали учение Кун-цзы, следование принципам сыновней почтительности сяо (孝), преданности (честности) правителю чжун (忠) – важнейшим принципам конфуцианской морали – в среде аристократии было скорее показным. Представители знати заботились скорее о личной выгоде, чем о преданности правителю и государству.

В последующие имперский (с III в. до н.э. – до 1912 г.) и современный (республика, правление Мао Цзэдуна, настоящее время) периоды легизм постепенно уступил первенство буддизму и конфуцианству, проповедовавшим высокие морально-нравственные нормы поведения. В период феодальной раздробленности (220 – 589 гг.) и периоды Суй и Тан (589 – 960 гг.) произошло признание буддийских ценностей махаяны. Многие из правителей объявили себя их последователями. Танские биографы в своих работах отмечали, что император Вэньди, прославившийся своей жестокостью, в конце жизни испытывал муки совести за совершенное им когда-то зло, и приписывали это влиянию буддизма. В имперский период конфуцианская мораль постепенно стала основой не только межличностного общения, но и систем управления и образования. Представители аристократии все больше стали следовать принципам, изложенных в «Луньюе», главном конфуцианском каноне: «Когда правитель обеспокоен, подданный должен испытывать позор; когда правитель опозорен, подданный должен погибнуть...» [3, 72].

В XIII-XIV вв. знание принятых в обществе моральных норм стало обязательным для любого благородного человека – цюнь цзы (君子). Высказывания Кун-цзы легли в основу трактатов, созданных с целью нравственного воспитания подрастающего поколения. Одним из них стало «Троесловие», или «Сань-цзы-цзин» (三字经), произведение, созданное в этот период в форме классического канона,

традиционно приписываемое Ван Инлиню. Оно создавалось в сложное для страны время, когда на смену расцвета культуры в периоды Тан и Сун пришло время социальной нестабильности, длившееся до середины XIV в. Это свидетельствует о том, какое важное значение придавали в то время нравственно-этическим нормам как средству объединения страны, сохранения ее традиций.

В «Троесловии», книге, по которой учили детей в Китае на протяжении многих столетий, огромное значение уделялось воспитанию в человеке ответственности за свои поступки, формированию его высокоморальных качеств. Утверждалось конфуцианское представление об изначально доброй человеческой природе, изменяющейся только при неправильном воспитании и недостойном окружении. В каноне перечислялись пять этических норм, которые должны быть усвоены каждым, стремящимся осуществить волю Неба: человеколюбие (仁), справедливость (義), благопристойность (禮), знание (知), искренность (忠). Достойным стыда и осуждения считалось проявление эгоизма, алчности, непристойного поведения, пренебрежения знаниями. В Китае до сих пор доминирует мораль стыда, основанная на конфуцианских принципах.

Конфуцианские трактаты учили, что для того, чтобы достичь почестей и благополучия, необходимо вести праведную жизнь, основу которой составлял «канон сыновней почитательности», или сяо, включавший в себя не только заботу о близких, но и почитание предков. Жизнь отдельного человека мыслилась в тесной связи с другими: «Каждая индивидуальная жизнь имеет смысл, только если она включена в цепочку других жизней, прошедших, будущих и настоящих, которые и образуют род» [6, 43]. Несоблюдение сяо нарушало единство рода, препятствовало передачи традиций от поколения к поколению, обесценивало имена предков и считалось совершенно недопустимым. Каждый член семьи осознавал ответственность за судьбу своего рода: отцы отвечали головой за безнравственные поступки своих детей, если родители совершали преступление, вина ложилась и на их детей.

Моральные принципы конфуцианства со временем стали основой не только поведения представителей благородных сословий и простолюдинов, но и стали ведущими при формировании норм морали той или иной профессиональной группы. Полная кровопролитных войн история Китая диктовала необходимость создания хорошо подготовленной армии. Создается воинская мораль, «мораль воина», или удэ (武德), считавшаяся важнейшей дисциплиной. Поэтому, прежде чем приступить к изучению техники ведения боя, обучающийся боевым искусствам должен был изучить моральные нормы удэ. Эта мораль была связана с самосовершенствованием, включала в себя контроль над эмоциями, «эмоциональный ум», или «синь» (心), и «ум мудрости», или «и» (意). Начинаящий воин должен был быть праведным, поступать согласно долгу, руководствоваться в своих поступках разумом, а не чувствами. Если истинный воин сохраняет ясность ума и следует своему долгу, ему нечего стыдиться, ему не из-за чего испытывать чувство вины. Он достоин уважения и доверия со стороны окружающих [11].

В эпоху Цин (1644 – 1912 гг.) начинаются активные экономические и культурные контакты с европейскими странами. Не все достижения западной цивилизации были восприняты, но то, что было заимствовано (сфера торговли и образования, медицина), китайцы старались использовать для усиления собственной экономической и общественной жизни. Был провозглашен лозунг «Ти – юн» (體用), что означало «Китайская основа – западная польза». Однако сфера отношений как внутри семьи, так и вне нее, по-прежнему находилась под влиянием представлений, сформировавшихся несколько столетий назад. В межличностных отношениях в начале XX в., как и много веков назад, ценились честность, порядочность, следование чувству долга и справедливости.

Попытки замены традиционных моральных ценностей на новые были предприняты в период образования КНР и прихода к власти Мао Цзэдуна. Утверждая приоритет политических интересов перед общечеловеческими, власть вела активную борьбу с противниками новых порядков – сторонниками традиционного пути развития. В «Цитатнике» Мао Цзэдуна говорилось о том, что каждый «должен подчинять личные интересы интересам революции; ...вести неустанную борьбу против всяких неправильных взглядов и поступков... должен заботиться об интересах партии и масс больше, чем о своих собственных» [5]. Власть поощряла доносы членов семьи друг на друга, отречение от близких, если этого требовали интересы партии. Поступками людей в то время руководил скорее страх, чем стыд и вина. Но авторитет вековых традиций (патриархальность, семейственность) продолжал сохраняться.

В современном Китае продолжают доминировать моральные принципы, сформировавшиеся под влиянием конфуцианства. В противовес проникшим в современный Китай принципам эгоизма и утилитаризма западной морали, власти стремятся возвысить традиционные моральные ценности. Ху Цзиньтао, глава КНР (2003 – 2013 гг.), в одном из своих выступлений изложил моральный кодекс современного китайского общества. Им были сформулированы восемь правил нравственного поведения, определяющих, что является достойным или недостойным, делом чести или постыдным делом. Они построены по традиционной для китайского менталитета дуальной схеме: должному поведению противопоставляется недопустимое. Постыдным следовало считать «нанесение вреда Отечеству», «поступки, идущие вразрез с интересами народа», «невежество и отсутствие знаний», «стремление к

безделью и неприязнь к труду», «стремление поживиться за чужой счет», «утрату чувства долга», «нарушение законов и дисциплины», стремление к роскоши, разгулу и праздности» [2].

Приезжающие в Китай сегодня отмечают, что, несмотря на то, что молодые китайцы часто придерживаются либеральных принципов, как в общественной деятельности, так и при личном общении, даже они неохотно расстаются с традициями прошлого. Как и много веков назад, поступками жителей страны руководят такие чувства как вина и стыд, они уважают мнение представителей старшего поколения, стараются своих детей воспитывать в духе нравственных норм конфуцианства. Многие из сторонников традиционного пути развития считают, что именно приверженность моральным установкам конфуцианства в личной и общественной жизни помогает сохранять культурную целостность нации.

#### Примечания:

1. См.: Апресян Р.Г. Круглый стол «Мораль: многообразие понятий и смыслов» // URL: <http://iph.ras.ru> (дата обращения 11.04.2015)
2. Галенович Ю.М. Нравственность Китая – традиции и современность // URL: <http://pravostok.ru> (дата обращения 21.02.2015)
3. Цит. по: Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном. – М.: Наука, 2006. – 383 с.
4. Косарев А. История государства и права зарубежных стран // URL: <http://vse-uchebniki.com> (дата обращения 21.04.2015)
5. Мао Цзэдун. Цитатник // URL: <http://royallib.ru> (дата обращения 21.02.2015)
6. Накорчевский А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика). – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2004. – 384 с.
7. Пашкова Т.В. Проблема идентификации правовой системы Китая // URL: <http://www.vui.fsin.su> (дата обращения 21.04.2015)
8. Цит. по: Сидихменов В.Я. Китай: Страницы прошлого. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 448 с.
9. Цит. по: Уинтл Дж. История Китая. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 288 с.
10. Шубаро О. Традиционная правовая система в Китае и современность // URL: <http://elib.bsu.by> (дата обращения 13.03.2015)
11. Удэ // URL: <http://wudeschool.com> (дата обращения 23.02.2015)

## ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕТРАНСЛЯТОР ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

*Дворцова А.Н.  
Луганский гос. ун-т им. Т. Шевченко*

Значимость роли преподавателя в процессе изучения иностранных языков трудно переоценить, так как именно от него учащиеся на начальном этапе получают большую часть специфической информации о языковых и культурных особенностях той или иной страны. В случае с преподаванием восточных языков, в особенности – китайского, преподаватель становится ретранслятором языковых картин мира, которые большей частью совершенно новы для учащихся и в корне отличаются от знакомых им европейских и славянских.

Прежде всего, следует пояснить что собой представляет само понятие «картина мира». **Картина мира** как центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, представляет собой целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной жизни человека [1,362]. Таким образом, отражение этого мира в языковых единицах и текстах, создаваемых посредством оных, образуют собственно **языковую картину мира**. Т.е. это совокупность знаний об окружающем человека мире, запечатленных в языковой форме, отраженные в языке представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности [1,362].

В современном подходе к преподаванию языковых дисциплин, процесс обучения иностранному языку предполагает формирование не только языковой компетенции учащихся, но также и социокультурной компетенции. Ни одно учебное пособие на сегодняшний день не может сравниться с полной подачей материала (особенно – специфических культурных реалий и концептов), которая обеспечивается квалифицированным преподавателем. Потому, следует отметить, что преподавательская деятельность требует не только высокого уровня познаний в области лингвистики, но и обширной эрудированности лингвокультурологического плана. Преподаватель иностранного языка обязан быть све-

душим в вопросах, касающихся культуры, истории, литературы, географии и прочих аспектов, касающихся страны, язык которой он преподает.

Преподавание китайского языка требует особо тщательного подхода со стороны педагога, так как этот язык совершенно не похож ни на славянские, ни на европейские. Кроме особенностей иероглифического письма, фонетики, грамматики и синтаксиса, буквально с первых занятий учащиеся начинают сталкиваться с лингвокультурологическими различиями родной страны и Китая. Задача преподавателя – создать на занятиях зону комфорта для восприятия этой новой информации, а также максимально способствовать ее уяснению.

Следует отметить, что в процессе взаимодействия на занятиях по иностранным языкам, преподаватель во многом воспринимается учащимися, как носитель культуры той страны, язык которой они изучают. Таким образом, преподаватель становится неким ретранслятором языковой картины мира другой страны, ее культурной специфики. Этот момент отождествления преподавателя с представителями иноязычной культуры особенно силен на начальном этапе обучения, впрочем, с течением времени изучения языка данная тенденция понемногу ослабевает. Как бы то ни было, специалистам, занятым в сфере образования необходимо учитывать данную особенность восприятия личности преподавателя обучаемыми.

Изучая методические пособия по преподаванию китайского языка, а также иностранных языков, в целом, мы ознакомились с предлагаемыми там стратегиями и методами работы. Синтезировав прочитанное, а так же обратившись к собственному опыту обучения, а после – преподавания, мы решили сформулировать тезисы, которые могут быть полезны в работе, а также учащимся, планирующим связать свою будущую деятельность с преподаванием. С нашей точки зрения, можно выделить следующий ряд принципов, следование которым может быть полезным преподавателю китайского языка:

- принцип наглядности;
- принцип доступности;
- принцип актуальности;
- принцип достоверности;
- принцип открытости;
- принцип саморазвития.

Теперь хотелось бы более детально осветить каждый из этих пунктов. Итак, **принцип наглядности** применительно к обучению языку определяется как специально организованный показ языкового материала, предметов и явлений окружающего мира с целью облегчения его понимания, усвоения и использования в речевой деятельности [1,153]. Наглядность может быть зрительной, слуховой, смешанной, мышечно-двигательной. Специалисты, обычно выделяют языковую и неязыковую наглядность. *Языковая наглядность* подразумевает деятельность, направленную на демонстрацию явлений самого языка, восприятие и воспроизведение которого носит наглядно-чувственный характер. Например, при разборе иероглифа 看 (смотреть), преподаватель может продемонстрировать при помощи пантомимики сочетание ключей «рука» и «глаз», обеспечивая более полное восприятие нового слова, а также касаясь его этимологической составляющей. *Неязыковая наглядность* связана с восприятием специфических языковых явлений, например, лингвокультурем. **Лингвокультурема** – это комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет). [1,127] Термин был предложен В.В. Воробьевым в 1997г., в научной литературе он синонимичен понятию **концепт**. Применение неязыковой наглядности будет актуальным, например, при изучении термина 京剧, который переводится как «пекинская опера». Понятие об опере у большинства студентов сформировано на базе европейской оперной традиции, таким образом, если не сделать специального поясняющего экскурса (желательно с применением не только изображений, но и видеоматериалов или аудиозаписей) в специфику явления пекинской оперы, большинство учащихся будут ошибочно ассоциировать ее с уже знакомым форматом оперного исполнения.

Отметим, что современная методика предусматривает использование на занятиях всех видов наглядности, что способствует образованию правильных представлений об изучаемых явлениях языка и развитию соответствующих навыков и умений у учащихся в сфере изучаемых предметов [1,153].

Следующим принципом, который мы рассмотрим, является **принцип доступности**. В некоторых источниках, его еще называют принципом посильности. Это дидактический принцип, в основе которого лежит учет возрастных различий и особенностей обучаемых при отборе материала с тем, чтобы он был посилен учащемуся по содержанию и объему [1,213]. Этот принцип плотно связан с эмпирическими наблюдениями преподавателя за каждой отдельной группой, а именно – опытом и уровнем познаний учащихся. Мы настаиваем на том, что преподаватель должен уметь понятно объяснить любое специфическое явление, прибегая в первую очередь к известным ученикам терминам и понятиям. Так, если при изучении темы деньги сообщить учащимся, что 1 юань соответственно равен 10 мао и 100 фэням, никаких интуитивно понятных ассоциативных цепочек в восприятии данного термина выстроено не будет. Следует сравнить денежную систему Китая и родной страны учащихся и на

понятных им примерах пояснить соответствие, найти эквивалентные термины. Так же точно, мы не можем сообщить учащимся, что в одном цзине столько-то лянов, если им не известны эквиваленты данных мер в привычном формате (граммах, килограммах). Этот принцип особенно важен для молодых специалистов, которые иногда забывают важность проведения понятных параллелей и злоупотребляют иноязычными терминами без пояснения их значений.

Под **принципом актуальности** мы подразумеваем осведомленность преподавателя в современных языковых тенденциях китайского. Каждое учебное пособие нуждается в регулярном пересмотре, так как язык – это динамичная система, постоянно претерпевающая изменения в процессе развития человека и окружающего мира. К сожалению, в силу тех или иных причин, мы зачастую не можем сразу же использовать на практике новейшие разработки в области учебной литературы, исходя больше из объективных возможностей по обеспечению учащихся наличествующими учебными пособиями, которые зачастую не отличаются новизной. Потому, преподаватель должен обращать внимание учащихся на то, что коннотация и употребление некоторых слов, которые приводятся в учебнике (например, 小姐, 同志 и др.), в настоящее время изменилась. Необходимо давать учащимся представления о современных языковых нормах, дабы упростить их интеграцию в процесс межкультурной коммуникации.

Из вышесказанного логично вытекает следующий принцип – **принцип достоверности**. Преподавателю необходимо достаточно критично подходить к содержанию учебников и, в случае необходимости, указывать учащимся на те или иные неточности, которые могут встретиться в изложении материала авторами. Однако, все это требует основательного подхода и обоснованности замечаний, так как следует помнить, что учащиеся зачастую воспринимают точку зрения педагога некритично и склонны ей полностью доверять (особенно – на начальном этапе обучения). Потому, нужно помнить о том, что преподаватель как никто ответственен за предоставляемые им сведения и вносимые коррективы.

Зачастую у студентов возникает желание обсудить тот или иной вопрос, а иногда они могут не согласиться с точкой зрения, предлагаемой им в отношении того или иного явления. В таких случаях преподавателю стоит руководствоваться **принципом открытости**. Это значит, что следует со вниманием относиться к мнению учащихся, допускать конструктивные дискуссии, а также быть открытым для диалога на интересующие учащихся темы и вне аудитории. Преподаватель не должен быть авторитарным, так как зачастую в процессе обсуждения вопрос обретает ясность, а точка зрения, которую могут конструктивно обосновать, воспринимается с большим уважением, чем постулаты, которые запрещается оспаривать.

Последним из указанных нами принципов является **принцип саморазвития**. Практически вся методическая литература имеет свойство устаревать, особенно сейчас, в век Интернета, потому преподаватель должен особо чутко реагировать на все новые тенденции, которые появляются в области языкознания и методики преподавания, а также в сфере культуры. Нет предела познаниям и работе над собой, а потому мы считаем особенно важным для преподавателей изучение новых учебных и методических пособий, освоение новых методик, посещение курсов повышения квалификации, внимание в новые языковые и литературные тенденции.

Как уже было отмечено нами выше, сегодня акцент в методике преподавания языков стоит на формировании у учащихся социокультурной компетенции, что обусловлено увеличением значимости межкультурного диалога в современном мире. Таким образом, в сфере преподавания иностранных языков преобладает лингвокультурологический подход. **Социокультурной компетенцией** называют совокупность знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка [1, 286].

Для того, чтобы максимально полно реализовать данный подход в сфере преподавания китайского языка активно практикуется комбинированное использование аудиторных (ролевые игры, проекты и т.п.) и внеаудиторных видов работы. Особенно интересной учащиеся находят внеаудиторную работу, направленную на формирование социокультурной компетенции. Например, организацию клубов китайской культуры (изучение чайной церемонии, каллиграфии, китайских шахмат, го и т.д.), коллективный просмотр и обсуждение китайских фильмов на языке оригинала, проведение мероприятий, посвященных праздникам и памятным датам Китая, организация викторин и брейн-рингов, осуществление научно-исследовательской деятельности.

Участвуя в организации учебного процесса, координируя внеаудиторную работу учащихся, преподаватель выполняет все ту же важную функцию ретранслятора языковой картины мира Китая, постепенно вовлекая в эту деятельность и всех своих студентов. Думаем, справедливо будет отметить, что от личного уровня профессионализма и осведомленности преподавателя во многом зависит уровень знаний студентов, который они покажут в будущем. Потому, необходимо ответственно подходить к преподаванию, осозная значимость роли педагога в процессе обучения иностранным языкам.

## Литература:

1. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997. – 330 с.
3. Демина Н. А. Методика преподавания практического китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2006. – 88 с.
4. Кочергин И. В. Очерки методики обучения китайскому языку. Научное издание. – М.: ИД Муравей, 2000. – 160 с.
5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.

## ХУНАНЬСКАЯ ПРАРОДИНА СИВАНМУ (на кит. языке)

Ду Ганцзянь,  
Хунаньский университет

### 西王母的故乡在湖南

杜钢建  
湖南大学法学院教授、博导

西王母文化自神农炎帝时期开始，历经黄帝、颛顼、帝喾、尧舜禹、夏商周、春秋战国、秦汉、三国两晋南北朝、唐宋元明清，直到今天，一直影响深远。西王母作为得道的真实历史人物，她的人生经历和修道过程依然是个迷。西王母虽然曾经长期在西方居住过，但是西王母的故乡在哪里以及西王母与上古湖湘文化有什么联系，这是本文侧重讨论的问题。此外西王母是哪个民族的人？是汉民族的人还是少数民族的人？西王母所居住的昆仑山在哪里？西王母作为历史人物的活动与作为道教神仙传说活动之间如何甄别？这些问题与本文讨论的主要问题之间有许多内在联系。本文致力于探索西王母与湖湘文化的关系，并旨在论证西王母的故乡在湖南。

#### 一、西王母是真实的历史人物

西王母是一个真实的历史人物。庄子将西王母与诸多同样得道的历史人物罗列在一起论述，标明在春秋战国时期人们相信西王母与豨韦氏、伏戏氏、冯夷、黄帝、颛顼、彭祖、傅说等一样是真实的历史人物。

在庄子之前，老子就论述过西王母。晋张华《博物志》卷九《杂说上》：“老子云：万民皆付西王母，唯王者、圣人、真人、仙人、道人之命上属九天君耳。”这部分内容经笔者查阅，出处不在《道德经》，显然是引自其他著作。老子和庄子论及西王母应当是有所本的。在老子庄子所处的春秋战国时期有关西王母的资料很丰富，以致秦汉时期西王母信仰盛极一时。

关于西王母究竟始于何时，庄子认为西王母与许多历史人物一样，是修炼得道的神仙。但是西王母得道后莫知始终。《庄子·大宗师》说：“夫道有情有信，无为无形；可传而不可受，可得而不可见；自本自根，未有天地，自古以固存；神鬼神帝，生天生地；在太极之先而不为高，在六极之下而不为深，先天地生而不为久，长于上古而不为老。豨韦氏得之，以挈天地；伏戏氏得之，以袭气母；维斗<sup>1</sup>得之，终古不忒；日月得之，终古不息；勘坏得之，以袭昆仑；冯夷<sup>2</sup>得之，以游大川；肩吾<sup>3</sup>得之，以处大山；黄帝得之，以登云天；颛顼得之，以处玄宫；禺强得之，立乎北极；西王母得之，坐乎少广，莫知其始，莫知其终；彭祖得之，上及有虞，下及及五伯；傅说得之，以相武丁，奄有天下，乘东维、骑箕尾而比于列星。”根据庄子的说法，得道者的表现不一。其中西王母得道后坐乎少广，莫知其始，莫知其终。西王母得道后坐在少广之上。少广在这里既是地名，也标明地貌是长方体型。<sup>4</sup>

<sup>1</sup>北斗星之别称。《庄子·大宗师》：“维斗得之，终古不忒。”成玄英疏：“北斗为众星纲维，故曰维斗。”《韩非子·解老》：“天得之以高，地得之以藏，维斗得之以成其威，日月得之以恒其光。”宋黄庭坚《走答明略》诗：“吾闻向来得道人，终古不忒如维斗。”

<sup>2</sup>“成玄英疏：“姓冯名夷，弘农华阴潼乡堤首里人也。服八石，得山仙。大川，黄河也。天帝锡冯夷为河伯，故游处盟津大川之中也。”三国魏曹植《洛神赋》：“于是屏翳收风，川后静波，冯夷鸣鼓，女娲清歌。”唐高适《自淇涉黄河途中作》诗之十：“坎德昔滂沱，冯夷胡不仁，激湍陵堤防，东郡多悲辛。”清黄遵宪《由上海至长崎》诗：“冯夷歌舞山灵喜，一路传呼万岁声。”一说，为河伯之妻。见《史记·封禅书》“水曰河，祠临晋”张守节正义引《龙鱼河图》。

<sup>3</sup>《山海经·西山经》：“西南四百里，曰昆仑之丘，是实惟帝之下都，神陆吾司之。其神状虎身而九尾，人面而虎爪；是神也，司天之九部及帝之囿时。”郭璞注：“即肩吾也。庄周曰‘肩吾得之，以处大山’也。”

<sup>4</sup>少广也是古代算法之一，是由已知长方形面积或长方体体积求其一边之边长的方法。根据《九章算术》，少广术曰：“置全步及分母子，以最下分母遍乘诸分子及全步，各以其母除其子，置之于左。命通分者，又以分母遍乘诸分子，及已通者皆通而同之，并之为法。置所求步数，以全步积分乘之为实。实如法而一，得从步。”

按照《元始上真众仙记》和《路史》等说法，西王母属于天皇地位或天皇十三头之一。《元始上真众仙记》记载：「复经二劫，忽生太元玉女在石涧积血之中，出而能言，人形具足，天姿绝妙，常游厚地之间，仰吸天元，号曰太元圣母……太元圣母生天皇十三头，好曰太真王母」。这里讲的天皇十三头应该指分别掌管十三方的部落领袖。正如《太古河图代姓纪》所说「天下群居，以類相親，男女眾多，分為九頭，各有居方，故號居方氏。」西王母最早应该是分管一个方国的领袖。<sup>1</sup>

西王母可能是天皇之下的三辅九翌之一。项峻《始学篇》：「天皇十三头」。皇氏《洞纪》云：「一姓十三人也」，他书皆然，独《春秋纬》言天皇、地皇、人皇皆九人，分为九州长天下。按《河图括地象》云：「天皇九翌，提名旋复」，盖辅翌者九人。又《易通卦验》云：「天皇氏之先，与乾曜合元。君有五期，辅有三名」，注云「君之用事五行，更王者亦有五期，三辅，公卿大夫也」。故《礼记正义》谓「三才既判，尊卑自然」，而有天地初分，即应有君臣治国秩序，三辅九翌并皇是十三人。按照如今说法，当时西王母属于十三位国家领导人之一。

根据《路史·前纪·一》记载，元始天王是盘古真人的自号。昔二气未分，螟滓鸿蒙，未有成形，天地日月未具，状如鸡子，混沌玄黄，已有盘古真人（浮黎元始天尊），天地之精，自号元始天王，游乎其中。复经四劫，天形如巨盖，上无所系，下无所依，天地之外，辽阔无端，玄玄太空，无响无声，元气浩浩，如水之形，下无山岳，上无列星，积气坚固大柔服维天地浮其中，展转无方。若无此气，天地不生。天者，如龙旋回云中。复经四劫，二仪始分，相去三万六千里，崖石出血成水，水生元虫，元虫生滨牵，生刚须，刚须生龙。元始天王在天中心之上，名曰玉京山，山中宫殿并金玉饰之，常仰吸天气，俯饮地泉。复经二劫，忽生太元玉女，在石涧积血之中，出而能言，人形具足，天姿绝妙，当游厚地之间，仰吸天气，号曰太元圣母（王母之母），元始君（元始天王、盘古）下游见之，乃与通气结精，招还上宫。当此之时，二气絪縕，覆载气息，阴阳调和，无热无寒，天得一以清，地得一以宁，并不复呼吸，宣气合会相成自然饱满。大道之兴，莫过于此，结积坚固，是以不朽。元始天王和太元圣母生扶桑大帝东王公与西王母，再生天皇，天皇生地皇，地皇生人皇，伏羲、神农等五帝是其后裔云云。显然，《路史》的说法受到道教神话的影响，难以全信。但是，有一点是值得重视的，即西王母至少是神农炎帝时期甚至是此前更早时期的历史人物。

从史料看，历史上最早接触西王母的人物是赤松子。根据《真君传》的记载，神农的老师赤松子教神农服水玉，能入火自烧而不热。赤松子是神农的雨师，能够随风雨上下。赤松子曾经多次往返昆仑山，住在西王母石室中。<sup>2</sup>根据《南岳记》，炎帝曾经致斋南岳，以祈通真感雨师玄君（玄君即赤帝君事为玄君），教炼水玉之法，入火自焚而不热。后玄化于朱阳之野。太上以德正而镇炎方主司南岳。其帝女公主亦慕道，礼玄君为师，后道成亦同飞升于九关。<sup>3</sup>根据1973年马王堆出土的《黄帝四经》看，赤松子既是神农炎帝的老师，也是轩辕黄帝的老师。炎黄时期赤松子曾经在湖南湘东茶陵云阳山一带修炼。

与赤松子同时期的黄帝也拜见过西王母。轩辕黄帝时期，西王母的影响已经大到足以让黄帝本人专门为西王母修建道观。根据《黄帝内传》记载，黄帝在全国将自己的离宫别馆三百余所改造为道观。黄帝还分别在五岳各建道观，每个道观的道士分别为五十人，专职从事焚修为民祈福的工作。其中，南岳古代的太真观（西华观）就是黄帝为迎候西王母建造的。作为候神祭神的王母庙，从黄帝时期就有了。<sup>4</sup>《轩辕黄帝传》云：「时有神西王母，太阴之精，天帝之女」。黄帝与西王母会于王屋（见《抱朴子》）；黄帝登昆仑，立台于沃人国北西王母之山（见《轩辕黄帝传》）。黄帝战蚩尤於涿鹿时王母遣使帮助过黄帝。<sup>5</sup>

帝喾和尧舜时期，西王母的影响也是很大的。根据《淮南子·览冥训》记载，嫦娥是帝喾的女儿，也称姮娥，乃后羿的妻子。后羿是尧帝手下的神射手。《淮南子·览冥训》说后羿从西王母处请来不死之药，嫦娥偷吃了这颗灵药，成仙后飞往月宫之中。《淮南子》曰，「河九折注於海，而不絕者，昆侖之輪也，潦水不泄，潢漾極望，旬月不雨則涸而枯澤，受瀾而無源者。譬若羿請不死之藥於西王母，姮娥竊以奔月，悵然有喪，無以續之。何則？不知不死之藥所由生也。是故乞火不若取燧，寄汲不若鑿井。」唐代诗人李商隐的《嫦娥》诗云，「母屏风烛影深，长河渐落晓星沉。嫦娥应悔偷灵药，碧海青天夜夜心。」

尧帝时期不仅后羿得见西王母，而且尧帝也派后稷见过西王母。汉焦延寿的《易林》卷一载：「稷为尧使，西见王母。拜请百福，赐我善子。引船牵头，虽物无忧。王母善祷，祸不成灾。」

<sup>1</sup>有的方国到西周时还是分布很广的族群。根据西周早期铜器铭文《小孟鼎》记述，孟在受爵以后两年，即康王二十五年，两次对鬼方战争告捷献俘于周庙的史实。第一次俘虏即达「万三千八百一十一人」，「执兽三人」。

<sup>2</sup>《真君传》汉中垒校尉刘向撰。「赤松子者，神农时雨师也。服水玉以教神农，能入火自烧。数往昆仑山中，常止西王母石室中，随风雨上下。炎帝少女追之，亦得俱去。至高辛时，复为雨师焉。」

<sup>3</sup>炎帝时，太上号大成子，授甲元精经，教理世以化生之道，播百谷以代烹杀。和百药以救百病，尝五木而登五谷，以活民命，止杀禽兽。功成厌世。顿驾茶墟。

<sup>4</sup>黄帝内传云。舍离宫别馆三百余所为道观。又于五岳各置观。或云。南岳西华观。即古之太真观。为西王母所建以候神也。各度道士五十余人。焚修与民祈福。乃知南岳观字始自黄帝。次于夏禹有之也。

<sup>5</sup>玄女即授帝六甲六壬兵信之符，灵宝五符策使鬼神之书，制袄通灵五明之印，五阴五阳遁甲之式，太一十精四神胜负握机之图，五岳河图策精之诀，九光玉节十绝灵婢命魔之剑，霞冠火佩龙戟霓旅翠辇绿耕此縵虎骑千花之盖，八鸾之舆羽钥玄竿虹旌玉越神仙之物，五龙之印九明之珠九天之节，以为兵信五色之磨，以辨五方。帝遂复率诸侯再战。蚩尤驱魑魅杂袄以为阵，雨师风伯以为卫，应龙蓄水以攻帝。帝尽制之，遂灭蚩尤於绝辔之野、中冀之乡。冢分其四肢以葬之。由是榆罔拒命，又诛之於版泉之野。北逐蚩尤，大定四方，步四极凡二万八千里，乃铸鼎立九州，置九行、九德之臣，以观天地，祠百灵，垂法设教。然后采首山之铜，铸鼎於荆山之下。黄龙下迎，帝乘龙升天。皆玄女之所授符策图局，以佐成功业。

舜帝时期，西王母追慕舜帝道德高尚，专门远道而来贡献《盖地图》。这个《盖地图》可能是世界上最早的关于地球是圆体的地图。西王母所得的《盖地图》对于禹王治水应该有重要参考价值。<sup>1</sup>中国人关于地球是圆体的认识与西王母的贡献分不开。地理学史上的盖地论就是地球圆形理论。关于地球是宇宙中的圆球的认识源自西王母的盖地图。根据《玉海》引《书纬帝验期》所言，西王母于大荒之国，得盖地图，慕舜德，远来贡之。尧舜时期的盖地论要比后来西方学者关于地球是圆形的认识早得多。这要归功于西王母的贡献。古盖地说的《盖地》术语后来由皇甫谧改作《益地》一词，世人就难以理解了。对此，江永曾经专门在《算学》中予以指出。<sup>2</sup>

西王母所献盖地图在皇甫谧之后多被称为益地图。如《雒书灵准听》曰：有人方面，日衡重華。握石推，懷神珠。舜受終，鳳皇儀，黃龍感，朱草生，莫莢孳，西王母授益地圖。西王母得益地之圖來獻。

西王母在舜帝时期之所以能够献出盖地图，因为早在伏羲神农时期就制作地图。《春秋·元命包》曰：‘神农世，怪义生白阜。（始作）《图》，地：形、脉；水：道。《御览》也以为怪义生白阜，是《图》、《书》并起于羲、农也。’<sup>3</sup>神农世有白阜六国。

舜帝时期，西王母来朝的具体时间和所献其他礼物如下。帝舜有虞氏即帝位九年，西王母来朝。（《大戴礼·少间篇》：‘昔舜以天德嗣尧，西王母来献其白琯。’《类聚》十一、《御览》八十引《雒书灵准听》曰：‘舜受终，西王母授益地图。’《中论·爵禄篇》：‘舜受终于文祖，称曰余一人，则西王母来献白环。’）西王母之来朝，献白环、玉玦。（出《宋书·符瑞志》，但《志》无‘之来朝’三字。）

此外，根据《异苑》记载，舜时西王母还献了笙玉管。《异苑》曰：衡阳山九嶷，皆有舜庙，汉世零陵文学姓奚，于泠道县舜祠下，得笙玉管，舜时西王母献。

关于舜时西王母献玉管一事，杜佑《通典》也有记载，《管》，尔雅曰：「长尺，围寸，併漆之，有底。」「大者曰箛。中者曰篴。小者曰篳。」古者以玉为管，舜时西王母献白玉琯是也。月令：「均琴、瑟、管、箫。」<sup>4</sup>周礼：「孤竹之管，於圆丘奏之；孫竹之管，於方丘奏之；陰竹之管，於宗廟奏之。」<sup>5</sup>

杜佑《通典》在讨论篳时，也提及舜时西王母献琯。《篳》，世本云：「暴新公所造。」舊志云一曰管，非也。雖不知暴新公何代人，而非舜前人明矣。舜时西王母献琯，則是已有此器，新公安得造篳乎？爾雅曰：「大篳謂之沂。」篳，以竹为之，長尺四寸，圍三寸，一孔，上出寸三分，名曰翹，橫吹之。小者尺二寸。廣雅云「八孔」。今有胡吹，非雅器也。」<sup>6</sup>

禹王时期大禹去过西王母国，并见西王母。荀子认为，大禹治水前曾「学于西母国。」另据《论衡》记载，大禹称帝后，《益见西王母》。《淮南子》记载，禹乃以息土填鸿水，以为名山，掘昆仑虚以为下地。

商朝时期，殷帝大戊曾经专门派使节向西王母讨药。根据《括地图》王孟是见过西王母的商朝大臣。<sup>7</sup>《山海经》在记述《丈夫国》时，提及王孟至此绝粮，食木实，衣木皮。终身无妻，却自生二子。丈夫国去玉门二万里。<sup>8</sup>在殷商时期人们相信西王母是的确存在的真实人物，所以殷帝大戊才专门派王孟采药於西王母。殷帝大戊是具有雄心大略的帝王。他不仅专门派王孟采药於西王母，而且还派巫咸禱於山河，巫咸居於去南海万里的巫咸国。巫咸国国民是为巫咸民。<sup>9</sup>大戊名密。元年丙戌，王即位，居亳。命卿士伊陟、臣扈。（《书·君奭》：‘在大戊时则有若伊陟、臣扈，格于上帝。’）十一年，命巫咸禱于山川。二十六年，西戎来宾，王使王孟聘西戎。（《海外西经》注：‘殷帝大戊使王孟采药，从西王母。’）

殷商甲骨文中称候者约 50 位，其中有《候母》，笔者认为可能是西母国之称。

周朝时期，关于周穆王与西王母的交流在《汲冢周书》中有详细记载。西晋初年（太康二年），在今河南汲县发现一座战国时期魏国墓葬，出土一大批竹简。其中有关于西周的重要文化典籍。这批竹简通称《汲冢周书》。其中编年体典籍《穆天子传》按照时间顺序记录了周穆王拜访西王母的过程。<sup>10</sup>

<sup>1</sup>《玉海》引《书纬帝验期》云，《西王母于大荒之国，得盖地图，慕舜德，远来贡之。》

<sup>2</sup>《元史·天文志》云：“扎马鲁丁造西域仪器廓雍依阿勒查，汉言地里志也。其制以木，为圆球，七分为水，色绿，三分为土地，色白。”《明史·天文志》亦云：“西洋人言地圆。”按地圆，古盖地说也。回回、西洋亦知之耳。自皇甫谧改作益地圆，学者遂不通究其义。《周髀算经》云：“天象盖笠，地法覆槃，极下地高，滂沱四顾而下。”则地本圆，在天中。——清·江永《算学》

<sup>3</sup>同时期还出现神农乐。《孝经·钩命决》曰：‘神农乐，曰《下谋》。’《礼·明堂位》曰：‘土鼓、黄桴、苇籥，伊耆氏之乐也。’孔疏曰：‘说者，以伊耆为神农也。’

<sup>4</sup>蔡邕章句曰：「管者，形長尺，圍寸，有孔無底。其器今亡。」說文曰：「管如篳，六孔，十二月之音。」詩云：「嘒嘒管聲。」

<sup>5</sup>鄭玄云：《孤竹》，竹特生者也。孫竹，竹枝根之末生者。陰竹，生於山北者。”

<sup>6</sup>蔡邕月令章句云：「篳，竹也，六孔，有距，橫吹之。」詩云：「仲氏吹篳。」

<sup>7</sup>《括地图》曰：殷帝大戊使王孟采药於西王母。

<sup>8</sup>《括地图》曰：殷帝大戊使王孟采药於西王母，至此绝粮，食木实，衣木皮。终身无妻，而生二子，从背间出，是为丈夫民，去玉门二万里。《外国图》曰：昔殷帝大戊使巫咸禱於山河，巫咸居於此，是为巫咸民。去南海万千里。

<sup>10</sup>以下是周穆王拜访西王母活动的具体日期。庚戌，天子西征，至于玄池。天子三日休于玄池之上，乃奏廣樂，三日而終，是曰樂池。天子乃樹之竹，是曰竹林。癸丑，天子乃遂西征。丙辰，至于苦山，西膜之所謂茂苑。天子於是休獵，於是食苦。丁巳，天子西征。己未，宿于黃鼠之山，西口乃遂西征。癸亥，至于西王母之邦。吉日甲子，天子賓于西王母。乃執白圭玄璧以見西王母。好獻錦組百純，●組三百純。西王母再拜受之。●乙丑，天子觴西王母于瑤池之上。西王母為天子謠，曰：「白雲在天，山隴自出。道里悠遠，山川間之。將子無死，尚能復來？」天子答之，曰：「予歸東土，和治諸夏。萬民平均，吾顧見汝。比及三年，將復而野。」天子遂驅升于奔山，乃紀丁跡于奔山之石，而樹之槐，眉曰西王母之山。西王母之山還歸开世民作憂以吟曰：「比徂西土，爰居其野。虎豹為群，於鵠與處。嘉命不遷，我惟帝。天子大命而不可稱顧世民之恩流涕卉隕，吹笙鼓簧，中心翔翔。世民之子，唯天之望。」



关于穆天子拜访西王母一事，在《史记》中也有记载。《史记赵世家》记载，赵氏之先，与秦共祖。至中衍，为帝大戊御。其后世蜚廉有子二人，而命其一子曰恶来，事纣，为周所杀，其后为秦。恶来弟曰季胜，其后为赵。季胜生孟增。孟增幸于周成王，是为宅皋狼。皋狼生衡父，衡父生造父。造父幸于周穆王。造父取骥之乘匹，与桃林盗骝、骅骝、绿耳，献之穆王。穆王使造父御，西巡狩，见西王母，乐之忘归。而徐偃王反，穆王日驰千里马，攻徐偃王，大破之。乃赐造父以赵城，由此为赵氏。自造父已下六世至奄父，曰公仲，周宣王时伐戎，为御。及千亩战，奄父脱宣王。奄父生叔带。叔带之时，周幽王无道，去周如晋，事晋文侯，始建赵氏于晋国。

司马迁还在史记中其他地方多次提到西王母的存在。《史记·大宛列传》»安息长老传闻条支有弱水、西王母，而未曾见。»这就充分说明，西王母在历史上是真实的西域人物。郭璞注《穆天子传》引《纪年》云»穆王十七年，西征昆仑丘，见西王母。其年来见，宾于昭宫。»《史记·周本纪》裴笱集解引郭注文相同。《史记·周本纪》中记载：»穆王十七年，西巡狩，见西王母。»《史记·司马相如列传》：»[西王母]戴胜而穴处兮，亦幸有三足乌为之使。»

与《穆天子传》同出于汲冢的《竹书纪年》关于穆天子见西王母的时间有明确的年代记载。文曰：»十七年，王西征，至昆仑丘，见西王母。其年，西王母来朝，宾于昭宫。»《列子·周穆王篇》有云：»宾于西王母，觴于瑶池，王和之，其辞哀焉。»

西周中期懿王时遗物戎生编钟早先流失海外，后被中国保利集团公司购回，现收藏于北京保利艺术博物馆。戎生编钟做器者为晋国大臣戎生，其铸造年代为晋昭侯六年（公元前740年）。铭文中出现了»穆天子»一词。周懿王比周穆王西征晚五十多年。可见在穆天子死后不久，就有»穆天子»传说。

汉代设置西海郡也与西王母有关。《论衡·恢国篇》云：»孝平元始四年，金城塞外羌献其鱼盐之地，愿内属，汉遂得西王母石室，因为西海郡。»

在汉朝，拜访西王母是一些帝王特别是汉武帝梦寐以求的事情。《汉武内传》曰：帝闲居承华殿，东方朔、董仲舒在侧。忽见一女子，着青衣，美丽非常。帝愕然问之，女对曰，我墉宫玉女，王子登也。为王母所使，从昆仑山来。语帝曰，从今日清斋，不闲人事，至七月七日，王母暂来也。言讫，玉女忽然不知所在。帝问东方朔，此何人。朔曰，是西王母紫兰宫玉女。常传使命往来扶桑，出入灵州，交关常阳，传言玄都。阿母昔出配北烛仙人，近又召还。使领命禄真灵官也。»«帝至日扫除宫内，然九光之灯迎接西王母。»《海内十洲记》后附沧海岛、方丈洲、扶桑、蓬丘、昆仑五条。《汉武内传》曰：帝受西王母《真形经》，盛以黄金之几。又曰：西王母有九丹，金液金浆。西王母与汉武帝相谈移时，抽出袖中的五岳真形图送给武帝，并命董双成送给武帝四个蟠桃，汉武帝吃后只觉通体舒泰，齿根生香，于是小心翼翼地将桃核收起，准备栽种。西王母笑道：»此桃三千年一结果，中夏地薄，种之不生。»汉武帝吃过的昆仑山蟠桃的桃核都被收藏起来，一直传到明代。据《宛委余编》记载：»洪武时，出元代内库所藏蟠桃核，长五寸，广四寸七分，上刻»西王母赐食武帝蟠桃于承华殿'十四字。»北魏贾思勰《齐民要术》卷十称：»仙玉桃，服之长生不死»。

汉东方朔撰《海内十洲记》记载，汉武帝听西王母说大海中有祖洲、瀛洲、玄洲、炎洲、长洲、元洲、流洲、生洲、凤麟洲、聚窟洲等十洲，便召见东方朔问十洲所有的异物。东方朔的记载可信度很高，他曾经受到武帝的重用。按班固《汉武故事》并《西京杂记》，并云：»东方朔死，上疑问西王母使者。使者曰：'朔是木帝精，为岁星，下游人中，以观天下，非陛下臣也。'»故夏侯孝若《画赞》云：»神变造化，灵为星辰也。»

西汉末年，西王母崇拜曾经引起全国性的民众流动。《汉书·哀帝纪》记载：（建平）四年春，大旱。关东民传行西王母筹，经历郡国，西入关至京师。民又会聚祠西王母，或夜持火上屋，击鼓号呼相惊恐。《汉书·天文志》也有记载：（建平）四年正月、二月、三月，民相惊动，讙讙奔走，传行诏筹祠西王母，又曰»从目人当来»。《汉书·五行志下之上》：哀帝建平四年正月，民惊走，持稊或楸一枚，传相付与，曰»行诏筹»。道中相过逢多至千数，或被发徒跣，或夜折关，或逾墙入，或乘车骑奔驰，以置驿传行，经历郡国二十六，至京师。其夏，京师郡国民聚会里巷仞佰，设张博具，歌舞祠西王母。又传书曰：»母告百姓，佩此书者不死。不信我言，视门枢下，当有白发。»至秋止。

从上述西王母见诸不同历史时期的文献看，西王母是历史上真实存在过的人物。她是西王母国的领袖，而且作为西王母国的国王可能有不同世代的西王母。以至于后来西王母进一步被神化成为王母娘娘的形象。

## 二、西王母是上古湖南犬戎族领袖

根据关于西王母的早期文献记载，可以看出早期西王母是典型的犬戎族的代表。最早描述西王母相貌特征的文獻是《山海经》。

《史记》注[索隐]《山海经》云»玉山，西王母所居»……[集解]徐广曰：»远音下沃反。»索隐远音鹤也。正义张云：»西王母，其状如人，豹尾，虎齿，蓬鬓，远然白首。石城金穴，居其中。»[集解]郭璞曰：»胜，玉胜也。»正义颜云：»胜，妇人首饰也，汉代谓之华胜也。»[正义]张云：»三足乌，青乌也。主为西王母取食，在昆墟之北。»西王母的这些外表特征标明她是犬戎族的典型代表。

<sup>1</sup>东方朔文中写道：»臣朔少失父母，长养兄嫂，年十二学书三冬，文史足用；十五学击剑，十六学诗书，诵二十二万言，十九学孙吴兵法，战阵之见，征鼓之教，亦诵二十二万言，如今二十有二，身長九尺三寸，目若悬珠，齿若编贝，勇若孟贲，捷若庆忌，廉若鲍叔，信若尾生，若此可以为天子大臣矣！是以冒死再拜以闻。»

按照《山海经》的记载，住在昆仑山的西王母长相奇异，为一般人难以理解。《大荒西经》曰：「西海之南，流沙之滨，赤水之后，黑水之前，有大山，名曰昆仑之丘。有神，人面虎身，有文有尾，皆白，处之。其下有弱水之渊环之，其外有炎火之山，投物辄然。有人戴胜，虎齿，有豹尾，穴处，名曰西王母。此山万物尽有。」《山海经·西次三经》说：「又西三百五十里曰玉山，是西王母所居也。西王母其状如人，豹尾虎齿而善啸，蓬发戴胜，是司天之厉及五残。」《山海经·海内北经》还提及：「西王母梯几而戴胜，其南有三青鸟，为西王母取食。在昆仑虚北。」另外，《易林·小畜之大有》云：「金牙铁齿，西王母子」。

上古从湖南移民到西方的犬戎族最典型的特征之一是长有尾巴以及嘴巴似狼狗嘴巴向外突出。西王母豹尾、虎齿、善啸、穴处的特征表明她是出身于上古犬戎族。但是，道教经书《历世真仙体道通鉴复集卷之一》则说：「王母髦发戴胜，虎齿善啸者，此乃王母之使，金方白虎之神，非王母之真形也。」这是为了将西王母美化的一种说法。后来《道藏道迹经》记载：「王母上殿东西坐，着黄金裾，文采鲜明，光仪淑穆，带灵飞大绶，腰佩分景之剑，头上太华，戴太真晨缨之冠，履玄凤文之履，观之，年方三十许，修短得中，天姿灵颜绝世，真灵人也」。原先西王母豹尾虎齿善啸穴处等特征都取消了。西王母被完全神化美化了。也许后来穆天子和汉武帝等所见的西王母国的国王真的是个美女。作为真实的历史人物，西王母不可能从神农炎帝时期活到汉代。历史上应该有不同时期的王母国国王都被称为西王母。而早期的西王母则是相貌并不美观的犬戎族领袖。

古代西方的犬戎族以及羌族都是从上古湖南移民而去的。犬戎族长有尾巴的特征到禹王时期也是禹王的妻子涂山氏的特征。史书记载禹的妻子涂山氏长有尾巴。东汉赵晔的《吴越春秋·越王无余外传》载：「禹三十未娶，恐时之暮，失其制度。乃辞云：『吾娶也，必有应矣。』乃有白狐九尾，造于禹。禹曰：『白者吾之服也，其九尾者，王者之证也。涂山之歌曰：『绥绥白狐，九尾庞庞。我家嘉夷，来宾为王。成家成室，我造彼昌。天人之际，于兹则行』。明矣哉！』禹因娶涂山，谓之女娇。」另外，禹王妻子的名字也称攸女。湖南株洲的攸县在名称上就源于上古攸女。夏商周三代许多帝王娶攸女、青阳女和涂山女为妻。黄帝将其子少昊青阳氏也即金天氏封在今株洲茶陵的云阳山一带。根据史料，许多帝王娶攸女、青阳女和涂山女为妻的重要原因除了有天神的启示以外，还应该是湘东一带攸女、青阳女和涂山女中多出美女。湘东一带攸女、青阳女和涂山女与犬戎族的关系是密不可分的。犬戎族中中长尾巴的人只是一部分。至少禹王的妻子涂山氏女是典型的犬戎族人。

不仅禹王的妻子涂山氏女是犬戎族人，连禹王本人也是羌戎族人。禹王的妈妈也是涂山氏女。正因为禹王本人出身于羌戎族，所以他容易接受长有尾巴的妻子。《史记》中记载，「禹兴于西羌。」《路史·后记》中说大禹是「西夷之人。」《潜夫论·五德志》称大禹为「戎禹」。此外，在《新语》《后汉书》中，都有关于「大禹出西羌」的记载。《吴越春秋》说禹王「产于高密，家于羌，地曰石纽。」<sup>1</sup>

上古犬戎族和羌族最早都出自湖南。早在神农炎帝时期，湖南就出现了犬戎族。到了轩辕黄帝时期，黄帝的老师之一封氏也是犬戎族人。《路史·疏仡纪·黄帝》：「申命封胡以为丞」。《山海经·海内北经》曰：「犬封国曰犬戎国，状如犬。」汉书古今人表说「封巨，黄帝师，仁人」。封胡封狐封钜等是神农炎帝时期的姓氏，乃炎帝后裔。《世本》曰：「封氏，炎帝之后，封钜为帝师，胙土名氏。」

西王母属于犬戎族的哪一个分支呢？

不同的文献曾经讲到西王母的姓氏。《列仙全传》记载：「西王母即龟台金母也，系西华至妙洞阴之极尊，育化诞生于神州伊川，俗姓侯或杨，讳回，字婉姘，一字太虚」。《道藏三洞经》记载：「西王母者，太阴之元气也，姓自然，字君思，下治昆仑，上治北斗」。如果早期的西王母姓侯的话，其祖先可以追溯到伏羲氏以前的燧人氏时期。根据王圻《续文献通考氏族典第十一卷》，侯姓属于盘古氏至三皇一燧人氏之间衍生的五十一个姓氏之一。<sup>2</sup>如果西王母姓侯的话，她应该是出生于燧人氏时期衍生至炎帝时期的侯氏家族。上古侯氏最早在湖南，后来移民至北方和西方。

唐人段成式《酉阳杂俎·诺记上》中写道：「西王母姓杨，讳回，治昆仑西北隅。」如果西王母姓杨的话，西王母应该是犬戎族氏戎的杨氏氏族。氏氏是炎帝器的后代。炎帝器生钜及伯陵，祝庸。<sup>3</sup>伯陵为黄帝臣，封逢，实始于齐。同吴权之妻阿女缘妇孕三年，生三子曰爰、曰鼓、曰延。生灵愬，灵愬生氏人……有逢氏、蘧氏、爰氏、延氏、氏氏、齐氏。祝庸为黄帝司徒，居于江水，生术器、兑首、方颠，是袭土壤，生条及勾龙。条喜远游，岁终死而祖。勾龙为后土，能平九州，是以社祀。生垂及信，信生夸父，夸父以驶臣丹朱，有句氏、句龙氏。垂臣高辛为尧共工，不贵独功，死葬不距之山。垂生噎鸣，是为伯夷，为虞心吕，且功于水，封吕，

<sup>1</sup>母曰修己，出行，见流星贯昴，梦接意感，既而吞神珠。修己背剖，而生禹于石纽，虎鼻大口，两耳参鬓，首戴钩铃，胸有玉斗，足文履已，故名文命。长有圣德。长九尺九寸。梦自洗于河，取水饮之。又有白狐九尾之瑞。当尧之时，舜举之。禹观于河，有长人白面鱼身，出曰：「吾河精也。」呼禹曰：「文命治水。」言讫，授禹《河图》，言治水之事，乃退入于渊。禹治水既毕，天锡玄圭，以告成功。夏道将兴，草木畅茂，青龙止于郊，祝融之神降于崇山。乃受舜禅，即天子之位。洛出龟书，是为《洪范》。（以上出《宋书·符瑞志》。）三年丧毕，都于阳城。（《孟子·万章上》：「舜崩，三年之丧毕，禹避舜之子于阳城。」）

<sup>2</sup>自大魏氏至無懷氏等十九氏衍生姓氏如下：隗氏、大隗氏、大嵬氏、嵬氏、饒氏、撓氏、剌氏、鬼隗氏、厖氏、隗氏、渾氏、沌氏、屯氏、吉氏、倉氏、史氏、侯氏、岡氏、夷門氏、倉頡氏、柏氏、柏常氏、柏侯氏、白侯氏、中央氏、中黃氏、大氏、大庭氏、栗氏、陸氏、釐氏、驪氏、赫氏、赫胥氏、葛氏、權氏、尊氏、尊盧氏、鐔（覃改尊）氏、祝氏、融氏、祝宗氏、祝和氏、祝融氏、昊氏、巢氏、朱襄氏、陰氏、零氏、懷氏、無懷氏等共五十一個姓氏。

<sup>3</sup>钜为黄帝师，胙土命氏而为封钜。夏有封父，封文侯，至周失国。有封氏、钜氏、巨氏、封父氏、富父氏。

生岁十二泰岳，袭吕、余，列申许。尧代有许繇。泰岳生先龙，先龙生玄氏，玄氏乞姓。汤革夏伐氏，氏人来朝，其别为青、白、胸之三氏，后有羌氏、羌戎氏、杨氏、符氏、氏羌数十，白马最大，非无弋后者。如果西王母姓杨的话，杨氏氏族作为炎帝器的后代也源于湖南。炎帝器炎帝戏炎帝榆罔等都埋葬在湖南株洲茶陵的云阳山。

有关羌人最早的记载，出现在《山海经》中。西王母可能是羌戎族最早的女首领的称号。氏人中玄氏等乞姓羌也。根据史书记载，到后来僖公十一年，还有杨、柎、泉、皋、伊雒之戎。二十二年，有陆浑、九州之戎。陆浑河南属县，杨、柎不见，而泉乃洛阳西南之泉亭，伊雒之间，则洛阳县西南之故戎城，皆姜戎也。

根据史书记载，九州之戎，有隗氏、狄氏、落氏、戎氏、戎子氏、袁纥氏、解律氏、解批氏、乌护氏、纥骨氏、壹利吐氏、毕其斥氏。回纥九姓，高车十二族，其衍也。潞子、甲氏、留吁，姜路之余，晋灭之。后有潞氏、路氏、路中氏、露氏、甲氏、榆氏。伊、列、丹、骆、淳、戏、怡、向、州、薄、甘、隋、纪，皆姜国也。在神农炎帝时期，羌戎族主要集中在湖南，中心为长株潭的露水流域。潞氏、路氏、路中氏、露氏、甲氏、榆氏以及伊、列、丹、骆、淳、戏、怡、向、州、薄、甘、隋、纪等姜国姓氏都源于埋葬在湖南株洲茶陵云阳山的历代神农炎帝。后来的三苗国都也在今长株潭一带。

羌戎族崇拜犬图腾。汉唐时期羌戎族的国家还有白狼国、白狗国等。《资治通鉴》第一百九十卷说：在唐朝初年有「白简、白狗羌并遣使入贡」，唐「以白狗等羌地置维、恭二州」。《说文》称：「羌，西戎牧羊人也。从人从羊，羊亦声」；《风俗通义》也说：「羌，本西戎卑贱者也，主牧羊。故‘羌’从羊、人，因以为号。」

西王母国文化与上古湖南的巫教文化是紧密结合在一起的，并共同成为道教文化的核心内容。西王母与同时期的巫咸都是炎黄时期的历史人物。《外纪》曰：「神农，命赤冀为杵臼；命巫咸主卜筮；命刑天作《扶犁之乐》；命屏封作《种书》；命白阜作《地理纪》，以理天下。」神农的大臣白阜的母亲是怪义。《春秋·元命包》曰：「神农世，怪义生白阜。（始作）《图》，地：形、脉；水：道。《御览》以怪义，为白阜母。是《图》、《书》并起于羲、农也。」西王母在舜帝时期所献地图可能是神农时期白阜制作的地图。神农炎帝时期西王母与巫咸等十巫部落臣民一起从湖南迁往西方。所以西王母国与巫咸等国距离不远。

西王母所居住的昆仑山究竟在哪里，需要对不同时期史料进行梳理。按照三国两晋时期的有关史料的记述，西王母所居住的昆仑山至少在安息国以西的大秦国。根据《魏书》，安息国在葱岭西都蔚搜城。北与康居，西与波斯相接，在大月氏西北，去代二万一千五百里。至于大秦国，一名黎轩，都安都城。从条支西渡海曲一万里，去代三万九千四百里。其海傍出，犹渤海也，而东西与渤海相望，盖自然之理。大秦国地方六千里，居两海之间。其地平正，人居星布。其王都城分为五城，各方五里，周六十里。王居中城。城置八臣以主四方，而王城亦置八臣，分主四城。若谋国事及四方有不决者，则四城之臣集议王所，王自听之，然后施行。王三年一出观风化，人有冤枉诣王诉讼者，当方之臣小则让责，大则黜退，令其举贤人以代之。据记载，大秦国人端正长大，衣服车旗拟仪中国，故外域谓之大秦。其土宜五谷桑麻，人务蚕田，多璆琳、琅玕、神龟、白马朱鬣、明珠、夜光璧。东南通交趾，又水道通益州永昌郡多出异物。昆仑山在大秦国的西面。大秦西海水之西有河，河西南流。河西有南、北山，山西有赤水，西有白玉山。玉山西有西王母山，玉为堂云。从安息西界循海曲，亦可以到达大秦，距离为四万余里。

根据《山海经》记载，巫咸国与王母国相去不远。昔殷帝大戊派使见西王母经由巫咸国，且巫咸国邻国是女子国。西王母国其实也是女儿国，是女性掌权的国家。《山海经》曰：巫咸国在女刃北，右手操青蛇，左手操赤蛇。在登葆山，群巫所从上下也。（操药往来。）《外国图》曰：昔殷帝大戊使巫咸禱於山河，巫咸居於此，是为巫咸民。去南海万千里。《山海经》曰：女子国在巫咸北，两女子居，水外周之。（有黄池，妇人入浴，出即人孕矣。生男，三岁即死。周犹绕也。）

按东方朔《十洲记》：昆仑山在西海之戌地，北海之亥地，去岸十三万里，有弱水，周币绕山。东南接积石圃，西北接北户之室，东北临大閼之井，西南近承渊之谷，此四角大山，实昆仑之支辅也。积石圃南头昔西王母告周穆王云：去咸阳三十六万里。山高平地三万六千里。上有三角，面方广万里，形如偃盆，下狭上广。故曰昆仑山有三角，其一角正北，干辰星之辉，名曰阊风巅。其一角正西，名曰玄圃台。其一角正东，名曰昆仑宫。其处有积金，为天墉城，面方千里。城上安金台五所，玉楼十二，其北户出，承渊山，又有墉城，金台玉楼，相似如一。渊精之阙，光碧之堂，琼华之室，紫翠丹房，景烛日晖，朱霞九光，西王母之所治，真官仙灵之所宗，上通璇机，元气流布，五常玉衡。理九天而调阴阳。品物群生，希奇特出，皆在于此。天人济济，不可具记。其北海外，又有钟山，上有金台玉阙，亦元气之所含，天帝居治处也。考东方朔之言及《山海经》五万里之文，昆仑山和巫咸国等距离中国相去甚远。

西王母戴胜的习惯与《荆楚岁时记》记载的湖南古代风俗是一致的。正月七日为人日。以七种菜为羹；剪彩为人，或镂金薄为人，以贴屏风，亦戴之头鬓；又造华胜以相遗；登高赋诗。董勋《问礼俗》曰：「正月一日为鸡，二日为狗，三日为猪，四日为羊，五日为牛，六日为马，七日为入。正旦画鸡于门，七日贴人于帐。」《荆楚岁时记》云，「今一日不杀鸡，二日不杀狗，三日不杀猪，四日不杀羊，五日不杀牛，六日不杀马，七日不行刑，亦此义也。古乃磔鸡，今则不杀。荆人于此日向辰门前呼牛马鸡畜令来，乃置粟豆于灰，散之宅内，云以招牛马。未知所出。剪彩人者，人入新年，形容改，从新也。」华胜盛行于晋代，模仿西王母戴胜而成。贾充《李夫人典戒》云：「人日造华胜相遗，像瑞图金胜之形，又像西王母戴胜也。」旧以正旦至七日讳食鸡，故岁首唯食新菜，又余日不刻牛马羊狗猪之像，而二日福施人鸡。郭缘生《述征记》云：「寿张县安仁

山，魏东平王凿山顶，为会人日望处。刻铭于壁，文字犹在。」《老子》云：「众人熙熙，如登春台。」《楚辞》云：「目极千里伤春心。」春日登临，自古为适。晋代桓温参军张望亦有七日登高诗。

«戴胜»又叫«戴辛»，指一种«火»字形冠饰。最早的«火»形符号应推湖南澧县彭头山文化（9000年）的陶器上供火焰流通的三角形缕孔；到了湖南黔阳县的高庙遗址（7300年）和长沙市南沱乡的大塘遗址（7100年）中，这些遗址中的大型陶器上，都普遍刻画有三个«火头»的«火焰»符号。多火头的火焰形状的头饰成为后来荆楚地区普遍流行的华胜。

历史上名曲《舞山香》和帽上簪花的研光帽传说都与西王母有关。按东坡记徐州通判李陶，有子年十七八，素不善作诗，忽咏落花云：「流水难穷目，斜阳易断肠。谁闻研光帽，一曲舞山香。」人惊问之，若有物凭者。谢中舍问其研光帽事，白云：「西王母宴群仙，有舞者戴研光帽，帽上簪花。舞山香一曲，未终，花皆落去。」唐朝《羯鼓录》记载，「汝阳王璿，明皇爱之，每随游幸。璿尝戴研纱帽子打曲，上自摘红槿花一朵置于帽上，遂奏舞山香一曲，花不坠落，上大笑。」

西王母居住的附近也是犬戎族和羌族移民聚集的地方。根据《地理志》记载，「金城河關积石山在西南羌中。」西王母居住的昆仑山开明东有巫彭、巫抵、巫阳、巫履、巫凡、巫相等。湖南上古有十巫。西王母将十巫都带到了她所居住的昆仑山一带。海内昆仑之虚，在西北，帝之下都。昆仑之虚，方圆八百里，高万仞。上有木禾，长五寻，大五围。面有九井，以玉为槛。面有九门，门有开明兽守之，百神之所在。在八隅之岩，赤水之际，非仁羿莫能上冈之岩。赤水出东南隅，以行其东北。河水出东北隅，以行其北，西南又入渤海，又出海外，即西而北，入禹所导积石山。洋水、黑水出西北隅，以东，东行，又东北，南入海，羽民南。弱水、青水出西南隅，以东，又北，又西南，过毕方鸟东。昆仑南渊深三百仞。开明兽身大类虎而九首，皆人面，东向立昆仑上。开明西有凤皇、鸾鸟，皆戴蛇践蛇，膺有赤蛇。开明北有视肉、珠树、文玉树、玕琪树、不死树。凤皇、鸾鸟皆戴馘。又有离朱、木禾、柏树、甘水、圣木曼兑，一曰挺木牙交。开明东有巫彭、巫抵、巫阳、巫履、巫凡、巫相，夹窳窳之尸，皆操不死之药以距之。窳窳者，蛇身人面，贰负臣所杀也。窳窳也作猓，是伏羲的后裔。<sup>1</sup>

贰负臣危是贰国的大臣。上古贰国在湖南武陵龙阳。贰负北面是鬼国。据史籍《姓氏考略》记注：「《山海经》贰负之臣曰危。贰姓始此。望出河东。」在文献《中国古今姓氏大辞典》中记载：「古有贰国。或以国为氏。郑樵注云：或言姬姓。《左传》：‘楚屈瑕将盟贰、轸。’并小国也。贰国君偃姓，皋陶后。轸国也在湖南。轸国君偃姓。这说明西王母从湖南移民西方昆仑山时，带去了伏羲的后裔窳窳、贰国的臣民以及十巫部落的巫师们。

值得注意的是，西王母移民西方时跟随去的还有炎帝时期的赤白氏戎。赤白氏戎皆炎帝时人。赤氏戎中，赤奋和赤松都是炎帝诸侯。有赤氏、赤民，高阳师。白氏戎源于白阜。白阜国六者都是炎帝臣。后来黄帝后裔白民也移民到西方。中国上古时期大量的白人先后跟随西王母以及后来帝颛顼等移民到西方，成为西方人的祖先。六国白民跟随西王母移民到都广之野。按《山海经·海内经》，「西、南（海），黑水之閒，有都广之野，后稷葬焉。」这里，值得注意的是，根据《山海经》记载，后稷「豕去中国三万里也。」《东南方曰大穷，曰众女。南方曰都广，曰反户。」高诱注：「都广，国名也。山在此国，因復曰都广山。」（《淮南子·墜形训》）六国白民移民西方后建立白民国，并在白民国的南面都广之地树立«建木»。按《吕氏春秋·有始览》「白民之南，建木之下，日中无影，呼而无响，盖天地之中也。」高诱注：「建木在都广，南方，众帝所从上下也。复在白民之南。……故谓盖天地中也」根据《山海经·海外西经》，白民国在龙鱼国的北面。「白民之国，在龙鱼北，白身披发。」郭璞注：「言其人体洞白。」笔者在广东汕头大学工作时发现，在汕头大学附近的纬度上如果中午树立竹竿就看不到竹竿的影子。所谓«建木之下，日中无影»的都广之野的纬度应该与广东汕头的纬度相当。都广之野应该在西方北纬 23° 10 左右的某个地方。从地图上看，西方处于该纬度的地方有印度、沙特阿拉伯以及地中海以南的北非国家。地中海以北正好是白民国家，是后来古希腊和古罗马的所在地。按史书所记录的距离以及结合上古中国白民移民西方建立白民国的情况看，西王母所在的都广之野应当在地中海附近。地中海北面是白民国家，地中海南面是都广之野。

<sup>1</sup>贰负之臣曰危，危与贰负杀窳窳。帝乃桎之疏属之山，桎其右足，反缚两手与发，系之山上木。在开明西北。

## МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ГОСУДАРСТВООСТРОИТЕЛЬСТВА У МОНГОЛАЗЫЧНЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

*Дудин П.Н., Павлов А.К.  
Восточно-Сибирский гос. ун-т технологий и управления*

В истории стран Азиатско-Тихоокеанского региона осталось не так много «белых пятен». Тем более что с возрастанием экономической мощи Индии, Китая и ряда других государств ученые различных гуманитарных направлений исследовали и исследуют данное политико-географическое пространство с завидным упорством. И даже такое самобытное своей историей, культурой, населением и ролью в мировой геополитике государство, как КНР, оставляет все меньше пространства для научных открытий и изысканий.

В настоящее время разработкой данного направления на пространстве Внутренней Азии занимается довольно узкий круг российских и зарубежных ученых. Признанными экспертами в этой области являются Кэролайн Хэмфри [4], Кристоффер Этвуд [1], Урадын Булаг [2] и другие.

Однако Северо-Восточный Китай и российско-китайское приграничье как объект исследования в вопросах формирования государственности изучают, прежде всего, российские ученые. Вопросы становления государственности после провозглашения независимости монгольских земель и их выхода из состава империи Цин в первой половине XX в. изучают П.Н. Дудин и К.Б.-М. Митупов [10]. В их работах идет речь о международно-правовом статусе Монголии после ноября 1911 г., о геополитической обстановке во Внутренней Азии в начале XX в., о позиции Китая на эту проблему, анализируются международные договоры между Россией, Китаем и Монголией по этому вопросу, а также осуществляется проекция на современную политическую карту евразийского континента.

Следующим политическим образованием, входившем в состав империи Цин и получившем независимость в первой половине XX в. была Тува. Признанным экспертом в вопросе государственности Тувы является В.Г. Дацышен [7] – автор ряда книг и многочисленных статей по истории Урянхайского края и российско-китайских отношений в этом вопросе. В его работах прослеживается генезис международно-правового статуса Тувы, включая вопросы установления российского протектората, монгольско-тувинские приграничные вопросы, образование независимого государства и т.д. Некоторые отдельные вопросы изучают представители иркутской исторической школы [6].

Одним из политических феноменов можно считать «Великое Монгольское государство», которое было провозглашено в 1919 г. в г. Хайларе при участии атамана Семенова и «главы правительства» Нэйсе-гэгэна. Этот вопрос детально изучает Л.В. Курас [15, 84-97].

Создание и развитие государственной и социальной системы Маньчжоу-Го исследует М.В. Кротова [13, 162-190], которая является признанным экспертом в области изучения русской эмиграции.

Единственным исследователем государственности Внутренней Монголии сегодня выступает П.Н. Дудин, основной блок научных трудов которого посвящен Мэнцзяну [9] и так называемой Алашаньской республике или Западно-Монгольской Автономии [8, 33-42].

Для стран региона Внутренняя Азия судьбоносной представляется, прежде всего, первая половина XX в. Это явилось следствием того, что на огромном пространстве после распада крупных империй возникают новые государственные образования, меняя политическую структуру региона. В связи с этим можно выделить несколько групп, схожих между собой по ряду характеристик государственных образований монгольязычных народов, которые назовем моделями: (I) Халхаскую в качестве политического образования, поступательно следующего от автономного статуса к независимому государству, а также «альтернативные» ей – не получившие государственный суверенитет и не добившиеся широкого международного признания. Так можно выделить модели государственности в пределах отечественного пространства: (II) «Советскую» – республиканской автономии (Бурятия) [16, 41-99; 12, 99-140] и (III) «Урянхайскую» – российский протекторат на Урянхайском крае, который затем был трансформирован в провозглашение независимого государства Тува; постимперские модели государственности в Восточной Сибири: (IV) «Даурскую» – «Великое Монгольское государство» и (V) «Хоринскую» – теократическая государственность «Кодунай Эрхидж Балгасан»; модели государственности в пределах японского влияния: (VI) «Маньчжурскую» имперскую – Маньчжоу-Го, (VII) «Мэнцзянскую» – автономное государство Монгол-Го во Внутренней Монголии и (VIII) «Алашаньскую» модель Западно-Монгольской Автономии.

Отдельно следует выделить феномен государственности (IX) Дальневосточной республики [18, 108-132] и (X) Тибета [14], которые хоть и не выступали объединителями монгольского народа, однако в общем тренде процесса государственностроительства представляли своеобразный политический конструкт, влияющий и на расстановку сил в регионе, и на российско-китайские отношения и нуждающийся в дополнительном изучении.

В методологическом плане описываемое географическое и историко-культурное пространство ныне изучается в формате постномадных исследований. Теоретический посыл подобных изысканий исходил из трудов Ж. Делеза и Ф. Гваттари и их размышлений о сущности номадологии в современном постмодернистском дискурсе. Здесь же необходимо упомянуть и работы Дж. Скотта, связанные с

рефлексией по поводу седентаризации кочевников, формирования границ и высокого модерна. Вслед за этими разработками необходимо упомянуть ставшую уже классической книгу Д. Снита и К. Хамфри «Конец номадизма?», посвященную социокультурным изменениям у кочевых монголоязычных народов Внутренней Азии. В целом методологический порядок осмысления заявленной проблемы выстраивается преимущественно вокруг посмодернистского понимания роли государства в современном обществе.

История монгольского народа в составе империи Цин начинается с середины XVII в. В этот период на востоке формируется сила, способная подчинить себе не только разрозненные монгольские княжества, но и империю Минов – маньчжурское государственное образование, распространившее в итоге свое влияние на Китай, Монголию, Корею и ряд других, более мелких государств Азии. Наибольшее сопротивление маньчжурским правителям оказывали представители Внутренней Монголии и Чахарского ханства, крупнейшего и сильнейшего государства, располагавшегося на территории современного Северного Китая. Верховный правитель ханства потерпел поражение, а его потомки не смогли оказать сколько-нибудь значимого сопротивления, в результате чего спустя два года, в 1636 году, в Чифыне по повелению маньчжурских ханов был созван съезд 49 владетельных южно- и восточномонгольских князей. Съезд принял судьбоносное решение о возведении Абахая на великоханский престол с титулом богдо-хан. В результате этого остатки государственного суверенитета были окончательно утрачены, а права владетельных князей Южной и Восточной Монголии перешли к маньчжурам. Государственные образования, занимающие пространство этих земель, лишились своего государственного суверенитета, а на политической карте того времени появляется Внутренняя Монголия, сформированная на юго-восточных землях монголов.

Халха или Северная Монголия стала называться Внешней Монголией и сохраняла свою независимость. При этом наиболее активные и деятельные северо-монгольские князья, начиная с 1640 г., время от времени предпринимали попытки если и не к политическому, то к военному объединению перед угрозой потери независимости. Тогда по инициативе ойратских правителей был созван съезд, участие в котором приняли участие 44 владетельных князя и церковные иерархи. Основной целью было обеспечение внутреннего мира между князьями и отражение общими силами маньчжурской угрозы. Однако созданный союз и заключенный мир оказались непродолжительными. Распри, споры и конфликты, сознательно подстрекаемые маньчжурами, привели к новой вспышке борьбы между феодалами, в результате поставленной цели – формирования действенного блока княжеств, способных отразить маньчжурский натиск – достичь не удалось.

Дале последовала череда междоусобных войн, которые активно поддерживались и подогревались маньчжурами. В 1688 г. ойратский хан Галдан нанес объединенным халхасским войскам местных феодалов сокрушительное поражение, в результате чего те вынуждены были искать защиты у цинской династии. Владетельные князья и первоиерарх монгольской церкви, спасаясь бегством, переселились на территорию Внутренней Монголии, где и был организован их переход под маньчжурске подданство.

Очередной этап государствовоительства и преобразования монгольской государственности связан с событиями Долоннорского съезда ханов Халхи, на котором был юридически оформлен и легитимизирован переход владетельных прав князей к династии Цин, а сама Внешняя Монголия была включена в состав Китайской державы. В середине июня 1696 г. Галдан-хан был разгромлен цинскими войсками в районе Торэджжи. Так, Халха лишилась своего государственного суверенитета и стала территорией Цинской империи [5].

После смерти внучатого племянника Галдан-хана, Галдан-Цэрэна в 1745 г. феодальная усобица продолжилась. Этим воспользовались китайские власти, которые в 1755, 1756 и 1757 гг. направляли в Джунгарию свою армию, с помощью которой ханство было уничтожено. Процесс ликвидации суверенных монгольских княжеств, длившийся с 1634 по 1758 г. был завершен.

К. Дэмбэрэл в своей работе «Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX века» пишет: «Исследователю Монголии подполковнику Баранову, по данным газеты «Забайкальские новости», удалось разыскать в старинных монгольских архивах крайне важный акт, относящийся к XVII в., об избрании монголами маньчжурского императора своим ханом. Акт является ответной грамотой богдыхана и определяет права монгольских князей как владетельных государей своих княжеств. В заключение грамоты говорится, что в случае падения династии все первоначальные законы восстанавливаются». Таким образом, права монголов на суверенитет переходили к китайскому императору в результате договорного характера.

После полной потери государственной самостоятельности и превращения в колонии соседних государств в XVIII в. различные ветви монголов были разобщены. Однако в XX в. происходит процесс восстановления государственности на территориях коренных улусов.

В начале XX в. монгольский этнос находился в подданстве нескольких государств. Буряты и калмыки находились в подданстве у Российской империи, их статус и правовое положение регулировались по разному. Другая часть монгольских народов находилась в Китайском подданстве, при этом, так же как и в России, их статус и положение разнились. Те монголы, которые жили южнее пустыни Гоби, занимали территорию, получившую позднее название Внутренней Монголией, она непосред-

ственно входила в состав территории Китая и ныне представляет собой административно-территориальную единицу с особым статусом.

В 1911 г. Внешняя Монголия (Халха) изгнав маньчжурских наместников провозгласила свою независимость. Созданная 30 ноября 1911 г. «Временная полномочная администрация (правительство) Халхасского Хурээ» («Халхын Хүрээний бүх хэргийг түр ерөнхийлөн шийтгэх газар») выпустила всеобщее обращение о независимости всех монгол. 1 декабря 1911 г. 4 аймака Внешней Монголии распространили воззвание, в котором объявлялось о создании независимого монгольского государства.

Поводом для возобновления движения за национальную независимость стали события, происходящие в Китае на рубеже 1911-1912 гг. 1 января 1912 временное правительство Китайской Республики получило политическую власть над страной и перешло к формированию республиканских институтов, пока при номинальном сохранении монархии. Политический центр революционеров расположился в Нанкине во главе с временным президентом Сунь Ятсеном. Фактически обновленная государственность унаследовала и территорию, и традиции прежней империи Цинов, превращаясь в полиэтническую республику, включающую, помимо собственно ханьских земель, территорию Тибета, Внешней и Внутренней Монголии. За основу мультикультурной цивилизации были положены 5 принципов Сунь Ятсена, суть которых сводилась к совместному гармоничному проживанию «под общей крышей». Однако, данные принципы были идеалом и не учитывали центробежных тенденций, набравших силу на окраинах китайских земель.

С падением династии Цин и созданием Китайской Республики в 1911 г. революционный дух проник в сознание монголов, которые не преминули воспользоваться сложившейся неразберихой и объявили независимость. В это же время это время наблюдается возрастающая активность со стороны Российской империи в этом регионе, что связано с весьма существенными геополитическими интересами в Монголии и Китае. Аналогичную активность начинает проявлять и Япония, чьи интересы тоже находятся в рассматриваемом нами географическом пространстве. Причины, по которым обе державы стали вмешиваться в процессы восстановления монгольской государственности, заключались в том, что после русско-японского соглашения 1907 г. Монголия перестала быть только объектом русско-китайских отношений. Она стала не менее важным объектом в русско-японских отношениях [11, 142]. Было заключено Соглашение, которое состояло из гласной конвенции, провозгласившей приверженность обеих держав к принципу сохранения статус-кво на Дальнем Востоке и секретного договора, устанавливавшего вхождение Северной Маньчжурии и Внешней Монголии в сферу влияния России, а Южной Маньчжурии и Кореи – в сферу влияния Японии. Вообще монгольский вопрос деюре регулировался этими соглашениями, по крайней мере, до окончания холодной войны. Внутренняя Монголия (ст. 2) была разделена по пекинскому меридиану на восточную (японскую) и западную (русскую) сферы влияния [17].

Ведя переговоры с Россией, Япония расширила границы своей сферы влияния в регионе, в результате чего монгольские народы, и без того находившиеся в разном степени зависимости от цинского Китая, оказались «разведены» по разным сферам геополитических интересов. Таким образом Северные земли монголов – Халха или Внешняя Монголия – вошли в сферу российского влияния, из которой не выходили вплоть до распада СССР, а южные и восточные земли – в сферу японского влияния, что и послужило причиной формирования в 1930-е гг. нескольких государствовподобных образований на территории северного и центрального Китая: Монгол-Го, Чанань, Цзиньбэй. Япония при помощи Квантунской армии стала использовать подконтрольные территории в своих интересах [3, 131-137]. Провозгласив сначала независимость, в 1939 г. они были объединены в государство Мэнцзян.

После создания в марте 1940 г. прояпонского правительства под руководством Ван Цзинвэя, Мэнцзян перешел под его номинальную юрисдикцию, сохранив фактическую самостоятельность. В соответствии с заключенными в августе 1943 г. соглашениями между властями Японии и правительства Ван Цзинвэя, Япония получила право на размещение своих войск в пределах Монгольской автономной федерации, политическая роль которой после ноября 1943 г. постепенно сходилась на нет.

Вслед за поражением Японии в августе 1945 г. большинство режимов, созданных при поддержке Квантунской армии, прекратили свое существование. Эта же участь постигла и Мэнцзян, хотя очередная попытка формирования автономной политической власти в границах западной части Внутренней Монголии была предпринята спустя 4 года. После окончания Второй мировой войны его бывший президент князь Дэ Ван был арестован и в течение четырех лет жил в Пекине под надзором Гоминьдана. В августе 1949 г., непосредственно перед тем, как Коммунистическая партия под руководством Мао Цзэдуна распространила свое политическое влияние на весь Китай, а гоминьдановские власти были вынуждены покинуть страну и бежать на Тайвань, Дэ Ван провозглашает создание Автономное правительство в Алашани – т.н. Алашаньскую республику. В ноябре-декабре этого же года китайская армия занимает все стратегические пункты республики, а Дэ Ван бежит в Монголию, где, спустя некоторое время, подвергается аресту и выдается китайским властям.

Короткая история государствовстроительства и относительной независимости Внутренней Монголии от Китая закончилась, завершив пусть и непродолжительный, но важный этап возрождения идей о собственной государственности среди монгольских народов, лелеявших идею о самостоя-



тельности со времен Чифынского съезда 1638 г., но так и не сумевших в полной мере ее реализовать, развить и сохранить.

Остальные же территории монголоязычных народов, входившие в империю Цин, были включены в состав Советской России либо попали в зону ее влияния: Бурятия была разделена между РСФСР и Дальневосточной республикой, которая сама позднее вошла в состав РСФСР. Тува до 1944 г. продолжала сохранять статус независимого государства, после чего так же была включена в состав РСФСР. И только Монголия, которая в 1924 г. была провозглашена Народной Республикой, добилась независимости, в 1945 г. была признана со стороны Китая и стала полноценным участником международных отношений в 1961 г. после вступления в ООН и установления дипломатических отношений с другими государствами.

#### **Литература:**

1. Atwood Chr. Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911-1931. Brill Academic Pub. 2002.
2. Bulag U.E. The 13th Dalai Lama in Mongolia, or the Dawn of Inner Asian Modernity, Introduction to The Thirteenth Dalai Lama on the Run (1904 – 1906): Archival Documents from Mongolia. Leiden: Brill. 2013.
3. Dudin P. The Policy of Japan Concerning Natural Resources of Mengjiang: Legal Aspects // Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing, Rome-Italy. Vol 6 No 3. May 2015.
4. Humphrey C. Society, the State and the Environment in Inner Asia, by Caroline Humphrey and David Sneath, Duke University Press / White Horse Press, Durham USA and Cambridge UK. 1999.
5. Беспрозванных Е.Л. Тибето-китайские отношения в XVII-XVIII веках. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
6. Василенко В.А. На пути к протекторату. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.
7. Дацышен В.Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. - Кызыл, 2003.
8. Дудин П.Н. Монгольская Алашаньская Республика как политический проект 1940-х гг. / П.Н. Дудин // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 2.
9. Дудин П.Н. Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014.
10. Дудин П.Н. Митупов К.Б.-М. Становление монгольской государственности (первая половина XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
11. Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX века. - Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2002.
12. Елаев А.А. Автономия и государственность бурятского народа XX–XXI вв., в кн.: Государственность народов Внутренней Азии (XX век) : монография / отв. ред. К. Б.-М. Митупов. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015.
13. Кротова М.В. Особенности создания и функционирования государства Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.), в кн.: Государственность народов Внутренней Азии (XX век) : монография / отв. ред. К. Б.-М. Митупов. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015.
14. Кузьмин Л.С. Скрытый Тибет: история независимости и оккупации. СПб.: Издательский дом Андрея Терентьева, 2010.
15. Курас Л. В. «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // «Eurasia: statum et legem», № 1(4), 2015.
16. Палхаева Е.Н. Создание Бурят-Монгольских автономных областей в составе ДВР и РСФСР как начальный этап самоопределения бурят (1917–1922 гг.), в кн.: Государственность народов Внутренней Азии (XX век) : монография / отв. ред. К. Б.-М. Митупов. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015;
17. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, Варшава, 1906.
18. Шемелин А. В. Формирование государственности в условиях Дальневосточной республики // «Eurasia: statum et legem», № 1(4), 2015.

### **КИТАЙ В БРИКС. ЛИДЕР ИЛИ ДВИЖУЩАЯ СИЛА?**

*Дхар А.П.  
РУДН*

БРИКС на сегодняшний день является той организацией, которая направлена на осуществление стареющей однополярной системы международных отношений, сложившейся в результате окончания Холодной войны. Процесс отмирания элементов старого порядка характеризуется переходом к более глобальному восприятию мира, мира как многополярного образования, складывающегося за счет активизации глобализации в более широком понятии.



Глобализация и многополярный мир, отнюдь, понятия довольно различные, хотя их чаще всего ставят рядом. Процесс глобализации стал более активно себя проявлять с окончанием холодной войны, развалом биполярной системы и перестройки всего мирового сообщества. Мир стал переживать так называемую «вестернизацию»: например, в странах постсоветского пространства происходили цветные революции, которые меняли бывшие социалистические механизмы, все больше государств брали за основу своего дальнейшего развития идеи либеральной экономики и демократического общества, западные традиции. Именно в тот период стали более ясными механизмы глобализации с ее единым пространством, транспарентностью процессов на поле объединения свободных торговых и экономических зон и т.п.

Однако данная модель международных отношений в первую очередь была направлена на интересы развитых государств, навязывая их предпочтения общим. Так, страны третьего мира, к примеру, переживали и переживают до сих пор ущемления в правах на доступ к голосованию и праву вето в различных международных организациях, таких как: МБ, ВМФ.

Необходимо было событие, которое бы оживило деятельность неразвитых государств. И оно произошло в 2008 году с приходом мирового финансового кризиса. Мировые банковские системы показали свою несостоятельность, когда как Китай и страны, сотрудничающие с ним, к примеру, страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина и т.д.) [1], при поддержке Поднебесной в виде покупки сырьевых продуктов для обеспечения собственной экономики, сумели удержаться и не упасть в бездну кризиса, в отличие от стран Запада.

Таким образом, возникла и начала развиваться идея о том, что страны развивающиеся также способны вести свою независимую политику в отношении финансов, не полагаясь на устройство прежней системы. Китай стал примером для подражания. Таким образом, был взят курс на установление равноправного мироустройства, в котором все институты распределяли бы свои блага в равной степени между всеми участниками системы.

На сегодняшний день олицетворением подобных стремлений является организация БРИКС, главное предназначение которой – проведение изменений и реформ в действующих мировых институтах, направленных на то, чтобы сделать управление более представительным и равным, способным генерировать в большей степени всеобъемлющие темпы роста экономики, а также поддерживать стабильность, мир и процветание всего мира [2].

Миссия БРИКС – координация экономик, политических систем в рамках полноценного сотрудничества с целью укрепления связей между странами.

Китай, по мнению многих исследователей, считается лидером БРИКС. Во-первых, это государство, представляет миру постоянный приток в экономическом развитии, а также в ВВП. Поднебесной принадлежит более 90% всей торговли, проходящей в рамках БРИКС. Нельзя забывать и про то, что по многим экономическим показателям Китай обгоняет ранее бессменного лидера – США. Так, в 2013 году экономика Китая стала второй в мире по номинальному ВВП и заняла второе место относительно ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности. Китаю принадлежит 15% мирового ВВП.

Главным достоинством КНР является большая инвестиционная способность и огромные человеческие ресурсы, ибо даже на сегодняшний день население Китая занимает первое место в мире. Китай числится в топ-5 различных секторов, включая банковскую, страховую сферы, а также сферы строительства, недвижимости, телекоммуникаций, торговых компаний и перевозок. Это один из самых больших стран-экспортеров товаров.

Довольно интересно будет отметить факт, что Китай на сегодняшний день является единственной страной в БРИКС у которой есть конкретные задачи и планы на организацию. Это, возможно, играет наибольшую роль в степени участия страны в механизмах сотрудничества и, соответственно, влияет на уровень инициативности со стороны КНР, что и делает возможным сделать нам вывод о том, что Китай – лидер БРИКС.

Действительно, Китай имеет много преимуществ. Главное из них – уникальное сочетание менталитета и работы государственных институтов. Другими словами, Китай – это всегда эксперимент, как в экономическом смысле, так и в политическом. Экономика страны основана на идеях стабильности и динамического роста, что означает смягчение государственного контроля над частным сектором, а также поддержка и изменение ключевых отраслей бизнеса, которые ранее были в государственном владении. Подобные действия сделали возможным не только догнать рыночные экономики других государств, но даже обогнать их в результате, сумев устоять перед кризисной волной, претерпев минимальные потери.

В чем секрет подобного успеха? В первую очередь, это мудрый и прагматичный взгляд в будущее, умение анализировать и прогнозировать. Однако главное – установление сотрудничества на взаимовыгодной основе с развивающимися странами. Другими словами, Китай поставляет в другие страны готовую продукцию в замен на природные ресурсы, которые необходимы для поддержания столь быстрых темпов роста китайской экономики.

Проводя около 90% торговых процессов в рамках БРИКС, Кита стремиться активизировать кооперацию между странами – участницами, которые заинтересованы также в сотрудничестве и с самим Китаем.

Изначально стратегия создания БРИКС основывалась лишь на экономических интересах стран. Однако за 6 лет существования страны пошли на относительное сближение в сотрудничестве. И стало понятно, что организация стала расширяться в сторону политического характера.

В этой связи стоит отметить тот факт, что Китай рассматривает БРИКС как возможность расширить собственное политическое влияние в мире за счет целей, которые организация ставит для себя – а именно, изменение настоящего порядка в пользу развивающихся стран. Поэтому расширение контактов со странами БРИКС дает Китаю возможность расширять зону своего влияния практически по всему земному шару ввиду того, что все участники межрегиональной организации БРИКС являются ведущими державами в своих регионах.

На сегодняшний день Китай имеет тесные связи со всеми странами БРИКС в виде инвестиций в экономики партнеров, строительства различных предприятий, зданий, зон отдыха, развитие энергетики и т.п., что дает возможность сельскохозяйственным странам в ответ поставлять сельхоз продукцию.

Несомненно, подобный потенциал движет быстрыми темпами организацию к новым горизонтам и прогрессу. Однако не стоит забывать о том, что БРИКС – организация, созданная по инициативе сразу всех стран - участниц, в отличие от ШОС или ЕврАзЭС. Поэтому априори лидера в организации быть не должно, что, собственно и предписывают лидеры стран на каждой встрече, а именно: сотрудничество на базе равноправия [3]. Прямым доказательством тому является разделение полномочий между странами в новосозданном финансовом институте – Новый Банк Развития БРИКС, где штаб-квартира банка будет расположена в Шанхае, первым кресло президента займет представитель Индии, первый председатель совета управляющих представитель России, в ЮАР в Йоханнесбурге откроется региональный центр БРИКС, первый председатель совета директоров – представитель Бразилии [3].

Новый банк развития будет заниматься финансированием проектов по инфраструктуре и устойчивому развитию не только в странах БРИКС, но и в других развивающихся странах. В мире существует большой недостаток ресурсов для финансирования инфраструктурных проектов. Новый банк будет иметь подписной капитал в размере 50 миллиардов долларов и уставный капитал в размере 100 миллиардов долларов. Подписной капитал будет распределен равными долями по 10 млрд долларов между пятью учредителями, которые таким образом будут обладать равным правом голоса [4].

Таким образом, важно понимать значение БРИКС как межрегиональной организации, призванной провести реформирование старой системы международных отношений, включая и экономическую составляющую, путем равноправного сотрудничества. Успех БРИКС заключен в данном понятии.

Поэтому нельзя утверждать, что Китай является лидером БРИКС. У каждой страны, хотя и не у всех есть точная цель в целом, однако есть потребности, которые они стремятся преодолеть за счет участия в БРИКС. Например, ЮАР нуждается в инвестициях в инфраструктуру, так же, как и Индия (именно по этой причине, Индия и выдвинула предложение о создании НБР на саммите в Дели в 2012 году). В настоящее время Россия стремиться получить политическую поддержку среди партнеров, ввиду украинского кризиса. Бразилия желает увеличить свое влияние на мировой арене. А Китай пытается быть менее зависимым от долларовой системы, что можно четко проследить за последние годы: Поднебесная начала подписывать договоры о проведении торговых процессов с использованием национальных валют. В целом, все страны БРИКС стремятся увеличить свою роль на мировой арене, а также заинтересованы в решении вопроса о безопасности и финансовой структурах. Также если Бразилия и Индия уже много лет желают получить постоянные места в Совете Безопасности ООН с правом вето, то Россия видит в БРИКС шанс вернуть былое величие и высокий статус. Для ЮАР БРИКС также является возможностью начать более активную политику не только в африканском регионе, но и во всем мире. А Китай – возможность расширить свое политическое влияние за счет экономического вовлечения. Общая же идея БРИКС о создании альтернативы МВБ и МВФ, инновационной управленческой структуры и т.п. требуют совместного решения.

Также нельзя забывать и про то, что в БРИКС созданы и малые организации типа РИК, ИБСА, что уже не позволяет Китаю быть лидером. Организации имеют больше политический уклон, например, страны ИБСА поддерживают демократические ценности и стремятся заполнить места постоянных членов СБ ООН.

Также надо отметить то, что и взаимные претензии и территориальный конфликт Китая и Индии начавшийся с 1962 года также не имеет возможности быть решенным в ближайшее время, что также отдаляет Китай от роли лидера.

Соответственно, учитывая выше перечисленные камни преткновения, для успешного функционирования БРИКС необходимо одинаковое вовлечение всех участников, ибо различие в полномочиях может вызвать разногласия, и тогда в дело могут вмешаться и двусторонние проблематичные вопросы, что приведет в краху организации.

Что касается идей о том, что Китай стремиться стать мировым лидером за счет БРИКС и других региональных и межрегиональных платформ, то надо сказать, что в настоящее время это в планы Поднебесной не входит. Во-первых, статус доминанта несет за собой перечень определенных обязанностей, включая ответственность, на что страна еще не готова. Также при лидерстве всегда есть соперничество, борьба, силовое применение с целью сохранения положения[5]. Подобные действия противоречат китайской стратегии мирного взаимодействия. Ведь, как мы знаем, Китай – эксперимент, поэтому, учитывая опыт истории, страна стремиться отойти от понятий домината и гегемонии, и больше склоняет свою политику в сферу сотрудничества на базе доверия и кооперации, что более выгодно на сегодняшний день.

Таким образом, работа БРИКС возможна лишь при совместных усилиях всех участников группы, ведь, как гласит Уфимская декларация БРИКС от 2015 года, сотрудничество БРИКС зиждется на стратегическом партнерстве на основе принципов открытости, солидарности, равенства, взаимопонимания, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества[6].

#### **Список литературы:**

[1] Я.В. Лексютина. Китай – активный игрок на просторах Латинской Америки. – Международные отношения, 2011

[2] Сергей Лузянин. Китай и БРИКС: механизм создания «неамериканского мира». - Голос России, 28.03. 2013

[3] Новый банк развития БРИКС заработает в апреле 2016 года. - Новостной портал Lenta.ru, 25.06.15. – <http://lenta.ru/news/2015/06/25/brics2016/>

[4] Паулу Ногейра Батишта Мл. БРИКС: новый валютный фонд и новый банк развития. - Иносми, 02.03.15. - <http://inosmi.ru/world/20150302/226569712.html>

[5] Sara Hsu. China in BRICS: A Threat to US power? / The Diplomat, 11.07.2015. - <http://thediplomat.com/2015/07/china-in-brics-a-threat-to-us-power/>

[6] Уфимская декларация VII Саммита БРИКС, 9.07.15. – [http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa\\_Declaration\\_rus.pdf](http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa_Declaration_rus.pdf)

### **РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК ИНДИКАТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ СПОРТИВНОЙ МОДЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ В КИТАЙСКОЙ СПОРТИВНОЙ МЕДИАРЕКЛАМЕ**

*Желтухина М.Р., Кравцова А.В.  
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т*

Реклама, понимаемая нами, вслед за Ч. Сэндиджем, В. Фрайбургером, К. Ротцоллом, «как форма коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя» [1], порождает множество классификаций и интерпретаций. Рекламный текст медиадискурса как фрагмент газетного или журнального номера, радио- или телепрограммы оказывается дискретной пропорцией информации, которая вливается в непрерывно циркулирующие в обществе массовые информационные потоки, связанные с массовым сознанием и общественным мнением [2; 3]. Рекламодатели используют различные формы речи, чтобы информировать адресата о своем товаре или услуге. Для создания рекламных медиатекстов применяется рекламный медиаязык как комплекс вербальных и невербальных средств и приемов выразительности, определяющий характер медиакультуры, отражающей материальные и интеллектуальные ценности в области массмедиа [4; 5; 6]. Посылаемая адресату информация часто зависит от сегмента аудитории, в которой он находится. Для нашего исследования актуально сегментирование аудитории по психографическому критерию, т.е. деление массового адресата на основе вкусов и образа жизни потенциального потребителя [7]. Выбирая группу потенциального воздействия, медиаадресант целенаправленно предлагает производимый товар в соответствии с запросами потребителя, используя при этом разнообразные приемы в составлении рекламного текста или слогана [см., например, 13].

Слоган, будучи краткой и яркой фразой, сопровождает рекламную медиакommunikацию, привлекая внимание адресата и постепенно запоминаясь им. Целью рекламного слогана является закрепление у адресата как конечного потребителя нужной ассоциации с брендом [10]. В результате анализа фактического материала – рекламных слоганов, отражающих состояние спортивной моды в современном медиадискурсе, нами разграничены следующие основные сегменты потребителей спортивной рекламы – потенциальных спортивных модников:

1) профессионалы (профессионально занимающиеся спортом),

2) любители (непрофессиональные спортсмены, занимающиеся спортом ради своего удовольствия),

3) новички (начинающие заниматься спортом).

Данное разделение целевой аудитории объясняется психографическим критерием и лингвистической составляющей той или иной спортивной рекламной кампании.

В ходе исследования наиболее популярных спортивных брендов в Китае мы выявили особенности рекламного медиаслогана как индикатора воздействия китайской спортивной моды на адресата.

Одним из популярных брендов на китайском и международном рынке выступает бренд **Sprandi**, название которого происходит от акронима имен президента компании и членов его семьи. Слоган фирмы – «*Get what you want*» (得到你想要的) (*Dédào nǐ xiǎng yào de*) («Возьми свое», «Получи то, что ты хочешь») [14] – отображает призыв к свободе выбора и к получению желаемой спортивной формы, о которой думает потребитель перед тем, как купить спортивную одежду. Медиаадресант, используя побудительную конструкцию, добавляет каузальную связь, соединяя желаемое с получаемым, что усиливает эффект воздействия на адресата, адресат совершает покупку модной спортивной одежды.

Следующим широко распространенным спортивным брендом, особенно в Китае, является **Li Ning**, основателем которой считается трехкратный олимпийский чемпион Ли Нин («принц гимнастики»). Официальный слоган компании – «*让改变发生*» (*Ràng gǎibiàn fāshēng*) («Меняйся») [11]. В данном слогане мы также отмечаем призыв, обращенный непосредственно к потребителю. Побудительная конструкция, призывающая адресата к личным переменам, усиливает воздействие на потенциального спортивного модника, поскольку к основным маркерам моды относятся новизна и индивидуальность. Благодаря применению данного слогана медиаадресантом достигается интимизация общения, доверительный разговор «один на один» с каждым потенциальным покупателем.

В качестве примеров рекламных слоганов известных китайских спортивных брендов, реализующих интимизацию коммуникации, маркирующих новизну, развитие, индивидуальность адресата, можно привести следующие выявленные нами слоганы-призывы, передаваемые побудительными конструкциями:

**Anta:** «*永不止步*» (*Yǒng bù zhǐbù*) («Продолжай движение») [12];

**Metersbonwe:** «*不走寻常路*» (*Bù zǒu xúncháng lù*) («Выделяйся из толпы») [15].

В представленных спортивных рекламных слоганах фиксируется побуждающий, мотивирующий характер, что оказывает влияние на различные группы спортивных модников: тех, кто уже занимается спортом и продолжает совершенствоваться в этом виде (профессионалы и любители), и тех, кто только начинает заниматься, но, тем не менее, нуждается в определенной поддержке и мотивации для занятий спортом.

Выделим также несколько спортивных марок, зародившихся в Китае и стремительно развивающихся на территории провинциальных городов с ориентацией продукции не на состоятельную аудиторию, а на завоевание адресата со средним достатком.

Созданная не так давно компания **361 Degrees International** выражает свою идею посредством слогана – «*多一度热爱*» (*Duō yīdù rè'ài*) («Дополнительный градус страсти» – «Люби больше, чем один раз»). Из содержания данного слогана следует, что продукция рассчитана на молодую аудиторию, детей и подростков, окруженных любовью, желающих любить. Китайская политика семьи с одним ребенком позволяет производителю, выпускающему линию спортивной одежды и обуви для детей, ориентироваться на щедрых родителей, которые растят «маленьких императоров» [8].

Другой фирмой спортивной одежды с таким же масштабом распространения является **Peak** (匹克). Название на английском языке произошло от акронима слов «Passion, Evolution, Achievement, Knowledge» (Страсть, Эволюция, Достижения, Знания). Данный бренд выбран для популяризации формы одежды для игры в баскетбол и ориентируется не только на китайского, но и на западного потребителя. Однако, исследуя слоган данной компании, мы сталкиваемся с двуязычной формой содержания – «*斗志改变未知 I can play*» (*Dòuzhì gǎibiàn wèizhī I can play*), что значит «Боевой дух заменяет неизвестное, я могу играть» или «Борьба, чтобы изменить жизнь. Я могу играть». Владельцы Peak полагают, что каждый человек создает будущее. Тем самым подразумевается, что отсутствие боевого задора в жизни, естественного состояния борьбы, состязательности может привести к неготовности принять неизвестность грядущего, к невозможности его изменить. Однако есть и другая версия трактовки англоязычной части. Фраза «*Я могу играть*» универсальная и лаконичная, в контексте отражает исключительно спортивную направленность высказывания, в основе которой лежит игровая природа человека. «Каждый человек – «игрок» в своей жизни, и абсолютно не важно, иг-

рает он ради забавы, на соревнованиях или просто тренируется для здоровья, каждый может играть. Спорт создает домен, где границы нарушены и жизнь замедляется до состояния «от шага к шагу». Не важно, каков уровень игры. Реак считает, что сила в самой игре» [9].

Проанализировав вышеперечисленные бренды, мы выявили главную особенность, объединяющую большинство слоганов рекламных кампаний в китайской спортивной индустрии – призыв к действию, переменам, выражение новизны, индивидуальности и неограниченности собственных возможностей. Проведенное исследование позволило нам установить, что рекламные слоганы выступают индикаторами воздействия спортивной моды на потребителя в китайской спортивной медиарекламе. Китайские спортивные рекламные кампании направлены на привлечение адресата любого возраста и с любым уровнем спортивной подготовки. Это могут быть, как спортсмены с профессионально направленными тренировками, так и любители, которые занимаются спортом с целью иметь здоровое и красивое тело или же люди, опирающиеся на превосходство спортивного стиля жизни в тот или иной период времени.

#### **Список литературы:**

1. Сэндидж Ч. Реклама: теория и практика / Ч. Сэндидж, В. Фрайбургер, К. Ротцолл. – М.: Прогресс, 1989. – С. 54.
2. Желтухина М.Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – № 3.– М., 2010. – С. 12–18.
3. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
4. Желтухина М.Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г.Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.). – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, полиграф. фирма «Горизонт». – 2010. – С. 19–32.
5. Желтухина М.Р. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. – № 3. – М., 2013. – С. 7–11.
6. Желтухина М.Р., Шмелева О.Д. О некоторых особенностях воздействия современной медиарекламы // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 134-137.
7. Назайкин Н. А. Эффективный рекламный текст в СМИ [Электронный ресурс]: монография/ Назайкин Н. А. – Электрон. текстовые данные. – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2011. – 480 с.
8. Будущие конкуренты Nike, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/kompanii/75748-v-kitae-rastut-budushchie-konkurenty-nike/>
9. О компании PEAK [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peaksportsusa.com/about/>
10. Рекламные слоганы [Электронный ресурс]. URL: <http://cleardesign.ru/articles/detail/reklamnye-slogany/>
11. Самые успешные китайские бренды [Электронный ресурс]. URL: <http://excitemag.net/samyue-uspeshnye-kitaiskie-brendy.html#ixzz3i2Sy6RDd/>
12. Спортивная одежда ANTA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anta.cn/>
13. Сто лучших слоганов мировой рекламы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/100-luchshih-sloganov-mirovoj-reklamy-23755/#image1299955/>
14. Топ-5 брендов спортивной одежды в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://vchae.com/top-5-brendov-sportivnoy-odezhdy-v-kitae/>
15. Metersbonwe Group [Электронный ресурс]. URL: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/1471864/>

## СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ И КОСМЕТИЧЕСКАЯ МЕДИАРЕКЛАМА: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Желтухина М.Р., Шмелева О. Д.  
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т

Реклама, переживающая расцвет в конце XX столетия, в настоящее время активно выступает общественным информатором, сообщает адресату о модных новинках современного мира. Рекламный дискурс является объектом исследований многих ученых. Под рекламным дискурсом понимается «завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к предмету рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (паралингвистических и экстралингвистических) средств» [1, 78]. Реклама носит суггестивный характер, целенаправленно управляет общественным сознанием [2; 3; 4], открыто призывает адресата купить тот или иной рекламируемый товар. Адресат бессознательно следует рекламе, доверяя тому, что видит в массмедиа, считает, что осознанно приобретает именно тот продукт, который он хочет, а не тот, который навязывает реклама [5].

Говоря о фармацевтической и косметической медиарекламе, нужно всегда помнить о возможных опасностях, поскольку данный вид рекламы связан со здоровьем человека. Результат от применения рекламируемого лекарства или косметического средства может быть неожиданным, вызвать совершенно противоположный, часто негативный эффект. Современная фармацевтическая и косметическая медиареклама использует всевозможные способы и уловки для привлечения внимания потребителя с целью внедрения, распространения, прямой и долговременной продажи своего товара. Адресат как потребитель должен, по мнению медиаадресанта, поверить медиарекламе, поэтому она становится более яркой, более экспрессивной, более достоверной в вербальном и невербальном плане через современные технические средства, новые каналы связи. В данной статье остановимся на основных стилистических средствах, применяемых в китайской фармацевтической и косметической медиарекламе.

**1. Гипербола** – чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета или явления [7].

Например,

1) 小儿厌食, 偏食 (Xiǎo'ér yànshí, piānshí) (Ребенок испытывает чувство ненависти к еде, пристрастен к определенным видам пищи) [8]. В данном случае вместо того, чтобы просто сказать: у ребенка нет аппетита, в рекламе используется иероглиф 厌, который переводится «ненавидеть».

2) 促销单品全国最低价 – 市场价:68 元/盒 乡亲价:48 元/盒 (Cùxiāo dān pǐn quánguó zuìdī jià – shìchǎng jià :68 yuán/hé

xiāngqīn jià :48 yuán/hé) (Сбываем продукцию по самой низкой цене во всем государстве – рыночная цена: 68 юаней за упаковку, цена для граждан внутри страны – 48 юаней за упаковку) [9];

3) 全场八折, 特价除外 (Quán chǎng bā zhé, tèjià chūwài) (Повсеместная скидка – 8 %, исключительно низкая цена) [8];

4) 问题性肌肤的最佳选择 (Wèntí xìng jīfū de zuì jiā xuǎnzé) (Самый лучший выбор для проблемной кожи) [9];

5) 二至三钟起效 (Èr zhì sān zhōng qǐ xiào) (Результат через 2 – 3 минуты) [8];

6) 独一无二产品, 100%见效 (Dú yī zhuānlì chǎnpǐn, 100%jiànxiào) (Уникальная запатентованная продукция, 100% видимый результат / эффективный) [8];

7) 一次性治疗痔疮(360 元)! 又快又好! (Yīcì xìng zhìliáo zhìchūāng (360 yuán)! Yòu kuài yòu hǎo!) (За один раз/за одно посещение врача вылечи геморрой (360 юаней)! И быстро, и качественно!) [8];

8) 长期服用, 延年益寿 (Chángqī fúyòng, yánniányìshòu) (Длительное использование препарата продлит жизнь) [8].

**2. Олицетворение** – перенос свойств одушевленных предметов на неодушевленные [7].

Например,

1) 顽疾 (Wánjí) (Недуг, трудно поддающаяся лечению болезнь (досл. непослушная болезнь или упрямая болезнь)) [8];

2) 速度击败胃痛 (Sùdù jībài wèitòng) (Быстрое поражение боли в желудке) [4];

3) 病折腾你 (Bìng zhētēng nǐ) (Боль изматывает / мучает тебя) [8];

4) 胃你还好吗? 火热夏天 不爽呀! 你知道吗? 每十个人中, 就有八人可能患有各种各样的胃病, 而患者大多数不清楚自己的胃病因何而起。其实胃病完全可以从生活习惯, 饮食习惯等小处上预防。(Wèi nǐ hǎo ma? Huǒrè xiàtiān bùshuǎng ya! Nǐ zhīdào ma? Měi shí gèrén zhōng, jiù yǒu bā rén kěnéng huàn yǒu gè zhǒng gè yàng de wèibìng, ér huànzhě dà duō shǔ bù qīngchǔ zìjǐ de wèibìng yīn hé ér qǐ. Qíshí wèibìng wánquán kěyǐ cóng shēnghuó xíguàn, yǐnshí xíguàn děng xiǎo chù shàng yùfáng.) (Желудок, как дела? Такой жаркий день, а ты несчастлив! Ты знаешь, что из десяти человек 8 страдают различного рода заболеваниями желудка, однако большинство пациентов не знают причин болезни желудка. На самом деле, все зависит от жизненных привычек, от питания и т. д.) [8];

5) 胃病说再见 (Wèibìng shuō zàijiàn) (Болезнь желудка скажет: «До свидания») [8].

**3. Эпитет** – красочное определение, т.е. слово, определяющее предмет или явление, подчеркивающее его свойства, качества, признаки [7].

Например,

1) 好大夫 (Hào dàfū) (Хороший доктор) – мазь для лечения кожных заболеваний [8];

2) 小大夫 (Xiǎo dàfū) (Маленький доктор) – детская мазь для лечения опрелостей у маленьких детей, от укусов насекомых [8];

3) 巩固疗效 (Gǒnggù liáoxiào) (Устойчивый / положительный лечебный эффект) [8];

4) 均衡调理! (Jūnhéng tiáolǐ!) (Сбалансированное лечение!) [8].

**4. Метафора** – перенос на основе аналогии, сходства или сравнения [7].

Например,

1) 畅享滋味生活 (Chàng xiǎng zīwèi shēnghuó) (Радостно наслаждаться вкусом жизни) [8];

2) 泰拳出击! (Tàiquán chūjī!) (Нанести удар кулаком (по болезни)) [8].

**5. Параллелизм** – тождественное расположение элементов речи в смежных частях текста [7].

Например,

1) 宝宝不闹, 妈妈放心 (Bǎobǎo bù nào, māma fàngxīn) (Ребенок спокойный, и мама спокойна) [8];

2) 十年品质, 十年关爱 (Shí nián pǐnzhì, shí nián guān'ài) (10 лет качества, 10 лет заботы) [8].

**6. Сравнение** – троп, в котором одно явление или понятие объясняется посредством сопоставления его с другим, часто с применением сравнительных союзов [7].

Например,

肌肤如玫瑰般绽放 (Jīfū rú méiguī bān zhànfàng) (Кожа, будто цветущая / распустившаяся роза) [10].

**7. Анафора** – повтор частей относительно самостоятельных отрезков [7].

Например,

增食 增智 增健 (Zēng shí zēng zhì zēng jiàn) (Повышает аппетит, повышает умственную деятельность, повышает / улучшает состояние здоровья) [8].

**8. Инверсия** – обратный порядок слов [7].

Например,

给身体缔造非凡 (Gěi shēntǐ dìzào fēifán) (Создай необыкновенную / выдающуюся фигуру / тело) [11] вместо 缔造非凡的身体 (Dìzào fēifán de shēntǐ).

**9. Апоσιοпеза (умолчание)** – намеренное прерывание речи в расчете на догадку читателя, который должен мысленно докончить фразу [7].

Например,

猪健康日记 (Zhū jiànkāng rìjì) (Из дневника здоровья свиньи)

猪说:»还好, 只需打一针... ..» (Zhū shuō :»hái hǎo, zhǐ xū dǎ yī zhēn... ..») (Свинья говорит: «К счастью / Станет лучше, нужно сделать всего лишь один укол...») [8].

**10. Фразеологизм** (чэньюй) – устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [6, 98].

Например,

查胃治胃, 一步到位 (Chá wèi zhì wèi, yībù dào wèi) (Проверь желудок, вылечи желудок, одним махом / сразу добьешься результатов) [8], где 一步到位 (Yībù dào wèi) – китайский чэньюй.

Таким образом, в результате проведенного анализа китайской фармацевтической и косметической рекламы мы констатируем, что стилистические средства играют значительную роль в рекламном медиадискурсе. С помощью выразительных средств реклама привлекает к себе внимание потребителей, становится более насыщенной, более красочной, более доступной. Наиболее частотными стилистическими средствами китайской фармацевтической и косметической рекламы выступают гиперболы, олицетворения, эпитеты, метафоры, параллелизмы.

### Литература:

1. Арнс У., Бове К. Современная реклама. – Тольятти: Изд. Дом «Довгань», 1995. – 704 с.
2. Желтухина М. Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – № 3. – М., 2010. – С. 12–18.
3. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиадискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: ИЯ РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
4. Желтухина М.Р., Шмелева О.Д. О некоторых особенностях воздействия современной медиарекламы // Современная филология: материалы III междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 134-137.

5. Желтухина М.Р., Шмелева О.Д. Адресованность в медиарекламе: адресант и адресат // Проблемы современной науки. – 2014. – № 13. – С. 67-74.
6. Баранова З.И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка. Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. – М., 1969. – 24 с.
7. Основные тропы и стилистические фигуры. [Электронный ресурс] URL: <http://www.velikayakultura.ru/kultura-rechi-russkiy-yazyk/osnovnyie-tropyi-i-stilisticheskie-figuryi>.
8. 中国药品广告. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nipic.com>.
9. 中国药品广告. [Электронный ресурс] URL: <http://www.xiangqinyw.com>.
10. 化妆品广告. [Электронный ресурс] URL: <http://www.image.baidu.com/search>
11. 青年文摘 2013, 10月.

## ТРИЖДЫ ОТРЕКШИЙСЯ

*Кобзев А.И.  
ИБ РАН, РГГУ, МФТИ*

Еще совсем недавно в покрытых густым лаком описаниях истории отечественного китаеведения прошлого века академик В.М. Алексеев (1881-1951) представлялся всепобеждающим синологическим генералиссимусом, «основателем советской школы китаеведения» [24, кн. 5, с. 7] или «основположником современной школы китаеведения в России» [12, с. 13]. Однако постсоветское открытие архивов, снятие цензурных рогаток и публикаторское подвижничество его дочери М.В. Баньковской (1927-2009) существенно изменили эту благостную картину. Выяснилось, что в иные, порой весьма продолжительные периоды своей жизни В.М. Алексеев был генералом без армии, часть которой пала в безжалостных классовых боях или находилась в заключении, часть в страхе перед «большим террором» разбежалась, а часть открыто перешла на сторону противника.

И до начала массовых репрессий не всем китаистам приходились по душе научная позиция и личные качества В.М. Алексеева. Еще в преддверии Октябрьского переворота, в июле 1917 г. преданность В.М. Алексеева классическим методам синологии (в частности увлечение составлением конкордансов) настроившийся на общую революционную волну будущий академик Н.И. Конрад (1891-1970) расценил как «далекое от науки» «мещанство» [11, с. 252-253]. А уж в 30-е гг. чопорный профессор – в описании еще одного будущего академика С.Л. Тихвинского: «довольно полный мужчина, с головой, напроць лишенной волосяного покрова, одетый в строгий черный сюртук, белоснежную рубашку со стоячим накрахмаленным воротником и с черным галстуком-бабочкой», «со своим неизменных большим чемоданом, в котором помещались тексты его лекций с китайскими текстами и иллюстрациями, с эстампажами образцов китайской каллиграфии и разного рода новогодними лубками», сухо здоровавшийся с аудиторией, ставивший чемодан на стол и читавший лекцию, скрываясь за его открытой крышкой [24, с. 22, 170], – вряд ли вызывал симпатию у прогрессивной советской молодежи и красной профессуры.

По сообщению В.М. Алпатова, окончившая Ленинградский университет в 1932 г. Ф.А. Тодер (1911-2000) свидетельствовала: «В.М. Алексеев заявил на лекции, что овладеть Востоком может только человек, обладающий наследственной культурой. Это резко противоречило духу тех лет, в словах Алексеева девушка ощутила барство <...> в целом Алексеев занимал лояльную, но сдержанную позицию в отношении новой власти» [5, с. 54]. Подобное же поведение В.М. Алексеева отметил в своих «Воспоминаниях» (2005 г.) занимавшийся у него несколькими годами позже С.Л. Тихвинский: «Нас, студентов 30-х годов, он не особенно привечал», после первой лекции «многие даже бросились в деканат факультета с просьбой о переводе их в другие языковые группы», некоторые добились этого, «иные ушли на исторический факультет или вообще покинули университет» и в итоге к концу 3-го курса остались только двое из 28 человек, зачисленных в 1935 г. в китаеведческую группу [24, кн. 5, с. 171, 173]. За это В.М. Алексею пришлось дорого заплатить годами проработок и травли. Однако «барственный» и «неприветливый» В.М. Алексеев согласился в 1945 г. стать научным руководителем докторанта С.Л. Тихвинского, который за семь лет до этого публично опорочил его.

Началось с того, что в 1932 г. «бригада» из шести молодых китаистов во главе с одним из любимейших учеников В.М. Алексеева – Б.А. Васильевым (1899-1937) опубликовала в официозном пропагандистском журнале «Проблемы марксизма» политический донос в виде разгромной рецензии на вышедшую в том же году научно-популярную и вполне основательную книгу своего учителя [8]. Эту книгу «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация» [1] В.М. Алексеев считал фундаментом своей педагогической системы [4, с. 64], она стала второй из всего лишь трех опубликованных им при жизни монографий и его последней крупной теоретической работой. Видимо, это событие сильно поколебало веру В.М. Алексеева в учеников и отразилось на его преподавательской манере.



Когда же через пять лет, в 1937 г. в Париже увидела свет на французском языке последняя прижизненная книга В.М. Алексеева «Китайская литература», ученый секретарь Института востоковедения (ИВ) АН СССР Х.И. Муратов (1905-1942?) отрецензировал ее как «мракобесную, политически вредную, лженаучную, основанную на патологических изысканиях» (цит. по [3, с. 144]), а японист из окружения Н.И. Конрада – Я.Б. Радуль-Затуловский (1903 – 1987) – как «крайне вредную реакционную мракобесную расистскую галиматью... смыкающуюся с фашистскими тенденциями в синологии в некоторых западно-европейских странах и особенно в Японии» (цит. по [7, с. 348]). Вслед за этим 31 мая 1938 г. в главном официозе «Правде» появилась статья Х. Муратова и представителя парткома АН СССР Б. Букова о «колонизаторе-зубре» В.М. Алексееве с уничтожающим заглавием «Лжеученый в звании советского академика», безнадёжным диагнозом: «Работой молодых научных сотрудников В.М. Алексеев не интересуется. У него в сущности нет учеников <...> Замкнувшись в лженаучной скорлупе, он объявляет высокомерно, что китайский язык и наука о Китае – это дело «избранных» », – и похожим на приговор заключением: «Скорлупа, в которой прятался лжеученый, разбита. Академия наук должна заняться вопросом о человеке, который позорит звание советского ученого» (цит. по [28, с. 457-458]).

За этой грозной публикацией в директивном органе сразу же последовали проработки на всех местах работы обвиняемого: 1 июня в китайском кабинете ИВ АН СССР, 5 июня на кафедре дальневосточной филологии филологического факультета ЛГУ, 7 июня на общем собрании Актива ИВ АН СССР, 9 июня на китайской кафедре Ленинградского восточного института (ЛВИ). В частности, резолюция последнего собрания повторяла тезис «Правды»: «В своих лекциях в ЛВИ академик высказывал антинаучные и реакционные суждения: «Изучение китайского языка возможно только для высокоодаренных личностей» , к «нормальному китаеведению можно прийти только через западоведение» » (цит. по [28, с. 462]).

В дополнение к «педагогическому» в смертоносной статье было выдвинуто «научное» обвинение: «За 20 лет советской власти, почти за 10 лет своего пребывания в рядах советских академиков В.М. Алексеев, однако, не дал нашей стране ни одного сколько-нибудь солидного, научно ценного, необходимого нам труда» (цит. по [27, с. 456]).

В оправдательном выступлении на заседании Президиума АН СССР 5 июня 1938 г. он попытался защититься повествуя о горестной судьбе второго после «Китайской иероглифической письменности и ее латинизации» столпа своей синологической педагогики [4, с. 64]: «большая рукопись «Рабочая библиография [китаиста]» была возвращена мне в 1933 г. как неприемлемая <...> [Г.К.] Папаяном и [А.А.] Бусыгиным, один был тогда ученым секретарем ИВ АН СССР, а другой – ученым секретарем РИСО» (цит. по [27, с. 443]). После следующего шага по этому тернистому пути, совпавшего с открытием судьбоносного 17-го съезда ВКП(б) (26.01-10.02.1934), Редколлегия Отделения общественных наук АН СССР отправила рукопись на переработку, рекомендовав автору, с одной стороны, сократить до минимума вводную, т.е. наиболее теоретическую, часть, а с другой - дополнить ее сведениями о дореволюционных и особенно советских материалах, ввести разделы об экономике и революционном движении (см. ниже копию выписки из протокола от 27.01.1934).

Очередную попытку издания многострадальной «Книги руководств для изучающих язык и культуру Китая», над которой В.М. Алексеев работал около 40 лет, предприняли посмертно, в 1958 г. его ближайшие ученики Л.З. Эйдлин (1909/1910-1985), Н.Т. Федоренко (1912-2000) и О.Л. Фишман (1919-1986). Первые два даже написали «Введение», говорящее о книге как об уже изданной. Но этого не случилось из-за негативного вмешательства авторитетного рецензента, оказавшегося более влиятельным, чем Н.Т. Федоренко, который был тогда заместителем министра иностранных дел. С пятой попытки «Рабочая библиография китаиста» увидела свет только в 2010 г. под редакцией и с дополнениями академика Б.Л. Рифтина (1932-2012) - в издании петербургской Библиотеки РАН, но зато всего лишь через три года с еще большими дополнениями и усовершенствованиями, а также семикратно большим тиражом (500 экз. против 70) она была переиздана в первом томе «Архива российской китаистики» [4].

Во «Введении» к своему дополнению «О синологических словарях и справочниках, старых и новых» Б.Л. Рифтин указал на причину провала предпоследней из безуспешных попыток издать книгу: «Через семь лет, уже после кончины Алексеева, его лучшие ученики Л.З. Эйдлин и О.Л. Фишман подготовили к изданию сокращенный вариант рукописи, но один из рецензентов возразил против ее публикации, так как в книге не было ссылок и цитат на работы классиков марксизма и Сталина о Китае» [18, с. 333]. Таким образом, в оттепельном 1958 г., уже после 20-го съезда КПСС, разоблачившего культ личности Сталина, повторилась ситуация предгрозового 1934 г., когда заседал зловецкий 17-й съезд ВКП(б), за которым последовало убийство в Ленинграде С.М. Кирова (1886-1934) и начало массовых репрессий.

Поразительно, но неназванным «черным» рецензентом выступил еще один, ныне единственный живой ученик В.М. Алексеева – С.Л. Тихвинский, бывший в 1934 г. школьником-отличником, получившим от Кирова в награду карманные часы [24, кн. 5, с. 169], а в 1958 г. ставший заведующим отделом стран Азии Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР.

Возможно, причина столь удивительного акта коренится в почти мистической истории взаимоотношений этих людей. В.М. Алексеев родился и провел детство на Тихвинской улице в Петербурге и впервые встретился в конце 20-х годов на съемной даче в деревне Большие Ижоры (ныне г. Ломоносов) с десятилетним Сергеем Тихвинским - сыном дачных соседей. Последний же, поступив в Ленинградский университет и придя на первую лекцию 1 сентября 1935 г. в свой день рождения (17-летия), попал на лекцию именно В.М. Алексеева [24, кн. 5, с. 17, 170; 26, с. 351-352]. Так С.Л. Тихвинский стал учеником В.М. Алексеева в первый раз.

Но не прошло и трех лет, как в разгар политической травли В.М. Алексеева и через пять дней после публикации 31 мая 1938 г. в «Правде» клеветнической статьи о нем, 5 июня 1938 г. состоялось внеочередное заседание кафедры дальневосточной филологии ЛГУ, также посвященное его проработке. Преподаватель А.А. Штукин (1904-1064) в оправдание своего учителя В.М. Алексеева сослался на его главное достижение в китайстике – перевод и введение в отечественный культурный оборот литературного наследия Ляо Чжая (Пу Сун-лина), а перед голосованием резолюции, осуждавшей «реакционную деятельность» «лжеученого в звании советского академика», покинул собрание, что через две недели было отмечено и осуждено специальной заметкой в газете «За большевистскую науку» от 19.06.1938 [7, с. 349, 393].

Однако эту робкую попытку защиты учителя парировал молодой, но ранний участник заседания, только что закончивший третий курс комсомолец С.Л. Тихвинский, профессионально выдвинувший не политические, а наукообразные аргументы: «Надо иметь в виду, что Ляо Чжай, хотя и выступал как антиконфуцианец, однако язык его произведений для того времени был архаическим и не характерным для эпохи. <...> Кроме того, многие вещи Ляо Чжая насыщены эротизмом и вовсе не характерны для китайской литературы в целом. А между тем Ляо Чжай вышел в Советском Союзе в очень большом тираже. По этой книге большинство советских читателей судит о китайской литературе и, конечно, получает ложное представление» (цит. по [7, с. 349]). Опубликовавшая эту выдержку из «Протокола внеочередного заседания кафедры Дальневосточной филологии 5.VI.1938» дочь академика сопроводила ее комментарием: «вот-то удивился бы, да и вряд ли вообще смог бы понять такую похвалу сам Пу Сун-лин! В переведенных Алексеевым новеллах Ляо Чжая имя Конфуция названо – прямо или подразумевается – неоднократно» [7, с. 349].

Так С.Л. Тихвинский первый раз отрекся от своего учителя, развив тезис «Правды» о его вредной приверженности архаическому китайскому языку: «В течение долгого времени В.М. Алексеев сопротивлялся включению в производственный план Института востоковедения работы по составлению словаря современного китайского языка. Он называл эту работу <...> ненаучной, недостойной Академии наук» (цит. по [28, с. 457]). Подобное же обвинение вошло в резолюцию кафедры: «Что же касается академика В.М. Алексеева, то он, будучи знатоком старого китайского языка, до сих пор не оправдал требований, предъявляемых к преподавателю вуза <...> не дал ни одной из давно обещанных им работ по грамматике, библиографии, лексикологии, которые <...> могли бы помочь студентам овладеть китайским языком. Причина этого кроется в буржуазном, формально-академическом понимании предмета науки <...> Нежелание работать в области создания хорошего советского учебника, основанное на лженаучном представлении о предмете науки, связанное с этим раболепие перед европейской синологией в целом подкрепляется у академика Алексеева такими методами в его практической преподавательской деятельности, которые объективно ведут к срыву планового педагогического процесса» (цит. по [28, с. 460-461]).

А. Галич завещал «поименно вспомнить всех, кто поднял руки», и, когда время как честный человек все расставило по своим местам, не лишённые совести литераторы публично покаяться за участие в позорной травле Б. Пастернака. В отличие от них, когда минули две трети века и ушли из жизни все герои и жертвы трагедии 1938 г., С.Л. Тихвинский, ничтоже сумняшеся, облачился в тогу верного последователя В.М. Алексеева в панегирике «Академик В.М. Алексеев и его школа» [Тихвинский, 2004].

Там же он диаметрально изменил свою характеристику Пу Сун-лина: «Специфика творчества Ляо Чжая заключалась не только в приспособлении высокопарного литературного языка ученых-конфуцианцев для описания простых, часто бытовых сюжетов, но и смелое вторжение в область фантастики, использование притч и легенд, апелляция к сверхъестественным силам для иносказательной критики пороков современного Пу Сун-лину общества, резкого осуждения произвола власти имущих и капитулянтской позиции китайских ученых, перешедших на службу к маньчжурским завоевателям» [24, кн. 5, с. 11-12].

Видимо, не без влияния насмешливых высших сил С.Л. Тихвинский сам далее расхвалил капитулянтскую позицию В.М. Алексеева по латинизации, на которую он вынужденно отступил под давлением сокрушительной критики в 30-е гг.: «В.М. Алексеев с группой учеников и совместно с китайскими учеными-коммунистами Цюй Цю-бо, У Юй-чжаном (瞿秋白, 1899–1935; 吳玉章, 1878–1966. – А.К.) и др. активно участвовал в создании системы латинизации китайской письменности, которая давала «массам возможность заменить громоздкую иероглифическую письменность наиболее элементарной латиницей» » [24, кн. 5, с. 17]. С.Л. Тихвинский вменил В.М. Алексееву в заслугу идеологическую мотивировку, которую тот ранее, имея возможность более или менее свободно выражаться, критиковал с

научной точки зрения и процитировал его написанную эзоповым языком к 30-летию Советской власти, конформистскую статью 1947 г. с характерным названием «Советская синология» [2, с. 133], где, например, 11 раз указаны достижения Ю.К. Щуцкого, но ни разу не названо его имя (см. [7, с. 374]).

За полтора десятка лет до этого в выражавшей его подлинными взгляды специальной монографии В.М. Алексеев отстаивал историко-культурную значимость и практическую эффективность иероглифики: «Теперь, если подвести некий общий научный баланс как иероглифике, так и алфавиту, можно убедиться, что иероглифика есть также некий исторически закономерный и высоко развитый способ человеческого общения, который, в существе своем, вряд ли отличается от алфавита, ибо случаев перехода одного способа письма в другой, и притом довольно типичных – много. Если иероглифы в некоторых отношениях сложнее букв, то в других – они проще как комплексы»; на иероглифическом языке «написано все литературное и научное богатство Китая (до последнего времени), и, следовательно, всякий, это культурное наследие изучающий, не может этот язык миновать» [1, с. 60]. Примечательно, что, когда советские коммунисты вынудили В.М. Алексеева отказаться от «антинародной» апологии иероглифики, ее, согласно тому же С.Л. Тихвинскому, в 1949 г. активно поддержал самый главный китайский коммунист Мао Цзэ-дун (毛澤東, 1893–1976), отрицательно относившийся ко всем попыткам алфавитизации китайского языка и категорически заявлявший, что «иероглифическое письмо – выдающееся богатство китайской нации и не может быть заменено никаким алфавитом» [24, кн. 5, с. 231].

Что же касается книги «Китайская латинизированная азбука» (М., 1930) оспаривавшего этот взгляд другого руководителя КПК, публициста Цюй Цю-бо (действовавшего в России под псевдонимом Страхов), то ее В.М. Алексеев оценил как содержащую «политические обоснования китайской латинизации», но не научную и «страдающую рядом крупных недостатков, заставивших московских и затем ленинградских Китаистов пересмотреть весь вопрос наново» [1, с. 85].

Неясно только, понимал ли поддавшийся в 1938 г. «навьиным чарам» советский студент-комсомолец все последствия протокунхэйбинской кампании, которой уже в наше время дал академическую оценку: «Василий Михайлович ценой огромного внутреннего напряжения переносил все эти клеветнические нападки, ежедневно ожидая, что, вслед за его учениками, арестуют и его» [24, кн. 5, с. 22]; «То было тяжелое время – 1937-1938 годы. Любимые ученики Василия Михайловича Алексеева – Борис Александрович Васильев, Юлиан Константинович Щуцкий, – все попали под сталинские репрессии. И над самим Алексеевым тоже нависла угроза, он подвергся публичной устной и печатной критике. Была [опубликована] статья в «Правде», озаглавленная «Лжеученый в звании советского академика». После этой статьи Алексееву следовало [ждать], что арестуют и его. Но, к счастью, как-то уцелел он» [26, с. 352].

Однако, к несчастью, по итогам проработки в ЛГУ В.М. Алексеева отстранили от преподавания, а уклонившийся от его шельмования А.А. Штукин вообще не уцелел: вскоре после этого или даже вследствие этого, 31 июля 1938 г. он был арестован и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей в «солнечном» Магадане, вслед за чем 17 июня 1949 г. вновь сослан на пять лет в Норильск.

С.Л. Тихвинский также покинул университет, не доучившись. Пребывая в нем с сентября 1935 по август 1938 г., он окончил только три курса, но в автобиографии, написанной 16 мая 1966 г., сообщил, что «окончил четыре курса филологического факультета Ленинградского государственного университета (китайское отделение) в 1938 г. и с 5 курса по комсомольскому набору был направлен на работу в МИД СССР» (цит. по [29, с. 460-461]). Так в педагогике реализовался партийный лозунг «Пятилетку – за три года», а в справочники вошла противоречащая арифметике информация об окончании в 1938 г. 4-го курса студентом, начавшим учебу в 1935 г. Почти через семь десятилетий передовик откровенно поведал о секрете своего «большого скачка». Ларчик раскрывался просто: всего двух оставшихся после 3-го курса студентов присоединили к группе пятикурсников. Формальный и не воплотившийся в жизнь перевод на 5-й курс был смело приравнен к реальному окончанию 4-го курса [24, кн. 5, с. 173]. Не исключено, что именно идеологически грамотное выступление помогло перескочить ступень в обучении бойкому третьекурснику, которого потом сам громовержец сталинской прокуратуры А.Я. Вышинский (1883-1954) окрестил Громкинским [24, кн. 5, с. 253].

Покинув альма-матер раньше времени, в отличие от несчастного А.А. Штукина его оппонент оказался среди садоводов, а не посаженных. В августе 1938 г. он стал чекистом: сначала переводчиком в 5-м (иностранным) отделе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, в 1939 г. – старшим оперуполномоченным и с 10 мая – начальником 13-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в середине мая переводил в Кремле лично Сталину, 1 октября 1939 г. вылетел за границу в солнечный Урумчи, 27 апреля 1940 г. был награжден нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД» [14, с. 843] и в апреле 1941 г. принят в члены ВКП(б). В начале чекистской карьеры им руководил участвовавший в 1939 г. в аресте Н.И. Ежова (1895-1940), один из асов советской внешней разведки, полпред, главный резидент и посол в Китае (1939-1944, 1952-1953) А.С. Панюшкин (1905-1974), который заботился о синологической подготовке своих кадров и во время войны организовал при советском посольстве в Чунцине курсы по изучению китайского языка [24, кн. 5, с. 186].

Быстро продвигаясь по карьерной лестнице профессионального разведчика: став в марте 1941 г. начальником отделения 5-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР, 11 августа 1941 г. начальником 2-го отделения 7-го отдела, 30 ноября 1941 г. начальником 3-го (Синьцзян, Монголия, Тува), 1 июля 1942 г. 2-го (Китай) отделения 4-го отдела 1-го Управления НКВД СССР, 14 мая 1943 г. начальником 2-го отделения 4-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР» [14, с. 843], С.Л. Тихвинский нес также дипломатическую службу, с декабря 1943 г. в должности второго секретаря Посольства СССР в Китае, а параллельно в 1941 г. экстерном закончил китайское отделение Московского института востоковедения и в 1943 г. поступил в заочную аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР, один из руководителей которого – большевик-подпольщик, первый представитель Коминтерна в Китае и профессиональный разведчик-нелегал Г.Н. Войтинский (Зархин, 1893-1953) сделался его научным руководителем.

Шестью годами ранее последний выезжал в Ленинград для проверки Института востоковедения, что В.М. Алексеев болезненно описал в письме президенту АН СССР В.Л. Комарову (1869-1945) от 22 июня 1937 г.: «Пораженный, вследствие горестного переживания речей Деборина, Орбели и НС (непременного секретаря Академии наук Н.П. Горбунова. – А.Х.), а также глумливого, дерзкого, грубого поведения безграмотной комиссии невежд во главе с Войтинским, «обследовавшей» ИВ самым скандальным образом, - пораженный сердечным припадком 7-го июня среди заседания, на котором Войтинский глумился надо мною как председателем научного собрания и ученым, я захворал и сейчас по предписанию врачей сижу в деревне» (цит. по [28, с. 454]).

Вопреки трудностям войны и службы, подойдя к делу по-стахановски, за полсрока написав кандидатскую диссертацию «Принцип Сунь Ят-сена «национализм» и его внешняя политика», 30 июля 1945 г., во время проведения Потсдамской конференции (17.07-02.08.1945), С.Л. Тихвинский защитился в Институте истории АН СССР, где также работал гонитель его первого учителя и новый патрон Г.Н. Войтинский.

Сразу же после этого, летом победного 1945 г. в режиме нон-стоп свежее испеченный кандидат наук без стеснения поступил в заочную докторантуру АН СССР под руководство В.М. Алексеева, для которого тогда настал кратковременный период смены гонений на фавор у властей. Двумя годами ранее через своего коллегу, секретаря и советника Посольства СССР в Китае, Н.Т. Федоренко, только что (22.05.1943) в Ташкенте феерически ставшего доктором наук без предварительных публикаций и кандидатской диссертации, подполковник госбезопасности (16.08.1943) С.Л. Тихвинский установил связь с В.М. Алексеевым, в письме ему от 3 октября 1943 г. скромно представившись «бывшим учеником» (цит. по [29, с. 458]). Так, сделав бывшему наставнику предложение, от которого тот не смог отказаться, он стал его учеником во второй раз.

Решимости сразу после кандидатской взяться за докторскую, видимо, прибавило личное общение с В.М. Алексеевым в Ленинграде 26-27 июня 1945 г., когда С.Л. Тихвинский, сопровождая бывшего в СССР (23.06.-16.08.1945) на празднование 220-летия АН СССР Го Мо-жо (郭沫若, 1892–1978), выяснил, что для общения с ним академик нуждается в переводе, поскольку сам говорит на классическом литературном языке *вэнь-янь* и уже не понимает современной китайской речи [24, с. 18, 54-55, 200]. Знаменательно, что, как на проработке в 1938 г., хотя и в совершенно ином – хвалительном, а не хулителем контексте, С.Л. Тихвинский вновь поставил В.М. Алексееву на вид небрежение современным разговорным языком ради устаревшего письменного *вэнь-яня*.

Несмотря на такое пышное начало, согласно автобиографии, написанной 17 июля 1957 г., в 1948 г. он был отчислен из докторантуры, «т.к. находился в заграничной командировке» (цит. по [29, с. 453]). Приведенная мотивировка вызывает недоумение: С.Л. Тихвинский числился в заочной докторантуре именно потому, что находился на службе за границей (сначала вторым секретарем Посольства СССР в Китае, затем с декабря 1946 г. – вице-консулом Генконсульства СССР в Пекине, а с апреля 1948 г. – генеральным консулом СССР в Бэйпине), и этот статус, как явствует из случая с Н.Т. Федоренко, создавал огромные преимущества, а не служил основанием для отчисления. Некоторый свет на эту таинственную историю проливают письма С.Л. Тихвинского В.М. Алексееву 1943-1951 гг., обнародованные А.Н. Хохловым [29, с. 458-466].

Прежде всего, будучи профессиональным дипломатом, С.Л. Тихвинский тонко нюансировал свое отношение к адресату обращениями и подписями. Первые варьируют от «глубокоуважаемого» и «многоуважаемого» до просто «уважаемого», делового «здравствуйте» и вообще отсутствия каких-либо вводных слов, а вторые – от «Ваш ученик», «Ваш бывший ученик» и «Ваш недостойный ученик» до «уважающий Вас» и просто «Ваш С. Тихвинский». Выражения «Ваш бывший ученик» в зондажном письме № 1 от 03.10.1943 и «Ваш недостойный ученик» в письме № 5 от 21.04.1948, видимо, намекают на печальный первый раунд их взаимоотношений в 1938 г. Эти же ритуальные формулы отражают начало охлаждения в 1947 г. (письмо № 4 от 01.03.1947), его развитие в следующем году (письмо № 6 от 15.06.1948), кульминацию в 1950 г. (письмо № 9 от 28.07.1950) и вновь потепление в следующем году (письма № 11 и 12 от 14.01.1951 и 18.03.1951).

О сложившийся к лету 1950 г. проблемной ситуации свидетельствует то, что, «полностью закончив» к весне 1950 г. работу над диссертацией (письмо № 8 от 07.03.1950; цит. по [29, с. 463]), докторант так и не смог вручить ее завершающую третью часть своему научному руководителю.

Вернувшись в июне 1950 г. в СССР для очередного повышения по службе: смены поста советника Посольства СССР при Центральном Народном Правительстве Китая на начальника 5-го отдела 3-го Управления Комитета информации (КИ) при МИД СССР (органа военно-политической внешней разведки, существовавшего с 1947 по 1958 г.), С.Л. Тихвинский неожиданно столкнулся с обструкцией своего научного руководителя, избегавшего встреч с ним и допустившего утрату им статуса докторанта. Отсюда его дипломатичные укоризны В.М. Алексееву, напоминающие сеговетания покинутого супруга: «Месяц тому назад, 19 июня, приехав на один день в Ленинград, я безуспешно пытался найти Вас в Институте востоковедения и у Вас на квартире. <...> Буду крайне признателен Вам за сообщение о том, по какому адресу я мог бы разыскать Вас в Ленинграде и когда, по времени» (письмо № 9 от 28.07.1950); «Я получил Ваше письмо, в котором Вы сообщаете, что будете в Москве 17-18 августа, но, к сожалению, Вы не указали адреса, по которому я мог бы найти Вас. Все мои попытки разыскать Вас в Москве не увенчались успехом, и я вынужден снова беспокоить Вас письменно, с просьбой сообщить мне, где и когда я мог бы встретиться с Вами. <...> В ожидании Вашего приезда в Москву я побывал у тов. [С.Д.] Дылыкова, нового ученого секретаря ИВАН`а, который меня весьма озадачил, заявив, что из Ленинграда никто не сообщал о том, что я являюсь докторантом-»безотрывником» (без отрыва от производства), и посоветовал мне написать Вам, чтобы все мои документы были из Ленинграда пересланы в Москву, в ИВАН. Буду Вам весьма признателен за ответ и присылку в Москву подтверждения, что с августа 1945 г. по настоящее время являюсь докторантом ИВАН`а по китайскому сектору» (письмо № 10 от 23.08.1950) (цит. по [29, с. 464-465]). Настроение В.М. Алексеева объясняет дневниковая запись 1950 г.: «Ничего не пишу: боюсь. И так провел весь год» (цит. по [7, с. 416]).

Потепление в письмах наступило после того, как через полгода С.Л. Тихвинского «вновь зачислили в докторантуру, поставив условием защиту к 1 мая с.г.», т.е. 1951 г. (письмо № 11 от 14.01.1951; цит. по [29, с. 465]). Следующее письмо (№ 12 от 18.03.1951) свидетельствует о полной решимости докторанта как дисциплинированного военного защититься в установленный краткий срок: он нашел оппонентов и заканчивал автореферат, правда, начались странности: В.М.Алексеев, так и не получив третью часть работы, т.е. не ознакомившись с нею в полном объеме, через жену посоветовал С.Л. Тихвинскому найти другого научного руководителя, а тот в ответ попросил вернуть ему экземпляры первой и второй частей диссертации (см. [29, с. 464-465]).

В результате по-военному спланированный блицкриг а-ля Федоренко не удался. К празднику Первомая докторант отправил научному руководителю лишь поздравительную открытку (см. [29, с. 466]) и в «Воспоминаниях» 2005 г. признался: ему «не довелось ознакомиться с окончательным текстом моей диссертации» [24, с. 253]. Следовательно, он не дал необходимый отзыв с рекомендацией к защите. Однако позднее невыход на защиту объяснялся смертью В.М. Алексеева, наступившей тоже в мае этого года. Можно также предположить, что в разгар Корейской войны (1950-1953), когда над миром нависла ядерная угроза и резко обострились китайские проблемы, С.Л. Тихвинскому самому было не до диссертации из-за участия в какой-то крупной разведывательной операции, за что 7 июня он получил повышение, став заместителем начальника 3-го Управления КИ при МИД СССР, а 12 июля 1951 г. награжден орденом «Знак Почета». В его статье 2004 г. об Алексееве раскрытие тайны, увы, не произошло: «По возвращении из Нью-Йорка после окончания V сессии Генеральной Ассамблеи ООН в январе 1951 г. я посетил Василия Михайловича и имел с ним обстоятельный разговор о моей докторской диссертации. К сожалению, вернувшись из очередной заграничной командировки, я не застал В.М. Алексеева в живых» [24, с. 20].

Доктором наук С.Л. Тихвинский стал только через два года, но зато в знаменательный день - 22 июня 1953 г., через 12-летний цикл после начала Великой отечественной войны и в момент достижения высшей власти (должности первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и главы МВД, объединенного с МГБ) Л.П. Берией (1899-1953) Под эгидой всеильного министра С.Л. Тихвинский 3 июня 1953 г. стал помощником начальника 2-го Главного управления (ВГУ) МВД СССР, занимавшегося внешней разведкой.

Вызывает удивление время защиты – между смертью Сталина 5 марта и арестом Берии 26 июня 1953 г., когда новый сотрудник, только что прибывший в недавно (14.03.1953) сформированное подразделение МВД из заграничной командировки в Нью-Йорк (18.04.–11.05.1953), где он действовал под прикрытием должности помощника Генерального секретаря ООН и руководителя департамента по делам Совета Безопасности при секретариате ООН, казалось бы, должен был с головой уйти в свои прямые служебные обязанности, а не заниматься побочным промыслом. Объяснением может служить или давшая известную свободу вакантность в данный период (29.05.-17.07.1953) должности начальника ВГУ, или покровительство старого куратора - комиссара госбезопасности А.С. Панюшкина, хотя и находившегося в резерве, но уже готовившегося 18 июля 1953 г. занять эту должность, на которой он руководил С.Л. Тихвинским до 9 декабря 1953 г., а сам пробыл еще до 17 марта следующего года [14, с. 66]. Общее китайское прошлое должно было побуждать к подобному содействию в Китаеведении.

Постфактум странность даты проведения защиты, видимо, смутила самого диссертанта, поскольку в «Воспоминаниях» 2005 г. он указал иную – 31 июля 1953 г. [24, с. 254], т.е. уже после ареста

Берии, хотя в упомянутой автобиографии 16.05.1966 привел внесенную в справочники - 22 июня 1953 г. [29, с. 453], а в заполненной тогда же анкете сообщил об утверждении диссертация решением ВАК от 31.10.1953, т.е. с поразительной для таких дел оперативностью.

Ясно, что совершенно аномальная в этом курьерском движении предшествующая задержка с защитой была вызвана особой позицией научного руководителя, надо признать, не уникальной в данном случае. Сходным образом Л.З. Эйдлин, утвержденный в марте 1944 г. докторантом Института востоковедения АН СССР с научным консультантом В.М. Алексеевым, страстно одобрявшим написание диссертации о поэзии Мэн Хао-жаня (孟浩然, 689–740), в конце 1946 г. категорически отказался от этой темы и получил докторскую степень лишь через четверть века за монографию о совсем другом поэте – Тао Юань-мине (陶淵明, 365–427), (подробно см. [20, с. 530-537]), пройдя защиту 25 апреля 1968 и получив утверждение почти через год 14 февраля 1969. В.М. Алексеев предъявлял к своим подопечным столь высокие научные требования, что не всем они были по плечу.

Из писем С.Л. Тихвинского проглядывает и вероятный повод к неудовлетворенности им со стороны его наставника. Письмо № 3 от 16.07.1946 гласит: «Согласно указаний, полученных от Вас перед моим отъездом, основной упор в диссертации я собираюсь сделать на проблемах интерпретации Кан Ю-вэем конфуцианской философии и применения ее к тем новым условиям жизни, в которых Китай оказался к концу XIX века» (цит. по [29, с. 460]). О подходе С.Л. Тихвинского к конфуцианской философии можно судить по основанной на диссертации «Движение за реформы в Китае в конце XIX века» и опубликованной им в 1959 г. монографии «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй», где в начале гл. III «Теоретическое обоснование Кан Ю-вэем необходимости реформ» сказано: «Конфуцианская философия в интерпретации сунской школы (сунсюэ), проповедовавшая рабское подчинение народа императорской власти, низов – верхам, вполне устраивала маньчжурскую монархию и правящий класс феодалов-помещиков»; авторы «сухих и надуманных афоризмов» – «философы-комментаторы Сунской эпохи» «являлись идеологами правящего китайского феодального класса. Созданная ими идеалистическая система обосновывала господство феодально-помещичьего строя» [22, с. 72, 362, примеч. 1; 24, кн. 1, с. 99, 125, примеч. 1]. И теоретически, и стилистически совершенно иным был взгляд В.М. Алексеева на «конфуцианский ренессанс XI-XII вв.»: «Волна воодушевления охватила конфуцианских ученых этого времени, оказавшихся к тому же первоклассными литературными талантами», и они «завершили культурный цикл китайского национального прогресса, предоставив в дальнейшем окружать себя кое-какими стройками, но возвышаясь среди них Мавзолеем» [3, с. 80-81].

С.Л. Тихвинский бряцал лозунгами агитпропа и в библиографии на первые места, даже перед источниками поставил труды основоположников марксизма-ленинизма и руководителей Коммунистической партии Китая [22, с. 402; 24, кн. 1, с. 408], а В.М. Алексеев говорил на языке классической синологии и прославился высказыванием, что набалдашник его палки больше смыслит в китаеведении, чем иной классик марксизма (по сообщению известного историка философии В.В. Соколова, назывался Г.В. Плеханов). Придти к общему знаменателю они не могли, а откровенно критиковать высокопоставленного сотрудника спецслужб, особенно в условиях политической истерии позднесталинского периода, затравленный академик не способен. Результатом и стало затягивание процесса, окончания которого В.М. Алексеев не дождался, уйдя в иной мир 12 мая 1951 г. С.Л. Тихвинский не мог не обидеться на подобное поведение своего руководителя, тормозившего его защиту, о чем ярко свидетельствует зияющее отсутствие имени В.М. Алексеева в монографии 1959 г., производной от диссертации, которая формально была создана под его руководством. Так С.Л. Тихвинский отрекся от учителя во второй раз.

Очевидно, ответным жестом такого же тормозящего характера и стала негативная рецензия «недостойного ученика» на «Рабочую библиографию» наставника, в которой как раз отсутствовали любезные его сердцу труды основоположников марксизма-ленинизма и руководителей Коммунистической партии Китая. Возможно, С.Л. Тихвинский искренне выражал принципиальную позицию, поскольку при переиздании своей книги в 2006 г. [24, кн. 1, с. 8-415] сохранил все ссылки на развенчанных классиков и даже их библиографическое первенство, удалив только определение «товарищ» перед именем Мао Цзэ-дуна [22, с. 22; 24, кн. 1, с. 39]. Но эту позицию следовало выразить открыто, а не в блокирующей издание закрытой рецензии, посредством которой С.Л. Тихвинский, подобно апостолу Петру, отрекся от учителя в третий раз.

Когда же В.М. Алексеев был канонизирован в сане самого крупного китаиста России XX в., С.Л. Тихвинский открыто объявил его «основателем советской школы китаеведения», включив таким образом в пантеон «советской науки», ярким представителем которой является и сам [24, кн. 5, с. 7]. Определение «советский» тут может означать только одно – следование марксистско-ленинской (и временами – сталинской) методологии и принципу партийности, однако В.М. Алексеев как последовательный объективист и позитивист этого всячески чурался. Из всего двух его собственно научных книг, изданных при жизни, первая «Стансы Сыкун Ту» увидела свет в 1916 г. при царизме (переиздана: М., 2008), а вторая «Китайская литература: Шесть лекций в Коллеж де Франс и Музее Гимэ» – в 1937 г. в Париже по-французски (издана в русском переводе Н.М. Алексеевой [3, с. 92-148]), т.е. обе к «совет-

ской школе» не принадлежали, равно как не принадлежал к ней и его главный ученик – мистик, антропософ и тамплиер Ю.К. Щуцкий.

Несоветский или даже антисоветский характер этих явлений прекрасно понимали настоящие ревнители марксизма-ленинизма, обладавшие к тому же классовым чутьем и партийной бдительностью. В уже цитированной резолюции общего собрания китайской кафедры ЛВИ от 09.06.1938 прямо сказано, что В.М. Алексеев сознательно формировал синологическую школу с антисоветской идеологией: «Опубликованные академиком Алексеевым в течение всего советского периода работы представляют из себя яркие образцы протаскивания чуждой и враждебной нам идеологии <...> Академик Алексеев, стремясь сохранить за собой и за своими ближайшими учениками (Щуцкий и Васильев – враги народа) монополию как в области научного китаеведения, так и в учебно-педагогической деятельности, не способствовал подготовке, росту и выдвижению молодых кадров,, наоборот, враждебно относясь к проявлению творческой инициативы со стороны молодых научных работников, всячески опорочивал их научную квалификацию» (цит. по [28, с. 461]); «Академик Алексеев не является подлинным представителем советской науки и своей лженаучной деятельностью позорит высокое звание советского академика. Дальнейшее отстаивание им своих реакционных взглядов и продолжение лженаучной деятельности неизбежно поставит его вне рядов советских ученых. Собрание требует от Президиума АН СССР произвести тщательное изучение деятельности академика Алексеева в свете указаний партии и товарища Сталина и сделать необходимые выводы» (цит. по [7, с. 404-405]). Следовательно, советскость В.М. Алексеева сводится лишь к тому, что вторая половина его жизни прошла при Советской власти, и ему подходит титул основателя школы классической, а не советской синологии в СССР.

Перефразируя В. Высоцкого, можно сказать, что он был советским, а значит пострадавшим, и С.Л. Тихвинский не обошел молчанием клеветнические нападки на него, административное преследование и мужественное поведение в ожидании ареста вслед за учениками до войны, а также послевоенные события: «К счастью, опасность ареста Василия Михайловича миновала, но критика ученого возобновилась с новой силой после окончания войны, когда И.В. Сталин развернул новую волну репрессий под лозунгом борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Недруги Василия Михайловича вновь стали бросать ему обвинения в «любовании китайской монархической стариной», незнании современного Китая, и т.д., и т.п. В эти годы Василий Михайлович был отстранен от заведования китайским кабинетом Института востоковедения, а его ученик-докторант Виктор Морицович Штейн был снят с поста декана Восточного факультета ЛГУ» [24, т. 5, с. 22].

Вместе с тем мемуарист не назвал никого из гонимых, а, наоборот, к почетному ряду докторантов В.М. Алексеева и своих учителей причислил декана Восточного факультета ЛГУ, профессора-историка Г.В. Ефимова (1906-1980) [24, т. 5, с. 21, 164, 171, 179], хотя, по определению А.А. Долининой, его речь на общем собрании Актива ИВ АН СССР 07.06.1938 «больше была похожа на политический донос» [13, с. 366, письмо 71, примеч. 1] и, по свидетельству М.В. Баньковской, «в университетском «хоре лая» проработок 1938-го, а потом 1949 г. ведущий голос принадлежал бывшему слушателю Алексеева Г.В. Ефимову», который как заведующий кафедрой (с 1941 г.) и декан (с 1949 г.) был «одним из самых действенных и беспощадных травителей Алексеева и уничтожителей его курсов» [7, с. 350]. Сам же академик заявлял, что Ефимов введен в Ученый совет ИВ АН «в острастку мне» (письмо Л.З. Эйдлину от 11.08.1949), и называл его «учеником-двоечником», который «никогда ничего не знал и знать не будет», на что тот в качестве главы аттестационной комиссии факультета дал своему оппоненту ответную и гораздо более опасную характеристику: «Не стоит на позициях марксистско-ленинской методологии. Его работы пронизаны духом буржуазного объективизма и идеализма <...> не справляется с порученным ему государством делом – игнорирует требования партии и правительства по идеологическому содержанию читаемых курсов» (цит. по [7, с. 350]).

Подобная оценка со стороны подлинного представителя «советской школы китаеведения» обнаруживает всю фиктивность зачисления в эту когорту В.М. Алексеева. Настоящими основателями данной «школы» были уничтоженные в сталинских застенках «пламенные революционеры»: ректор Университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (1925-1927) К.Б. Радек (Собельсон, 1885-1939) и автор «Очерков по истории Китая» (М., 1933) Г.И. Сафаров (Сафарян, 1891-1942). Последнему сам В.М. Алексеев дал соответствующую оценку: «<...> книги Г.И. Сафарова, как, например, «Очерки по истории Китая» (М., Огиз, Соцэкиз, 1933), весьма интересные по марксистскому методу освоения китайской истории, часто опасны для начинающего китаиста понятием источника, которым автор считает почти исключительно переводной и пересказанный материал <...> Сафаров – известный писатель-марксист, и эти очерки, переоценивающие (уже не в первый раз) китайскую историю наново, читаются с большим интересом, несомненно, заставляя читателя, по крайней мере, задуматься над многим, ему как будто бы известным. К сожалению, полная неподготовленность автора к таким работам (если только он не смотрит на научно-популярную работу как на популярную, без научного элемента) сквозит на каждом шагу и заставляет нас сначала насторожиться, а потом и совсем, пожалуй, отложить книгу в сторону» [4, с. 262, примеч. 173].

Позже, на рубеже 40-х и 50-х годов, когда из науки была «изъята» большая часть китаистов не только «советской школы», В.М. Алексеев под конформистским влиянием Л.З. Эйдлина пытался, как

В. Белинский, «примириться с действительностью» и стать марксистом, но от безуспешности попыток в отчаянии писал: «Благие порывы!.. Я, к сожалению, не марксист. В моих проблемах трудно (для меня, по-моему) с уверенностью решать их по-марксистски» (цит. по [7, с. 415]).

Своим новым патроном и официальным оппонентом в 1951 г. С.Л. Тихвинский избрал сановного япониста Е.М. Жукова (1907-1980) (см. [29, с. 465]), с младых ногтей закаленного работой в аппарате ЦК ВКП(б) (1933-1937), а тогда руководившего Институтом востоковедения (1950-1953). Ранее, с 1941 г. подвизаясь в Тихоокеанском институте, в том числе директорствуя (1945-1950), он принял в аспирантуру С.Л. Тихвинского и выступил оппонентом на защите его кандидатской диссертации в 1945 г., а потом и докторской в 1953 г. За это С.Л. Тихвинский в юбилейном очерке к 100-летию Е.М. Жукова дипломатично умолчал о его работе в аппарате ЦК ВКП(б) в лихие годы и именно его признал своим учителем [25, с. 911, 914], вновь заменив им антипартийного В.М. Алексеева, который так и не участвовал в защите диплома и диссертаций трижды отрекшегося ученика.

#### Литература:

1. Алексеев В.М. Китайская письменность и ее латинизация. Л., 1932. – 178 с.
2. Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы / Сост. М.В. Баньковская. М., 1982. – 535 с.
3. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе / Сост. М.В. Баньковская. Кн. 1. М., 2002. - 574 с.
4. Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая // Архив российской китаистики / Сост. А.И. Кобзев. Т. I. М., 2013, с. 51-328.
5. Алпатов В.М. Академик Н.И. Конрад между Китаем и Японией // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова. М., 2011, с. 52-65.
6. Алпатов В.М. Репрессии среди советских китаистов // Архив российской китаистики / Сост. А.И. Кобзев. Т. II. М., 2013, с. 377-385.
7. Баньковская М.В. Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М., 2010. – 487 с.
8. Васильев Б., Драгунов А., Папаян Г., Поляков А., Соколов П., Шпринцин А. За или против латинизации? [Рец. на:] Алексеев В.М. (академик). Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., 1932 // Проблемы марксизма. 1932, № 3, с. 129-139.
9. Кобзев А.И. Игрища бесовские в АН СССР // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. М., 2013, с. 263 – 270.
10. Кобзев А.И. Синологи, тамплиеры и антропософы в советском аду: круг Ю.К. Щуцкого // Архив российской китаистики. Т. II. М., 2013, с. 386-405.
11. Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма / Сост. М.Ю. Сорокина, А.О. Тамазишвили. М., 1996. – 544 с.
12. Михайлов А.Ф., Юркевич А.Г. Алексеев Василий Михайлович // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 13-15.
13. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916-1950) (публ., предисл., примеч. А.А. Долининой) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, с. 139-428.
14. Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941 – 1954: Справочник. М., 2010. – 1008 с.
15. Письма академика Н.И. Конрада / Предисл. и коммент. В.М. Алпатова, М.Ю. Сорокиной // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 51. 1992, № 6, с. 69-86.
16. Письма В.М. Алексеева В.Л. Комарову (публ. А.Н. Хохлова) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, с. 471-474.
17. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву 1933-1936 годов (Вступление и публикация Е.М. Дьяконовой и И.С. Смирнова) // Восток-Запад: Историко-литературный альманах: 2003-2004. М., 2005, с. 28-78.
18. Рифтин Б.Л. О синологических словарях и справочниках, старых и новых // Архив российской китаистики. Т. I / Сост. А.И. Кобзев. М., 2013, с. 331-432.
19. Смирнов И.С. «...имеет отношение к воспитанию души». Над страницами «Трудов по китайской литературе» акад. В.М. Алексеева // Аспекты компаративистики. 1. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. VI. М., 2005, с. 479-500.
20. Смирнов И.С. Случай Эйдлина // он же. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М., 2014, с. 521-542.
21. Сорокина М.Ю. Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995, с. 128-143.
22. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй. М., 1959. – 420 с.
23. Тихвинский С.Л. Академик В.М. Алексеев и его школа // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004, с. 810-819.
24. Тихвинский С.Л. Избранные произведения в 5 кн. М., 2006.



25. Тихвинский С.Л. Историк-энциклопедист, редактор, педагог. К 100-летию со дня рождения академика Е.М. Жукова // Вестник РАН. Т. 77. 2007, № 10, с. 911-914.
26. Тихвинский Сергей Леонидович // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX – XXI вв. / Ред. В.Ц. Головачев. Т. 1. М., 2014, с. 350-366.
27. Три неизвестных архивных документа: к биографии В.М. Алексеева (публ., ст. и коммент. А.Н. Хохлова) // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, с. 431-449.
28. Хохлов А.Н. Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, с. 450-470.
29. Хохлов А.Н. Академик С.Л. Тихвинский в начале творческого пути (к 90-летию со дня рождения выдающегося китаеоведа) // Общество и государство в Китае. Т. XXXIX. М., 2009, с. 450-471.
30. Хохлов А.Н. Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути (неизвестные страницы биографии крупного востоковеда) // Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 2. М., 2012, с. 84-103.

### **СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В КИТАЕ**

*Кондорский Б.М.,  
независимый исследователь, Донецк*

Для понимания и анализа революционных событий в Китае полезной будет концепция революционного периода (РП). Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют РП как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. Отдельные положения данной теории были изложены автором в ряде публикаций [25; 26; 28]. РП заканчивается тогда, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – периодом «Реконструкции» после гражданской войны, в России и Китае – событиями конца XX века. В Германии, Италии, Японии – поражением фашистских диктатур во время Второй мировой войны.

Все страны, в зависимости от характера протекания РП, связанного в первую очередь со спецификой предыдущего исторического развития, можно разделить на три основных группы – страны первой, второй и третьей генераций (СПГ, СВГ, СТГ). К первой группе можно отнести страны, где РП проявил себя раньше остальных государств – Нидерланды, Англию, США, Францию. В каждой из этих стран революционный процесс имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В СВГ революционный период начался в середине XIX века. К этим странам можно отнести Германию, Италию, Австрию, Венгрию и Японию. В СТГ – России, Турции, балканских стран, Китае, Индии, Индонезии РП ограничился XX веком. Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих революционных процессов [27].

В РП можно выделить два основных этапа. Вначале революционные процессы происходят в рамках старой политической системы, старого сознания. Предпринимаются попытки решить накопившиеся проблемы путем учреждения конституции. Если существующий режим, трансформируясь, создает условия для развития капитализма, первый этап может продолжаться несколько десятилетий (как в Германии и Японии). В СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и самого государства в целом. Что и имело место в Китае, Турции, России. Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 году закончились полным провалом. Партия реформистов «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» [51, с. 11].

Синьхайская революция произошла на основе старого сознания. Ведущую роль сыграли «новые» военные и члены различного рода тайных обществ [31, с. 4,5]. Не смотря на то, что восстание готовилось давно и планомерно, в самый критический момент революционные организации остались без руководителей [17, с. 102, 103]. Тем не менее, в течение короткого времени революционное движение распространилось на Центральный и Южный Китай, охватывая одну провинцию за другой [2, с. 21].

Революции начинаются независимо от сознания как правящей, так и оппозиционной элиты. Революция не есть результат заговора. Когда общество готово, «созрело» для революции, достаточно одного толчка, чтобы пошел процесс.

После того как во время революции 1925-27 годов было полностью разрушено старое государство, дальнейшее историческое развитие Китая сопровождалось противоборством двух основных

политических сил – Гоминьдана и КПК. Попытка создания «третьей силы» на базе интеллектуальной элиты, придерживавшейся китайской версии европейской буржуазно-реформистской концепции «государственного социализма» [55], закончилась провалом.

В своей основе Гоминьдан был мелкобуржуазной партией. Будучи массовым движением, Гоминьдан объединял в своих рядах основные страты китайского общества, включая рабочих. Пестрота состава партии, столкновение противоречивых интересов представленных в ней социальных слоев и групп вели только к ее ослаблению [14]. Все это не позволило Гоминьдану создать эффективную диктатуру. Не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи мелкотравчатым политиком [15, с. 210], не был реформатором с «большой буквы». Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований [8, с. 367].

После мучительных поисков своего пути (включая союз с Гоминьданом) КПК к началу 30-х годов сделал окончательную ставку на вооруженную борьбу. Основу Красной армии составляли крестьяне. При самом активном участии Мао Цзэдуна в «красных зонах» путем последовательной политической работы, а то и репрессий (известные события в Футяни в 1930г.), было инактивировано патриархальное сознание крестьян, вырванных из традиционной общины. Это дало КПК идеальный «материал» для формирования боеспособной и дисциплинированной армии-партии. Была решена задача – превратить сборище плохо вооруженных крестьян и рабочих, бродяг и бандитов в монолитную революционную силу, способную противостоять превосходящему ее по всем аспектам противнику [56, с. 180].

Противоборство в партии Мао Цзэдуна и так называемых «возвращенцев» (китайских коммунистов, учившихся в Советском Союзе) закончилось вытеснением последних на периферию руководства КПК. Мао был марксистом, но глубоко укорененным в китайской традиционной культуре [37, с. 194]. Именно учет цивилизационной специфики Китая позволил КПК одержать верх над Гоминьданом. Подобного рода фактор доминировал и в других СТГ.

Более двадцати лет истории КНР прошло при «органическом» руководстве Мао Цзэдуна. Дело в том, что к этому времени Мао из личности превратился в явление. Он уже не просто руководитель партии и государства, а органическая часть государственно-партийного «тела», его голова. Ни партия, ни государство сами по себе вне власти Мао Цзэдуна просто не существовали [13, с. 6]. Кстати, нечто подобное наблюдалось и в других СТГ в лице Ленина, Сталина, Ататюрка, Хо Ши Мина.

Мао Цзэдун прежде всего был политиком макиавеллиевского типа. Таким, каким были Ришелье, Талейран, Бисмарк, Сталин, Черчилль. Кстати, если бы последний очутился на месте Сталина или Мао Цзэдуна, он действовал точно такими же методами. Мао обладал удивительным даром предвидения, твердыми убеждениями и уверенностью в собственных силах [56, с. 252]. Мао чаще других был прав в дискуссиях о путях революции в Китае. Он лучше понимал душу и чаяния своего народа и меньше оглядывался на зарубежный опыт. При этом, не останавливался ни перед какими средствами, ни перед какими жертвами для достижения победы [8, с. 50].

Анализируя сущность событий, связанных с Культурной революцией, нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторического процесса часто носит парадоксальный характер, неподвластный обыденному сознанию. Внешне все выглядело как конфликт между партийным руководством в лице Лю Шаоци, Дэн Сяопином и Мао Цзэдуном [53, с. 534,535]. Лю Шаоци был официальным приемником Председателя. Однако Мао панически боялся появления после его смерти в Китае ревизионизма, как это случилось после смерти Сталина в лице Хрущева. Развал Союза начался с его знаменитого доклада на 20-м съезде партии. Мао своим «звериным» чутьем предвидел последствия этой «глупости», а говоря политическим языком – преступления. Второй «осиновый кол» был вбит уже Брежневым и Громыко после подписания Хельсинских соглашений.

Можно со всей ответственностью утверждать, что если бы не было Культурной революции, не было бы современного Китая. Любая «перестройка» горбачевского типа привела бы к развалу государства. Решительные меры, направленные на подавление «майдаана» в 1989 году, с учетом последних событий на Украине, носили более, чем разумный характер.

Мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что оно не пошло по пути Хрущева, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна в партии и государстве. В свое время Дэн Сяопин укорял советское руководство за осуждение культа личности Сталина, считая, что нужно сохранить его репутацию [16, с. 11]. Современные либералы должны понять, что Сталин и Мао Цзэдун в своей деятельности подчинялись законам существующей политической системы и РП.

Рассмотрев основные моменты революционного периода, мы должны вернуться к истокам и поставить достаточно резонный вопрос: а что собственно предшествовало революционному периоду, какая социально-политическая, общественно-экономическая система? Как ни странно, но подобного рода вопросы даже не ставились. Во всех учебниках считалось, что революции в Китае устранили феодальные отношения, феодальные пережитки и т.д. Но дело в том, что феодализм в Китае принципиально отличался от такового не только в Европе, но и в Индии (при мусульманских династиях), и в соседней Японии. Многие российские (советские), китайские и западные специалисты находят феодализм еще в период Западного Чжоу [11, 29, 50]. А то, что феодализм в Китае существовал уже в III в. н. э., мало кто сомневается.

Для того, чтобы понять (осознать), то что мы имеем в Китае, нужно попытаться разобраться с подобного рода ситуацией во Франции – стране наиболее классического феодализма. В отношении Франции подобного рода вопрос в свое время был поставлен А.Чудиновым [54]. Он обратил внимание на то, что рассматривая всевозможные аспекты Французской революции, советские ученые придерживались схемы, согласно которой события во Франции конца XVIII в. представляли собой «буржуазную революцию», разрушившую «феодально-абсолютистский строй» и открывшую путь для развития капитализма [54, с. 56]. Все основные моменты данной схемы были подвергнуты автором обстоятельной критике.

Все это свелось к следующему. Понятие «феодально-абсолютистский строй» имеет чисто советское происхождение. В мировой исторической литературе обычно используется не слишком обязывающее понятие «Старый порядок». Термин «феодализм», несмотря на более чем двухсотлетнюю историю применения, никогда не имел единого значения, что позволяло историкам разных школ вкладывать в него самые разные смыслы.

Советские историки определяющими признаками феодального строя считали феодальную собственность на землю и наличие у крестьянина самостоятельного хозяйства. Из отношений феодальной собственности вытекало право феодала на безвозмездное присвоение прибавочного труда в форме феодальной земельной ренты (барщины, натурального или денежного оброка) [1]. В зарубежной историографии описанный выше тип поземельных отношений определяется термином «сеньориальный режим», а в категорию «феодализм» вкладывают преимущественно юридический смысл, обозначая ею комплекс правовых связей между сюзеренами и вассалами [54, с. 60].

Весьма актуальным является характер той социальной группы, которая при Старом порядке собственно и называлась «буржуазией». Дело в том, что этот слой имел в действительности мало общего с капиталистическим предпринимательством [22]. Обычно под «буржуазией» понимался верхушка городских жителей: держателей должностей, торговцев и получателей различного рода рент, ведущих «буржуазный» образ жизни.

Автор, при этом, ставит достаточно актуальный вопрос: какая именно буржуазия совершила Революцию? Приводились цифры, согласно которым в Учредительном собрании и Конвенте торговцы, мануфактуристы и финансисты находились в явном меньшинстве (менее 10%). Тем самым ставился под сомнение буржуазный характер Революции [54, с. 110,111].

Теперь попробуем высказать собственное мнение по поводу затронутых здесь проблем, которые имеют более, чем актуальное значение не только для истории Франции, но и Китая.

Что касается феодализма, то его следует рассматривать как этап исторического процесса. Переход от одного этапа к другому всегда происходил революционным путем. Революции, как особое состояние общества, сопровождались качественными изменениями во всех сферах, в первую очередь, в «голове». Один тип сознания сменялся другим. На смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития социумов нового типа [24, с. 17].

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи), начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена и их объединения исторически к этому отношения не имели. То же самое относится и к реликтам романского населения.

К моменту феодальной революции (а это район 9-го века) уже не было ни того, ни другого. Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощенные регулярными набегами норманнов, привели к появлению общин, лишенных и варварского и латинского сознаний. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность в понимании Л.Васильева [10]

В период Меровингов и ранних Каролингов мы имеем не ранний феодализм, а процесс феодализации. Здесь следует обратиться к закономерностям биологической эволюции. При формировании групп организмов уровня класса появлению архетипа как совокупности базовых признаков, характеризующих данный тип организации, предшествовал период «зациии» - маммализации, орнитизации, рептилизации и т.д. Формирование архетипа млекопитающих сопровождалось появлением групп, которые имели отдельные признаки этого класса (в разных комбинациях). И только одна эволюционная ветвь, имевшая все 7 базовых признаков, дала начало их современному многообразию [47].

В процессе появления национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность остается у феодалов, которые трансформируются в дворян. Происходят кардинальные изменения в сознании, которые тонко подметил в своем бессмертном творении Сервантес. Начинается очередной период «зациии», предшествующий капиталистической эпохе и характеризующийся появлением многочисленных внешних признаков, характерных для данной общественно-экономической формации.

Исходя из вышеизложенного, теперь можно несколько по иному взглянуть на те проблемы, которые были поставлены А.Чудиновым. Власть французского короля, начиная с Людовика XIV, была ни кем и ни чем не ограничена. Однако, не смотря на внешний политический абсолютизм монарха, реальная картина распределения власти была намного сложнее. Здесь необходимо разобраться с тем, какую роль играла буржуазия в управлении государством.

Основным критерием принадлежности к буржуазии следует считать наличие состояния. Именно «состояния», а не капитала. Состояние могло иметь денежную форму, земельную, рентную (в виде облигаций государственного займа). Наконец, в форме должности, которая давала устойчивый доход, также как и другие виды состояний. Владельцы должностей могли передавать ее по наследству и стать, в конечном итоге, дворянином («дворянством мантии»).

Покупая должности и облигации государственного займа, буржуа тем самым кредитовали государство [34, с. 54; 35, с. 11]. Государство и господствующий класс постоянно нуждались в кредите. [42, с. 613]. Как известно, толчком к революции стал созыв Генеральных штатов, которые должны были решить проблему огромного государственного долга.

Не надо забывать, что приобретая должности, буржуа становились, в определенной степени, носителями суверенитета. Должность подразумевает сообщение государственного суверенитета частному лицу [42, с. 593]. Должностные лица здесь больше собственники должностей, чем чиновники, к тому же, в известном смысле, независимые от короны [35, с. 11, 12]. Можно сказать, что в XVII-XIII в.в. шел необратимый процесс отчуждения власти в пользу завоевывавшего все большую независимость аппарата в лице буржуа [22, с. 6].

В предреволюционной Франции не было капитализма как системы. О полном господстве капиталистических отношений здесь можно говорить не ранее середины XIX в. [43, с. 265]. В XVII-XVIII в.в. были лишь внешние его проявления и не более. Только Революция устранила все препятствия для формирования системы, где господствовали собственно экономические и политические законы.

Вообще, если внимательно рассмотреть структуру государств различного типа, существовавших с периода древности и до начала Нового времени, мы увидим интегративную целостность социумов в форме различного вида общин или корпораций. Собственно государства в узком смысле этого слова («estado» в Испании, «etat» во Франции) появляются в XV-XVI в.в. Для характеристики подобного рода интегративных образований можно использовать термин «ойкумена» [23]. В «государствах», имеющих структуру ойкумены, основными задачами управляющей элиты была защита населения и обеспечение хозяйственной деятельности. Каждая ойкумена занимала определенный «вмещающий ландшафт». Например, Римская империя сформировалась в пределах Средиземноморья. Ойкумену здесь следует рассматривать как систему, имеющую свои внутренние законы и в чем-то аналогичную биосфере.

В период собственно феодализма имеет место единая ойкумена (Христианский мир), которая начинает распадаться на отдельные нации-государства. Формируются корпорации сословного, профессионального, территориального характера. С одной стороны они защищали интересы своих членов, а с другой стороны – держали под контролем их личностный потенциал (активность). Цехи представляли собой эффективное средство контроля над наиболее беспокойными элементами городского населения – учениками и подмастерьями. Поэтому государство всячески поощряло подобного рода систему [21, с. 31,32].

Специфика ойкумены и ее законов заключается в единстве природного и социального. Эпидемии, природные катаклизмы и бунты (восстания) действуют по одним и тем же законам и представляют явления одного порядка. Человек Старого порядка полностью зависит от природы. Подавляющее большинство народных выступлений и в городе и в деревне имели характер продовольственных бунтов [52, с. 10]. Государство обычно действовало в этом случае по законам ойкумены – занималось раздачей зерна, регулировало вывоз хлеба [57, с. 47]. Попытки ввести свободную продажу хлеба (элементы рынка), противоречащую законам ойкумены, обычно резко обостряли ситуацию.

Корпоративная ойкумена препятствовала развитию капиталистических отношений. Высокий доход, который приносили деньги, вложенные в должность и откупа, отклоняли «капитал» от земледелия, промышленности, торговли [42, с. 615]. Можно сказать, что Революция устранила не «феодально-абсолютистский режим», а разрушила ойкумену корпоративного типа.

Еще в период раннего палеолита формируется единая Евроазиатская ойкумена, включающая Китай [23, с. 53,54]. Мы считаем, что расписная керамика Яншао, гончарный круг периода Луншань, технология изготовления бронзовых орудий, колесницы Шань-Инь имеют источником своего происхождения Западную Азию – как центр Евроазиатской ойкумены [9; 12]. В основе ойкумены лежат потоки информации. Например, конструктивно-техническое сходство колесниц в Европе, Передней Азии и Китае слишком очевидно [9, с. 276].

В конце II тыс. до н. э. наблюдаются структурные изменения в Евроазиатской ойкумене. Формируется Кочевая ойкумена на просторах Великой степи. В силу определенных причин происходит относительная изоляция Китая. Теперь он уже развивается как самостоятельная ойкумена, однако генетически продолжает оставаться частью Евроазиатской ойкумены. Подобного рода двойственность, по нашему мнению, как раз и определила «специфику» дальнейшего исторического развития Китая.

Гибель империи Хань положил начало периоду феодализации. Многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий имели признаки (в различных сочетаниях), характерные для феодализма. В Европе различия в феодальных «ветвях» носили в основном территориальный характер. Французский тип феодализма заметно отличался от немецкого, а тот от восточноевропейского. В Китае подобного рода различия наблюдалось во времени, вплоть до периода Тан.

Но сам феодализм как система («в китайском исполнении») появляется только в период империи Сун. В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался «с чистого листа», в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. В этом отношении Китай очень похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свою преемственность с Римской империей, но большую часть своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

В течение III-VII в. по-прежнему заметную роль, как в политической, так и хозяйственной сферах играли «сильные дома» [30, с. 38-42]. Клань цзун по-прежнему объединяли тысячи семей [48, с. 96].

В Китае «двойственность» ойкумены (о которой говорилось выше) была основной причиной нестабильности, что предполагало острую потребность в ручном ее управлении.

Отсюда исключительная роль централизованной системы управления со стороны «государства». Этому способствовало введение системы равных полей, которая предполагала жесткий контроль за хозяйственной деятельностью как крестьян, так и «феодалов» [20, с. 22].

В период династии Сун наконец появляются те землевладельцы, которых мы можем назвать феодалами и права собственности которых не обусловлены службой и чином [32, с. 122]. Расширение частных собственников идет в основном за счет освоения целинных земель [20, с. 139; 30, с. 125]. Освоенная земля всегда считалась бесспорной собственностью [19, с. 340]. Будущие феодалы выступают здесь как организаторы этого процесса в качестве частных лиц. Массовая внутренняя колонизация, в результате «великих расчисток XI-XII в.в.», стала основой экономического базиса развития феодализма в Западной Европе [3, с. 45,46].

Появляются крупные усадьбы [20, с. 139; 44, с. 95]. Их владельцы могли свободно распоряжаться своей собственностью, предавая по наследству, закладывая, продавая [50, с. 76]. В эпоху Сун складывается такая система эксплуатации, когда землевладельцы сдают землю в аренду крестьянам арендаторам. Отношения помещика и крестьянина-арендатора выходят на первый план и становятся ведущими до середины XX в. [32, с. 122, 123]. В этот период землевладельцами становятся чиновники, купцы, горожане, военные, ростовщики, крестьяне [33, с. 77].

Первым императором новой династии Мин Чжу Юаньчжаном была предпринята попытка провести реформы аналогичные тем, которые пытался осуществить Иван Грозный. Путем репрессий была устранена старая элита в лице чиновников, конфуцианских ученых, землевладельцев, военачальников. Речь шла о десятках тысяч людей [6, с. 162,163]. На их место приходили люди из формально непривилегированных слоев, которые своим положением были обязаны новой династии. Однако новому императору не удалось добиться желательной дееспособности нового чиновничьего аппарата. Бюрократизм, взяточничество, вымогательство, коррупция быстро стали характерными атрибутами функционирования последнего [7, с. 120]. Невершенный и противоречивый характер структуры ойкумены периода Мин в конечном итоге привел к ее деградации и гибели.

Подведем некоторые итоги. Феодальная революция в Китае носила неполный характер. В результате сформировался слабый потенциал развития, в отличие от Западной Европы. Основную роль сыграл фактор относительной изоляции Китая и «двойственный» характер положения ойкумены. Изоляция на уровне ойкумены всегда препятствовала технологическому и социальному прогрессу. В Новом Свете вследствие изоляции не было ни архаической, ни феодальной революций. То же самое относится к социумам Тропической Африки. Несмотря на то, что в Китае самостоятельно появились порох, бумага, компас – это не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, колонизации. Грандиозные морские экспедиции в начале династии Мин не имели дальнейшего развития [4].

После революций социумы, имеющие заметный потенциал развития проходят три основных стадии. Для Рима и Афин были характерны начальная (архаическая), классическая и инерционная стадии развития. В Афинах все основные реформы пришлись именно на классический период. В Китае, после феодальной революции, первые две стадии носили, в значительной степени, редуцированный характер. Реформы в начале династии Мин закончились провалом и Китай перешел в инерционную стадию развития.

В Западной Европе в абсолютистский период мы имеем полное разделение короля (как носителя политической власти) и народа. В Китае этого не было. Император и народ находились в определенном органическом единстве. Император воспринимался как организующий центр, как устроитель мира. Его власть не ограничивалась миром людей, а распространялась на всю природу в целом [36, с. 11; 38, с. 75], т.е. на ойкумену. Условная политическая самостоятельность императора носила не отделенный, а отчужденный характер. Тщетными были попытки превратить бюрократический аппарат в орудие исполнения воли императора [5, с. 169].

Инерционность развития, отсутствие каких-либо реформ привели к тому, что за 400 лет мало, что изменилось в Китае. Сформировавшаяся корпоративная система в городе и деревне внешне была похожа на западноевропейскую. Но в Европе к моменту революций капитализм находился в потенциальном состоянии и как только снимались ограничения, он начинал бурно развиваться. К тому же здесь член корпорации осознавал себя личностью, имеющую права. В Китае же корпорации обычно обеспечивали своих членов средствами существования. Корпорации были полностью зависимы от властей. Цеховая организация не служила средством защиты интересов от произвола чиновников, а использовалась государством для фискального и полицейского контроля над мастерским сословием [5, с. 232; 41, с. 55].

В деревне наблюдалась замкнутость крестьянских хозяйств в условиях господства натуральной экономики [40, с. 16]. Отношения между хозяином земли и ее держателем регулировались обычаями. В деревне доминировали клановые отношения. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана [49, с. 274]. Клановые играли большую роль в организации общественных работ (ирригации, борьбе с наводнениями, строительстве дорог, обеспечении порядка) [41, с. 193]. Здесь следует обратить внимание на очень важный момент. Крестьянина разоряла не «стихия» экономического рынка, а силы природы – засуха, наводнение, нападение саранчи и т. д., что ставило его полную зависимость от местных помещиков [41, с. 42]. В данном случае речь идет о действии законов ойкумены в рамках органического единства природных и социальных явлений. Действия природных факторов имели социальные последствия.

Что касается капитализма, то в СТГ не было никаких предпосылок, никаких условий для его самостоятельного появления. Все «капиталистическое» в Китае было следствием внешнего влияния, носило индуцированный характер. Полностью зависимый характер был характерен и для российского капитализма. Из всей внешней задолженности всех стран мира 1914 г. доля России составляла 31% (!) [18, с. 172].

Если в предреволюционные периоды европейская буржуазия представляла самостоятельную силу, то в Китае (также как и в других СТГ) – являлась органической частью государства-ойкумены, органически связанной с корпорациями. Здесь не просто незавершенность процесса складывания буржуазии в современный класс капиталистического общества, вследствие ее неоднородности и замедленности процесса ее консолидации [39, с. 28]. У китайских «буржуа» не могло самостоятельно появиться капиталистическое сознание. Компрадор оставался капиталистом до тех пор, пока служил европейскому капиталисту.

Отрицательное отношение к капитализму было характерно и для революционной элиты. Сунь Ятсен называл капитализм уродливым явлением, большим злом [46, с. 144]. В период, когда Гоминьдан находился у власти, оказывалось давление на предпринимателей, подавлялись их организации. Помещики и шэньши в сельской местности были поставлены под контроль партийных комитетов [45, с. 150]. Экономика носила автаркический характер. Была сформирована система государственного капитализма, слабо связанная с рынком.

В СТГ возможна только индустриализация под непосредственным руководством государства. Успешная капиталистическая индустриализация в Китае была проведена сыном Чан Кайши – Цзян Цзинго. И то в условиях компактного Тайваня, где отсутствует определяющее влияние законов ойкумены. Поработав в 30-е годы на заводах Союза и пройдя школу советских пятилеток Цзян Цзинго, став президентом после смерти отца, успешно использовал весь свой опыт в деле строительства современной экономики Тайваня.

#### **Литература:**

1. Барг М.А., Никифоров В.Н. Феодализм // БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 283-288.
2. Белов Е.А. Революция 1911-1913 годов в Китае. М.: Изд. Института востоковедения, 1958.
3. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: Изд. Иностранной литературы, 1957.
4. Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV-XVI в.в. М.: Наука, 1968.
5. Бокщанин А.А. Императорский Китай в начале XV века. М.: Наука, 1976.
6. Боровкова Л.А. О некоторых моментах аграрной политики Чжу Юань-Чжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М.: Наука, 1974. С. 152-172.
7. Боровкова Л.А. Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 116-133.
8. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. Цзян Цин и советник Дэн. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
9. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976.
10. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 60-99.
11. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука. 1983.
12. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I. М.: Восточная литература, 1995.
13. Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М.: Изографъ, 2005.

14. Глунин В.И. Политика Коминтерна в Китае (1921-1927) // Коминтерн и Восток. Критика критики. М.: Наука, 1978. С. 207-244.
15. Далин С. Очерки революции в Китае. М.Л.: Московский рабочий, 1927.
16. Делюсин Л. П. Китай: полвека – две эпохи. М.: ИВ РАН, 2001.
17. Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911-1913). М.: Наука, 1974.
18. Завалько Г.А. Понятие революции в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005.
19. История Китая. Минск: Харвест, 2004.
20. История стран Азии и Африки в средние века. М.: Изд. МГУ, 1968.
21. Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 года. М.: Изд. МГУ, 1985.
22. Кожокин Е.М. Государство и народ: от Фронды до Великой Французской революции. М.: Наука, 1989.
23. Кондорский Б.М. Концепция «ойкумены» и законы биологического пространства // Природа: общее и особенное. Серия «Социоестественная история». Вып. XXV. М.: Энергия, 2011. С. 53-57.
24. Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч.2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16-28.
25. Кондорский Б.М. Взгляд на некоторые события 19-20-го веков с позиций теории революционного периода // Проблемы геополитики, истории, международных отношений, государственной безопасности. Сборник статей международной конференции. СПб.: Изд. Политехнического университета, 2014. С. 57-62.
26. Кондорский Б.М. Предпосылки первой мировой войны с точки зрения концепции революционного периода (национальный аспект). Первая мировая война и национальный вопрос. Сборник докладов международной научной конференции. Пермь: Изд. ПГНИУ, 2014. С. 87-90.
27. Кондорский Б.М. Теоретические аспекты революционных событий в арабских странах // XXVI Ливадийские чтения. Ялта, 2014. С. 31-32.
28. Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч.1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134-150.
29. Крип Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западное Чжоу. СПб.: Евразия, 2001.
30. Крюков В.К., Малявин В.В., Софонов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.
31. Кузнецов В.С. Синьхайская революция в Китае // Вопросы истории. 2004, № 10. С. 3-21.
32. Кычанов Е.И. Право и личность в старом Китае // Личность в традиционном Китае. М.: Восточная литература, 1992. С. 117-140.
33. Лапина З.Г. Политическая борьба в средневековом Китае (40-70-е годы XI в.). М.: Наука, 1970.
34. Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 г. г. Л.: Наука, 1982.
35. Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991.
36. Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Наука, 1983.
37. Маомао Мой отец Дэн Сяопин. «Культурная революция»: годы испытаний. М.: Муравей-Гайд, 2001.
38. Мартынов А.С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972, № 5. С. 72-82.
39. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана 1927-1949. М.: Наука, 1977.
40. Непомнин О.Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М.: Наука, 1966.
41. Непомнин О.Е. Экономическая история Китая (1864-1894 г.г.). М.: Наука, 1974.
42. Поршнева Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948.
43. Ревакин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. С. 246-267.
44. Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М.: Наука, 1974.
45. Социальная структура Китая: XIX – первая половина XX в. / под ред. О.Е.Непомнина. М.: Наука, 1990.
46. Сунь Ят-сен Избранные произведения. М.: Наука, 1964.
47. Татаринцев Л.П. Палеонтология и закономерности филогенеза низших наземных тетрапод // Палеонтологический журнал. 1972, № 3. С. 121-133.
48. Тюрин А.Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае III-VIII в.в. М.: Наука, 1980.
49. Тяпкина Н.И. О традиционных социальных институтах китайской деревни первой половины XX в. // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. II. М., 1976. С. 271-279.

50. Фань Вэнь-лань Древняя история Китая. От первобытного строя до образования централизованного государства. М.: Изд. АН СССР, 1959.
51. Ходоров А.Е., Павлович М.П. Китай в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедов, 1925.
52. Чеканцева З.А. Из истории народных движений Франции в 1715-1786 годах // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. С. 7-36.
53. Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007.
54. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007.
55. Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М.: ИВ РАН-Крафт, 2013
56. Шорт Ф. Мао Цзэдун. М.: АСТ, 2001.
57. Энгельгардт Р.Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII – начале XVIII в. Кишинев: Штиинца. 1976.

## КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПАОШОУ НА ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ КРЫШАХ

Корнильева Т.И.,  
СПбГУ

В Китае крыши официальных зданий, храмов, беседок, арок и даже домов простых горожан часто бывают украшены фигурками зверей и птиц. Эти зооморфные элементы называют общим словом *цзишоу* (脊獸, «животные на коньке крыши»), *вашоу* (瓦獸, «черепичные животные») или *шэньшоу* (神獸, «волшебные животные»). Среди *цзишоу* выделяется группа небольших фигурок, которые располагаются непосредственно на ребрах крыш, их называют *сяошоу* (小獸, «маленькие животные»), *цзоушоу* (走獸, «сухопутные животные»), *дуньшоу* (蹲獸, «сидящие животные»), *сяопао*, (小跑, «маленькие бегущие») или *паошоу* (跑獸, «бегущие животные»). В данной статье мы их будем называть *паошоу*.

Рассмотрим основные скульптурные элементы убранства китайской крыши:

*Чивэнь* (鴟吻) (*чивэй*, 鴟尾, *чжэньвэнь*, 正吻, *давэнь*, 大吻) – парный элемент, находится на концах конька крыши, выполняется в виде существа «заглатывающего» главную балку крыши.

*Бэйшоу* (背獸) – маленький зверек, «охраняющий» тыл *чивэня*.

*Ваншоу* (望獸) – «смотрящий зверь», располагается вместо *чивэня*, и от него отличается тем, что обращен мордой не к балке, а наружу. Кроме того, использование Ваншоу говорит о том, что статус здания ниже, чем у зданий с *чивэнем*. Иногда его также называют *чивэнем* и считают подвидом.

*Туньшоу* (吞獸) «глотающий зверек». Внешне выглядит как *чивэнь*, но меньше размером. В отличие от *чивэня* заглатывает не главную балку, а второстепенные.

*Чуйшоу* (垂獸) и *Цяншоу* (餞獸) внешне зачастую отличаются от *ваншоу* только размером, их названия обусловлены местоположением: *чуйшоу* завершает собой ребро фронтальной и боковой плоскостей крыши, а *цяшоу* – элемент, находящийся за *паошоу*, им завершается ребро двухкарнизной полувальмовой крыши

*Таошоу* (套獸) – элемент в виде звериной головы, который либо выглядывает из-под угла крыши, либо служит его окончанием.

*Паошоу* (跑獸) – ряд «бегущих животных» на ребрах крыши, часто возглавляются фигуркой бессмертного-*сяньжэня* (仙人)

Следует подчеркнуть, что перед нами названия архитектурных деталей китайской традиционной крыши, а не названия неких мифических животных (за исключением *сяньжэня* и отчасти *чивэня*<sup>1</sup>). Вышеперечисленные элементы (кроме *паошоу* и, конечно же, *сяньжэня*) чаще всего изображаются в виде драконов или львов, но могут быть выполнены и в виде самых разных существ.

Задачей данной работы будет определение состава *паошоу*, анализ культурологического наполнения наиболее часто встречаемых из них и выявление функционального назначения *паошоу*.

Судя по сохранившимся изображениям, украшать крыши фигурками животных стали еще в династию Хань (206 до н. э. – 220 н. э.), но кодификация убранства крыш зданий происходит только в династии Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912). Самое большее количество различных неповторяющихся *паошоу* – десять – находится на крыше зала «Великой гармонии» (*Тайхэ дянь*, 太和殿) – это самый главный павильон в императорском дворце Гугун в Пекине, там проходили коронации и отмечались только самые важные праздники, такие как Новый год, свадьба, или день рождения императора. На крышах строений ниже по рангу и на пристройках мы видим меньшее количество *паошоу*.

<sup>1</sup> Дело в том, что *чивэнь* – это не только название архитектурного элемента, расположенного по концам конька крыши, но и мифическое существо, которое почитается как один из сыновей дракона.



Например, на крыше «Дворца Небесной Чистоты» (*Цяньцингуан*, 乾清宮), где жили и занимались ежедневными государственными делами императоры династий Мин и Цин, находятся девять *паошоу*. На крыше «Дворца Земного Спокойствия» (*Куньнингуан*, 坤甯宮), где располагались спальные покои императрицы, семь *паошоу*. На шести расположенных к востоку и западу дворцах, в которых жили наложницы, – по пять *паошоу*. А в соседних пристройках и того меньше – три или даже один *паошоу* [16; 134]. Согласно правилам число *паошоу* должно быть нечетным, так как это положительные, «янские» числа (хотя бывают и исключения, как, например, на крыше «Тайхэдянь»), но самое главное, должен сохраняться порядок расположения животных. При уменьшении количества *паошоу* сокращать их начинают с дальнего от края крыши края. В «Своде законов династии Цин» (*дацин хуйдянь*, 大清會典), сказано, что порядок черепичных животных на крыше должен быть следующим: дракон, феникс, лев-*шицзы*, небесный конь *тяньма*, морской конь *хайма*, *суаньни*, *яюй*, *сечжи*, *доуню* и *ханши*, из них небесный и морской конь, а также *суаньни* и *яюй* могут меняться местами [11; 36].

Рассмотрим поподробнее вышеперечисленных животных:

**Дракон** (*лун*, 龍), символ императорской власти и одновременно повелитель водной стихии, удивительно, что он идет первым. Его еще называют Драконом-правителем над четырьмя морями (*сы хай лун ван*, 四海龍王). Примечательно, что в системе Небесной канцелярии божества *Дунъюэ Дади* главой Департамента духов дождя является Лун-ван (龍王), Князь Драконов, сочетающий сразу несколько архетипов божеств, и в первую очередь архетип дракона [3; 75]. Чаще всего в составе *паошоу* изображается дракон, у которого вместо лап с когтями, как это свойственно наиболее распространенной иконографической традиции, изображаются копыта, что формально делает его похожим на мифическое животное *цилня*. Тем не менее, считается, что здесь именно дракон. Впрочем, на коньках крыш встречаются и более ортодоксальные иконографические варианты.

**Феникс** (*фэн*, 鳳), глава над птицами, в паре с драконом является символом императрицы. Кроме того, феникс был символом человека, обладающего совершенными добродетелями. Изображается в виде условной птицы, которую в данном контексте непременно распознают как феникса.

**Лев** (*шицзы*, 獅子), в Китае его, как и тигра, называют «царем всех зверей» (*бай шоу чжи ван*, 百獸之王). В Китае лев в принципе изображается довольно условно, и только наличие гривы у этого животного может нам подсказать, что это все-таки лев. Внешне он мало чем отличается от животного *суаньни* (см. ниже).

О следующих двух фигурках логичнее говорить вместе - это **Морской конь** (*хайма*, 海馬) и **Небесный конь** (*тяньма*, 天馬). Прежде всего, следует вспомнить, что издревле словосочетанием «небесный конь» называли быстрых скакунов. Что касается морского коня *хайма*, то, вероятно, он имеет некоторое отношение к драконьему коню *лунма* – тому самому, который явился первоначально Фу Си из реки Хуанхэ. На спине *лунма* были начертана схема, на основе которой Фу Си создал порядок расположения триграмм. Под Пекином в местечке Цзюйюань в воротах храма Покровителя коневодства Ма-ван мяо (馬王廟) на противоположных стенах размещены изображения *лунма* и *тяньма*, и надпись к изображениям гласит: «Драконий конь приносит книги, Небесный конь мчится по воздуху» (*Лунма то шу, Тяньма син кун*, 龍馬駝書, 天馬行空). Другими словами здесь в пару к Небесному коню ставится именно Драконий конь. Как бы там ни было в любом случае *тяньма* и *хайма* несут в себе идею быстрого передвижения по небу и под водой. В составе *паошоу* Небесный конь отличается от Морского только наличием крыльев за спиной.

**Яюй** (*押魚*) или *сяюй* (*狎魚*), мифическое морское существо. В словаре Шовэнь<sup>1</sup> сказано что *я* (*狎*) – это собака, умеющая летать. По легендам *яюй* мог поднимать ветер и вызывать дождь, поэтому защищал от пожаров. Внешне это существо изображается очень похоже на дракона, но на его передних лапах есть пальцы, а вместо задних лап рыбий хвост; тело, как и у дракона, покрыто чешуей. Иногда изображается в виде рыбы.

**Суаньни** (*狻猊*), также встречаются варианты наименования *цинъни* (*金猊*) и *линни* (*靈猊*). Сейчас его принято называть «морским львом». Слово «суаньни» встречается уже в первых китайских словарях Эръя и Шовэнь, там ему дается следующее толкование: «похож на кошку с редкой шерстью, ест тигров и леопардов» (*狻麀, 如虬貓, 食虎豹*). Комментаторы и исследователи единодушны во мнении, что под «суаньни» имеется в виду именно лев. С точки зрения фонетики вполне можно допустить, что в Китае в древности иероглифами «суаньни» транскрибировалось слово, вероятно, из тюркских языков, обозначавшее просто «лев» (сравни тур., тат. *arslan*, тур., азерб., карач., балкар., крым.-тат. *arslan* [6, Т.3; 674]). В «Большом китайском энциклопедическом словаре» слово «суаньни» возводят древнеиндийскому слову, также означавшему «лев» [20; 21-305] (ср. санскр. *siṃha*). В дальнейшем, с династии Хань постепенно ему на смену пришло слово «шицзы», которое, вероятно, было заимствовано через тохарские языки [20; 21-305] и восходит к персидскому «шер» - «лев». В свою

<sup>1</sup> Шовэнь цзецзы («Толкование знаков и разбор иероглифов») 说文解字 второй по древности после Эръя (尔雅) китайский словарь, был составлен в 121 г. н. э. Сюй Шэнем (许慎), включает разъяснения около 10 тыс. иероглифов.

очередь слово «суаньни», оказавшись вытесненным из обихода, стало обозначать некоего мифического зверя, которого иногда еще называют *суаньни-шицзы* – лев-суаньни (狻猊獅子). Впоследствии ему приписали фантастические черты, например, говорят что, в отличие от *шицзы*, это «морской» лев, он может усмирять огонь и уменьшать несчастья, и к тому же любит сидеть, поэтому изображается на ножках курильниц в храмах. Согласно другим легендам, он «за день преодолевает тысячу ли и приносит письма» [17; 108]. В довершение всего *суаньни* стали считать одним из Девяти сыновей дракона (*Лун шэн цзю цзы*, 龍生九子). Изображается *суаньни* очень похоже на льва-*шицзы*, но, может быть, не с такой пышной гривой.

*Сечжи* (獬豸, 獬廌 или 解豸, *чучжи* 觸豸, или *линчжи* 靈豸). По преданию у мудрого судьи древности Гао Яо, помощника легендарного императора Шуня (или по другой версии Яо) было волшебное животное *сечжи*, похожее либо на барана или корову, или даже на оленя, но с одним рогом, либо на медведя с зеленой шкурой. Этот зверь умел различать правду от кривды, и во время суда бодал виновного. Благодаря этому *сечжи* стал олицетворением праведного суда, и впоследствии непременно ассоциировался с юриспруденцией и правосудием – вот почему даже шапка судьи называется «шапка *сечжи*» (*сечжи гуань*, 獬豸冠, *сегуань*, 獬冠), а в династию Цин *сечжи* изображали на нагрудно-наспинных нашивках-буфанах, служивших знаками отличия, костюма *дуюйши* (цензор) [4; 107]. Изображение *сечжи* можно встретить в ямэнях Китая. Более того, в древней разнописи иероглифа «закон» 灋 (совр. 法) присутствует элемент «единорог» 廌. В словаре Шэвэнь этому иероглифу дается следующее толкование: «Закон – суть наказание. [Он должен быть] ровным (справедливым), как вода, поэтому есть элемент «вода»; [присутствует] элемент 廌 [так как он должен] «бодать» неправедность, и устранять ее, [поэтому есть] элемент 去 «устранять»» (*син е. пин чжи жу шуй, цун шуй; чжи, со и чу бу чжи чжэ; цюй чжи, цун цюй, 刑也. 平之如水, 從水; 廌, 所以觸不直者; 去之, 從去*). Это еще раз служит подтверждением нерушимой ассоциации между единорогом *сечжи* и правосудием. Таким образом, появление *сечжи* в составе *паошоу* на крышах правительственных зданий вполне обосновано. Судя по всему, хотя и существует описание, как выглядел *сечжи*, но канонического варианта изображения нет, к примеру, в составе *паошоу* он выглядит крайне похоже на фигурку дракона, но без чешуи. Примечательно, что и рогов у него в данном виде, как и у дракона, два. Однако, несмотря ни на что, китайцы безапелляционно называют этого персонажа единорогом *сечжи*.

*Доуню* (鬥牛), некоторые исследователи считают, что это *цю-лун* (虯龍), маленький рогатый дракончик [25; 37], иногда его считают мифическим животным *хоу* (吼) [18; 144]. Почитается как один из сыновей дракона. *Доуню* изображается с головой быка, правда рог (или рога?) у него расположены по центральной линии головы. Тело же у него абсолютно идентично телу дракона.

*Ханши* (行什). Дословно «*ханши*» означает «десятый в ряду», эта скульптура появилась среди *паошоу* на крыше павильона Тайхэдянь только в династию Цин во время правления императора Канси [18; 146]. Существует два объяснения, что же это за существо: первое - что это некая «крылатая обезьяна», второе - что это бог грома Лэй-гун (雷公). На самом же деле оба объяснения верны и в некоторой степени даже не противоречат друг другу. Прежде всего надо сказать, что в древности подмастерья, для того чтобы запомнить порядок *паошоу*, заучивали определенную ритмичную последовательность, в которой говорилось: «Один – дракон, два – феникс, три – лев, четыре – небесный конь, пять – морской конь, шесть лев-суаньни, семь рыба, восемь – единорог-се, девять – хоу, десять – обезьяна» (*и лун, эр фэн, сань шицзы, сы тяньма, у хайма, лю суаньни, ци юй, ба се, цзю хоу, ши хоу, 一龍、二鳳、三獅子、四天馬、五海馬、六狻猊、七魚、八獬、九吼、十猴*) [18; 144]. Однако, если мы посмотрим на саму фигуру, становится совершенно очевидно, что это не обезьяна: у него человеческий торс и руки, птичий клюв и лапы, за спиной крылья, в руках держит скипетр-ваджру, из одежды у него короткая накидка на плечах и набедренная повязка. Это совершенно стандартное изображение бога грома Лэй-гуна<sup>1</sup>. Между тем и стишок мастеровых имеет под собой основание. Если посмотреть глубже на развитие образа Лэй-гуна, то оказывается, что он претерпел множественные трансформации, прежде чем предстать в привычном нам облике. В «Каталоге гор и морей»<sup>2</sup> (цзюань 30) [7] сказано, что у бога грома тело дракона, голова человека, бьет себя по животу, поэтому происходит гром. В династию Восточная Хань (25–220) Лэй-гун принимает полностью антропоморфный вид и у него появляется барабан для выполнения своих обязанностей, но уже после Хань, в период с 220 по 589 г., у Лэй-гуна опять появляются звериные черты. Начиная со времени династий Тан (618-907) и Сун (960–1279) Лэй-гун снова приобретает антропоморфный облик, теперь у него появляется еще и жена и сын [18; 145]. Во время правления Мин и Цин, вероятно, под влиянием образа индийской мифической птицы *гаруды*, пришедшего в Китай вместе с буддизмом, у Лэй-гуна окончательно форми-

<sup>1</sup> Лэй-гун и его супруга Дянь-му (电母) – китайские божества грома и молнии. Для создания шумового эффекта Лэй-гун в руках держит молот и барабан, а Дянь-му создает молнии с помощью двух круглых зеркал. В системе Департаментов Дунъюэ Дади оба персонажа входят в состав Департамента духов дождя, который ведает вопросами наводнений и гроз [3; 87].

<sup>2</sup> «Каталог гор и морей» (*Шань хай цзин*, 山海经) – древнекитайский трактат, в котором собраны реальные и мифические сведения об окружающем Китай мире, относится кон. III - нач. II в. до н.э..

руется знакомый нам облик, причем перечисленные выше отличительные черты иногда могут дополняться такими особенностями как красный цвет лица, третий глаз во лбу и иногда рога. Нижняя половина лица иногда изображается в виде птичьего клюва, а иногда просто выдающейся вперед заостренной книзу формы. Эта его особенность действительно иногда делает его похожим на обезьяну. С другой стороны, в романе «Путешествие на Запад» на протяжении всего повествования главного героя - царя обезьян Сунь Укуна – многократно ошибочно принимали за Лэй-гуна: его либо напрямую называют Лэй-гуном (напр. гл. 14), либо говорят, что это «Лэй-гуном с лицом, поросшим шерстью» (*маолянь Лэй-гун*, 毛臉雷公) (напр. гл. 3), либо описывают его как «монаха с лицом, поросшим шерстью, и ртом Лэй-гуна» (*маолянь Лэй-гун цзуй дэ хэшан*, 毛臉雷公嘴的和尚) (напр. гл. 17) [5]. Приняв во внимание генезис образа Лэй-гуна, а также особенности его внешности становится понятно, почему его в обыденной речи его могут называть «крылатой обезьяной».

Появление десятого персонажа на крыше зала Тайхэдянь среди *паошоу* можно объяснить и чисто техническими требованиями [подробнее см. 18]. Между тем нам кажется, что гораздо важнее был смысловой подтекст. Во-первых, надо было подчеркнуть особый уникальный статус зала «Великой гармонии». Во-вторых, выбор именно Лэй-гуна обоснован – он бог грома, а значит, при пожаре также может помочь обуздать огонь. И в-третьих, все вместе эти десять фигурок символизировали «Десять благих предзнаменований в полном сборе» (*ши сян ци цюань*, 十樣齊全), или по другой трактовке «Совершенство» (*ши цюань ши мэй*, 十全十美, дословно «на десять из десяти цельный, на десять из десяти прекрасный»).

Лэй-гун (*ханши*) изображается десятым в ряду *паошоу* на крыше зала Тайхэдянь, и, если в зданиях ниже рангом количество *паошоу* уменьшается, начиная с последнего, можно было бы предположить, что Лэй-гун только там и встречается, однако это не так. Например, в городе Чжэндин, пров. Хэбэй, в храме Процветания (*Лунсин-сы*, 隆興寺), на крыше Павильона Сострадания (*дабэй-гэ*, 大悲閣), есть изображение Лэй-гуна среди *паошоу*: там фигурок меньше и не соблюдается принятый в императорских зданиях порядок расположения.

Как мы видим, очень многие из перечисленных *паошоу* так или иначе связаны со стихией воды. Это обусловлено тем, что в Древнем Китае дома строили из дерева и часто случались пожары, поэтому на крышах особо значимых объектов и размещали изображения существ, которые могли бы обеспечить противопожарную безопасность.

Перед *паошоу*, как это уже было сказано выше, часто имеется фигурка бессмертного на птице (*сяньжэнь*, 仙人). В строгом смысле он должен идти первым, чтобы «указывать путь» остальным, однако в провинциальных районах эта традиция не всегда соблюдается и *сяньжэнь* может располагаться среди животных или даже позади них.

Вероятно, генетически изображение сяньжэня восходит к изображению буддийской райской птице-калавинке – мифическом создании с телом птицы и головой человека (кит. *цзялипинцзя*, 迦陵頻伽, сокр. *пинцзя*, 頻伽, *пинцзяняо*, 頻伽鳥). Керамические фигурки *калавинок* украшали крыши дворцов тангутского государства Сися (1038–1227), о чем свидетельствуют многочисленные археологические раскопки. Судя по всему, в определенный момент образ *калавинок* был переосмыслен на даосский лад и таким образом приобрел вид летящего на птице бессмертного.

*Сяньжэнь* одет в даосское платье, волосы убраны в высокий узел, иногда изображается в шляпе. *Сяньжэней* могут изображать молодыми, тогда у них нет бороды, либо в зрелом и пожилом возрасте, тогда с бородой. Птицу, на которой летит бессмертный, называют и фениксом, и журавлем, и даже курицей. В редких случаях, как в летней резиденции цинских императоров Ихэюань, на северо-восточных коньках ворот Пайюньмэнь (排雲門) и крыше зала Пайюньдянь (排雲殿) можно увидеть *сяньжэня* восседающим на драконоподобном существе. Китайский исследователь Хань Чанкай считает, что, возможно, это каким-то образом связано с тем, что на северо-востоке находилась родина предков правящей династии дома Цин, манчжуров [17; 108], однако ясности в этом вопросе пока нет.

В декоре крыш *сяньжэни* не единственно возможные антропоморфные персонажи. Очень часто встречаются фигурки храбрых воинов, одетых в латы. Это так называемые «Охранники сторон света» (*тяньван*, 天王, санскр. *Локапала*), защитники четырех сторон света. Их еще могут просто называть богатырями (*лиши*, 力士) или воителями (*уцзян*, 武將). Главная задача этих персонажей – охранять дом от несчастий. Кроме того, в особенности на юге Китая, также нередко можно встретить отдельные фигурки или даже группы людей - это могут быть даосские или буддийские божества, или же герои легенд и опер.

На крышах храмов тоже могут присутствовать *паошоу*. Это могут быть как *паошоу*, представленные на крыше зала «Великой гармонии», так и другие благовещие фигурки. Первые, в частности, в буддийских храмах приобретают несколько иную, религиозную коннотацию. Так лев, в буддизме ассоциирующийся с Буддой Шакьямуни, символизирует защиту учения и беспредельную силу Дхармы. Небесный и морской конь, призваны напомнить, что мудрость и величие буддизма распространяется повсюду, пронзая небеса и моря.

Если же на крыше храма присутствуют *паошоу* не из перечисленных выше, то в зависимости от того, кому посвящен этот храм и конкретный зал, в каждом случае мы получаем свое объяснение. Так на Тайване, в городе Тайнань, на крыше главного павильона храма Конфуция *паошоу* представлены в виде одинаковых птиц, которых трактуют как символическое изображение сов. В китайской культуре к совам сформировалось негативное отношение, к ним относились с предубеждением, называя их «непочтительной к родителям птицей» (*бусяо няо*, 不孝鳥): считалось, что птенцы сов, когда подрастают, заклеивают своих матерей. Таким образом, совы стали олицетворением зла и алчности, метафорой «маленького человека» (*сяожэнь*, 小人). Изображение их на крыше Кун-мяо означает, что сила учения Конфуция настолько велика, что способна перевоспитать даже животных.

На крышах храмов иноземных религий, могут появляться совершенно несвойственные китайской культуре изображения, несмотря на то, что в целом архитектура здания типично традиционная. Рассмотрим, например, крыши двух зданий, расположенных на территории посольства РФ в Пекине, так называемой «Красной фанзы» - храма во имя Святителя и Чудотворца Иннокентия Иркутского, а также павильона «Сибайдянь» («Западный белый павильон», 西白殿), находящемся по соседству (сейчас в нем располагается посольская гостиница). Здесь *паошоу*, *чуйшоу*, *ваншоу* и *таошоу* выполнены в виде голубей, что в данном случае должно символизировать Святой Дух. Безусловно, использование таких декоративных элементов - это дань китайской традиции, и *паошоу* в данном случае, видимо, несет исключительно декоративную функцию.

Официально на крышах домов простых жителей, конечно, не могли изображаться драконы и фениксы – символы императорской власти. Там *паошоу* – это фигурки львов, лошадей, коров, баранов, рыб, орлов, уток, голубей, куриц т.п.. Однако для китайцев дракон - пожалуй, самое почитаемое существо, поэтому подальше от столичных городов, в особенности в Южном Китае, где фантазию архитекторов уже никто не ограничивал, на крышах можно увидеть драконов в самых разных видах.

В декоре крыш *паошоу* присутствуют не только у ханьцев. В провинции Юньнань среди народностей *бай*, *и*, *наси*, и в том числе у ханьцев, распространен обычай помещать на крышу фигурку тигра, которого они называют «черепичный кот» (*вамао*, 瓦貓) [12; 18] (его еще могут называть «тигр, охраняющий конек крыши» (*чжэньцзи ху*, 鎮脊虎) или «тигр, контролирующий конек крыши» (*цзянцзи ху*, 降脊虎)). Этот тигр, как считается, не только уберегает от пожаров, но и защищает от нечисти, охраняет дом, а также приносит богатство. Его могут помещать на ребрах крыш, но чаще он встречается посередине главного конька. В каждом районе есть свои варианты изображения *вамао*, и в них очень любопытно вплетены элементы китайской традиционной культуры.

#### Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

– Несмотря на то, что существует «официально признанный» набор *паошоу*, на крышах храмов и домов простых горожан могут использовать изображения практически любых зверей и птиц, как мифических, так и настоящих.

– В использовании *паошоу* можно выявить несколько функций. Прежде всего, это статусная функция. Здесь нельзя не отметить, что наиболее полно эта функция проявлялась в больших городах в убранстве крыш административных зданий, где существовала строгая система использования этих элементов. Однако чем дальше от столиц, тем более свободно и творчески подходили к использованию *паошоу*. Не менее важными, но практически повсеместными являются две тесно между собой связанные функции - это обережная, так как *паошоу* выполняют роль защитников от пожаров и злых духов, и благопожелательная, поскольку они привлекают в дом счастье и богатство. Ну и, конечно же, во всех случаях использование *паошоу* несет эстетический характер, выгодно оживляя силуэт зданий.

#### Литература:

На русском:

1. Манакова Т.Б., Красная Фанза Российского Посольства в Пекине. Островок Православия в Китае. Гонконг-Пекин, 2007
2. Сомкина Н.А. Звери, которые живут на крыше // Институт Конфуция. Вып. 2, сентябрь 2010
3. Сторожук А.Г., Корнильева Т.И., Завидовская Е.А., Духи и божества китайской преисподней, 2012
4. Сычевы Л.П. и В. Л., Китайский костюм. Символика. История. 1975
5. У Чэньэнь, Путешествие на Запад. Т.1-4, М., 1994
6. Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. 2003
7. Каталог гор и морей. Шань хай цзин, предисловие, перевод и комментарий Э.М. Яншиной. М., 2004
8. Юань Кэ, Мифы Древнего Китая, М., 1966

На китайском:

9. Ван Цицзюнь, Чжунго чуаньтун цзяньчжу удин (Крыши китайский традиционных зданий) 王其鈞: 中國傳統建築屋頂, Пекин, 2009
10. Ван Юэцзюнь, Гудай цзяньчжу шан ме хо я се я жи у — вэньшоу хэ цзоушоу (Вэньшоу и цзоушоу - животные на крышах древних строений, тушащие огонь и отвращающие несчастья) 王樂群: 古代建築上滅火壓邪之物——吻獸和走獸 // Аньхуэй сяофан (Журнал «Аньхуэйский пожарный»)安徽消防, №9, 1993
11. Вань Вэньган, Гугун удин фэйцинь цзоушоу дэ сяньчжэн ии (Символика изображений птиц и зверей на крышах Гугуна) 故宮屋頂飛禽走獸的象徵意義 // Вэньюань: мэн (Журнал «Литературный мир: ростки») 文苑: 萌 №3, 2012
12. Дайцзян Маин, Уцзи шан дэ цзинлин — вамао (Черепичные коты – Душа крыш) 戴江馬瑩: 屋脊上的精靈——瓦貓 // Цзиньжи миньцзу (Журнал «Народности сегодня») 今日民族, №2, 2013
13. Лю Вэньлян, Син Мэйянь, Чжунго чуаньтун вэньхуа шиюй чжун хуанцзя цзишоу дэ мэйсюэ июнь (Эстетическое наполнение животных на коньках крыш императорских зданий с точки зрения китайской традиционной культуры) 劉文良, 邢美豔: 中國傳統文化視域中皇家脊獸的美學意蘊 // Мэй юй шидай: шан бань юэ (Эстетика и эпоха (ч.1)) 美與時代 (上半月) №9 2011
14. Мэй Хуншэн, Си Сицзюнь, Хэцин байцзу вамао («Черепичные коты» народности бай в уезде Хэцин) 每紅生, 奚錫鈞: 鶴慶白族瓦貓 // Цзиньжи миньцзу (Журнал «Народности сегодня») №6, 2005
15. Се Яньу, Цзишоу бин фэй цзоутоу у лу («Фигурки животных на крыше – это вовсе не дорога в никуда») 謝炎午: 脊獸並非走投無路 // Чжунхуа шоугун (Журнал «Ремесла Китая»)中華手工, №11, 2012
16. Тан Вэньлин, Шэнчжуан дэ да у дин — чуаньтун цзяньчжу дэ удин вэньхуа (Богато украшенные крыши – культура кровель традиционных зданий) 唐文林: 盛裝的大屋頂——傳統建築的屋頂文化 // Шаоян сюэюань сюэбао (шэхуй кэсюэ бань) (Журнал Шаоянского университета (выпуск: Социальные науки)) 邵陽學院學報 (社會科學版), Т.6 №4, 2007 (6)
17. Хань Чанкай, Цзишоу. (Животные на коньках крыш) 韓昌凱: 脊獸 Пекин, 2011.
18. Хуан Симин, Тайхэдянь ханши сянгунь вэньти таолунь (К вопросу о фигуре Ханши на крыше зала Тайхэдянь) 黃希明: 太和殿行什相關問題討論 // Гугун боюань юанькань (Журнал «Музей Гугун») 故宮博物院院刊, №2 (172), 2014
19. Хун Шань, У Вэй, Каокуй Тайхэдянь шан дэ явэйшоу - ханши (Ханши – последний персонаж в ряду черепичных животных на крыше зала Тайхэдянь) 洪山, 吳衛: 考窺太和殿上的壓尾獸——行什 // И Хай (Журнал «Море искусства»)藝海, №1, 2013
20. Чжунго да байкэ цюаньшу (Большой китайский энциклопедический словарь) 中國大百科全書, Пекин, 2009
21. Чжунго цзяньчжу туцзе цыдянь (Словарь китайской архитектуры в иллюстрациях)中國建築圖解詞典, Пекин, 2006
22. Ши Цзин, Чуаньтун ишу чжи мэй - Ганьсу цзишоу ишу вэньхуа дяоча (Эстетика традиционного искусства – исследование искусства и культуры убранства крыш провинци Ганьсу) 石晶: 傳統藝術之美——甘谷脊獸藝術文化調查與研究 // Ишу юй жэньвэнь: сюэшу бань (Искусство и культура: научное издание) 藝術與人文: 學術版, №6, 2010
23. Шовэнь цзецзы (Комментированный словарь «Шовэнь цзецзы»). Сост. Сюй Шэнь, коммент. Дуань Юйцай. 說文解字注. 許慎撰, 段玉裁注. Шанхай, 1981.
24. Эр ши сы ши (Двадцать четыре династийных историй) 二十四史, Тяньцзинь, 1999., Т.1-8.
25. Юань Хуа, Чуаньтун уцзи шан дэ вэньхуа цянсьи (Краткий анализ культуры традиционных крыш) 袁華: 傳統屋脊上的文化淺析 // Чжэцзян гуншан чжие шусюэюань сюэбао (Журнал Чжэцзянского института бизнес технологий) 浙江工商職業技術學院學報. Чжэцзян, Т.5, № 3, 2006

## «РОМАН ХЭ ЦЗЯНЬМИНА «СЛЕЗЫ—ЗОЛОТО» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ».

А.Н. Коробова,  
ИДВ РАН

Документальная проза (报告文学 *баогао вэньсюэ*) стала одним из основных жанров китайской литературы 1980-х гг.— начала 1990-х гг.

Можно было бы предположить, что произведения документальной прозы, как сугубо конъюнктурные, могут быть востребованы в течение определенного отрезка времени и быстро уйдут со сцены. Однако в Китае эти книги переиздают вновь и вновь, они востребованы, их обсуждают читатели (в том числе в Интернете). Почему?

Уже на первом этапе появления документальной прозы в новейшей китайской литературе магистральными стали два направления — тема осмысления последствий «культурной революции» и, в более широком смысле, судьбы китайской интеллигенции. Документальная проза в 1980-х гг. находилась в мейнстриме китайской литературы; этот процесс был связан с широким распространением очерковой и мемуарной литературы — воспоминаний о «культурной революции». Начиная с 1978 г. и до конца 1980-х гг. главенствующими в литературе Китая были «литература шрамов» и литература «дум о прошедшем», где анализировалась психология поведения людей в трудных ситуациях, делались попытки осмыслить такие явления, как предательство, трусость, манипуляции одних людей другими, необратимые патологические изменения в сознании людей, переживших унижения [1, 17-67].

Большая часть произведений была посвящена восстановлению положительного образа интеллигенции и реабилитации ее роли в обществе. Примером тому — широко известные в Китае мемуары писательницы и переводчицы **Ян Цзян** (р. 1911), недавно отметившей 104-летие, «Шесть рассказов о школе кадров» [7; пер.: 8, 468–510] о трудовых лагерях, куда отправлялись на «перевоспитание» интеллигенты и кадровые работники, мемуары подвергшейся репрессиям писательницы **Дин Лин** (1904–1986) «Заметки о "коровнике"» [2].

Одним из самых знаменитых произведений в жанре документальной прозы стал рассказ **Сюй Чи** (1914–1996) «Гипотеза Гольдбаха» (1978) [1], посвященная судьбе выдающегося математика Чэнь Цзинжуня и помимо описания душевных травм, пронизанная уважением к науке и утверждением ценности человеческой жизни. Молодой математик Чэнь Цзинжунь 陈景润 (1933–1996), родившийся в Фуцзяни в многодетной семье и переживший японскую оккупацию, в крохотной квартирке, переделанной из ванной, днем и ночью фанатично работает над своими расчетами, пытаясь решить одну из самых известных математических проблем<sup>1</sup>. Важно, что Чэнь Цзинжуню пришлось работать не только в сложных бытовых условиях, но и на фоне непростой политической обстановки. Он не избежал «критики», был сослан в «коровник», после попытки самоубийства в целях безопасности имитировал душевное заболевание, продолжая, однако, работать над гипотезой Гольдбаха. Когда его доказательство было опубликовано (это произошло лишь в 1973 из-за почти полного прекращения научных публикаций во время «культурной революции»), на него обратило внимание партийное руководство, включая самого Мао Цзэдуна. Рассказ, опубликованный в журнале «Народная литература», вызвал огромный резонанс и сделал из Чэнь Цзинжуня кумира миллионов. Сюй Чи же, кроме данного рассказа, напечатал серию очерков об ученых-естественниках.

Одним из любимых жанров писателей-публицистов в китайской литературе нового периода стала «литература факта» (以记事为主)—произведения, в основе которых лежат подлинные события и герои которых—реальные люди. По-видимому, писателям было важно восстановить доверие к печатному слову, пошатнувшееся в обществе во время «культурной революции». Появился ряд книг, основанных на интервью — как, например, «Десятилетие бедствий» **Фэн Цицая** (букв. «Десять лет в жизни ста людей: 1966–1976» [3]), опубликованной в 1987 году и переизданной 7 (!) раз. Около 40 рассказов реальных людей, записанных на магнитофонную ленту, появлялись в литературной обработке Фэн Цицая начиная с 1986 г. в различных периодических изданиях и были собраны в книгу о «культурной революции». Фэн Цицай поднимает вопрос об ответственности за совершенные злодеяния — вопрос болезненный, учитывая, что к числу хунвэйбинов принадлежала большая часть молодежи, одурманенная пропагандой:

*Я часто думал, после того, как бедствие миновало, куда скрылись те, кто когда-то творил злодеяния? Немало фашистских преступников, немцев и японцев, после окончания войны покончили жизнь самоубийством из-за того, что не в силах были справиться с муками совести. Неужели*

<sup>1</sup> гипотеза Гольдбаха — утверждение о том, что любое чётное число, начиная с 4, можно представить в виде суммы двух простых чисел. Одна из самых известных открытых математических проблем, сформулированная в 1742 г. и долгие годы остававшаяся нерешённой, была доказана в 2013 г. Харальдом Гельфготтом. В 1966 г. Чэнь Цзинжунь доказал, что любое достаточно большое чётное число представимо или в виде суммы двух простых чисел, или же в виде суммы простого числа и полупростого (произведения двух простых чисел). Например,  $100 = 23 + 7 \times 11$ .

*те, кто сотворил зло в «культурную революцию», все же могут жить, как ни в чем ни бывало, и очнувшаяся совесть их не мучает? Психология нашей нации, в конце концов, оказалась так тверда и непоколебима, что это вызвало у меня леденящее оцепенение. Но на сей раз мне посчастливилось услышать тех, кому совесть доставляла беспокойство, расслышать так долго ожидаемое мною тяжелое раскаяние. То звучала нежная музыка вешних вод, когда таял прочный лед зла. Пытаясь разобраться во всем, я понял: трагедии «культурной революции» способствовали не только далекие историко-культурные и прямые социально-политические причины. Слабость человеческих характеров, зависть, трусость, эгоизм, тщеславие, и даже положительные качества — смелость, преданность, вера — все было задействовано и стало страшной силой. [3,3].*

Фэн Цзицай едва ли не единственный автор, который проводит параллели между «культурной революцией» и нацизмом: «В историю двадцатого века самой страшными строками вписаны две величайшие трагедии человечества: зверства фашистов и великие бедствия «культурной революции» [3,1].

Но, не взирая на это, «культурная революция» оказалась не до конца отрефлексированной современными китайским обществом, и на наш взгляд, именно этим фактором можно объяснить неослабевающий интерес к таким книгам в среде китайских читателей (здесь можно провести параллели с современной Европой—ведь, как показала практика, не отрефлексированной оказалась и проблема нацизма).

Тем же методом, что и Фэн Цзицай — записью интервью на магнитофон и последующей обработкой — пользовались авторы книги «Синантропы» **Чжан Синьсинь** и **Сан Е** (в русском переводе «Голоса из Китая» [5]). Из нескольких сотен интервью, собранных в поездках по всему Китаю, авторы отобрали около 100, причем часть из них—анонимные (так же, как и у Фэн Цзицай). В них отражена и эпоха начавшихся стремительных реформ, и воспоминания о «культурной революции». Ее авторы постарались передать речь персонажей как можно точнее, лишь изредка вставляя в текст свои реплики и комментарии, позволяющие догадаться об их отношении к рассказываемому и самим рассказчикам. Герои интервью — люди обычных профессий: рабочий, рыночный торговец, шофер, учитель, крестьянин, владелец лавки.

В 2002 г. в Китае была учреждена литературная премия за произведения в жанре документальной прозы им. упоминавшегося выше Сюй Чи; и четырежды ее лауреатом стал писатель **Хэ Цзяньмин**, в том числе за роман «Слезы — золото» (оценивались произведения с 1978 по 2000 г.).

Хэ Цзяньмин родился в 1956 году в провинции Цзянсу, г. Чаншу. Служил в армии, откуда был направлен на журналистскую работу, работал редактором в новостном агентстве, затем редактором в литературных журналах—в том числе главным редактором в журнале «Китайский писатель». В 2008 г. возглавил издательство «Писатель». В настоящее время занимает пост зам. председателя СКП, является профессором Народного университета в Пекине. В 2012 г. Хэ Цзяньмин, как один из наиболее видных представителей этого направления в современной китайской литературе, был избран председателем Китайской Ассоциации документальной прозы.

Роман Хэ Цзяньмина посвящен тяжелой жизни нуждающихся студентов, приехавших из разных районов Китая, он повествует о тех жертвах, на которые пришлось пойти родителям ради возможности дать детям высшее образование. Интервью с героями своей книги автор проводил изначально для служебного пользования.

Книга отразила актуальные проблемы китайского общества—с 1994 г. в Китае началась реформа образования: был начат переход к платному образованию в вузах, государство начало постепенно слагать с себя обязанность распределения выпускников, происходило также слияние и укрупнение вузов. К 1997 г. вся система КНР (за исключением подготовки кадров по наиболее важным для государства профилям) была переведена на платную основу. Важно то, что решение об окончательном переходе на платное обучение было принято весной и стало шоком для многих абитуриентов и их семей: плата составляла четверть годового дохода для городских семей со средним достатком и практически равнялась годовому доходу нуждающихся семей, то есть к переходу на платное высшее образование значительная часть китайского общества оказалась не готова ни материально, ни психологически.

Мы узнаем из книги, как в одной из деревень пожилые супруги, испугавшись долгового бремени и решив, что не смогут оплатить обучение ребенка в университете, совершили двойное самоубийство; о том, как семьи брали ссуды и годами их выплачивали, отказывая себе в самом необходимом, о том, какие унижения терпели студенты, пытаясь заработать себе хотя бы на еду, как они побирались, подбирали объедки и выполняли самую черную работу, и все это — во имя получения образования как символа путевки в новую жизнь. Сильное впечатление производит глава о студенте из горных районов провинции Сычуань, поступившем в один из университетов Шанхая. Не имея средств оплатить образование, он пытался найти работу, но безуспешно, семья его не поддержала, и в итоге вынужден был побираться, обойдя попрошайкой «все районы южнее Сучжоу» и набрав полный рюкзак мягких купюр, привез их в университет.

Хэ Цзяньмин отмечает изначальное неравенство возможностей между детьми из обеспеченных семей и малоимущими студентами из депрессивных, сельских регионов страны и о том, как сохраняющийся в китайском обществе престиж образования помогает талантливым детям пробиться наверх. «Для крестьянских семей, в особенности из малообеспеченных семей поступление в университет — это самая большая надежда». Книга Хэ Цзяньмина привлекает внимание в проблеме, актуальной и для России: как обеспечить равные возможности доступа к образованию для разных слоев населения.

Важно то, что герои — не вымышленные персонажи, а реальные люди. Иногда им пришлось пройти столь неприглядный путь, что они предпочитают отвечать на вопросы анонимно, но там, где имена указаны, дальнейшую судьбу персонажей можно проследить в интернете. Примером тому — судьба золотого медалиста международной олимпиады по математике 1997 года Ань Цзинпэна, который поступил в Пекинский университет, успешно закончил его, защитил диссертацию и на сегодняшний день уже стал профессором самого престижного вуза Китая.

Публикация этой книги вызвала такой резонанс в Китае, что после призыва Хэ Цзяньмина резко возросло количество пожертвований как для вузов в целом, так и для конкретных лиц, чьи истории излагаются в книге. Таким образом, она имела практическое значение для нуждающихся студентов.

Подобного рода *интерактивность* документальной прозы, когда у читателя есть возможность оказать влияние на жизнь персонажа или, по крайней мере, проследить его дальнейшую судьбу, на наш взгляд, важный фактор растущей популярности документальной прозы в среде молодежи.

#### Список использованной литературы:

1. Гэдэбахэ цайсян (Сюй Чи дэ баогао вэньсюэ цзопинь) [哥德巴赫猜想(徐迟的报告文学作品) Загадка Гольдбаха (произведение Сюй Чи в жанре документальной прозы)]/ <http://baike.baidu.com/subview/1808/10645816.htm#viewPageContent> (Дата обращения: 08.08.2015)
2. Дин Лин. «Нюпэн» сяопинь. // «Шиюэ». [丁玲。»牛棚»小品。// «十月» Дин Лин. Заметки о «коровнике». // «Октябрь»]. 1979, № 3.
3. Литература и искусство КНР, 1976–1985. / Отв. ред. В. Ф. Сорокин; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока, М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 237 с.
4. Фэн Цициай. И бай гэ жэньдэ ши нянь. 1966-1976. [冯骥才。一百个人的十年(足本)江苏文艺出版社, Фэн Цициай. Десять лет в жизни ста людей]. Нанкин, 1997. – 435 с.
5. Хэ Цзяньмин. Слезы — золото: роман / пер.с кит. А.Н. Коробовой, М.М. Ишкова; предисл. Е.А. Завидовской. —М.: ИВЛ, 2014. – 437 с.
6. Чжан Синьсинь, Сан Е. Голоса из Китая. М., 1989. (Серия: Биб-ка журн. Иностранная литература). М.: Известия, 1989. – 192 с.
7. Ян Цзян. Гань сяо лю цзи [杨绛。干校六记, 三联书店. Ян Цзян. Шесть рассказов о школе кадров]. Пекин, 1981. – 67 с.
8. Ян Цзян. Шесть рассказов о школе кадров // Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. Роман, рассказы. Пер. с кит. В. Сорокина. М, 1989. С. 468–510.

## ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВО ВРЕМЯ АКТА НАРРАЦИИ КУАЙБАНЕЙ<sup>1</sup>

Косинова Л.В.  
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т

Куайбань представляет собой китайский эстрадный жанр комических выступлений, выполненных в форме речитатива под аккомпанемент одноимённого инструмента «куайбань», похожего на трещотку. Акт наррации куайбаней сопровождается характерной атрибутикой и сопряжён с определёнными условиями его воспроизведения. Цель данной статьи: выявить жанровые особенности дискурсивного пространства куайбаней. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) описать историю становления жанра; 2) выделить основные разновидности куайбаней; 3) раскрыть специфику дискурсивного пространства в зависимости от коммуникативной цели наррации куайбаней. Материалом исследования послужили 56 видеозаписей актов наррации «куайбаней».

#### История становления жанра «куайбань»

Считается, что жанр «куайбань» эволюционировал из вокальных представлений «Опадающие цветки лотоса» (《蓮花落》), исполнявшихся во время династии Сун (960 – 1279 гг.) бедняками. Прошайки также использовали эту форму выступления для сбора милостыни (см., например: [1; 5]).

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГНФ научного проекта №15-04-00500



Существует легенда, согласно которой один обедневший человек, оставшийся без крова и родственников, погибших от болезни, ходил по домам просить милостыню. В дом к людям он заходить не хотел – они могли прогнать его из-за боязни заразиться. Поэтому, чтобы привлечь к себе внимание, он начал стучать бычьими костями, которые обнаружились у него в кармане, и таким образом просить подавание. Люди слышали стук костей и, боясь, что, подойдя ближе к дому, он принесёт болезнь, выносили ему еду [5].

В дальнейшем из представлений, направленных на выпрашивание милостыни, жанр трансформировался в торговые речёвки. В конце правления династии Юань (1279 – 1368 гг.) – начале правления династии Мин (1368 – 1644 гг.) в Пекине устраивали представления шулайбао, но в связи с тем, что они не приносили много денег и к тому же речь артистов была грубой и вульгарной, им не разрешали арендовать площади для выступлений, поэтому они самостоятельно искали свободное место, где и собирались в установленное время [1; 4].

С течением времени люди стали замечать, что при помощи куайбаня проще выразить свои мысли и чувства и донести их до аудитории: произведения, выполненные в форме речитатива, распространялись среди населения более стремительно, чем любой другой вид устного творчества. Артисты жанра «куайбань» ходили по улицам и, сталкиваясь с определёнными жизненными ситуациями, сразу же оформляли их в юмористические миниатюры. Люди, услышав меткую фразу, останавливались, чтобы послушать выступление. Ёмкая форма изложения мысли способствовала стремительному распространению текстов куайбаней в народе, что впоследствии, во времена смут и народных восстаний (Тайпинское восстание 1850 – 1864 гг., Ихэтуаньское восстание 1899 – 1902 гг., Синьхайская революция 1911 – 1913 гг. и т. д.), использовалось для агитации, пропаганды, рекламы и т.д.

#### К л а с с и ф и к а ц и я к у а й б а н е й

По коммуникативной направленности выделяется три типа куайбаней.

1. *Миниатюры, направленные на выпрашивание милостыни* – в основном характерны для периода империи Сун (960 – 1279 гг.) и династии Юань (1279 – 1368 г.), когда на улицах было большое количество бездомных людей.

2. *Торговые речёвки* – выполненные в рекламных целях для привлечения клиентов, использовались во времена становления жанра и сохраняют свою актуальность в настоящее время. Реклама с использованием куайбаня до сих пор может встретиться на улицах города, когда человек идёт по дороге, напевает рекламные строчки и отбивает ритм при помощи инструмента «куайбань» или ударов по любому предмету, издающему громкий звук. Кроме того, аудиорекламы в форме куайбань передаются по радио и телевидению, а также применяются в Интернете и проецируются на светодиодные экраны. Ниже приведён отрывок из рекламы продукта химического удобрения фирмы «Цзинбо» (金博). Реклама выполнена в стихотворной форме, строчки содержат семь или восемь иероглифов, рифмуются фонетически и тонально; выступление сопровождается видеорядом, в котором демонстрируется продукт и показываются кукурузные поля без сорняков; акцентируется экологичность данного средства.

金博精品玉草光，  
玉米田除草响当当。  
农民用后都说好，  
除草产品的好榜样！

玉米除草要注意  
安全是个大问题。  
如果产品选不好  
要害到付不得了！

*Средство по борьбе с сорняками на кукурузном поле «Юйцаогуан» фирмы «Цзинбо» превосходно справляется с сорняками. Крестьяне, которые использовали его, все довольны. Это прекрасный образец средства по удалению сорняков.*

*При борьбе с сорняками на кукурузном поле нужно хорошо задуматься о безопасности. Потому что если средство будет выбрано неправильно, то это может привести к невосполнимым потерям*

《玉草光 快板篇 农化广告 农药》 [6]

3. *Сценические выступления* – созданные для увеселения публики, составляют большую часть куайбаней. Они имеют юмористическую и ироническую тональности; реже встречаются сатирические и саркастические произведения. Приведём пример отрывка из куайбаня на актуальную тему современности о вреде курения: в своём выступлении артист описывает проблемы курящих людей и завуалированно агитирует курильщиков покончить с этим пагубным пристрастием.

说一个同志本姓侯，他是一  
天到晚把烟抽，要问他和烟瘾有多大，一盒烟抽不了两钟头，他是越抽越瘾越没够，烟瘾越大越想抽。

*Расскажу вам об одном товарище по фамилии Хоу, он курит с утра до вечера, я захотел спросить его, давно ли у него эта пагубная привычка, он выкуривает пачку меньше чем за час, и чем больше курит, тем больше привыкает, тем больше ему требуется сигарет.*

В настоящее время куайбань в Китае носит в основном развлекательный характер, но иногда также используется и в рекламных целях.

Далее опишем жанровую специфику дискурсивного пространства во время акта наррации каждого из перечисленных выше видов куайбаней.

**Место наррации.** Традиционно выступления «куайбань» проводятся в чайных или на уличных площадях. В наше время их можно также увидеть в концертных залах и по телевидению и в Интернете. Выступления на уличных площадях трансформировались в рекламные речевки: в Китае даже в крупных городах можно встретить торговца, который идет по улице, одной рукой катит за собой тележку с товаром, а другой отбивает ритм на трещотке и выкрикивает короткие рифмованные фразы, призывающие покупать его товар.

**Требования к нарратору.** Традиционно артистами данного жанра были мужчины, однако в настоящее время женщины иногда принимают участие в выступлениях. Как правило, в жанре принята форма монолога, но диалоги и полилоги тоже востребованы. Во время выступления артисты вживаются в образ своих персонажей и распределяют коммуникативные роли в соответствии с сюжетом. Требования к актёрским способностям артистов жанра «куайбань» очень высокие. В пособиях, обучающих мастерству куайбаня подробно изложены правила выступления в данном жанре. (см., например: [2; 3; 4; 7]). Во время выступления артист должен уметь показывать эмоции и передавать характер персонажа при помощи окулесики, мимики, телодвижений, темпа и тембра голоса, а также аккомпанировать себе на музыкальном инструменте «куайбань».

**Форма одежды.** Обычно артисты, выступающие в жанре «куайбань» одеты в традиционные костюмы: длинные халаты до пола с вышивкой или отделкой. Рукава, воротники и пуговицы выполнены в китайском стиле. Иногда допустимы выступления в другой форме одежды. Что касается рекламных форм куайбаня, то в данном случае форма одежды не имеет значения, люди могут быть одеты в повседневном стиле, нередко достаточно неряшливом.

**Атрибутика.** Отличительным признаком выступлений в жанре «куайбань» является использование таких музыкальных инструментов, как разнообразные деревянные трещотки. В рекламной разновидности куайбаня в качестве аккомпанемента может быть использован любой предмет, издающий громкий звук: удар палкой по тазу, ведру, кастрюле и т.д. Музыкальное сопровождение обязательно, оно должно гармонизировать с текстом произведения и игрой артиста и выполняет три важные функции: привлечь внимания слушателя, задать ритм, создать определённое настроение. Обычно ритм удара дощечками составляет 144 – 160 ударов в минуту, что соответствует музыкальному темпу «аллегро» [5]. Звучащая мелодия может не изменяться на протяжении всего выступления, в этом случае она должна звучать ровно, плавно. Мелодия может подстраиваться под сюжет выступления. В случае, когда выступление сопровождается двумя или более инструментами, в сценарии должны быть прописаны партии для каждого инструмента в отдельности, мелодии должны гармонизировать друг с другом; во избежание грубых накладок и какофонии нужно заранее продумать время вступления каждого инструмента [2; 5]. Кроме того в данном жанре могут быть использованы такие атрибуты, как стол, веер и другие предметы, которые помогут передать атмосферу произведения. Однако большинство деталей обыгрывается артистами самостоятельно, поэтому количество декораций на сцене минимальное.

**Декорации.** В настоящее время, как и в старые времена, в китайских сценических жанрах традиционно используется минимум декораций, поэтому артисты активно используют мимику, жесты, телодвижения для передачи эмоций, изображения действий и даже предметов (например, находясь на сцене в одиночестве, без посторонних предметов, нарратор обыгрывает, что едет на лошади, сидит за столом, стреляет из лука и т. д.). Во время выступления на сцене нередко стоит стол, что создает ощущение трибуны. В рекламной разновидности куайбаня иногда используется видео- ряд или фотографии, образ артиста может остаться за кадром.

Подытожим в таблице описанные выше особенности наррации куайбаней в зависимости от разновидности жанра.

**Таблица №1 Дискурсивное пространство акта наррации различных видов куайбаней**

	<b>Куайбани-речёвки для выпрашивания милостыни</b>	<b>Рекламные куайбани</b>	<b>Сценические куайбани</b>
<b>Место наррации</b>	улицы города	телевидение, радио, Интернет, светодиодные экраны, торговые площади, городские улицы	чайные, концертные залы
<b>Требования к нарратору</b>	низкие требования; пол нарратора - мужской	средние требования: не обязательно наличие сценических	высокие требования: нарратор должен обладать высоким

		данных; как правило, нарратор обладает умением чётко произносить звуки китайского языка; пол нарратора преимущественно мужской	уровнем артистичности, хорошей дикцией; пол нарратора – мужской, реже – женский
<b>Форма одежды</b>	повседневная, часто неряшливая	повседневная или сценическая	традиционные китайские халаты до пола с длинными рукавами
<b>Атрибутика</b>	любой предмет, издающий звук; музыкальный инструмент «куайбань»	любой предмет, издающий звук; музыкальный инструмент «куайбань» и другие виды музыкальных инструментов	инструмент «куайбань» и другие виды музыкальных инструментов, преимущественно - трещоток
<b>Декорации</b>	отсутствуют	отсутствуют или минимализированы для уличного куайбаня, для куайбаня на телевидении используются фотографии или видеоизображения	минимализированы; на сцене часто присутствует стол

Таким образом, комплексный анализ акта наррации в жанре «куайбань» позволил сделать следующие выводы:

1. По коммуникативной направленности выделяются три разновидности куайбаней: миниатюры, направленные на выпрашивание милостыни; торговые речёвки, выполненные в рекламных целях для привлечения клиентов; сценические выступления для увеселения публики.

2. Акт наррации куайбаней-речёвок для выпрашивания милостыни отличается тем, что повествование происходит на улицах города, нарратором является мужчина, к нему не предъявляется никаких требований, относительно уровня артистизма и четкости дикции, его одежда часто неряшлива, во время повествования не используются декорации, наррация сопровождается звуком любого предмета, издающего звук (ведро, таз, кастрюля и т. д.).

3. Акт наррации рекламных куайбаней может осуществляться на телевидении, радио, торговых площадях, улицах города, в Интернете, пол нарратора преимущественно мужской, для уличных куайбаней форма одежды не имеет значения, отсутствуют требования к владению сценическим мастерством, однако при использовании рекламы в форме «куайбань» на телевидении повышаются требования к внешнему виду (если его образ помещён в кадр) и дикции нарратора, декорации минимализированы, используется инструмент «куайбань» и некоторые другие виды музыкальных инструментов.

4. Для акта наррации сценических куайбаней характерно выступление в чайных, концертных залах, нарраторы одеты в традиционные китайские халаты до пола, они должны иметь хорошую дикцию, передавать характер персонажа при помощи окулесики, мимики, телодвижений, темпа и тембра голоса, а также аккомпанировать себе на музыкальном инструменте «куайбань», декорации минимализированы, часто на сцене стоит стол.

#### Список использованной литературы:

1. Спешнев Н.А. Песенно-повествовательное искусство // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 3. Литература. Язык и письменность. - М.: Вост. Лит. – 2008. – С. 110-119.
2. 相声·评书·快板·写作与表演 (Сяншэн, пиншу, куайбань: написание, выступление) / 群众文艺辅导丛书. – 沈阳: 春风文艺出版社, 1982. – 224 页.
3. 朱光斗 (Чжу Гуандоу). 对口快板写作知识 (Рекомендации по написанию диалогического куайбаня) // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. – 沈阳: 春风文艺出版社, 1982 а. – 第 177 – 204 页.
4. 朱光斗 (Чжу Гуандоу). 对口快板表演技巧(Диалогический куайбань: артистические навыки) // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. – 沈阳: 春风文艺出版社, 1982 б. – 第 205 – 224 页.

#### Электронные ресурсы

5. Baidu, 快板 (Куайбань) // Baike.baidu [Электронный ресурс] / Baidu. – 2013. Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/184118.htm>.
6. Laohe, 快板台词 (Сценические слова куайбаней) // Laohe [Электронный ресурс] / Laohe 2014. Режим доступа: <http://www.laohe360.net/kuaiban>.

7. Blog, 对口快板写法 (Методы написания диалогического куайбаня) // Blog.163.com [Электронный ресурс] / Blog. – 2012. Режим доступа: [http://blog.163.com/gcw1958\\_4/blog/static/14180779420110875117824/](http://blog.163.com/gcw1958_4/blog/static/14180779420110875117824/).

## ФУНКЦИИ КОЛОРОНИМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «КРАСНЫЙ» В РОМАНЕ ЦАО СЮЭЦИНЯ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

*Костанда И.А.*

*Киевский национальный лингвистический университет*

Такое языковое явление, как колоративная лексика или колоронимы – это лексическая группа, в состав которой, входят языковые единицы (в данной статье иероглифы) непосредственно содержащие цветовую семантику, анализ особенностей функционирования таких слов требует рассмотрения и изучения не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Колоративная лексика показывает, как цветослова фиксируют психофизические стороны жизни человека, результаты воздействия внешних факторов и внутреннего психического состояния человека [5, 11]. В тоже время, следует отметить, что на функционирование колоронимов и сочетаний ими образованных, влияют такие факторы как традиционная культура и личное художественное решение автора. Цвет же в художественном произведении приобретает символическое значение, становится образной структурой, содержащей в себе накопленные этносом характеристики изображаемой реалии, что приводит к многозначности этой структуры [5, 10]. Поэтому при анализе языковых единиц со значением цвета и их употребления, представляется интересным выявить традиционное, принятое культурной традицией употребление колоронимов и индивидуально авторское. Исследованию колоронимов посвящены работы Василевича А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С., Кульпина В.Г., Лукьяненко С.И., Мичугина С.В., Чумак-Жунь И.И., Фрумкина Р.М. и др. [1].

**Актуальность исследования** обусловлена необходимостью поиска новых методов интерпретации художественного текста, посредством выделения типологии колоронимов и их функций, а также попыткой комплексного изучения колористической культурной традиции Китая вообще и особенности употребления колоронимов писателем в частности.

**Цель** исследования – изучение и описание семантических и структурных особенностей колоронимов передающих значение «красный», их типологии и функций, а также анализ сочетания и взаимодействия их с другими языковыми единицами.

Материалом для исследования послужил текст романа Цао Сюэциня 曹雪芹 (1724 – 1764) «Сон в красном тереме» («红楼梦» «Hóng lóu mèng»). Из него методом сплошной выборки было извлечено 725 языковых единиц передающих значение цвета «красный», они и стали **объектом** данного исследования.

**Предметом** исследования в настоящей работе являются функции колоронимов передающих значение «красный» в тексте романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме».

Принято выделять две функции цвета в тексте: различительную (описания природы, интерьера, внешнего вида человека, одежды) и характеризующую (характеристика действительности и состояния человека) [6]. Однако, опираясь на исследованный материал, мы сделали попытку предложить свою классификацию функций. Это функция постоянного признака (цвет не является переменным фактором, он постоянно присущ конкретному предмету), функция переменного признака (цвет является переменным фактором и характеризует временное состояние человека, явления, действительности и т.д.), функция характеристики фразеологического оборота (цвет является характеристикой фразеологического оборота, метафорического выражения или нарицательного оборота).

Путем сплошной выборки мы выявили частоту употребления в тексте цвета «красный» – 725 раз. Репрезентантами этого цвета являются колоронимы: красный 红 (hóng) – встречается 663 раза; ярко-красный или цвет «киноварь» 朱 (zhū) – 20 раз; червонный 赤 (chì) – 19 раз.

Красный цвет и его оттенки, в китайской культуре, указывают на радость, счастье, благополучие, например наряд невесты и свадебная утварь традиционно красного цвета, кроме того, считалось, что красный цвет отпугивает злых духов, поэтому в одежду красного цвета старались одевать детей, а предметы интерьера красного цвета расставлять в комнатах [2, 10-14]. Противоположным по значению красному, в Китае, является белый цвет [3, 375], лучше всего противопоставление этих

двух цветов раскрывает фразеологизм, взятый в романе: «Свадьбы и похороны – красные и белые [события]» («婚丧红白» «Hūn sàng hóng bái»). Из этого фразеологизма видно, что за определенное событие ассоциируется с традиционным для него цветом.

В анализируемом романе колороним «красный» 红 (hóng) репрезентируется в нижеобозначенных случаях.

1. Фразеологических оборотах: пыль, терем:

二仙师听毕,齐憨笑道:«善哉,善哉!那红尘中有却有些乐事,但不能永远依恃,...»;那仙姑笑道:«...,新填《红楼梦》仙曲十二支,试随吾一游否?(Èr xiān shī tīng bì, qí hān xiào dào: «shàn zāi, shàn zāi! Nà hóng chén zhōng yǒu què yǒu xiē lè shì, dàn bù néng yǒng yuǎn yī shì,...; Nà xiān gū xiào dào: »..., xīn tián «hóng lóu mèng» xiān qū shí èr zhī, shì suí wú yī yóu fǒu?) [8].

2. Фитоморфных: цветы персика:

...可怜《揉碎桃花红满地,玉山倾倒再难扶》,。(Kě lián «róu suì táo huā hóng mǎn de, yù shān qīng dào zài nán fú») [8].

3. Темпоральных: день, солнце:

直到红日高升,方才起来.;贾母道:«一轮红日出云霄.» (Zhí dào hóng rì gāo shēng, fāng cái qǐ lái.; jiǎ mǔ dào: «yī lún hóng rì chū yún xiāo.») [8].

4. Артефакты: фонари, одежда, куртка, занавес:

见案上红灯,窗前皓月,依然锦绣丛中,繁华世界.;忽见一对红衣太监骑马缓缓的走来,至西街门下了马,将马赶出围幙之外,便垂手面西站住.;...回头见鸳鸯穿着水红绫子袄儿,...;只见门外鳌铜钩上悬着大红撒花软帘,... (Jiàn àn shàng hóng dēng, chuāng qián hào yuè, yī rán jǐn xiù cóng zhōng, fán huá shì jiè.; hū jiàn yī duì hóng yī tài jiān qí mǎ huǎn huǎn de zǒu lái, zhì xī jiē mén xià le mǎ, jiāng mǎ gǎn chū wéi mù zhī wǎi, biàn chuí shǒu miàn xī zhàn zhù.; ... Huí tóu jiàn yuān yāng chuān zhe shuǐ hóng líng zǐ ǎo ér, ...; zhǐ jiàn mén wài àn tóng gōu shàng xuán zhe dà hóng sā huā ruǎn lián, ...) [8].

5. Антропоморфных: лицо, румянец:

羞的脸红耳赤,低首无言.;宝钗见他羞得满脸飞红,不觉也羞的红涨了脸面, ... (Xiū de liǎn hóng ěr chì, dī shǒu wú yán.; Bǎo chāi jiàn tā xiū dé mǎn liǎn fēi hóng, bù jué yě xiū de hóng zhǎng le liǎn miàn, ...) [8].

В романе «Сон в красном тереме» используются сложные цветообозначения с колоронимом красный состоящие из двух корневых морфем, и следует отметить, что такие цветообозначения традиционны для китайской культуры в целом, они не только делают текст произведения более выразительным, но раскрывают определенные ассоциации закрепленные культурой за определенным цветом. Нами выявлено и классифицировано следующие сложения: сложения с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и компонентами, уточняющими качество цвета (大红 (dà hóng) *ярко-красный* (49 раз): «..., 厚底大红鞋,...»; «..., 炕上大红毡条, ...» («..., Hòu dǐ dà hóng xié,...»; «..., kàng shàng dà hóng zhān tiáo, ...») [8]; сложения с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и уточняющим компонентом, вносящим сравнительно-конкретизирующее значение (桃红 (táo hóng) *персиково-красный* [красный как цветы персика] (7 раз): «..., 又看身上穿着桃红百子刻丝银鼠袄子, ...» («..., yòu kàn shēn shàng chuān zhe táo hóng bǎi zǐ kè sī yín shǔ ǎo zǐ, ...») [8]; 银红 (yín hóng) *серебристо-красный* (8 раз): «..., 穿着银红袄儿,...» («..., chuān zhe yín hóng ǎo ér,...») [8]; 朱红 (zhū hóng) *киноварно-красный* (3 раза): «...,更有两面朱红销金大字牌对竖在门外,...» («..., gèng yǒu liǎng miàn zhū hóng xiāo jīn dà zì pái duì shù zài mén wài,...») [8]; 石榴红 (shí liú hóng) *гранатово-красный* (2 раза): «可惜这石榴红绫最不经染.» («Kě xī zhè shí liú hóng líng zuì bù jīng rǎn.») [8].

Колороним 红 (hóng), в тексте романа выполняет функцию постоянного признака, в следующих сочетаниях: красный шелк 红丝 (hóng sī), красный атлас 红缎子 (hóng duàn zi), красная одежда 红衣 (hóng yī), красный наряд 红装 (hóng zhuāng), красная куртка 红袄 (hóng ǎo), красная юбка 红裙 (hóng qún), красные туфельки 红鞋 (hóng xié), красный занавес 红帘 (hóng lián), красные свечи 红烛 (hóng zhú), красные фонари 红灯 (hóng dēng), красный ковер/покрывало 红毯 (hóng tǎn), красная бумага 红纸 (hóng zhǐ), красные пригласительные 红帖 (hóng tiē) [8]. Что же касается функция переменного признака, то она реализуется в следующих сочетаниях: красные глаза 红眼 (hóng yǎn), покраснели глаза 眼红了 (yǎn hóng le), красное/румяное лицо 红脸 (hóng liǎn), лицо покраснело 脸红了 (liǎn hóng le), красное солнце 红日 (hóng rì) [8]. Две вышеназванные функции равнозначны по частоте употребления и преобладают в тексте над художественной функцией. Функцию характеристики фразеологического оборота колороним красный выполняет в следующих сочетаниях: «красная пыль» (мирская суета) 红尘 (hóng chén) и «Красный терем» (иллюзия счастливой и богатой жизни) «红楼梦» («Hóng lóu mèng»)

[8]. Также следует отметить, что обозначенные выше сочетания с колоронимом красный 红 (hóng) традиционны для китайской культуры в целом [7, 248].

Колороним «киноварный» 朱 (zhū) в тексте романа репрезентируется в нижеобозначенных случаях.

1. Фразеологических оборотах: кисточка, письмо:

«...下面一个朱笔花押.» ; «法师朱笔书符收禁,...» («...Xià miàn yī gè zhū bǐ huā yā.»; «Fǎ shī zhū bǐ shū fú shōu jìn,...») [8].

2. Фитоморфных: мандарины:

«...又将朱橘,黄橙,橄榄等盛了两盘,...» («...Yòu jiāng zhū jú, huáng chéng, gǎn lǎn děng shèng le liǎng pán, ...») [8].

3. Артефакты: перила, терем, ворота/двор, пудра, колеса, иголки, свечи, табличка:

«但见朱栏白石,绿树清溪...»; 你只知朱楼画栋; «...说不尽那光摇朱户金铺地,雪照琼窗玉作宫.»; «...; 并无朱粉涂饰,...»; «迎春,探春,惜春三人共坐一辆朱轮华盖车.»; 还有七根朱红绣花针.; 两边阶下一色朱红大高照; 更有两面朱红销金大字牌对竖在门外, («Dàn jiàn zhū lán bái shí, lǜ shù qīng xī...»; nǐ zhǐ zhī zhū lóu huà dòng.; «... shuō bù jìn nà guāng yáo zhū hù jīn pù de, xuě zhào qióng chuāng yù zuò gōng.»; «...; bìng wú zhū fěn tú shì,...»; «yíng chūn, tàn chūn, xī chūn sān rén gòng zuò yī liàng zhū lún huá gài chē.»; hái yǒu qī gēn zhū hóng xiù huā zhēn.; liǎng biān jiē xià yī sè zhū hóng dà gāo zhào; gèng yǒu liǎng miàn zhū hóng xiāo jīn dà zì pái duì shù zài mén wài,») [8].

4. Антропоморфных: губы:

«...; 粉面朱唇,...» («...; fěn miàn zhū chún,...») [8].

Описанные выше сочетания с колоронимом «киноварный» 朱 (zhū) широко распространены как в древнекитайском, так и в современном китайском языке [7, 243].

В романе «Сон в красном тереме», кроме вышеперечисленных сочетаний с корневой лексемой красный 红 (hóng), других сложений не обнаружено.

Колороним 朱 (zhū), в тексте романа выполняет функцию постоянного признака, в следующих сочетаниях: [красные как] киноварь мандарины 朱橘 (zhū jú), [красные как] киноварь перила 朱栏 (zhū lán), [красный как] киноварь терем 朱楼 (zhū lóu), [красные как] киноварь ворота 朱门 (zhū mén), [красные как] киноварь румяна 朱粉 (zhū fěn), [красные как] киноварь колеса 朱轮 (zhū lún), киноварно-красные иголки 朱针 (zhū zhēn), темные киноварно-красные свечи 朱红大高照 (zhū hóng dà gāo zhào), киноварно-красная табличка 朱匾 (zhū biǎn) [8]. Подобные сочетания составляют преобладающее большинство, что свидетельствует о преобладании функции постоянного признака над двумя другими. Что же касается функция переменного признака, то она реализуется в следующих сочетаниях: [красные как] киноварь губы 朱唇 (zhū chún), губы словно покрашены киноварью 唇若涂朱 (chún ruò tú zhū), румяниться (досл. «красить киноварью») 涂朱 (tú zhū) [8]. Функцию характеристики фразеологического оборота колороним киноварь выполняет во фразеологическом обороте: «красная/киноварная кисточка» (писать иероглифы красной тушью) 朱笔 (zhū bǐ) [8].

В анализируемом романе колороним «червоный» 赤 (chì) репрезентируется нижеобозначенных случаях.

1. Фразеологических и нарицательный оборотах: младенец, глаза, лицо, брови:

赤子苍头; 白眉赤眼; 白眉赤脸; «赤眉» (Chì zǐ cāng tóu; bái méi chì yǎn; bái méi chì liǎn; «chì méi;») [8].

2. Темпоральных: солнце:

赤日当空 (chì rì dāng kōng) [8].

3. Артефакты: золото, вывеска:

一枝赤金匾簪; 霞城隐赤标 (yī zhī chì jīn biǎn zān; xiá chéng yǐn chì biāo) [8].

4. Антропоморфных: уши, щеки, скулы:

面红耳赤; 香腮带赤; 两颧红赤 (miàn hóng ěr chì; xiāng sāi dài chì; liǎng quán hóng chì.) [8].

В романе «Сон в красном тереме» выявлено сложение с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и компонентами, уточняющими качество цвета: (大赤 (dà chì) *темно-червоный* (1 раз): «...; 大赤飞金二百帖,...» («...; dà chì fēi jīn èr bǎi tiē,...») [8]; а также обнаружено сложение с корневой лексемой красный 红 (hóng) (红赤 (hóng chì) *красно-червоный* (1 раз): «...; 两颧红赤...» («...; liǎng quán hóng chì...») [8].

Колороним «червонный» 赤 (chì) в перечисленных выше сочетаниях традиционен как для древнекитайского, так и в современного китайского языка [7, 246].

Колороним «червонный» 赤 (chì), в тексте романа выполняет функцию постоянного признака, в следующих сочетаниях: червонное золото 赤金 (chì jīn), червонная вывеска 赤标 (chì biāo). Что же касается функция переменного признака, то она реализуется в следующих сочетаниях: червонное солнце (раскаленное до красна) 赤日 (chì rì), червонные уши 赤耳 (chì ěr), червонные щеки 腮带赤 (sāi dài ch), краснеют скулы 颧红赤 (quán hóng chì) [8]. Функцию характеристики фразеологического оборота колороним красный выполняет во фразеологических и нарицательных оборотах: «червонный ребенок» (младенец) 赤子 (chì zǐ), «белые брови, червонные глаза» (просто так, без причины) 白眉赤眼 (bái méi chì yǎn), «белые брови, червонное лицо» (как ни в чем не бывало) 白眉赤脸 (bái méi chì liǎn), «краснобровые» 赤眉 (chì méi) [8].

Сочетания, в которых колороним «червонный» выполняет функцию постоянного признака, чаще встречаются в тексте, чем сочетания с функцией переменного признака и художественной функцией, хотя сочетания с двумя последними функциями отличаются большим разнообразием репрезентируемых объектов. Также следует отметить, что функция переменного признака и функция характеристики фразеологического оборота одинаковы по частоте употребления сочетаний в тексте романа «Сон в красном тереме».

Итак, исходя из вышеперечисленных фактов, можно сделать следующие выводы:

1) колороним 红 (hóng) чаще используется в тексте романа, по сравнению с колоронимами 朱, 赤 (zhū, chì), кроме того репрезентируемые им объекты гораздо разнообразнее чем у колоронимов 朱, 赤 (zhū, chì);

2) колороним 红 (hóng) может выступать синонимом колоронимов 朱, 赤 (zhū, chì);

3) колоронимы передающие значение красного цвета 红 (hóng), 朱 (zhū), 赤 (chì) в большинстве своем, в тексте романа, употребляются в сочетаниях характерных для китайской культурной традиции, автора не образует такие сочетаний, а только употребляет в произведении. Такое явление объясняется преемственностью китайской литературной традиции, где было принято цитировать и передавать языковые обороты [4, 437];

4) колоронимы передающие значение красного цвета 红 (hóng), 朱 (zhū), 赤 (chì) чаще выполняют функцию передачи постоянного признака, реже функцию передачи переменного признака. В функции характеристики фразеологического оборота, вышеописанные колоронимы, представлены меньше всего.

Текст романа «Сон в красном тереме» богат цветообозначающей лексикой. Данная статья, в дальнейшем, может послужить основой для более детального анализа колоронимов в произведении Цао Сюэциня и его индивидуально-авторского употребления цветообозначающей лексики.

#### Литература:

1. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и название цвета в русском языке. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.

2. Ген Ерлін. Концепція кольору в уявленні китайців та історико-культурний зміст лексики кольорів у китайській мові / Ген Ерлін, Колодко С.А. // Вісник Київського національного університету: Східні мови та літератури. – К.: Вид.-полігр. центр «Київський університет», 1998. – Вип. 1. – С. 10–14.

3. Жизнь и нравы старого Китая / [авт. текста Макгован Д.]. – Смоленск : Русич, 2003. – 496 с.

4. Малявин В.В. Китайская цивилизация / Малявин В.В. – М.: Издательство Астрель, Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. – 632 с.

5. Рыбальченко Е.А. Колоративная лексика в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2011. – 196 с.

6. Яковлева И. Н. Унифицирование колоративной лексики в романе В. Набокова «Король, дама, валет» / И. Н. Яковлева // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации: материалы научно-практической интернет-конференции – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – Вып. 3 – 159 с.

7. 周秉钧. 古汉语自学手册 / 周秉钧. – 湖南: 湖南任命出版社, 1955. – 522 с.

8. 曹雪芹. 红楼梦简介 作者 [Электронный ресурс] / 曹雪芹: 商务印书馆, 2001. – 455 с. . – Режим доступа. : <http://www.read126.cn/851b7a4c-3f00-4c4f-a9ce-55dcb88fc26c!66da78af-12c7-451a-9a02-078c411a6c67!49d33511-6ffe-41ec-a8e7-225f1aee9b9a.html>

## РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

*Котельникова Н.Н.  
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т*

В современной теории преподавания иностранных языков лингвосоциокультурная компетенция рассматривается как неотъемлемая часть профессионально-коммуникативной компетенции будущего специалиста. Лингвосоциокультурный подход к обучению представляет собой целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре средствами родного и иностранного языков и способ формирования лингвосоциокультурно компетентной личности, вобравшей в себя ценности родной и иноязычной культур и способной к адекватному, продуктивному межкультурному общению [1, 27].

Требования, предъявляемые к степени сформированности лингвосоциокультурной компетентности студентов, позволили нам сформулировать основные задачи, стоящие перед преподавателем китайского языка:

- расширить мировоззрение студента по мере его приобщения к китайской картине мира;
- оптимизировать учебную деятельность по овладению китайским языком как средством коммуникации;
- разъяснить студентам особенности образа жизни и поведенческие модели китайцев;
- способствовать формированию уважительного, толерантного отношения к социально-культурным различиям, историческому наследию и культурным традициям китайского народа;
- научить использовать вербальные и невербальные средства общения, учитывать формализаторы речевого поведения, а также контролировать собственное поведение в различных жизненных ситуациях.

Поиск оптимальных путей решения стоящих перед нами задач обуславливает более активное использование аутентичных фильмов, которые способствуют погружению студентов в естественное культурно-языковое пространство. Российские и зарубежные исследователи (Р. Алтман, И.В. Антонова, Ван Хуэйлянь, Г.Г. Жоглина, И.А. Исенко, О.С. Конотоп, Тянь Паньчао, Е.Б. Фрайфельд, Чжан Цзинхань и др.) единодушны во мнении о необходимости использования аутентичных видеофильмов, как эффективного средства развития лингвистической и социокультурной компетенции студентов. Аутентичные фильмы в учебном процессе следует рассматривать как образцы ситуативно обусловленного коммуникативного поведения для их усвоения и применения на практике. Экстралингвистический компонент ситуации становится «тренажером» для отработки различных вариантов речевого и неречевого поведения. Благодаря разнообразию образов студенты воспринимают экранную речь в различных формах (монолог, диалог, полилог) и с различной стилистической и эмоциональной окраской [2, 12].

Из широкого спектра аутентичного видеоматериала, который может быть применен в процессе обучения китайскому языку, мы считаем более целесообразным использовать аутентичные короткометражные фильмы (АКФ): короткометражные художественные фильмы, видеоролики и репортажи, имеющие в основе сюжет и создаваемые, как правило, средствами актерской игры. Этот выбор обосновывается следующими факторами:

1. Ограниченный временной формат. Китайские авторские АКФ обычно имеют продолжительность от 5 до 20 минут, что позволяет показывать их целиком во время одного аудиторного занятия и иметь большую эффективность, чем показ полноформатного фильма, разделенного на несколько частей и просмотренного на нескольких занятиях [3, 94]. Короткометражный формат фильма позволяет в рамках ограниченного времени стандартного аудиторного занятия не только осуществить непрерывный просмотр, но и выполнить все подготовленные преподавателем задания. Кроме того, АКФ может быть продемонстрирован несколько раз в течение одного занятия, что дает возможность студенту более основательно изучить лингвосоциокультурный материал, а преподавателю – использовать разные типы заданий для обучения различным видам речевой деятельности, повышая их уровень сложности в зависимости от количества просмотров фильма.

2. Наличие завершенного сюжета. АКФ чаще всего характеризуются динамичностью, насыщенностью событиями и персонажами, быстро разворачивающимся сюжетом, который захватывает и удерживает внимание студентов. Вместе с тем, в отличие от полнометражных картин, сюжеты большинства АКФ отличаются простотой и понятностью, что облегчает процесс их восприятия учащимися [5, 91].



3. Актуальность. АКФ – это, как правило, оперативно отснятый материал, отражающий актуальные проблемы жизни и быта китайского общества, освещающий острые социальные вопросы и проблемы современной молодежи, что не только вызывает живой интерес у студентов, но и стимулирует их к разговорной активности, участию в обсуждении и дискуссиях.

4. Доступность и разнообразие. Существует множество китайских интернет-сайтов (久久微电影 [www.99wdu.com](http://www.99wdu.com), V电影 [www.vmovier.com](http://www.vmovier.com), 中国微电影 [vfilm.china.com.cn](http://vfilm.china.com.cn)), на которых в открытом доступе имеется большое количество АКФ, что предоставляет преподавателю практически неограниченные возможности в выборе материала. Особого внимания заслуживают сайты, на которых представлены фильмы-участники Пекинского международного фестиваля короткометражных фильмов (北京国际微电影节 [www.bjimff.com](http://www.bjimff.com)) или других престижных киноконкурсов, что гарантирует высокое качество АКФ. Разнообразие и доступность материалов стимулирует самостоятельный поиск студентами тех АКФ, которые для них наиболее актуальны и интересны, и дает возможность осуществлять самостоятельную работу с АКФ вне аудитории в удобное время и в комфортной обстановке. Доступность таких материалов является одним из важных преимуществ аутентичных фильмов по сравнению с учебными видеоматериалами.

Помимо перечисленных преимуществ, позволяющих сделать выбор в пользу АКФ, необходимо акцентировать внимание на ту роль, которую они играют с точки зрения их лингводидактической ценности:

1. *Задействуют одновременно несколько каналов восприятия.* АКФ можно определить как «мультисенсорный» ресурс, поскольку при его просмотре в сочетании задействованы зрительный и слуховой канал восприятия, что способствует повышению эффективности обучения. Кроме содержательной стороны общения, видеотекст содержит визуальную информацию о месте действия, внешнем виде и невербальном поведении участников общения в конкретной ситуации, обусловленной частой спецификой возраста, пола, и психологическими особенностями. Визуальный ряд позволяет лучше понять и закрепить как фактическую информацию, так и собственно языковые особенности речи в конкретном контексте. При работе с АКФ может быть задействовано и моторное восприятие, в случае если студенты параллельно с просмотром выполняют какие-либо письменные задания или делают пометки.

Следует отметить, что подавляющее большинство китайских короткометражных фильмов, равно как и других аутентичных видеоматериалов, сопровождаются интралингвистическими (на языке оригинала) субтитрами, что обусловлено сложной лингвистической ситуацией в стране, неравномерным распространением официального языка путунхуа, некоторыми особенностями фонетического строя языка. В случае если при просмотре фильма студентами не воспринимается тот или иной сегмент информации на слух, он может быть восполнен с помощью субтитров. Фильмы с субтитрами обязывают студентов прорабатывать получаемую информацию втрое (просмотр, прослушивание и чтение субтитров), что делает процесс запоминания лексических единиц еще более интенсивным.

Подобное использование различных каналов поступления информации мобилизует внимание учащихся, способствует их собранности, обеспечивает оптимальные условия для восприятия информации и в итоге положительно влияет на прочность запечатления страноведческого и языкового материала.

2. *Помогают создать атмосферу реальной языковой коммуникации.* Изучение китайского языка сопряжено с множеством трудностей, обусловленных как кардинальными отличиями его системы письменности, фонетического и грамматического строя языка от русского, так и различием культурно-цивилизационных систем Китая и России, а изучение китайского языка вне языковой среды делает этот процесс для российских студентов еще более трудоемким. АКФ, демонстрируя реальные ситуации общения, создают атмосферу погружения студентов в естественное языковое окружение, восполняя отсутствие языковой среды. Диалоги (полилоги) из аутентичных фильмов являются самыми удачными образцами китайской разговорной речи, имеющей особенности на фонетическом, грамматическом, лексическом, а также синтаксическом уровнях. Тематика диалогов из фильмов очень разнообразна и затрагивает практически все типичные жизненные ситуации, которые могут встретиться учащимся на практике. В АКФ используется очень богатая разговорная лексика, они позволяют ознакомиться практически со всеми разговорными конструкциями и выражениями, необходимыми для свободного восприятия китайской речи. АКФ дает возможность привыкать к естественному бытовому темпу китайской речи, который значительно быстрее, чем темп носителей русского языка, и индивидуальным особенностям произношения, таким как диалектный акцент, определенные дефекты речи, тембр голоса. Возможность слышать с экрана «неидеальную» китайскую речь поможет избежать шо-

ка, вызываемого непониманием речи носителей китайского языка в ситуациях реального общения, который часто возникает у студентов, изучавших язык только с помощью текстов, записанных диктором с нормативным произношением и в относительно медленном темпе.

3. *Способствуют расширению социокультурных знаний.* Аутентичные фильмы являются чрезвычайно ценным источником социокультурной информации, которая представлена в них на лингвистическом (реалии, коннотативная лексика, фоновая лексика, фразеологизмы, коммуникативные клише), паралингвистическом (выражение лица, поза, мимика, жесты, поведение, интонация голоса) и экстралингвистическом (изображение предметов, обстановки, культурно-идеологическая среда, изображения людей) уровнях. Они играют весомую роль в приобщении студентов к культуре страны изучаемого языка, в формировании представления об образе жизни различных социальных групп общества, в познании и осмыслении ценностей, норм и правил поведения, в этом обществе принятых.

Китайские АКФ, отражающие традиции, особенности национального менталитета, духовные ценности, нравы и обычаи китайского народа помогают студенту виртуально погрузиться в социокультурную реальность Китая, что является особенно ценным в условиях обучения вне естественной языковой и культурной среды. К короткометражным картинам, характеризующимся высокой степенью проявления социокультурного фона, можно отнести *《家的味道》*, *《把乐带回家》*, *《戏梦》*, *《我与生肖邮票的故事》*, *《盼》*.

4. *Оказывают эмоциональное воздействие на учащихся, активизируя внимание и повышая мотивацию к процессу обучения.* Фильмы, выбранные с учетом потребностей и интересов студентов, характеризующиеся занимательным сюжетом и захватывающим ходом событий, вызывают непосредственную заинтересованность обучающихся в их просмотре, способствуют возникновению эффекта соучастия и сопереживания героям, делая процесс усвоения материала более эмоциональным. Такое эмоциональное воздействие при введении материала способствует более прочному усвоению лингвосоциокультурной информации. Кроме того, использование АКФ создает на занятии условия реальной мотивированной коммуникации поскольку, формируя у обучаемых личностное отношение к действующим лицам и проблемам, затронутым в фильме, мотивирует их к высказыванию своего мнения, выражению отношения к героям, комментариям, обсуждению, соответственно, является хорошим стимулом для развития навыков говорения. Китайские короткометражные фильмы, которые поднимают острые социальные проблемы (например *《特殊交易》*, *《爱疯时代》*, *《希望树》*) либо затрагивающие сферы жизни, актуальные для современной молодежи, такие как любовь, дружба, самоопределение, мечты и реальность (*《数字恋爱》*, *《闺密》*, *《星空日记》*) обладают особой силой эмоционального воздействия на студенческую аудиторию.

Подводя итог изложенного, можно констатировать, что процесс формирования лингвосоциокультурной компетенции студентов, изучающих китайский язык, станет более успешным, если в этом процессе будет оптимально использован обучающий потенциал применения АКФ. Являясь «тренажерами» для формирования речевых навыков и умений, отработки различных вариантов речевого и неречевого поведения, АКФ раскрывают широкие возможности для совместной творческой работы преподавателя и студентов, что позволяет сделать процесс овладения языком не только полезным, но интересным и увлекательным.

#### **Литература:**

1. Костикова Л. П. Лингвосоциокультурный подход к преподаванию иностранных языков // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. – 2008. – №3 (20). – С. 21-30.
2. Малышева Т. С. Формирование социокультурной компетенции студентов лингвистических ВУЗов посредством аутентичных видеоматериалов (начальный этап, 2 курс): автореферат дис.... канд. пед. наук: 13.00.02. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с.
3. 王惠莲. 以«微电影»进行对外汉语听说教学的可行性研究 / 王惠莲, 冉晓丽//现代语文(语言研究版). – 2012. – № 12. – 页 93-95.
4. 张晶涵. 浅谈微电影在对外汉语影视教学中的运用 // 电影评介. – 2014. – №16. – 页 91-92.

## СКРЫТЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ 的 И ОФОРМЛЕНИИ СТРУКТУРЫ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ

Кузнецова Ю.А.,  
ИсАА МГУ им. М.В. Ломоносова

В данной статье анализируются некоторые аспекты употребления определительной частицы 的 при построении определений различного типа, а также структуры определительных оборотов, которые так или иначе вызывают сложности у студентов на первых этапах освоения грамматики китайского языка. Работа со студентами младших и старших курсов в рамках практических занятий позволила автору собрать материал, касающийся наиболее частых ошибок, допускаемых учащимися по этой теме в переводах как с русского на китайский, так и с китайского на русский, и обозначить подходы к их устранению.

Знакомство с частицей 的 начинается в вводном курсе китайского языка, где она вводится прежде всего как частица, указывающая на отношения принадлежности [4, стр. 45]. И далее, как определительная частица, призванная отделять определение от определяемого слова (青色的叶子 зеленая листва). Любое определение ставится слева от определяемого им слова (номинативного оборота): такая левосторонняя позиция не вызывает никаких вопросов, когда мы имеем дело с определениями, выраженными несколькими качественными прилагательными или притяжательным местоимением и качественными прилагательными: (красивая молодая девушка, его дорогая красная машина). Как видно, эта структура имеет свой аналог в русском языке. Сложности здесь возникают в особых случаях, когда 的 следует опускать между определением и определяемым. Перечислим их с примерами ниже:

1.1) в тех случаях, когда обозначаются близкие дружественные или родственные отношения;

1.2) принадлежность к некой структуре (университету, месту работы и т.д.)

我(你,她,他,他们,我们)父母(爷爷,兄弟等等) Мой (твой, его, ее, их, наши) родители (дедушка, братья и т.д.)

他公司离这儿很远 Его работа далеко отсюда.

他们单位只要求男人 В их отдел требуются только мужчины.

2.1) при односложном определении, выраженным качественным прилагательным (однако в некоторых справочных пособиях по грамматике китайского языка допускается пометка 的: 新的书 (новая книга), 白的衬衫 (белая рубашка), 冷的开水 (холодная кипяченая вода) [7, стр. 51].

Ввиду этого следует отличать лексические единицы, состоящие из односложного прилагательного и существительного, образующие сращения:

坏人 (негодяй), 老人 (старик), 小人 (карлик, подлый человек), 帅哥 (красавец), 美女 (красавица), 怪人 (чудак), 狂人 (сумасшедший). Они являются словарными единицами, и студентам всегда можно обратиться к словарю в случае возникновения сомнений.

2.3) определение представляет собой неотчуждаемый признак:

机密文件 (секретные документы), 中国茶 (китайский чай), 俄罗斯品牌 (российский бренд), 石头房子 (каменный дом).

Часто студенты не могут определить тип признака и говорят: 中文的杂志, 学生的宿舍, что является неверным; следует обращать их внимание на то, что в данных словосочетаниях определение выражено не качественными прилагательными, а относительными, т.е. такими, которые обозначают признак предмета через его отношение к другому предмету (железный стул, сливовый сад), действию (читальный зал), месту или времени (индийский чай, ночной поезд). Признаки, обозначаемые с помощью относительных прилагательных, являются постоянными и не имеют количественных градаций [9].

Следующая тема связана с порядком постановки прилагательных в определительных оборотах. В учебных пособиях обычно дается упрощенный порядок, где есть 1 притяжательное местоимение, 2 указательное местоимение+соответствующее счетное слово 3 качественное прилагательное 4 относительное прилагательное:

Эти его два новых журнала на китайском языке 他的那两本新中文杂志 [4, стр.147].

Однако часто с русского на китайский нужно переводить определительные обороты, где есть относительные прилагательные и несколько качественных (само количество прилагательных не должно превышать трех – этому принципу нужно следовать, чтобы не перегружать определение). В китайском языке отсутствует четкая схема постановки прилагательных в том виде, в какой мы имеем ее, например, в английском:

1. **Артикль** или другой **определитель** (a, the, his)

2. **Оценка, мнение** (good, bad, terrible, nice)

3. **Размер** (large, little, tiny)

4. **Возраст** (new, young, old)
5. **Форма** (square, round)
6. **Цвет** (red, yellow, green)
7. **Происхождение** (French, lunar, American, eastern, Greek)
8. **Материал** (wooden, metal, cotton, paper)
9. **Предназначение** (sleeping)

Пример: a huge round metal bowl огромная круглая металлическая чаша [10].

Но также такая схема отсутствует и в русском языке. В материалах по подготовке к сдаче HSK (экзамен по китайскому как иностранному языку) обозначена следующая схема расстановки прилагательных, которая следует главному принципу – качественные прилагательные идут в начало, а относительные ставятся непосредственно перед определяемым словом:

很长的绿色的中国风布裙子 зеленая длинная льняная юбка в китайском стиле [6,стр.145]. Здесь важно увидеть, что прилагательное, обозначающее размер объекта, идет перед прилагательным, обозначающим цвет (однако, если размер будет выражен односложным прилагательным без наречия степени, фраза будет выглядеть так: 绿色的中国风长布裙子).

Это значит, что следует обращать внимание не только на тип прилагательных в китайском языке, но также на их односложную или двусложную структуру.

Отдельно нужно сказать о том, что в русском языке есть определения, присоединяющиеся к определяемому посредством предлогов: страны с низким уровнем жизни 生活水平很低的国家, группа из трех человек 由三个人组成的班 и т.д. Следует объяснить студентам, что такие словосочетания на китайский переводятся с помощью определительных оборотов, т.к. при отсутствии языковой интуиции студенты стремятся делать калькированный перевод и искать в китайском предлоги, посредством которых они могли бы передать смысл данных словосочетаний.

Далее, у студентов часто вызывает вопрос место постановки количественного числительного и соответственного счетного слова в определительном обороте, а именно: в самом начале определения или непосредственно перед определяемым словом. Здесь возможны оба варианта [8,стр.38]:

爸爸给我们寄来的三封信在桌子上

三封爸爸给我们寄来的信在桌子上

Три письма, которые прислал нам отец, лежат на столе.

Дополнительную трудность вызывают так называемые «дескриптивные» (т.е. описательные) и «рестриктивные» (служащие для уточнения значения существительного, к которому они отсылают) определительные обороты, в которых постановка указательного местоимения+ (количественного числительного+счетного слова, или именного счетного слова 些, или неопределенно-количественного числительного 几) некоторыми специфическими контекстами четко детерминирована.

В большинстве случаев эта тема в учебных пособиях для первого курса не раскрывается, поэтому остановимся на ней подробнее. В приведенных ниже двух примерах постановка указательного местоимения и сч.сл. возможна как в начале определительного оборота, так и непосредственно перед определяемым словом. Однако смыслы предложений меняются.

那位戴眼镜 儿 的先生是谁? А что это за господин в очках? (описательное определение)

戴眼镜 儿 的那位先生是谁? Кто тот господин в очках? (рестриктивное определение: именно тот, который в очках, а не тот человек или те люди без очков) [5].

Также можно сказать: 那些我昨天买的书在哪里? Где (те) мои книги, которые я вчера купил?

我昨天买的那些书在哪里? Где те книги, которые я купил вчера? (а не сегодня, например)

Но также существуют такие контексты, где возможно только одна из конфигураций.

那些穿时尚服装的人总是吸引别人的注意 Люди, которые модно одеваются, всегда привлекают внимание других.

我一个月以前认识的那些朋友已经离开了中国 Те ребята, с которыми я познакомился месяц назад, уже уехали из Китая.

*К вопросу о структуре определительных оборотов в китайском языке*

Так как в китайском отсутствуют **союзные слова**: который, какой, чей, кто, что, где, куда, – с помощью которых в русском языке формируются сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, а также конструкции с придаточными оборотами, то одна из проблем для студентов в китайском языке на начальном этапе представляет конструкция с распространенным определением (определяющим придаточным) в форме S-V, V-O, S-V-O.

Более того в русском языке придаточные обороты в разговорной речи *обыкновенно*, а определяющее придаточное *всегда* стоят после того члена в главном предложении, к которому относится; строятся они слева направо, а в китайском определение идет слева, что весьма непривычно для русскоговорящего.

我爱上了/喜欢踢足球/的女孩子 (распространенное определение в форме V-O) Я влюбился в ту девушку, которой нравится играть в футбол.

他们昨天认识了/给我们介绍了中国/的人 (распространенное определение в форме V-O, к глагольной группе относится предлог со своим дополнением).

Два возможных перевода на русский 1) Они познакомились вчера с людьми, рассказавшими нам о Китае (придаточный оборот). 2) Они познакомились вчера с людьми, которые рассказали нам о Китае (сложноподчиненное с придаточным определительным).

В этом случае нужно давать студентам упражнения, где они могли бы поэтапно распространять определение. Начинать следует с предложения-шаблона, а далее студенты по цепочке, запоминая предыдущие ответы своих сокурсников, усложняют определение, например, к дополнению. При этом обязательно обращать внимание на порядок членов предложения в определительном обороте, который аналогичен порядку членов предложения в обыкновенном повествовательном предложении. Наиболее полная схема: подлежащее (у которого может быть свое определение), обстоятельство времени (может занимать позицию перед подлежащим), обстоятельство места, сказуемое (группа сказуемого с соответственным предлогом), дополнение (у которого может быть свое определение).

我喜欢车  
我喜欢红车,  
我喜欢你买的红车,  
我喜欢你买的那辆红车,  
我喜欢你昨天买的那辆红车,  
我喜欢你昨天买的那辆英国红车,  
我喜欢你昨天给朋友买的那辆英国红车,  
我喜欢你昨天在汽车商店给朋友买的那辆很贵的英国红车

Примечание 1. В русском языке определительные обороты 'в/на + место' должны переводиться оборотом с 的 на китайский язык, если этот оборот используется для определения имени существительного или именного оборота. Переводить такие предложения с 在 является ошибкой [8, стр. 33].

我工作的工厂 (завод, где я работаю)

我学了五年的大学 (университет, в котором я проучился пять лет)

2. При переводе некоторых определений на китайский нельзя осуществлять дословную передачу смысла. Например, в русском можно сказать «человек, с которым ты вчера разговаривал, мой друг», а в китайском при построении определительного оборота агенты ситуации должны поместиться местами: «человек, который вчера с тобой разговаривал, мой друг» 昨天跟你说话的那个人是我的朋友.

跟你吵架的 那个女孩子是我妹妹 Девушка, которая с тобой поссорилась, моя сестра; в русском возможно: девушка, с которой ты поссорился.

跟你谈了工作问题的太太是我们老板的老婆 Дама, которая с тобой разговаривала о работе, жена нашего директора; в русском возможно: дама, с которой ты разговаривал о работе.

给我卖了一本中文书的李太太感冒了 Тетушка Ли, которая продала мне книгу на китайском, заболела; в русском возможно: тетушка Ли, у которой я купил книгу.

В ситуации, когда мы должны в китайском построить определение, где есть глагол-действие, связанное с двумя агентами, один из которых активный участник, а другой реципиент - обязательно перестроение конструкции: реципиент действия идет в определение, а активный участник становится определяемым словом.

Для студентов будут полезны упражнения, где они сами должны определить постановку 的 в предложении (это могут быть как письменные, так и устные задания). Таким образом развивается навык правильного членения фразы. Особенно это становится важным на старших курсах, когда студенты имеют дело со сложными текстами официального стиля, где тяжеловесные распространенные определения – норма. Рассмотрим примеры, взятые из учебника Кондрашевского и Войцехович для 3-го курса по политическому переводу [3, стр.350, 405]:

а)世界贸易部长会议具有广泛的权利, 主要有立法权、准司法权、豁免某个成员在特定情况下的义务、批准非世贸组织成员国所提出的取得该组织观察员资格的申请。

Совет министров ВТО имеет широкие полномочия, основными из которых являются: законодательное право, квазисудебное право, право освобождать в особых случаях от обязанностей членов организации, а также право утверждать заявки, поданные странами не участниками ВТО для обретения статуса стран-наблюдателей.

Сложность этого предложения в элиминации определяемого слова 权利 при двух последних определениях, поэтому студентам нужно начинать с общего синтаксического разбора, тогда они уста-

новят связи между глагольным сказуемым и дополнением 权利, в данном случае общим для всех определений.

б)永久中立国是根据国际承认或国际条约,除敌抗外来攻击外,永远不与他国作战,不卷入战争或从事任何可能使其直接或间接地卷入战争的任何国家.

Страны, соблюдающие постоянный нейтралитет, являются любыми странами, которые в соответствии с международным признанием или международными договорами, кроме случаев отражения внешнего нападения, никогда не вступали с другими странами в войну, не ввязывались в войну или никогда не предпринимали действий, которые прямо или косвенно могли их привести к войне.

В такого рода предложениях студенты ошибаются, т.к. не видят сказуемое (выраженное именем существительным) и начинают переводить определение отдельно от главного слова, которое и есть качественное сказуемое. Причиной некорректно сделанных переводов, как правило, является невнимание к синтаксической структуре всего предложения.

Примечание. 1. В официальном стиле в предложениях, выражающих определительно-изъяснительные отношения, где поясняемый член главного предложения обычно бывает выражен существительным, обозначающим абстрактное понятие (перед ним обязательна постановка указательного местоимения со счетным словом) типа: результат, взгляд, новость, идея 的 может опускаться [8, 37]:

俄方一个星期以前与中方签署了一些列贸易条约这条新闻很重要

Новость о том, что российская сторона подписала с китайской ряд договоров по торговле, очень важная.

人到了六十岁以后必须退休这个观念我不支持 Я не поддерживаю мнения о том, что люди после 60 лет должны уходить на пенсию.

2. В официальном стиле служебное слово 所 можно употреблять в тех случаях, когда поясняемый член главного предложения по смыслу связан с глаголом-сказуемым придаточного предложения [1, стр.180-181], т.е. когда определительным придаточным предложением является S-V, а определяемое существительное — объектом этого глагола.

这就是大家所已经知道的事情

Это факт, о котором все уже знают.

俄罗斯在这个问题上所一贯坚持的观点是正确的

Точка зрения, которой неуклонно придерживается Россия по данному вопросу, является правильной.

Неверно было бы употребить 所 в этом предложении, где определяемое существительное не является объектом глагола, находящегося в определительном обороте.

那些父母已经所经离开孩子 Дети, чьи родители уже уехали.

**Выводы.** Резюмируя все вышеперечисленные вопросы употребления определительной частицы 的, а также трудности, связанные со структурой определительных оборотов, автору кажется весьма важным более подробно останавливаться на данной теме в рамках первого и второго года обучения китайскому языку, постоянно обращать внимание студентов на синтаксический разбор предложений с определительными оборотами, а также их тренировку в устных и письменных заданиях. Так, в учебнике А.М.Карапетьянца и Тань Аошуан «Учебник китайского языка. Новый практический курс» (который используется в настоящее время как дополнительный учебник на 1-м курсе ИСАА МГУ на кафедре китайской филологии) первый раз 的 вводится в качестве притяжательной частицы в уроке 7 вводного курса и отдельного грамматического комментария не получает. В 26-м уроке дается сводная краткая информация по 的 в качестве определительной частицы для оформления определений, состоящих из одного глагола, а также определений, выраженных субъектно-предикатной конструкцией [2, стр.437]. Ни в коем случае нельзя сказать, что это упущение авторов, т.к. они в полном объеме дают базовую информацию по грамматике китайского. Для преподавателей же языка данная ситуация является возможностью активно и творчески знакомить студентов с одной из самых сложных тем китайской грамматики.

#### Список использованной литературы:

1. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение. 1989
2. Карапетьянц А.М. и Тань Аошуан. Учебник китайского языка. Новый практический курс» (Первая часть). М.: «Восточная литература» РАН. 2007
3. Кондрашевский А. Ф., Войцехович И.В.. Китайский язык. Общественно-политический перевод. М.:Муравей. 2002
4. Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка (11-е издание). М.:Восточная книга. 2010 (21-24 уроки, в 24 дан порядок расположения определений 他的那两本新中文杂志)

5. Chao, Yuen-Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley and Los Angeles, University of California Press. 1968
6. HSK Strategies Course Material (Elementary-Intermediate)/Ed. Zhao Jing. Beijing: The Commercial Press. 2006
7. Li Dejin (李德津), Cheng Meizhen (程美珍). 外国人实用汉语语法 (Practical Chinese Grammar for Foreigners) Beijing: True Run Media. 2008
8. Teng Wen-Hua. Yufa! A Practical Guide to Chinese Mandarin Grammar. Routledge: NY. 2011
9. Интернет ресурс по грамматике русского языка URL <http://ruskiyyazik.ru/609/>
10. Интернет ресурс по грамматике английского языка <http://www.native-english.ru/grammar/adjectives-order>

## **НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ТАЙВАНЬСКОЙ ПОЛИТИКИ КНР.**

*Лычагин А.И.,  
Институт международных отношений  
и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского*

26 сентября 2014 года Генеральный секретарь КПК и Председатель КНР Си Цзиньпин встретился в Пекине с делегацией тайваньских организаций, выступающих за объединение Китая. В самом начале своего выступления господин Си отметил, что «мирное объединение, одна страна – две системы» является основным курсом материка на разрешение Тайваньского вопроса. Нужно отметить, что эта известная доктрина Дэн Сяопина о мирном объединении Родины существовала, главным образом, для внутреннего употребления в выступлениях партийных и государственных деятелей на съездах и пленумах, в соответствующих документах. Причина тому – крайне негативное отношение тайваньцев, причем всех слоев общества, к такой перспективе развития отношений с материковым Китаем. И вдруг, Председатель Си, констатируя, что «единство укрепляет, а раскол ведет к беспорядкам» [2], видит «перспективы национального единства с Тайванем» вот таким, совершенно неприемлемым для острова образом. Вдруг потому, что Пекин с возвращением к власти Гоминьдана, в лице Ма Инь-цзю, принципиально отказавшегося от политики своего предшественника на президентском посту Чэнь Шуй-бяня, заявлявшего о необходимости провозглашения независимости острова и свернувшего переговорный процесс с материком, также все эти годы воздерживался от «резких движений», делая вид, что его устраивает «консенсус 1992 года», в соответствии с которым существует только один Китай, но каждая из сторон вправе на собственное токование этого понятия.

По мнению некоторых аналитиков, это выступление китайского лидера лишь «речь в связи с мероприятием», однако есть основания считать, что не все так просто.

Дело в том, что высокопоставленные функционеры ЦК КПК считают, что руководство Тайваня невнимательно отнеслось к студенческим протестам 18 марта 2014 года, что и послужило причиной отказа Законодательного Юаня Китайской Республики ратифицировать «Соглашение об услугах и торговле через пролив». В июне 2014 года директор канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Чжан Чжицзюнь во время визита на Тайвань стал свидетелем многочисленных протестных акций тайваньцев не желающих сближения с Китаем. А в октябре того же года в уголовном суде Тайваня слушалось «дело об обвинении Чжан Сяньяо в разглашении государственной тайны», что также было воспринято материком как недружественное проявление. Видимо, все эти обстоятельства также способствовали убеждению Председателя Си в том, что Китайская Республика в целом, мягко говоря, не особо стремится к интеграции с КНР и, в таком случае, и Пекин имеет моральное право, если так можно выразиться, вернуться к столь нелюбимому тайваньцами лозунгу «одна страна – две системы».

Тайваньцы рассчитывали на участие президента Ма в прошедшем в 2014 году в Пекине саммите АТЭС, а также его встрече с Председателем Си. Но этого не случилось. И в своем выступлении 26 сентября 2014 года Си Цзиньпин подчеркнул, что «...соотечественники с Тайваня тоже должны лучше понимать чувства и уяснить настроения 1.3 млрд. своих соотечественников на материке, уважать их выбор и стремления» [2], артикулировав тем самым несогласие КНР с участием президента Ма в АТЭС. Очевидно, что для участия Тайваня в АТЭС и других престижных международных организациях, бесконечных обращений Ма к консенсусу 1992 года явно недостаточно. Да он (консенсус), по большому счету и не устраивает Пекин, несмотря на, казалось бы, его, время от времени, одобрение. Но, не с трибун партийных съездов и пленумов. И не в выступлениях руководителей партии, а значит и государства. Вот, что важно. Ведь и его (консенсуса) инициатором явилась тайваньская сторона (Фонд обмена между берегами пролива). А кэнээровская Ассоциация по связям через тайваньский пролив - это некая то ли общественная, то ли около правительственная организация с неясным статусом и полномочиями. Собственное толкование каждой из сторон термина «один Китай», по мнению Политбюро ЦК КПК, есть демагогия и профанация. Но это очевидно для всех. Гораздо интереснее другое. То, что с демагогичностью лозунга о существовании лишь одного Китая, но в собственном его

толковании каждой из сторон, фактически, соглашается и Ма Инь-цзю. Несмотря на все его многочисленные заверения, что «эта формула работает». Своим выступлением Си Цзинпин дал ясно понять и Тайваню, и всему миру, что для попадания Китайской Республики в большую политику нужно согласие на принятие Дэн Сяопиновской модели «одна страна – две системы». Но здесь очевидна другая крайность. Приняв упомянутую доктрину возникает вопрос, - в каком качестве Тайвань будет участвовать в АТЭС и других структурах? В каком качестве Ма Инь-цзю будет встречаться с Си Цзинпином? На сегодня руководители специальных автономных районов Гонконг и Макао присутствуют на неофициальных встречах глав правительств АТЭС, но и тот и другой являются территориями КНР. Не говоря уже о том, что Пекин откровенно «закручивает гайки» в Гонконге, что и вызвало массовые протесты.

Нужно вспомнить еще вот о чем. В июле 2014 лидер Демократической прогрессивной партии (ДПП) Цай Инвэнь, давая интервью «Тянься Цзачжи», заявила: «Самым большим вызовом для ДПП будут выборы 2014 года. (выборы 9 + 1). Партия обязательно должна справиться. И если выборы пройдут успешно, то и весь Китай поддержит политику ДПП» [1]. Позиция ДПП по проблеме двух Китаев хорошо известна Пекину. Это также одна из причин жесткого выступления Си 26 сентября 2014 года. Пекин считает, что с 2008 года, с президентства гоминьдановца Ма Инь-цзю, он предоставлял неоправданно большие преференции острову, что не вызывало должного благодарственного отклика на Тайване. Социальные опросы, проводимые центром исследований Государственного политического университета Китайской Республики, показали, что соотношение граждан «считающих себя тайваньцами» достигло рекордной исторической планки в 60.4%. И, соответственно, число граждан, позиционирующих себя как тайваньцами, так и китайцами постепенно снизилось до 40% уровня. Согласно общественному опросу «Ляньхэбао» проведенному в сентябре 2014 года, коэффициент поддерживающих «объединение» упал с 14% в 2010 году до 12% в 2014 году, а число людей, поддерживающих «независимый Тайвань», возросло с 31% до 34%. За тот же период процент тайваньцев негативно относящихся к коммунистическому руководству материка увеличился с 54% до 57% и, наоборот, число лояльных к политической системе КНР людей снизилось с 33% до 26%. Число негативно относящихся к населению материкового Китая островитян выросло с 47% до 51%, а дружелюбно настроенных граждан Китайской Республики стало меньше - зафиксировано падение с 38% до 36% [2].

Приведенные примеры заставляют сторонников жесткой линии в КПК считать, что бы КНР не предпринимала, тайваньцы непоколебимы в стремлении сохранить свою государственность и держаться на безопасном от материка расстоянии. Задушить хронический тайваньский сепаратизм не удастся и следует прибегнуть к силе.

18 сентября 2014 года были опубликованы результаты референдума о независимости Шотландии и, хотя последние остаются в Соединенном Королевстве, Пекин в очередной раз напрягся. Тайвань, Синьцзянь, Тибет, и даже Гонконг поражены этим, по мнению Коммунистической Партии Китая, недугом. Так как на Тайвань, в отличие от трех других вышеприведенных административно-территориальных образований, власть КПК не распространяется, именно там наибольшая вероятность проведения «референдума о независимости». И, поскольку Пекин обеспокоен тем обстоятельством, что Тайвань может последовать примеру Шотландии и провести референдум о провозглашении независимости острова, то, по мнению радикально настроенной части ЦК КПК ему следует принять самые решительные меры для реализации доктрины отца-основателя китайских реформ «одна страна – две системы».

Радикальные тезисы Си Цзиньпина о мирном объединении пришлись по вкусу не только ДПП, но и всем островитянам-принципиальным сторонникам независимости, поскольку убедительно демонстрируют, что Пекин по-прежнему считает Тайвань своим региональным самоуправлением, что придает их требованиям независимости Тайваня большей состоятельности. Особенно, два дня спустя, когда 28 сентября в Гонконге применили силу к сторонникам движения «оссуру central».

В 2014 году, в одном из своих выступлений на национальном празднике, президент Ма отметил, что «для начала некоторым людям нужно предоставить демократию и материк должен осуществить обещание данное 17 лет назад о всеобщих выборах главы Специального Автономного Района Гонконг»[2]. Пресс-секретарь канцелярии по делам Тайваня при Государственном Совете КНР Фань Лицин отреагировала жестко и незамедлительно: «Тайваню не стоит говорить, что попало относительно политических реформ в Гонконге». Нужно констатировать, что действительно, с 2008 года, со времени возвращения во власть Гоминьдана, предшественного президентом Ма, Тайвань старался избежать любых комментариев темы демократии в Гонконге. Давая интервью «Нью-Йорк таймс» 31 октября 2014 года президент Ма вновь озвучил свою позицию по поводу разгона «оссуру central» в Гонконге. 27 октября газета «Глобал таймс», являющаяся структурным подразделением официального органа ЦК КПК «Жэньминь жибао», опубликовала большую статью о том, что политические организации Китайской Республики подстрекают обучающихся на Тайване студентов КНР к активным протестным действиям. Тайваньские и не только СМИ квалифицировали эту публикацию как провокационную, а вышеупомянутая Фань Лицин официально заявила: «Соответствующие лица на Тайване должны немедленно прекратить подобные действия». Вряд ли это поспособствовало продолжению обмена сту-



дентами. 4 ноября «Глобал таймс» продолжила критиковать высказывание президента Ма в поддержку «оссиу central» Гонконга: «... общественности КНР ничего не нужно от Ма Ин-цзю, и ему следует следить за собой». А 10 октября газета обрушилась с критикой на «республиканство на материке», который заключается в «болезненных мечтах» о временах Китайской Республики. Это свидетельство того, что Пекин обеспокоен «республиканской идеологией» и внутренними недовольствами, опасаясь, что они сольются с экспортируемой тайваньской демократией и гонконгским "оссиу central", образовав гремучую смесь, способную изнутри взорвать коммунистический Китай.

#### Список литературы:

1. Тянься Цзачжи. 26.07.2014.
2. Фань Ши-пин. Профессор института исследования политики тайваньского педагогического университета. Цун Си Цзиньпин «и го лян чжи» цзянхуа каньдай лянъань гуаньси (Влияние речи Си Цзиньпина "одна страна - две системы" на отношения двух берегов). «Ятай хэпин юэкань», Тайвань, ноябрь 2014, с.3-4.

## ИЗУЧЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ХАРАКТЕРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

### 外国汉语学习者对中国传统文化代表元素的认知与理解

Лю Дунна,  
Институт Конфуция при КФУ

#### Аннотация:

По мере экономического роста Китая и роста его международного статуса, «мягкая сила» государства становится все более важным инструментом воздействия. Под влиянием сложившейся в мире ситуации, в Китае в настоящее время активно развивается такое направление как преподавание китайского языка как иностранного. Подходящие способы восприятия и изучения для студентов, изучающих китайский язык, являются залогом грамотного усвоения основ реальной коммуникации на китайском языке. Понимание и знание характерных элементов китайской традиционной культуры – это золотой ключ к богатым знаниям китайского языка. Для того чтобы узнать язык страны, нужно сперва узнать ее культуру, и только тогда можно в совершенстве познать ее язык. Данная статья поможет изучающим китайский язык студентам познать китайскую культуру через такие основополагающие элементы как цвета, животные, растения. Эти знания помогут студентам в будущем обучении, работе и проживании в Китае. Изучение процесса понимания иностранными студентами элементов китайской культуры будет способствовать совершенствованию теории и практике преподавания китайского языка как иностранного.

#### 1. 中国传统文化的认知

文化是一个非常广泛的概念，给它下一个严格和精确的定义是一件非常困难的事情。不少哲学家、社会学家、人类学家、历史学家和语言学家一直努力，试图从各自学科的角度来界定文化的概念。然而，迄今为止仍没有获得一个公认的、令人满意的定义。

根据英国人类学家爱德华·泰勒的定义，文化是»包括知识、信仰、艺术、法律、道德、风俗以及作为一个社会成员所获得的能力与习惯的复杂整体»。其核心是作为精神产品的各种知识，其本质是传播。文化是人类社会特有的现象。文化是由人所创造，为人所特有的。有了人类社会才有文化，文化是人们社会实践的产物。

那么我们可以这么说，文化是一种社会现象，是人们长期创造形成的产物。同时又是一种历史现象，是社会历史的积淀物。确切地说，文化是指一个国家或民族的历史、地理、风土人情、传统习俗、生活方式、文学艺术、行为规范、思维方式、价值观念等。

知道了文化的概念，我们对于传统文化这个概念就很容易的理解了，传统文化就是文明演化而汇集成的一种反映民族特质和风貌的民族文化，是民族历史上各种思想文化、观念形态的总体表征。世界各地，各民族都有自己的传统文化。中国的传统文化以儒家为内核，还有道教、佛教等文化形态，包括：古文、诗、词、曲、赋、民族音乐、民族戏剧、曲艺、国画、书法、对联、灯谜、射覆、酒令、歇后语等。

中国是一个泱泱大国，拥有着上下五千年的历史，而其文化底蕴来说也是相当的丰厚。并且，可以这样说，我国的文化就是东方文化的代表！民族的就是世界的，时代在发展，各个国家都在为发展自己的文化，也就是软实力而努力奋斗。有人说，在 21 世纪，各个国家之间的竞争就是以民族文化为代表的软实力的竞争。在时代快速发展的今天，我们需要自己的民族文化，世界也更需要我们的民族文化，我们也是更需要自己的民族文化。在这个信息爆炸的世界和社会，许多民族的文化都被冲击，有的甚至已经濒临死亡。民族的，原汁原

味的，传统的文化已经岌岌可危了。我们现在要的就是那种传统的，原汁原味的文化。那么作为我们伟大的中华民族，到底什么才是我们的中国传统文化呢？

中国传统文化就是中华文明演化而汇集成的一种反映民族特质和风貌的民族文化，是民族历史上各种思想文化、观念形态的总体表征，是指居住在中国地域内的中华民族及其祖先所创造的、为中华民族世世代代所继承发展的、具有鲜明民族特色的、历史悠久、内涵博大精深、传统优良的文化。它是中华民族几千年文明的结晶，除了儒家文化这个核心内容外，还包含有其他文化形态，如道家文化、佛教文化等等。

那么在我们的眼中中国传统文化是这样的，那么外雇哦汉语学习者的眼中是什么样的呢？真的只是中国人会讲中国话、尊师重道、吟唱诗词歌赋、喜爱书法画画，这些仅此而已嘛？我想留学生应该不会只那么认为，在他们的眼中中国是个神奇的国度，一切都是那么迷人，让人感到惊奇和赞赏。

那么什么才是中国的儒家文化呢？什么才是外国汉语学习者梦想中的真正的中国传统文化呢？让我们一起来看看。

### 1.1 中国的儒家文化

儒家文化以儒家思想为指导的文化流派。儒家学说为春秋时期孔丘所创，倡导血亲人伦、现世事功、修身存养、道德理性，其中心思想是孝、悌、忠、信、礼、义、廉、耻，其核心是「仁」。儒家学说经历代统治者的推崇，以及孔子后学的发展和传承，使其对中国文化的发展起了决定性的作用，在中国文化的深层观念中，无不打着儒家思想的烙印。儒家文化至今仍对现在起着很大的影响。

儒家的创始人是春秋时代的孔子。孔子(前 551-前 479)名丘，字仲尼。英文：Confucius。俄语：К о н ф у ц и й。兄弟中排行第二，春秋后期鲁国人。公元前 551 年 9 月 28 日(夏历八月二十七日)，生于鲁国陬邑昌平县(今山东省曲阜市东南的鲁源村)；公元前 479 年 4 月 11 日(农历二月十一日)逝世，享年 72 岁，葬于曲阜城北泗水之上，即今日孔林所在地。

孔子所处的春秋时代，由于社会内部不可调和的矛盾引起的深重危机摇撼了传统文化的权威性，对传统文化的怀疑与批判精神与日俱增，就连祖述尧舜，从章宪武的孔子也不能不把当时所处的时代精神注入到自己的思想体系中，并对传统文化加以适当的改造，以便在社会实践中建立一种新的和谐秩序和心理平衡。这种情况到了大变革的战国时代显得尤为突出，因为人们在崩塌的旧世界废墟上已经依稀看到了冲破旧尊卑等级束缚的新时代的曙光。

未来究竟是个什么样的社会模式，就成了举世关注的大问题，并在思想界引起了一场百家争鸣式的大辩论。当时代表社会各个阶级、阶层利益的诸子百家，纷纷提出各自的主张，其中一个最主要的争论焦点就是如何对待传统文化的问题。围绕这个问题而进行的思想交锋，儒、法两大思想流派最有代表性。他们旗鼓相当，针锋相对，应者云集，皆为显学。另外还有墨家、道家、阴阳家等等学派，可谓学派林立。

孔子年轻时做过鲁国高官，治国极好，贪官纷纷逃往他国，他国领袖也变得很敬畏鲁国。但他一生大部分时间都是从事教育，相传所收弟子多达三千人，贤人七十二人，教出不少有知识有才能的学生。孔子为春秋末期思想家、教育家，儒学学派的创始人，任鲁国司寇，后携弟子周游列国，最终返鲁，专心执教。在世时已被誉为「天纵之圣」、「天之木铎」、「千古圣人」，是当时社会上最博学之一，并且被后世尊为「至圣」、「万世师表」。因父母曾为生子而祷于尼丘山，故名丘，曾修《诗》、《书》，定《礼》、《乐》，序《周易》，作《春秋》。孔子的思想及学说对后世产生了极其深远的影响。《史记·孔子世家》载：「自天子王侯，中国言六艺者折中于夫子。可谓至圣矣！」

今天儒家所拥有的地位，是由于儒家在产生以后，在从古到今的漫长历史进程中，尤其是在两千多年的封建社会所实行「罢黜百家，独尊儒术」后，独占大一统思想地位后而行成的。儒家主张礼治，强调传统的伦常关系，尤注重人与人之间伦理关系等。儒家在先秦遭墨、法、道等派的激烈批判，在秦代和汉初，遭统治者排斥；在六朝先后受玄学、佛学的挑战，在五四反孔非儒高潮下历空前之厄，但还是绵延至今，其原因是因为儒学植根于中国固有的价值系统而又能随时自我调整，适应了时代和社会的变化。而且相当大的程度上是由于它是东方最有价值的知识系统，以至于今天在某种意义上说它是国学(传统文化)的代名词。儒家是国学的核心与主体。

### 1.2 俄罗斯的「东方气质」

俄罗斯是地处欧亚两个大陆之间，因此既是欧洲又是亚洲，既是东方又是西方。俄罗斯人在面对东方的时候，强调它的西方特性，而当它面对欧洲时强调自己的东方特性。它处在东方文化和西方文化两个板块之间，始终摇摆不定于东西文化之间。这种东西兼存的文化色彩深深影响着俄罗斯民族性格的形成，造就了俄罗斯民族独特的个性。

俄罗斯是信仰东正教，自从古罗斯公元 988 年经过洗礼到现在，东正教一直是俄罗斯的国家，其文化具有宗教性可见一斑。沃洛皮约夫指出：「宗教性是俄罗斯民族人格的核心特征。」宗教性(东正教)以及对绝对善的追求是俄罗斯民族最深层的特点。具有西方文化色彩的东正教在俄罗斯民族个性的形成和发展中所起的作用非同小可，自古以来俄罗斯民族就广泛信教。社会主义时期，由于国家干涉，信教人数一度下降，苏联解体之后，俄罗斯信教人数达到 70%，其中 50%信仰东正教。在俄罗斯最亮丽的一道风景是处处耸立的教堂，它遍布整个俄罗斯。红场上世代受人仰慕的圣瓦西里教堂就是以圣愚瓦西里的名字命名的。圣愚在俄罗斯备受推崇，圣愚代表俄罗斯文化非理性的一面，体现了俄罗斯人的价值观。教堂可以说是俄罗斯人灵魂的家园、心灵的居所，是俄罗斯人心灵休憩的圣地。所以俄罗斯具有建立在东正教精神基础上的特殊文化形式。

别尔嘉耶夫曾经说过，俄罗斯人是极端主义者：他们要么全要，要么什么都不要。关于这一点，如前所述，利哈乔夫也有同样的看法。他也认为：“俄罗斯民族是一个极端性的，从一端迅速而突然转向另一端的民族，因此这是一个历史不可预测的民族。”<sup>1</sup>俄罗斯民族有着巨大的自发力量，并且嗜爱形式。俄罗斯民族在文化方面没有西欧那些民族的优势，它是更加直爽和更富有灵感的民族，它不懂得方法而好走极端。这种极端恰好是东西文化在俄罗斯人身上兼存的表现。一位德国史学家这样说过：»俄罗斯人和蔼而残忍，活泼而野蛮，热情而忧郁，生活有朝气，好学习而不求甚解，计划深远而大多有始无终。»他们看待问题、分析问题的角度常常是极端主义的，采取的行动往往是极端的，这种情绪的极端化体现出俄罗斯人精神的两极分化。在俄罗斯精神结构的基础中有两种对立的因素：自然的、语言的、狄奥尼索斯的力量和禁欲主义的僧侣东正教。尼·别尔嘉耶夫在其《俄罗斯思想》一书中，对俄罗斯民族个性作过如下表述：»在俄罗斯人身上可以发现矛盾的特征：专制主义、国家至上和无政府主义、自由放纵；残忍、倾向暴力和善良、人道、柔顺；信守宗教仪式和追求真理；个人主义、强烈的个人意识和无个性的集体主义；民族主义、自吹自擂和普济主义、全人类性；世界末日一弥赛亚说的宗教信仰和表面的虔诚；追随上帝和战斗的无神论；谦逊恭顺和放肆无理；奴隶主义和造反行动。»

俄罗斯所处的独特地理位置使得它不得不一手牵着东方，另一手拉着西方，从而造成如下后果，东方和西方两股世界历史潮流在俄罗斯发生碰撞并相互作用。俄罗斯人既不是纯正的欧洲人，也不是纯正的亚洲人……东西方两种因素在俄罗斯人心中始终进行着争斗。天然的、多神教的、狄奥尼索斯的自然力和清心寡欲一僧侣式的东正教这两种对立因素成了俄罗斯人意识形态的基础。<sup>2</sup>这种特殊的地理位置导致了其有易变的一面，这一点从地名的反复变化中可以看出。俄罗斯著名城市圣彼得堡在 1703 年叫做 Санкт-Петербург(圣彼得堡)，1914 年改称 Петроград(彼得格勒)，1924 年又改为 Ленинград(列宁格勒)，1991 年又恢复为 Санкт-Петербург(圣彼得堡)。除此以外，还有许多的地方也都是几易其名。这体现了俄罗斯民族个性中的易变性，同时也体现了俄罗斯人地名中包涵着深刻的意识形态因素，俄罗斯的地名名称的变化从一个侧面反映着意识形态的变化和社会的变化。

由于东方文化和西方文化的双重影响，造就了独特的俄罗斯文化，也造就了独特的俄罗斯民族。它不是纯粹的欧洲民族，也不是纯粹的亚洲民族。东方与西方两种文化在俄罗斯发生碰撞，俄罗斯处在二者的相互作用之中。俄罗斯是世界的完整部分，它将巨大的东方和西方结合在一起。在俄罗斯的精神中，在俄罗斯的民族个性中，东、西方两种因素永远并存，并且相互交融。俄罗斯民族个性是极其复杂而深沉的，这是一种东西文化交融的产物，它具备其他民族所有的一切美好品质，同时也具备其他民族所不具备的美好品质。这种民族个性支撑着俄罗斯人经历了一次又一次巨变。在 21 世纪的今天，在东西方都在发生巨变的今天，俄罗斯也在发生着巨变，俄罗斯人会以新的力量，以俄罗斯人所特有的品格去迎接巨变。俄罗斯民族会在一次又一次巨变中锤炼得坚韧而更有内涵，正如俄罗斯联邦的国徽上出现的双头鹰的形象，东西兼顾是俄罗斯民族个性永恒的主题。

## 2. 中国传统文化代表元素之颜色

语言与文化是一个相互依存，密不可分的整体。世界上没有哪一种语言能离开特定的文化，因此在任何语言中都留下了人类文化的痕迹。语言文化不仅体现了一个民族的自然环境、历史渊源、风土人情、传统习惯、而且还记录着该民族的宗教信仰、文化心态、思维方式、价值观念等等。

作为受文化约束的颜色词，除了它们表示颜色的字面意义之外，还具有丰富的社会意义，并且不同的民族语言赋予颜色词不同的文化内涵，它积累了一个一个民族祖祖辈辈的劳动和生活经验，反映了该民族的风俗传统，透视出民族的文化心态，蕴涵着民族的思维方式。

颜色与人们的生活息息相关。颜色词的发展也反映了人们对自然色彩进行认知加工的过程。随着社会生产生活的不断发展，人类文明的不断进步，颜色词的认知和理解得到进一步的发展。对颜色的认知和理解既与人类的生理有关，又同历史与文化密不可分。可以说，对于颜色词语的认知与理解对于留学生学好汉语，了解中国文化，有很大的帮助。下面我们就从以下这几个中国传统文化代表的颜色来认知和理解：

### 2.1 红色

红色是中国文化中的基本崇尚色，它体现了国人在精神和物质上的追求。内敛、含蓄的汉民族之所以喜欢张扬的红色可以追溯到远古时期。华夏民族是世界上最早使用火的民族。钻小取火、刀耕火种的生活加速了先民对火的认识，培养了他们对红色的亲近感。由此可见，汉民族对红色的喜欢历史久远。在汉语中»红色»象征喜庆、幸福、吉祥、热烈、欢迎。传统节日红喜事贴大红对联、大红福字，挂大红灯笼，点红烛、燃红炮，戴红花，著红袍等。我们把促成他人美好婚姻的人称»红娘»；喜庆的日子要挂大红灯笼；我们把热、兴旺叫做»红火»；形容繁华、热闹的地方叫»红尘»；它又象征革命的进步，如最初的政权»红色政权»，最早的武装叫»红军»；它也象征顺利、成功，如人的境遇很好被称为»走红»；得到上级的宠信叫»红人»；分到合伙人经营利润»分红»；它还象征美丽、漂亮，如女子美艳的容颜为»红颜»。

在俄汉语中提到红色(красный)，人们首先想到的这是血和火的颜色。它是中俄两国人民都喜爱的颜色，人们赋予了红色以»美丽的»、»美好的»等意义。例如 красная девица(美丽的少女)、красное лето(美好

<sup>1</sup> [俄]科哈乔夫：《解读俄罗斯》，北京大学出版社 2003 中文版，第 19 页。

<sup>2</sup> [俄]别尔嘉耶夫：《俄罗斯思想》，莫斯科，共和国出版社 1992 年俄文版，第 44 页。

的夏天)。除此之外,红色(красный)还具有»革命的»这种意义。当然这种意义与汉语中红色的那个»红色革命» «红色政权»完全相同。我们知道在我国»十月革命一声炮响,给我们带来了马克思主义»因而可见,我国红色的这个意义是由俄国传来的。而俄国的红色这个意义来源于18世纪的法国大革命,当时红色第一次同»革命»联系到了一起。1871年,法国无产阶级在巴黎建立了工人革命政府—巴黎公社,这是人类历史上第一个无产阶级专政的政权。»红色»是无产阶级酷爱的颜色,在这个特定的历史时期»红色»被赋予了»革命的»的意义。列宁领导的十月革命,推翻了沙皇的统治,建立了苏维埃政权,并建立了无产阶级的革命军队—红军(красная армия)。后来,红色(красный)象征革命的这一意义传到了中华大地,因此,在汉语中出现了红区、红色根据地等词语。

俄语中红色(красный)有»上等»、»珍贵»的隐喻意。例如:красная зверь—珍贵动物、красная дить—上等野味。在俄语中还有《красная книга》(红书),在书中纪录着各种珍稀的濒临灭绝的动植物,取名《红书》是因为在这里红色象征了危险、禁止。还有一些俄语专有的词语:красный угол—上座、放圣像的角落。例如:Елизавета Андреевна всегда по вечерам зажигала лампаду в красном углу и шептала молитвословныя заклинания... 伊丽莎白·安德列耶夫娜在每天晚上点燃圣像前的油灯,低声祈祷,念念有词……

俄语中还有一些特有的带有 красный 的词组:красная горка—复活节后第一周,旧时是举行婚礼的佳期、красная планета—火星、красное словцо—俏皮话。如:

1) Красная горка считалась девичьим праздником тут женихи себе невест выбирали... 复活节后第一周是姑娘的节日,因为小伙子在此期间为自己挑选未婚妻<sup>1</sup>

2) Анет, как и папенька, любила сказать красное словцо. Пашет же была молчалива. (А.Писемский, С.П.Хозаров и Мари Ступицына) 阿涅特像爸爸,喜欢讲俏皮话,帕舍特却不爱讲话。

当然最后说一点,»红色»还代表了富贵和权势。如:在古代,帝王给公侯的赏赐之一就是»朱户»,即将住宅大门漆成尊贵的红色。有功的诸侯赐朱户,王侯的第宅为»朱邸»。李约的《观祈雨》中写到»朱门几处看歌舞,犹恐春阴咽管弦»。在汉语言文化中,»红色»还是忠义的象征。三国演义有红脸的关羽。他忠义不屈,刚毅坚韧,勇猛过人,自古就是人们心目中的英雄。关于»红»的褒义含义还有很多,不胜枚举。在这里有必要强调的是,在俄汉两种语言中,都有 красные ворота (朱门)一词,但是却拥有不同的意义。在俄语中 красные ворота 是»前门、正门»的意思,类似的还有 красное крыльцо,»...Пустил средний брат—полетел стрелок купцу на двор и остановился у красного крыльца» (А.Пушкин) 中的 красное крыльцо 指的就是正门台阶。而在汉语中»朱门»是用来指富豪人家,在杜甫的名句»朱门酒肉臭,路有冻死骨»中就体现出了这种象征权势和地位的隐喻意义。

## 2.2 黄色

黄色是中华民族所崇尚的颜色,是帝王和权利的象征。皇上穿的衣服是»黄袍»,发布的公告称»黄榜»。在黄巢的《菊花》中有这样的诗句»冲天香阵透长安,满城尽戴黄金甲»。这里的»黄»就具有双重的意义,它即指出士兵穿的盔甲的颜色,又隐含了黄巢自喻为»皇»,想推翻唐王朝取而代之的豪情。在生活中黄色与黄金同色,因此黄色不仅代表着神圣、尊贵,还象征着希望、富有、辉煌。汉语传说中的天马是黄色的,所以»飞黄»成为神马的别名。成语»飞黄腾达»就是借天马奔腾,比喻人得志,官职、地位上升得很快。因黄金的宝贵,人们又有了»黄金季节»、»黄金时代»等。在汉语中»黄色»常喻指»失败、落空、垮台»。例如:黄粱美梦、买卖黄了。中国人称赞某人勤奋、敬业,常用»老黄牛»作比喻。

黄色(жёлтый)在俄罗斯文化中是一种禁忌色。在俄语中黄色(жёлтый)被赋予了»背叛»(измена)、»分离»(разлука)、»吃醋»(ревность)等隐喻意。如语言学家 Ю.Гвоздарев 在《Рассказы о русской фразеологии》中写到 Уже в далёкое время он (жёлтый цвет) имел символический смысл измен. Да и в наше время жёлтые цветы символизируют разлуку, измену. 这就是为什么在俄罗斯人们不送黄花的原因。此外,黄色还有»背叛的»、»出卖的»等意义。例如:жёлтый союз 指被资产阶级所收买,并为工贼所控制的工会;жёлтая пресса 指没有原则性的报刊,上面刊登的是低级趣味的新闻。除此之外,还有一些带有 жёлтый 的词组:жёлтая сборка—亚洲国家组装的计算设备、жёлтое безмолвие—黄色沉默地带(指草原)、жёлтый билет—(1917年以前的)妓女身份证、жёлтый дом—精神病院、жёлтый дьявол—黄金或金钱等。黄色(жёлтый)是秋天的颜色。秋天里叶子和小草都开始边黄,一切都走向衰败,所以在俄语中黄色(жёлтый)还有»哀伤、不安、凄凉、惆怅»的隐喻意。如:Жди меня, и я вернусь. Только очень жди. Жди, когда наводят грусть. Жёлтые дожди. (К.С.Симонов) 请等着我吧,我会回来的。只是要你苦苦地等待。等到那哀愁的雨唤起你的忧伤。Леса шумят о жизни стародавней, разносит ветер жёлтую тоску. (Исаковский) 森林喧闹,讲述着往日的的生活,风,带着忧伤,把它吹向四面八方。在

安年斯基的诗《彼得堡》中也体现了黄色(жёлтый)的这一隐喻意:

Жёлтый пар петербургской зимы,  
жёлтый снег, облипающий плиты...  
Я не знаю, где вы и где мы,  
только знаю, что крепко мы слиты.

<sup>1</sup> 转引自黄苏华、刘光准,《俄语语言文化辞典》,文心出版社,2005,第808页。

彼得堡的冬天黄雾弥漫  
漫天的黄雪落满街区，  
我不知道你我身在何方，  
只懂得我们已成为一体。

颜色词是语言中词汇的重要组成部分，它可以向我们展示人类生活神奇的色彩世界，颜色词具有丰富的文化意义，蕴含着深厚的民族文化心理和感情色彩。在我们的生活中，颜色域同时间域、空间域、情感域一样，是人类基本的认知域之一，在俄汉语中，颜色词语所代表的意义有相同也有异同，特别是俄语留学生在对红色的理解上是和我们很相近的，因为他们曾经是苏联各加盟共和国，有着相同的认知。我们要通过让留学生进行有详略的比较认知来了解，让留学生在对比中，更好的理解中国文化的颜色的特殊性和历史传承性，从而更好的理解我们中华民族的传统文化，也能更好的帮助留学生学好汉语。

### 3. 中国传统文化代表元素之动物

由于英语跟俄语同属于印欧语系，语言的发展或多或少有着相同的渊源。英语和俄语的发展都受古希腊、古罗马文化，基督教的影响，同时西欧文化对俄语的发展也起着很重要的作用。因而，较汉语而言，英语和俄语有着更多的相似点，在民族文化心理方面也更趋同。反映在动物词汇方面的是有一些动物在英、俄语中有着完全对等的文化意义，而在汉语中意义相异。

#### 3.1 龙 Д р а к о н

在俄罗斯文化里，龙属于神话性动物。在神话或寓言故事中，龙被认为是一种长着翅膀，会喷火，生吞动物的蛇形怪物，所以龙在俄语里有»残酷和无情»的象征，并以龙来比喻»残酷之人»。反映在俄语谚语中，龙被认为是掳获公主的怪物，如：»Драконы производятся исключительно для принцесс, так как только они могут подготовить их к удачному замужеству»是»龙之所以存在是为了公主，为此他们会好好准备，使公主能顺利出嫁»；»У драконов не бывает аллергии на принцесс, на золото и на пиво»意思是»龙不会对公主，黄金和酒敏感»；»Драконы делят всех женщин на умных, красивых и принцесс»意思是»龙把所有的女人划分为聪明的，美丽的，及公主三种»；»сколько дракона ни корми он всё равно на принцесс смотрит»意思是»再怎么喂养龙，它还是盯着公主看»，近似汉语的»江山易改，本性难移»等，这几句谚语都反映出在神话故事中龙对公主的喜爱，欲将公主占为己有。在神话故事中，龙是凶恶的代表，英雄则被认为是正义的代表，故在俄语谚语中，也常以英雄和龙的对立来做描写。如：»Герой дракон - не товарищ»意思是»对龙而言英雄不是伙伴»，近似汉语的»水火不容»；»Драконы любят героев. Но только в жареном или вареном виде «意思是»龙爱英雄，但只有在炸跟煮的情况下»；»Где прошёл дракон - герою делать нечего «意思是»龙走过的地方，英雄也无用武之地» «Если герой кричит по ночам "Зигфрийд!" - его пора показать дракону «意思是»如果英雄在夜里叫着»齐格菲»，<sup>1</sup>那就是把他先给龙的时候»。这几句谚语都体现出龙向来和英雄都是敌对的，彼此都想消灭对方。另外，»Сытых драконов не бывает. Если дракон притворяется сытым, значит он уснул или умер»意思是»不会有吃饱的龙，如果龙装出吃饱的样子，那就代表着它是睡着了或者是死掉了»，这句谚语更充分表现出龙贪得无厌的形象。综观俄语谚语可以发现，龙在俄罗斯文化里是一种凶残的动物，对龙的评议几乎都是负面色彩的。

龙对汉民族而言则是影响最大的一种虚拟动物。在中国，龙是一种存在于世界，由人们想象出来的神话动物。根据《本草纲目》所载，龙的形象是»头似马，角似鹿，眼似兔，耳似牛，项似蛇，腿似蜃。鳞似鲤，爪似鹰，掌似虎»，它可以上天入地，腾云驾雾，还能呼风唤雨。龙的传说起源于远古社会，随着时代的变迁，龙的形象也逐渐丰富了起来，汉代时把龙视为祥瑞之物，赋予龙»吉祥»的象征意义，唐代开始称帝王为龙，是龙有了权力的象征。此外，中国有»东方巨龙»之称，中华民族向来也以»龙的传人»自居，将龙与汉语文化紧密的连结起来，这些都说明了龙在中国人的心中是至高无上的吉祥象征，也凸显了汉民族对龙的喜爱。反映在谚语中，如：»望子成龙，望女成凤»、»人活一条龙，人死一条虫»、»得志一条龙，失志一条虫»、»有钱是条龙，无钱是狗熊»、»要教子成龙，莫教子成虫»等都是对龙的正面评价，由此可以看出汉民族对龙的喜爱。此外，龙能飞能游，故有许多谚语反映出龙的这些习性，如：»龙到有水，虎到有食»、»龙能治水，人能治火»、»龙无云不行，鱼无水不生»、»云从龙，风从虎»等。另外，由于龙和虎都具有勇猛的特点，所以在谚语中也常将两者合为一体来谈，如：»龙虎相斗，必有一伤»、»龙争虎斗，苦了小獐»、»一举首登龙虎榜，十年身到凤凰池»等。龙在汉语谚语中所反映出来的多为正面评价，多以龙具有的崇高象征比喻成»出色之人»，中国对龙的喜爱程度居其他国家之冠，从汉民族的生活和语言中，都可以看出龙在中国人心目中是至高无上的吉祥动物。

龙是俄汉文化中文化象征差异最大的动物之一，虽然皆为神话类动物，但龙所产生的文化伴随意义在俄汉语中是完全相反的。对俄罗斯民族而言，龙是凶残的一种怪物，扮演的是邪恶的角色，但对汉民族而言，龙是非常祥瑞的动物，不仅历代皇帝以龙自称，民间百姓也喜欢龙吉祥的象征，自诩为»龙的传人»，但俄国沙皇并不会将自己称为 Дракон（龙）。由于这样相对立的象征意义，故反映在谚语上也相反，俄语谚语对龙的评价都是负面的，表现出龙的残酷无情的形象，但在汉语谚语里，龙所表现出来的大都是极为吉祥且高尚的象征。

<sup>1</sup> 齐格菲是古代德国民间史诗中的人物。

### 3.2 熊 Медведь

熊在俄罗斯人中具有多重的形象；既力大无比，又笨拙憨痴。这些形象出现在众多的俄语谚语之中：»Медведь неуклюж, да дюж»（熊行动笨拙，但力大无比），»Хозяин в дом, что медведь в бору»（家中的主人，林中的狗熊），»Медведь не умывается, да здоров живет»（熊不洗澡，但很结实），»Два медведя в одной берлоге не живут（一穴容不下二熊）等。由熊力大无比，所以猎熊既困难，又危险，谚语云：»Счастлив медведь, что не попался стрелку, и стрелок счастлив, что попался медведю»（熊没碰上猎手很走运，猎手没撞上熊也很走运），»Не продавай шкуры, не убив мелвея»（没打死熊之前，先别卖皮，意谓事未成，先别夸口）。熊个子大，不灵活，人们用 *косопалый медведь*（脚指内向的熊）来形容象熊那样笨拙的人。克雷洛夫在寓言《隐士和熊》（»Пустынник и медведь»）中把熊的»憨痴»的形象表现得淋漓尽致。隐士和熊交上朋友。有一天隐士睡着了，熊在旁看守着。它看见一只苍蝇停在隐士的脸上，便抡起胳膊驱赶，可是这只苍蝇不肯飞走，最后停在隐士的额头上。熊便捧起一块大石头，使劲地砸了过去，就这样断送朋友的性命。后人把这种欲益反损的帮助，即帮倒忙，称之为”медвежья услуга”。熊还有»未婚夫»的形象。俄罗斯人民间流传一种说法：»Видеть деть медведя во сне - значит быть свадьбе»（梦见熊意味着快举行婚礼了）。普希金在《叶甫根尼·奥涅金》中有这样的描写：达季雅娜入睡前把梳妆镜藏在枕头下准备在夜间给自己算上一卦。万籁俱静，达季雅娜进入了梦乡。她梦见独自一人在森林里，四周空无一人，突然从雪堆里钻出一只大熊，把她带到了林中小屋。梦中的大熊体现了达吉雅娜向往嫁人的心愿。

契诃夫写了一部名为《熊》的轻喜剧。年轻、美丽的叶琳娜·伊万诺芙娜·波波娃认为邻居斯米尔诺夫是一头»粗鲁的熊»。然而，剧情的发展出乎人们的意料，波波娃和斯米尔诺夫堕入情网，最后喜结良缘。契诃夫塑造的那位粗鲁、强壮、笨重，但心地善良的未婚夫与民间口头创作中熊的形象是相吻合的。

尽管熊有这样和那样的不足，但是它深受俄罗斯人的喜爱《медвежонок Мишка》（小熊米什卡）的造型不仅是广大儿童心爱的玩物，而且是俄罗斯常用的吉祥物。例如，1980年在莫斯科举行的第22届奥运会的吉祥物就是小熊米什卡。在俄罗斯有不少由 *Медведь* 构成的姓，如：*Медведев*（梅德韦杰夫），*Медведков*（梅德韦德科夫），*Медведников*（梅德韦德尼科夫）等，起名为 *Михаил*（米哈依尔）的人也相当之多»熊»被用作泛指»俄国人»的代名词频频出现在报刊上：»为什么英国是熊的朋友»等。

在汉文化中，熊可引起粗犷有力或笨头笨脑的联想，多含贬义，如»他那高高的个子，大块头，像一只大熊似的，坐在一年级的矮桌凳上»（蔡天心，《大地的青春》）又如：»他在护国寺街口，看见了两个武装的日本兵像一对短而宽的熊似的立在街心。»（老舍，《四世同堂》）提起»熊»，我们不禁想起»熊瞎子掰苞米»的故事人们用»掰苞米的狗熊»来比喻脑子笨、忘性大的人。谚语»宁养一条龙，不养十个熊»，比喻宁可用心培养少数有用的人才，也不收罗为数众多的庸才；谚语»兵熊熊一个，将熊熊一窝»和歇后语»黑瞎子跳井——熊到底»，借指庸碌无能之辈。在口语中，也常常听到»你这个熊包»，»你真熊»，表示»你这个笨蛋»，»你真窝囊»的意思。影片《铁道游击队》有这样句台词：»政委，只要你说一句话，我鲁汉打日本鬼子，决不装熊»表示自己不是孬种。另外，»熊»与其它词语组成的»熊心豹胆»和»熊腰虎背»可喻指胆量大、体格魁梧、勇武有力的人，如：»视之，身長九尺，面黑睛黄，熊腰虎背。»（罗贯中《三国演义》）；而»熊黑»既可喻指凶猛的敌对势力，也可比喻勇猛的武士，如：»独有英雄驱虎豹，更无豪杰怕熊黑»（毛泽东，《七律·冬雪》）。由于熊、黑皆为猛兽，旧时以熊黑连称为生男之兆，有»熊黑入梦»一说»吉梦维何？维熊维黑.....维熊维黑，男子之详。（《诗经·小雅·斯干》）»今朝欢爱，浑如锦上添花：旧日因缘，宛似水中摸月，已见熊黑入梦，行看老蚌生珠。»（赵弼《蓬莱先生传》）然而，从总体上讲，熊在汉文化中的主要象征意义是»愚笨、无能、窝囊»。

如果说颜色的词语的理解有难度的话，难么在动物，这个代表元素中，留学生就会遇到最大的麻烦，因为这中动物元素所代表的意象在不同的文化中完全不同，留学生也许根本就转变不过来，而且会更惊奇，为什么汉语中是这样的。尤其是俄语文化圈的留学生，受西方文化影响较为深远，对于龙的理解完全和西方一样，而俄罗斯的传统中对熊的认识又是很正面的。面对这样的问题，我们要积极的引导，领引留学生发现两种不同文化的奥妙之处。让他们对于这种不同产生兴趣，这样就有利于我们对其学习汉语和了解中国文化了很大的作用。并由于龙和熊这两个中俄两国的代表元素在对方国家意思的完全相反，我们要对留学生适当的加入跨文化交际领域的一些知识，这样可以更好地帮助他们了解和学号汉语。

### 3. 中国传统文化代表元素之植物

#### 4.1 柳树 ива

*ива*（柳树）在俄罗斯文化中有双重的象征意义。一方面，它是美丽的，诗人费特（Фет）在《柳树》中这样赞美它：

Сядем здесь, у этой ивы...

Ветви сочные другой

Перегнулись над водой,

Как зеленый водопад

让我们就坐在这棵柳树下翠绿的枝条弯弯地垂在水面上，仿佛泻下一道绿色的瀑布。

另一方面，柳树还常常表达悲哀的意义，常用的修饰语有 *грустный*（悲伤的），*плачущий*（好哭的）等。如 *Грустный ивы листвою / Ночи навстречу шумели* 悲伤的柳树迎着黑夜沙沙响。柳树也是坟地的丧树之一。



涅克拉索夫在《葬礼》一诗中写道：Под большим плакучими ивами / Успокоился бедный стрелок。在几棵高大的垂柳下，长眠着一位不幸的射手。

汉文化中，柳树象征着春天，如《春风杨柳万千条》象征女子的美丽，如《柳眉》，形容女子细长秀美的眉毛，《柳腰》形容女子腰肢柔软象柳条一样。除此之外，中阔占人送别时，常常折截青青的柳枝送给远行的友人。如《新知折柳赠》（权德舆，《送陆太祝》）。甚至一些惜别怀远的乐曲也以《折柳》为曲名，有诗百：《此夜曲中闻《折柳》，何人不起故园晴》（李白，《春洛城闻笛》）。折柳赠别是对友人祝福，这与中国古人对柳树的崇拜有关。古人很早就认识到柳树有旺盛的生命力和顽强的再生力。柳树还用于消灾祈福，如正月里，门前步由一枝杨柳，可以挡住百鬼等等。

#### 4.2 岁寒三友松竹梅

松树有着极强的生命力，不管是在悬崖的缝隙间也好，不管是在贫瘠的土地上也好，只要有一粒种子——这粒种子也不管是你有意种植的，还是随意丢落的，总之，只要有一粒种子，它就不择地势，不畏严寒酷热，随处茁壮地生长起来——狂风刮不倒它，洪水淹不没它，严寒冻不死它，干旱旱不坏它。它只是一味地无忧无虑地生长——陶涛，《松树的风格》）由于松树的这一特点，它遍布中国的大江南北，深深扎根于中华大地。同时，松树与华夏民族的生存有着极其密切的联系。松树的花可以做饼，松花还可酿酒松树的果实松仁不仅芳香可口，而且还可入药；松树的枝干坚固结实，是极好的建筑木材；松树下的松脂可以用于照明，点燃后不怕风吹松明火把在中国历代人民的生活中起了重要的作用；松树燃烧后的炭可以制墨，与中国传统文化有着不解之缘。

由于松树四季常青，不畏酷暑，不惧严寒，它在汉文化中有着品德高尚，不屈不挠的象征意义。早在古代，人们就用岁寒松柏比喻在艰难困苦的逆境里才能够看出一个人坚贞节操的品格，如《岁寒然后知松柏之后凋也》（《论语·子罕》）；用《松贞玉刚》来比喻像御寒的松树那样坚贞不屈，像坚硬的石头那样刚强坚毅，如《松贞玉刚，千夫之业，纂文有光》（韩愈，《祭张给事文》）。在我国文坛上，歌颂松树的品篇佳作不胜枚举如：《亭亭山下松，瑟瑟谷中风。风声一何威，松枝一何劲。冰霜正惨凄，终岁常端正。岂不摧凝寒，松柏有本性。》（刘祜，《赠从第三肖》）《青松在东园，众草没其姿。凝霜珍异类，草然见高枝。》（陶渊明，《饮酒》）；《爱君抱晚节，怜君含直文。欲得朝朝见，阶落故种君。知君死则已，不死会凌云。》（白居易，《栽松》）李白有诗云为草当作兰，为木当作松。兰出香风远，松寒不改容。以兰花香飘力里，青松经得起严寒的考验，暗喻为人应树立高尚的美德，并永远保持它。

时代的发展赋予松树更加丰富的文化内涵，陈毅元帅的《大雪压青松，青松挺且直。要知松高洁，待到雪化时》曾传遍中国的大江南北，这青松喻指浩气凛然、坚忍不拔的代革命志士。

在俄罗斯文化中松树常用以衬托阴沉、压抑的景色；如果猫头鹰和松树作伴，则其有神秘的色彩。

竹子在中国生长的历史悠久，分布广泛，种类很多，据说，全世界有一千三百多种竹，我国就有四百多种。竹子与中华民族的生活有着十分密切的联系。人们用竹子造屋，用竹筒装水盛饭，以及筷子、笔筒、竹床、竹椅、竹筏、竹箭、毛笔等都取材于竹子。古人还用竹片做成用于纪事的竹筒称之为《汗青》，因为竹筒一般先用火烘烤，竹片被烤出粒粒水珠，如同出汗一般。《人生自古谁无死，留取丹心照汗青》（文天祥，《过零丁洋》），此处的《汗青》为引申义：史册。

竹子有旺盛的生命力。人们用《雨后春笋》来形容春天下雨后，竹笋长得又快又多，比喻新生事物的大量涌现。

竹子挺拔翠绿，在汉文化中，素有高贵素雅的美名。苏轼在其《烟潜僧绿筠轩》中这样写道：《可使食无肉，不可使居无竹。无肉令人瘦，无竹令人俗》可见，竹子在人们心目中的地位。竹了有节，故而被用来比喻人有高尚的品德和坚贞的节操。竹子空心，故而被用来比喻人有谦虚的美德，唐代诗人刘禹锡有诗云：《高人必爱竹，寄兴良有以。峻节可临戎，虚心宜待士》（《令狐相公见予赠竹二十韵乃命继和》）邵谒的《竹死不变节，花落有余音》（《金谷园怀古》）暗喻坚贞之士宁为正义而献身。李程的《常爱凌寒竹，贤贞可喻人》（《赋得竹箭有节》），以竹能在严寒中保其本色，喻洁德坚贞者身处逆境而不失气节。

梅为蔷薇科落叶乔木，花儿在冬末春初，百花尚未复苏之时冲寒怒开。谚语云：《腊梅哪怕寒霜降》，《梅占百花魁》。提起梅不禁想到陆游的《卜算子咏梅》：《蜂外断桥边，寂寞开无主。已是黄昏独自愁，更着风和雨。无意苦争春，任群芳妒。零落成泥碾作尘，只有香如故》洁身自好，尽管零落成泥，然而幽香如故的梅花在诗人笔下栩栩如生，同时诗人借梅抒发孤芳自赏的脱俗情怀跃然纸上。毛泽东也用《卜算子》词牌，填了一首《咏梅》：《风雨送春归，飞雪迎春到。已是悬崖百丈冰，犹有花枝俏。俏也不争春，只把春来报。待到山花烂漫时，她在丛中笑》这两首词的情调虽不尽相同，然而不管是寂寞孤愁的梅花，还是丛中欢笑的梅花都有傲雪斗霜、清高芳香、在恶劣环境中保持土质冰姿的品格风采。人们不仅把梅与松、竹并称为《岁寒三友》，而且把它与竹、菊、兰并称为《四君子》，足见梅花在人们心目中的地位。

苍松的坚贞、翠竹的节操和腊梅的傲骨是华夏民族所崇尚的美德，也正是因为这个善于以物明志、借物抒怀的民族，才能从松竹梅的自然秉性中产生丰富的启迪和联想。

植物对于留学生来说，我们可以具体到一些文学作品中进行比较认知。有些植物的意象和他们的一样，但大多数是不一样的，我们要培养他们多从文学作品中理解植物的特殊意象。老师要多引导学生，因为植物的认知相对于颜色和动物来说是比较难得。因为这类多事中国古代文人骚客在文章中的象征，比较抽象。老师应多让留学生在老师的指导下多读文学作品，在具体的文章中进行认知和理解。

#### 结束语

中国传统文化博大精深，对于外国汉语学习者的认知和理解确实是有些复杂，但我们在这里只是挑出了在一些方面能代表中国传统文化的元素，进行详细的分析其意向和所反映和所代表的背后的真正中国传统文化的一些东西，供俄罗斯汉语学习者或是具有相同俄语文化背景的留学生进行认知和了解。

文章的第一部分是介绍了几个概念，首先要让留学生知道并了解什么是文化，什么是传统文化，什么事中国传统文化？那么知道了这些，有简单，粗略的介绍了中国古代传统文化的核心就是儒家思想。那么一切都是以这个为基准进行对事物的认知和理解的。

文章的第二部分至第四部分，是本文的主体，由于中国传统文化众多，我们在这里只是对其中的代表性元素进行分析和了解。首先是颜色，进行了红色和黄色的中俄差异，有相同和不同地方，留学生可以根据本国文化扩展到汉文化，这样有个过渡，就能更好的认知和理解了；其次，是动物，我们选了两个国家的代表性动物进行对比认知；最后是植物，我们选择了在两个国家都要含义代表的事物，让留学生们对比认知。

总之，对于俄语文化圈的汉语学习者来说，我认为在对中国传统文化代表元素的认知和理解上，我们要进行对比，对于同等事物在不同的文化圈内，相同的意象是什么，不同的意象有时什么，有比较，才有发现。

对中国文化代表元素的认知和理解是帮助汉语学习者学好汉语，在中国生活很重要的一部分。以上所做分析，希望能帮助外国汉语学习者对于认知和了解中国文化有一定的帮助。

#### 参考文献

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура [M]: 1983г Москва
2. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения [M] Москва. Изд-во МГУ 2000г
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [M] наука 1987
4. Маслова. В.А.Лингвокультурология. [M]: Академия 2001
5. Никитина. Е.В. популярный энциклопедический словарь Москва научное издательство « Большая российская энциклопедия» 2002.
6. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Сов.Энциклопедия 1990
7. 比德曼(德)著，玉红等译，世界文化象征辞典[M].桂林漓江出版社,2000.
8. 常敬宇 汉语词汇与文化 [M] 北京 北京大学出版社 1995
9. 陈曦 俄汉颜色词语的非颜色意义 [J] 中国俄语教学 1998
10. 邓炎昌. 刘润清. 语言与文化[M]. 北京: 外语教学与研究出版社. 1989.3.
11. 韩全会 趣谈含动物形象的比较短语.[M] 北京: 外语教学与研究出版社,2004
12. 郭春燕 俄汉颜色词的文化伴随意义 [J] 松辽学刊 1997
13. 海淑英 俄汉语动物形象的民族文化差异.[M].北京:外语教学与研究出版社 1999
14. 刘光准,黄苏华 俄汉语言文化习俗探讨.[M] 北京: 外语教学与研究出版社 ,1999
15. 瞿天凤 颜色的文化蕴涵 [J] 云南大学人文社会科学学报 2000
16. 彭在义.俄语成语释源[M].北京:外语教学与研究出版社, 1983
17. 谭林.《俄语语言国情学》 [M] .长春: 吉林大学出版社, 1996
18. 覃先美.《英语动物文化考释》 [M] .长沙: 国防科技大学出版社, 2002
19. 吴国华等 语言国情学 [M] 上海 上海外语教育出版社 2005
20. 伍铁平 模糊语言学 [M] 上海 上海外语教育出版社 1999
21. 王彦 游牧民族颜色词的文化认知研究 硕士论文 中央民族大学 2006
22. 杨明天 俄语的认知研究 [M] 上海 上海外语教育出版社 2004
23. 杨永林 色彩语码研究 [J] 外语教学与研究 2000
24. 杨永林 社会语言学与色彩语码研究 [J] 现代外语 2002
25. 杨永林 基本颜色词理论的跨文化对比研究 [J] 清华大学学报 2003.
26. 赵艳芳 认知语言学概论 [M] 上海 上海外语教育出版社 2001
27. 赵亮 从俄汉颜色词看语言的世界图景 [J] 解放军外国语学院学报 2003
28. 张会森 俄汉语对比研究 [M] 上海 上海外语教育出版社 2004.



# СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ КИТАЮ ВО ВРЕМЯ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Лю Сюнь,  
Хунаньский педагогический университет

## 中国学术界对苏联援华抗日问题的研究

刘雄, 湖南师范大学历史文化学院副教授, 中国·长沙

«七·七»事变后, 日军大举侵华, 中国形势危急。当此关键时刻, 苏联挺身而出, 同国民政府签订互不侵犯条约, 开始向中国提供大规模物资援助, 同时还派遣军事顾问及志愿飞行队赴华支援。这对于加强中国抗战力量, 提振中国士气起到重要作用。战争后期, 苏联出兵中国东北, 一举歼灭日本关东军, 加速了中国抗战胜利的进程。中国学者对这一问题的学术性研究经历了一个从无到有, 由浅入深的历程, 至今硕果累累, 研究结论日趋理性和客观。对这方面的情况加以总结和概括, 不仅可以回顾苏联援华的光荣岁月, 更能向国际学术界传递中国学者在该问题上的最新研究动向。

### 一、相关研究的基本情况

中国学者对苏联援华抗日问题的学术性研究始于改革开放之后。特别是自上世纪九十年代以来, 研究成果的发表呈现出一种快速增长的趋势。这是学术界倡导思想解放、研究自由的积极成果, 同时也与有关各方历史档案的开放密切相关。据笔者粗略统计<sup>1</sup>, 改革开放以来, 在中国大陆各级各类刊物上发表的, 与苏联援华抗日问题直接相关的学术性文章已经超过 300 篇, 而涉及到该主题的中苏关系史著作也在 20 种以上。从事该主题研究的学者来源广泛, 有的是中国社科院系统的专职研究者, 有的是中国各地高校的历史教师, 也有些论著的作者是中国各种抗战纪念机构或相关学会的专业人员。另外, 与该主题相关的史料挖掘与整理工作也在稳步而有序地进行。

依笔者所见, 中国学术界在苏联援华抗日问题上的研究进展表现出四个方面的鲜明特征:

**一是成果数量多, 涉及面广。**在中国改革开放以前, 受制于特定的政治环境, 国内学者难以对苏联援华抗日问题展开学术性研究。为数不多的研究论著在阐述这一问题时, 也多是随着政治潮流的变动亦步亦趋。改革开放以后, «百花齐放、百家争鸣»的方针得到贯彻落实, 学者们可以根据自己的主观意愿和所能获得的史料展开研究。中苏关系不再是学术的禁区, 观点互异的学术论文有如雨后春笋般涌现出来, 苏联援华抗日问题也得到高度重视。在改革开放的第一个十年, 与苏联援华直接相关的论文在 30 篇左右。学者们初步探讨了苏联援华借款的数量、对中国的军火物资援助、抗战后期苏军出兵东北等问题。进入上世纪九十年代, 学者们对这个问题的研究热情更加高涨, 在各种期刊杂志上发表的文章成倍增长。研究的议题也日趋广泛, 几乎涉及到苏联援华的所有方面。有一些过去很少被关注的问题也进入研究者的视野, 如苏联对中共的财政援助, 苏联援华物资的运输通道等。2013 年, 由中国人民抗日战争纪念馆编著的《抗战时期苏联援华史论》一书正式出版, 这是迄今为止国内在该研究领域发表的最为系统和全面的专题研究著作。

**二是史料基础扎实, 研究细致入微。**档案资料的开放与利用是史学研究的重要推手。改革开放之初, 当学者们着手研究苏联援华问题时, 首先面临的就是资料不足的缺憾。那时发表的论文, 真正利用中苏原始资料者很少, 而依据领导人公开言论或各种普通读者居多, 其结果就是泛泛而谈, 甚至以理论推导代替对具体史实的精细研究。冷战结束后, 一方面是中、俄双方对待历史问题的态度更加宽容, 档案资料的开放程度大大提高; 另一方面是国际学术交流日趋活跃, 国内学者能够方便地前往俄罗斯查阅资料, 也可以到台湾地区查找前国民政府的档案。随之而来的, 是一大批史料基础扎实, 研究细致入微的学术成果面世。例如刘卫东充分利用云南省档案馆的原始资料, 研究了抗战初期苏联一批援华军火过境越南的问题。在文章中, 作者讨论了«关于法国禁令的内容»、«关于来船的国籍»、«关于在关单上的注语»等五个历史细节, 纠正了目前记述中的错误, 首次理清了该批军火过境越南的基本过程, 其探讨问题的精细程度令人印象深刻。<sup>2</sup>又如, 关于抗战时期苏联对中共的援助问题, 一直是国内抗战史研究的薄弱环节。张泽宇、孙艳玲等人便利用俄罗斯新近公布的档案资料展开深入研究, 考证出这一时期苏联确曾向中共提供数目不小的财政援助以及少量武器支援。<sup>3</sup>

**三是学术争鸣气氛较为浓厚。**能否对已有成果提出不同见解或是批评意见, 这是辨伪存真, 促进学术良性发展的重要条件, 也是苏联援华抗日问题研究走向成熟的明显标志。检阅该领域的各项成果, 我们感受到的不

<sup>1</sup> 主要是通过《全国报刊索引》和《中国知网》两大数据库。

<sup>2</sup> 刘卫东: «关于抗战前期苏联军火过境越南的史实订补», 《抗日战争研究》2000 年第 2 期。

<sup>3</sup> 张泽宇: «全面抗战时期苏联和共产国际对中共的援助研究», 《中共党史研究》2011 年第 8 期; 孙艳玲: «抗战期间苏联向中共提供资金援助问题初探», 《抗日战争研究》2011 年第 4 期; 孙艳玲: «抗战时期苏联援助中共武器问题初探», 《抗日战争研究》2013 年第 4 期。

是一团和气、人云亦云，而是讨论热烈，甚至是针锋相对。经常能看到不同的学者针对同一问题发表截然相反的观点。例如，有文章认为苏联的援蒋政策是促成皖南事变爆发的重要因素。该文称苏联对蒋介石的反共活动未能起到应有的制约作用，客观上鼓励了蒋在反共道路上越走越远；苏联又在一定程度上妨碍了中共以斗争求团结政策的执行，使其未能有效阻止蒋介石集团发动大规模的反共行动。因此，皖南事变的爆发不可避免。<sup>1</sup>这种说法很快在学术界激起波澜。有学者便著文提出反对意见，认为皖南事变发生的根本原因只能从国内态势与两党关系中去寻找，那种认为皖南事变与苏联援华之间存在必然联系的观点，»是一种曲解苏联援华意图和贬低苏联援华效果的错误论调»，»在考察苏援与皖南事变二者的关系时，必须把主观动因与客观环境、内部决策与外部影响区别开来»。<sup>2</sup>毫无疑问，这种不留情面的学术争鸣对于还原历史的本来面目大有帮助。

**四是研究立场日趋理性和客观。**研究者应该立于何种立场，这是事关学术成果质量的重大问题。例如，有部分学者认为抗战时期苏联不仅拒绝向中共提供援助，并且还»贬低、限制中国共产党的活动，甚至以牺牲中国共产党的利益来换取同国民党政府的妥协»，因此苏联的行为»是有悖于无产阶级国际主义原则的»。<sup>3</sup>站在»无产阶级国际主义»的立场来评判苏联的行为固然有一定道理，然而在现代国际关系中，国家的首要任务乃是维护自己的国家利益。正如杨奎松所论：苏联对华政策的立足点是其自身利益需要。在现实国际政治中，任何国家都不能不把自己国家和民族的利益放在首位，都不能不以保护和损害本国和本民族利益为基本原则。因此在看待苏联的某些作为时，既要指出其利己的动机，也应根据实际情况进行评价。<sup>4</sup>这样的立场就显得更加客观和公允，并且正在成为国内学者研究苏联援华抗日问题的流行趋向。

## 二、研究中涉及的主要议题

如前所述，中国学术界对苏联援华抗日问题的研究已经达到一种细致入微的程度，所涉及的议题十分广泛，几乎涵盖了这一研究领域的各个方面。因受篇幅限制，本文仅选取学者们最为关心的四大议题，对业已发表的成果加以总结和概括。

### 1、中苏关系演变与苏联援华政策的确立

中苏两国自1929年中东路事件以后就处于断交状态，后来的»九·一八»事变成为两国关系回转的契机。正如王真所说：»九·一八事变使中苏两国笼罩着一种共同的危机感：日本是中苏两国的强敌，面临强敌，两国应当重新携手»。<sup>5</sup>在这种背景下，中苏两国于1932年底正式复交。但这并不意味着两国关系的快速发展，从复交到1937年签订互不侵犯条约，经历了长达数年的曲折历程。王真认为主要原因在于蒋介石缺乏主动性，当然苏联这一时期的对华»不干涉»政策也产生了消极影响。<sup>6</sup>薛衔天、金东吉也对中苏谈判互不侵犯条约及互助条约问题展开深入研究。他们指出：苏联从抑制日本锋芒转变为回避日本锋芒、中立日本的政策，»从根本上注定了中国谋求与苏联订立互助同盟条约的努力必然落空»；»在当时的国际条件下，两国只能走到签订互不侵犯条约这一步»。<sup>7</sup>李嘉谷总结了该条约在当时情况下所具有的积极意义，指出它与苏联对华援助之间存在密切联系，因为»在《中苏互不侵犯条约》签订后，苏联才同意给予信用借款与军火物资援助»。<sup>8</sup>罗存康则强调该条约的签订标志着两国形成准战略同盟关系，为国民政府向苏联争取大规模军事贷款和援助，提供了政治基础。<sup>9</sup>

援华抗日的方针既已确立，那么苏联究竟准备向中国提供多大程度的援助呢？有论者指出：»苏联在推行援华政策时，出于其远东战略的考虑，并非尽其所有，全力援华，而是有限度的»。限度之一，是既要有效地支援中国抗战，又不导致苏联单独卷入战争；限度之二，援华不能影响苏联自己的军备建设；限度之三，援华不能导致日本过分紧张。<sup>10</sup>在整个援华期间，苏联与国民政府的众多矛盾和纠葛都可以从这个角度得到解释。王真就专题研究了抗战初期中苏两国在苏联参战问题上的分歧。他追溯了抗战爆发前，蒋介石政府推动苏联对日参战的意图以及苏联的反应，并指出斯大林早在1936年就表示苏联虽然愿意竭尽全力帮助中国抗战，但不想直接介入对日战争。这就是抗战前期苏联对待中苏关系的基本立场，这也决定了蒋介石政府无论如何交涉，

<sup>1</sup> 郭秋光：»抗战前期苏联对华政策与皖南事变的爆发»，《南昌大学学报》（人社版）1999年第1期。

<sup>2</sup> 樊卡娅、朱超南：»苏联援华与皖南事变不能构成因果关系»，《安徽史学》2003年第2期。

<sup>3</sup> 李淑：»简评抗日战争时期共产国际、苏联同中国的关系»，《南京师大学报》（社会科学版），1985年第4期。

<sup>4</sup> 杨奎松：»抗战时期共产国际、苏联与中国共产党关系中的几个问题»，《党史研究》1987年第6期。

<sup>5</sup> 王真：《动荡中的同盟——抗战时期的中苏关系》，广西师范大学出版社1993年版，第1页。

<sup>6</sup> 王真：《动荡中的同盟——抗战时期的中苏关系》，广西师范大学出版社1993年版，第28页。

<sup>7</sup> 薛衔天、金东吉：《民国时期中苏关系史》（中），中共党史出版社2009年版，第58—78页。另外，孙艳玲还专门从中苏谈判互助条约的角度研究了这段历史，得出了大致相同的结论。她指出，中苏两国战略利益的分歧是导致谈判曲折反复的根源。»对苏联来说，只要签订中苏互不侵犯条约即可达到其在远东地区的主要战略目的，而如果签订互助条约，则意味着苏联把自己在远东的命运同一个软弱的盟友拴在一起»。见孙艳玲：»抗战前期中国争取同苏联订立互助条约始末»，《抗日战争研究》2006年第1期。

<sup>8</sup> 李嘉谷：《合作与冲突：1931—1945年的中苏关系》，广西师范大学出版社1996年版，第74页。

<sup>9</sup> 中国人民抗日战争纪念馆编著：《抗战时期苏联援华史论》，社会科学文献出版社2013年版，第49页。

<sup>10</sup> 陈英吴、胡充寒：»抗战初期苏联援华政策的几个问题»，《文史哲》1991年第5期。

两国关系的发展只能限制在互不侵犯条约的程度上。王真认为造成这种情况的根本原因在于双方考虑问题的出发点截然不同。»蒋介石政府的出发点是极力拉苏联参战，企图把抗战重担转嫁到苏联身上»，而苏联更为重视参战的时机和条件，不但要考虑两线作战的问题，还要谨防坠入英、美挑起苏日战争的计谋。<sup>1</sup>

## 2、苏联对华易货借款及军火援助

抗战时期苏联通过易货借款向中国提供大规模军事物资，这是苏联援华的主要方式，也是国内学术界研究的重点问题。在上世纪八、九十年代，国内学者就此发表了多篇观点各异的文章，一度形成争鸣态势。这里面涉及的细节包括：苏联向中国提供了几笔借款？总数是多少？这些借款的动支情况如何？中国利用这些借款购买的苏联武器的种类和数量又是怎样？等等。刘立凯、杨进保在1984年的一篇文章中谈到，苏联在1938—1939年间给予蒋介石的易货借款为2.5亿美元，到1940年又增贷5000万美元给中国。<sup>2</sup>徐平中的文章则说：»从一九三八年三月中苏签订第一个贷款协定起到一九四〇年十二月，五次贷款计四亿五千万美元»。<sup>3</sup>这里就出现了明显的分歧。

针对这种情况，李嘉谷发表文章，专门探讨了苏联对华借款与军火援助问题。他在研究中使用了台湾、苏联以及中国第二历史档案馆的资料。根据他的研究，苏联政府自1938年至1939年先后三次易货借款支援中国抗战，总数为2.5亿美元，实际动用总额为1.73亿美元。他还特别强调：»抗日战争时期，苏联再无贷款援助中国»。<sup>4</sup>稍后，另一学者孔庆泰也发表文章，探讨了太平洋战争爆发前苏联对华军事援助。他在研究中同样使用了中国第二历史档案馆以及台湾方面的资料。他利用这些文献，整理出十多个统计表格，详细载明了苏联历次对华军火援助的品名及数量。另外，他也谈到了借款问题。不过他的结论与李嘉谷所述大相径庭。他认为抗战时期苏联对华借款应该有七笔或八笔，总额为5亿或者是5.6亿美元。<sup>5</sup>李嘉谷随即写作专文予以反驳，指出孔文在史料辩证方面的问题，重新肯定了他自己先前的结论。<sup>6</sup>此后，国内学者在论述相关问题时，普遍认可李嘉谷的观点。2013年，《抗战时期苏联援华史论》一书又开辟专章，全面、系统地探讨了苏联对华贷款和物资援助，反映出国内学术界在该问题上的最新研究情况。值得一提的是，该章作者找到了1948年中央银行编制的《中苏易货借款节略》，再次证明苏联对华借款只有三笔，总额为2.5亿美元。<sup>7</sup>台湾学者王正华也研究了苏联对华军援问题，在他的书中亦开列有该时期苏联输华各种军事物资的名目及帐单。<sup>8</sup>

除了研究苏联对华借款的数目以及军援物资的品种、数量外<sup>9</sup>，国内学者也十分关心援华物资的运输问题。徐万民详细阐述了西北运输通道的情况，并强调指出：抗战时期的西北国际交通线是»中国境内延伸距离最长、运行时间最长、也最安全的国际交通线，成了关系到中华民族生死存亡的生命线»。<sup>10</sup>后来，侯风云利用原始档案，探讨了西北国际交通线建立的原因、过程、具体线路以及该交通线的基本运行情况。他同样指出，这条运输线»是当时西北唯一的国际交通线，特别是在抗战初期，它起到了其他国际交通线所没有的作用，它对中国的抗战做出了重大贡献»。<sup>11</sup>如前所述，刘卫东还专题研究了抗战前期苏联军火过境越南的问题。他强调这是通过越南运到中国的唯一一批苏联军火。他的文章详细阐述了国民政府的运输人员是如何历经艰险将这批总重2920吨左右的军事物资安全运回中国。<sup>12</sup>

## 3、苏联援华军事顾问及志愿航空队

派遣军事顾问来华指导抗战，这也是苏联援华的重要方式。王真总结了这一时期中国大量使用苏联顾问的原因：一，苏联顾问是伴随其军火援助来到中国的，因为使用苏式武器装备就需要苏联专家的技术指导；二，

<sup>1</sup> 王真：»抗战初期中苏在苏联参战问题上的分歧»，《历史研究》1994年第6期。

<sup>2</sup> 刘立凯、杨进保：»第二次世界大战期间苏联的对华政策»，《党史研究资料》1984年第9期。

<sup>3</sup> 徐平中：»抗日战争时期的中苏关系述评»，《湘潭大学学报》（社会科学版），1987年第2期。

<sup>4</sup> 李嘉谷：»抗日战争时期苏联对华贷款与军火物资援助»，《近代史研究》1988年第3期。

<sup>5</sup> 孔庆泰：»太平洋战争爆发前苏联对华军事援助述略»，《历史档案》1991年第1期。

<sup>6</sup> 李嘉谷：»关于抗日战争时期苏联援华贷款问题»，《近代史研究》1992年第3期。在另一篇文章中，他还对苏联有关著作中提供的中国抗战时期苏联援华军火物资的不同统计数字进行了详细介绍和评论。见李嘉谷：»评苏联著作中有关苏联援华抗日军火物资的统计»，《抗日战争研究》1994年第2期。

<sup>7</sup> 中国人民抗日战争纪念馆编著：《抗战时期苏联援华史论》，社会科学文献出版社2013年版，第58页。

<sup>8</sup> 王正华：《抗战时期外国对华军事援助》，（台湾）环球书局1987年版，第106—120页。

<sup>9</sup> 还有学者特别关注苏联援华军火中最重要的项即作战飞机的情况。例如赵广军利用中苏双方的档案，对抗日战争期间苏联援华飞机的数量、机型及其在对日本空军作战中表现出来的特点进行了仔细探讨。见赵广军：»抗战时期苏联援华飞机数量及机型»，《军事历史》2009年第1期。

<sup>10</sup> 徐万民：《战争生命线——国际交通与八年抗战》，广西师范大学出版社1995年版，第90页。

<sup>11</sup> 侯风云：»抗日战争时期的西北国际交通线»，《江苏社会科学》2005年第4期。研究这一问题的文章还有：倪立保：»抗日战争时期的新疆国际交通线»，《新疆师范大学学报》1996年第2期；袁志学：»抗日战争时期西北国际交通线的建立及其历史作用»，《档案》2014年第11期；等。另外，也有回忆性的文章为我们提供了那段历史的诸多细节，如冯肇虞：»对甘新公路修建和苏联援华物资运输情况的回顾»，中国人民政治协商会议兰州市委员会文史资料委员会编：《兰州文史资料选辑》（第八辑），甘肃省新闻出版局1988年版，第120—133页。

<sup>12</sup> 刘卫东：»关于抗战前期苏联军火过境越南的史实订补»，《抗日战争研究》2000年第2期。

中国对苏联顾问的渴求，也与苏联人在北伐时期留给蒋介石的良好印象有关；三，苏联顾问来华是抗战爆发后中德关系日渐疏远的一个后果；四，英、美等西方国家拒绝向中国提供援助，蒋介石只能使用苏联顾问。<sup>1</sup>刘志青详细介绍了抗战时期苏联在华军事顾问体系的结构以及顾问人员的先后任免情况。他还把苏联顾问所起的作用概括为四个方面：一是向国民党军队提供战略战术指导；二是帮助国民政府训练各种军事人才；三是调解国共冲突；四是策划并指挥一些重大战役。<sup>2</sup>

大多数学者对苏联顾问给予了高度评价。王真认为苏联顾问的军政素质高，作风优良，又善于处理同国民党将领的关系，因而在工作上取得了很大成功。<sup>3</sup>薛衔天、金东吉也指出：「苏联军事顾问都是经过严格选拔的精兵强将，具有优秀的军政素质，在武汉、长沙、宜昌等重大战役中贡献了自己的才智」。<sup>4</sup>但也有论者提出，抗战中苏联一度把中国当作实地考察和作战演习的场所，苏联人员调动频繁，不易深入扎实地开展工作，因而也出现过一些错误。比如说在皖南事变前夕，苏联顾问舒金就被国民党军队蒙蔽而未能及时提出预警。<sup>5</sup>

组建志愿航空队赴华参战是苏联援华最直接的措施。薛衔天、金东吉利用中苏双方的档案详细阐述了这方面的情况，并且指出「苏联空军志愿队当中有许多是优秀飞行员和战斗英雄，为中国人民反抗外来侵略建立了丰功伟绩」。<sup>6</sup>赵广军考察了志愿航空队在对日作战中所使用的战术。<sup>7</sup>有论者也指出，尽管苏联志愿航空队在中国的知名度不如后来的美国「飞虎队」，但实际上苏联空军志愿人员在中国创造的战绩以及为中国抗战而牺牲的人数都要远超后来的美国「飞虎队」。<sup>8</sup>2015年5月，南京市地方志办公室还考证出苏联航空志愿队的首战发生于1937年11月22日的南京上空，第一位在空战中牺牲的烈士是时年24岁的苏联空军中尉涅日丹诺夫·尼古拉·尼基福罗维奇。<sup>9</sup>

#### 4、在援助问题上苏联与中共的关系

一般认为，抗战时期苏联在提供援助方面只支持国民党政府而拒绝支持中国共产党。在阐述这一论点时，很多学者都引用了崔可夫的话：「从国外购买的或从国外的援助中得到的所有武器都归蒋介石支配」，「共产党在很大程度上是靠从日本军队那里缴获来的武器装备起来的」。<sup>10</sup>然而，这样的概括过于笼统，不足以揭示当时的真实情况。1992年，王真撰文指出：「这种看法不尽符合历史实际。客观地说，苏联对中共给予了支持，但只是一种有限的支持」。他在文章中重点谈了苏联在舆论上对中共的支持，但并未深入探讨苏联在财政及军事上对中共的援助。<sup>11</sup>

张泽宇以苏联解密档案和俄罗斯学者的最新研究成果为依据，系统研究了抗战时期苏联对中共的援助。他把这种援助概括为以下几个方面：提供140余万美元的财政支持；想方设法改善中共的医疗卫生状况；建立政治和军事院校为中共培养人才等。他也提到苏联曾制订向中共提供武器的计划，但由于种种原因都未能实现。<sup>12</sup>对于这一点，孙艳玲通过俄罗斯、中共以及台湾方面的档案进行了更为细致的探讨。她指出，虽然援助的数量较少，所起的作用也有限，但抗战时期苏联确曾根据中共的要求秘密援助过机关枪、步枪、炮弹、手榴弹、子弹等武器和军事装备。<sup>13</sup>孙艳玲也研究了抗战时期苏联向中共提供资金援助的情况。根据她的文章，从1937年7月到1942年，有资料证明中共收到的资金援助至少为131.3123万美元。她认为这一时期「我们党之所以能够取得对国民党反摩擦斗争的胜利，维护了相对和平的局面，并坚持长期抗战，苏联的资金援助应该起到了很大的作用」。不过她也说明，由于档案资料的缺失，她的研究还只是初步的。<sup>14</sup>

毫无疑问，抗战时期苏联对中共的支援确实非常有限，并且在处理与中共的关系方面还发生过若干错误。<sup>15</sup>那为什么苏联要将援助主要提供给国民党而非共产党呢？杨奎松认为，抗战时期的中苏关系，处于一种党与

<sup>1</sup> 王真：《抗战时期的在华苏联军事顾问》，《抗日战争研究》1992年第3期。

<sup>2</sup> 刘志青：《抗日战争期间苏联在华军事顾问及其作用》，《军事历史》1991年第4期；刘志青：《抗战期间在华军事顾问》，《党史博览》2005年第8期。

<sup>3</sup> 王真：《抗战时期的在华苏联军事顾问》，《抗日战争研究》1992年第3期。

<sup>4</sup> 薛衔天、金东吉：《民国时期中苏关系史》（中），中共党史出版社2009年版，第110页。

<sup>5</sup> 史平：《试评共产国际、苏联在中国的军事顾问工作（下）》，《内江师专学报》（社会科学版）1990年第1期。

<sup>6</sup> 薛衔天、金东吉：《民国时期中苏关系史》（中），中共党史出版社2009年版，第116—121页。

<sup>7</sup> 赵广军：《抗战时期苏联援助志愿飞行员对日作战战术》，《党史文苑》2009年第1期。

<sup>8</sup> 津涛：《苏联援华空军志愿队贡献超过飞虎队》，《华声》2013年第23期。近年来，这种情况正在发生变化，越来越多的中国人知晓苏联援华志愿航空队为中国抗战所做出的贡献和牺牲。2015年年中，电影《相伴库里申科》正式上映。这是根据真人真事改编的，讲述了一对普通母子终其一生为援华抗战牺牲在中国的苏联飞行大队长库里申科守墓的故事。

<sup>9</sup> 《新华日报》2015年5月6日。近年来，国内还出版了多种有关苏联顾问及空军援华的史料，这将有力推动苏联援华抗日史的研究。例如2011年，孙中山纪念馆和钟山文化研究会共同编印了《苏联空军志愿队老战士回忆录》（原名《1937—1940 在中国的天空》）。2013年解放军出版社又翻译出版了卡利亚金所著《沿着陌生的道路：一位苏联驻中国军事顾问的笔记（1938-1939）》。

<sup>10</sup> 崔可夫：《在华使命——一个军事顾问的笔记》，新华出版社1980年版，第64页。

<sup>11</sup> 王真：《抗战时期苏联与中共关系研究中的几个问题》，《近代史研究》1992年第6期。

<sup>12</sup> 张泽宇：《全面抗战时期苏联和共产国际对中共的援助研究》，《中共党史研究》2011年第8期。

<sup>13</sup> 孙艳玲：《抗战时期苏联援助中共武器问题初探》，《抗日战争研究》2013年第4期。

<sup>14</sup> 孙艳玲：《抗战期间苏联向中共提供资金援助问题初探（1937.7—1942）》，《抗日战争研究》2011年第4期。

<sup>15</sup> 讨论这方面情况的论著很多，如王真：《动荡中的同盟——抗战时期的中苏关系》，广西师范大学出版社1993年版，第201—245页；杨奎松：《毛泽东与莫斯科的恩恩怨怨》，江西人民出版社1999年版，第85—116页；易新涛：《论抗日战争时期苏联对中共共产党的政策》，《甘肃理论学刊》2009年第1期；齐彪：《抗战时期苏联对华战略与国共摩擦》，《民国档案》1996年第4期；等。

党和国与国关系的矛盾状态之中。苏联面对的是一种两难选择：»支持由国民党所代表的中国政府，就难免要部分牺牲中国共产党的利益；而向中国共产党提供帮助，在事实上又不免要损害作为国家利益代表的国民政府»。<sup>1</sup>现实需要总是第一位的，黄春锋指出：»抗战时期苏联根据自己的国家利益，片面地认为中国抗战的主力是中国国民党而不是中国共产党，是国民政府及其军队而非中国共产党及敌后抗日根据地。因而对中国的援助只以国民党政府为对象，所有援华物资均交给国民党政府支配»。<sup>2</sup>

### 三、对苏联援华抗日的评价

上世纪五十年代，当中苏关系处于蜜月期时，国内学者对苏联援华抗日给予了高度评价。那时候的典型表述如下：»1937—45年的中苏关系就是苏联人民援助中国抗日的历史。事实告诉我们，只有苏联，在道义上外交上声援中国，也只有苏联，真正地在军事上、物资上、技术上给中国以援助»。<sup>3</sup>至于中苏关系当中的一些不和谐插曲，一般是避而不谈。后来，随着国内政治风云的变幻，整个中苏关系史都成了学术研究的禁区。<sup>4</sup>

改革开放以后，学术氛围日渐宽松，如何评价苏联援华抗日很快成为学术讨论的热门话题，各不相同的观点百花齐放。笔者把它们归纳为三种意见：

第一种：基本否定。持这种观点的人相对较少，他们认为抗战时期»苏联的对华政策完全是出于自身狭隘的民族利益，无丝毫帮助中国革命的意图，仅仅是苏联大国沙文主义的露骨表现»；苏联»向中国提供一定的援助，旨在借中国之力牵制日本的兵力，不惜把中国淹没在血泊之中»。<sup>5</sup>

第二种：一分为二，既肯定又否定。持这种观点的学者比第一种要多一些。例如朱敏彦认为，苏联援华抗日»无疑具有两重性：一方面，苏联政府和斯大林积极支持中国抗战，加速抗战胜利的到来；另一方面，苏联政府和斯大林对中国抗战的支持始终是以服从于并服务于苏联本国利益为出发点的»。<sup>6</sup>陈九如指出：»我们既要肯定苏联援华的客观进步作用，又要认清苏联援华背后民族利己主义的反动本质；既要看到苏联援华不同于英法的绥靖政策，又要看到在援华的背后，中华民族所付出的巨大牺牲»。<sup>7</sup>

第三种：一分为二，但以肯定为主。这是目前国内学术界的主流观点。这方面例子很多，如王廷科写道：»苏联对中国的抗日战争，既有积极援助的一面，也有消极影响的一面；有贡献，也有错误。但两相权衡，援助和贡献的一面是主要的。应当肯定，苏联是中国人民抗日战争的同盟者；苏联的援助，是争取抗日战争胜利的重要国际条件»。<sup>8</sup>田霞也认为苏联援华»既体现了国际主义精神，以各种方式支持和援助了中国的民族解放战争，加速了日本的失败，同时，这种援助中又夹杂着民族利己主义和大国沙文主义，有损于中国的抗战和进步事业。但是，总体上，积极作用是主要的»。<sup>9</sup>

与此同时，部分学者跳脱出简单肯定或否定的窠臼，而从现实国际政治的角度去解读和评价苏联的援华行为。王真指出：»不能因为斯大林在援华问题上涉及到苏联自己的利益，就予以非难和指责»。关键是在追求自己国家利益的时候有没有损害他国利益。他认为»斯大林虽然强调了援华对苏联自身利益的重要性，甚至象某些人所说，是把考虑自身利益作为对华政策的一个根本出发点，但斯大林推行的政策并没有损害到中国的利益。相反，是中国方面得到了巨大的援助»。<sup>10</sup>栾景河则认为：»任何国家的对外政策首先都是为本民族和国家利益服务的，苏联同样毫不例外。这里只有理论上的国际主义或大国沙文主义，而在实际过程中都变得更加具体»。<sup>11</sup>也有论者提出，从现代国际关系的理论与实践来看，用»无私»或»自私»的标签去评价一国的外交政策并不适当。在抗战问题上，中苏两国的民族利益从根本上来说是一致的。苏联的对华援助，可以理解为»主观为自己，客观为别人»。<sup>12</sup>

在评价问题上还有两点值得注意：

一是如何看待抗战后期苏联出兵中国东北。众所周知，苏联出兵是与雅尔塔会议上达成的秘密协定联系在一起的，换句话说是有附带条件的。那么苏联的这次军事行动能否划入援华抗日的范畴？国内学者对此有很多不同意见。赵士国的观点可以代表目前学术界的主流。他说：苏联的行动»突出地表现了苏联的民族利己主义和大国沙文主义。但同时我们也必须承认，苏联出兵使中国人民避免了把日本侵略者赶出国门必将遭受的更为

<sup>1</sup> 沈志华主编：《中苏关系史纲：1917—1991年中苏关系若干问题再探讨》，社会科学文献出版社2011年版，第64页。

<sup>2</sup> 中国人民抗日战争纪念馆编著：《抗战时期苏联援华史论》，社会科学文献出版社2013年版，第152页。

<sup>3</sup> 魏宏运：»抗日战争中苏联对中国的援助»，《历史教学》1954年第12期。

<sup>4</sup> 顺便提一下，台湾学者对于苏联援华抗日一般持消极立场。他们认为»中苏之间不可能存在真正的合作关系»，双方无非是相互利用。苏联之所以援助中国，是为了在»国际群起反共的浪潮下，以中国战场纾解来自日本的威胁»，而国民政府则是在日本侵略的前提下，»被逼着走上争取苏联援助之途»。见王正华：《抗战时期外国对华军事援助》，（台湾）环球书局1987年版，第91页、第99—100页。

<sup>5</sup> 徐明忠、王胜霞：»抗日战争时期苏联对华政策新论»，《枣庄师专学报》1997年第4期。

<sup>6</sup> 朱敏彦：»简评抗战胜利前夕苏联对华政策»，《史学月刊》1988年第6期。

<sup>7</sup> 陈九如：»苏联援华抗日政策评析»，《民国档案》2001年第4期。

<sup>8</sup> 王廷科：»苏联与中国抗日战争»，《文史杂志》1987年第4期。

<sup>9</sup> 田霞：»抗日战争前期苏联对华政策及对中国抗战的影响»，《西北大学学报》（哲学社会科学版）1999年第2期。

<sup>10</sup> 王真：»论抗战初期苏联援华政策的性质»，《中共党史研究》1993年第5期。

<sup>11</sup> 栾景河：»抗战期间苏联对华政策再研究»，王建朗、栾景河主编：《近代中国、东亚与世界》（下卷），社会科学文献出版社2008年版，第843—865页。

<sup>12</sup> 骆晓会：»苏联援助中国抗日战争目的辨析»，《株洲师范高等专科学校学报》2000年第4期。

重大的牺牲，加速了日本的投降»。<sup>1</sup>沈志华则从苏联战略决策的角度考察了这个问题。他认为苏联出兵东北是其远东战略的既定方针，是为了实现或者说恢复它在远东的权益。苏联对日宣战并不是受到外界鼓动或压力的结果，与中国政府是否请求也根本无关。苏联在远东作战的对象虽然是日本，但它在远东所要谋取真正的和最大的权益却是在中国。<sup>2</sup>从这个角度来看，苏联出兵东北很难说是为了援助中国。

二是中国抗战对苏联的意义。在这方面，很多学者强调了中国的抗战对于保卫苏联的积极作用。董文涛指出：»苏联给予中国人民以巨大的援助，而中国人民艰苦卓绝的 14 年抗战，牵制、消耗了日本大量的人力、物力、财力，使其没有能够北犯苏联，这同样也是对苏联的巨大支援»。<sup>3</sup>王莹援引相关史料以及苏联学者茹科夫的观点，指出中国的抗战是日军始终未敢北犯苏联的一个主要原因。<sup>4</sup>常拉堂同样认为：»中国人民通过浴血抗战有效地拖住了日军，充当了抵御日本进攻苏联后大门的战略屏障，保证了苏联远东地区的安全。中国提供的钨、锡等战略物资，有力支援了苏联的国防工业»。<sup>5</sup>王真还列举统计数字详细说明了中国为偿还借款而向苏联输出农矿产品的情况，同时也指出这些战略原料有力支持了苏联的战时生产。<sup>6</sup>

抗战胜利已经整整 70 周年，苏联人民援华抗日的辉煌历史也将永远铭刻在中国人民心中。做为后来人，我们不但要牢记这段历史，更要理性、客观地对待这段历史。不管时势如何变化，我们都应谨遵实事求是的原则，开展学术研究，从事历史叙事，不再重蹈学术问题政治化的覆辙。同时也要继续推动中俄两国之间的学术交流，避免自说自话。唯有如此，才能真正夯实中俄友好交往的基础，开辟两国美好关系的未来。

## ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В КАЛМЫЦКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Манджиева С.А.

Калмыцкий государственный университет.

Имя существительное, как часть речи, называет предмет и выражает категориальное грамматическое значение предметности в грамматических категориях одушевленности/неодушевленности, притяжательности, числа, падежа.

В калмыцком языке, как и в китайском, существительное различается по признакам одушевленности и неодушевленности (в обоих языках к одушевленным существительным относятся слова, обозначающие только человека и отвечают на вопрос калм. *кен?*, кит. *shei?* «кто?»), а весь остальной животный мир относится к неодушевленным предметам. Различаются существительные нарицательные и собственные, пространственные, вещественные, отвлеченные, слова выражающие принадлежность к биологическому полу и т.д.

Имя существительное объединяет в себе названия самых различных предметов и явлений действительности, а именно:

**Человек:** калм. *күн*, кит. *ren<sup>2</sup>* «человек»; калм. *нерн*, кит. *ming<sup>2</sup>zi* «имя»; калм. *өвкин нерн*, кит. *xing<sup>4</sup>* «фамилия»; калм. *көвүн*, кит. *nan<sup>2</sup>hai<sup>2</sup>zi* «мальчик»; калм. *күүкн*, кит. *nu<sup>3</sup>hai<sup>2</sup>zi* «девочка»; калм. *залу*, кит. *nan<sup>2</sup>zi* «мужчина»; калм. *гергн*, кит. *nu<sup>3</sup>ren<sup>2</sup>* «женщина»; калм. *ээж*, кит. *nai<sup>3</sup>nai* «бабушка»; калм. *өвгн*, кит. *ye<sup>2</sup>ye<sup>2</sup>* «старик».

**Профессия:** калм. *ахлач*, кит. *tou<sup>1</sup>tou* «начальник»; калм. *багш*, кит. *lao<sup>3</sup>shi<sup>1</sup>* «учитель»; калм. *заманч*, кит. *chu<sup>2</sup>shi<sup>1</sup>* «повар»; калм. *хулдач*, кит. *shou<sup>4</sup>huo<sup>4</sup>luan<sup>2</sup>* «продавец»; калм. *эмч*, кит. *yi<sup>1</sup>sheng<sup>1</sup>* «врач»; калм. *мосхач*, кит. *jian<sup>4</sup>she<sup>4</sup>zhe<sup>3</sup>* «строитель»; калм. *мооч*, кит. *kuai<sup>4</sup>ji<sup>4</sup>* «бухгалтер»; калм. *механикч*, кит. *xiu<sup>1</sup>li<sup>3</sup>gong<sup>1</sup>* «механик»; калм. *түүмрч*, кит. *xiao<sup>1</sup>fang<sup>2</sup>luan<sup>2</sup>* «пожарный»; калм. *төмрч*, кит. *gong<sup>1</sup>jiang<sup>4</sup>* «кузнец»; калм. *өдмг болһач*, кит. *mian<sup>4</sup>bao<sup>1</sup>shi<sup>1</sup>fu* «пекарь»; калм. *зарһч*, кит. *fa<sup>3</sup>guan<sup>1</sup>* «судья»; калм. *харулч*, кит. *kan<sup>1</sup>shou<sup>3</sup>* «сторож»; калм. *бичөч*, кит. *zuo<sup>4</sup>jia<sup>1</sup>* «писатель»; калм. *наад һаһдө залу күн*, кит. *yan<sup>3</sup>luan<sup>2</sup>* «актер»; калм. *дууч*, кит. *ge<sup>1</sup>shou<sup>3</sup>* «певец»; калм. *зург цокач*, кит. *she<sup>4</sup>ying<sup>3</sup>shi<sup>1</sup>* «фотограф»; калм. *үс хөөчлөч*, кит. *li<sup>3</sup>fa<sup>4</sup>shi<sup>1</sup>* «парикмахер»; калм. *агрономч*, кит. *nong<sup>2</sup>xue<sup>2</sup>jia<sup>1</sup>* «агроном»; калм. *малын эмч*, кит. *shou<sup>4</sup>yi<sup>1</sup>* «ветеринар»; калм. *туужч*, кит. *li<sup>4</sup>shi<sup>3</sup>xue<sup>2</sup>jia<sup>1</sup>* «историк»; калм. *хасвч*, кит. *tu<sup>2</sup>hu<sup>4</sup>* «мясник»; калм. *хөрүлөч*, кит. *mu<sup>4</sup>ren<sup>1</sup>* «пастух»; калм. *заһсч*, кит. *yu<sup>2</sup>min<sup>2</sup>* «рыбак»

**Родственные отношения:** калм. *эк*, кит. *ma<sup>1</sup>ma* «мать»; калм. *баажа*, кит. *ba<sup>4</sup>ba* «папа»; калм. *ах*, кит. *ge<sup>1</sup>ge* «старший брат»; калм. *дү көвүн*, кит. *di<sup>4</sup>di* «младший брат»; калм. *эгч*, кит. *jie<sup>3</sup>jie* «старшая сестра»; калм. *дү күүкн*, кит. *mei<sup>1</sup>mei* «младшая сестра»; калм. *наһцх*, кит. *jiu<sup>4</sup>jiu* «дядя по материнской линии»; калм. *авһ*, кит. *shu<sup>1</sup>shu* «дядя по отцовской линии»; калм. *наһц эгч*, кит. *yu<sup>1</sup>ma<sup>1</sup>* «тетя по материнской линии»; калм. *һаһа*, кит. *gu<sup>1</sup>ma<sup>1</sup>* «тетя по отцовской линии»; калм. *аав*, кит. *ye<sup>2</sup>ye<sup>2</sup>* «де-

<sup>1</sup> 赵士国: «抗日战争时期苏联对华政策解读», 《世界历史》2007年第1期。

<sup>2</sup> 沈志华: «苏联出兵中国东北: 目标和结果», 《历史研究》1994年第5期。

<sup>3</sup> 董文涛: «中国人民的抗日战争是对苏联的有力支援», 张鹏一、李永璞主编: 《东北抗联史学术交流会文集》, 白山出版社 2013年版, 第12—21页。

<sup>4</sup> 王莹: «中国抗战: 日军始终未敢北犯苏联的一个主要原因», 《党史文汇》1995年第12期。

<sup>5</sup> 常拉堂: «抗战时期苏联的对华军援军售», 《军事史林》2015年第4期。

<sup>6</sup> 王真: 《动荡中的同盟——抗战时期的中苏关系》, 广西师范大学出版社 1993年版, 第138—142页。



душка»; калм. ээж, кит. *paí<sup>3</sup>paí* «бабушка»; калм. күүкн, кит. *ni<sup>3</sup>er<sup>2</sup>* «дочь»; калм. көвүн, кит. *er<sup>2</sup>zi* «сын»; калм. ач күүкн, кит. *zhi<sup>2</sup>nu<sup>3</sup>* «племянница»; калм. ач көвүн, кит. *zhi<sup>2</sup>zi* «племянник»; калм. залу, кит. *lao<sup>3</sup>gong<sup>1</sup>* «муж»; калм. гөргөн, кит. *qi<sup>1</sup>zi* «жена»; калм. күргөн, кит. *xu<sup>4</sup>* «зять»; калм. бер, кит. *xi<sup>2</sup>fu* «сноха».

**Животные:** калм. мис, кит. *mao<sup>1</sup>* «кошка»; калм. ноха, кит. *gou<sup>3</sup>* «собака»; калм. үкр, кит. *niu<sup>2</sup>* «корова»; калм. мөрн, кит. *ma<sup>3</sup>* «лошадь»; калм. хөн, кит. *yang<sup>2</sup>* «овца»; калм. хаха, кит. *zhu<sup>1</sup>* «свинья»; калм. темән, кит. *luo<sup>4</sup>tuo* «верблюд»; калм. зебр, кит. *ban<sup>1</sup>ma<sup>3</sup>* «зебра»; калм. арес, кит. *lao<sup>3</sup>hu<sup>3</sup>* «тигр»; калм. мөчн, кит. *hou<sup>2</sup>zi* «обезьяна»; калм. чон, кит. *lang<sup>2</sup>* «волк»; калм. туула, кит. *tu<sup>4</sup>* «заяц»; калм. арат, кит. *hu<sup>2</sup>li* «лиса»; калм. аю, кит. *xiong<sup>2</sup>* «медведь»; калм. аюка «медвежонок»; калм. хандһа, кит. *mi<sup>2</sup>lu<sup>4</sup>* «лось»; калм. буй, кит. *lu<sup>4</sup>* «олень»; калм. зурмн, кит. *di<sup>4</sup>shu<sup>4</sup>* «суслик»; калм. кермн, кит. *song<sup>1</sup>shu<sup>4</sup>* «белка»; калм. арслн, кит. *shi<sup>1</sup>zi* «лев»; калм. хулһн, кит. *shu<sup>3</sup>* «мышь».

**Птицы:** калм. харада, кит. *yan<sup>4</sup>zi* «ласточка»; калм. көгелжрһн, кит. *ge<sup>1</sup>zi* «голубь»; калм. нүһсн, кит. *ya<sup>1</sup>zi* «утка»; калм. така, кит. *ji<sup>1</sup>* «курица»; калм. һалун, кит. *e<sup>2</sup>* «гусь»; калм. хун, кит. *tian<sup>1</sup>e<sup>2</sup>* «лебедь»; калм. һәрд, кит. *ying<sup>1</sup>* «орел»; калм. шаазһа, кит. *xi<sup>3</sup>que<sup>4</sup>* «сорока»; калм. ханчилду, кит. *guan<sup>4</sup>* «аист»; калм. көк хутн, кит. *lu<sup>4</sup>* «цапля»; калм. тоһрун, кит. *he<sup>4</sup>* «журавль»; калм. тоһстн, кит. *kong<sup>3</sup>que<sup>4</sup>* «павлин»; калм. йотун, кит. *zhe<sup>4</sup>gu<sup>1</sup>* «куропатка»; калм. тоһһа, кит. *bai<sup>3</sup>ling<sup>2</sup>* «жаворонок»; калм. богшурһа, кит. *ma<sup>2</sup>que<sup>4</sup>* «воробей»; калм. көкөш, кит. *shan<sup>1</sup>que<sup>4</sup>* «синица»; калм. цах, кит. *ou<sup>1</sup>* «чайка»; калм. элэ, кит. *lao<sup>3</sup>ying<sup>1</sup>* «коршун»; калм. эр немш така, кит. *huo<sup>3</sup>ji<sup>1</sup>* «индюк»; калм. темән шо-вун, кит. *tu<sup>2</sup>piao<sup>3</sup>* «страус»; калм. тоңшур, кит. *zhuo<sup>2</sup>tu<sup>4</sup>piao<sup>3</sup>* «дятел».

**Рыбы:** калм. шөрөкө, кит. *lu<sup>2</sup>* «окунь»; калм. цурх, кит. *suo<sup>1</sup>zi yu<sup>2</sup>* «щука»; калм. сазн, кит. *li<sup>3</sup>yu<sup>2</sup>* «сазан»; калм. жаалг, кит. *nian<sup>1</sup>yu<sup>2</sup>* «сом»; калм. кет балг, кит. *ji<sup>4</sup>yu<sup>2</sup>* «карась»; калм. цуув, кит. *chang<sup>1</sup>yu<sup>2</sup>* «лещ»; калм. башаңһ, кит. *li<sup>3</sup>hai<sup>3</sup> ni<sup>3</sup> li<sup>3</sup>* «вобла»; калм. тул заһсн, кит. *jing<sup>1</sup>yu<sup>2</sup>* «кит»; калм. аврһ заһсн, кит. *sha<sup>1</sup>yu<sup>2</sup>* «акула»; калм. ботаха, кит. *lu<sup>2</sup>yu<sup>2</sup>* «судак»; калм. бекр, кит. *xun<sup>2</sup>yu<sup>2</sup>* «осетр»; калм. бөрг, кит. *li<sup>3</sup>yu<sup>2</sup>* «карп»; калм. хорө, кит. *huang<sup>2</sup>* «белуга»; калм. ярһа заһсн, кит. *san<sup>1</sup>wen<sup>4</sup>yu<sup>2</sup>* «лосось»; калм. мө заһсн, кит. *fei<sup>1</sup>yu<sup>2</sup>* «сельдь».

**Деревья:** калм. лир модн, кит. *ci<sup>4</sup>hua<sup>4</sup>* «акация»; калм. хусм, кит. *hua<sup>4</sup>* «береза»; калм. жүкн, кит. *yu<sup>2</sup>shu<sup>4</sup>* «вяз»; калм. хар модн, кит. *xiang<sup>4</sup>shu<sup>4</sup>* «дуб»; калм. нөөнг, кит. *shan<sup>1</sup>* «ель»; калм. удн, кит. *liu<sup>3</sup>shu<sup>4</sup>* «ива»; калм. уласн, кит. *bai<sup>2</sup>yang<sup>2</sup>* «осина»; калм. жөөлн цаһан модн, кит. *duan<sup>4</sup>* «липа»; калм. агч модн, кит. *feng<sup>1</sup>shu<sup>4</sup>* «акация»; калм. шархарһа, кит. *song<sup>1</sup>shu<sup>4</sup>* «сосна»; калм. хөн бөөлжрһн, кит. *hua<sup>1</sup>qiu<sup>1</sup>guo<sup>3</sup>* «рябина»; калм. уласн, кит. *yang<sup>2</sup>shu<sup>4</sup>* «тополь»; калм. яшл, кит. *chun<sup>1</sup>shu<sup>4</sup>* «ясень»; калм. зандн, кит. *zong<sup>1</sup>lu<sup>2</sup>* «пальма»; калм. сангн идәнә модн, кит. *du<sup>4</sup>song<sup>1</sup>* «можжевельник»; калм. боштл, кит. *qi<sup>1</sup>tu<sup>4</sup>* «ольха»; калм. сирень цецг, кит. *zi<sup>3</sup>ding<sup>1</sup>xiang<sup>3</sup>* «сирень».

**Овощи:** калм. боднцг, кит. *tu<sup>3</sup>dou<sup>4</sup>* «картофель»; калм. мөңгсн, кит. *yang<sup>2</sup>cong<sup>1</sup>* «лук»; калм. лу-увң, кит. *huo<sup>2</sup>luo<sup>2</sup>bo* «морковь»; калм. хавстн, кит. *hua<sup>1</sup>cai<sup>4</sup>* «капуста»; калм. адамч, кит. *xi<sup>1</sup>hong<sup>2</sup>shi<sup>4</sup>* «помидор»; калм. хаяр, кит. *huang<sup>2</sup>gua<sup>1</sup>* «огурец»; калм. улан луувң, кит. *luo<sup>2</sup>bo* «редис»; калм. хавг, кит. *nan<sup>2</sup>gua<sup>1</sup>* «тыква»; калм. баклажан, кит. *qie<sup>2</sup>zi* «баклажан»; калм. сөрмсг, кит. *suan<sup>4</sup>* «чеснок»; калм. бурш, кит. *hu<sup>2</sup>jiao<sup>1</sup>* «перец»; калм. хурһн чикн, кит. *cu<sup>1</sup>jiang<sup>1</sup>cao<sup>3</sup>* «щавель»; калм. цуунг, кит. *wu<sup>2</sup>jing<sup>1</sup>* «репа»; калм. цаһан луувң, кит. *luo<sup>2</sup>bo* «редька»; калм. цуунг, кит. *tian<sup>2</sup>cai<sup>4</sup>* «свекла».

**Фрукты:** калм. альмн, кит. *ping<sup>2</sup>guo<sup>3</sup>* «яблоко»; калм. һадль, кит. *xiang<sup>1</sup>jiao<sup>1</sup>* «банан»; калм. кедмн, кит. *li<sup>2</sup>zi* «груша»; калм. шар өрг, кит. *xing<sup>4</sup>zi* «абрикос»; калм. хар өрг, кит. *li<sup>2</sup>zi* «слива»; калм. чи, кит. *ying<sup>1</sup>tao<sup>2</sup>* «вишня»; калм. шар өрг, кит. *tao<sup>2</sup>zi* «персик»; калм. ананас, кит. *bo<sup>1</sup>luo<sup>2</sup>* «ананас»; калм. апельсин, кит. *cheng<sup>2</sup>zi* «апельсин»; калм. мандарин, кит. *ju<sup>2</sup>zi* «мандарин»; калм. уста үзм, кит. *pu<sup>2</sup>tao* «виноград»; калм. гранат, кит. *shi<sup>2</sup>liu* «гранат»; калм. киви, кит. *qi<sup>2</sup>yu<sup>1</sup>guo<sup>3</sup>* «киви».

**Природные явления:** калм. хур, кит. *yu<sup>3</sup>* «дождь»; калм. цасн, кит. *xue<sup>3</sup>* «снег»; калм. мөндр, кит. *bao<sup>2</sup>* «град»; калм. салькн, кит. *feng<sup>1</sup>* «ветер»; калм. шуурһн, кит. *feng<sup>1</sup>bao<sup>4</sup>* «буря»; калм. һазр чичрлһн, кит. *di<sup>4</sup>zhen<sup>4</sup>* «землетрясение»; калм. ohmphy ду һарлһн, кит. *lei<sup>2</sup>zhen<sup>4</sup>yu<sup>3</sup>* «гром»; калм. солһһ, кит. *cai<sup>3</sup>hong<sup>2</sup>* «радуга»; калм. чиг, кит. *lu<sup>4</sup>shui<sup>3</sup>* «роса»; калм. будн, кит. *wu<sup>4</sup>* «туман»; калм. цаң, кит. *shuang<sup>1</sup>* «иней»; калм. һал цөклһн, кит. *shan<sup>3</sup>dian<sup>4</sup>* «молния»; калм. халун, кит. *ku<sup>4</sup>shu<sup>3</sup>* «жара»; калм. киитн, кит. *han<sup>2</sup>yu<sup>4</sup>* «холод».

**Металлы:** калм. алтн, кит. *jin<sup>1</sup>zi* «золото»; калм. цаһан мөңгн, кит. *yin<sup>2</sup>* «серебро»; калм. гуиғн цаһан мөңгн, кит. *lu<sup>3</sup>* «алюминий»; калм. улан мөңгн, кит. *tong<sup>2</sup>* «медь»; калм. цаһан хорһлжн, кит. *xi<sup>1</sup>* «олово»; калм. төмр, кит. *tie<sup>3</sup>* «железо»; калм. цаһан алтн, кит. *bai<sup>2</sup>jin<sup>1</sup>* «платина»; калм. цаһан хала, кит. *xin<sup>1</sup>* «цинк»; калм. хорһлжн, кит. *qian<sup>1</sup>* «свинец», калм. курл «бронза», калм. шар зас «латунь».

**Мебель:** калм. ширө, кит. *tai<sup>2</sup>zi* «стол»; калм. парт, кит. *zhuo<sup>1</sup>zi* «парта»; калм. сандл, кит. *yi<sup>3</sup>zi* «стул»; калм. орндг, кит. *chuang<sup>2</sup>* «кровать»; калм. тохавчта сандл, кит. *fu<sup>2</sup>shou<sup>3</sup>yi<sup>3</sup>* «кресло»; калм. үкүг, кит. *gui<sup>4</sup>zi* «шкаф»; калм. төвц, кит. *dang<sup>4</sup>* «полка»; калм. кушетк, кит. *tang<sup>3</sup>yi<sup>3</sup>* «кушетка»; калм. өлгүр, кит. *yi<sup>1</sup>tao<sup>4</sup>jia<sup>4</sup>* «вешалка».

#### Продукты питания:

**1. Молочные продукты:** калм. үсн, кит. *nai<sup>3</sup>* «молоко»; калм. эззгә, кит. *nai<sup>3</sup>lao<sup>4</sup>* «сыр»; калм. аадмг, кит. *gan<sup>1</sup>lao<sup>4</sup>* «творог»; калм. тосн, кит. *niu<sup>2</sup>you<sup>2</sup>* «масло»; калм. өрм, кит. *suan<sup>1</sup>nai<sup>3</sup>you<sup>2</sup>* «сметана»; калм. тарг, кит. *suan<sup>1</sup>nai<sup>3</sup>you<sup>2</sup>* «простокваша».

**2. Мясные продукты:** калм. махн, кит. *rou<sup>4</sup>* «мясо»; калм. һахан махн, кит. *zhu<sup>1</sup>rou<sup>4</sup>* «свинина»; калм. үкрә махн, кит. *niu<sup>2</sup>rou<sup>4</sup>* «говядина»; калм. хөөнә махн, кит. *yang<sup>2</sup>rou<sup>4</sup>* «баранина»; калм. чиксн

махн, кит. *chang<sup>2</sup>* «колбаса»; калм. *утсн хахан махн*, кит. *huo<sup>3</sup>tu<sup>3</sup>* «ветчина»; калм. *өөкн*, кит. *yan<sup>1</sup>zhu<sup>1</sup>rou<sup>4</sup>* «сало»;

**3. Блюда:** калм. *шөлн*, кит. *tang<sup>1</sup>* «бульон»; калм. *түнмэ*, кит. *jiao<sup>3</sup>zi* «пельмени»; калм. *шарсн өндэн*, кит. *chao<sup>3</sup>dan<sup>4</sup>* «яичница»; калм. *целвг*, кит. *dan<sup>4</sup>bing<sup>3</sup>* «блин»; калм. *эмтэхн бэрг*, кит. *dian<sup>3</sup>xin<sup>3</sup>* «пирожное»; калм. *хаш*, кит. *xi<sup>1</sup>fan<sup>4</sup>* «каша»; калм. *котлет*, кит. *rou<sup>4</sup>bing<sup>3</sup>* «котлета»; калм. *салат*, кит. *sha<sup>1</sup>la<sup>1</sup>* «салат»; калм. *заһсна щөлн*, кит. *yu<sup>2</sup>tang<sup>1</sup>* «уха».

**Названия свойств, признаков, понятий:** калм. *серл*, кит. *zhi<sup>1</sup>jue<sup>2</sup>* «сознание»; калм. *гем*, кит. *bing<sup>4</sup>* «болезнь»; калм. *ухан*, кит. *zhi<sup>4</sup>ne<sup>2</sup>ng* «ум»; калм. *зүүдн*, кит. *meng<sup>4</sup>* «сон»; калм. *санан*, кит. *si<sup>1</sup>xiang<sup>3</sup>* «мысль» и др.

**Наименования действий и состояний:** калм. *көдлмш*, кит. *gong<sup>1</sup>zuo<sup>4</sup>* «работа»; калм. *амрлһн*, кит. *xiu<sup>1</sup>xi* «отдых»; калм. *эв*, кит. *he<sup>2</sup>ping<sup>2</sup>* «мир»; калм. *мосхлт*, кит. *jian<sup>4</sup>zhu<sup>4</sup>* «строительство»; калм. *урлдан*, кит. *sai<sup>4</sup>ma<sup>3</sup>* «скачки»; калм. *өөмлһн*, кит. *yo<sup>2</sup>yo<sup>3</sup>ng* «купание»; калм. *гүүдл*, кит. *pa<sup>3</sup>o* «бег»; калм. *бу*, кит. *wu<sup>3</sup>da<sup>3</sup>o* «танец» и др.

**Наименования внутреннего состояния:** калм. *байр*, кит. *kua<sup>4</sup>le<sup>4</sup>* «радость»; калм. *омг*, кит. *zi<sup>4</sup>zun<sup>1</sup>xin<sup>1</sup>* «гордость»; калм. *гейүр* «печаль»; калм. *урмд* «вдохновение»; калм. *кишг* «счастье»; калм. *буйн* «добродетель».

Значение предметности – это грамматическое значение, свойственное всем без исключения существительным. Для обнаружения грамматического значения предметности на практике служит вопрос, например, калм. *көн?*, кит. *she<sup>2</sup>?* «кто?» или калм. *юн?*, кит. *she<sup>2</sup>me?* «что?». Имя существительное как часть речи объединяет категорию слов, которые обладают семантическими и грамматическими признаками.

Специфической особенностью имени существительного является противопоставление другим классам слов. Семантические признаки предметности являются основой этого противопоставления. Имя существительное полифункционально и это является его отличительной чертой.

Существительное обладает наиболее важным и существенным признаком, которым является единство грамматических значений слов, который образует общий класс субстантивных имен. Таким категориальным значением является его грамматическая предметность. В калмыцком и китайском языках по признаку грамматической предметности выделены разряды имени существительного. Все субстантивированные слова с конкретным или абстрактным значением обладают признаком этой грамматической предметности.

Имя существительное может выступать в роли определяемого, определения, подлежащего, дополнения, сказуемого, а также обстоятельства. Имя существительное не переходит автоматически в класс адъективных слов или в их подклассы, оставаясь субстантивированными словами, и это является его характерной особенностью, хотя существительное обладает особыми атрибутивными функциями определения или сказуемого.

В обоих языках существуют многочисленные номинативные слова, которые называют предметы или представления о них. Предметные существительные имеют конкретные значения, которые называют определенные предметы и слова с отвлеченным, обобщающим по роду или виду абстрактным значением.

Субстантивированные слова посредством аффиксов, субстантивации прилагательных, причастий образуются от глаголов, прилагательных, количественных числительных, некоторых разрядов местоимений. Кроме аффиксальных форм, которые именуется категорией грамматического числа, категорией принадлежности, категорией определенности/неопределенности, категорией падежа, также к формальным признакам существительных относятся способы выражения собирательности, способы обозначения пола, формы совместности и т.д. Имя существительное подразделяется на имена собственные и нарицательные, отвлеченные, вещественные, пространственные, выражающие принадлежность к биологическому полу, имена-послелогии и это является спецификой. Эти специфические черты позволяют отличить имя существительное от других частей речи, например от прилагательного.

Как отмечает С.М. Трофимова: «... все, что подвергается субстантивации, входит в общий класс слов, именуемый существительным, иначе – субстантивом. Ядром этого грамматического класса слов являются номинативные слова, обладающие значением предметности (субстантивности) в грамматическом смысле слова» [Трофимова 2009: 14].

Несмотря на то, что в современном языкознании нет единого, общепринятого понимания системы частей речи, этот вопрос длительное время рассматривается учеными и является основным вопросом грамматического учения о слове.

Говоря о китайском языке, необходимо обратить внимание на актуальную проблему китаеведения – выделение частей речи. Так, китайский ученый Гао Минкай [1948] последовательно отстаивал точку зрения о невозможности выделения в китайском языке частей речи. Отрицая наличие частей речи в китайском языке, он исходил из положения о том, что части речи – это обязательно морфологизованные классы слов.



А.А. Драгунов [1952] описывал систему частей речи в китайском языке. Автор подчеркивал, что уже на основании только синтаксических свойств можно выделить классы слов, характеризующиеся общим грамматическим значением и общностью грамматических свойств.

Лу Чживэй [1957], Люй Шусян [1955], Ван Ли [1954] поддерживали точку зрения А.А. Драгунова.

В.А. Курдюмов [2005] под именами существительными в китайском языке предлагает подразумевать слова, которые занимают позицию существительного, то есть любую позицию в предложении, при замещении которой временно или постоянно (то есть «в диапазоне» или «на маршруте») создается иллюзия принадлежности слова к классу существительных (иллюзия предметности, номинативности).

В современном китайском языкознании отличительной чертой является интеграция китайской лингвистики в мировые исследования, применение при анализе китайского языка новейших методов и достижений теоретической и прикладной лингвистики. В методической и учебной литературе по китайскому языку части речи выделяются.

#### **Список использованной литературы:**

1. Драгунов, А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. / А.А. Драгунов. – М.-Л.: 1952. – 231 с.
2. Драгунов, А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. / А.А. Драгунов. – Л. Изд-е. ЛГУ. 1962. – 270 с.
3. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – М.: Цитадель-трейд, Лада, 2005. – 576 с.
4. Трофимова, С.М. Именные части речи в монгольских языках / С.М. Трофимова. – Улан-Удэ, 2001. – 336 с.

#### **Словари:**

1. Баранова, З.И. Китайско-русский словарь / З.И. Баранова, В.Е. Гладков, В.А. Жаворонков, Б.Г. Мудров. – М., 1980. – 528 с.
2. Баранова, З.И. Русско-китайский словарь / З.И. Баранова, А.В. Котов – М., 1990. – 567 с.
3. Илишкин, И.К. Русско-калмыцкий словарь / И.К. Илишкин. – М.: Сов. Энциклопедия, 1964. – 803 с.
4. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский словарь, 1977. – 764 с.
5. Ошанина, И.М. Большой китайско-русский словарь Т.2 / И.М. Ошанина, В. С. Кузес, Б. Г. Мудров, З. И. Баранова и др. – М.: 1983. – 1102 с.
6. Толковый словарь калмыцкого языка / под ред. Б.Б. Манджиковой. – Элиста, 2002. – 176 с.
7. Большой русско-китайский словарь. – Пекин: Изд-во Деловое, 1992. – 2737 с.

## **ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ КАН Ю-ВЭЯ**

*Д.Е. Мартынов  
ИМОИВ КФУ*

Можно ли считать Кан Ю-вэя историком? Несмотря на кажущуюся тривиальность данного вопроса, задать его побуждает ситуация, сложившаяся в современной историографии. Кан Ю-вэй (康有为, 1858–1927) известен во всём мире как выдающийся реформатор, лидер Движения за реформы 1898 г. (戊戌变法), а также мыслитель-утопист, автор «Книги о Великом единении» (*Да тун шу* 大同書)]. В последние десятилетия наряду с традиционными сюжетами, исследователей привлекают также его философские штудии, связанные с реинтерпретацией конфуцианской доктрины [1], [3]. На английский, французский и русский языки переведены его меморандумы императору [18], «Автобиография» [9], [17] и – частично – «Книга о Великом единении» [19]. Однако, простейшее сопоставление числа исследований на китайском языке и на всех европейских (включая русский) выявит тот простой факт, что в фантастически разнообразном творческом наследии Кан Ю-вэя исследователей Китая, Японии, США, Германии и других стран привлекают два-три магистральные направления, всё остальное остаётся на периферии [11]. Тем удивительнее факт, что, по сути, в западной синологии исторические взгляды Кан Ю-вэя рассматривались эпизодически, в связи с некоторыми «экзотическими» аспектами его социальных и философских теорий. В дробном индексе биографии Кана, изданной в 1975 г. Сяо Гун-цюанем, об исторических взглядах не упоминается [16, 663-664]. Примерно такое же положение с шеститомной энциклопедией «Духовная культура Китая», словник которой содержит три статьи о Кан Ю-вэе, включая его философские взгляды и его наследие как каллиграфа [2], [5], [13]. Однако в томе, посвящённом истории, Кан Ю-вэй представлен как историческое лицо, но не историк! Единственным известным нам исключением стал восточногерманский синолог, специалист по общественной мысли Китая рубежа XIX – XX вв. – Роланд Фельбер (1935–2001). Его статья об исторических взглядах Кан

Ю-вэя и использовании им метода аналогии увидела свет по-английски в авторитетном журнале «Oriens Extremus» [15]. На ряд вопросов в этом направлении попытались ответить и мы в статье, опубликованной в альманахе интеллектуальной истории «Диалог со временем» [10]. В данном выступлении мы попытаемся дополнить и развить некоторые её положения.

В системе традиционного китайского знания, исторические, филологические и философские дисциплины были совершенно неотделимы друг от друга. Соответственно, определение того или иного лица как «философа», «филолога» и «историка» является в достаточной степени условным, даже конвенциональным, связанным, скорее с магистральным направлением деятельности или занятием соответствующих постов. Так, Чжу Си (朱熹, 1130–1200) – величайший из неоконфуцианских философов эпохи Сун, никогда не позиционируется в историографии как историк, хотя создал авторитетную версию пропедевтического свода *Цзычжи тунцзянь ганму*. История в Китае воспринималась как созидующая сила, поэтому её дидактический потенциал был всецело монополизирован государством, олицетворяемом конфуцианской монархией и её институтами. Следовательно, историк служил в первую очередь утверждению официальных ценностей, положенных в основу её существования. Между прочим, это означает, что решение проблем конкретного правительства или династии не являлось приоритетной задачей, т.е. в значительной степени историк был освобождён от давления политической конъюнктуры [4, 34-40]. Историография, которая всегда носила официальный характер, являлась полем развития общественной мысли Китая вообще. В системе конфуцианской монархии история выступала как главная отрасль гуманитарного знания, а некоторые учёные вообще считали историю воплощением истинного Дао, полагая, что только с её помощью можно познать суть этой важнейшей конфуцианской категории [8].

В развитии исторических взглядов Кан Ю-вэя можно выделить три основных этапа, которые всякий раз определялись внешними факторами, главным образом, политическими.

1. *До 1895 г.* Историко-филологические штудии в области древнейшей и древней истории Китая, направленные на обоснование собственной версии неоконфуцианства, предложенной Кан Ю-вэем. Основные труды – «Исследование подложных канонов Синьского учения» (*新学伪经考*, вышло в свет в 1891 г.) и «Исследование учения Конфуция об изменении правления» (*孔子改制考*, вышло в свет в 1896 г.).

2. *1895 – 1898 гг.* Обращение к опыту всемирной истории, главным образом, европейской в меморандумах Трону и публицистических трактатах, предназначенных для императора.

3. *Середина 1900-х гг.* Переосмысление исторического опыта Китая и Запада в эмиграции, при непосредственном наблюдении за опытом жизни Европы и США. Попытка включения западного мира в традиционную систему исторических воззрений конфуцианства. Эти взгляды изложены в путевых заметках, многочисленных статьях и трактате «Да тун шу». После возвращения в Китай Кан Ю-вэй занимали более глобальные проекты, поэтому к историческим штудиям как таковым он более не возвращался.

#### **Историческое образование Кан Ю-вэя.**

Согласно «Автобиографии» («Моя история», *我史*), Кан Ю-вэй впервые приступил к изучению истории в 10-летнем возрасте [9, 98]. В это время он изучал и заучивал наизусть самые разноплановые труды – компиляцию *Дун хуа лу* (*東華錄*, 1735), «Историю династии Мин» (*明史*, 1739) и «Историю Троецарствия» (*三國志*, III в.). Судя по записям от 1869 г., он продолжал занятия историей династии Мин. В 1872 г. предметом интереса названы частные хроники (*цза ши* 雜史), а в 1873 г. – занятия источниковедением (*као цзюй* 考據) [9, 101]. В 1874 г. Кан Ю-вэй познакомился с «Кратким обзором круга [за]морских [стран]» (*Ин хуань чжи люэ*, *瀛環志略*, 1848) Сюй Цзи-юя, в котором впервые был дан систематический очерк географии западного мира, изложенный с точки зрения западных же представлений. На новый уровень его исторические штудии вывел учитель – известный конфуцианец Чжу Цы-ци (朱次琦, 1807–1882). В «Автобиографии» это описано так:

«...Учитель [Чжу] испытал меня, велел написать рассуждение об истории Пяти династий (五代, 906–959 гг.). Я прочитал множество книг и написал более 20 страниц в стиле Ши тун (*史通*, «Проникновение в [смысл] истории» кисти Лю Чжи-цзи, 661–721). Прочитав их, учитель сказал, что я эрудирован, а мой труд может быть превращён в книгу. Так я осознал, что написать книгу нетрудно, и я могу сделать то же, что делали мужи древности, и обрёл уважение к себе» [9, 103-104].

В продолжение этих занятий в записях под 1878 г. упоминаются интенсивная работа над «Каноном истории» (*Шу цзин* 書經) и двумя историями династии Хань, особенно *Хоу Хань шу* (*後漢書*), поскольку учитель ставил в пример Кан Ю-вэю стойкость духа и нрав лиц, выведенных в этом труде [9, 105]. Только к 1879–1880 гг. Кан Ю-вэй стал выписывать периодические издания западных миссионеров, в которых печатались переводы сочинений на разные темы, и тем самым «обратился к изучению Запада». Однако под 1881 г. описаны углублённые занятия историей династий Тан (唐朝, 618–907) и Сун (宋朝, 960–1279), «уделяя особое внимание вопросам практических потребностей человеческого общества» [9, 110]. Это привело его в 1883 г. к намерению создать «Всеобщее описание всех стран мира» (*萬國文獻通考*), оставшемуся нереализованным.

### Историко-филологические теории Кан Ю-вэй начала 1890-х гг.

В трактате «Исследование подложных канонов Синьского учения» Кан Ю-вэй заявил, что один из основных конфуцианских канонов «Чжоу ли» не был создан ни Чжоу-гуном, ни Конфуцием, и является продуктом фальсификации начала I века н.э., совершённой философом Лю Синем по приказу узурпатора Ван Мана для идеологического обоснования захвата власти. В книге «Исследование учения Конфуция об изменении правления» Конфуций изображался как небожитель, спустившийся на Землю, который был автором всех конфуцианских канонов, а в изображении порядков глубокой древности Конфуций аллегорически изобразил свою реформаторскую программу. Далее эзотерическое реформаторское учение Конфуция было забыто, и лишь Кан Ю-вэй удалось его «расшифровать». Критики, в том числе Лян Шу-мин, Цянь Му и другие, отмечали, что эта теория не была оригинальной, поскольку он заимствовал её у конфуцианца Ляо Пина (廖平, 1852–1932). Радикализм учителя побудил Лян Ци-чао назвать Кан Ю-вэй «Мартином Лютером конфуцианства» [16, 105].

Основываясь на данных исторического и филологического анализа, Кан Ю-вэй сформулировал следующие тезисы:

1. Все классические книги, записанные древними знаками, были подделаны Лю Синем, а свидетельства о находках древних книг являются ложными.
2. Сожжение книг Цинь Шихуаном не коснулось Шестиканония. Классический канон ко времени правления династии Хань не имел пропущенных частей или глав.
3. Стиль написания иероглифов, которым пользовался Конфуций, был широко распространён при династиях Цинь и Хань и не изменился за всё последующее время. Поэтому не должно существовать существенных различий между текстами древних и современных знаков.
4. Лю Синь, пытаясь замести следы своих подделок, внёс в древние тексты множество дополнений и вставок, пользуясь тем, что император возложил на него сверку книг, хранящихся в дворцовой библиотеке, а из выдающихся учёных Ханьской династии допуск в библиотеку имели лишь Сыма Цянь, Бань Гу и Ян Сюн.
5. Подделка Лю Синем классических книг имела целью оправдать узурпацию Ван Мана, что требовало ссылок на древние авторитеты [9, 32-33].

Кан Ю-вэй поставил вопрос о первоочередном изучении политических смыслов конфуцианского канона, ибо использование фальсификации для подражания правителями и подданными портили нравы и привели Китай к упадку. Основным содержанием подлинно конфуцианских канонов Кан Ю-вэй объявил учение о реформах государственного строя. Это было косвенной критикой политики маньчжурского двора и лично императрицы Цыси. Более подробно «сокровенный смысл» учения Конфуция был рассмотрен в книге «Исследование учения Конфуция об изменении правления», опубликованной в 1896 г. Авторитет Конфуция использовался для теоретического обоснования реформаторских планов самого Кана. По Кан Ю-вэй, Конфуций придумал легендарных правителей Яо и Шуня, наградил их всеми возможными добродетелями и описал идеальное правление. Сделал он это потому, что – как и сам Кан Ю-вэй – не имел высокого положения в государстве и опасался проповедовать своё учение без ссылки на авторитеты. Учение Конфуция в основе своей демократическое, его главное содержание — «удовлетворение желаний народа». Единственный аутентичный канон, написанный лично Конфуцием, – летопись «Чуньцю», она же лучше всего отражает взгляды Конфуция на реформу государственного строя. Это было хорошо известно в древности, в первую очередь – Мэн-цзы и Дун Чжун-шу, но в результате подделки Лю Синя подлинное учение Конфуция было забыто [9, 41-42].

Китайский учёный Куан Бо-линь в своей книге «Философские взгляды Кан Ю-вэй» излагает учение о трёх эрах в интерпретации Кан Ю-вэй в следующих тезисах: 1) человеческое общество изменяется и развивается; 2) развитие человеческого общества идет по пути: от «эры хаоса» (据乱世) через «эру поднимающегося равновесия» (升平世) к «эре Великого спокойствия» (太平世) (при этом «эру поднимающегося равновесия» Кан Ю-вэй отождествляет с эпохой «малого благоденствия» (сяокан), а «эру Великого равновесия» – с эпохой «Великого Единения» (Да тун); 3) каждая последующая эра по сравнению с предыдущей является более цивилизованной и прогрессивной; лишь при Великом равновесии и Великом Единении для человечества наступает счастливая, райская жизнь; 4) в своём развитии человеческое общество (независимо от того, является ли оно восточным или западным) обязательно проходит через указанные три этапа, то есть путь «эра хаоса» — «эра поднимающегося равновесия» — «эра Великого равновесия» является всеобщим законом исторического развития человеческого общества; 5) человеческое общество развивается постепенно, очерёдность «эра хаоса» – «эра поднимающегося равновесия» — «эра Великого равновесия» не может быть нарушена [9, 37].

По мнению Кан Ю-вэй, в первоначальном состоянии уже содержатся элементы высшего порядка, то есть в «эре хаоса» уже присутствуют элементы общества Да тун, а в «эру рождающегося равновесия» происходит их постепенное раскрытие. Мир не является единым: современный Кан Ю-вэйю Китай находится в состоянии хаоса, но Европа и США уже подошли к порогу «начала спокойствия». Великое единение одновременно настанет во всём мире. С каждой из эпох в эволюционной последовательно-

сти соотносился определённый общественный строй: абсолютная монархия, конституционная монархия или конституционная республика, демократическая республика [5, 278].

#### **Использование всеобщей истории для обоснования реформ.**

Кан Ю-вэй впервые эксплицировал свои исторические воззрения в 1890-е гг. в меморандумах, посвящённых обоснованию реформаторского движения. Будучи полностью инкорпорированным в историографическую традицию, он был до конца жизни убеждён, что гарантом существования общества в Китае является всё та же конфуцианская монархия, воплощением которой является легитимный правитель, получивший мандат Неба (*Тянь мин* 天命). Поскольку такая ситуация, согласно традиционным представлениям, существовала всегда, исторические прецеденты имели безусловный приоритет, и с ними следовало соотносить свои поступки всё общество в целом и его члены в частности. Принципиальной инновацией Кан Ю-вэй, по Р. Фельберу, стало распространение традиционных подходов на регионы вне власти китайского монарха. Иными словами, он произвёл действительную универсализацию китайской исторической концепции, в которую были инкорпорированы иные географические зоны; произошла «китаизация мировой истории» [15, 64].

Обращение Кан Ю-вэй к событийной стороне европейской истории совершенно естественно, и является прямым продолжением его изысканий в области политического конфуцианства – доказательства реформаторской природы изначальной конфуцианской доктрины. Поскольку Кан Ю-вэй понимал, что реформы – единственный путь сохранения легитимной монархии, он не имел другой возможности, кроме как обратиться к событиям западной истории, а точнее – судьбе Людовика XVI, казнённого революционерами. Этой проблеме был посвящён трактат «Записки о Французской революции», в «Предисловии» (*進呈法國大革命記序*) к которому особое внимание уделялось взаимоотношениям монарха с народом. Поскольку французский король оказался неспособным провести реформы и игнорировал потребности народа, это стоило ему трона [21, Т. 4: 371-372]. В «Автобиографии» в записи от 24 июля 1898 г. упоминается ещё один трактат – «Записки о разделении и падении Польши» (*波蘭分滅記*) [9, 190], представленный императору между 15 и 21 августа того же года [21, Т. 4: 396]. Это пространственный текст, включающий 7 глав-цзюаней. Кан Ю-вэй, вопреки официальной пропаганде и мнению придворных, открыто заявил, что в конце XIX в. Китай подвергся вторжению великих держав с целью завоевания и расчленения, что совершенно аналогично ситуации в Польше веком ранее. Соответственно, возникает вопрос, какой положительный пример можно извлечь из мировой истории для использования на нужды управления? Он находится в странах, непосредственно граничащих с Китаем, – это реформы Петра I в России и вестернизация Японии, предпринятая императором Мэйдзи (*明治*, 1867–1912) – современником Кан Ю-вэй. Данным сюжетам посвящены ещё два трактата: «Записки о реформах Петра Великого в России» (*俄羅斯大彼得變政記*) и «Исследование реформ в Японии» (*日本變政考*) в 13 цзюанях [21, Т. 4: 111-294]. На эти же труды даны ссылки в «Шестом меморандуме императору», где говорится, что опыт России и Японии необходимо использовать для того, чтобы сделать Китай сильным и процветающим государством [21, Т. 4: 17]. В этом отношении примечательны следующие мотивы: Япония и Россия, как и Китай, когда-то были объектами агрессии великих держав, но смогли путём реформ воссоздать национальную мощь. И Россия, и Япония являются монархиями, причём Япония проделала за тридцать лет путь от абсолютизма до конституционной монархии. Российский опыт тогда импонировал Кану больше: как и цинский Китай, Российская империя имела огромную территорию и ресурсы и немало сходства в обычаях, законодательных установлениях и методах управления. Однако японский опыт лучше воспринимался цинской элитой, поскольку показывал, как второстепенная с точки зрения держав маленькая страна, выборочно используя западный опыт, смогла продемонстрировать грандиозный успех и стала в военном отношении более могущественной, чем Китай. Обосновывая необходимость реформ, Кан Ю-вэй определял Россию и Японию как относящихся к одному роду (*тун лэй* 同類), что может быть воспринято отчасти и как риторическая фигура, поскольку история России и Японии позволяла откровенно писать о проблемах и возможностях развития Китая, не прибегая постоянно к авторитету конфуцианских классиков.

В «Автобиографии» под 21 июня 1898 г. упоминаются также «Исследования реформ в Германии» (*德國變政考*) и «Исследования реформ в Англии» (*英國變政考*) [9, 186-190]. Рукописи их не обнаружены, поэтому некоторые исследователи (в частности, Кун Сян-цзи) полагали, что Кан Ю-вэй только намеревался их написать и имел какие-то намётки, но не окончательный текст [15, 66]. Очевидно, что Великобритания, США и Германия были для него лучшим образцом для подражания, по сравнению с Россией и Японией (китайские националисты откровенно называли эти страны «получивилизованными»).

Каковы были источники представлений Кан Ю-вэй о западной истории? Несмотря на очевидные симпатии к Западу – прежде всего, образу жизни и материальному комфорту, – мыслитель был глух к его духовной культуре, и даже в эмиграции, продолжавшейся с 1898 по 1913 гг., не удосужился изучить ни одного иностранного языка, хотя подолгу жил в Японии, Канаде, США, Мексике и Швеции. Соответственно, познания о западных реалиях он черпал из переводов и периодических изданий, издаваемых западными миссионерами с 1880-х годов. В первую очередь это журнал «Собрание статей о

последних событиях в западных государствах» (西國近事彙編) и нерегулярно выходящий «Обзор «Таймс»» (萬國公報, «Ведомость [событий, происходящих] в 10000 стран»). Он мог также пользоваться переводами немногих западных учебников истории, а также японскими сочинениями и переводами, которым посвящена специальная его работа – «Библиография японских книг» (日本書目志, 1898). Описание (иногда аннотированное) исторических сочинений занимает там всю четвертую цзюань [21, Т. 3: 298-326].

В общем, в конце 1890-х гг. западная история интересовала Кан Ю-вэя лишь с сугубо практической (даже прагматической) точки зрения, причём лишь в самых общих чертах, которые позволяли подвести базу под собственные проекты реформ, не углубляясь в частности.

#### **Исторические взгляды Кан Ю-вэя периода эмиграции.**

Следующим этапом в исторических штудиях Кан Ю-вэя стала середина 1900-х годов, когда достигнув благосостояния, он подолгу жил в США и разных европейских странах. Опыт этих путешествий был обобщён в многочисленных путевых заметках, а позднее – и специальных исторических трудах. Среди них – «Исследование [исторической] эволюции Швеции» (瑞典沿革考, 1905); «Создание и [историческая] эволюция Французского государства» (法國創興沿革, 1906) и «Исследование [исторической] эволюции германцев, с приложением об эволюции Австрии и Венгрии» (日耳曼沿革考-奧大利匈牙利沿革附, 1906). Каждая из этих статей-трактатов построена стандартно: речь в них идёт об общей исторической канве и политической и экономической ситуации. Они предназначены, однако, не для просвещения китайского читателя, а для сравнения с опытом Китая, как его понимал Кан Ю-вэй. Поэтому все события датированы династиями и эрами правления того или иного императора, что встраивало события западной истории в проблемное поле китайской историографии. Это позволяло делать нужные для Кана выводы, совершенно в русле той же методологии, которую он применял в своих каноноведческих трудах 1890-х гг.

В трактате о Швеции Кан Ю-вэй фактически подводил своих читателей к мысли о различной скорости течения исторического времени и, соответственно, неодинаковых темпах эволюции в разных регионах мира – идея, которая чрезвычайно откровенно будет раскрыта в «Да тун шу». Кан Ю-вэй «открыл», что основание шведского государства относится к XIV в., т.е. тому же времени, когда была основана Минская династия (明朝, 1368–1644), и обращал особое внимание на то, что в это время Швеция была по своему развитию примерно на том же уровне, что и Китай до воцарения Гунгуна (共工), Янь-ди (炎帝) и Хуан-ди (黃帝). Подъём могущества Швеции относится к XVII в. – времени падения Мин и воцарения Цинской династии (清朝, 1644–1912), согласно Кану, это подтверждает слова Конфуция о том, что варвары на периферии угрожают цивилизованному миру. Однако это интерпретируется в универсалистском духе: древняя и высокоразвитая цивилизация Китая совершенно не пользуется на Западе уважением, в то время как там ценится японская культура – вторичная по отношению к китайской, – и даже сами китайцы многое заимствуют из Японии [21, Т. 8: 206-207, 210].

В статье о Франции, написанной после посещения Парижа, Кан Ю-вэй не пытался ревизовать собственные взгляды на события Великой Французской революции, высказанные в 1898 г., однако задал вполне необычный для конфуцианского историка вопрос: почему в одно и то же время исторические условия во Франции способствовали возникновению и проникновению в массы идеалов демократии и революции, и почему они так и не появились в Китае? Кан Ю-вэй не был бы конфуцианцем, если бы не дал чёткого и однозначного ответа: в конце XVIII в. во Франции дворянство (использован термин 諸侯 – «вассальные и удельные князья») не было заинтересовано в сохранении абсолютной королевской власти, поскольку почти полностью утратило влияние. В числе других факторов он называл угнетение народа со стороны аристократии и духовенства, которое отсутствует в Китае. Замечательно, что Кан Ю-вэй в числе причин Французской революции упоминал и просветительскую философию. В Китае же время революции и демократической республики ещё не настало. Это обосновывается собственной теорией Кан Ю-вэя о Трёх эрах (三世), которую он приписывал Конфуцию: сановники-дафу (大夫) потеряют своё положение в Эру Хаоса, удельные князья (諸侯) исчезнут в Эру Поднимающегося равновесия (升平世), и только в Эру Великого равновесия (太平世) исчезнет и сам Сын Неба [21, Т. 8: 178-179].

В трактате о Германии в наибольшей степени использовался метод аналогии (類比). В китайской традиции метод аналогии приписывался Конфуцию, причём величайший неоконфуцианский авторитет Чжу Си указывал, что суть этого метода аналогии и вообще – исторического метода Конфуция, содержится в летописи «Весен и осеней» (Чунь цю, 春秋). Её чтение приводит к правильному поведению, поскольку там инсказательно изложены принципы совершенного правления. Соответственно, работы Кан Ю-вэя, считавшего себя современным Конфуцием, преследовали те же цели. Образ Германии рано стал много значить для Кан Ю-вэя: в «Да тун шу» он писал о потрясении, связанном с Седанским сражением (1870 г.), которое впоследствии использовал как метафору для крайней степени варварства и ужасов войны:

«...Когда Бисмарк (俾士麥) сжёг и разрушил Седан (師丹), мне было уже больше 10 лет, но ничто другое не могло потрясти меня больше. Я был тогда на показе диапозитивов (影戲) и увидел [изображения] трупов, устилающих траву, горящих зданий, это потрясло и испугало меня. И дело даже не в том, что я видел такое впервые, а в том, что я не могу переносить даже вида чужих страданий» [20, 3].

Побывав в Германии, Кан Ю-вэй посчитал именно эту страну за наилучший образец для выстраивания образа Нового Китая, и именно Германия с 1904 г. занимает в его трудах место России и Японии. В «Дополнении к описанию путешествия по Германии» (補德國游記, 1907), Кан Ю-вэй охарактеризовал политический строй кайзеровской Германии как «успешный и мирный» (平治) [21, Т. 8: 336].

Как и во многих своих трудах, Кан Ю-вэй не был оригинален в исходных посылах: ещё в 1903 г. в Шанхае вышел перевод «Истории германцев» (日耳曼史), в предисловии к которому прямо говорилось, что Китаю, расположенному в самом центре Азии, необходим опыт Германии, расположенной в центре Европы. Соответственно, требуется изучение самых древних эпох возникновения государства, поскольку согласно теории родового тождества (*тун лэй* 同類), государства и племена древней Германии и древнего Китая (*Хуася го* 華夏國) совершенно подобны друг другу [15, 70]. Этот тезис был развит Кан Ю-вэй во время путешествий по Италии и Германии, которые до 1870-х гг. не существовали как единое государство, но после объединения совершили существенный скачок в развитии. Результатом стала теория эволюции политических систем, в целостном виде изложенная уже в 1913 г. в «Да тун шу»:

«Эволюция государственности от раздробленности до слияния является естественным процессом. Во времена Хуан-ди, Яо и Шуня [на территории Китая] было 10 000 уделов (*го*, 國), а во времена [Чэн] Тана (1766 г. до н.э.) – 3000 уделов; [во времена] У-вана (1122 г. до н.э.) – 1800 уделов, к периоду Чуньцю (722–481 гг. до н.э.) – свыше 200 уделов; во времена Чжаньго (481–221 гг. до н.э.) – 7 царств, [династия] Цинь объединила страну под единой властью. [Объединение потребовало] двух тысяч лет. <...> Двенадцать государств Эллады враждовали две тысячи лет, пока не были объединены Македонией (馬基頓) и вновь Римом (羅馬), который объединил всю Европу и африканские государства. Далее в Европе 1000 лет господствовал феодализм. В Германии насчитывалось 300 000 удельных владык (侯), во Франции – свыше 110 000, а в Австрии и Англии – более чем по 10 000 в каждой, ныне они подчинены единой королевской власти. 25 государств Германской федерации объединились [в империю], 11 государств составили единую Италию. <...> Силовой раздел и захват есть следствие естественного отбора. Аннексия великими державами малых [государств], их поглощение – не предвещают ли скорое наступление Великого единения? Германия и США – федеративные государства. Это наилучший метод объединения, при котором малые и слабые уделы забывают об утрате независимости» [20, 69-70].

Историческая аргументация Кан Ю-вэй весьма причудлива. В первую очередь он считал, что роль германских народов в Европе и роль клана Цзи (姬) эпохи Чуньцю в Древнем Китае аналогична. Владения клана Цзи – собственно, имперский домен, – он сравнивал с «германскими государствами»: Англией, Швецией, Данией и др. Продолжая аналогии, он сравнил Италию с древнекитайским царством Сун, известным утонченными нравами и искусством (оттуда был родом Мэн-цзы), а Россию – с окраинным и воинственным царством Цинь. Франция сравнивалась с царством Ци (утерявшим гегемонию на Срединной равнине), а Испания – с южным царством Чу. Карл Великий, таким образом, соответствовал чжоускому У-вану (武王, 1122–1116 гг. до н.э.) и Цинь Ши-хуанди (秦始皇帝, 221–209 гг. до н.э.), а папское междувластие и «авиньонское пленение» XIII–XIV вв. – эре Гунхэ. Австро-прусскую войну за гегемонию в Германии он сравнивал с войнами между царствами Цинь и Чу. Примеры не всегда брались из истории Чжоу: так, завоевание Хлодвигом римской Галлии сравнивалось с основанием сюнну своих государств в Китае в IV в. Впрочем, Кан Ю-вэй осознавал и границы подобного рода аналогий, поскольку замечал, что если периферийные (географически) страны Европы – Англия и Испания – добивались мировой гегемонии, то ближайшие соседи Китая – Корея, Вьетнам и даже Япония не пытались посягать на центр. Таким образом, разница в развитии Европы и Китая, совершенно одинаковых на определённом этапе исторического развития, в том, что после завоевания удельных государств имперским Китаем, его элиты и население инкорпорировались в имперскую систему, а в Европе из феодальных уделов образовались национальные государства, мешающие объединению [21, Т. 8: 235-254].

#### **Заключение.**

Наследие Кан Ю-вэй – историка, демонстрирует определённую двойственность. Встречаются мнения, что его исторические труды – наименее оригинальная часть его наследия, так как они интегрированы с имперской ортодоксией, и с этой точки зрения сильно уступают филологическим и философским работам, в которых вызревала специфическая концепция Трёх эр и Великого единения. Однако, это чрезвычайно поверхностный подход. Дело в том, что в традиционной китайской мысли понятие рода-*лэй* позволяло моделировать поведение объектов, качеств и сил космоса по отношению друг к другу; следовательно, в гармонически функционирующем мире каждая вещь занимает опреде-

лённое положение и ведёт себя, следуя своей природе [7, 72]. Старая конфуцианская традиция, рассматривающая космос и социум изоморфными, была Кан Ю-вэем спроецирована на современный ему мир. Поскольку исторические корни Китая и Европы были им признаны тождественными, то сколь бы далёкими друг от друга они не казались, они являются сущностно взаимосвязанными и гармонически взаимодействующими. Следовательно, исторический опыт западных государств вполне пригоден и для Среднего государства, что позволит Китаю перейти в фазу расцвета немедленно. Расцвет и преобладание одного из родов считался несовместимым по времени с противоположным [7, 75]. В то же время конфуцианцы считали, что в оппозиции «Китай – варвары» действуют две противоположные установки, связанные с представлениями о роде. Партикуляристская установка предполагает разное отношение к китайцам и некитайцам, поскольку природа их различна; но существует и универсалистская концепция, поскольку благая сила китайской цивилизации приведёт их к однородности [7, 75]. В политическом плане смута в государстве и наступление на него врагов также мыслились как объекты одного и того же рода; следовательно, единственным способом остановить врага являлось переустройство своего государства, превращающее его в объект иного рода, что вызовет отталкивание между субъектами международной системы. Подобного рода модели позволяли Кан Ю-вэю, не отказываясь от конфуцианской концепции вселенской монархии, использовать западный опыт и применять его к современным китайским реалиям. В то же время, осуществить гармонический синтез китайских и западных представлений в их самой существенной части – единства исторического времени в рамках единых законов человеческого развития, ему не удалось. Именно это обстоятельство не позволяет нам признать Кан Ю-вэя историком. Исторические взгляды Кан Ю-вэя, однако, составляли заметную часть в его интеллектуальном наследии, нуждаются в дополнительном осмыслении и публикации в монографическом виде.

#### **Список использованной литературы:**

1. Агеева Н.Ю. Осмысление эволюционизма в раннем творчестве Кан Ювэя и Лян Цичао // XXXIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2003. С. 168–173.
2. Белозёрова В.Г., Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2010. Т. 6 (доп.). Искусство. С. 594–595.
3. Борох Л.Н. Влияние буддийской философии на утопию Кан Ювэя // XXXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2004. С. 153–160.
4. Доронин Б.Г. Историческая мысль // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2009. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. С. 18–40.
5. Кобзев А.И. Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. С. 275–279.
6. Кроль Ю.Л. Сыма Цянь – историк. М., 1970. 446 с.
7. Кроль Ю.Л. «Спор о соли и железе» как памятник китайской культуры // Спор и соли и железе (Янь те лунь). Т. I. М., 2001. С. 28–128.
8. Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2001. 384 с.
9. Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань, 2010. 328 с.
10. Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй – историк // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2015. Вып. 51. С. 181–194.
11. Мартынов Д.Е. Теория «Великого единения» Кан Ю-вэя в зеркале западной историографии // Общество и государство в Китае: XXXIX науч. конф. // Учён. зап. Отд. Китая ИВ РАН. Вып. 1. М., 2009. С. 266–273.
12. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Избр. произведения: в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. М., 2006. С. 10–415.
13. Усов В.Н. Кан Ю-вэй // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2009. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. С. 511–514.
14. Фельбер Р. Учение Кан Ювэя о мире Датун – теория утопического коммунизма или положительный идеал либеральных реформаторов? // Общ.-полит. мысль в Китае (кон. XIX – нач. XX в.). М., 1988. С. 39–62.
15. Felber R. The Use of Analogy by Kang Youwei in His Writings on European History // Oriens Extremus. 1997. Vol. 40, Issue I. P. 64–77.
16. Hsiao Kung-chuan. A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.
17. K'ang Yu-wei. A Biography and a Symposium / Ed. with trans. by Jung-pang Lo. Tucson, 1967. 541 p.

18. Kang Youwei 康有為. Manifeste à l'empereur adressé par les candidats au doctorat = Shang Ch'ing ti ti erh shu, 上清帝第二書 / Trad. du chinois, annoté et présenté par Roger Darrobers. Paris, 1996. 198 p.
19. Ta T'ung Shu. The One World Philosophy of K'ang Yu-wei / Tr. by L.G. Thompson. London, 1958. 300 p.
20. Да тун шу / Кан Ю-вэй чжуань; Тан Чжи-цзюнь дао ду (Кан Ю-вэй. Книга о Великом единении / Пред. Тан Чжи-цзюня 大同书 / 康有为撰; 汤志钧导读). Шанхай, 2005. 292 с.
21. Кан Ю-вэй цюань цзи / Кан Ю-вэй чжуань; Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа бянь цзяо 康有為全集 / 康有为撰; 姜义华, 张荣华编校 (Кан Ю-вэй. Полн. собр. соч. / Ред.-сост. Цзян И-хуа, Чжан Жун-хуа). Т. 1–12. Пекин, 2007.

## «РУССКАЯ» ТЕМА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX – XXI ВЕКОВ

*Никольская С.В.  
ИсАА МГУ*

В китайской литературе «русская» тема появилась в первые годы XX века. Значительным явлением того времени стал роман Цзэн Пу «Цветы в море зла» (孽海花) [2]. Главный герой, китайский дипломат, на пути в Европу сталкивается с русскими, которые поражают его воображение. Например, художник и ученый Бешков удивляет своими сеансами гипноза и рассуждениями о народничестве, идеи которого исходят, по его мнению, из учения Сен-Симона. Красавица Сара поражает обширными знаниями и талантами. Потом дипломат приезжает в Россию, где становится свидетелем деятельности народовольцев, а Сара оказывается известной террористкой, совершающей покушение на Александра III буквально на его глазах. Появление в китайской литературе образа народовольца и нигилиста, окруженного романтическим ореолом, с одной стороны - результат повышенного интереса к соседней стране, а с другой – косвенно связано и с самим Китаем. Как отмечает Д. Н. Воскресенский, «идеи русских героев как бы соединяются с китайской реальностью, когда речь заходит о тайных обществах в Китае и китайских революционерах.... Таким образом, русская революционная практика непосредственно или опосредованно сочеталась с китайской социально-политической реальностью» [1, 71].

В первой трети XX века «русская» тема интересно и своеобразно прозвучала в творчестве Ба Цзиня. Позднее, в 1958 году, оценивая китайскую прозу малой формы, он обратил особое внимание на решающее влияние русской классики на свое творчество. В рассказах из сборника «Возмездие» и «Электрический стул», многие герои которых иностранцы, чувствуется влияние Тургенева прежде всего в манере повествования, завязке действия и раскрытии сюжета.

«Русский материал» лег в основу рассказа «Онемевшая балалайка» (哑了的三角琴)[3, 140-152]. Точного указания на время действия нет, но по некоторым косвенным признакам можно предположить, что всё происходило до 1917 года. Сюжет произведения прост. Используя прием «рассказа в рассказе», автор от лица десятилетнего ребенка начинает повествование о висящей в кабинете отца старой балалайке с двумя оборванными струнами, которую нельзя трогать. Однажды ребенок случайно роняет и разбивает ее, и расстроенный отец начинает рассказывать историю появления в доме этой вещи. Оказывается, лет двенадцать назад он и его жена, сотрудники китайского посольства в России, заинтересовались песнями арестантов. Получив разрешение, они отправились в Сибирь. Заключенные боялись начальства и отказывались петь. Лишь один почти сразу согласился, но попросил на несколько дней балалайку, чтобы потренироваться. Его пение поразило и растрогало слушателей, а певец стал умолять не отбирать балалайку сразу же. Смотритель рассердился и отдал инструмент супругам.

Несмотря на определенную предсказуемость событий, повествование увлекает читателя с первых строк из-за нарастающего эмоционального напряжения. Описание сломанной русской балалайки и отношение к ней в китайском доме само по себе необычно. Неординарны и персонажи, особенно певец-каторжник, молодой крестьянин приятной наружности, попавший в тюрьму за убийство. О причинах трагедии упоминается между прочим: этот человек на церемонии венчания убил богатого старого жениха и бедную молодую красавицу-невесту. Здесь Ба Цзинь явно использует сюжет многих русских народных песен о влюбленных, разлученных из-за корыстных расчетов. Кроме этого, в рассказе упоминаются названия конкретных песен, которые бытовали в среде ссыльных – «Колодники», «Ноченька», «Ах, судьба, моя судьба». Очень трогательно описывается отношение музыканта-самоучки к инструменту: он целует и прижимает к груди балалайку, а отдавая её, плачет, словно расстается с близким человеком. Восхищение русской песней и ее проникновенным исполнением, сочувствие несчастной доле певца-самородка и переживания по поводу невыполненного рассказчиком



обещания (поставить свечку за упокой невинно убиенной Анны) – завершающий аккорд повествования. Сама история вызывает слезы и у отца, и у сразу повзрослевшего ребенка.

«Русская» тема лежит в основе рассказа Ба Цзиня «Генерал» (将军)[6]. После революции 1917 года белый офицер с женой попадает в Китай. Он проводит дни в кабаках, за выпивкой рассказывая о прошлой службе (отсюда и прозвище «генерал»). Она пытается заработать на жизнь любыми способами, в том числе и проституцией. «Генерал» ежедневно дает обещания бросить пить, а жена уговаривает его ехать в Россию. Прошлое – это сказочный сон, где они молоды и счастливы. Оба постоянно вспоминают лучшие годы своей жизни, строят планы на будущее, но в душе понимают, что ничего не изменится. Герои рассказа и их образ жизни никак не могут вызывать симпатию, но тем не менее не создается впечатления, что автор осуждает и порицает их. Они просто не смогли вписаться в новую для них реальность, хотя местные жители приняли их в свою среду. Писатель сочувствует несчастным людям, не по своей воле вынужденным жить вдали от родины.

Произведения о России и русских в китайской литературе начала XX века не выглядят какими-то надуманными и далекими от действительности. В них прежде всего поражает знание русской культуры, менталитета и реалий.

В конце XX – начале XXI века в повестях, рассказах, а особенно в бессюжетной прозе китайских писателей снова часто появляется «русская» тема. Некоторые авторы эссе и очерков напоминают о событиях и фактах из жизни дореволюционной России, некоторые делятся впечатлениями от России нашего времени, мемуаристов же больше привлекает Советский Союз.

В небольшом эссе Ли Цзинтао «Свет Красного маяка» (赤塔之光) [7] обыгрывается название города – Чита (чи – киноарный, красный, та – башня). Автор вспоминает о сосланных в Читу декабристах и их женах, рассказывает, как одна из них прежде, чем мужа обнять, «оковы к губам приложила» и подчеркивает, что название города затранскрибировано именно так, потому что там осталась душа России в лице лучших ее представителей, а сам город стал маяком, освещающим путь к свободе и прогрессу.

Автор короткого рассказа «Тепло Сибири» (西伯利亚的温暖)[5, 9-10], взявший псевдоним «Талантливый» (有才), пишет о России накануне революции 1917 года. На лесоповал в Сибирь был послан новый надсмотрщик, отличавшийся, по мнению политзаключенных, особой жестокостью. Но потом оказалось, что он спас многим жизнь. Этот рассказ включен в сборник лучших коротких рассказов 2009 года и выложен в Интернете как учебный материал для дискуссии по особенностям психологии человека, мотивации его поступков и их оценки.

В путевых очерках о сегодняшней России китайские авторы говорят не только о ее бескрайних просторах и крупных городах, но и о людях, живущих там. Не обходят вниманием и русских женщин. Если в начале XX века в основном привлекали их ум, воля, решительность в действиях, а также терпение и жертвенность, то в XXI веке акцент делается на красоте россиянок. Яркий пример – эссе Хун Чжу «Почему Россия – главный производитель красавиц?» (俄罗斯为什么是美女的高产国?) [8]. Китайскому туристу, приехавшему во Владивосток, совершенно вскружили голову блондинка на таможне, блондинка в гостиничной администрации, толпы блондинок на набережной в день военно-морского флота. Он называет золотоволосых красавиц символами мира и считает самым ярким впечатлением от России.

Значительным и интересным явлением в китайской мемуарной литературе стал сборник эссе, заметок и очерков Ван Мэна «Памяти Советского Союза» (苏联祭)[4]. С любовью, а иногда с болью и тоской об утраченном, Ван Мэн говорит о дорогом его сердцу Советском Союзе и людях, которые стали ему родными и близкими. Много внимания уделено и русской культуре, литературе, музыке. Классическая музыка, особенно произведения Чайковского, будят творческую мысль, открывают смысл жизни, – утверждает автор. Ван Мэн хорошо знает и любит русские народные песни и песни советских композиторов. В книге часто упоминаются не только известные песни, но и песни мало знакомые современному русскому человеку. Для китайского писателя этот «привет из юности» особенно дорог. «Памяти Советского Союза», на первый взгляд, – книга очень личная, раскрывающая душу автора и отражающая субъективный взгляд на Советский Союз. Но мастерство писателя позволяет ему раздвинуть рамки повествования и, преодолев субъективизм, воссоздать объективную картину жизни великой державы.

Встреча с русскими и русской культурой дает многим китайским писателям импульс к творчеству. Чи Цзыцзянь в заметках-эссе «Россия, которую люблю, в моих произведениях» («我作品中的俄罗斯情结») [9] рассказывает о своих детских впечатлениях – жизни в северной китайской деревне, находящейся на реке – границе с Советским Союзом. В 50-е – начале 60-х годов XX века китайцы беспрепятственно переправлялись через реку, лечились и рожали детей в русских больницах, о чем потом упомянула писательница в одном из рассказов.

Русские писатели, говорит Чи Цзыцзянь, – талисман для китайских. Мо Яню посещение дома-музея Л. Толстого и его могилы принесло удачу. Сама она идет в музей-квартиру Достоевского как в святыню и чувствует себя паломницей по святым местам.

Интерес к России и русским не угасает в Китае вот уже более века, поэтому «русская» тема постоянно возникает в китайской литературе. На волне установления и развития двусторонних отношений стратегического партнерства появилась мемуарная литература о братской дружбе народов двух стран в 50-е годы XX века. Писателей интересует и далекое прошлое, и настоящее, и повседневная жизнь, и менталитет, и культура России. Некоторые считают, что они приняли эстафету от Ба Цзиня, который всегда подчеркивал, что русская культура, и особенно литература, способна вдохновить на творчество писателей разных поколений и разных стран.

**Литература:**

1. Воскресенский Д. Н. Революционно-демократическое движение в России и его отражение в китайской литературе начала XX века. // Вестник МГУ, сер. Востоковедение, №3. – Москва, 1977.
2. Цзэн Пу. Цветы в море зла. - М., 1960.
3. 巴金文集, т.7. 北京, 1959.
4. 王蒙。苏联祭。北京, 2006。
5. 微型小说 09。武汉, 2010。

**Интернет ресурсы:**

6. <http://www.17/com/chapter/29761/1149007.html>
7. <http://www.gyzjxh.com/ReadNews.asp?News/D=9728>
8. <http://mingjia.zhiyin.cn/portal.php?mod=view&aid=332>
9. <http://Heilongjiang.dbw.cn/system/2014/07/03/055829425.shtml>

## ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ В КИТАЕ

Нин Хуайин

зам. директора Института Конфуция ВГСПУ

Лингвистическая прагматика как наука привлекла большое внимание у китайских ученых в 80 годах прошлого века. Плоды исследования за 30 лет отражаются на обширном и разностороннем материале. Она активно переводится и разрабатывается китайскими специалистами по иностранным языкам, особенно специалистами по английскому языку [钱冠连 Чан Гуанлянь, 许国璋 Сюй Гуочжан, 胡壮麟 Ху Чжуанлинь, 顾曰国 Гу Юэго, 何自然 Хэ Зижань, 沈家煊 Шен Дяцун, 何兆熊 Хэ Чжаосюн и др.].

В первом томе «Регистр научных работ по иностранным языкам» собрано 95 опубликованных в период 1949 г. — 1989 г. статей, являющихся первым заимствованием зарубежных работ по лингвистической прагматике и базовыми материалами для ее научно-исследовательской работы в Китае. Основными материалами заслужили такие работы как «Прагматика» [胡壮麟 Ху Чжуанлинь, 01980]; «О <Речевом поведении> Skinner, B. F.» [перевод из английского языка на китайский язык 王宗炎 Ван Зонъянь, 1982]; «Введение в прагматику» [何自然 Хэ Зижань, 1988]. Книга «Введение в прагматику» включена в себя почти все части «Прагматика» Levinson, и играла значительную роль в популяризации прагматики в Китае. Кроме того, в этот период проблемы прагматики и ее средства аргументации, речевой ситуации, модели речевого поведения, взаимодействия прагматики, семантики и прагматики, прагматики и преподавания иностранных языков, морфологии и прагматики так же находились в центре внимания многочисленных китайских лингвистов. В этот период активно заимствовали, комментировали теорию прагматики, разработанную иностранными специалистами [Austin, Levinson, John Searle, H.P. Grice, и др.], т.к. начальный период реформы в КНР дал возможность для заимствования «чужого», а для переваривания и абсорбирования (впитывания) заимствованного материала нужно время. 钱冠连 называет этот период периодом накопления [钱冠连 Чан Гуанлянь, 2001: 7].

В 1989 году в Китае проведена первая конференция «Лингвистическая прагматика». Самым важным материалом на данной конференции был доклад «Прагматика в Китае: начало и будущее» [钱冠连 Чан Гуанлянь, 1990], позже опубликован темой «Лингвистическая прагматика в Китае» в журнале «Pragmatics» при международном научно-исследовательском обществе «Лингвистическая прагматика». В своей работе он сделал обзор публикаций по прагматике китайских специалистов до 1989 г.

Во втором томе «Регистр научных работ иностранных языков» собрано 143 статьи, опубликованные в период 1990 г. — 1994 г. В это время появились новые темы по прагматике, как, например, «Коммуникативные стратегия и тактика» [陈思清 Чен Сичен, 1990], «О теории "естественного значения" Grise» [李绍山 Ли Шаошан, 1990], «Раздел прагматики и семантики» [沈家煊 Шен дяцун, 1990], «Прагматические проблемы в межкультурной коммуникации» [王得杏 Ван Дэсин, 1990], «Дискурсная прагматика» [胡壮麟 Ху Чжуанлинь], «John Searle : от речевого поведения до менталитета» «Заимствование и критика речевого поведения John Searle» [顾曰国 Гу Юэго, 1994], «Самосознание и межкультурная коммуникация» [王宗炎 Ван Зонъянь, 1993], «Ограниченность семиотики и прагматики» [钱冠连 Чан Гуанлянь, 1991] и т.д. Очевидно, что в этот период у китайских ученых появились самостоятельная идеология и понимание по теории прагматики.

С 1995 г. по 1999 г. в трех самых популярных научных журналах опубликовано 64 статьи по прагматике. Темы обобщены и сделаны более обширными: «Межкультурная прагматика: коммуникативная семантика» [范文芳 Фан Вэнфань, 1995], «Семантика в речевой коммуникации: введение в прагматику» [俞东明 Юй Дунминь, 1998], «Анализ речи за 20 лет, анализ речи в Китае» [徐纠纠 Сюй Дюю, 1995], «Новое развитие по теории неявной речи» [张绍杰 Чжан Шаоде, 1995], «О теории H.P. Grice «значение намерения» » [王传经 Ван Чуандинь, 1995], «О возможности в взаимодополнении грамматики «Н» и прагматики на основе их методологии» [熊学亮 Шун Шуэлян, 1996], «Речевая коррелированность и осознаваемая ситуация» [刘家荣 Лю Дяжун, 1997] и др. В этот период быстро выросло знание теории прагматики, в результате китайские ученые от «заимствования» перешли на «использование и критику». Однако, вопрос о создании своей теоретической системы заинтересовал всех ученых, как говорит 钱冠连 Чан Гуанлянь: «Иностранные ученые идут по своему пути, а мы идём по чужому» [钱冠连 Чан Гуанлянь, 2001: 9]. По сравнению с иностранными учеными в Китае в это время еще не создан климат «своего», долго рассчитывали на «чужое». Фактически, китайские ученые отстали от иностранных ученых по оригинальности творчества (своей разработке), обширности зрения и разнообразности средств аргументации, выбору тем в рамке реальной жизни, использованию речевых материалов, описанию истории развития прагматики.

Создание в 2003 г. Китайского научно-исследовательского общества "Лингвистической прагматики" подвинуло развитие исследования прагматики. До 2009 г. обществом было организовано 11 конференций по данной тематике. С 2000 г. до сегодняшнего дня за 15 лет обобщены в области линг-

вистической прагматики около 80 тысяч научных работ, среди которых немало своих теоретических разработок, создана теоретическая система когнитивной прагматики, межкультурной коммуникативной прагматики, прагматики китайского языка и культуры, сравнительной прагматики, прагматики перевода, речевой коммуникативной прагматики и др. Все больше внимания обращают на взаимоотношение прагматики с другими науками, например, в работах «Язык: последний человеческий очаг – философия человеческого существования и исследование прагматики» [钱冠连 Чан Гуанлянь, 2005], «Прагматика и методика иностранных языков» [陈新仁 Чен Синжен, 2006], «Функция речи в религиозном пространстве» [熊学亮 Сюн Суэлянь, 2003], «Семантика и прагматика: значения языка и речи» [冉永平 Жань Юнпинь, 2004] и др. Многочисленные работы, как «Когнитивная прагматика: когнитивное исследование в речевой коммуникации» [何自然 Хэ Зижань, 2006], «Основные проблемы когнитивной прагматики» [冉永平 Жань Юнпинь, 2002], показывают главное направление исследования прагматики в Китае. Несмотря на то, что сама теоретическая система «когнитивная прагматика» создана на основе работ Sperber и Wilson, но по сегодняшним работам «Функциональная когнитивная прагматика в грамматике современного китайского языка» [沈家煊 Шен Дящуан, 2005], «Соседнее отношение – когнитивная прагматика в антифразисе китайского языка» [黄緬 Хуан Мян, докторская диссертация, 2008], «Имена героев <Сон в красном тереме> в прагмалингвистическом освещении» [张征 Чжан Чжен, докторская диссертация, 2007], «Прагматико-стилистическое исследование по конфликтной речи в китайском языке» [赵英玲, Чжао Инлинь, докторская диссертация, 2008] и др. видно, что средство исследования и использование речевых материалов пошли «по своему пути».

Известный китайский лингвист-русист Ли Синьин (李锡胤) отмечает: «Человеческая деятельность делится на три типа: физическая деятельность, ментальная деятельность и речевая деятельность. Изучение ментальной деятельности можно проводить через речевую деятельность. Это имеет большое значение для самого речевого поведения. Речевое поведение это движение рта, которое выполняет такие функции: совершать физическое движение, совершать коммуникацию...» [李锡胤 Ли Сиьин, 2000: 49]. В своей работе он выявил новое мнение о значении речевого поведения, анализ работ философов по наблюдению речевого поведения, отрицание определения термина "неявное повеление", предлагаемое английскими учеными.

Сегодня многочисленные китайские специалисты старого и нового поколения работают над темой "лингвистической прагматики", успехи их исследования не только вызывают больше внимание у своих китайских коллег, но и становятся ценными материалами для лингвистов всего мира.

#### Литература:

1. 钱冠连, 语用学: 中国的位置在哪里? /外语学刊/ 2001, 4, стр. 10  
(Чан Гуанлянь, Лингвистическая прагматика: где место Китая? / Foreign Language Research / Хэйлуңцзянь, 2001-4, стр.7-17, всего 10стр.)
2. 路式成、魏杰. 外国语言研究论文索引(1949-1989), 上海外语教育出版社, 1992. стр. 780  
(Лу Шичен, Вэй Де, Регистр научных работ иностранных языков (1949-1989), Шанхай, 1992. стр. 780)
3. 路式成、魏杰, 外国语言研究论文索引(1990-1994), 上海外语教育出版社, 1996. стр. 485  
(Лу Шичен, Вэй Де, Регистр научных работ иностранных языков (1949-1989), Шанхай, 1996. стр. 485)
4. 《国外语言学》1995-1999 各期.  
(Лингвистика за рубежом, все журналы с 1995 г. по 1999 г.)
5. 《外语教学与研究》, 1995-1999 各期.  
(Преподавание и исследование иностранных языков, все журналы с 1995 г. по 1999 г.)
6. 《外国语》, 1995-1999 各期.  
(Иностранный язык, все журналы с 1995 г. по 1999 г.)
7. 《现代外语》, 1995-1999 各期.  
(Современный иностранный язык, все журналы с 1995 г. по 1999 г.)
8. 《外语与外语教学》, 1995-1999 各期.  
(Иностранный язык и преподавание иностранного языка, все журналы с 1995 г. по 1999 г.)
9. 王宗炎. 中国首届语用学研讨会侧记 / 外语教学与研究/ 1990, 1. стр. 11-15, 82, всего 6 стр.  
(Ван Зоньянь, О первой конференции "Лингвистическая прагматика" в Китае / Преподавание иностранного языка и исследование / 1990-1, стр. 11-15, 82, всего 6 стр.)
10. 沈家煊. 我国的语用学研究 / 外语教学与研究/ 1996, 1. стр. 6  
(Шен Дящуан, Исследование лингвистической прагматики в нашей стране /Преподавание иностранного языка и исследование/ стр. 3-7, 82, всего 6 стр.)
11. 钱冠连. 语用学在中国: 起步与展望 / 现代外语 / 1990, 2. стр. 7  
(Чан Гуанлянь, Лингвистическая прагматика: начало и будущее / Современный иностранный язык / 1990-2, стр. 26-31, 38, всего 7 стр.)

12. 李锡胤, «转向: 在别人还没注意时, 先看出问题» —就《语用学的哲学渊源》给作者的信/外语与外语教学/ 2000, 1. стр. 3

(Ли Сиьин, Направление: замечаем проблемы, пока другие не обращали внимание – письмо автору «Философский исток лингвистической прагматики» / Иностранный язык и преподавание иностранного языка / 2000-1, стр. 48-50, всего 3стр. )

13. 黄緬, 相邻关系—汉语反语的认知语用研究, 中国社会科学出版社, 2009, стр. 265

(Хуан Мян, Соседнее отношение – когнитивная прагматика в антифразисе китайского языка, Изд. Китайская общественная наука, Пекин: 2009, стр. 265)

14. 张征, 《红楼梦》人物换称的语用研究, 2007, стр. 344

(Чжан Чжен, Имена героев «Сон в красном тереме» в прагмалингвистическом освещении, докторская диссертация, 2007, стр. 344)

15. 赵英玲, 汉语冲突话语语用修辞研究, 2008, стр. 211

(Чжао Инлинь, Прагматико-стилистическое исследование по конфликтной речи в китайском языке, докторская диссертация, 2008, стр. 211)

## КНР и ЛАГ: СИСТЕМА ДВУСТОРОННЕГО И МНОГОСТОРОННЕГО ПАРТНЁРСТВА

*Пахомова М.А.  
ИБ РАН*

В работе уделено внимание трактовке формулы «партнёрства» видными российскими и китайскими экспертами, рассмотрены «виды партнёрств» КНР со странами Лиги арабских государств (ЛАГ), показан исторический контекст формирования системы партнёрских отношений Китая со странами ЛАГ в двустороннем и многостороннем формате.

### I

*Концепция партнёрства* стала частью внешнеполитической стратегии КНР в первой половине 1990-х. Первыми странами, с которыми КНР установила партнёрские отношения, были Бразилия (1993 г.), Россия (1996 г.), США (1997 г.), р. Корея (1998 г.), а из арабских стран – Египет (1999 г.). Наибольшее количество «партнёрств» стали достижением XXI в. В их числе и партнёрские отношения с международными организациями: ЕС (2003 г.), АСЕАН (2003 г.), Африканским Союзом (2006 г.) и др. В результате к 2015 г. количество установленных КНР «партнёрских отношений» превысила планку в 50 единиц, а КНР стала мировым лидером по применению формулы партнёрства.

Феномен партнёрства и различных его видов уже давно стал предметом исследований, причём не только, в работах, связанных с внешней политикой Китая. Изучаются и постранные особенности применения этого механизма в международных отношениях.

*Среди российских исследователей*, значительное внимание формуле партнёрства, как внешнеполитическому инструменту КНР, уделено внимание в работе известного российского китаеведа В.Я. Портякова, делающего акцент на созидательной роли этого механизма, особенно в ходе создания нового внешнеполитического «имиджа» КНР: «на практике формула партнёрства работала на создание благоприятной для Китая международной обстановки... Она позволяла снизить уровень конфронтации двусторонних отношений со сложными для КНР партнёрами..., делала ставку не на давление и силовые методы воздействия, а на сотрудничество..., улучшала общую атмосферу двусторонних отношений..., формула партнёрства способствовала нейтрализации теории «китайской угрозы» [1, 43]. В работе отмечено разнообразие форм партнёрства, что, по мнению автора, «отражает улучшение двусторонних отношений, либо углубление и расширение сфер практического взаимодействия КНР с той или иной страной» [1, 45], а «разнообразие конкретных вариантов партнёрства КНР с зарубежными государствами делает вполне естественной их определённую иерархию» [1, 46].

Немаловажно и то, как *китайские аналитики* оценивают формулу партнёрских отношений. Показательным исследованием такого рода служит анализ, проведённый заместителем директора Института современных международных отношений КНР (国现代国际关系研究院) Фэн Чжунпином и научным сотрудником того же института Хуан Цзином по заказу European Strategic Partnerships Observatory (ESPO) [3] в 2014 г.

Обращаясь к истории применения КНР формулы партнёрства, исследователи отмечают, что «китайско-бразильское стратегическое партнёрство... может быть интерпретировано, как попытка восстановить (внешнеполитический – М.П.) облик Китая после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. По настоящему внимание Пекина было сфокусировано на России и США» [5, 10]. Таким образом, «партнёрство» вошло в дипломатический арсенал КНР, как средство поддержания баланса в отношениях с РФ и США в тот момент, когда конфронтация с обоими центрами силы была нежелательна для стабильного развития Китая. Утверждается, что применение этого средства отражает

эволюционные изменения во внешнеполитической доктрине КНР, происходившие после начала «политики реформ и открытости»: «во-первых, необходимо взглянуть на изменения внутри Китая и в его связях с миром. Политика стратегического партнёрства, как дипломатический инструмент, отражает обширные изменения пути развития КНР и его дипломатической парадигме» [5, 11].

На примере отношений с Россией, США и АСЕАН авторы приводят схему установления партнёрских отношений: 1) создание соответствующей политической обстановки, 2) создание механизма постоянных консультаций, 3) установление отношений партнёрства, 4) увеличение количества совместных диалоговых площадок на разных уровнях.

Китайские эксперты справедливо утверждают, что установление партнёрских отношений не означает обязательного повышения уровня сотрудничества [5, 14], так как, по большей части, они заключаются исходя из «соображений защиты и наступления... партнёрство с сильными странами заключается в большей мере для защиты, а со слабыми исходя из наступления» [5, 14], «если бы не соображения региональной стабильности, то Китай в 2012 г. не заключил бы соглашение о партнёрстве с такой страной, как Афганистан».

Удивительным в работе сотрудников Института, близкого к системе Министерства государственной безопасности КНР выглядит контекст постановки тезиса о приоритетности / иерархичности системы партнёрств: «В прошлом Китай развивал китаецентрическую систему в рамках региона... Мир изменился, но существуют отголоски подобного мировоззрения. Стратегические партнёры рассматриваются в качестве «более близких друзей», нежели другие страны... в этом просматривается неявная иерархическая структура...» [5, 16].

Перейдём от рассмотрения теории к фактическому применению механизма установления партнёрских отношений на примере диалога в формате Китай-арабские страны.

## II

Важнейшая цель китайской политики в отношении региона Арабского Востока – поддержание стабильности. Это обусловлено наличием обширной группы интересов КНР к региону в целом. Среди них: поддержание глобального и регионального баланса сил, обеспечение стабильных поставок энергоресурсов в Китай, безопасность логистических потоков, безопасность интересов государственных и частных китайских компаний, задействованных в различных сферах (включая обеспечение безопасности сотрудников, имущества и выполнения достигнутых договорённостей), а также гармоничное развитие диалога между исламскими сообществами указанного региона и КНР, как основы для развития взаимовыгодного сотрудничества.

В рамках рассматриваемого региона может быть выделено два основных вектора установления партнёрских отношений: многосторонний и двусторонний. В рамках последнего многие аспекты партнёрских отношений обусловлены историческими, геополитическими и религиозными факторами.

Указанная выше схема находит подтверждение в сложившейся к 2015 г. системе «отношений партнёрства» КНР со странами региона.

*В многостороннем формате:*

1. В соответствии с «Тяньцзиньской декларацией» от 2010 г. между Китаем и арабскими странами установлены отношения «стратегического и всестороннего сотрудничества, а также совместного развития» (全面合作、共同发展的中阿战略合作关系). Соглашение было достигнуто на основе работы Форума китайско-арабского сотрудничества (основан в 2004 г.) [28].

2. В 2009 г. установлен механизм стратегического диалога КНР – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (双边战略对话机制) [27].

*В двустороннем формате в отношении арабских государств формула «партнёрства» применена в диалоге со следующими странами:*

1. В 1999 г. установлены «отношения стратегического сотрудничества» (战略合作关系) между КНР и Арабской Республикой Египет (АРЕ) [26], к декабрю 2014 г. поднятые до уровня «отношений всестороннего стратегического партнёрства» (全面战略合作伙伴关系) [26].

2. 2006 г. стал знаменательным для китайско-алжирских отношений, когда они достигли уровня «отношений стратегического сотрудничества» [10]. В феврале 2014 г. Китай и Алжир установили «отношения всестороннего стратегического партнёрства» (全面战略合作伙伴关系) [9].

3. В 2008 г. «отношения стратегического дружественного сотрудничества» установлены с Саудовской Аравией (合作和战略性友好关系).

4. В 2012 г. отношения стратегического партнёрства были установлены с ОАЭ (战略合作伙伴关系) [18]. Стороны подписали «Совместное коммюнике между Китайской народной республикой и Объединёнными Арабскими Эмиратами об установлении отношений стратегического партнёрства» [25].

5. Партнёрские отношения были установлены с Катаром в 2014 г. (战略合作伙伴关系) [15].

Ниже мы кратко рассмотрим каждый из обозначенных выше векторов политики Пекина в отношении региона Западной Азии и Северной Африки.

## III

Историческая основа для установления официальных отношений между КНР и ЛАГ, как субъектами системы международных отношений складывалась на протяжении всей второй половины XX в.

Формировались состав и политика ЛАГ, развивался и внешнеполитический курс КНР, менялось их взаимное восприятие.

К 1991 г. КНР были установлены дипломатические отношения со всеми арабскими странами, подтвердив наличие и облегчив претворение в жизнь обширной группы совместных интересов. В 1993 г. было открыто представительство ЛАГ в Пекине. В соответствии с резолюцией № 5809, принятой 110 сессией ЛАГ в 1998 г. было предписано «всемерно способствовать развитию отношений с Китаем» [21]. В итоге был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ЛАГ и МИД КНР» от 1999 г., предусматривавший и регламентировавший постоянный механизм проведения переговоров и консультаций на высшем уровне [12]. В 2004 г. был создан Форум китайско-арабского сотрудничества [29], на основе которого к 2010 г. стало возможно подписание «Тяньцзиньской декларации», поднявшей китайско-арабские отношения до уровня «стратегического и всестороннего сотрудничества, а также совместного развития».

Наглядным показателем эффективности механизмов работы форума и новой формулы «партнёрства» следует считать показатели торгово-экономического сотрудничества КНР с арабскими странами. В 2014 г. общая сумма товарооборота КНР со странами Форума составила 238 млрд. 900 млн. долл., арабские страны - седьмой торговый партнёр КНР, основной поставщик энергоресурсов в Китай, КНР - второй торговый партнёр арабских стран и первый торговый партнёр девяти из них [8].

#### IV

*Арабские страны Персидского залива* – основные поставщики энергоресурсов в КНР (по данным на конец 2014 г.). На них приходится 70 % торгового оборота Китая с арабскими странами.

Формально развитие отношений КНР с ССАГПЗ началось в 1981 г., непосредственно после его создания, когда министр иностранных дел КНР Хуан Хуа направил в адрес вновь созданной организации поздравление. Механизм постоянных встреч на уровне министров иностранных дел и генерального секретаря ССАГПЗ был установлен в 1991 г. Встречи проходили в рамках заседания Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке. С 1996 г. стороны договорились о проведении ежегодных консультаций в Пекине и Эр-Рияде. В 2004 г., одновременно с Форумом китайско-арабского сотрудничества был создан и Совет сотрудничества КНР-ССАГПЗ [7, 2].

В 2004 г. КНР и ССАГПЗ подписали «Рамочное соглашение об экономическом, торговом и технологическом сотрудничестве» и начали переговоры о создании зоны свободной торговли КНР – ССАГПЗ [13], последний раунд которых состоялся в 2014 г. По данным, полученным на середину 2015 г. проект ещё далёк от завершения.

Китайские исследователи склонны полагать, что положительно на «запуске» переговорного процесса по созданию зоны свободной торговли сказалась политика, проводимая США в регионе после 11 сентября: с одной стороны странам ССАГПЗ потребовалось снизить влияние США в регионе, с другой КНР уже являлся значимым торговым и политическим партнёром государств региона. Негативно сказывается непродолжительная история отношений Китая со странами Залива и недостаточный уровень их доверия к КНР [7, 8].

Механизм стратегического диалога *КНР* – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива был установлен в 2009 г. [27]. Первое заседание состоялось в 2010 г., последующие в 2011 и 2014 гг. [19]. На последнем заседании сторонами был подписан «План действий КНР и стран ССАГПЗ в рамках стратегического диалога на 2014-2017 гг.» [13], регламентирующий дальнейшее сотрудничество сторон.

#### V

*Египет* – важный политический партнёр Китая среди арабских государств региона.

АРЕ – первая арабская страна, с которой КНР установила дипломатические отношения. Это знаменательное событие произошло 30 мая 1956 г. Немаловажную роль в становлении китайско-египетского диалога сыграли отношения Египта с СССР и «хлопковая дипломатия» заставившая египетские торговые круги искать новых партнёров [20, 77]. Обозначенные причины создали почву для переговоров Чжоу Эньлая с Насером в ходе Бандунгской конференции (1955 г.).

Однозначно можно утверждать, что Египет стал «проводником» для китайской дипломатии и в арабском мире, и на Африканском континенте и сохраняет эту роль до настоящего времени.

Сотрудничество КНР с Египтом неизменно развивалось стабильно, без резких перепадов, имевших место в отношениях Китая с другими арабскими странами, особенно на фоне «похолодания» отношений КНР с СССР. Сохранялись они и в период «культурной революции» в Китае. Стороны поддерживали диалог по политическим и торговым вопросам, а также в сфере поставок вооружения. Китайско-египетские отношения вошли в фазу ещё более успешного развития после ухудшения отношений СССР с Египтом в середине 1970-х.

В 1999 г. в ходе визита Хосни Мубарака в Пекин было подписано совместное коммюнике об установлении «отношений стратегического сотрудничества». Таким образом, АРЕ стала первой арабской страной, установившей особые отношения с Китаем. Основными целями коммюнике стало: 1) установление нового справедливого и разумного политического и экономического мирового порядка; 2) укрепление сотрудничества между развивающимися странами с целью сокращения разрыва между богатством и бедностью; 3) достижение мира на Ближнем Востоке путём полного соблюдения дого-

ворённостей между Палестинской автономией и Израилем; 4) сокращение вооружений, особенно массового уничтожения; 5) противодействие терроризму во всех его формах.

Значительное влияние на отношение Пекина к АРЕ оказывает египетское влияние в ЛАГ. Не случайно большинство наиболее значимых заявлений в истории китайско-арабских отношений, как китайской, так и арабской стороной сделано именно в Каире.

Стабильные отношения сохраняются у КНР с Египтом при любых режимах в АРЕ. Например, первый государственный визит Мухаммада Мурси, взявшего курс на расширение внешнеполитических контактов и поиск новых инвестиций, за пределы региона Ближнего Востока был нанесён в Китай [30, 43]. Спустя два месяца после вступления в должность нового президента Египта Абдул-Фаттах Халила Ас-Сиси председатель КНР Си Цзиньпин посетил Египет (август 2014 г.), высказав «шесть предложений по укреплению сотрудничества с Египтом»: 1) укрепление политического взаимодовверия и взаимной поддержки, активное продвижение двустороннего взаимодействия на высоком уровне, усиление обмена между политическими партиями, парламентами и народами двух стран, обмен опытом в области государственного управления, взаимная поддержка по вопросам независимости и достоинства; 2) содействие деловому сотрудничеству в различных областях, успешная работа по созданию зоны свободной торговли Суэцкого канала, дальнейшее развитие проекта по строительству пригородной железной дороги до Эль-Ашир-мин-Рамадан<sup>1</sup>, строительство тоннеля по морскому дну до г. Исмаилия<sup>2</sup>, укрепление двустороннего сотрудничества в области инфраструктуры, энергетики, промышленности, сельского хозяйства и аэрокосмической спутников; 3) укрепление обмена и сотрудничества по военным делам; 4) укрепление сотрудничества правоохранительных органов в области борьбы с терроризмом и безопасности, борьбы с транснациональной преступностью, незаконным оборотом наркотиков; 5) укрепление гуманитарного сотрудничества в области образования, культуры и туризма, проведение мероприятий по культурному обмену, укрепление обмена между образовательными организациями двух стран в области подготовки кадров, студенческого обмена, изучения языков. Китайская сторона намерена поощрять своих граждан совершать туристические поездки в Египет; 6) укрепление поддержки и сотрудничества по региональным и глобальным вопросам, китайская сторона намерена усиливать связи и координацию по таким вопросам, как реформа ООН, изменение климата и права человека. Китай выражает надежду, что Египет сыграет ведущую роль в многостороннем диалоге между Китаем и арабскими странами и Китаем и странами Африки, а также будет способствовать развитию отношений между Китаем и исламскими странами [8].

Не удивительно, что на фоне столь обширной программы сотрудничества китайско-египетские отношения к концу 2014 г. вышли на уровень «отношений всестороннего стратегического партнерства» Объём товарооборота КНР и Египта составил 11 млрд. 620 млн. долл.

Объяснение этому вероятно следует искать не в «политической толерантности» Пекина к быстро меняющимся политическим группировкам, находящимся у власти в Каире, а скорее в глубокой степени взаимной выгоды, извлекаемой сторонами из диалога.

## VI

*Алжир* - страна с длительной историей взаимоотношений с КНР, которая началась ещё в 1958 г., когда КНР признала новое алжирское правительство ещё до получения этой страной независимости (1962 г.), и длительное время развивалась в рамках диалога между социалистическими государствами [32].

Значение алжирского вектора политики КНР в отношении государств Северной Африки ещё больше возросло после событий «Арабской весны» на фоне ухудшения ситуации в Ливии и периодической нестабильности в Египте [6]. Только к 2011 г. в Алжире работало от 40 до 45 тыс. граждан КНР [4, 8].

В 2013 г. КНР вышла на место первого экспортёра товаров в Алжир, потеснив Францию, и сохраняет эту позицию по сей день. Но Пекину пока удалось лишь потеснить Евросоюз [4, 3].

Высокие показатели торгово-экономического сотрудничества – результат активной политики Пекина в Северной Африке. За последнее десятилетие, с 608 млн. долл. в 2003 г. [6] они выросли 9 млрд. долл. в 2014. Алжир уже стал первым торговым партнёром КНР в странах Магриба (40 % от общего внешнеторгового оборота со странами указанного региона). Растут поставки энергоресурсов из Алжира в КНР, на фоне снижения поставок в США, у КНР есть интересы в сфере поставок вооружения на алжирский рынок, крайне масштабно развивается сотрудничество в сфере возведения инфраструктуры. Среди наиболее значимых объектов, над которыми работают китайские компании в Алжире можно выделить возведения здания МИД Алжира, мечети, которая должна стать третьей по величине в мире, части магистрали East-West highway, здания оперы на 1400 мест, муниципального жилья в ряде алжирских городов [6].

<sup>1</sup> Один из самых современных промышленных городов Египта. Расположен в провинции Эш-Шаркия в 55 км. от Каира.

<sup>2</sup> Туннель обещает стать третьим транспортным путем через Суэцкий канал, наряду с уже действующим с 1983 г. туннелем, а также мостом. По замыслу архитекторов новый туннель соединит города Суэц, Исмаилия, и Порт-Саид с Синайским полуостровом. Туннель будет проложен в 19 километрах к югу от северного устья Суэцкого канала и будет иметь три ветки — одну для железнодорожного транспорта и две для автомобильного (См. подробнее: Азию и Африку свяжет туннель// Экономические известия 13.07.2010 №114 (1347).



## VII

*Саудовская Аравия* – первый торговый партнёр Пекина среди арабских государств региона и первый поставщик энергоресурсов в Китай.

Дипломатические отношения КНР с этим государством не продолжительны по времени. Они установлены в 1991 г. Со стороны Саудовской Аравии – это результат влияния курса на диверсификацию политических и экономических партнёрств. КНР осуществила в королевство поставку баллистических ракет (со стороны западных партнёров был получен отказ в заключении подобной сделки), а также со временем стала крупнейшим потребителем саудовской нефти. Китай после 1978 г. был нацелен на максимально тесное сотрудничество с Арабским Востоком. Саудовская Аравия оставалась последней арабской страной, у которой не было отношений с КНР. Важно было и саудовское влияние в регионе Персидского залива, также относительно нового направления китайской внешнеполитической активности. Высветился для Пекина и фактор поставок энергоресурсов (на тот период основными поставщиками в Китай были Оман и Йемен).

Примечательно, что именно китайской компании «China Railway Engineering» было доверено строительство скоростной железной дороги между священными городами Меккой и Мединой (сметная стоимость 1,8 млрд. долл.).

Важные договорённости между странами были достигнуты в 2006 г., когда состоялся обмен визитами между председателем КНР Ху Цзиньтао и королём Абдаллой [22].

В 2008 г. СА и КНР в СА стороны подписали «Совместное коммюнике об установлении отношений стратегической дружбы и сотрудничества» [31], за этим последовало подписание ряда документов по сотрудничеству в таких областях как энергоресурсы, здравоохранение, образование, связь.

Значение партнёрства КНР с Саудовской Аравией подчеркнул визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в январе 2012 г. на фоне событий «Арабской весны», когда стала резко повышаться роль Саудовской Аравии, как регионального центра в противовес Египту.

В 2014 г. стороны подписали соглашение о повышении уровня партнёрских отношений [23], общий товарооборот достиг 69 млрд. 100 млн. долл.

## VIII

*Объединённые Арабские Эмираты* – второй торговый партнёр КНР в регионе Западной Азии и Северной Африки, страна, принимающая на себя большую часть китайского экспорта в регион.

Дипломатические отношения были установлены сторонами на в октябре 1984 г. [11].

К 2015 г. в стране проживает около 200 тыс. граждан КНР [16] и работает около 4 тыс. китайских предприятий [17].

Между странами налажен мощный туристический поток. По данным за 2014 г. – 400 тыс. человек [17].

17 января 2012 г. сторонами было подписано «Совместное коммюнике между Китайской народной республикой и Объединёнными Арабскими Эмиратами об установлении отношений стратегического партнёрства» [25]. Подписание документа состоялось в ходе упомянутого выше турне Вэнь Цзябао по странам Аравийского полуострова. А Эмираты вновь вышли на первое место среди партнёров КНР по ССАГПЗ, став первой страной этой организации, установившей отношения «стратегического партнёрства с КНР».

Китайская сторона уже высказала предположение, что ОАЭ поддержат китайскую инициативу по созданию «морского шёлкового пути», став одним из его важнейших пунктов.

Особое место ОАЭ на карте китайских внешнеполитических приоритетов в регионе Персидского залива подчёркивает экономическая статистика – в 2014 г. общий объём внешней торговли КНР с ОАЭ составил 54 млрд. 800 млн. долл. [14].

## IX

Следующий важный партнёр КНР в регионе Персидского залива – *Катар*. Диалог между Катаром и КНР начался лишь в 1988 г.

В 2008 г. между китайская компания CNPC подписала с Qatargas и Shell контракт, предусматривающий ежегодные поставки в КНР 3 млн. тонн. Сжиженного газа, а в 2009 г. другая китайская компания – SINOOC получила права на поиск месторождений нефти и газа на шельфе. Оба контракта подписаны сроком на 25 лет [2, 34].

Участие китайских компаний оговорено и в рамках другого масштабного проекта - New Doha Port. Сумма контракта с китайской стороной составила 879 млн. долл. [2, 34]

В 2014 г. товарооборот между КНР и Катаром составил 10 млрд. 580 млн долл. [15].

\* \* \*

Подводя итог, отметим, что создание системы стратегических партнёрств КНР с арабскими странами и региональными организациями арабского Востока, пришлось на конец XX – начало XXI вв. Эти сроки соответствуют общей картине установления КНР партнёрских отношений с другими государствами.

КНР вышла на уровень партнёрских отношений с двумя главными региональными организациями: Лигой арабских государств и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Первой арабской страной, установившей партнёрские отношения с КНР стал Египет – традиционно важный внешнеполитический партнёр КНР в арабском мире и на Африканском континенте. Вторым партнёром КНР в Северной Африке стал Алжир.

Наиболее представительная группа партнёров КНР с Арабского Востока представлена государствами региона Персидского залива, они являются и основными торговыми партнёрами КНР в регионе и поставщиками энергоресурсов.

По отношению к странам Арабского Востока, как и по отношению к другим государствам были применены различные формулировки «партнёрства». Со многими странами были заключены дополнительные соглашения о повышении уровня партнёрских отношений. Особенным в этом плане стал 2014 г. – годовщина создания Форума китайско-арабского сотрудничества.

#### **Список источников и литературы:**

1. Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М. : ИДВ РАН, 2013.
2. Asia and the Gulf // The Singapore Middle East Papers. Volume 1. Spring 2012.
3. European Strategic Partnerships Observatory (ESPO) – официальный сайт. URL: <http://strategicpartnerships.eu/about-us-project/> (дата обращения: 01.08.2015).
4. Thierry Pairault. China's economic presence in Algeria // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/UMR-CCJ>. 2015.
5. Feng Zhongping Huang Jing China's strategic partnership diplomacy: engaging with a changing world // ESPO working paper № 8, June 2014.
6. Naser Al-Tamimi China-Algeria Relations URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/business/economy/2014/03/26/> (дата обращения: 14.08.2015).
7. Zhang Mei China's Interests in the Gulf – Beyond Economic Relations? // Singapore: Middle East Institute, 2009.
8. Ван И Продолжится развитие китайско-египетских отношений по стратегической, деловой и поступательной траекториям (Wang yi : zhong ai guanxi jiang jianchi zhanlue , wushi he kechixu san da daoxiang 王毅：中埃关系应坚持战略、务实和可持续三大导向) // сайт правительства КНР. URL: [http://www.fmprc.gov.cn/mfa\\_chn/zyxw\\_602251/t1179903.shtml](http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1179903.shtml) (дата обращения: 10.08.2015).
9. Запись о провозглашении установления отношений всестороннего стратегического партнёрства Алжира с КНР (Xie zai aerjiliya tong zhongguo xuanbu zianli quanmian zhanlue huoban guanxi zhi ji 写在阿尔及利亚同中国宣布建立全面战略伙伴关系之际) // Интервью посла КНР в Алжире «Жэньминь жибао» - URL: [http://paper.people.com.cn/rmrhwb/html/2014-02/25/content\\_1395080.htm](http://paper.people.com.cn/rmrhwb/html/2014-02/25/content_1395080.htm) (дата обращения: 27.07.2015).
10. Коммюнике о развитии отношений стратегического сотрудничества между КНР и Алжиром (Zhonghua renmin gongheguo he aerjiliya mingzhu renmingongheguo guayu fazhan liang guo zhanlue hezuo guanxi de shengming «中华人民共和国和阿尔及利亚民主人民共和国关于发展两国战略合作关系的声明») // сайт правительства КНР - URL: [http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content\\_464350.htm](http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_464350.htm) (дата обращения: 27.07.2015).
11. Краткое описание отношений КНР с ОАЭ (Zhongguo yu alianzong guanxi jianjie 中国与阿联酋关系简介) // сайт посольства КНР в ОАЭ. URL: <http://ae.chineseembassy.org/chn/sbgx/t1411173.htm> (дата обращения: 14.08.2015).
12. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ЛАГ и МИД КНР // Сайт представительства ЛАГ в КНР - URL: <http://www.arableague-china.org/chinaese/araborchina/araborchina101.htm> (дата обращения: 29.07.2015).
13. Отношения КНР с ССАГПЗ (Zhongguo yu haiwai alabo guojia hezuo weiyuanhui guanxi 中国与海湾阿拉伯国家合作委员会 (GCC) 关系) // сайт посольства КНР в Саудовской Аравии URL: <http://sa.china-embassy.org/chn/zghgcc/t1235780.htm> (дата обращения: 20.07.2015).
14. Отношения КНР с ОАЭ успешно развиваются (Zhongguo tong alianzongde guanxi fazhan shunli 中国同阿联酋的关系发展顺利) URL: <http://www.chinahomelife.com.cn/lighting/dubai/110.html> (дата обращения: 14.08.2015).
15. Отношения КНР с Катаром (Zhongguo tong kataerde guanxi 中国同卡塔尔的关系) URL: [http://www.fmprc.gov.cn/mfa\\_chn/gjhdq\\_603914/gj\\_603916/yz\\_603918/1206\\_604306/sbgx\\_604310/t6276.shtml](http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604306/sbgx_604310/t6276.shtml) (дата обращения: 14.08.2015).
16. Посол КНР в ОАЭ Чан Хуа дал специальное интервью газете ОАЭ «Льньбанбао» (Zhu alianzong dashi Changhua jieshou a lianbangbao zhuanfang (驻阿联酋大使常华接受阿《联邦报》专访) // сайт посольства КНР в ОАЭ. URL: <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1274276.htm> (дата обращения: 14.08.2015).

17. Посол КНР в ОАЭ о проекте «Один пояс, один путь» (Zhongguo zhu alianzong dazhi chang hua : zouxiang gongjian yi dai yi luzhuxuanlu 中国驻阿联酋大使常华:奏响共建«一带一路»主旋律). URL: [http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201504/13/t20150413\\_5084053.shtml](http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201504/13/t20150413_5084053.shtml) (дата обращения: 14.08.2015).

18. Сайт посольства КНР в ОАЭ - URL: <http://ae.chineseembassy.org/chn/xwdt/t1274276.htm> (дата обращения: 29.07.2015).

19. Совет сотрудничества арабских государств персидского залива (Haiwai alabo guojia hezuo weiyuanhui 海湾阿拉伯国家合作委员会) // сайт МИД КНР URL: [http://www.fmprc.gov.cn/mfa\\_chn/gjhdq\\_603914/gjhdqzz\\_609676/lhg\\_610422/](http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gjhdqzz_609676/lhg_610422/) (дата обращения: 20.07.2015).

20. Ся Липин Анализ установления дипломатических отношений Китая с Египтом (Xia Liping zhongguo aiji jianjiao jianxi 夏丽萍 中国埃及建交浅析)// Вайцзяо сюэюань сюэбао, 2000. С.77.

21. Резолюция № 5809 принятая по итогам 110 сессии ЛАГ. Сайт Представительства ЛАГ в КНР - URL: <http://www.arableague-china.org/chinaese/araborchina/araborchina3.htm> (дата обращения: 29.07.2015).

22. Сайт МИД КНР URL: [http://www.mfa.gov.cn/chn/gxh/cgb/zcgmzysx/yz/1206\\_27/1206x1/t6336.htm](http://www.mfa.gov.cn/chn/gxh/cgb/zcgmzysx/yz/1206_27/1206x1/t6336.htm) (дата обращения: 14.08.2015).

23. Ситуация в Саудовской Аравии (Shate alabo gaikuang 沙特阿拉伯概况) // Синьхуа. URL: [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-06/18/content\\_445928\\_3.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-06/18/content_445928_3.htm) (дата обращения: 14.08.2015).

24. Совместное официальное сообщение об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и Египтом (Zhonghua renmin gongheguo he alabo aiji gongheguo guanyu jianli quanmian zhanlue hezuo huoban guanxi de lianhe shengming «中华人民共和国和阿拉伯埃及共和国关于建立全面战略合作伙伴关系的联合声明») // Синьхуа - URL: [http://news.xinhuanet.com/world/2014-12/23/c\\_1113752333.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2014-12/23/c_1113752333.htm) (дата обращения: 25.07.2015).

25. Совместное коммюнике об установлении отношений стратегического партнёрства между КНР и ОАЭ (Zhonghua renmin gongheguo he alabo lianhe zongzhangguo guanyu jianli zhanlue huoban guanxi de lianhe shengming «中华人民共和国和阿拉伯联合酋长国关于建立战略合作伙伴关系的联合声明») - URL: [http://www.china.com.cn/policy/txt/2012-01/18/content\\_24438289.htm](http://www.china.com.cn/policy/txt/2012-01/18/content_24438289.htm) (дата обращения: 29.07.2015).

26. Совместное коммюнике об установлении отношений стратегического сотрудничества между Китаем и Египтом (Zhongguo he aiji uanyu jianli zhanlue hezuo guanxi de lianhe gongbao 《中国和埃及关于建立战略合作伙伴关系的联合公报》) // Синьхуа - URL: [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-04/09/content\\_350228.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-04/09/content_350228.htm) (дата обращения: 25.07.2015).

27. Тан Цзычао Продолжается быстрое развитие китайско-арабских отношений (Tang Zhichao Zhong-A xinxing huoban guanxi chixu kuaisu fazhan 唐志超 中阿新型伙伴关系持续快速发展) // Западная Азия и Северная Африка. 2009, №10. - <http://niis.cass.cn/upload/2012/12/d20121209125855152.pdf> (дата обращения: 25.07.2015).

28. Укреплять строительство Форума, создавать обновлённую версию китайско-арабских отношений (Jiaqiang luntan jianshe / dazao zhong-a guanxi shengjiban 加强论坛建设, 打造中阿关系»升级版») // сайт посольства КНР в Иорданском Хашимитском королевстве - URL: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/cejo/chn/zygxuw/t1162559.htm> (дата обращения: 25.07.2015).

29. Китайско-арабские отношения // Аль-Джазира URL: <http://www.aljazeera.net/programs/pages/c7a187e5-a54a-42f1-a23b-db35c574bdfb#L1> (дата обращения: 20.07.2015).

30. Китайско-египетские отношения между преемственностью и переменами (2003-2013)

العلاقات المصرية الصينية

بين الاستمرارية والتغيير ( ٢٠١٣ ٢٠٠٣ )

Египет : Кафедра политических наук при университете Порт-Саида. Стр. 36-52. С. 43

31. Китайско-саудовские отношения: стратегическое интеграция подтверждает глубину и прочность отношений между двумя странами.

العلاقات السعودية الصينية: تكامل استراتيجي يؤكد عمق ومتانة العلاقات بين البلدين

URL: <http://www.sauress.com/albilad/18856> (дата обращения: 14.08.2015).

32. China-Algeria Relations URL: <http://www.china.org.cn/english/features/phfnt/85069.htm> (дата обращения: 10.08.2015).

# РУССКО-КИТАЙСКИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАРАДИПЛОМАТИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ<sup>1</sup>

Петрасяк М.,  
Лодзинский университет (Польша)

## 1. Теоретические положения

Если мы взглянем на задачи внешней политики государств, то на современном этапе все чаще прибегают к новым средствам ее реализации — *soft power* в широком смысле: публичной дипломатии и продвижению внешних интересов страны. Поскольку цели классической дипломатии, связанные с политической и военной безопасностью, должны достигаться с помощью инструментов центральных органов власти, постольку все остальные могут и фактически реализовываются с помощью децентрализованных органов самоуправления. Исследованию этих новых явлений содействуют либеральные теории. Согласно такой исследовательской парадигме, отношения между странами эволюционируют в «сторону большего благосостояния, большей свободы и гармонизации интересов между коллективными участниками, каковыми являются государства-институции» [5: 29-30]. Выступая как рациональные участники международной среды, государства стремятся к достижению общей цели и выгоды, добиться которых можно с помощью усиления торгового обмена и экономического сотрудничества. Такая деятельность ведет к взаимозависимости и является лучшим гарантом мирного развития. В этом контексте международное сотрудничество регионов способствует развитию, строит близкие позитивные отношения.

Вице-министр иностранных дел Польши Рафал Висьневски обращает внимание на факт, что международная экспансия самоуправлений и предпринимателей очевидным образом связана с репутацией страны в мире [13]. Поэтому государственные службы (Министерство иностранных дел), развивая публичную, экономическую, культурную или даже спортивную дипломатию, не могут действовать за дверями кабинетов, а должны выходить с сотрудничеством к регионам.

Эти новые формы дипломатической деятельности особенно развились по окончании холодной войны. Поиски теоретической модели для сравнения дипломатий регионов КНР, Индии и России (Российского Дальнего Востока) — цель научных исследований кафедры Восточной Азии факультета международных отношений и политологии Лодзинского университета. Важнейшей исследовательской проблемой, поставленной в проекте, является поиск ответа на вопрос: от чего зависит степень международной активности региональных властей в крупнейших странах Азии, т. е. Китае, Индии и России (в этом случае мы относим понятие «азиатский» к географическому положению, а не цивилизационной идентичности; в России рассматриваться будет Дальний Восток). Обоснованна ли она степенью децентрализованности государства? Или напрямую подчинена экономическому потенциалу региона? Влияет ли на нее факт выборной легитимизации региональных властей? Является ли (и если да, то в какой степени) парадипломатия инструментом внешней политики, проводимой на уровне государства? Каким образом деятельность фирм воздействует на международную активность регионов? Насколько центральная власть стимулирует или блокирует международную деятельность, проводимую на низших уровнях? Какой характер носит парадипломатическая деятельность азиатских регионов и преобладает ли в них экономическая составляющая? Можно ли сконструировать модель сотрудничества на уровне микрорегионов азиатских государств, определить специфические черты парадипломатии на примере избранных регионов трех разных государств, принадлежащих Восточной Азии в широком смысле?

Отправной точкой для анализа служит экспланационная модель Александра Кузнецова. Исследователь характеризует явление парадипломатии следующим образом: «Парадипломатия анализируется в научной литературе как вовлечение в международные отношения субнациональных акторов (регионов) национальных государств – таких как провинции Канады, автономные единицы в Испании, земли в Германии, округа и республики в России и т.д.» [6, 2]. Ольга Плотникова, также занимающаяся дипломатией регионов, обращает внимание на то, что тенденция к увеличению активности регионов на международной арене касается как федераций с разной степенью централизованности, так и унитарных государств. В определяемом таким образом явлении заключается следующая проблема: регионы могут укрепляться, становиться важным компонентом международных отношений государства с заграничной только при условии, что делают это с согласия центральной власти и не проявляют сепаратистских тенденций [12, 31-34]. На эту же проблему обратил внимание Кузнецов: «с одной стороны, развитие регионами международных отношений способствует экономическому развитию, а с другой стороны, этот же процесс может содействовать развитию регионального сепаратизма, межрегионального соперничества в международной сфере и соответственно появлению новых центробежных тенденций» [11, 5].

<sup>1</sup> Проект профинансирован из средств Национального центра науки, выделенных на основании решения DEC-2013/11/B/HS5/04121

Еще одной проблемой, на которую обращает внимание Плотникова, является отсутствие возможности правового регулирования внешних связей регионов: с одной стороны, они ведут себя как международные субъекты, вплоть до открытия своих представительств, а с другой, международное гражданское право касается государств, а не регионов, и поэтому они подчинены внутреннему законодательству. Процесс налаживания связей со внешними партнерами относительно сложен [12, 31-34]. С точки зрения либеральной теории, исследование развития парадипломатии должно касаться именно строения институциональных структур, способствующих сотрудничеству.

Модель Кузнецова сконструирована на основе анализа шести базовых исследовательских вопросов, на которые он дает гипотетические ответы, а затем верифицирует в ходе эмпирического изучения:

1. Какие факторы благоприятно влияют на парадипломатию в рассматриваемом регионе?
2. Каковы правовые основания: как выглядит парадипломатия государств, регионы которых подвергаются анализу?
3. Какова основная мотивация властей данных регионов для того, чтобы включиться в международные отношения?
4. Каким образом организована, институционализована парадипломатия в исследуемом регионе?
5. Каково отношение центральной власти к международной активности регионов? Какие цели преследует государство, соглашаясь на такого рода деятельность региональных властей?
6. Каковы последствия парадипломатии для общества в целом, всего народа?

## **2. Институциональные основы российской трансграничной парадипломатии**

Отвечая на первый из поставленных вопросов, Кузнецов формулирует гипотезу, что важным фактором, способствующим парадипломатии, является географический – пограничное положение регионов. Исследованием международного сотрудничества приграничных регионов занимался, среди прочих, Иво Духачек, который назвал данное явление трансграничным регионализмом [4, 9]. Этот простейший тип парадипломатии появился раньше остальных и, вне всяких сомнений, стимулирует сотрудничество регионов. Общая граница способствует взаимному сотрудничеству, но также конфликтам и сепаратизму, о чем уже упоминалось выше, и которых центральные власти опасаются больше всего.

В случае российского Дальнего Востока на настоящем этапе международных отношений наиболее развито сотрудничество с регионами Китайской Народной Республики. Обобщая внешние и внутренние предпосылки активности регионов, Кузнецов перечисляет среди первых: глобализационные процессы, размывание экономических и культурных границ, стремление к экономическому развитию и соперничеству на мировом рынке, процессы демократизации; а среди вторых, например: использование парадипломатии как механизма ликвидации дисфункции центрального правительства в процессе формирования государства и удовлетворения потребностей локальных сообществ, национализмы, а также желание региональных элит копировать решения, применяемые другими регионами.

Кроме перечисленных предпосылок, в случае России основным стимулятором сотрудничества (хотя и не только трансграничного) является центральная власть. Правовую основу международной деятельности субъектов РФ составляют Федеративный договор, Конституция РФ, федеральные законы, указы Президента РФ и акты Правительства России [7, 12].

Воля Дальнего Востока к развитию, как и во всех других регионах, встречается с определенным политическим ограничением: их действия не могут каким-либо образом причинять вред другим регионам или хотя бы наносить им финансовый ущерб. Здесь явна координирующая роль Министерства иностранных дел РФ. В 1999 г. был принят закон «О координировании международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Правовым основанием для сотрудничества пограничных регионов является **Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации, принятая правительством в 2001 г., а также** Федеральный закон № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 2003 г. [1]

В 2003 г. начал работу Совет глав субъектов Российской Федерации при МИД. В том же 2003 г. был принят закон о регулировании внешних экономических отношений. Тем не менее, до сих пор нет закона, разделяющего компетенции в сфере сотрудничества с заграницей для властей разных уровней [7, 8]. Созванный при МИД Совет занялся различными темами, связанными с приграничным сотрудничеством регионов, исследованием их мнения о том, как на них отразилось вступление России в ВТО. В регионах работают откомандированные представители МИД. Министерство иностранных дел помогает при подготовке договоров, экспертиз, касающихся других субъектов, консульском сотрудничестве. Коллективное представительство регионов реализуется при посредничестве двух органов: Совета Федерации и Государственного Совета. Совет Федерации функционирует с 1993 г., а в его рамках – Комитет по международным вопросам. Однако со времени принятия в 2000 г. нового закона о Совете Федерации, согласно которому изменился его личный

состав (теперь туда не могут входить представители исполнительной и законодательной власти регионов), его значение решительно упало [7, 10].

В законе «О координировании...» речь идет о том, что регионы могут самостоятельно подписывать соглашения только с другими субъектами федераций, территориальными единицами государств, не являющихся федерациями, и участвовать в организациях, предназначенных только для этой цели. Эксперты в большинстве своем критикуют эту запись, считая, что международная роль регионов органичивается [7, 13].

В рамках Конвенции 2001 г., касающейся приграничного сотрудничества, субъекты РФ имеют право вести переговоры с другими регионами, а при согласии федеральных властей, также с органами государственной власти, могут разрабатывать предложения по порядку приграничного сотрудничества. Если в конституциях отдельных субъектов РФ находились записи, выходящие за установленную сферу (так было, напр., в случае Татарстана и Башкортостана), власти должны были изменить конституции и привести их в соответствие с общими рамками РФ.

Таким образом, принимая во внимание правовые нормы, субъекты РФ могут подписывать международные соглашения, а также протоколы, уточняющие межгосударственную деятельность, открывать представительства (напр, у Татарстана целых 16) в разных частях света, участвуют в деятельности международных организаций и могут демонстрировать свое достоинство на торгах, международных конференциях и т.п.

Центральные власти создают благоприятную для отношений политическую атмосферу и институционно гарантируют интересы регионов России, которые слабее приграничных регионов КНР – особенно в экономическом, демографическом планах. Среди важнейших центральных программ, направленных на развитие Дальнего Востока, можно упомянуть принятую в 2013 г. пятую «Программу социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г». Она касалась двух регионов России: Дальнего Востока и Сибири. Эта территория составляет 45,5 % РФ, а число жителей - 7,5 % населения страны. Основой бюджета программы остается центральное финансирование с учетом неблагоприятного в настоящее время инвестиционного климата, а распределение финансов происходит решительно в пользу центра, в обход проблемы низкой доходности экономики Дальнего Востока [9, 17-26].

В энергетической стратегии РФ до 2030 г. есть ряд проектов, которые должны были бы повлиять на экономическое развитие региона. В своем выступлении 12 декабря 2013 г. Президент Путин назвал рост Дальнего Востока и Сибири приоритетом России в XXI в.

### 3. Характерные черты сотрудничества регионов российско-китайского пограничья

В большинстве проанализированных экспертиз, научных публикаций является, однако, пессимистическая картина: предпринимаемые центральным правительством меры до сих пор не принесли ожидаемого результата, т.е. не поспособствовали укреплению граничащих с Китаем регионов настолько, чтобы межрегиональное сотрудничество стало взаимовыгодным.

Еще в 2000 г. ВВП российских регионов превышал ВВП китайских приграничных регионов. Русско-китайское пограничье считалось отсталым и бедным, но с 90-х гг. благодаря торговле с Россией начался рост китайских пограничных регионов. Стали эволюционировать не только города, обогащавшиеся на торговле, но и инфраструктура, дороги, аэропорты, гостиницы, малый и средний бизнес.

Развитие же русского Дальнего Востока проходит медленнее, чем остальных регионов страны, уменьшаются также доходы населения. Например, разница между темпом роста ВВП не в пользу Дальнего Востока и Забайкалья в 2006 г. составила 22,9 %. Дабы ее нивелировать, рост региона по сравнению с европейскими должен быть не ниже 6,5-9,2 % в год [8, 195]. Проблему представляет собой также высокая инфляция, которая понижает реальный доход и вносит свою лепту в увеличение разрыва между регионами по обе стороны границы [8].

Одинаково негативная тенденция касается демографических проблем. В 1990-2010 годах Сибирь и Дальний Восток потеряли 3,6 млн. жителей, что составляло 62,3% общего убытка в России, а в это время с другой стороны границы численность населения выросла почти на 13 млн. Количество человек на территории пограничья с Китаем составляет 5,4 млн (от 1,7 до 12,1 чел. на км<sup>2</sup>), что почти в 25 раз меньше, чем в самом Китае, где на приграничных землях проживает 134,3 млн чел., а на км<sup>2</sup> это составляет от 21,5 до 303,8 чел. [8] Кроме того, следует подчеркнуть, что продолжительность жизни по китайской стороне растет, а в России тенденция обратная. Все перечисленные показатели явно ставят Китай в более выгодное положение. Вдобавок экономический кризис, вызванный американскими и европейскими санкциями и снижением цен на нефть, еще ухудшил положение Дальнего Востока. Дефицит бюджетных средств, падение зарплат, социальных пособий спровоцировал дополнительный отток населения.

Быстрое развитие Китая вызывает там недостаток многих энергетических и прочих ресурсов: минералов, дерева, воды и т.п. Естественным образом, именно ресурсы становятся фундаментом

экономического сотрудничества Китая с Россией, особенно с периферией, и основой экспорта из ее пограничных регионов. Китай же экспортирует в Россию переработанные товары, машины и приборы (от 27,2 % до 58,7% во всем регионе), текстиль, обувь, товары повседневного потребления. Доля Китая в товарообороте Приморского и Хабаровского краев составляет почти половину его стоимости, в Амурской области и Еврейском округе – более 80%, а в Забайкалье доля Китая в импорте растет и доходит почти до 100%, хотя доля экспорта в Китай не так велика и составляет 40% [8, 196]. Налицо несбалансированность товарооборотов и невыгодная структура торговли. Очень часто на китайской стороне строятся фабрики по переработке дерева, а готовые продукты экспортируются затем в Японию и США, что дает львиную часть их экспорта [8, 196]. Дарима Дарбалаева высказывает мнение, что происходит буквальное проедание природных богатств Дальнего Востока.

Во время кризиса, снижения стоимости рубля китайская экономика увеличивает импорт из России – что на руку Китаю, но есть серьезные опасения, что это может невыгодно повлиять на экономическое развитие России, а дальневосточные регионы станут сырьевыми придатками первого [10, 216]. В связи с падением рубля все менее практично становится нанимать китайских рабочих: стоимость китайской рабочей силы растет. Тем временем, в случае некоторых пограничных регионов, внешняя рабочая сила там необходима в связи с демографическими проблемами. В итоге растут цены на продукты, ухудшается социально-экономическая ситуация. Из-за кризиса уменьшается число туристов, пользующихся приграничной торговлей. Особенно россияне перестали ездить: не окупается. Автор статьи сама имела возможность сравнить паромную переправу в Благовещенске на границе с Китаем в 2014 г. – паром был загружен товарами, и в настоящее время – почти пуст.

Мария Александрова из Института Дальнего Востока РАН к уже перечисленным трудностям межрегионального сотрудничества, связанным с невыгодной структурой, прибавляет еще проблемы с нелегальной торговлей, нехваткой информации и поддержки со стороны центральной власти, неумением российских фирм приспособиться к высоким стандартам, входом на китайский рынок и проч. [6, 2] Александрова приходит к выводу, что в ближайшее время положительные изменения в приграничном русско-китайском сотрудничестве невозможны.

Каковы бы ни были изъяны сотрудничества Дальневосточного региона с Северо-Восточной Азией, и особенно Китаем, оно не имеет себе конкуренции. Татьяна Колпакова считает, что азиатское направление развития в период американских и европейских санкций, углубляющегося кризиса наиболее перспективно как для России в целом, так и для граничащих с Китаем регионов [3, 216]. Автор данной статьи полностью согласна с таким мнением. Благодаря подписанию в 2014 г. целого ряда документов, стратегическое партнерство и политическое сотрудничество достигли небывалых до сих пор размеров. К сожалению, экономическое взаимодействие не пошло за созданными для него условиями, даже несмотря на то, что ранее, 23 сентября 2009 г., главы обоих государств согласовали программу сотрудничества между пограничными регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и регионами северо-восточного Китая на 2009-2018 г. [2] В документе говорится о 205 совместных проектах. Главной целью постулируется координация планов по развитию пограничных регионов. Один из них – это «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.», а другой – «Программа по возрождению районов Северо-Востока Китая». В программе перечисляется ряд других действий, связанных с открытием граничных точек, строительством автомобильных и железных дорог, мостов, гуманитарным сотрудничеством; с областью охраны окружающей среды, созданием специальных зон научно-технического сотрудничества, обменом кадрами, туризмом.

Программы подготавливаются и реализуются, но голоса, критикующие российскую политику, не умолкают. Вдобавок усугубляются проблемы, связанные с кризисной ситуацией в России, – они отражаются на торговле и инвестициях. По данным таможенных служб, в январе 2015 г. торговля России с Китаем упала на 36,4 %; имея в виду годовую сводку она уменьшилась до 33,2 млрд юаней (5,3 млрд долларов США), причем китайский экспорт сократился в это же время на 42,1 %, т.е. до 17,3 млрд юаней (2,8 млрд долларов США), импорт российских товаров снизился на 28,7 %, т.е. до 15,9 млрд юаней (2,5 млрд долларов) [2, 216].

## **Заключение**

Возвращаясь к теоретической части статьи, на основании проведенного анализа нетрудно доказать, что пограничное положение благоприятствует интернационализации регионов. Международные действия Дальнего Востока больше связаны с политикой центральной власти, чем с собственной инициативностью. После 2000 г. наблюдается централизация принимаемых решений. Причина кроется, быть может, в боязни сепаратизма, хотя в случае Дальнего Востока такие опасения необоснованны из-за его этнической однородности. Отчетливо видно, что в активности регионов заключается еще большой потенциал. Местная власть лучше может определить свои потребности и возможности, должна энергичнее сотрудничать с гражданами, хотя условием является большее доверие к ней со стороны последних и большее отождествление себя с ее предприятиями. Из анализа статистических данных, проведенного благодаря гранту Кафедры Восточной Азии, следует,

что, несмотря на одинаковые правовые предпосылки, на которые опирается международная деятельность регионов, одни более, а другие менее предприимчивы в международном отношении. В исследовании, результаты которого представлены в виде таблицы в конце статьи, использовались такие данные как: количество заграничных студентов, стоимость иностранных инвестиций, торгового обмена, количество туристов – в целом и на человека. По полученным сведениям, более всего активны в международном плане Сахалин, Хабаровский и Приморский край, а менее всего Чукотка, Камчатка и Магаданская область. Дальнейшее изучение должно дать ответ на вопрос: насколько такие показатели заслуга региональных властей, а в какой степени результат концентрации центральной власти на этих наиболее перспективных, с точки зрения России, регионах. Стоит также обратить внимание на то, что по оценке российских экспертов, торговля китайских пограничных регионов с Россией приносит им измеримую выгоду и заметно влияет на развитие. Препятствием для таких же позитивных результатов для другой стороны является разница в экономическом и демографическом потенциале. Маловероятно, чтобы эти показатели значительно изменились в ближайшее время. С этой точки зрения необходима реальная, а не только концептуальная, поддержка столицы.

#### Россия (Показатель международной активности регионов)

Республика/край/область/округ (?) (избранные)	Кол-во студентов на человека БАЛЛЫ	Кол-во всего студентов БАЛЛЫ	ПИИ (приход на человека) БАЛЛЫ	ПИИ (приход в целом) БАЛЛЫ	Стоимость торгового обмена на человека (Е+) БАЛЛЫ	Стоимость торгового обмена в целом (Е+) БАЛЛЫ	Количество приезжающих туристов на человека БАЛЛЫ	Количество приезжающих туристов в целом БАЛЛЫ	Баллы (на человека) ИТОГО	Баллы в целом ИТОГО
Республика Саха (Якутия)	0,9	<b>5,0</b>	14,7	<b>28,9</b>	13,9	<b>27,0</b>	24,7	<b>23,5</b>	54,2	<b>84,4</b>
Хабаровский край	80,0	<b>65,5</b>	3,4	<b>9,5</b>	4,9	<b>13,4</b>	73,3	<b>100,0</b>	161,6	<b>188,4</b>
Камчатский край	15,6	<b>3,0</b>	0,1	<b>0,0</b>	6,0	<b>3,9</b>	9,3	<b>2,9</b>	31	<b>9,8</b>
Приморский край	85,6	<b>100,0</b>	14,9	<b>59,1</b>	16,7	<b>65,8</b>	40,7	<b>77,3</b>	157,9	<b>302,2</b>
Амурская область	100,0	<b>48,9</b>	3,4	<b>64,7</b>	3,2	<b>5,2</b>	22,7	<b>18,4</b>	129,3	<b>137,2</b>
Магаданская область	5,2	<b>0,5</b>	1,3	<b>0,4</b>	16,0	<b>4,9</b>	10,0	<b>1,5</b>	32,5	<b>7,3</b>
Сахалинская область	8,6	<b>2,6</b>	100,0	<b>100,0</b>	100,0	<b>100,0</b>	30,7	<b>14,8</b>	239,3	<b>217,4</b>
Еврейская автономная область	26,7	<b>2,8</b>	1,2	<b>0,4</b>	13,1	<b>4,6</b>	100,0	<b>7,2</b>	141	<b>15</b>
Чукотский автономный округ	0,0	<b>0,0</b>	18,6	<b>1,9</b>	13,8	<b>1,4</b>	7,3	<b>0,4</b>	39,7	<b>3,7</b>

#### Источники:

1. Население

**Регионы России. Социально-экономические показатели - 2014 г.**

[http://www.gks.ru/bgd/regl/b14\\_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/02-01.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/02-01.htm)

2. Количество туристов

**Сводные статистические данные за 5 лет (с 2009 по 2013 годы). Численность иностранных граждан, размещенных в Коллективных средствах размещения**

<http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf/>

(данные на 2013 г. Доступны также на 2014 г.)

3. Импорт/ экспорт (данные за 2013 г.)

**Регионы России. Социально-экономические показатели - 2014 г.**

[http://www.gks.ru/bgd/regl/b14\\_14p/lssWWW.exe/Stg/d03/25-01.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d03/25-01.htm)

4. Инвестиции (данные за 2013 г.)

**Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2014**

[http://www.gks.ru/bgd/regl/b14\\_14s/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14s/Main.htm)



5. Количество иностранных студентов (данные за 2013 г.)

А.Л.АРЕФЬЕВ, Ф.Э.ШЕРЕГИ. ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

<http://5top100.ru/upload/iblock/ea8/ea84f9baddbf6eb8b6d44dbecb3ea9b3.pdf>

Рейтинг «единиц» (Россия) по ПИР (показатель интернационализации региона), на человека и в целом.

Респ./К./Обл./Окр. на человека	Баллы на человека	Баллы в целом	Респ./К./Обл./Окр. в целом
1. Сахалинская обл.	239,3	<b>302,2</b>	<b>1. Приморский к.</b>
2. Хабаровский к.	161,6	<b>217,4</b>	<b>2. Сахалинская обл.</b>
3. Приморский к.	157,9	<b>188,4</b>	<b>3. Хабаровский край</b>
4. Еврейская а.о.	141	<b>137,2</b>	<b>4. Амурская обл.</b>
5. Амурская обл.	129,3	<b>84,5</b>	<b>5. Респ.Саха (Якутия)</b>
6. Респ.Саха (Якутия)	54,2	<b>15</b>	<b>6. Еврейская а.о.</b>
7. Чукотский а.о.	39,7	<b>9,8</b>	<b>7. Камчатский к.</b>
8. Магаданская обл.	32,5	<b>7,3</b>	<b>8. Магаданская обл.</b>
9. Камчатский к.	31	<b>3,7</b>	<b>9. Чукотский а.о.</b>

#### Литература:

1. <http://docs.cntd.ru/document/902135391> (скачано 15.01.2015)
2. <http://www.1sn.ru/35602.html> (dostep 2.08 2015)
3. [http://www.perspektivy.info/book/20\\_let\\_rossijsko-kitajskogo\\_mezhregionalnogo\\_i\\_prigranichnogo\\_sotrudnichestva\\_2009-03-06.htm](http://www.perspektivy.info/book/20_let_rossijsko-kitajskogo_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva_2009-03-06.htm) (скачано: 2.08 2015)
4. Duchacek I. D. The International Dimension of Subnational Self-Government, Publius, Вып. 14, № 4, Federated States and International Relations (Autumn, 1984).
5. Klementowicz T. Teorie stosunków międzynarodowych w strukturach wiedzy humanistycznej o systemie światowym, «Przegląd strategiczny», 2012, № 1.
6. Kuznietsov A. S. Theory and practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs: Routledge new Diplomacy Studies, Routledge. – 2015, С. 2.
7. Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты Федерации в международном сотрудничестве. Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО, МИД России. – «АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ», Вып. 3 (32), 2008.
8. Дарбалиева Д. Некоторые аспекты социально-экономического развития российско-китайского приграничья // Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. – Благовещенск, 2015.
9. Козлов Л.Е., Никулина А.В. Имплементация региональной политики России на Дальнем Востоке: „Ойкумена», 2013г. - № 1.
10. Колпакова Т. Внешнеторговое сотрудничество приграничных регионов РФ и КНР в условиях кризиса// Россия и Китай. История и перспективы сотрудничества. – Благовещенск, 2015.
11. Кузнецов А.С. Политическая регионалистика: теоретико-методологический анализ современных концепций: автореферат (на правах рукописи).
12. Плотникова О. В. Международное сотрудничество регионов концептуальные подходы – Новосибирск, 2005
13. Роль и вовлеченность публичных институций в экономический промоушн Польши и регионов (выступление Р. Висьневского, вице-министра ИД РП) [www.paiz.gov.pl/files/?id\\_plik=7520](http://www.paiz.gov.pl/files/?id_plik=7520)

**МЕСТО И РОЛЬ ШЭНЬЧЖЭНЯ  
В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ЮЖНОМ КИТАЕ**  
(тезисы)<sup>1</sup>

Портяков В.Я.  
ИДВ РАН

1. Дельта р. Чжуцзян является, наряду с дельтой р. Янцзы и районом Биньхай вокруг Тяньцзиня, одной из трех китайских территорий интенсивного развития интеграционных процессов. Главное отличие гуандунской модели от двух других заключается в том, что наряду с внутрисубъективным вектором интеграционный процесс здесь имеет и официально заявленный внешний вектор. Это нашло отражение в широко распространенной схематичной формуле интеграции в дельте р. Чжуцзян «девять плюс два», где «девять» представляют основные города дельты, расположенные в провинции Гуандун, а «два» – особые административные районы КНР Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь).

2. Идея некоей формализации интеграционных процессов в дельте р. Чжуцзян впервые была высказана в 1983 г., однако её активная практическая реализация началась в середине первого десятилетия XXI века с принятием Собранием народных представителей пров. Гуандун «Основных положений программы развития и реформ в дельте р. Чжуцзян на 2008–2020 годы».

3. Интеграция в дельте р. Чжуцзян представляет собой многоцелевой поэтапный процесс.

Одной из главных его функций является более тесное экономическое и социальное взаимодействие городов в гуандунской части дельты. По принципу географической близости выделены три группы городов, в рамках которых формируются элементы единого экономического, управленческого и социального пространства. Это «гуанчжоуский узел» с городами Гуанчжоу, Фошань и Чжаоцин, «шэньчжэньский узел» с городами Шэньчжэнь, Дунху, Хуйчжоу и «чжухайский узел» с городами Чжухай, Чжуншань и Цзянмэнь. В рамках этих образований действуют многочисленные соглашения о координации административных функций, кредитно-денежной, научно-технической, туристической деятельности, совместном развитии общественного транспорта и другой инфраструктуры.

4. Экономическое развитие дельты р. Чжуцзян призвано оказывать содействие в подъеме другим районам Китая. «Ближний радиус», в котором дельта должна индуцировать дополнительный экономический рост, представлен «востоком», «западом» и «югом» провинции Гуандун.

В 2009 г. валовой региональный продукт дельты р. Чжуцзян составил 79,3% от ВРП пров. Гуандун, ВРП «востока» – 6,7%, «запада» – 7,2% и ВРП «юга» пров. Гуандун – 6,7%.

«Большой радиус» влияния охватывает соседние с Гуандуном провинции и автономные районы Южного и Юго-Западного Китая, включая Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси-Чжуанский автономный район и Фуцзянь.

5. Налаживанию разностороннего интенсивного сотрудничества Гуандуна с Сянганом и Аомэнем придается роль «государственной стратегии». 29 июня 2003 г. КНР подписала с Сянганом «Соглашение о тесном экономическом сотрудничестве» (Close Economic Partnership Arrangement – CEPA), а 17 октября 2003 г. аналогичное по сути соглашение было подписано и с Аомэнем. Они предусматривали поэтапное обнуление большинства товарных пошлин, взаимное открытие значительной части рынка услуг и т.д. Кроме содействия реализации CEPA, интеграционные соглашения между Гуандуном, Сянганом и Аомэнем предусматривают сотрудничество в развитии инфраструктуры, образовании, защите окружающей среды, совместном создании качественной бытовой среды.

6. Шэньчжэнь занимает ведущие позиции в интеграционных процессах в дельте р. Чжуцзян.

По объему создаваемого валового регионального продукта Шэньчжэнь лишь незначительно уступает провинциальному центру Гуанчжоу (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

**Валовой региональный продукт  
городов дельты р. Чжуцзян в 2013 г.**

Наименование	ВРП, млрд. юаней	Добавленная стоимость в промышленности		Добавленная стоимость в сфере услуг	
		млрд. юаней	доля в ВРП, %	млрд. юаней	доля в ВРП, %
Гуанчжоу	1542,0	443,0	28,73	996,4	64,62
Шэньчжэнь	1450,0	569,5	39,28	819,8	56,54
Чжухай	166,2	74,5	44,81	77,0	46,23
Фошань	701,0	365,3	52,11	253,0	36,1
Хуйчжоу	267,8	137,4	51,32	99,1	37,0

<sup>1</sup> Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 14-07-00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае».

Дунху	549,0	211,2	38,48	295,1	53,75
Чжуншань	263,9	125,7	47,63	110,8	42,0
Цзянмэнь	200,0	71,4	35,72	82,8	41,41
Чжаоцин	166,0	81,3	49,0	60,6	36,54
Девять городов дельты р. Чжуцзян	4761,6	1771,0	37,19	2607,8	54,77

Источник: Доклад о развитии специальных экономических зон Китая – 2014 [Чжунго цзинци тэцуй фачжань бао гао (2014)]. Пекин. 2014. С. 248.

В то же время, по объему внешней торговли Шэньчжэнь существенно опережает Гуанчжоу и является безоговорочным лидером в дельте р. Чжуцзян (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

**Объем внешней торговли  
городов дельты р. Чжуцзян в 2013 г. (млрд. долл. США)**

Город	Товарооборот	Экспорт	Импорт
Гуанчжоу	118,89	62,81	56,08
Шэньчжэнь	537,36	305,72	231,64
Чжухай	54,17	26,61	27,56
Фошань	63,94	42,52	21,41
Хуйчжоу	57,39	33,32	24,07
Дунху	153,07	90,86	62,21
Чжуншань	35,63	26,48	9,15
Цзянмэнь	19,73	14,0	5,73
Чжаоцин	7,02	4,83	2,19

Источник: Составлено по: Доклад о развитии специальных экономических зон Китая – 2014 [Чжунго цзинци тэцуй фачжань бао гао (2014)]. Пекин. 2014. С. 227.

7. Точно так же Шэньчжэнь неизменно выступает и ведущим экономическим партнером Гонконга как в дельте р. Чжуцзян, так и в материковой части Китая в целом. По данным официальной статистики Шэньчжэня, в 2011 г. доля Гонконга в использованных в Шэньчжэне прямых иностранных инвестициях составила около 71% (3,26 млрд. долл. из 4,6 млрд.), тогда как доли следующих за ним по объемам инвесторов составили лишь 2,5% (США, 114 млн. долл.) и 2,3% (Япония, 107 млн. долл.).

Во внешней торговле Шэньчжэня в 2011 г. (414 млрд. долл.) доля Гонконга составила 27,5%, причем в экспорте – 46% (112,9 млрд. долл. из 245,5 млрд.). Доли других ведущих партнеров во внешнеторговом обороте Шэньчжэня были существенно ниже: 9,1% у США и примерно по 6% у Японии и Тайваня.

8. Исторически сформировавшаяся близость Гонконга и Шэньчжэня в экономике и отчасти в повседневной жизни породила идею постепенной трансформации двух этих городов в единый международный мегаполис.

Соответствующие проекты, вплоть до разработки «дорожной карты» формирования «Сянчжэня», активно обсуждались, прежде всего в Шэньчжэне, в середине 2000-х годов. Их энергично пытался реализовать бывший мэр Шэньчжэня Сюй Цзинхэн. После его отстранения от должности интеграционный процесс в связке Шэньчжэнь–Гонконг замедлился, но не угас.

Во втором десятилетии XXI века на первый план выдвинулось освоение шэньчжэньской территории Цяньхай, где на площади 15 кв. км совместно с Гонконгом создается экспериментальный район сотрудничества в развитии высоких технологий и современных услуг. Цяньхай патронирует непосредственно лидер КНР Си Цзиньпин, посетивший его в конце 2012 г. вскоре после своего избрания генеральным секретарем ЦК КПК.

Важный дополнительный стимул развитию Цяньхая должно придать его включение в апреле 2015 г. в состав Гуандунской зоны свободной торговли. Эта зона, получившая официальное название «Экспериментальный район свободной торговли провинции Гуандун Китая», включает три участка: Цяньхай–Шэкоу в Шэньчжэне площадью 28,2 кв. км, Чжухай–Хэнцин (28 кв. км) и новый район Наньша в Гуанчжоу (60 кв. км). Одной из основных функций данной зоны призвано стать налаживание в течение 3–5 лет «образцового глубокого сотрудничества» Гуандуна, Сянгана и Аомэня, соответствующего международным нормам и стандартам.

Похоже, что интеграционные процессы в дельте р. Чжуцзян, особенно ориентированные на дальнейшее сближение ведущих экономических центров Гуандуна с Гонконгом и Макао, получили новую весомую поддержку от центрального правительства Китая.

#### Литература:

1. Вэй Дачжи. О практической базе и механизме формирования международного мегаполиса Шэньчжэнь–Гонконг [Лунь шэнь ган гоци да духуй дэ шисянь цзичу юй синчэн цзичжи] – В сборнике: Исследования специальных экономических зон Китая [Чжунго цзинци тэцуй яньцзю]. Пекин, 2011, № 1. С. 67–78.
2. Госсовет распространил шесть документов о политике расширения зон свободной торговли [Гоюань иньфа люсян цзымаоцуй чжунпан чжэнцэ вэньцзянь] – URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0420/c1004-26872651.html>
3. Доклад о развитии региональной экономики провинции Гуандун – 2009. Составитель: Комитет реформ и развития провинции Гуандун [Гуандун шэн цюйюй цзинци фачжань баогао (2009). Гуандун шэн фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуй бянь]. Гуанчжоу, 2011.
4. Доклад о развитии специальных экономических зон Китая – 2014 [Чжунго цзинци тэцуй фачжань баогао (2014)]. Пекин, 2014.
5. Кан Сюэцин. Исследование экономической интеграции в субрегиональном треугольнике роста Гуандун–Сянган–Аомэнь [Юэ Ган Ао цзэнчан саньцзяо цыцуйюй цзинци итихуа яньцзю]. Пекин, 2014.
6. Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012 [Шэньчжэнь тунци няньцзянь 2012]. Пекин, 2012.
7. Цзинь Синь и другие. Сянган+Шэньчжэнь: мотор продвижения Китая на более высокую ступень [Сянган+Шэньчжэнь: шэнци Чжунго иньцин]. Гуанчжоу, 2008.
8. Nie Xinping. A Study on Integrated Development of Pearl River East Coast Metropolitan Circle. – В сборнике: Исследования специальных экономических зон Китая [Чжунго цзинци тэцуй яньцзю]. Пекин, 2011, № 1. Рр. 242–251.

### ОДИНОКИЕ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (постановка проблемы)<sup>1</sup>

Почагина О.В.,  
ИДВ РАН

Отличительной чертой матримониального поведения в современном мире является не только откладывание создания семьи и поздний возраст вступления в брак, но и многообразие форм семейных отношений. Интимные отношения более не предполагают обязательного заключения брака, совместного проживания, наличие семейного хозяйства и бюджета. Распространение отношений без официального заключения брака не могло не привести к увеличению количества детей у женщин, не состоящих в браке. В последние десятилетия наблюдается существенное увеличение абсолютных и относительных показателей внебрачной рождаемости практически во всех европейских и латиноамериканских странах. Увеличение внебрачных рождений имеет место как у пар, не зарегистрировавших браки, так за счет одиноких матерей.

Согласно мнениям демографов, рост внебрачных рождений связан с процессом «разделения» брака и рождаемости, причем эта тенденция является глобальной, отражает одно из основных изменений семейной организации и характеризует второй демографический переход. Социологи же считают, что значительную роль в данной тенденции играет повышение социального статуса женщин, их экономическая независимость, появление экономической возможности в одиночку воспитать и вырастить ребенка. Немаловажен и тот факт, что общество стало толерантнее и с пониманием относиться к одиноким матерям, помогая им посредством социальных льгот, ежемесячных пособий и субсидий растить детей. Одинокое материнство [1] – распространенное явление в современном мире. В Европе вне брака рождается более 35% детей, в России – более 40% [2].

*Трансформация института семьи и брака, взглядов на семейные отношения.*

Кардинальные перемены, происходившие в Китае в семейно-брачной сфере на протяжении всего XX столетия, образование КНР, принятие совершенно нового семейного законодательства, политика ограничения рождаемости, модернизация, переход к рыночной экономике и политика открытости, процессы глобализации и глобальные тенденции трансформации института семьи и брака способствовали динамичной трансформации семейно-брачных отношений, переходу от традиционной

<sup>1</sup> Выступление на VII Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: История и культура» 9-11 октября 2014 г.

семьи к современной нуклеарной однодетной семье, дестабилизации института семьи и брака, росту количества разводов, появлению и увеличению количества неполных семей, одиноких бессемейных людей. Либерализация взглядов на секс в Китае в последние два десятилетия XX века, разъединение мотивов создания семьи и рождения детей создали условия для роста количества пробных, гостевых, гражданских браков без их официальной регистрации, что закономерно ведет к росту количества внебрачных детей. Толерантное отношение китайцев к добрачным половым связям является одной из главных причин роста числа нерегистрируемых браков. Молодые китайцы выбирают подобную форму отношений, поскольку она позволяет сохранить личную независимость, избежать ответственности за партнера, особенно в случае нежелательной беременности и рождения женщиной ребенка.

В Китае число рожающих вне брака женщин ежегодно колеблется от 10% до 13% (их называют *вэйхунь мама* (未婚妈妈) или *даньцинь мама* (单亲妈妈), матери-одиночки с каждым годом становятся моложе [3]. По некоторым данным, среди беднейших слоев населения около 9 млн – составляют одинокие матери. Официальные статистические данные о количестве матерей-одиночек труднодоступны, однако существуют оценочные и косвенные данные, подтверждающие динамику указанной тенденции. Добрачные и внебрачные сексуальные связи получили достаточно широкое распространение – более 60% китайской молодежи имели добрачные связи и 20% состоящих в браке китайцев имеют внебрачные сексуальные отношения. Согласно исследованию, проведенному в рамках Всемирного дня контрацепции, 64% китайской молодежи имеют добрачный половой опыт, при этом 37% опрошенных первый половой опыт получили в возрасте до 19 лет, причем свыше 70% половых контактов в возрасте 15-19 лет были совершены без применения контрацептивов [4]. Согласно результатам опроса, проведенного научно-исследовательским центром по планированию семьи провинции Гуандун, 80% женщин-мигранток в провинции имеют добрачный секс, причем около 60% из них имели опыт случайной и нежелательной беременности. Распространенность добрачных и внебрачных сексуальных отношений, значительная численность и концентрация мигрантов в крупных городах дает экспертам основания полагать, что существуют объективные причины для роста социальной группы одиноких матерей.

*Правовое регулирование гражданских семейных отношений, материнства не состоящих в браке женщин и статус внебрачных детей.*

В Китае, по словам ведущего китайского сексолога Ли Иньхэ, внебрачные сексуальные отношения до 1997 г. классифицировались как «хулиганство», являлись незаконными. С конца 90-х они постепенно перестали быть чем-то предосудительным, тем не менее рождение ребенка вне брака все еще остается осуждаемым обществом явлением. Китайская культурная традиция в своей основе имеет семейственность, в ней придается большое значение семье, семейному статусу, благополучию, счастью, продолжению генеалогической линии и стабильности брака. Именно поэтому в китайском обществе сформировались негативные стереотипы по отношению к матери-одиночке. В традиционном обществе рождение вне брака являлось не только бесчестьем для женщины, но и для всей ее семьи и становилось пожизненным клеймом для ребенка. Даже в этимологии слова внебрачный ребенок присутствует негативный оттенок – (奸生 jiānshēng) – внебрачный ребенок, плод прелюбодеяния; (鳖蛋 biēdàn) – отродье, выродок; (野子 yě) – незаконный). В статье 21 третьей главы Закона КНР о браке нашло отражение возможное, согласно традиционным нормам морали, отношение к нежеланным и внебрачным детям, так, в ней особо оговаривается:

*Запрещено утопление детей, оставление детей и иные действия, причиняющие ущерб детям.*

Государство попыталось отреагировать в законодательной форме на «внезапно» возникшую в последнее десятилетие XX в. в китайском обществе проблему. Так уже в 2001 г. статья 8 Закона КНР о браке была дополнена положением, требующим обязательной регистрации брака. Таким образом, в китайском семейном праве так называемый гражданский или фактический брак не признается законным. В том случае, если лица, состоящие в подобного рода отношениях, обращаются в народные суды с имущественными или иски иного характера, они, должны в первую очередь зарегистрировать брак, и только после получения свидетельства о браке народные суды принимают их иски к делопроизводству. Внесение этой поправки усилило контроль государства за порядком создания семьи и практической реализацией политики ограничения рождаемости в условиях возрастания толерантности китайского общества к нерегистрируемым бракам. Если же посмотреть на непризнание фактических браков, с точки зрения интересов женщин, то их права и интересы при отказе мужчины регистрировать брак остаются абсолютно незащищенными. С одной стороны, объявление фактических браков вне закона должно, по мысли законодателей, подтолкнуть пары, не зарегистрировавшие свои отношения, к регистрации, а с другой – определенным образом освобождает мужчин, состоящих в неофициальных отношениях, от всех обязательств по содержанию женщин в случае их отказа от регистрации. С нашей точки зрения, эта поправка не отвечает интересам женщин и не защищает их права, в то время как права детей от фактических союзов защищены 25 статьей закона, уравнивающей внебрачных детей и детей, рожденных в браке [5].

«Внебрачные дети пользуются равными правами с детьми, рожденными в браке. Причинение вреда и дискриминация данных детей любыми лицами запрещена. Биологические родители, не

участвующие напрямую в содержании своих внебрачных детей, должны нести ответственность по оплате расходов на проживание и образование детей вплоть до появления у них возможность вести самостоятельную жизнь». Более того, первая часть 28 статьи, относящейся к взаимоотношениям прародителей (дедушек и бабушек) и внуков, также регулирует ситуации, которые с большей степенью вероятности могут иметь место в семьях одиноких матерей, нежели в полных семьях. «Бабушки и дедушки по отцовской и материнской линиям несут обязанность по содержанию своих внуков в случае смерти родителей внуков или их неспособности содержать внуков, а также наличия у бабушки и дедушки возможности взять внуков на содержание» [6].

Мнение китайских экспертов, демографов, социологов, правоведов в вопросе об одиноких матерях, их правах и статусе не является единым, что отражает в целом отсутствие единой позиции и в китайском обществе. Дело в том, что основными проблемами являются помимо нарушения традиционных моральных устоев, незаконность, по мнению некоторых, рождения ребенка вне брака, особенно в условиях проводимой уже почти сорока лет политики «одна семья – один ребенок». Комитеты по планированию семьи считают целесообразным и необходимым наказывать за любое нарушение политики ограничения рождаемости, в том числе и за рождение вне брака. Они мотивируют свою позицию тем, что не состоящие в браке женщины, принявшие решение сохранить ребенка, знают, что они нарушают закон. Именно поэтому они обязаны выплатить обществу так называемую «социальную компенсацию», сумма которой составляет от 1/2 до 6 ежегодно определяемых средних местных доходов. Для состоятельных женщин, принявших сознательное решение о рождении ребенка и самостоятельном его воспитании уплата этого штрафа, как правило, не представляет проблемы. Для других же категорий одиноких матерей: студенток, мигранток, женщин, от которых в связи с внебрачной беременностью отвернулись родители и родственники – эта выплата является непосильным финансовым бременем и порождает массу сопряженных с нею проблем, таких как невозможность получить свидетельство о рождении и зарегистрировать ребенка по месту жительства (получить хукоу). Отсутствие регистрации в свою очередь связано с невозможностью получения детьми образовательных медицинских услуг. Последнее является явным нарушением прав женщин и внебрачных детей, регулируемых вышеупомянутой 25 статьей закона КНР о браке. Более того, законы КНР не запрещают женщинам рожать детей. Китай еще в 1992 г. принял закон о защите прав и интересов женщин, гарантирующий, в том числе и репродуктивные права (основные из них – право на решение вопроса о вступлении или невступлении в брак, а также право на решение иметь или не иметь детей). И в соответствии со статьей 17 Закона КНР о народонаселении и планировании семьи, «Граждане имеют репродуктивные права и обязаны планировать рождение ребенка в соответствии с законом». Тем не менее, по мнению многих экспертов, в Китае, это право должно осуществляться в рамках закона о народонаселении и планировании семьи [7].

Одинокие матери, юристы и правозащитники делают акцент на том, что если право существует, и это первый ребенок у одинокой женщины, то она дискриминируется требованием уплаты социальной компенсации, поскольку имеет право родить одного ребенка, как и супружеские пары, которые выплачивают компенсацию только в случае рождения второго и последующих детей.

#### *Проблемы одиноких матерей*

Хотя политика в отношении незамужних матерей в последние годы меняется, женщины, родившие внебрачных детей, по-прежнему сталкиваются со значительными, часто непреодолимыми финансовыми трудностями (необходимость оплатить социальную компенсацию за нарушение демографической политики планирования семьи, медицинские расходы на беременность и роды) дискриминацией при приеме на работу и на рабочем месте, моральными проблемами – непринятием внебрачного ребенка родственниками и друзьями. Не удивительно, что перед лицом перечисленных проблем многие китайки считают аборт или отказ от ребенка единственными приемлемыми способами решить проблему нежелательной беременности, избежать позора и конфликта с родственниками. Из 13 млн ежегодных абортов в Китае львиная доля приходится на незамужних женщин. Немаловажную роль в приеме женщиной такого решения имеют распространенность и обыденность искусственного прерывания беременности в связи с политикой ограничения рождаемости и традиционные представления о позоре, связанным с рождением ребенка вне брака. Действительно, матери-одиночки часто стесняются своего положения, скрывают его, не обращаются за помощью, поскольку весьма нередко незамужняя женщина с ребенком является объектом общественного осуждения, источником слухов и сплетен.

Китайские исследователи обратили внимание на рост в последнее десятилетие внебрачных рождений и количества неполных семей, состоящих из женщины, не состоящей в браке и ее ребенка, рожденного вне брака. Эти семьи, как правило, относятся к беднейшим социальным слоям, что отражает глобальную тенденцию «феминизации бедности». Именно на этом аспекте сфокусировано значительная часть исследований. Тем не менее, постепенно приходит понимание, что семьи матерей-одиночек не являются уже единичными, что необходимы серьезные исследования этого социального феномена, отказ от устоявшихся социальных стереотипов и дискриминации одиноких женщин и их детей.

Проблемы одиноких матерей стали выходить из тени и обсуждаться не только экспертами, в микроблогах, интернет форумах и СМИ, но и на уровне законодателей. «Одинокие матери, как правило, испытывают недостаток денег, имеют проблемы жильем и трудности в воспитании детей. Они нуждаются в большей помощи. Хотя экономические и социальные тяготы могут заставить некоторых одиноких матерей отказаться от своих детей, люди должны уважать право незамужних женщин иметь детей. Местные власти должны обеспечить одиноких матерей бесплатным временным жильем, обеспечить им возможность получения психологической помощи и юридических консультаций, информации и услуг по уходу за ребенком. Чтобы претворить в жизнь все указанные проекты, местные правительства должны поощрять благотворительность предприятий, общественных организаций, НПО и частных лиц на эти цели. Банки должны предоставлять одиноким матерям льготные беспроцентные или низкопроцентные кредиты» [8]. Так видит проблемы одиноких матерей и пути их решения член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) Чжан Сяомэй.

Одна из важнейших проблем, обсуждаемых в СМИ, правозащитниками и юристами, с которой сталкиваются одинокие матери – это трудности с регистрацией ребенка по месту постоянного жительства его матери, что не дает ему возможности посещать детские дошкольные учреждения, школу и получать необходимые медицинские услуги. Парадокс заключается в том, что согласно законодательству и правилам регистрации по месту жительства – хукоу, органы регистрации должны регистрировать детей во всех случаях без исключения. Однако местные органы власти часто связывают регистрацию ребенка с наличием свидетельства о браке и сертификата, разрешающего появление этого ребенка на свет, выдаваемого местным комитетом по делам здравоохранения и планирования рождаемости.

В последние годы наблюдается некоторый прогресс на провинциальном уровне в улучшении положения одиноких матерей и их детей. Так, в 2013 г. местные власти провинции Хубэй первые в стране обязали регистрировать детей без обязательного представления свидетельства о браке. Это значит, что теперь одинокие матери смогут получать свидетельства о рождении для своих детей и регистрировать их по месту жительства. Однако в связи с тем, что отказ в регистрации внебрачных детей по месту жительства широко распространен на местах и нарушает права одиноких матерей и их детей, в апреле 2014 г. 32 китайских юриста и адвоката, представляющие все провинции Китая, подписали и направили во Всекитайское собрание народных представителей и Госсовет КНР обращение с целью положить конец такому рода практике. Местные законы, по их мнению, не должны противоречить общенациональным законам. Закон о планировании семьи нарушают родители, дети же невиновны и не должны страдать. Более того, местные власти не имеют права использовать регистрацию ребенка по месту жительства в качестве средства давления на одинокую мать, вынуждая ее таким противозаконным способом заплатить социальную компенсацию за рождение ребенка.

Актуальными вопросами для одиноких матерей являются проблемы жилья, дошкольного воспитания и получения образования и медицинских услуг их детьми. Одиноким матерям и их детям по финансовым причинам приходится жить в домах своих родителей, если те смиряются с позором и принимают дочь и внука или, что чаще, арендовать дешевую жилплощадь, которая может быть неблагоустроенной и неудобной.

\*\*\*

В Китае, как и во всем мире, существуют объективные причины (дестабилизация института брака, рост внебрачных и до брачных связей) для роста социальной группы одиноких матерей.

Противоречия между законами КНР, регулирующими права на рождение ребенка и права внебрачных детей, с правоприменительной практикой на местах и местными законодательными актами требуют унификации законодательства.

Мотивация и оправдание «аморального» поведения одиноких женщин, решившихся на рождение ребенка вне брака, в Китае, бесспорно, заслуживает внимания. Они должны иметь возможность реализовать свои репродуктивные права без наказания социальной компенсацией.

Можно говорить о том, что медленно, но происходит сдвиг общественного мнения в отношении одиноких матерей в позитивную сторону. Тем не менее, законодателям, юристам, адвокатам, средствам массовой информации, общественным организациям предстоит большая работа для того, чтобы уязвимая в материальном и моральном отношении социальная группа одиноких матерей их детей перестала подвергаться дискриминации и быть маргинальной группой китайского общества.

#### **Примечания:**

[1] Одинокая мать – это женщина, не состоящая в зарегистрированном браке, родившая и воспитывающая ребенка без признания отца в официальном порядке.

[2] Статистические данные по одинокому материнству являются, как правило, оценочными, поскольку в нее включаются дети пар, живущих в гражданском браке. Эта социальная группа весьма динамична, в связи с тем, что пары могут с течением времени оформлять свои отношения, а одинокие женщины вступают в браки.

[3] Unmarried Mothers Call for Legitimate Rights for Out-of-wedlock Children. URL:<http://www.womenofchina.cn/html/womenofchina/report/172901-1.htm> Дата обращения: 21.07.2014.

[4] Свыше 60 процентов китайской молодежи имеют добрачный половой опыт. URL:[http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/24/content\\_31875145.htm](http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/24/content_31875145.htm) Дата обращения: 18.07.2014.

[5] Почагина О. Новая редакция закона КНР о браке // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №3. С. 22-33. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/075/analit04.php> Дата обращения: 05.07.2014.

[6] Закон КНР «О браке». URL:[http://chinalawinfo.ru/civil\\_law/law\\_marriage/law\\_marriage\\_ch3](http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_marriage/law_marriage_ch3) Дата обращения: 05.07.2014.

[7] Phillips T. Unmarried Chinese mothers to be fined. URL: <http://www.telegraph.co.uk/journalists/tom-phillips/> Дата обращения: 15.07.2014.

[8] Wang Ke. Single mothers in China need more support. URL:[http://www.china.org.cn/china/NPC\\_CPPCC\\_2010/2010-03/03/content\\_19512627.htm](http://www.china.org.cn/china/NPC_CPPCC_2010/2010-03/03/content_19512627.htm) Дата обращения: 15.05.2014.

### **КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ В НОВОМ УЧЕБНОМ КОМПЛЕКСЕ «我们说汉语» «МЫ ГОВОРИМ ПО-КИТАЙСКИ».**

*Руководельникова М.Б., Салазанова О.А.  
РГГУ*

Изучение китайского языка в условиях современности уже не является редкостью. Стремительное развитие КНР, двусторонние российско-китайские связи в политической, экономической, культурной и других областях требуют подготовки высококлассных специалистов–китаеведов со знанием китайского языка. Для того чтобы создать единую образовательную цепочку школа – ВУЗ, в последние годы китайский язык вводится как основной или второй иностранный язык во многих средних общеобразовательных учреждениях, а создание учебных пособий по китайскому языку для школьников является одной из первостепенных задач.

Преподавание китайского языка в отечественной средней школе имеет многолетнюю историю, однако единого стандарта и единых требований к уровню знаний и языковых компетенций выпускников до сих пор не существует. С одной стороны, практически каждая школа руководствуется собственными программами, обусловленными выбором того или иного учебного пособия, часто используются собственные разработки учителей. С другой стороны, в последнее время стали доступны многочисленные детские учебники китайского языка для иностранных учащихся, выпущенные в КНР. Преподаватели сталкиваются и с такой проблемой, что школьный учебник должен соответствовать Федеральному компоненту государственного образовательного стандарта основного общего образования по иностранному языку, а его содержание должно соответствовать обязательному минимуму содержания примерных программ по иностранным языкам для общеобразовательных учреждений. Однако данный образовательный стандарт утверждался для преподавания европейских языков и не может учитывать специфику восточных языков, в частности китайского языка, где основополагающей является иероглифика.

Вследствие отсутствия государственного стандарта по китайскому языку и различных подходов к преподаванию, в школах г. Москвы создалась такая ситуация, что по окончании 11 класса уровень подготовки школьников по предмету «Китайский язык» оказывается несопоставимым.

Кроме того, в последние годы после введения обязательного Единого государственного экзамена, школьники, изучавшие китайский язык в качестве первого иностранного языка (спецшколы), лишились права сдавать китайский в высшие учебные заведения, что, безусловно, снизило мотивацию к изучению языка и не могло не сказаться на качестве образования по данному предмету.

На сегодняшний день издано всего две линейки учебников для средней школы. Во-первых, УМК омских специалистов: «Китайский язык. Второй иностранный язык. 5-9 классы». (Репнякова Н.Н., Иоффе Т.В., Кравец Ю.Л., Решетнева У.Н., Рокицкая Е.М.). Кроме того, недавно появился учебный комплекс московских авторов Ван Луся, Демчевой Н.В. и Селиверстовой О.В., пока изданы пособия для 5, 6 и 7 классов.

Анализируя общую концепцию введения материала в разных учебниках китайского языка, их можно разделить на определенные классы в зависимости от подхода к введению иероглифики по отношению к изучению азбуки пиньинь. В большинстве учебников для взрослых, где вводятся все иероглифы для всех пройденных слов, изучение новых слов, азбуки пиньинь и соответствующей иероглифики происходит параллельно, что достаточно сложно для усвоения школьниками. В некоторых китайских учебниках для детей («标准中文» и «快乐汉语») новые слова сразу даются в иероглифике и пиньинь, однако заучивать нужно лишь часть иероглифов (примерно одну треть - половину), в «обо-



зримом будущем» разрыв между фонетической и иероглифической записью пройденной лексики не сокращается, так как остальные иероглифические единицы, соответствующие пройденной лексике, не изучаются. Для детских учебников, изданных в КНР, типично параллельное изучение фонетики и азбуки пиньинь, во время которого лексические единицы и тексты записываются азбукой [6, 6-7] и [7, 6]. Одновременно тексты представляются в иероглифической записи, и осуществляется общее знакомство с иероглификой. В некоторых учебниках по завершении водно-фонетического курса, тот же лексический материал может полностью дублироваться в виде иероглифики. Например, в учебнике «通用汉语» полностью совпадают 5 и 19 уроки [9, 9] и [9, 36].

Совершенно различен подход к вводу иероглифики в указанных выше отечественных пособиях для средней школы.

Подача материала у Репняковой Н.Н., Иоффе Т.В., и др. грешит тем же, что и у китайских авторов: параллельное изучение лексики и иероглифики в первый год обучения даже не предполагается, а также нет заданий на чтение иероглифических знаков и текстов [4, 78]. Учебник лишь имеет некоторые ознакомительные упражнения по иероглифике, что не способствует формированию в сознании обучающегося единого комплекса «иероглиф-значение-чтение». Заметен сильный «крен» в сторону транскрибированной записи слов и целых текстов китайского языка. Так, в течение первого года изучается около 280 лексических единиц и только 30 (!) иероглифов. Вопрос состоит в том, насколько оправдано представление текстов исключительно азбукой пиньинь (без иероглифики), не мешает ли это комплексному усвоению языка, в котором базовым компонентом является иероглиф, и какие трудности могут возникнуть при дальнейшем обучении детей чтению иероглифических текстов и иероглифическому письму.

Иная картина в учебном комплексе Ван Луся, Демчевой Н.В. и Селиверстовой О.В. Авторы сознательно с первого года обучения сразу после прохождения вводно-фонетического курса дают материал исключительно в иероглифике, без подстрочника. Однако способ организации материала (один урок – один разворот учебника, полное отсутствие грамматических пояснений, сознательный уход авторов от объяснений структуры языка и др.) все-таки не безукоризнен.

Являясь краеугольным камнем в современном преподавании китайского языка, вопрос, с чего начинать преподавать китайский язык – с фонетики, иероглифики или сразу с говорения на языке (выполняя тем самым требование коммуникативности учебника), данный вопрос является тем более сложным, когда дело касается преподавания школьникам 10-11 лет. У школьников данной возрастной категории уже не так выражены способности к имитации (как, например, у детей 5-6 лет), и им сложно воспроизводить на слух многосложные слова и предложения (а китайский язык является тоновым языком с отличной от русского языка интонационной структурой).

Отдельно следует остановиться на проблеме ввода новой лексики в школьном учебнике. Если говорить об учебниках, изданных в КНР, ввод новых слов подчинен исключительно тематическому принципу. Авторы не обращают особого внимания на то, какие лексические единицы целесообразно ввести в первом, во втором, в третьем и т.д. уроках. Основным принципом подбора единиц является коммуникативность, т.е. если первый урок посвящен знакомству, то здесь вводятся не только 你好, но и 你叫什么名字, 您姓什么, где встречаются целых три сложных инициала j, x, z и несколько финалей [5, 9], [6, 6-7], [8, 8], [7, 7]. Произношение данных фонетических единиц требует отдельной тренировки, а звуко-буквенное соответствие не совпадает ни с какими европейскими языками, что влечет за собой немалое количество ошибок при чтении. (x читают как экс вместо «сь», j читают как дж вместо «цзь» и т.д.). До сих пор во многих средних учебных заведениях используют учебники для взрослых/студентов (в частности, учебник под редакцией А.Ф. Кондрашевского «Практический курс китайского языка»), что совершенно не допустимо в школе, так как некоторые темы и лексика, такие как «Банкет» (с перечислением большого количества спиртных напитков), «Студенческая жизнь» (свободное расписание, планы на работу) и т.д. не могут быть использованы для обучения детей среднего школьного возраста (10-18 лет). В связи с вышесказанным, создание новых учебников китайского языка, ориентированных именно на школьную аудиторию, представляется чрезвычайно важным и актуальным.

Коллективом авторов из Российского государственного гуманитарного университета (Институт лингвистики и Институт Конфуция РГГУ) подготовлен к изданию новый учебно-методический комплекс для средней школы 《我们说汉语》 «Говорим по-китайски». Это учебное пособие предназначено для занятий по программе дополнительного образования в средней школе, может использоваться в качестве основного учебника китайского как второго иностранного языка.

Отличительной особенностью нового учебного комплекса является сознательная ориентация на стандарты YCT (Youth Chinese Test, международный четырехуровневый тест по китайскому языку среди школьников), что задает необходимый лексический и грамматический объем знаний, последовательность подачи материала. После прохождения первой части пособия (1-10 уроки) дети могут сдавать 2-й уровень YCT (знают более 75% стандарта YCT-2, требуется лишь небольшое введение дополнительной лексики учителем). После прохождения второй части пособия (уроки 11-20) дети готовы к сдаче 3 уровня YCT (охват материала 98%). В условиях отсутствия государственного стандар-

та по китайскому языку ориентация на международный квалификационный экзамен решает ряд проблем, главная из которых – подготовка учащихся к сдаче в будущем экзамена HSK 4 уровня, что делает возможным продолжение обучения в КНР.

В зависимости от количества аудиторных часов в неделю (2 или 4 урока), курс рассчитан на 1-2 года обучения.

Структура учебно-методического комплекса. Учебное пособие состоит из двух частей, в каждой по 10 уроков. Уроки построены по принципу концентров (тематических блоков). Кроме того, в комплекс входят Рабочая тетрадь; Книга для учителя; Аудиоматериалы к учебному пособию и рабочей тетради.

Иероглифика. С первых же уроков происходит знакомство учащихся со структурой иероглифического знака, постепенно изучаются черты, графемы, базовые иероглифы и только потом они объединяются в сложные иероглифические знаки. В уроках 1-10 иероглифика вводится с некоторым опозданием по сравнению с введением лексических единиц, по мере возрастания трудности написания. То есть на первом этапе объем пройденной лексики несколько опережает объем иероглифики, но во второй части пособия к 15 уроку это положение меняется, и объем иероглифики полностью догоняет объем лексики. Начиная с 16 урока, весь новый материал подкреплен иероглификой. Объем иероглифов после прохождения первой части учебного пособия составляет 144 единицы (для сравнения, 2-й уровень УСТ предполагает владение 150 иероглифов).

Лексика. Ввод лексики основан на ряде принципов. С одной стороны, содержание первых уроков подчинено последовательности введения фонетического материала. С другой стороны, в основе организации текстов и введения лексического материала лежит принцип коммуникативности. Объем и содержание вводимой лексической составляющей также обусловлены возрастными особенностями учащихся. Уроки (блоки) посвящены тем или иным бытовым, повседневным, учебным ситуациям общения, типичным для школьников 10-12 лет (знакомство, семья, школа, дружба, хобби и т.д.) После прохождения первой части пособия (10 уроков) учащиеся знают и активно употребляют около 200 лексических единиц.

Фонетика. К концу первой части учебного пособия учащиеся должны овладеть нормативным произношением, понимать структуру слога. Для закрепления этих навыков как в учебнике, так и в рабочей тетради предусмотрено большое число упражнений различной степени сложности.

Терминология. В учебном пособии вводится минимальный необходимый для китайского языка объем лингвистических терминов (инициаль, финаль, графема). В остальном же используется терминология, знакомая школьникам к 5 классу по урокам русского языка (части речи, члены предложения и т.п.).

Структура урока в учебном пособии. Каждый урок состоит из 7-8 разделов. Рассмотрим их подробнее.

*Читаем.* Учебный текст, обычно в форме диалога (активизация коммуникативных навыков). В уроке-повторении текст имеет вид монолога. Новые слова. Комментарий к тексту.

*Слушаем и произносим.* Фонетическая часть. Правила транскрипции. Фонетические упражнения.

*Грамматика.* Грамматика подается в виде удобных для восприятия таблиц. Для лучшего усвоения порядка слов в китайском предложении используется цветовое решение: основные члены предложения (подлежащее, сказуемое и дополнение) выделены цветом. Грамматический комментарий сознательно дается в удобной, доступной форме. Это сделано для удобства ученика, который всегда может повторить правила, даже если он пропустил занятие.

*Пишем иероглифы.* Новые графемы (базовые иероглифы). Новые иероглифы.

*Упражняемся.* Упражнения на порождение фразы/предложения из текста (от слова к предложению). Упражнения на подстановку. Чтение текста урока без подстрочника. Дополни диалоги, разыграй в классе (активизация коммуникативных навыков) и др.

*Поиграем.* Различные активные языковые игры.

*Знакомимся с китайской культурой.* Раздел содержит информацию лингвострановедческого характера, сведения о литературе, живописи, театре, прикладном искусстве Китая.

*Китайская грамота.* Лингвистические задачи.

Для нового учебного пособия «Говорим по-китайски» характерна многоаспектная подача материала, направленная на практическое овладение всеми четырьмя видами речевой деятельности (чтением, письмом, говорением, аудированием) и переводом.

Особое внимание мы уделяли проблеме повышения мотивации современных учащихся. Хорошо известно, что школьника нельзя успешно учить, если он относится к учению и знаниям равнодушно, без интереса и, главное, не осознавая потребности к ним. Для повышения интереса к предмету мы использовали как познавательные, так и социальные стимулы.

Социальная мотивированность на достижение успеха в изучении китайского языка поддерживается высокими показателями при сдаче квалификационного экзамена УСТ. Успешно пройдя две части пособия, ученик способен сдать высший четвертый уровень этого международного экзамена, что делает легко достижимой возможность длительной языковой стажировки и учебы в КНР.

Оригинальность учебного пособия направлена и на усиление познавательной мотивированности школьника. Иностранный язык занимает особое место среди школьных предметов. Являясь средством общения и познания окружающего мира, он способствует приобщению к культуре страны изучаемого языка, обеспечивает социализацию учеников, облегчает их вхождение в мировое сообщество, способствует лучшему осознанию отечественной культуры.

Для решения этой задачи авторами учебного комплекса методически продуманы и занимают важное место подразделы: лингвострановедение, культура Китая (опера, гохуа), литература (стихи, скороговорки), прикладное искусство (вырезание, узелки, раскраски), впервые в учебное пособие по китайскому языку включены лингвистические задачи и языковые игры. Красочное оформление пособия также специально направлено на повышение интереса к предмету.

При такой многоаспектности в структуре учебного пособия, разнообразии деятельности в аудитории и дома, удастся достичь высокой мотивированности на достижение результата. Языковые игры и лингвистические задачи неизменно вызывают большой интерес, учащиеся активно включаются в работу. Обучение в игровой форме вызывает у них при этом положительные эмоции, мобилизацию внутренних ресурсов и сосредоточение внимания. Благодаря решению лингвистических задач школьники получают удовольствие от понимания устройства китайского языка, стимулируется желание больше узнать об иероглифике, грамматике, лексике. Конечно, эти виды учебной деятельности не могут заменить текущий учебный процесс, но присутствие разделов «Поиграем» и «Китайская грамота» практически в каждом уроке стимулирует учебную активность на занятии. Мотивированные на успех учащиеся обычно более собраны, готовы к большому объему упражнений в рабочей тетради, выбирают для себя профессии, связанные с полученными умениями и навыками.

#### **Список использованной литературы:**

1. Ван Луся, Н.В. Дёмчева, О.В. Селиверстова. Китайский язык: 1-й год обучения: учеб. пособие. — М.: Астрель, 2012 — 126 с.
2. Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка. Начальный этап в двух томах. Том 1. — М.: Муравей, 2000 — 525 с.
3. Масловец О.А. Методика обучения китайскому языку в средней школе. — М.: Восточная книга, 2012 — 184 с.
4. Репнякова Н.Н., Кравец Ю.Л., Иоффе Т.В. Китайский язык. Второй иностранный язык. 5 класс. Учебное пособие. — М.: Вентана-Граф, 2015 — 208 с.
5. 标准中文 (Нормативный китайский), Пекин: Народное образование, 1997
6. 跟我学汉语 (Учитесь у меня китайскому), Пекин: Народное образование, 2008
7. 汉语乐园 (Царство китайского языка), Пекин: Пекинский университет языка и культуры, 2007
8. 快乐汉语 (Веселый китайский), Пекин: Народное образование, 2009
9. 通用中文 (Общепринятый китайский), Пекин: Пекинский университет языка и культуры, 2007

## **К ВОПРОСУ О ФОРМУЛЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

*А.В. Семенов,  
Дипломатическая академия МИД РФ*

Предметом данной статьи является формула китайско-российских отношений как внешнеполитический продукт обеих стран. Цель работы заключается в анализе возникновения, становления и развития этой формулы. Хотя формула двусторонних отношений есть результат сотрудничества двух сторон, но языковые различия китайского и русского языков оставляют возможности для интерпретации принятых ими дипломатических документов. В данной статье автор делает попытку рассмотреть формулу двусторонних отношений с точки зрения китайского языка, чтобы выявить особенности и своеобразие разработки и реализации внешнеполитических инструментов соответствующими ведомствами Китая[1].

Формула двусторонних отношений – это краткая и точная словесная характеристика сущности отношений между двумя государствами. Она обычно вырабатывается органом государства, формирующим внешнюю политику, и реализуется на двусторонних переговорах. Формула двусторонних отношений, как правило, проходит согласование и утверждение в ходе государственных визитов на переговорах руководителей самого высокого ранга. Она отражается в итоговых документах визита - совместной декларации, совместном заявлении и коммюнике, а также в договорах и соглашениях.

Формула двусторонних отношений является констатацией определенного уровня отношений между странами в соответствующий исторический период, в ней бывает заключен и итог предыдущего развития отношений и цель, которую необходимо будет достичь в будущем.

Являясь универсальным внешнеполитическим инструментом, формула двусторонних отношений может обладать определенным национальным своеобразием из-за участия в ее разработке стран, отличающихся в ментальном и языковом плане. Поэтому, несмотря на то, что понимание формулы обеими сторонами должно быть адекватным, национальная непохожесть и языковые различия могут порождать непохожие интерпретации общей формулы, которые в свою очередь создают условия для возникновения потенциальных противоречий.

Распад Советского Союза, окончание «холодной войны», изменение расстановки сил в мире заставили руководство КНР пересмотреть свою оценку эпохи и приступить к выработке внешнеполитического инструментария, который соответствовал бы новым условиям. В связи с тем, что целью руководителей Китая было построение мощного модернизированного государства путем проведения политики реформ и открытости, задача внешнеполитического ведомства состояла в том, чтобы, занимая независимую и самостоятельную позицию в мире, создавать международную среду, благоприятную для экономического развития страны.

Несмотря на осторожную внешнюю политику в начале 90-х гг.[2], на распадающемся советском пространстве Китай ведет себя достаточно активно. 27 декабря 1991 года член Госсовета и министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь объявил о признании независимости России и остальных бывших советских республик. А через три дня был подписан «Протокол переговоров двух государств», в котором подтверждались принципы, определенные в двух совместных коммюнике 1989 г. (во время визита М.С. Горбачева) и 1991 г. (во время визита Председателя КНР Цзян Цзэминя), в которых стороны изъявляли готовность в дальнейшем развивать отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества.[3] Данная формулировка отражала желание сторон продолжать процесс нормализации, начатый в 1985 году.

Развитие отношений двух стран и соответственно изменение формулы произошло уже в декабре 1992 года во время государственного визита президента Б.Н. Ельцина в Китай. В совместном заявлении было объявлено, что «стороны рассматривают друг друга как дружественные государства и будут развивать отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества»[4]. Фактически завершился этап нормализации и страны вступили в новый этап дружбы.

Визит председателя КНР Цзян Цзэминя в Москву в сентябре 1994 года и его переговоры с президентом России Б.Н. Ельциным ознаменовали начало нового этапа в российско-китайских отношениях. Формула межгосударственных отношений начинает приобретать более адекватный новому мировому порядку характер. В Китайско-российском совместном заявлении было объявлено, что «между странами сложились отношения конструктивного партнерства нового типа»[5]. Так, в сентябре 1994 года в двусторонних документах впервые появилась формула «партнерские отношения», и тем самым Китай начал модернизировать свой внешнеполитический инструментарий.

В западных странах о партнерских отношениях во внешней политике заговорили еще в 70-е гг. XX в., но в то время этот термин имел «блоковое» содержание. После распада социалистической системы и окончания «холодной войны» западная дипломатическая мысль разработала и реализовала форму двусторонних отношений для стран бывшей социалистической системы и республик распавшегося Советского Союза – формулу партнерских отношений, которая могла иметь широкое толкование. Россия в первые четыре года своего существования во многом шла в русле внешней политики Запада, и формула партнерства оказалась приемлемой для построения двусторонних отношений нового типа, отличных по форме и содержанию от советского периода.

Китай только с сентября 1994 года использовал партнерские отношения в официальном документе, причем эта новая формулировка была интерпретирована в русле традиционного дипломатического дискурса.

Отношения «конструктивного партнерства нового типа» означали «подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования. Эти отношения не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран»[6].

Стратегией китайской дипломатии в 90-гг. была политика выжидания – «скрывать свои намерения, держаться тени, не делать резких шагов и больше занимается внутренними делами» [7].

Китайские ученые так интерпретировали эти руководящие идеи в области внешней политики:

1) Китай не будет подходить к внешним сношениям и международным делам с позиции социализма, а поставит во главу угла принцип мирного сосуществования.

2) Основной темой эпохи будет не антиимпериалистическая борьба и революция, а мир и развитие. Поэтому Китай будет пропагандировать и устанавливать новый международный политический и экономический порядок на основе пяти принципов мирного сосуществования.

3) Китай больше не будет, как в конце 80-хх призывать к единому фронту борьбы против США и СССР. Китай в качестве развивающейся страны будет играть свою роль, занимать свое место и не идти в первых рядах борьбы против неких международных сил и не претендовать на лидерство.

4) Такая политика не означала, что Китай накапливает силы для будущего удара, а указывала на то, что страна «занимается своим делом», и, находясь на принципиальных позициях, придерживается пяти принципов мирного сосуществования; в международных делах говорит правду и действует

правдиво, а также добивается установления нового международного политического и экономического порядка [8].

Таким образом, целью внешней политики Китая было создание благоприятной внешней среды для внутреннего развития страны.

Формула китайско-российских отношений и отразила основные направления развития китайской дипломатии.

«Добрососедство и дружба» означали не враждебные, а дружественные отношения с сопредельными странами, а именно с соседом, с которым у Китая самая протяженная в мире граница.

«Взаимовыгодное сотрудничество» указывало на торгово-экономические отношения, являющиеся основой для политических, культурных и прочих связей, полезных для обеих сторон.

«Полностью равноправные (отношения)» - этот принцип являлся очень важным для Китая. Борьба за суверенное равенство проходит красной нитью через новую и новейшую истории Китая. Полное равноправие означало построение двусторонних отношений, независимо от различий политического, экономического, социального и иного характера.

«Построение отношений на основе пяти принципов мирного существования» – это программный принцип внешней политики КНР, заложенный еще Чжоу Эньлаем в 50-х гг. 20 века. Являясь одним из основных принципов международного права, данная формулировка считается китайским руководством основой двусторонних отношений государств с любым социальным строем.

Важным добавлением было то, что отношения не представляют собой блок или союз, которые, по мнению Китая, в современных условиях будут сковывать внешнюю политику государства, лишая ее гибкости и оперативности. А ненаправленность против третьих стран означала неконфронтационность и стремление к сотрудничеству.

Следующим этапом в развитии формулы китайско-российских отношений был государственный визит президента России Б.Н. Ельцина в апреле 1996 года в Пекин. В ходе визита было опубликовано Совместное китайско-российское заявление, в котором статус прежней формулы «отношений конструктивного сотрудничества нового типа» был повышен до «равноправных, доверительных отношений партнерства и стратегического взаимодействия, направленных в 21 век»[9]. Стороны, правда, объявили лишь о своей решимости развивать такого рода отношения, что означает не устоявшуюся формулу, а начало движения к ней, то есть является заявлением о готовности установить такого рода отношения.

Новая формула, кроме уже использованных ранее элементов партнерства и равноправия, имела несколько новых направлений, которые говорили о том, что в отношениях между Китаем и Россией возникают качественные изменения.

Появление понятия «доверительности» в отношениях свидетельствует о том, что произошли серьезные подвижки в пограничных переговорах. Во время этого визита главы Китая, России, а также Казахстана, Киргизстана и Таджикистана подписали «Соглашение о мерах доверия в военной сфере в приграничных районах». Тем самым Китай постепенно укреплял безопасность на своих северных и западных границах, что и нашло отражение в новой формуле.

«Стратегическое взаимодействие» означало постоянные контакты в международных делах, сверка позиций на международной арене, сотрудничество в военной области и по стратегическим вопросам. Некоторые китайские авторы считают, что стратегичность заключается и в тесном военно-техническом сотрудничестве. Что касается термина «взаимодействие», который используется в формуле китайско-российских отношений, то возникает вопрос, почему не употребляется термин «сотрудничество», то есть «стратегическое сотрудничество». Китайские авторы рассматривали эту проблему и пришли к выводу, что Китай и Россия, являясь соседними крупными государствами, поддерживают отношения взаимодействия по многим международным вопросам. Достичь полного сотрудничества между таким крупными государствами невозможно, поэтому если будут налажены взаимная помощь и взаимные консультации, то это уже можно считать хорошим результатом[10].

«Направленность в 21 век» подразумевает не сиюминутный, а долгосрочный характер отношений.

Данная формула китайско-российских отношений стала основой развития дальнейших формулировок, имеющих в своем составе такие компоненты, как «партнерство», «взаимодействие» и «стратегичность», а также началом создания целой системы партнерских отношений во внешней политике КНР.

В совместных документах, принятых до 2000 года, формула «равноправные, доверительные отношения партнерства и стратегического взаимодействия, направленные в 21 век», оставалась неизменной, однако ее внутреннее развитие в текстах происходило за счет использования глаголов действия. Так, намерение в отношении осуществления формулы в 1996 году в последующих документах было преобразовано в «реализацию, претворение в жизнь» и далее в «установление, учреждение». Это означало, что модальность желательности превращалась в модальность действительности. Изменения на языковом уровне отражали серьезную работу сторон по актуализации формулы двусторонних отношений.

Пекинская декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации, подписанная сторонами в ходе официального визита президента В.В. Путина в Китай в июле 2000 года, обозначила преемственность подхода к формуле китайско-российских отношений 1996 года. Стороны отметили, что установление «равноправных, доверительных отношений партнерства и стратегического взаимодействия, направленных в 21 век» отвечает коренным интересам народов двух стран и имеет важное значение для упрочения сотрудничества двух стран, дружбы между народами и формирования многополярного мира и нового политического и экономического порядка[11]. Таким образом, формула 1996 года отразила политические, экономические, гуманитарные стороны отношений двух стран, и их отношение к международной обстановке в начале XXI века.

Важным этапом в развитии формулы китайско-российских отношений стало подписание в июле 2001 года председателем КНР Цзян Цзэминем и президентом РФ В.В. Путиным Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Как отмечает В.Л. Ларин, этот договор «закрыв эпоху «бездоговорных отношений», которая продолжалась между Россией и Китаем более 20 лет, после истечения срока действия Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР от 14 февраля 1950 г»[12]. Он стал идеологической, правовой и организационной основой для дальнейшего развития китайско-российских отношений.

Договор 2001 года между КНР и РФ стал договором нового типа – не конфронтационным, не блоковым и не направленным против третьих стран. Даже в случае возникновения угрозы миру или агрессии против одной из сторон, договаривающиеся стороны вступают в контакты и проводят консультации. Они не берут на себя какие-либо юридические обязательства, скорее можно говорить о политических обязательствах. Данный договор явился итоговым документом внешнеполитической деятельности председателя КНР Цзян Цзэмина, который в 2003 году должен был передать высокий пост своему преемнику. В этой связи в договоре нашли отражение успехи дипломатии Цзян Цзэмина, достигнутые с начала 90-х гг.

Формула китайско-российских отношений отражена в статье 1 настоящего договора в редакции 1994 и 1996 гг., где наряду с равноправными, доверительными отношениями партнерства и стратегического взаимодействия стороны развивают отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества в соответствии с принципами и нормами международного права и принципами мирного сосуществования[13].

В статье 10 настоящего договора говорится об укреплении формулы через практическую деятельность, а именно: проведение встреч на высшем и высоком уровне, использование и совершенствование механизма регулярных встреч на всех уровнях, регулярный обмен мнениями и согласование позиций по важным и актуальным международным вопросам[14].

Таким образом, в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ был закреплён высокий статус формулы «равноправных, доверительных отношений партнерства и стратегического взаимодействия», показана ее актуализация и дана перспектива развития.

В Московском совместном заявлении глав государств по поводу государственного визита в Россию в июле 2001 года председателя Цзян Цзэмина и подписания Договора о добрососедстве и дружбе между двумя странами было подчеркнuto, что вышеуказанная формула китайско-российских отношений является правильным историческим выбором и имеет определяющее значение для всестороннего сотрудничества Китая и России, укрепления дружбы между народами и установления справедливого и разумного нового международного порядка. Впервые было указано, что практическое осуществление соглашений в торгово-экономической, научной и прочих сферах непрерывно будет обогащать материальную основу китайско-российских отношений, которые отражены в вышеуказанной формуле[15].

Последняя встреча на высшем уровне председателя Цзян Цзэмина и президента В.В. Путина состоялась в декабре 2002 года в Пекине. В Совместном заявлении КНР и РФ формула китайско-российских отношений встречается в несколько усеченном виде как «отношения партнерства и стратегического взаимодействия». В документе говорится о соответствии их долгосрочным интересам двух государств и двух народов, о единственно правильном историческом выборе и требовании реагировать на вызовы в связи с развитием международных отношений и обстановки в мире[16].

Новым моментом данного Совместного заявления стало использование активных побудительных глаголов для придания динамики развитию формулы. Стороны будут «постоянно продвигать вперед, расширять, наполнять новым содержанием и углублять отношения партнерства и стратегического взаимодействия», а также использование отдельных компонентов формулы, как «стратегическое взаимодействие», которое акцентирует внимание на международной составляющей двусторонних отношений. В документе говорится, что Договор 2001 года «открывает широкие перспективы для углубления всестороннего стратегического взаимодействия двух стран»[17].

В 2003 году происходит смена руководства в КНР и председателем Китая становится Ху Цзиньтао. В мае 2003 года он посетил с государственным визитом Россию.

В ходе визита было принято Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, в котором стороны, бросив ретроспективный взгляд на 10-летнее развитие китайско-российских отношений, признали, что отношения партнерства и стратегического взаимодействия являются оптимальной моделью сотрудничества, а вместе с такими компонентами, как добрососедство, дружба и взаимовыгодное сотрудничество – будут являться приоритетным стратегическим направлением внешней политики двух стран[18].

В данном Заявлении в отличие от предыдущих совместных документов формула «отношения партнерства и стратегического взаимодействия» используется гораздо чаще и в более широком диапазоне. Стороны отметили, что, в плане реализации договора 2001 года необходимо непрерывно наполнять эту формулу новым содержанием, и они будут продолжать всемерно укреплять эту формулу в интересах государственной безопасности двух стран[19].

Важным механизмом, который обеспечивает развитие стратегического взаимодействия во всех областях, являются контакты на высшем уровне и межправительственные и межведомственные комиссии по сотрудничеству. Отношения партнерства и стратегического взаимодействия двух стран как важный фактор международных отношений имеют принципиальное значение для мировой политики в будущем, сохранения мира и обеспечения глобальной безопасности и стабильности. Партнерские отношения Китая и России, включая взаимодействие в ООН и других многосторонних форумах, являются важным вкладом в укрепление международного мира и безопасности[20].

В своем первом совместном документе, подписанном с только что вступившим в должность председателя КНР Ху Цзиньтао и президентом РФ В.В. Путиным, была использована «усеченная формула» 2003 года. Стороны обозначили курс на преемственность политики Цзян Цзэминя и приверженность принципам и духу Договора 2001 года, а также расширили сферу применения формулы на область государственной и международной безопасности.

Развитие формулы китайско-российских отношений произошло во время официального визита президента РФ В.В. Путина в Китай в 2004 году. В ходе визита было подписано Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, в котором было подтверждено, что углубление китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия является приоритетным направлением внешней политики обеих стран[21]. По сравнению с Совместным заявлением 2003 года у понятия «направление» исчезло определение «стратегическое». Тем не менее, назвать этот документ шагом назад не представляется возможным в связи с тем, что в формулу двусторонних отношений вдохнули новую жизнь. Если в предыдущих документах непрерывное обогащение новым содержанием не раскрывалось, то в Совместном заявлении 2004 года стороны подчеркнули, что важным содержанием китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия является укрепление политического взаимодоверия, углубление экономического сотрудничества, расширение гуманитарного сотрудничества и социальных связей, а также тесная координация и согласование в международных делах. Важное практическое значение для развития китайско-российских отношений в рамках вышеуказанной формулы имело утверждение Плана действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией на 2005-2008 гг.[22]. Обогащением содержания формулы отношений стало решение пограничного вопроса между Китаем и Россией. Важным фактором укрепления и развития формулы китайско-российских отношений стало торгово-экономическое сотрудничество, включая энергетическое и инвестиционное сотрудничество. Взаимодействие Китая и России в ООН, ШОС и других международных организациях также явилось проявлением формулы отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Таким образом, в Совместном заявлении 2004 года стороны стали связывать китайско-российскую формулу с широким спектром двусторонних отношений политических, экономических, гуманитарных, вопросами безопасности и международными делами, а также с конкретно принятыми документами.

Во время официального визита в Москву в июле 2005 года председатель КНР Ху Цзиньтао встретился с президентом РФ В.В. Путиным. По итогам визита стороны опубликовали Совместное китайско-российское коммюнике. Стороны отметили, что отношения партнерства и стратегического взаимодействия двух стран вступили в новый этап развития. Подчеркнув приоритетность и преемственность формулы, стороны считают, что «важной отличительной чертой китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия является широкая взаимная поддержка в важных вопросах, затрагивающих государственный суверенитет, безопасность и территориальную целостность» [23]. Практическим результатом воплощения формулы в области безопасности стало создание механизма межгосударственных консультаций в этой области. В военной области связи между двумя армиями были выведены на новый уровень развития. Было принято решение о проведении совместных военных учений. В связи с подписанием лидерами двух стран Совместной декларации Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI веке, в Совместном коммюнике отмечалось, что китайско-российские отношения партнерства и стратегического сотрудничества вносят важный вклад в построение нового

международного порядка. Стороны также выразили готовность в духе вышеупомянутой формулы укреплять сотрудничество и координацию в рамках региональных механизмов АТР[24].

Использование формулы китайско-российских отношений в Совместном коммюнике 2005 года затронуло сферу военного сотрудничества и вопросы безопасности, а также было увязано с концепцией о новом международном порядке и сотрудничестве в АТР.

2006 год – это год 10-летия установления доверительных, равноправных отношений партнерства и стратегического взаимодействия. В марте 2006 году состоялся официальный визит президента В.В. Путина в Китай, где он провел встречи с высшими руководителями страны. По итогам визита было принято Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации. По поводу формулы 1996 года стороны отметили непрерывное углубление политического взаимодоверия, плодотворное сотрудничество, эффективное функционирование механизмов сотрудничества, углубление взаимопонимания и дружбы между народами, что говорит о небывалом высоком уровне отношений. Стороны подчеркнули, что мощный импульс всестороннему развитию отношений партнерства и стратегического взаимодействия дает укрепление социальной базы двусторонних отношений, в частности проведение перекрестных годов Китая в России и России в Китае[25]. В данном Совместном заявлении была усилена социальная составляющая формулы китайско-российских отношений.

В ходе государственного визита в марте 2007 года председателя КНР Ху Цзиньтао, его встречи с президентом РФ В.В. Путиным было подписано Совместное китайско-российское заявление. Стороны отметили, что данный визит является новым важным шагом в развитии отношений партнерства и стратегического взаимодействия двух стран. Формула китайско-российских отношений рассматривается как 10-летний фундамент, на котором, руководствуясь долгосрочными целями, будет развиваться сотрудничество в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной сферах, а также в вопросах безопасности. Стороны подтверждают твердую решимость в духе формулы укреплять тесное взаимодействие в АТР. Они также готовы повышать уровень отношений партнерства и стратегического взаимодействия[26].

В целом, новых решений по формуле отношений предложено не было. Данное Совместное заявление явилось итоговым для внешней политики В.В. Путина, продолжавшейся с 2000 по 2008 г., и первым сроком дипломатии Ху Цзиньтао. Формат формулы не изменился. Ее содержание расширилось на все стороны сотрудничества, включая вопросы двусторонней, региональной и международной безопасности. Исчезновение из формулы определений Цзян Цзэминя – «взаимодоверительных и равноправных отношений» свидетельствовало о том, что с новым высшим руководителем Китая необходимо было устанавливать отношения взаимного доверия, недаром во всех совместных документах, подписанных Ху Цзиньтао и В.В. Путиным, стоял вопрос о взаимном доверии; что же касается равноправия, то с начала 2000-х г. Китай достигает высоких темпов развития, китайские руководители говорят о «возвышении Китая» и, вероятно, в этой связи тезис о равноправии становился не особо уместным.

В 2008 году на всеобщих выборах в России президентом страны был избран Д.А. Медведев. Уже в мае 2008 года он совершает государственный визит в Китай и проводит встречи с председателем КНР Ху Цзиньтао. По результатам визита были подписаны два важных документа, в которых затрагивалась формула китайско-российских отношений. В Совместном заявлении по основным международным вопросам формула отношения партнерства и стратегического взаимодействия вошла в преамбулу и заняла свое место в ряду важных совместных деклараций о многополярности мира и установлении нового международного порядка 1997 года и о международном порядке в 21 века 2005 года. Подчеркивалось также историческое значение Договора о добрососедстве, мире и дружбе 2001 года и установления отношений партнерства и стратегического взаимодействия, тем самым был задан высокий исторический и политический статус формулы двусторонних отношений.

В Совместном российско-китайском коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине (23 мая 2008 года) формула отношений обсуждалась в плане результатов и опыта развития за последние годы, современного состояния и перспектив на будущее в духе взаимопонимания и взаимодоверия. Стороны отметили, что «отношения партнерства и стратегического взаимодействия достигли беспрецедентно высокого уровня и находятся на этапе быстрого развития» [27]. Они также подтвердили, что приоритетным направлением внешней политики двух стран будет развитие долгосрочных и стабильных отношений партнерства и стратегического взаимодействия. Стороны также подчеркнули, что главным содержанием формулы двусторонних отношений является взаимная поддержка в вопросах, затрагивающих центральные интересы друг друга. Мощную динамику формуле отношений дают мероприятия перекрестных годов в 2006-2007 гг. Было также указано, что последовательное укрепление материальной основы формулы китайско-российских отношений будет происходить за счет повышения уровня и качества торгово-экономического сотрудничества. Впервые появляется формулировка, что энергетическое сотрудничество является важной составной частью китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия [28].

В целом, применение формулы китайско-российских отношений в совместных документах, подписанных новым российским президентом Д.А. Медведевым, показало высокий статус формулы от-



ношений, преемственность ее употребления, появление новых сторон содержания формулы, как энергетическое сотрудничество, и углубление развития формулы за счет использования определений «долгосрочный» и «стабильный», что усиливало пространственно-временную составляющую формулы.

В Московском совместном заявлении глав государств Китая и России, подписанном во время государственного визита в июне 2009 года в Москву председателем КНР Ху Цзиньтао и президентом России Д.А. Медведевым, формула китайско-российских отношений также нашла свое отражение. Отмечаются три сферы сотрудничества, которые обогащают ее новым содержанием. Во-первых, это энергетическое сотрудничество, в котором конкретно указаны такие направления, как нефть, природный газ, атомная энергетика и электроэнергетика, - которые символизируют, что отношения партнерства и стратегического взаимодействия поднимаются на новую ступень. Во-вторых, новая сфера сотрудничества, которая стала важной составной частью формулы двусторонних отношений, - это защита окружающей среды. В-третьих, гуманитарные контакты политиков старого и молодого поколений также способствуют упрочению формулы китайско-российских отношений[29]. Таким образом, в данном документе формула была представлена в функциональном аспекте с углублением содержания в уже известных сферах и распространение на новую сферу – экологическую.

Во время государственного визита президента РФ Д.А. Медведева в Китай в сентябре 2010 года и его встреч с председателем КНР Ху Цзиньтао было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия. В первый раз за всю историю китайско-российских отношений формула двусторонних отношений вошла в состав титула документа. Тем самым, с одной стороны, была отражена основная характеристика Совместного заявления, с другой стороны, руководители двух стран распространили данную формулу на всю совокупность китайско-российских отношений в целом, не фрагментируя на отдельные направления, как в предыдущих документах.

В июне 2011 года Китай и Россия отмечали 10-летие подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве двух стран. К этой памятной дате был приурочен визит в Москву председателя КНР Ху Цзиньтао и его переговоры с президентом РФ Д.А. Медведевым. По результатам визита стороны подписали ряд документов, важнейшим из которых стало Совместное заявление председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Российской Федерации Д.А. Медведева в связи с 10-ой годовщиной подписания «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ». Подводя итоги развития китайско-российских отношений со дня подписания Договора 2001 года, стороны пришли к выводу, что формула равноправных, доверительных отношений партнерства и стратегического взаимодействия как модель двусторонних отношений до сих пор имеет актуальное значение. Учитывая достижения и успехи китайско-российских отношений за 10 лет, было предложено расширить формулу двусторонних отношений. Именно в этом документе в формулу было включено определение «всесторонний, всеобъемлющий», которое означало развитие сотрудничества во всех областях.

Таким образом, усовершенствованная формула приобрела следующий вид: стороны будут «прилагать усилия, чтобы развивать отношения партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия, которые (характеризуются) равноправием и доверием, взаимной поддержкой, совместным процветанием и многовековой дружбой»[30]. Следует заметить, что стороны только показали свое намерение развивать новую формулу, однако изменение ее базовой составляющей свидетельствовало о том, что наступил новый этап в китайско-российских отношениях.

В 2012 году произошла смена высшего руководства России. В.В. Путин вновь был избран президентом РФ. В июне 2012 года он посетил с государственным визитом Пекин и встретился с председателем КНР Ху Цзиньтао, для которого в этом статусе данная встреча была последней. В ноябре на 18 съезде КПК генеральным секретарем ЦК КПК стал Си Цзиньпин, а в марте 2013 года он также занял пост председателя КНР.

Во время визита В.В. Путина было подписано Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем углублении китайско-российских отношений равноправного доверительного партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия.

Стороны специально заостряют внимание на формуле двусторонних отношений, поместив ее в титул документа. Глагол действия «углублять» и наречие «дальнейший» придают динамику всей конструкции.

В тексте документа формула двусторонних отношений используется только один раз в первой части, где речь идет о целях и принципах взаимоотношений двух стран. В Совместном заявлении повторяется расширенная формула 2011 года, что указывает на преемственность линии российских руководителей в отношении Китая.

Первый визит вновь избранного председателя КНР состоялся в Москву в марте 2013 года. В результате встреч Си Цзиньпина с президентом В.В. Путиным и другими руководителями России было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве и общем выигрыше и углублении отношений партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия. Формула китайско-российских отношений снова оказалась в титуле

документа, что указывает на тенденцию составления Совместных заявлений и выделения основного его содержания в заглавии документа. В тексте Совместного заявления расширенная формула 2011 года выглядит более динамично в связи с изменением прежнего глагола «развивать» на глагол и наречие «в дальнейшем укреплять»[31].

В ходе официального визита президента России В.В. Путина в мае 2014 года в Шанхай. Состоялись переговоры глав государств. Стороны подписали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия. Формула отношений снова фигурирует в титуле документа, причем с изменениями, которые произошли за год после принятия предыдущего Совместного заявления. Прямо в заглавии сообщается, что отношения партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия вступили в новый этап. В тексте документа также есть подтверждение этого тезиса

В заключение документа приводится формула в несколько усеченном виде – «всесторонние равноправные доверительные отношения партнерства и стратегического взаимодействия», то есть как формула Договора 2001 года и инновация Ху Цзиньтао в виде понятия «всесторонние». Выдвижение этой формулы на более высокий уровень станет ключевым фактором защиты центральных интересов в 21 веке и установления справедливого, гармоничного и безопасного мироустройства[32]. В данном случае усеченная формула отражает ее использование в вопросах государственной и международной безопасности.

Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву на празднование дня Победы в мае 2015 года прошла встреча с президентом РФ В.В. Путиным. Стороны подписали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия и о продвижении сотрудничества и общего выигрыша.

Использование формулы двусторонних отношений в титуле уже стало постоянным и показывает четкую направленность и выражает основное содержание документа. В тексте Совместного заявления формула китайско-российских отношений рассматривается как отражение современного этапа двусторонних отношений. Стороны отмечают, «что китайско-российские отношения партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия находятся на лучшем историческом периоде своей истории. Непрерывно и поступательно развиваясь, они вступили в новый период и стали важным фактором, который содействует развитию двух стран, обеспечивает государственную безопасность и повышает статус в мире, они также стали надежной гарантией поддержания мира и стабильности в мире»[33].

Вместе с Договором 2001 года и достигнутыми стратегическими договоренностями формула двусторонних отношений является основой приоритетного направления во внешней политике двух стран.

Рассмотрев формирование, развитие и современное состояние формулы российско-китайских отношений, можно прийти к следующим выводам:

1. Формула двусторонних отношений, в основе которых лежат партнерские отношения, является основным компонентом внешнеполитического инструментария Китая и России.

2. Со времени установления китайско-российских отношений в 1992 году и по настоящее время формула развивалась как структурно, так и содержательно. Изменялось ее местоположение в текстах документов: сначала – в первых абзацах после преамбулы, затем в разных статьях по всему тексту документа в соответствии со сферой сотрудничества, далее - в преамбуле, и наконец – в титуле документа.

3. Процесс внутреннего развития формулы происходил следующим образом: сначала создавалась базовая модель, затем ей придавались определение как новое качество, причем некоторые определения в дальнейшем входили в базовую формулу, а некоторые оставались в рамках расширенной формулы. Переход к новой базовой модели проходил через последовательное усиление формулы глаголами действия.

3. Эволюцию формулы можно разделить на исторические периоды, когда происходили качественные изменения: с 1992 года по 2001 г. (начальный период создания формулы и до закрепления формулы в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве); с 2002 по 2011 г (период разработки формулы и обогащения ее новым содержанием) и с 2012 г. по настоящее время (формула стала ключевым фактором внешней политики двух стран).

4. Современная формула китайско-российских отношений присутствует в базовом формате «отношения партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия», узком формате – «равноправные и доверительные отношения партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия» и в расширенном формате, - «отношения партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия, которые (характеризуются) равноправием и доверием, взаимной поддержкой, совместным процветанием и многовековой дружбой».

5. Использование формулы в будущем имеет широкие перспективы в связи с гибкостью ее структуры и разработанностью ее внутренних элементов за долгий период развития.

### Список источников и литературы:

1. В данной работе автор основывался на собственных переводах китайско-российских дипломатических документах. Интерпретация автора может не совпадать версией документов на русском языке.
2. Внешнеполитический курс 韬光养晦, 有所作为«скрывать свои таланты и заниматься свои делом» был предложен Дэн Сяопином в начале 90-х гг. XX в.
3. 中国当代外交史 (1949-2001) = История современной дипломатии Китая (1949-2001). Пекин: Чжунго циннянь чубаньшэ, 2002. С. 481.
4. 关于中华人民共和国和俄罗斯联邦相互关系基础的联合声明 = Совместное заявление об основах взаимоотношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, 18 декабря 1992 года// <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/1179/t5414.htm>
5. 中俄联合声明 = Совместное китайско-российское заявление, 3 сентября 1994 года// [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content\\_642448.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content_642448.htm)
6. Совместное китайско-российское заявление, 3 сентября 1994 года.
7. История современной дипломатии Китая (1949-2001). С.457.
8. История современной дипломатии Китая (1949-2001). С.457-458.
9. 中俄联合声明 = Совместное китайско-российское заявление, 25 апреля 1996 года// [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content\\_642464.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content_642464.htm)
10. 中国«伙伴关系» 遍布全球 不是伙伴不一定关系差= Партнерские отношения Китая распространяются на весь Земной шар. Если отношения не партнерские не значит, что они хуже партнерских// Синьцзинбао, 06.06.2013//<http://www.chinanews.com/gn/2013/06-06/4900469.shtml>
11. 中华人民共和国和俄罗斯联邦北京宣言= Пекинская декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 18 июля 2000 года// [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content\\_641799.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content_641799.htm)
12. Ларин В.Л. 10 лет Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой// Россия и АТР. 2011. №2.С.90.
13. 中华人民共和国和俄罗斯联邦睦邻友好合作条约=Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией// [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-08/21/content\\_532202.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-08/21/content_532202.htm)
14. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией.
15. 中俄元首莫斯科联合声明= Московское совместное заявление глав государств Китая и России, 16 июля 2001 года// <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/16/20010716/512968.html>
16. 中俄联合声明= Совместное китайско-российское заявление, 2 декабря 2002 года// [http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-12/03/content\\_647349.htm](http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-12/03/content_647349.htm)
17. Совместное китайско-российское заявление, 2 декабря 2002 года.
18. 中华人民共和国与俄罗斯联邦联合声明= Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 27 мая 2003 года// <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/8198/37826/37869/2796159.html>
19. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 27 мая 2003.
20. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 27 мая 2003
21. 中华人民共和国与俄罗斯联邦联合声明= Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 14 октября 2004 года//<http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1026/2920374.html>
22. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 14 октября 2004
23. 中俄联合公报= Совместное китайско-российское коммюнике, 3 июля 2005 года // [http://news.xinhuanet.com/world/2005-07/03/content\\_3169227.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2005-07/03/content_3169227.htm)
24. Совместное китайско-российское коммюнике, 3 июля 2005 года
25. 中华人民共和国和俄罗斯联邦联合声明= Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации, 21 марта 2006 года//[http://news.xinhuanet.com/politics/2006-03/21/content\\_4328502.htm](http://news.xinhuanet.com/politics/2006-03/21/content_4328502.htm)
26. 中俄联合声明= Совместное китайско-российское заявление, 26 марта 2007 года// [http://news.xinhuanet.com/world/2007-03/27/content\\_5899870.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2007-03/27/content_5899870.htm)
27. 中俄元首北京会晤联合公报 = Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине ,23 мая 2008 года//[http://news.xinhuanet.com/politics/2008-05/24/content\\_8246815.htm](http://news.xinhuanet.com/politics/2008-05/24/content_8246815.htm)

28. Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине, 23 мая 2008 года

29. 中俄元首莫斯科会晤联合声明= Московское совместное заявление глав государств Китая и России, 17 июня 2009 года// [http://news.xinhuanet.com/world/2009-06/17/content\\_11558040\\_1.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2009-06/17/content_11558040_1.htm)

30. 中国国家主席胡锦涛和俄罗斯总统梅德韦杰夫关于《中俄睦邻友好合作条约》签署 10 周年联合声明= Совместное заявление председателя КНР Ху Цзиньтао и президента РФ Д.А.Медведева в связи с 10-летием подписания «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ»// <http://court.gmw.cn/lawdb/show.php?fid=146994>

31. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于合作共赢、深化全面战略协作伙伴关系的联合声明= Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве и общем выигрыше и углублении отношений партнёрства и всестороннего стратегического взаимодействия//[http://news.xinhuanet.com/2013-03/23/c\\_124494026\\_4.htm](http://news.xinhuanet.com/2013-03/23/c_124494026_4.htm)

32. 中华人民共和国与俄罗斯联邦关于全面战略协作伙伴关系新阶段的联合声明= Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия//[http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2014-05/21/nw.D110000renmrb\\_20140521\\_3-02.htm](http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2014-05/21/nw.D110000renmrb_20140521_3-02.htm)

33. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于深化全面战略协作伙伴关系、倡导合作共赢的联合声明= Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений партнерства и всестороннего стратегического взаимодействия и о продвижении сотрудничества и общего выигрыша// [http://news.xinhuanet.com/world/2015-05/09/c\\_127780870.htm](http://news.xinhuanet.com/world/2015-05/09/c_127780870.htm)

## ПРОБЛЕМЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Семенова Т.Г.,  
ВКИЯ МИД России

Китайская иероглифическая письменность имеет весьма почтенный возраст, что-то около трех с половиной тысяч лет, и является связующим звеном в китаеязычном пространстве. В современном мире на китайском языке говорят и пишут около полутора миллиардов населения земного шара. А китайскими иероглифами, помимо этнических китайцев, пользуются еще и в Японии, Южной Корее и ограниченно, в основном в прикладном искусстве, в Северной Корее и Вьетнаме.

За долгий путь формирования и развития иероглифическая письменность неоднократно претерпевала различные изменения, но наиболее кардинальным изменениям и унификации эта письменность подверглась в период Цинь, после объединения страны Цинь Шихуаном (221-207 г.г. до н.э.)

Позднее в эпоху Хань (206г. до н.э.- 220 г. н.э.) на основе циньской письменности сформировалось, существующее по сей день, иероглифическое письмо, ханьские иероглифы – «汉字» *hanzi*.

Следующая судьбоносная реформа китайской письменности произошла после образования Китайской Народной Республики. В 50-60 годы прошлого века КНР перешла на упрощенные иероглифы. Основной причиной отказа от традиционной письменности по официальной версии была цель преодоления безграмотности в молодой республике.

С тех пор китаеязычный мир оказался разделенным на две неравные части: те, кто не отказался от традиционной письменности, и те, кто ввел упрощенные иероглифы. Первые остались в меньшинстве – это Тайвань, Гонконг, Макао и некоторые общины китайцев, живущих за рубежом, в основном в США и Канаде, а КНР, Сингапур и китайцы, проживающие в Малайзии, стали использовать упрощенные иероглифы.

В 1971 году место Китайской Республики (Тайвань) в Организации Объединенных Наций было передано Китайской Народной Республике. КНР вошла в ООН, и китайский язык, принятый в материковом Китае, стал наряду с английским, арабским, испанским, русским и французским языками официальным языком этой организации и Совета Безопасности ООН, а китайская письменность на упрощенных иероглифах как неотъемлемая часть языка стала официальной письменностью ООН.

В связи с закрытостью материкового Китая и полувоенным режимом на Тайване какое-то время письменные языки на полных и упрощенных иероглифах развивались параллельно.

В начале 80-х годов прошлого столетия в связи с социально-экономическими изменениями в мире, вслед за началом политикой реформ и открытости в материковом Китае происходит рывок в развитии китаеязычного мира, расширение сферы влияния китайского языка, принятого в КНР. В 90-е годы начинается демократизация на Тайване, в 1996 году к власти приходит первый демократически избранный президент. В 1997 и 1999 годах соответственно Гонконг и Макао входят в состав КНР. Все эти события не могли не повлиять на развитие языка, и между письменными языками двух полюсов китаеязычного пространства возникает явление конвергенции. В связи с этим в научных кругах и на

просторах глобальной сети нарастают споры по поводу китайской письменности: традиционные или упрощенные иероглифы должны стать её визитной карточкой, нужно ли жителям КНР переходить на полные иероглифы, а жителям Тайваня и Гонконга изучать их упрощенный вариант, да и как правильно называть эти знаки, представляющую китайскую письменность по обе стороны Тайваньского пролива.

Все эти вопросы в 2004 году ставит в своём выступлении нынешний президент Тайваня, а на тот момент мэр города Тайбэя Ма Ин-цзю. Самый первый волнующий его вопрос - это правильное наименование иероглифов, которыми пишут на Тайване и в Гонконге. Он считает, что «繁体字» *fanti zi* (繁体字 *fan zi*) - полные иероглифы, точнее было бы именовать «正体字» *zhengti zi* – правильными иероглифами, и просит своих сограждан поддержать эту инициативу тайбэйской администрации. А принятые в материковом Китае иероглифы предлагает называть не «簡體字» *jianti zi* – «сокращенными», а «簡化字» *jianhua zi* - «упрощенными». Он объясняет своё предложение борьбой за чистоту китайского языка как важнейшего инструмента культуры, который следует ценить, ссылаясь на то, что, например, во Франции существует институт Academie Franaise, который стоит на страже чистоты французского языка. Вопрос точности понятий возникает в связи с нарастающим интересом к Китаю и распространением китайского языка в мире. При этом тон здесь задает континентальный Китай и соответственно традиционной письменности ничего не остается, как громче заявлять о себе, чтобы не потерять и без того сократившееся жизненное пространство. Тайвань даже предлагает обратиться в ООН с предложением придать традиционной китайской письменности статус «мирового наследия».

Через 5 лет в 2009 году уже, будучи президентом Тайваня, Ма Ин-цзю вновь обращается к этой теме в статье «大陸[識正書簡]的文化意涵» (Культурное значение «письма упрощенными иероглифами и умения читать полные иероглифы» в континентальном Китае), появившейся в глобальной сети на китайском и английском языках.

Полные иероглифы -繁体字 *fanti zi* - это название для традиционных китайских иероглифов - 傳統漢字 *chuantong hanzi*, которые в официальном языке на Тайване теперь принято называть 正体字 *zhengti zi* - правильными иероглифами. Принимая во внимание двоичность китайских понятий, которые исходят из древнекитайской философии, можно предположить, что у всех этих названий есть пара. Традиционный (傳統 *chuantong*) – нетрадиционный (不傳統 *bu chuantong*), полный (繁 *fan*) – сокращенный (簡 *jian*), сложный (а иероглиф 繁 *fan* имеет и это значение) – упрощенный (簡 *jian*), правильный (正 *zheng*) – неправильный (非正 *fei zheng*).

Стоит ли понимать постановку вопроса о правильных иероглифах неким вызовом новой системе, принятой в КНР? Безусловно, твердое отстаивание традиций предусматривает некое противопоставление новациям. Что же подразумевается под «правильными иероглифами» и почему автор настаивает на изменении китайского названия для упрощенных иероглифов при том, что оба китайских названия практически синонимичны?

Для более точного понимания предложенных терминов обратимся к этимологии слова «正体字» *zhengti zi* - правильные иероглифы. Ма Ин-цзю пишет, что под «正» *zheng* «правильный» подразумевается: «正規» *zheng gui* - according to standard (нормальный, регулярный), «正統» *zhengtong* orthodox (правильный, ортодоксальный, прямая генеалогическая линия) «正式» *zhengshi* - standard, true to tradition (официальный, стандартный). Итак, это официально принятые стандартные иероглифы, унаследованные от прежних поколений. Именно поэтому их не следует называть сложными или полными, так как за последние тысячелетия они не были усложнены, и к ним не добавлялось лишних черт.

Относительно сокращенных или упрощенных иероглифов. Господин Ма настаивает на том, что в КНР в основном пользуются упрощенными иероглифами «簡化字» *jianhua zi*, среди которых есть и сокращенные иероглифы «簡體字» *jianti zi*. На Тайване тоже пользуются сокращенными иероглифами, это 324 иероглифических знака, список которых был официально опубликован в Китайской Республике в 1935 году. В их состав в основном вошли так называемые простонародные иероглифы или иероглифы в ненормативном, обиходном написании «俗體字» *suti zi* и разнописи, вариативные написания иероглифов «異體字» *yiti zi*. Список упрощенных иероглифов, которыми пользуются в КНР, включает 2288 знаков, они были созданы на основе естественным образом возникших сокращений и к ним были добавлены упрощенные иероглифы, созданные в ходе реформы китайской письменности в 1956 году. Таким образом, между сокращенными иероглифами, опубликованными в списке 1935 года и упрощенными, принятыми в КНР в 1956 году существует соответствующая разница. Первые образовались в ходе естественного исторического развития, а последние были искусственно созданы в определенных утилитарных и, вероятно, политических целях.

В последнее время в связи с экономическим и политическим подъёмом КНР, большое внимание во всем мире стало уделяться изучению китайского языка, немалая роль в пропаганде китайского языка принадлежит Школам Конфуция. Они открываются во многих странах, при этом изучение письменности ведется на упрощенных иероглифах, а между тем традиционная иероглифика – это неотъемлемая часть китайской культуры, имеющая огромное значение не только в качестве культурно-

исторического наследия, но и как инструмент, связующий народы большого китаеязычного мира. Глава администрации Тайваня выступает с инициативой более широкого изучения традиционных иероглифов, в том числе и для соотечественников с континента, количество которых за последние годы заметно возросло по другую сторону пролива. Его предложение [識正書簡] *shi zheng shu jian*, то есть «зная традиционные иероглифы, читать упрощенные», заключается в более широком распространении изучения традиционной письменности как носителями китайского языка, так и иностранцами.

К слову сказать, вопрос привлечения большего внимания к традиционным иероглифам волнует не только представителей Тайваня, этот вопрос возникает и в КНР, в первую очередь среди интеллигенции и образованной молодежи. Примерно в одно время со статьёй Ма Ин-цзю на просторах китайского интернета появилось предложение «识繁写简» *shi fan xie jian*, «зная полные иероглифы, писать упрощенными». Эта идея возникла не только в связи с желанием китайской молодежи лучше знать своё культурно-историческое прошлое, но и с целью упорядочивания упрощенных иероглифов.

Имеются в виду следующие проблемы: 1. 符号替代 *fuhao tidai* - замена символов. При первоначальном сокращении некоторые иероглифы были заменены похожими, но редко встречающимися. Например, 廣 *guang* сократили как 广 *guang*, при том, что последний схож с более древним иероглифом 𠂇 *yan*. 2. 草书楷化 *caoshu kaihua* – использование скорописных вариантов. Например, разные по значению 發 *fa* (испускать, проявляться) и 髮 *fa* (швелюра, волосы) заменили одним значком - 发 *fa*. 3. 同音替代 *tongyin tidai* – замена омонимами – 后 *hou* (императрица) и 後 *hou* (зад, задний), 夥 *huo* (компания, сообщество) и 伙 *huo* (еда, пища) и т.п. Существуют даже предложения перейти с упрощенных иероглифов на традиционные. Правда все понимают, что последние 50 лет истории невозможно игнорировать и сразу совершить такой переход. Поэтому предлагается для начала в печатных изданиях КНР сократить количество проблемных упрощенных иероглифов, которые можно понять или интерпретировать неверно. В школьные учебники добавить в качестве приложения сопоставительные таблицы полных и упрощенных иероглифов.

Безусловно, такие предложения в основном исходят от тех, кто использует традиционную графику. Аргументами в пользу традиции служит и историческая преемственность, внешняя эстетичность полных знаков, а так же единое цивилизационное пространство ЮВА и всего китаеязычного мира.

Бурные споры в отношении перехода на традиционную графику происходят в блогосфере Гонконга на фоне все большего вовлечения этой некогда бывшей английской колонии в сферу влияния коммунистического Китая. Здесь сталкиваются мнения непримиримых противников упрощенной письменности с теми, кто трезво и прагматично оценивает реальность и будущее развития китайской письменности.

За 15 лет с момента возвращения Гонконга Китаю многие жители полуострова постепенно приывают к упрощенной письменности, принятой в материковом Китае, появлению надписей и рекламных щитов на упрощенных иероглифах. Однако существует немало граждан не склонных изменять традиции и сдаваться перед напором новой письменности. Упрощенные иероглифы для них – инвалиды 殘体字 *canti zi*, не достойные серьёзного внимания.

В поддержку своей позиции один из блогеров приводит пример своего общения с заказчиком рекламного буклета из Ханчжоу (КНР), который просил сделать рекламу своего товара на английском и китайском языках, причем обязательно на полных иероглифах, мотивируя своё желание тем, что традиционная письменность гораздо больше отвечает современным тенденциям.

Более того, некоторые пользователи интернета считают, что интерес туристов, приезжающих с материка в Гонконг подчас связан с интересом к полным иероглифам, и делают прогноз о возможности восстановления традиционной письменности и в КНР.

В лингвистические дебаты вмешивается и политика. Некоторые гонконгские блогеры полагают, что политика «Одна страна – две системы» (一國兩制 *yi guo liang zhi*), которую проводит коммунистический Китай, постепенно ведет к усилению позиций материкового Китая в Гонконге, а это в свою очередь влияет и на традиционную письменность, которая поглощается письменностью на упрощенных иероглифах, что можно по аналогии с выше приведенной формулой выразить как «Одни иероглифы – два написания» (一字兩体 *yi zi liang ti*). И автор весьма обеспокоен наступлением упрощенных иероглифов, искусственно созданных 50 лет назад на традиционную письменность, насчитывающую более 2000 лет истории. Блогер предупреждает, что нельзя слепо следовать тенденции постепенного замещения традиционной письменности упрощенными иероглифами. Он напоминает, что, если бы в своё время Китай последовал предложению Мао Цзэдуна провести реформу письменности с переходом на алфавит, то культурное наследие в виде традиционных иероглифов навсегда могло быть утрачено.

Однако в гонконгской блогосфере существует и другая, более умеренная позиция, противостоящая подобным алармистским настроениям. Это, как правило, те, кто работает с континентальным Китаем. Это образованные молодые люди, знающие как традиционные, так и упрощенные иероглифы. Они считают, что изучение упрощенных иероглифов значительно расширяет их собственные возмож-

ности, ведь упрощенная письменность уже давно является одним из инструментов, связывающих между собой китайцев в разных уголках мир: в континентальном Китае, Малайзии, Сингапуре.

Как пишут некоторые пользователи интернета: «Знать сокращенные иероглифы и не владеть полными – это проблема, но знать полные и не владеть сокращенными тоже нельзя». Сейчас во многих средних школах Гонконга учащиеся изучают путунхуа – общераспространенный китайский язык, принятый в качестве официального в КНР, а вместе с ним изучают и письменность на сокращенных иероглифах, что предоставляет им более широкое поле деятельности. Однако это отнюдь не означает, что нужно полностью отказаться от традиционной письменности на полных иероглифах.

Традиционные иероглифы – это не только культурно-историческое наследие прошлого, позволяющее связывать многовековую историю Китая и сопредельных с ним государств, это живая функционирующая в настоящее время письменность, которая подчас позволяет лучше узнать смысл сокращенных иероглифов.

В тоже время упрощенная письменность – это важный элемент новой культуры. Огромное количество китаезычных граждан привыкли пользоваться упрощенными иероглифами, и переход на другую письменность создал бы массу трудностей.

Оба варианта письменности имеют право на существование и дальнейшее развитие, так как оба являются неотъемлемыми элементами постоянно развивающейся китайской культуры.

### Список литературы:

1. Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983.
2. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная литература. РАН, 2010.
3. The Cultural Significance of «Writing in Simplified Chinese Characters While Maintaining a Reading Knowledge of Orthodox Forms» in Mainland China. 2009/06/23. <http://english.president.gov.tw/Default.aspx?tabid=1136&itmid=20800&rmid=3049#top>
4. Ган мэ: Цзэнмэ кань цзяньти цзы цзай Сянган. <http://news.takungpao.com/hkol/topnews/2013-07/1780974.html>
5. Ма Ин-цзю: Тайвань бу хуэй гай цзяньтицзы, дань хуэй юн фань, цзянь дуйчжао. [http://news.xinhuanet.com/tw/2008-07/06/content\\_8497936.htm](http://news.xinhuanet.com/tw/2008-07/06/content_8497936.htm)
6. Тайбэйши Ма шичжан Ин-цзю ли вэйжуань гунсы яньцзян цзилу. [http://theme.taipei.gov.tw/cgi-bin/SM\\_theme?page=424aab17](http://theme.taipei.gov.tw/cgi-bin/SM_theme?page=424aab17)
7. Ханьцзыцзяньхуачжэньлунь. <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%BC%A2%E5%AD%97%E7%B0%A1%E5%8C%96%E7%88%AD%E8%A9%96>
8. Цзунтун фабяо Далу «ши чжэн хуа цзянь» де вэньхуа ихань. <http://www.president.gov.tw/Default.aspx?tabid=131&itmid=15162&rmid=514>
9. Чжунвэнь «Фань цзянь чжи чжэн» <http://olddoc.tmu.edu.tw/Taiwanese-3/Tai-go-0007.htm>

## "МЯГКАЯ СИЛА" КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КНР

*Сергеева А.А.  
ИсАА МГУ*

С приходом к власти пятого поколения китайских руководителей в политическом лексиконе появилась новая идеологема или призыв руководства КНР к «реализации китайской мечты» - «великого возрождения китайской нации» [3,08.03.13]. В научных публикациях и СМИ можно встретить различные интерпретации данного термина, который продолжает вызывать горячее обсуждение как в Китае, так и за рубежом. Приведем высказывание из сборника (отражающего официальную точку зрения) «XVIII Всекитайский съезд КПК: Китайская мечта и мир»: «Мечта Китая - это мечта о национальном достоинстве, а не мечта об империи. В памяти китайцев до сих пор живы воспоминания о постепенном упадке китайской нации и национальном позоре после Опиумных войн, поэтому они горячо надеются на национальное возрождение и национальный подъем. Мечта о национальном возрождении и национальном подъеме - это не что иное, как желание жить лучше и пользоваться ем. ....Китай хочет, чтобы его уважали....Для реализации китайской мечты в условиях новой ситуации нужно консолидировать все силы внутри Китая, а также добиться поддержки, понимания и принятия Китая со стороны мира» [10, с.6-11].

В современном глобализирующемся мире все большее влияние приобретают непрямые способы воздействия на оппонента, особые инструменты влияния, формирующиеся на культурно-идеологической основе или под влиянием особого мировоззрения, способствующего изменению или формированию идентичности. Одной из таких форм политического влияния является «мягкая сила»

страны, и для Китая этим является, прежде всего, китайская культура в широком смысле слова, включая историю, знания о современном Китае и китайский язык. Руководство КНР прекрасно осознает эффективность «мягкой силы» в реализации внешнеполитических задач государства, а именно: превращение страны к середине XXI века в ведущую мировую державу. Целью данной политики является усиление влияния Китая путем укрепления экономических позиций, выстраивания привлекательного образа государства, роста его международного влияния, усиление собственной «культурной безопасности» от воздействия чужих влияний (иных субъектов международной политики), создание безопасного окружения для дальнейшего поступательного развития страны.

Руководитель КНР на выступлении во время 12-й коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК XVIII созыва призвал: «Чтобы повысить «мягкую силу» страны, мы должны стремиться к распространению концепции ценностей современного Китая....это и есть концепция ценностей социализма с китайской спецификой. Чтобы повысить «мягкую силу»,... необходимо показать уникальность китайской культуры,... надо создавать новый имидж Китая, уделяя внимание демонстрации культурной державы....необходимо стремиться к тому, чтобы повысить голос Китая на международной арене» [7, с.224-226].

Следующую трактовку термина «мягкая сила» [6] применительно к своей стране дают ведущие ученые КНР. Китайский обществовед, профессор Ху Аньган считает идею «гармонии» (кит.термин «хэсе») основной составляющей «мягкой силы» Китая.

Политолог Юй Кэпин полагает, что «в эпоху глобализации необходимо эффективно защищать суверенитет государства, наращивать государственную мощь. Одной экономической и военной силы здесь недостаточно. Нужны еще внутренние силы политики, культуры, морали и справедливости» [1, с.326]. Ректор Дипломатического института Ву Цзяньминь пишет о том, что «в основе твердой силы лежит мягкая, а ядром мягкой силы является культура». Декан Института современных международных отношений университета Цинхуа, Янь Сюэтуан, подчеркивает, что «основой «мягкой силы» является реальная политическая сила, мобилизационные способности страны для реализации ее внутренней и внешней политики» [8, с.76], добавляя при этом, что «популярность и уважение только лишь к китайской культуре не повлечен автоматического уважения к стране и улучшения ее имиджа, необходимо усовершенствовать политическую систему и решать социальные проблемы страны» [4,с.58].

По мере экономических завоеваний Поднебесная стала уделять все больше внимания таким инструментам внешней политики, как «мягкая сила» и «народная (или публичная) дипломатия». На IV Пленуме ЦК КПК XVI созыва (2004 г.) была поставлена задача распространения китайской культуры вовне для укрепления комплексной силы Китая, продвижения китайской культуры, повышения ее международного влияния. Началом практической реализации этой программы на современном этапе стало открытие по всему миру центров по продвижению китайского языка и культуры, получивших название институты и классы Конфуция, а также проведение таких широкомасштабных международных мероприятий, как Олимпиада 2008 года в Пекине, всемирная выставка ЭКСПО-2010 в Шанхае и ряда других.

Официальным закреплением данной политики стало Постановление ЦК КПК по вопросам углубления реформы в сфере культуры (было принято в 2011 году на VI пленуме ЦК КПК XVII созыва), развития и подъема социалистической культуры, куда были включены производство, товары и обслуживание в сфере культуры. Руководством страны была поставлена задача повысить эффективность и культурную составляющую так называемой «мягкой силы» не только для усиления привлекательности китайской культуры за рубежом, но и для самого современного китайского общества, переживающего падение нравов и морали, утрату консолидирующих ценностей нации.

Целый ряд ключевых ведомств и институтов страны занимаются выработкой и реализацией политики продвижения китайской «мягкой силы» за рубеж, в который входят: Государственный Совет, Центральная партийная школа при ЦК КПК, Отдел международных связей ЦК КПК, партия Чжигундан, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции, Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (сокр. Ханьбань), Ассоциация публичной дипломатии, телеканал ССТВ-4, китайский стипендиальный совет и центр по обслуживанию обменов, Всекитайская федерация промышленности и торговли, Китайский совет по продвижению международных инвестиций, агентства Синьхуа и другие организации. Между ключевыми ведомствами действует жесткая и централизованная система взаимодействия, исключая негосударственные субъекты из процесса выработки и принятия решений. С начала 2000-х гг. в КНР была заложена широкая нормативно-правовая база: прежде всего, это программные партийные документы съездов КПК и пленумов ЦК КПК, положения других нормативно-правовых актов, таких как, например, «Закон КНР об образовании» (глава, посвященная зарубежным обменам и сотрудничеству в сфере образования), «Белая книга о мирном развитии», «Синяя книга о новых СМИ» и др.

Основными инструментами реализации политики «мягкой силы» за пределами Китая, названными в китайских СМИ «тремя богатствами» или «тремя мостами», являются китайские образовательные учреждения (речь пойдет, прежде всего, о сети институтов и классов Конфуция), объединения зарубежных китайцев и китаезычные СМИ.



**Реалии и перспективы использования китайского языка как важного ресурса «мягкой силы».** С начала 2000-х гг. изучение языка и культуры Поднебесной стало модным трендом, а некоторые страны буквально охватила «лихорадка китайского языка». Причиной возникновения данного явления явились совокупность условий как в самом Китае, так и за рубежом. Осознавая растущую мощь и влияние Китая, изучение китайского языка становится для многих фактором успешной карьеры, возможности найти лучшую работу, открытия более широких коммерческих перспектив. Для стран, динамично развивающих торгово-экономическое партнерство и долгосрочное сотрудничество с Китаем, изучение и преподавание китайского языка стало особенно необходимым. Так, например, в странах Восточной и Юго-Восточной Азии некоторые экспортно-импортные компании внесли знание китайского языка в качестве необходимого критерия для приема на работу. С другой стороны, значительную роль в распространении языка и культуры играет активная политика руководства КНР в данном направлении, прежде всего развитие системы институтов Конфуция и различных культурных и научно-исследовательских центров.

Глобальной сетью институтов Конфуция [11] охвачены многие страны мира, в том числе и Россия. Количество институтов и классов Конфуция, создаваемых Государственной канцелярией по распространению китайского языка (создана в 1984 г.) за рубежом при правительстве КНР, сейчас насчитывает 474 института и 851 класса в 126-ти странах мира [12]. Первый институт Конфуция появился в 2004 году в Южной Корее (г. Сеуле). Институты и классы Конфуция являются некоммерческой общественной организацией, целью которой является преподавание китайского языка и распространение китайской культуры. Кроме того, в задачи Института входит проведение научных конференций, популяризация языка и культуры через различные мероприятия и конкурсы, посвященные Китаю, а также проведение квалификационного теста на знание китайского языка (HSK), подготовка и издание учебной литературы по китайскому языку, студенческие и преподавательские стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР.

Еще одно направление – это государственные стипендии для иностранных студентов и преподавателей на обучение и стажировку в Китае. В 2014 году в Поднебесной обучалось более 377 тыс. иностранных студентов, из которых более 90% обучалось за свой счет [13]. Так, по данным Комиссии по государственным стажировкам при Министерстве образования (существующей с 80-х гг.) на эти цели китайские власти выделили 650 млн. юаней (около 80 млн. долл.) [14]. Отдельно стоит выделить фонд Цзян Цзинго [15] (названного в честь бывшего президента Тайваня), активно финансирующего проекты и гранты иностранных китаеведов, в том числе из России и Восточной Европы.

Стоит упомянуть Центр зарубежного китаеведения [16], созданный на базе Пекинского университета иностранных языков в 1996 году. Задачей которого является развитие теоретического китаеведения в Китае и за рубежом, финансирование некоторых научных программ иностранных исследователей, в том числе и специалистов из России. Центром были реализованы следующие проекты, среди них переводы и выпуск: «Истории преподавания китайского языка в России в начальный период», «Краткой истории православия в Китае», «Истории синологии в России», «Русской духовной миссии в Пекине» и многие другие.

Начиная с XVII съезда КПК (2007 г.) основание китайских культурных центров (далее ККЦ) по всему миру приобрело значительный размах. В настоящий момент насчитывается 20-ть ККЦ, в том числе в Египте, Австралии, на Мальте, во Франции, Южной Корее, Германии, Японии, Монголии, Таиланде, России, Испании, Сингапуре, Пакистане, Шри-Ланке, Сербии, Мексике, Дании и в ряде стран африканского континента. Планируется открытие центров в Турции, Румынии, Венгрии, Италии, Великобритании. Китайским правительством в реализацию проекта ККЦ вложено уже более 130-ти млн. юаней [17]. «План по развитию ККЦ за рубежом» внесен в повестку XIII пятилетнего плана социально-экономического развития КНР (2016-2020 гг.).

**Китайская диаспора и СМИ.** Потенциал зарубежных диаспор активно используется для продвижения своих национальных интересов целым рядом государств во всем мире. Для этого вырабатываются официальные концепции или программы по взаимодействию с диаспорами, поддержка зарубежных соотечественников становится важным направлением во внешнеполитической деятельности страны. В КНР на протяжении длительного времени была выработана достаточно продуманная политика в отношении зарубежных китайцев, являвшаяся составной частью общего внешне- и внутривнутриполитического курса пекинского руководства, которое всегда старалось сплотить вокруг себя зарубежных китайцев. Китайская диаспора, адаптированная к новым современным условиям, в свою очередь, заинтересована в продолжении экономического сотрудничества, сохранении своей этнокультурной идентичности и духовных связей с Китаем. В 2005 году на Всекитайском съезде по работе с зарубежными соотечественниками председатель Ху Цзиньтао выдвинул концепцию «трех больших достижений: использование потенциала хуацяо в построении общества малого достатка, в борьбе против независимости Тайваня и в продвижении китайской культуры во всем мире». Так, в контексте «построения могущественного культурного государства» Канцелярией по делам хуацяо при Госсовете КНР были реализованы следующие программы: «Культурный Китай. Расцвет на четырех морях», «Китайские таланты и искусства», «Китайская традиционная медицина», «Красочная Юньнань», «Прекрасная Сычуань» и другие программы для осуществления стратегии «выхода вовне» с помо-

щью участия зарубежных китайцев. Однако сложно говорить об эффективности подобных мер, когда зачастую оплату расходов на гастроли и выставки берет на себя китайское правительство, в данных мероприятиях принимают участие представители диаспоры и китайские студенты, нет ориентации на основную часть общества в зарубежной стране. Руководством страны ставится задача, чтобы данная культурная продукция была востребована за рубежом, иностранные потребители были бы готовы заплатить за нее. Для этого необходимо создать притягательность китайской культуры, в то же время соответствующей привычкам и запросам зарубежных потребителей.

**СМИ и печатная продукция.** Ежедневно по всему миру выходят более 100 газет, осуществляют свою деятельность более 70-ти радиостанций, 50-ти ТВ каналов на китайском языке, а веб-сайтов невозможно подсчитать [9, с.184]. Все эти меры способствуют развитию заинтересованности в китайской культуре и языке в разных странах мира. Однако и на этом пути существует множество препятствий и вызовов. Например, соотношение импорта к экспорту книжной продукции в Китае составляет 10:1, а основной экспорт китайской книжной продукции направлен в азиатские страны и ориентирован преимущественно на ареал Сянган-Аомэнь-Тайвань, лишь 1 из 100 экспортных книг, популяризирующих китайский язык и культуру, отправляется в США и Европу [5, с. 27]. Пользующаяся успехом кинопродукция (Великий мастер, Кунфу-панда, Хуа Мулань) носит скорее развлекательный характер и отражает традиционную культуру, не помогая в восприятии современного Китая. Сложно вспомнить успешные культурные китайские брэнды, созданные для зарубежного потребителя. Не всегда хватает креативности и не учитываются особенности местного восприятия. Так, в некоторых странах (Индонезия, Малайзия) малейшее проявление активности в китайской среде воспринимается как угроза, что связано с печальным историческим опытом. Здесь необходимо сохранить баланс и гармонию с принимающими странами, так как в разных странах осуществляется различная политика адаптации мигрантов. Необходимо сохранить равновесие между выстраиванием положительного образа Китая и соблюдением национальной безопасности этих стран. В 2012 г. в газете «Koran Tempo» была опубликована статья читателя с предложением о роспуске и последующем запрете китайских организаций, которые являются «пятой колонной Китая» [2, с.76]. Также в статье критиковалась поведение официальных лиц диаспоральных организаций, утверждалось близость посольств КНР с этими структурами. Подобные высказывания, безусловно, не являются официальной точкой зрения властей, но отражают тон и характер опасений со стороны местного населения в отношении китайской диаспоры.

**Китайский VS английский?** Китайский язык является одним из официальных языков ООН и ШОС, на нем говорят в КНР, на Тайване, Сингапуре и во многочисленных и весьма влиятельных китайских диаспорах по всему миру. Например, изучение китайского входит в школьную программу Малайзии и Сингапура. Надо сказать, что в данном регионе (ЮВА) этнические китайцы сумели занять лидирующие позиции в важных сферах национальных экономик, сосредоточив в своих руках огромные финансовые потоки. Здесь активно выступают различные ассоциации зарубежных китайцев, китайская диаспора организует детские сады и школы с изучением китайского языка, открываются высшие учебные заведения и СМИ на китайском языке.

Бесплатные государственные программы изучения китайского языка на территории КНР и Тайваня (краткосрочные программы «Приникнуть к родным корням») весьма популярны среди зарубежной китайской диаспоры, которая отправляет своих потомков на историческую родину для изучения языка вместе с китайской историей и культурой.

Сейчас в регионе ЮВА китайский язык активно соперничает с английским, так, Торгово-Промышленная Палата КНР в Сингапуре уже нескольких лет организует курсы по изучению бизнес-китайского, а с 2009 года правительство Сингапура оказывает материальную поддержку изучающим китайский язык. Для многих специалистов крупных компаний английский уже не имеет того судьбоносного значения, как раньше, ведь большинство клиентов ориентированы на Китай и просят необходимую языковую поддержку в налаживании бизнес-контактов с местными предпринимателями. Несомненно, что английский язык стал обязательным атрибутом для каждого образованного человека, но теперь появилась необходимость понимать и китайский. Сможет ли китайский язык разделить с английским лидирующие позиции в региональных международных отношениях? Однозначно ответить на этот вопрос очень сложно. Ареал влияния китайской культуры ограничен, преимущественно, АТР и ЮВА, регионами с преобладающими конфуцианскими и буддистскими ценностями. В то же время рост китайского влияния тревожит соседей по региону, вынуждая их искать союзников (преимущественно в лице США) для уравнивания роста силы Китая. Освоение китайского языка оказывается долгим и трудоемким процессом, а все большее количество китайцев в разной степени овладевает английским языком, на котором ведутся большинство международных переговоров и конференций.

**Перспектива на будущее.** При всех своих успехах и завоеваниях во внешнеполитическом и экономическом плане весьма спорным остается вопрос об успешности популяризации китайской культуры и ценностных ориентиров китайской нации. В ряде оценочных суждений китайских специалистов высказывается следующая мысль: несмотря на самобытность, древность и богатство китайской культуры, Китай пока не выработал универсальной системы мировоззрения и ценностей, подходящих для всех. Формирование позитивного зарубежного общественного мнения формируется через

китайские правительственные общественные организации, которые до сих пор контролируются государственно-партийной властью. Вместе с тем информация в СМИ строго контролируется, отсутствуют независимые НПО, традиционно являющиеся проводниками «публичной дипломатии» во многих странах, спорным остается вопрос о соблюдении прав человека. Несмотря на повышения рейтингов китайских вузов, представители китайской элиты предпочитают отправлять своих детей на обучение за рубеж. Культурные индустрии не имеют мирового масштаба и ориентированы, прежде всего, на внутреннего потребителя. При этом западная массовая культура и распространение Интернета, как важнейшие элементы иностранной «мягкой силы», оказывают значительно большее влияние на китайское общество, особенно на молодежь, которая ориентируется все больше на западные ценности и образ жизни. К власти постепенно приходит на смену новое поколение, получившее образование в лучших вузах Европы, Великобритании и США. Несмотря на усилия агентства Синьхуа и центрального китайского телевидения, ряда китайских газет и журналов, информация о Китае имеет централизованный характер и зачастую превращается в государственную пропаганду. Нельзя игнорировать и то, что за рубежом Институты Конфуция воспринимаются как проводники иностранного влияния, отражающие официальную точку зрения КПК, транслирующие позицию, отличную от мнения западных обществ по таким вопросам, как Тибет и Тайвань, секта «Фалуьнгун» и по ряду других вопросов. остро стоит вопрос о выборе программ, учебных и методических пособий, выстраивании учебного процесса и преподавании китайского языка исключительно китайцами на базе китайских образовательных учреждений в ряде зарубежных стран. Для многих учебных заведений подобная позиция представляет вмешательство в свою внутреннюю политику, высказываются мнения о несоблюдении законов стран пребывания, что может приводить к восприятию этих структур как инструментов политического влияния Китая.

### **Заключение**

Китай провозглашает уважение к многообразию путей развития различных стран и культур, ищет свой путь повышения международного влияния и престижа, не пытаясь вести идеологическую борьбу с Западом в мировом масштабе. В Китае подчеркивают необходимость налаживать диалог со всем миром и, прежде всего, со странами Запада, подчеркивается наличие общих интересов, происходит интенсификация научно-гуманитарных контактов и обменов, проводится линия на последовательное укрепление международного авторитета путем формирования позитивного общественного мнения. Руководство Китая обладает достаточным опытом в реализации «народной дипломатии» и политики «мягкой силы». Активное распространение китайского языка и достижений культуры, знаний о древнем и современном Китае является составной частью проводимой КНР политики по проведению «китайской глобализации» и создания «могущественного культурного государства» в рамках «гармоничного мира», что должно стать эффективным инструментом для решения внутренних и внешних задач развития страны. Насколько быстро и успешно будет проводиться данная программа и в какой мере «китайская мечта» заменит «американскую» – покажет время.

### **Литература и интернет-источники:**

1. Абрамов В., Абрамова Н. Ценностный потенциал китайского «могущественного государства» в проекциях глобального развития. Восточная книга. 2014.
2. Дай Фан. From United Front to within: Thoughts on the development of China» s Overseas Chinese Policy Over the Past Ten Years // Southeast Asian studies.2013, #4.
3. Жэньминь жибао, 8 марта 2013.
4. Кривохиж С.В. Публичная дипломатия КНР: становление и развитие. Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург. 2014. Режим доступа: <http://www.dslib.net/mezhdunarodnye-otnoshenia/publichnaja-diplomatija-kitajskoj-narodnoj-respubliki-stanovlenie-i-razvitie.html>
5. Лю Фэнцзе. Дефицит культуры // Юэхай фэн. 2010, №2.
6. Обычно в качестве средств «мягкой силы» Китай использует дипломатию, экономическую (включая инвестиции и торговые преференции) и гуманитарную помощь, научные и образовательные программы, морально-этические ценности и привлекательность духовной и материальной культуры традиционного и современного Китая.
7. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин. 2014.
8. Фань Жусун. Работа с хуацяо: теория и практика. Шицзе чжиши чубаньшэ. 2012. Пекин.
9. Чэнь Юншэн. Зарубежные китайцы и модернизация Китая. Пекин. Гуанмин жибао чубаньшэ. 2012.
10. XVIII Всекитайский съезд КПК: Китайская мечта и мир. Под редакцией Хуан Хуагуана и Луань Цзяньчжана. Издательство лит-ры на иностранных языках. Пекин. 2013.
11. <http://www.hanban.edu.cn/>
12. [http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node\\_10961.htm](http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm)
13. <http://politics.people.com.cn/n/2015/0205/c1001-26509919.html>
14. [http://www.chinadaily.com.cn/zgrbjx/2010-02/01/content\\_9404154.htm](http://www.chinadaily.com.cn/zgrbjx/2010-02/01/content_9404154.htm)

15. <http://www.cckf.org/index-e.htm>
16. <http://www.sinologybeijing.net/cn>
17. <http://cn.cccweb.org/portal/site/Master/index.jsp>

## ВКЛАД VIII, IX, X МИССИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ТРЁХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ ПЕКИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ.

Силакова С.А.  
ИМОИВ КФУ

Историю Российской духовной миссии в Пекине, включающую в себя более чем двухвековую историю, можно условно разделить на три периода, неравных по своей длительности. Это: ранний период, так называемый «добичуринский», период начала активного изучения культурно-исторического наследия Китая – «бичуринский», а также самый длительный период в истории Миссии – «период Петра Каменского». Основное развитие Русской Миссии в Пекине было дано на стыке трёх периодов, то есть во времена трех православных миссий: восьмой (1794-1807гг), девятой (1807-1820гг) и десятой (1821-1830гг), чей вклад в организацию деятельности Пекинской миссии невозможно недооценить.

Период, предшествовавший отправке восьмой миссии в 1794 году во главе с архимандритом Софронием (Грибовским), не внёс большого вклада в развитие отечественного востоковедения. Главной задачей российской *Миссии того времени, в отличие от миссий других держав, было сохранение православной веры албазинцев и членов их семей*. "Дикообразные албазинцы, остав от своего священника, совершенно следовали своих жен наставлениям и потому стали во всей точности соблюдать китайские обряды, подражая китайцам не только в обычаях, но и в вере ...и потому их дети по руководству своих матерей остались совершенными идолопоклонниками", - писал о создавшемся положении среди бывших албазинцев архимандрит Софроний Грибовский.[11;8] К тому же, за неимением и невозможностью организации дипломатического представительства молодой Российской империи в цинском Китае, православная миссия выполняла функцию посредника в межгосударственных отношениях.<sup>1</sup>

Несмотря на то, что для первых миссий не существовало определенных регламентаций их деятельности, началось изучение языковых особенностей, культуры, философии и истории Китая. Благодаря Пекинской духовной миссии уже с XVIII века у России появились профессиональные переводчики и китаеведы. Однако, что примечательно, по большому счету развитие китаеведения в XVIII веке основывалось на трудах не миссионеров, а учеников при Миссии. Несмотря на своё тяжелое моральное и материальное положение, преимущественно они и создавали ценные труды, способствовавшие развитию китаеведения. Ярким примером тому может служить деятельность ученика седьмой миссии Антона Владыкина. Невзирая на малое количество публикаций и переводов, он оставил след в истории изучения Поднебесной за счет преподавания им маньчжурского и китайского языков в Коллегии иностранных дел Петербурга. Ученик третьей и четвертой миссии Алексей Леонтьев создал первый русско-китайско-маньчжурский разговорник, а также совместно с учеником второй миссии Илларионом Россохиным опубликовал множество трудов по истории и этнологии маньчжуров и китайцев.[14] Совместными усилиями учеников шестой миссии (1771-1781 гг.) был создан первый маньчжуро-русский словарь.[4]

Появление в 1794 году архимандрита Софрония (Грибовского) во главе восьмой миссии ознаменовало эпоху своеобразного Ренессанса. Отец Софроний был первым руководителем, кого всерьез волновала проблема необходимости изучения материального и духовного наследия Поднебесной. Новаторство его решений состояло в организации обучения миссионеров и учеников китайскому и маньчжурскому языку с помощью частных учителей. Его же осуществленным планом стало обустройство миссионерской библиотеки, что раскрывало большую возможность для пополнения знаний и более глубокого изучения истории и языков Китая. Ко всему прочему, архимандрит стремился перевести всё богослужение на китайский язык, так как процесс китаизации потомков албазинцев ускоренно развивался; а также организовать специальную подготовку учеников в Иркутске перед отправкой в Поднебесную, состоящую в изучении азов китайского языка, что позволило бы облегчить первое время пребывания в Бэй-гуане.

Грибовский стал практически первым, кто начал создавать единую историю Православной Пекинской миссии. Несмотря на непрофессиональное написание этих произведений и большое количество заимствований текстов из работ Леонтьева, Агафонова и миссионеров-католиков[1;344-350],

---

<sup>1</sup> Такая деятельность продолжалась вплоть до 1864 года, когда ослабшие в ходе Опиумной войны Цины согласились на организацию посольств иностранных держав.

стоит отметить новаторство Грибовского, состоящее в том, что до него никто не пытался соединить истории всех миссий воедино.

Миссия под руководством Софрония Грибовского стала вспомогательной ступенью для получения новых достижений последующих миссий. Время пребывания в Бэй-гуане архимандрита Софрония и восьмой миссии – это окончание первого этапа развития и начало второго в истории русских миссионеров, так называемый «бичуринский» период, названный по имени начальника IX миссии о.Иакинфа (Бичурина). Этот период (1809-1821) стал временем настоящего расцвета российского китаеведения, когда научные познания о Китае и Дальнем Востоке в целом продвинулись далеко вперед, превзойдя достижения предыдущих миссий вместе взятых.

Новая миссия, во главе которой встал архимандрит Иакинф Бичурин, принципиально отличалась от предыдущих. Отец Иакинф со всей живостью начал изучать письменный и устный китайский язык. Для обогащения своих познаний архимандрит решил пользоваться не только «мертвыми» материалами – трудами, написанными соотечественниками-миссионерами, а также уроками с приглашенными китайскими учителями. Чтобы прочувствовать все особенности и тонкости разговорного языка, Бичурин первым применил весьма необычный метод: одетый в китайский костюм он ходил по базарам, ярмаркам и всевозможным лавкам и, показывая на какой-нибудь предмет, просил написать его название иероглифами и записывал произношение. Полученные таким образом знания он проверял уже с учителем китайского языка.[9;664]

Данный метод приносил видимые результаты, и, по словам очевидцев, в процесс изучения восточных языков живо включились и ученики, служившие в Бэй-гуане. Для упрощения обучения Иакинф решил создать китайский словарь, который в дальнейшем разросся до поражающих объемов. Кипучей энергии миссионера хватило даже на то, чтобы переписать свое творение порядка четырех раз. Бичурин создал первый полноценный русско-китайский словарь, которому не было равным прежде ни по объему, ни по научной ценности.

Почти вековая история Миссии «добичуринского» периода отличалась тем, что православные священнослужители жили практически уединенно, не имея связей с европейскими миссионерами, а глава IX миссии, горя стремлением больше узнать Поднебесную, расширил контакты и начал общение и переписку с католическими миссионерами, изучал труды иностранных востоковедов А.Семедо, Ж.Мая, Ж.Б.Грозье.

Иакинф Бичурин положил основу создания принципиально новой отрасли российской науки – научному востоковедению. Вся деятельность миссии была практически направлена на изучение Китая и близких к нему областей, а также языка, культуры, литературы, философии, декоративно-прикладного искусства, медицины. В 1815 году Бичурин перевел с китайского «Четверокнижие»<sup>1</sup> - произведение, представляющее собой ключ к переводу других китайских научных и философских книг. Перевод «Описания Пекина», написанный уже в 1817 году, включал в себя план города, проверенный и выверенный отцом Иакинфом самолично, получил одобрение не только русской, но и иностранной общественности. К пекинскому периоду жизни архимандрита относят также около 20 рукописей. Это не только труды по истории и географии, но и китайской медицине, философии и ирригации.[6]

Как и архимандрит Софроний, отец Иакинф предлагал для реализации несколько проектов, способствующих развитию изучения Поднебесной. Согласно данному плану ученики, посылаемые в Китай, должны уже были иметь необходимые базовые знания о языке, культуре и истории. Первые пять лет их пребывания в Бэй-гуане должны были проходить в изучении китайского языка. Шестые и седьмые года посвящены освоению «Четверокнижия». Последние годы были по плану свободными, то есть ученик мог выбрать к изучению любой интересующий его предмет. Членам миссии было прописано пятилетнее изучение двух языков (китайского и маньчжурского), а затем освоение по собственному выбору любого направления китайского художественного промысла.

Вклад участников IX миссии в отечественное китаеведение сложно переоценить: научному изучению были подвергнуты ранее не затрагиваемые аспекты. Российские востоковеды далеко продвинулись в изучении китайского, маньчжурского и монгольского языков, создали достаточно подробное описание китайских декоративно-прикладных искусств, географии, философии и даже повседневной жизни. Однако в деятельности девятой миссии существовала особенность, существенно отличавшая её от рассматриваемых нами восьмой и десятой миссий. Духовно-просветительская составляющая в данное время была практически полностью оставлена, так как Бичурина интересовали другие аспекты деятельности. Спустя некоторое время с начала работы в Пекине дела Миссии были заброшены.<sup>2</sup> В совокупности с крайне плачевным финансовым положением миссионеров, низким уровнем дисциплины, а также фактами продажи и закладывания церковных вещей, домов и земли [2;271], это не могло не вызвать бурю негодования специальной комиссии, прибывшей из России для проверки результатов деятельности миссионеров.

<sup>1</sup> Кит 四书

<sup>2</sup> К началу работы девятой миссии в Пекине насчитывалось около 35 православных албазинцев, к 1820 году же их осталось 22 человека, что подтверждает, основываясь на фактах, теорию об уменьшении религиозной задачи миссии.

Десятая миссия, отправленная в 1821 году под предводительством архимандрита Петра Каменского, ознаменовала начало новой эпохи в истории Православной Пекинской Миссии. «Период Петра Каменского», продлившийся вплоть до начала XX века, смог объединить особенности, характерные для VIII и IX миссий. С X миссии научные изыскания миссионеров развивались гармонично вместе с исполнением религиозных обязанностей и проведением религиозно-просветительской работы.

В миссию отца Петра (Каменского) впервые были включены врачи (врач 9 класса Осип Михайлович Войцеховский и врач 12 класса Захар Фёдорович Леонтьевский), работы которых существенно обогатили знания о восточной и, в частности, китайской медицине. Сохранившиеся документы того времени подтверждают, что цинские власти и сами желали видеть в составе миссии знатоков западной медицины. Включение в состав миссии врачей привело к укреплению отношений между двумя империями. Прибывшие в Пекин врачи активно изучали восточную медицину и занимались лечением цинского двора. [12;111]

Примечательно то, что изучением китайского и маньчжурского языков в десятой миссии занимались абсолютно все участники, чего не наблюдалось в предыдущих миссиях.

Особыми успехами были отмечены отношения с албазинцами, среди которых число православных изначально было невелико. Уже совсем скоро стали видны и результаты, когда число православных албазинцев начало расти. Общее число их достигло в 1821 году 94 человек. [12;115] Несмотря на 100 лет существования миссии в Пекине, лишь при X миссии открылась специальная школа для детей – потомков албазинцев. В октябре 1825 года было учреждено училище при Успенском монастыре. На обучение было принято 10 детей. С уверенностью можно сказать, что именно с начала десятой миссии началась миссионерская работа.

Большое внимание Каменский уделял пополнению библиотеки Миссии. В этот период проводилась интенсивная работа по закупке и переписыванию книг. Многие экземпляры позже были направлены в Россию. Ценнейшими пополнениями библиотеки стали работы участников миссии и переводы работ западных миссионеров. В это же время при Миссии началось формирование фонда книг по китайской медицине.

С 1820 года новаторством в выборе главы очередной миссии стал критерий отбора претендентов. Теперь руководителем миссии выбирался не священнослужитель, а человек светский, владеющий китайским языком, инициативный, имеющий способности к дипломатии. Сан священнослужителя будущий глава миссии получал незадолго до отправки в Пекин. Такая практика впоследствии применялась достаточно широко, что давало возможность увеличить круг выбора достойных претендентов.

Восьмая, девятая и десятая миссии стали главными в формировании характера деятельности Русской Православной Миссии в Пекине. Восьмая миссия организовала необходимые условия для обучения будущих востоковедов-участников Миссии, организовала библиотеку в помощь ученикам в Бэй-гуане. Девятая миссия продвинула отечественное востоковедение далеко вперед, позволив встать на одну ступень с известнейшими европейскими востоковедами. Десятая же миссия практически основала русское миссионерство, соответствующее нашему пониманию данного термина, то есть включающего в себя религиозно-просветительскую работу. Неоценимый вклад этих миссий был в дальнейшем объединен и привнесен в последующую миссионерскую деятельность в Поднебесной, что позволило Православной миссии занять свое устойчивое положение среди своих конкурентов-европейцев.

#### **Список использованной литературы:**

1. Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии – Казань, 1887.
2. Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин, «Православный собеседник», 1886 г, июль.
3. Адоратский Н. Положение миссионерства в Китае. – Казань, 1885.
4. Бакшеев Ф, Агафонов А., Словарь Манджурско-российский, сочиненный и написанный в Пекине трудами переводчиков Коллегии иностранных дел Фед. Ив. Бакшеева и Ал. Сем. Агафонова. - 1781.
5. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925.
6. Бичурин Н.Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картою на трех больших листах. Сочинение монаха *Иакинфа*. Ч.1. – СПб., 1851.
7. Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Пётр (Каменский). — М., Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013.
8. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. — М., 2007.
9. Иакинф Бичурин. (Автобиографическая записка.) Сообщена П. Савельевым.— Ученые записки Академии Наук по I и III отделениям. т. III, СПб., 1855.
10. Ломанов А.В. *Христианство и китайская культура*. – М.: *Восточная литература*, 2002.
11. Материалы для истории Российской Духовной миссии в Пекине. Под ред. Н.И.Веселовского. Вып.1. СПб., 1905.
12. Миротворцев В.В. Материалы для истории Пекинской духовной миссии/ Православный собеседник. 1888, сентябрь.

13. Погодин М. П. Биография отца Иакинфа Бичурина, написанная в 1847 году / Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. — 1871.
14. Россохин И., Леонтьев А., Обстоятельное описание происхождения и состояния Манджурскаго народа и войска осмии знаменах состоящего (в шестнадцати томах). — СПб., 1784.
15. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения – М, 1977.

## МЕСТО ДЕЙСТВИЯ И МЕСТО ПОВЕСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКИХ НАРРАТИВНЫХ ПЕСНЯХ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.<sup>1</sup>

Симоненко Н.Ю.  
Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т

Занимая особое место в китайской лингвокультуре, песня аккумулирует китайское мировосприятие, обрисовывает китайскую картину мира средствами вокального и инструментального исполнения, описывает особенности места действия и повествования. В рамках данной статьи мы проведём анализ пространства в китайском песенном нарративе, что позволит смоделировать типичные черты создаваемого в нем фикционального мира. Анализ проводится нами на материале 73 китайских нарративных песен XX – начала XXI вв., из которых 33 относятся к революционному периоду с 1924-го по 1977 г. (пекинский переворот 1924 г., буржуазно-демократическая революция 1925 – 1927 гг., гражданская война 1927 – 1950 гг., правление Мао Цзэдуна 1949 – 1977 гг. и Культурная революция 1966 – 1976 гг.), 40 – к периоду с 1978 г. по настоящее время (этап реформ Дэн Сяопина и «большого западного скачка»)

Мы определяем *нарративную песню* как художественное произведение коммуникативного жанра, обладающее вербальной, музыкальной и эмоциональной составляющими, с помощью которых раскрывается сюжетная линия заключённого в нём события или логически выстроенного ряда событий. Опираясь на работы отечественных и зарубежных учёных, которые занимались изучением нарратива [1; 2; 3; 4; 5], мы рассматриваем их по следующим параметрам: нарратор, персонажи, тематика, жанры, время, пространство, события, сюжеты, фоновые знания, бинарные оппозиции, интertextуальные связи, – и уделяем особое внимание средствам их языкового выражения.

Пространство относится к сцене действия, которая является своего рода продолжением персонажа [3]. Всё в этом пространстве значимо и создаёт контекст для разворачивания нарратива. Подобно времени, пространство в нарратологических исследованиях делится на дискурсивное (место наррации, повествования) и нарративное (место событий) [3]. В нашей работе мы различаем песни по их соотношению и динамике в диахроническом аспекте, что позволяет проследить связь локуса в песне с реалиями китайского общества на конкретном историческом этапе.

Отметим, что в песне чаще всего отсутствуют подробные описания места событий, что объясняется краткостью песни как жанра. Опыт взаимодействия в среде определённой культуры позволяет достраивать, «дорисовывать» фикциональную реальность песенного нарратива. Описывая важность анализа пространства в литературе, Ж. Женетт пишет, что простой анализ места действия, пейзажа и интерьера не отражает сути этого пространства. Он связывает пространство в нарративе с тем, что Поль Валери называл «поэтическим состоянием», одним из аспектов которого является «очарованность пространством». Это то, что, по его мнению, заполняет пространство литературы, но не связано с языком произведения. Сам язык «говорит обо всём в пространственных терминах» и «сообщает всему пространственность» [2, с. 279 – 282]. В нарративной песне вокальный и инструментальный компоненты способны подчеркнуть описанное в тексте песни пространство.

В песнях часто используются описательные словосочетания, которые сообщают о красоте природы дискурсивного пространства. Такие указания включают развернутые описания рек, гор, степей, полей, неба, как, например, в песнях: *四季歌* («Песня о временах года»):

春季到来绿满窗。 <...> 夏季到来柳丝长， <...> 江南江北风光好， 怎及青纱起高粱。 秋季到来荷花香。 <...> 冬季到来雪茫茫。	Весна пришла, зеленью наполнились окна. <...> Лето пришло, выросли тонкие ветви ивы, <...> До чего хороши пейзажи в Цзяннань и Цзянбей, Возвышаются здесь зеленые стебли гаоляна. Вот с осенью и ароматы лотоса пришли. <...> Пришла зима с бескрайними снегами.
---	--

и *《灿烂的朝霞》* («Сверкающая утренняя заря»):

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФГФ научного проекта №15-04-00500

<p>灿烂的朝霞， 升起在金色的北京！ &lt;...&gt; 你是我们心中， 一颗明亮的星， 火红的太阳， 照耀在中南海上，伟大的首都。 你是毛主席居住的地方。 啊 北京啊！北京！</p>	<p>Сверкающая утренняя заря, Восход в золотом Пекине! &lt;...&gt; Ты в нашем сердце, Яркая звезда, Огненно-красное солнце, Освещающее Чжуннаньхай, Великая столица. Ты место, где живет председатель Мао. Ах, Пекин! Ах, Пекин!</p>
---	---

Соотношение дискурсивного и нарративного пространств. Пространство в нарративе играет важную роль для восприятия всей описываемой в нём истории. Подобно «нарративному сейчас» и «дискурсивному сейчас» во времени, «нарративное здесь» и «дискурсивное здесь» в пространстве, как правило, не равны друг другу и по-разному наполнены [3, N6].

В связи с тем, что не всегда в рамках одной песни может быть определено нарративное или дискурсивное пространство, мы разделили их на: 1) песни, в которых содержится указание на дискурсивное пространство (72,6% нашего материала); 2) песни, в которых содержится указание на нарративное пространство (83,7%); 3) песни, в которых указание на нарративное и дискурсивное пространства отсутствует (12,3%). Нарративное и дискурсивное пространства могут совпадать друг с другом в условиях одновременного изохронического повествования, когда время, о котором повествуется и время повествования, совпадают. Примером выступает «Песня морских бойцов» 《航标兵之歌》:

<p>歌声迎来了金色的太阳， 双桨划破了千层波浪， 我们在海上架桥铺路 让航行的战友们 一路顺畅。 年轻的航标兵 用生命的火花， 点燃了永不熄灭的灯光。</p>	<p>Звуки песни приветствуют приход золотого солнца, И весла разрезают многослойные волны, В море мы устраняем препятствия и прокладываем дорогу, Чтобы боевым товарищам освободить путь. Молодые бойцы с искрой жизни, Зажегшись однажды, больше ее свет никогда не потухнет.</p>
--	---

Из приводимого выше отрывка видно, что «морские бойцы» (которые по-русски, скорее, звучат как «морские пехотинцы») находятся на корабле и поют песню о своей службе в море («в море мы прокладываем дорогу», «молодые бойцы плывут»); таким образом, и нарративное, и дискурсивное пространства совпадают. Типичным случаем совпадения дискурсивного и нарративного пространств (46,6% исследованных песен) также являются песни, персонажи которых, оказавшись в значимых для них местах, обращаются к ретроспективному повествованию о важных событиях прошлого. В таких песнях может рассказываться не только о романтических историях любви и расставаний, но и о военных успехах китайской армии, как, например, в песне 《我爱五指山，我爱万泉河》 («Я люблю реку Учжи, я люблю горы Ваньцюань»). Это песня стражника на острове Хайнань, в которой он вспоминает подвиги Красной армии, описывает то, как бойцы готовились к бою, точили ножи, варили еду, как стойко они боролись за эти земли:

<p>我爱五指山，我爱万泉河， 双手接过红军的钢枪， 海南岛上保卫祖国， 啊，五指山，啊，万泉河， 你传颂着多少红军的故事， 你日夜唱着红军的赞歌。 我爱五指山的红棉树， 红军曾在树下点篝火， 我爱五指山的红石岩， 红军曾在石上把刀磨， 我爱红军走过的路， 我沿着山路上哨所。 我爱万泉河的清泉水， 红军曾用河水煮野果， 我爱万泉河的千重浪， 红军在这里把敌人赶下河， 万泉河流水向大海， 我沿着河边去巡逻，</p>	<p>Обеими руками сжимая винтовку Красной армии, Защищаю родину на острове Хайнань, Ах, горы Учжи! Ах, река Ваньцюань! В скольких историях восхваляешь ты Красную армию, Денно и ночью поешь ты оды ей! Я люблю хлопковые деревья гор Учжи, Раньше Красная армия сидела у костров под деревьями. Я люблю красные скалы гор Учжи, Раньше Красная армия точила ножи об эти скалы. Я люблю эту дорогу, по которой проходила Красная армия. Я стою на посту у горной дороги. Я люблю реку Ваньцюань и ее чистые воды, Красная армия варила ягоды на этой воде, Я люблю многослойные волны реки Ваньцюань, Именно отсюда Красная армия изгнала нашего неприятеля. Поток воды в реке направлен в сторону океана, Я охраняю берег,</p>
--	--



红色的江山我们保卫， 红军的钢枪永在手中握。	Мы защищаем красные реки и горы. Оружие Красной армии всегда в руках.
---------------------------	--

Второе возможное соотношение – это несовпадение места наррации и места действия истории (22% исследованного материала), что чаще всего возможно при повествовании о будущем или прошлом. Примером может выступать песня 《大约在冬季》 («Когда-нибудь зимой»).

前方的路虽然太凄迷， 请在笑容里为我祝福。 虽然迎著风虽然下著雨，我在 风雨之中念著你。 没有你的日子里 我会更加珍惜自己。 没有我的岁月里 你要保重你自己。	И пусть меня ждёт впереди унылый путь, Прошу, благослови меня своей улыбкой. И пусть навстречу дует мне холодный ветер, И пусть навстречу льёт холодный дождь, Я о тебе тихо вспомню, и непогода всякая пройдёт. В дни, когда тебя рядом нет, Я буду ещё больше беречь себя. В дни, когда меня нет рядом с тобой, Ты должна беречь саму себя.
--	---

Гомодиегетический нарратор песни (повествователь, который присутствует в истории в качестве персонажа) обращается непосредственно к своей возлюбленной, находящейся рядом с ним (дискурсивное пространство), но повествует о скорой разлуке, когда они будут далеко друг от друга (нарративное пространство).

Представляется интересным проследить динамику локусов в песнях по мере исторического развития Китая с помощью приёма количественных подсчётов. В общей сложности в исследованном материале нами обнаружено 121 указание на 28 различных дискурсивных и нарративных локусов. До 1978 г. (23 примера локуса) это конкретные населённые местности революционного Китая (города Пекин, Цзяннань, Цзянбэй, деревня Турфан, острова Хайнань и Гонконг, горы Тяньшань, Учжи, Гималаи, реки Янцзы, Хуанхэ, Брахмапутра, области Тибет, Таримский бассейн, Внутренняя Монголия), завод (1), природа (2: степь, поле), дом героя (1), дорога (2). После 1978 г. самыми часто используемыми дискурсивными и нарративными локусами (20 примеров) стали: дом героя (10) и природные ландшафты (8).

Таким образом, можно заметить, что в песнях революционного периода больше внимания уделялось воспеванию конкретных провинций, городов и природных ландшафтов, что, по замыслу авторов, должно было способствовать патриотическому подъёму народа всего Китая, вне зависимости от национальности. Заметное уменьшение числа точных обозначений локуса, а также отсылок слушателя к названиям китайских населённых пунктов в песнях конца XX в. говорит об ослаблении роли китайской песни в поддержании политики партии, увеличении интереса народа к личным персонализированным событиям, возможности экстраполяции происходящих событий на различные локусы.

Представленный в статье анализ пространства в китайском песенном нарративе отражает лишь часть его национально-культурной специфики. Поэтому перспективами данного исследования является определение лингвокультурной специфики китайских песен и по выделенным выше параметрам.

#### Список использованной литературы:

1. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.
2. Женетт, Ж. Фигуры /– 2 т. – Ж. Женетт. –М., 1998. – 944 с.
3. Jahn, M. Narratology : A Guide to the Theory of Narrative [Электронный ресурс] / M. Jahn. – University of Cologne, 2005. – Режим доступа: <http://www.uni-koeln.de/>.
4. 谭君强 (Тань Цзюньцян). 叙事学导论 (Введение в нарратологию) /谭君强 (Тань Цзюньцян). – 高等教育出版社, 2009. – 第3版. – 102页.
5. 胡亚敏 (Ху Яминь). 叙事学, 基本信息 (Основы нарратологии) /胡亚敏 (Ху Яминь). 华中师范大学出版社, 2004. – 第2版. – 309页.

В настоящее время, пожалуй, невозможно найти работу по истории китайской культуры, в которой отдельно не говорилось бы о роли совершенно особенного героя — волшебной обезьяны, ставившейся главной фигурой в целом ряде произведений, наиболее известным и влиятельным среди которых является, бесспорно, роман У Чэн-эня (吳承恩, ~1500—~1582) «Путешествие на Запад» (Сию цзи, 西遊記). Действительно, влияние этого произведения не только на дальнейшее литературное творчество, но и на искусство театра, и на различные виды массовой культуры XX—XXI веков, и даже на китайские народные верования сложно переоценить. Сложнейший и полный аллегорий, базирующийся на тонком знании буддийских реалий роман У Чэн-эня оказался настолько доступным по форме и близким по духу китайскому читателю, что его главный герой, и до того широко представленный в народных пьесах и сказах, из мифологического и литературного персонажа превратился в своеобразное олицетворение повседневных чаяний, в воплощенную надежду на помощь в делах и даже приобрел черты божества. Тем не менее, при кажущейся ясности предыстории создания «Путешествия на Запад», существует целый ряд свидетельств, согласно которым образ фантастической обезьяны много старше, чем обычно полагают, и восходит к древнейшим письменным памятникам Китая.

Не полагаясь на полноту анализа, рассмотрим лишь некоторые наиболее часто встречающиеся точки зрения.

Для начала, прежде чем рассуждать об образе обезьяны, следует отметить тот факт, что для обозначения понятия «обезьяна» в китайском языке существуют, как минимум, два слова: 猴 (кит. хоу, hóu) и 猿 (кит. юань, yuán). Первый вид — небольшая юркая обезьянка с хвостом, чье сходство с человеком может установить только чрезмерно развитая фантазия (хотя в главе «Ча чжуань» (察傳, «Проверка») свода «Люйши чунцю» постулируется похожесть обезьяны хоу с человеком [«Люйши чунцю», цзюань 22 «Второй раздел рассуждений об осмотрительных поступках» (Шэньсин лунь ди эр, 慎行論第二), «Проверка» (Ча чжуань, 察傳), — 9, 381]). Второй — крупные (часто бесхвостые) приматы, высокоорганизованные, человекообразные. Упоминаются в «Чуских строфах» («Девять напевов» (Цзю гэ, 九歌), стихотворение «Горный демон» (Шань гуй, 山鬼) — [13, 78—82]) и целом ряде других классических текстов, в основном, в связи с горестными воплями, издаваемыми этими животными. Так стали хрестоматийными строки из юэфу неизвестного ханьского автора, в которых говорится: «На востоке Ба [у ущелий] Санься крики обезьян печальны, / Обезьяны прокричат трижды, — и слезы смочат одежду» (巴東三峽猿鳴悲 / 猿鳴三聲淚沾衣) [«Две песни о Трех ущельях на востоке Ба» (Ба дун Санься гэ эр шоу, 巴東三下歌二首), Юэфу шицзи (Собрание Юэфу, 樂府詩集), цзюань 86 — 15, Т. 4, 1208] или почти дословно повторяющие ту же мысль строки из юэфу «Дочь» (Нюй эрцзы, 女兒子): «На востоке Ба [у ущелий] Санься крики обезьян печальны / В ночи прокричат трижды, — и слезы смочат одежду» (巴東三峽猿鳴悲 / 夜鳴三聲淚沾衣) [Юэфу шицзи (Собрание Юэфу, 樂府詩集), цзюань 49 — 15, Т. 2, 713].

Несостоятельным кажется и проецирование поздних зодиакальных воззрений (в том числе, связанных с годом обезьяны) на китайскую древность: привязка двенадцати животных-покровителей к двенадцати циклическим знакам календаря происходит не ранее начала эры [1, 45—46]. Расцвет же применения «животного цикла» приходится на VIII и XIII вв.

Что же до специфических обезьяньих черт в изображении божеств, то в поздней литературе имеются утверждения относительно культа необыкновенной гигантской обезьяны по имени У Чжи-ци (無支祁), легенды о которой приписываются незапамятной древности. В частности, утверждается, что это обезьяна вступила в противоборство с Великим Юем (大禹), усмирившим потоп, и производила яростные неистовства, пока не была побеждена и заточена под скалу.

Об этом имеется запись в знаменитом танском своде «Дополнение танской истории» (Танго шибу, 唐國史補) литератора IX века Ли Чжао (李肇). В тексте, в частности, говорится о рыбаке из Чучжоу (楚洲), выловившем в Хуайхэ старинную железную цепь. Цепь была столь длинна и крепка, что, сколько ее ни тянули, до конца выбрать так и не удавалось. Когда рыбак доложил о находке, начальник уезда Ли Ян (李陽) собрал множество народу, чтобы тянуть цепь. Цепь вытянули до конца, и на другом ее конце оказалась синяя макака, выскочившая из воды и бросившаяся обратно. Впоследствии в «Каталоге гор и морей» (Шань хай цзин, 山海經) нашли пояснение, говорившее, что это водяное чудовище, опасное для людей, прикованное Великим Юем под горой Цзюньшань и зовущееся У Чжи-ци [7, 57]. Характерно, что никакого описания подобного животного в имеющихся списках «Каталога гор и морей» нет. Во всех 18 цзюанях встречается только два упоминания обезьян юань (1 и 2 цзюани) и вообще не имеется упоминаний обезьян хоу, при этом необычное обезьяноподобное жи-

вотное из второго цзюаня «Каталога...» живет отнюдь не в воде, но в горах, и видеть его — к войне [«Каталог гор и морей» (Шань хай цзин, 山海經), цзюань 2, — 14, 45]. Можно было бы предположить, что Ли Чжао ссылается на какой-нибудь древний и не дошедший до нас тайный вариант «Каталога гор и морей», если бы само это произведение, имеющиеся в единственном списке, созданном Го Пу (郭璞, 276—324) в 18 цзюанях, не было к танскому времени широко известно именно в ортодоксальном виде и не считалось (на взгляд автора этой работы — совершенно справедливо) поздней подделкой (об истории изучения «Каталога» и о сомнениях в его подлинности см. [1, 6—16]).

Однако же, подобная ссылка на «Шань хай цзин» вполне может быть объяснена. Так, известна новелла Ли Гун-цзо (李公佐, 770?–850?) из сборника «Жунму сянтань» (戎幕閒談, «Праздные беседы из ставки командующего») танского литератора Вэй Сюаня (韋絢, IX в.) под названием «Ли Тан» (李湯) (другое название «Древняя книга о Священных горах и Великих реках», кит. Гу юэду цзин, 古嶽瀆經), в которой говорится о встрече во время путешествия двух известных танских эрудитов и литераторов — Ян Хэна (楊衡, VIII в.) и Ли Гун-цзо (李公佐, 770?–850?). Ночью в лодке они от нечего делать затеяли беседу об удивительном, и Ян Хэн поведал историю начальника уезда Чучжоу, только в этом варианте изложения его звали не Ли Ян, а Ли Тан. Когда Ли Тан служил в Чучжоу, один из рыбаков ночью удил близ горы Гуйшань (龜山). Неожиданно его крючок за что-то зацепился, и вытащить из воды его было невозможно. Рыбак слыл прекрасным пловцом; он тут же нырнул на глубину пятидесяти чжанов<sup>1</sup> и увидел там железную цепь, опоясывающую основание горы. Конца цепи видно не было. Обо всем этом рыбак поведал Ли Тану, и тот послал с рыбаком несколько отличных пловцов, чтобы они выловили упомянутую цепь и доставили на берег, но все вместе пятьдесят посланных ныряльщиков совладать с цепью не смогли. Тогда им в помощь было отряжено пятьдесят быков, и цепь понемногу раскачали. На воде царил полный штиль, но только лишь цепь доставили на берег, поднялись громаднейшие волны, наведшие ужас на всех присутствующих. На другом конце цепи тогда стало видно прикованное существо, обликом подобное обезьяне *юань*, с белой головой, длинной шерстью, ростом более 5 чжанов. Чудище сидело недвижно, подобно обезьяне, и оба глаза его были закрыты. Из носа и глаз лилась потоком вода, слюна издавала нестерпимое зловоние, и подходить к этому созданию никто не решался. Лишь только через длительное время чудовище пришло в движение, подвигало шеей, выпрямилось и раскрыло глаза. Взор его был подобен молнии, и в нем читались ярость и гнев. Обступавшие монстра люди как один бросились врассыпную. Чудище же потянуло за цепь, утащило в воду быков и больше не появлялось. Все эрудиты, оказавшиеся в то время в уезде, были потрясены и не знали, что это за существо. Обнаружить его вторично уже не получилось. Повесть Ян Хэна Ли Гун-цзо пересказал своим многочисленным ученым друзьям со всей доскональностью. Позже во время другой поездки Ли Гун-цзо в одной даосской пещере обнаружил восьмой цзюань «Древней книги о Священных горах и Великих реках» (кит. Гу юэду цзин, 古嶽瀆經); письма были старыми, местами попорченными червями, чрезвычайно трудными для прочтения, но Ли Гун-цзо вместе с даосским отшельником Чжоу Цзяо-цзюнем (周焦君) расшифровали эти записи. В найденной книге говорилось, что, усмиряя потоп, Великий Юй трижды подходил к горам Тунбайшань (桐柏山)<sup>2</sup>, но из-за чудовищного ветра и грома, заставлявших выть и греметь камни и деревья, не смог приблизиться. Тогда он собрал великое воинство духов, призвал одноногое чудище Куй (夔), драконов, покровителей гор Тунбайшань и других грозных союзников, с которыми вместе обуздал и пленил неистовствующую нечисть. Среди плененных был и дух рек Хуайхэ (淮河) и Гохэ (渦河) по имени У Чжи-ци. Он мог разговаривать, много знал и умел, видом напоминал обезьяну *юань*, нос имел маленький, лоб высокий, синее туловище, белую голову, взор, пылающий золотом, белоснежные зубы, шею длинную в сто чи<sup>3</sup>. Силой он превосходил девять слонов, атаковал, дрался и мчался с невероятной скоростью, тело имел быстрое и ловкое, но не мог долго смотреть и слушать. Его не одолели ни музыка, ни дух лесов Няо-му-ю (烏木由), совладал с ним только святой Гэн-чэнь (庚辰), силой своего военного искусства обративший в бегство и повергнувший тысячи защищавших У Чжи-ци оборотней и прочую нечисть. Он повязал У Чжи-ци железной цепью, в нос ему продел золотой колокольчик и отправил под подножие горы Гуйшань, чтобы воды Хуайхэ вечно текли в покое и безмятежности. Впоследствии люди стали создавать изображения У Чжи-ци, чтобы избежать ветра и бурь на Хуайхэ. Поэтому, то, что видел Ли Тан, рассказывал Ян Хэн и повествовала «Древняя книга о Священных горах и Великих реках» полностью соответствовало друг другу [«Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), цзюань 467, — 10, Т. 5. С. 3845—3846]. Не удивительно, что в вольном пересказе баснословная «Книга о горах и реках» превратилась в «Каталог гор и морей», на который впоследствии и стали ссылаться самые разные авторы, рассказывая об У Чжи-ци.

Важным и принципиальным в данном вопросе является время возникновения подобных легенд. Итак, если согласиться со сказанным выше, получается, что отсылки к неким древним манускриптам

<sup>1</sup> Чжан — мера длины, около 3 м.

<sup>2</sup> Тунбайшань — горы, расположенные на территории нынешней провинции Хэнань.

<sup>3</sup> Чи — мера длины, около 30 см.

не имеют силы, и фактическим временем возникновения преданий о чудесной обезьяне, в данном случае, У Чжи-ци, становится эпоха Тан. Нужно сразу отметить, что памятных историй, связанных с обезьяной, в танское время появляется несколько. В дополнение к двум, приведенным выше, нельзя не упомянуть и знаменитую новеллу о Белой Обезьяне, известную как «Рассказ о Белой Обезьяне, дополненный Цзян Цзунном» (Бу Цзян Цзун Бай юань чжуань, 補江總白猿傳), именуемый в своде «Обширные записи годов Тайпин» просто «Оуян Хэ» (歐陽紘). Он повествует о предыстории рождения великого танского каллиграфа Оуян Сюня (歐陽詢, 557—641), которого воспитал друг казненного отца — цензора Оуян Хэна (? — 570) — по имени Цзян Цзун. В новелле рассказывается о том, что в одном из военных походов Оуян Хэ (которого неизвестный автор явно путает с его отцом, правителем округа и генералом Оуян Вэем (歐陽頔, 498—536)) углубляется в горы в Фуцзяне. Его сопровождает молодая красавица-жена. В этих горах водится необычная Белая Обезьяна, владеющая магией, наделенная неслыханной силой, носящая одежду, подобно человеку, читающая древние письма и скопившая несметные сокровища. Убить или ранить ее крайне трудно, поскольку тело обезьяны неуязвимо за исключением маленького участка внизу живота. Обезьяна любит похищать молодых красавиц, и жена Оуян Хэ пополняет ряды его несметного гарема. Разыскивая пропавшую супругу, Оуян Хэ находит логово Белой Обезьяны и с помощью пленниц чудовища заманивает его в смертельную ловушку. Перед смертью Белая Обезьяна сообщает, что жена Оуян Хэ ждет ребенка, и просит не убивать будущего сына, потому что мальчик своим умом и талантами прославит родителей. Так в итоге и случается [новелла входила в сборник неизвестного авторства «Продолжение повествование господина Цзяна» (Сюй Чжан ши чжуань, 續江氏傳), «Тайпин гуан цзи» (太平廣記, «Обширные записи годов Тайпин»), цзюань 444, — 10, Т. 5. С. 3629—3631].

Таким образом, получается, что появление многочисленных и сюжетно богатых историй о необыкновенных обезьянах приходится в Китае на время пышного расцвета буддизма. Отсылки к древности или каким-то историческим реалиям в данных текстах не должны вводить в заблуждение, так как здесь это не более чем дань традиции, антураж, а не подлинное обращение к якобы утерянным ныне фактам и сводам. Тогда возникает другое толкование подобных рассказов об обезьянах: предполагается, что прообразом божественных приматов из китайских легенд служит индийский Хануман. Эта точка зрения среди западных ученых весьма популярна, и высказывается она, в основном, в черед размышлений о «Путешествии на Запад». Не останавливаясь подробно на обзоре доказательной базы (это потребовало бы отдельной и весьма объемной статьи) и на типологических сходствах и различиях Ханумана и китайских легендарных обезьян, необходимо заметить, что, во-первых, «Рама-яна» никогда не была в Китае широко популярна (в отличие от Индонезии, например), и говорить о возникновении легенд под влиянием этого текста, по меньшей мере, спорно. Во-вторых, легенды об обезьяне возникают в период расцвета буддизма, во время постоянных и повсеместных массовых проповедей, в которых основа человеческого сознания традиционно уподоблялась обезьяне (читта, кит. синь, 心). Примеров такого уподобления великое множество, из наиболее известных, возможно, стоит упомянуть «Сатьясиддхи-шастру» («Шастру совершенной подлинности», кит. Чэн ши лунь, 成實論), созданную в III — IV веках Хариварманом и переведенную на китайский язык в V веке Кумарадживой (кит. Цзюмолоши (или Цзюмолошэнь), 鳩摩羅什, 344 (350?)—413 (409?))<sup>1</sup>; см., например, [16, Т. 32, N 1646, С. 278b]. Вдобавок, танский буддизм, в отличие от минского и цинского, находился под существенным влиянием идей ваджраяны, где различные варианты описаний этого обезьяноподобного сознания на протяжении веков были излюбленным сюжетом не только философских сочинений, но и многочисленных произведений искусства. Великие учителя буддийской тантры, такие, как Субхакрасимха (кит. Шань У-вэй, 善無畏, 637—735), Ваджрабодхи (кит. Цзиньганчжи, 金剛智, 669—741) и Амогхаваджра (кит. Букун, 不空, 705—774), приезжали в Китай с миссионерскими функциями, и последствия этих визитов были более чем значимы как для храмовой, так и для простонародной трактовки буддизма (см., например, [12, Т. 3, 1—152]). Следы тантрийских практик читаются не только в танской художественной литературе (подробнее см. [3, 252—254]), но и в произведениях литературы и искусства последующих эпох, например, созданных при династии Сун. В огромном комплексе высеченных в скалах барельефов местечка Дацзу (大足), созданных как раз в сунское время, представлена весьма широкая палитра ваджраянских божеств и защитников, не входящих в более поздний пантеон китайского буддизма. В этом же комплексе имеется изображение Будды Грядущего — Майтрейи, — держащего на руках символ человеческого сознания — обезьяну (см., например, [3, 135]).

Поэтому родство Ханумана и обезьяноподобных божеств Китая, вплоть до Сунь У-куна из «Путешествия на Запад», может носить не заимствованный, а генетический характер: будучи выражением невероятно могучей, изменчивой, стремительной и своенравной силы — сознания — они неминуемо станут наделяться сходными чертами и описываться в похожих коллизиях.

<sup>1</sup> Кумараджива — буддийский монах, один из крупнейших переводчиков на китайский язык буддийской литературы.

В то же время нельзя не признать несомненного влияния легенды об У Чжи-ци на формирование именно китайских преданий о чудодейственных обезьянах. Уже в сунское время существует «Шихуа о том, как Трипитака великий Тан добыл священные книги» (Да Тан Саньцзан цюй цзин шихуа, 大唐三藏取經詩話). Сочинение насчитывает три цзюаня и рассказывает о путешествии в Индию за священными книгами танского монаха Сюань-цзана (玄奘, 600 (602)–664)<sup>1</sup>. В составе паломничества, описанного в «Шихуа...», имеется и необыкновенная обезьяна, могущественная, владеющая боевыми искусствами и магией, неоднократно выручающая всю экспедицию. Когда-то давным-давно эта обезьяна, уже умудренная волшебными знаниями, украдала у богини Си-ван-му (西王母) персики бессмертия, за что была жестоко наказана и заточена в пещеру на Горе Цветов и Плодов. Теперь она бок о бок с Сюань-цзаном следует за священными книгами в Индию (текст произведения — см. [8], перевод и исследование — [6]). Гора Цветов и Плодов, упомянутая в «Шихуа» — это Хуагошань (花果山). Гор с такими названиями в Китае несколько, но имеется подобная и в составе гор Тунбайшань, тех самых, где обитал У Чжи-ци. Открытым остается вопрос, актуально ли было это географическое название для сунского времени, но, тот факт, что проштрафившаяся обезьяна была заточена именно там нельзя сбрасывать со счетов.

В романе У Чэнь-эна обезьяна-спутник Сюань-цзана получает имя собственное, зовясь Сунь У-кун (孫悟空), буквально, «Познавший Пустоту», и весь роман буквально переполнен буддийской символикой, аллюзиями, скрытыми цитатами и тому подобным. Что же до Гор Цветов и Плодов, то Сунь У-кун располагает там свое обезьянье царство; перекочевал в роман и сюжет о краже персиков бессмертия и заточении под скалой, и многочисленные магические таланты волшебной обезьяны, и фантастическая ее сила (текст романа — [11], перевод — [5]). Сунь У-кун намного сложнее и противоречивее безымянной обезьяны из «Шихуа...», ему не чужды слабости, он горделив, хвастлив, вороват, но это обстоятельство в сочетании с его самоотверженностью, отвагой и преданностью только добавляют персонажу обаяния и желания сопереживать ему; неслучайно Сунь У-кун быстро становится не просто одним из популярнейших литературных героев Китая, но и протагонистом в огромном количестве пьес китайской музыкальной драмы, а в XX и XXI вв. — центральной фигурой фильмов и телесериалов. К «Путешествию на Запад» уже в цинское время писались литературные продолжения, а сам Царь Обезьян был обожествлен. Культ Сунь У-куна существует и поныне, особенно в южных районах Китая, где ему воздвигают отдельные храмы, а фигуру самого Мудреца Равного Небу (Ци Тянь Да Шэн, 齊天大聖) — именно таков был титул, дарованный волшебной обезьяне Нефритовым императором — можно увидеть на алтарях самых разных святилищ. Справедливости ради нужно отметить, что имеются упоминания о существовании культа и прототипа Сунь У-куна, обезьяны У Чжи-ци, но убедительных свидетельств на сегодняшний день в наличии не имеется.

Одновременно с популярностью упомянутых выше литературных героев растет и популярность обезьяны как культурного символа. В целом ряде культурных феноменов, начиная с астрологических размышлений и заканчивая системами китайской гимнастики, обезьяна начинает выделяться особо, что объективно никак не наблюдалось в старых текстах, даже танского времени.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В древней литературе образ обезьяны связан с мотивом печали и одиночества; горестные крики горных обезьян могут восприниматься как отдаленный аналог тоскливого собачьего воя в русской литературе.
2. Несмотря на утверждения в целом ряде текстов, описаний волшебной могущественной обезьяны в ранних памятниках китайской культуры не имеется.
3. Появление историй о необыкновенных обезьянах совпадает с расцветом буддизма в Китае и, соответственно, связано с проповеднической деятельностью среди мирян.
4. Возникший тогда образ речного чудовища У Чжи-ци со временем служит прототипом для самого популярного и любимого в народе героя классических романов — Сунь У-куна.
5. Сам Сунь У-кун со временем обожествляется, что выводит на новую высоту популярность обезьяны как культурного символа

## **Литература**

### **На русском языке**

1. *Захарова И. В.* Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 32—65
2. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. М., 2004.

<sup>1</sup> Сюань-цзан — один из крупнейших деятелей китайского буддизма эпохи Тан. В середине VII века Сюань-цзан совершил паломничество в Индию, где провел около 20 лет, изучая санскрит и буддийскую философскую литературу. Посетил южную Индию, Непал и Ассам. Перенимал знания у знаменитых наставников и неоднократно участвовал в крупных философских диспутах по проблемам буддизма, устраиваемых между индийскими и зарубежными адептами. Вместе с учениками перевел на китайский язык 1335 цзюаней буддийских текстов.

3. *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб., 2010.
4. *Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А.*, Духи и божества китайской преисподней. СПб., 2012
5. *У Чэн-энь.* Путешествие на Запад: Роман в четырех томах. Рига, 1994. Т. 1—4.
6. Шихуа о том, как Трипитака великий Тан добыл священные книги / Переведено Л. К. Павловской. М., 1987

#### На китайском языке

7. Гудай цюйвэнь байбянь (Собрание интересных текстов древности). Составление — Чжао Шэн-лэй. 古代趣文百篇. 趙聲磊編. Ханчжоу, 1983.
8. Да Тан Саньцзан цюй цзин шихуа (Шихуа о том, как Трипитака великий Тан добыл священные книги). 大唐三藏取經詩話. Пекин, 1954.
9. Люйши чуньцю чжуши бэнь (Комментированное издание «Люйши чуньцю»). Составил Люй Бу-вэй. Комментарий Люй Ханя. 呂氏春秋注釋本. 呂不韋著. 呂偉注釋. Пекин, 2002.
10. Тайпин гуан цзи (Обширные записи годов Тайпин). 太平廣記. Пекин, 1959. Т. 1 — 5.
11. У Чэн-энь. Си ю цзи (Путешествие на Запад). 吳承恩. 西遊記. Пекин, 1955. Т. 1—3.
12. Чжоу И-лян цзи (Собрание сочинений Чжоу И-ляна). 周一良集. Шэньян, 1998. Т. 1 — 3
13. Чу цы (Чуские строфы). Комментарии и перевод У Гуан-пина. 楚辭. 吳廣平譯注. Чанша, 2001.
14. Шань хай цзин (фу байхуа цюань вэнь) («Книга гор и морей» с полным переводом на байхуа). Составление Ни Тай-и. 山海經 (附白話全文). 作者倪泰一. Куньмин, 1994.
15. Юэфу шицзи (Собрание Юэфу). Составление Го Мао-цяня. 樂府詩集. 郭茂倩輯. Шанхай, 1979, Т. 1 — 4.

#### На японском языке

16. Тайсё синсю дайдзюкё (Заново отредактированное великое собрание сутр годов «Тайсё»). 大正新修大藏經. Токио, 1924 — 1932. Т. 1 — 100.

## РАННЯЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Суровень Д.А.

Уральский государственный юридический университет

Древнекитайские источники, рассказывая о ранней государственности в Китае, сохранили нам, в основном, только сказания народа хуася, жившего в среднем течении Хуанхэ (в бассейне рек Вэйхэ, Фэньхэ и верховий Ханьшуй [13, 42, 51]). Однако новейшие археологические исследования опровергли моноцентрическую концепцию возникновения ранней государственности в древнем Китае и показали, что на территории Китая не было единственного центра зарождения т. н. «китайской цивилизации», а со времени перехода к земледелию существовало шесть историко-культурных зон Восточной Азии [13, 39; см.: 14, 7-39; 52, 135] (на территории Великой китайской равнины и за её пределами в бассейнах Хуанхэ и Янцзы), развивавшихся неравномерно [13, 40, 41-42, 51-52, 53; 17, 15-21], где в разное время формировались ранние государства. В связи с этим возникает необходимость проанализировать полученные материалы и выяснить, какова была *форма государства* и организация власти в этих раннегосударственных образованиях.

Как показывают результаты археологических исследований, социально-экономическое развитие на юге и на севере Китая (в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы) шло не равномерно. Первоначально общество бассейна реки Янцзы и Юго-Восточной Азии опережало север [см.: 47, 204-205; 14, 12-13; 13, 45]. Кроме того, Шаньдун, особенно его северные и западные области, развивался почти столь же интенсивно, как и район Нижнего Янцзы [17, 19; см.: 18, 205; 19, 15]. Таким образом, самыми социально-экономически развитыми областями Восточной Азии в III – начале II тыс. до н.э. были районы Южной Янцзы и Шаньдуна [14, 18]. Как установили археологи, в III тыс. до н.э. на Нижней Янцзы (в районе озера Тайху) и на севере Шаньдуна появились **первые государства**, причём, в таком количестве, что, фактически, примыкали друг к другу [14, 21; см.: 51, 60].

Согласно новейшим археологическим данным, древнейшая в Восточной Азии **государственность** возникла в середине III тыс. до н.э. в период энеолита (2500–1900/1800 гг. до н.э.), в рамках позднего периода культуры Лянчжу (Лянчжу-3, 2400-1900 гг. до н.э.). У «прото-усцев», «прото-юэсцев» и «хуайских и» в бассейне нижнего течения реки Янцзы, в районе озера Тайху (памятники Моцзяошань, Лянчжу, Фаньшань, Яошань и др.), сформировался ряд небольших **ранних государств «номового» типа** (обозначенных учёными так по аналогии с классическим Востоком) [31, 157; 13, 51-52; 14, 18, 26; 12, 170; 15, 18; 17, 21, 77]. Как и в древнем Египте, китайские *номы* имели свои номовые значки – это изображение птицы с дополнительными символами в картуше. Из них самое крупное и лучше всего



изученное, первое из известных в настоящее время в Китае бесспорных **ранних государственных образований** – условно называемого «государством Мо» (было предложено его именовать так по сокращённому названию археологического памятника *Моцзяшань*) [31, 157-158; 13, 51; 14, 18; 15, 18; 17, 22; см.: 17, 25-42, 48-60; 16, 67-70].

Что такое *номовое* (или *полисное*) государство? Как установили учёные, *ранней формой государства* являлась **община–государство** [21, 24-25, 26, 29; 22, 3-16; 24, 35-36; 25, 40] (иногда неточно называемая «городом–государством») [22, 3-16; 46, 3; 25, 40; 5, 66; 34, 11; 25, 367]. Формирование такого государства начиналось с объединения нескольких небольших *соседских общин–поселений* (греч. *синойкизм* – «поселение вместе») в более крупную *соседскую общину*, получившую название *территориальной общины*, на основе которой, в процессе *политогенеза*, возникла потестарная организация в виде *простого вождества* (от англ. *chiefdom*) [см.: 6, 22, 32-40; 4, 155-163]. Затем происходило объединение нескольких *территориальных общин* в *сложное вождество*. На основе *сложного вождества*, по завершении процесса *генезиса государства*, возникает **раннегосударственное образование**, получившее название *община–государство*. Если посмотреть структуру данного государственного образования, то можно увидеть, что *община–государство* включала в свой состав не только *город* – главное поселение (как правило, *огороженное оборонительными сооружениями*), где находились органы управления, главные храмы, рынок, но и остальные поселения, а также – их сельскую округу [см.: 23, 141-143, 167-170]. Учёными установлено, что **первые государства везде и всюду образуются в небольшом объёме**, а именно в объёме одной **территориальной общины** или чаще **нескольких** тесно связанных между собой **общин**. Такое государство, чтобы быть устойчивым, должно по возможности иметь некоторые естественные границы: горы, окаймляющие долину; море, омывающее остров или полуостров и т. п. [21, 24-25, 26, 29; 22, 3-16; 24, 35-36; 25, 40]. Терминологически историки такой четко различимый район сложения государственности на Востоке называют «*номом*» [25, 40], в Греции – «*полисом*», в Древнем Риме – «*цивитас*», в Китае – «*го*» [29, 34], а в целом – «*общинно–государством*» [36, 52].

Почему же *ранняя форма государства* называется «*община–государство*»? Это связано с тем, что в этом раннегосударственном образовании продолжали действовать общинные органы управления ([1] *правитель* – глава общины, [2] *совет знати*, [3] *народное собрание* и [4] *должностные лица* общины, которые теперь стали выполнять функции органов государственного управления [46, 4; 36, 52]).

*Община–государство* возникает везде, где государственность формировалась без внешнего вмешательства (без завоевания). *Форма государства* в них характеризуется установлением *монархической формы правления* (в виде *ранней монархии* – первого типа монархии, которая являлась ограниченной монархией, т.к. власть правителя – главы общины–государства была ограничена органами общинного управления), *аристократического политического режима* (должности в системе управления занимали по происхождению – по знатности) и *номовой / полисной формы государственного устройства* (маленького *унитарного государства*) [36, 52].

«Государство Мо», как и другие *общины–государства* в районе озера Тайху, занимало **ограниченный участок** долины реки (р. Шаоси), на его территории обнаружены следы разветвлённой системы искусственных каналов и несколько населённых пунктов городского типа, со сравнительно небольшой сельской периферией. Среди городских поселений выделяется столица площадью ок. 300 000 кв. м с дворцом. В её округе располагались отдельные храмовые и погребальные комплексы с храмами-алтарями в виде пирамид [14, 18, 26; 13, 51-52]. Раскопки выявили столичный центр с дворцами, храмами, погребениями знати, в которых обнаружен целый комплекс разнообразных регалий *власти* – нефритовых изделий типа *лянчжу*. Именно в «государстве Мо» формируется первый в Восточной Азии комплекс атрибутов высшей власти из нефрита. Ныне уже не вызывает сомнения наличие здесь ранней неиероглифической письменности (строчное и колоночное письмо, расшифровка которого только началась). Весьма возможно, что импульсы государственности распространялись отсюда в соседние районы. «Государство Мо» просуществовало приблизительно до 1900 года до н.э. [31, 157-158; 13, 51-52; 14, 18, 19, 20; 17, 22, см.: 17, 25-42, 48-60; 16, 67-70; 52, 60-63]. Однако развитие **государственности** в период ранней бронзы (1800–1400 гг. до н.э.) в зонах бассейна Янцзы продолжалось. По-видимому, для ряда районов можно говорить о формировании своего рода «[кон]федераций **номов**» – ещё не очень устойчивых образований, во главе которых временно стояли правители разных **номов** [13, 54].

На севере Шаньдуна археологами были обнаружены городские центры **ранних государственных образований** у «восточных *и*» этого же периода, которые можно сопоставить с «**номовыми**» **государствами** Западной Азии [13, 52; 12, 170; 15, 18-19; 17, 77; 14, 21]. Для этого типа государств характерно наличие крупного городского поселения, как центра политической власти и сакрального центра, и его сравнительно небольшой аграрной периферии, за пределами которой находились иные **номовые центры** [12, 170]. Там также были найдены следы письменности [см.: 17, 69-76] («остракон» с городского памятника Дингунцунь, 2400–1900 гг. до н.э.) [13, 52; 14, 19]. Теперь, когда Шаньдун не был отделён от Древнего Приморья Древним Проливом (занимавшим прежде восточные районы Великой китайской равнины [см.: 12, 169; 14, 9-12]), контакты интенсифицировались. На севере Нижней Янцзы (в

низовьях Хуайхэ) на памятнике Лунцючжуан найден остракон–билингва начала II тыс. до н.э., на котором слова, записанные столбиками состоящей из черт иероглифики Шаньдуна, объясняются словами, записанными строчкой слитно знаками «у-юэского» письма Нижней Янцзы [13, 52; 14, 19].

Формировавшееся в III тыс. до н.э. в среднем течении реки Хуанхэ общество народа хуася тогда ещё не было ни самым развитым и сильным из народов Восточной Азии, ни самым многочисленным [14, 26]. В социально-экономическом плане общество хуася центральной части долины Вэйхэ развивалось более медленными темпами, чем народы Южного Китая и Шаньдуна [см.: 13, 53]. Однако ко II тыс. до н.э. земли Среднего Хуанхэ, судя по данным археологии, стали центром формирования у хуася сложных социальных структур, создающих условия для возникновения государственности. Этот центр локализуется в восточной области их расселения, на юге Древнего Приморья, в «Суншаньском» аграрном очаге и в примыкающей с запада долине реки Ло [14, 23].

В начале II тыс. до н.э., в «Суншаньском» аграрном очаге и в расположенном к западу «Лоском» аграрном очаге (в бассейне р. Ло), у хуася начали возникать города, сопоставимые с шаньдунскими: это памятники Сишань (в округе совр. г. Чжэнчжоу) и Гучэнчжай (уезд Синьми), Ванчэнган (уезд Дэнфэн) (1800-1600 гг. до н.э.) на востоке Суншаньского нагорья, Хаодзятай (уезд Яньчэн) к югу от него и Пинлянтай (уезд Хуайян) культуры Ванвань (2100-1800 гг. до н.э.) к юго-востоку, а также Эрлитоу-2 (1800-1600 гг. до н.э.) [14, 23; 12, 170]. Эти городские поселения по архитектуре и некоторым инженерным решениям (строительство стен методом утрамбовки земли) напоминали города северной части Шаньдуна. Это и многое другое указывает на то, что верхние слои общества хуася продолжали активно усваивать социальный опыт государств Нижней Янцзы и Шаньдуна, в частности, многие из упомянутых выше изделий из нефрита, хотя и в упрощенной модификации, распространялись и здесь [14, 23]. Исследователи отождествляют культуру Эрлитоу с *вождеством* Ся [30, 153; 6, 82-83; 4, 136; 1, 139; 33, 124-135]. Археологи раскопали в городище Эрлитоу (как считают, резиденцию *вождей* Ся – 夏后 Ся-хоу) и другие городища периода Ся [4, 136].

Наиболее динамично развивающейся группой хуася в Китае становятся создатели культуры Эрлитоу-3 (ок. 1700 / 1600-1500 гг. до н.э.), которая занимала долину реки Ло, чьи низовья на западе примыкают к горам Суншань [13, 55; 14, 23; 6, 73]. Эрлитоу позднего времени – крупное протогородское поселение площадью около 3 кв. км, в котором обнаружены, по меньшей мере, два дворцовых комплекса (размер наибольшего: 108 × 100 м) [31, 156; 6, 74; 30, 155]. В Эрлитоу-3 обнаружены признаки социального неравенства [6, 74-75], здесь возникает некое **государственное образование** [14, 23]. Абсолютно очевидно, что дворцовый комплекс в Эрлитоу был **политическим центром** немалой **округи**, охватывавшей значительное число окрестных поселений, быть может, все те несколько десятков стоянок культурного типа Лодамяо – Эрлитоу, которые обнаружены и исследованы археологами в уезде Яньши пров. Хэнань [6, 74]. Как считают учёные, по ряду признаков общество здесь сходно с обществами бассейна Янцзы предшествующего периода. Здесь возникает **государство «номового» типа** [13, 55], для которого характерны центр с дворцовым комплексом, достаточно развитая металлургия, набор атрибутов высшей власти (изделия из нефрита, из бирюзы), сложная ритуальная практика: бронзовые сосуды, панцири (без надписей, но со следами гаданий) и др. Историческая роль Эрлитоу заключалась в том, что социальный опыт южан во многом был приспособлен к потребностям хуася [13, 55; см.: 6, 73-74]. И это был здесь, как утверждают исследователи, **не единственный политический центр номового типа** [13, 55]: эрлитоуский комплекс был поселением одного из ранних **политических образований**, совокупность которых составляла общность Ся [6, 84]. Севернее Эрлитоу, к югу от русла реки Фэньхэ, известно городище Дунсяфэн [13, 55].

К середине II тыс. до н.э., в пределах Средней Хуанхэ (в долинах рек Вэйхэ, Фэньхэ, Лошуй, на юге Древнего Приморья и на землях Великой китайской равнины к востоку от него) сложилось определённое этно-культурное единство хуася. С этой восточной группой хуася и будет связан новый этап развития государственности в Восточной Азии [13, 55; 30, 155]. Если ранее рост численности населения, усложнение хозяйства и социальных структур интенсивнее шло у народов бассейна Янцзы, то со времени бронзового века процессы, приведшие к новому типу государственности и оказавшиеся исторически перспективными, активно шли в северной части Китая [13, 56]. Во второй половине II тыс. до н.э. **государственные образования хуася** становятся **«массовым явлением»**. Наиболее развитым из них стало государственное образование с центром в Эрлигане, расположенное на стыке «Суншаньского» аграрного очага и Великой Равнины [14, 23].

В истории древнекитайской государственности особое место принадлежит **раннему государству** Шан 商, где правила династия Инь 殷 (ок. 1600–1027 гг. до н.э.) [31, 158]. Шан – это первое в истории Китая государство, о котором известно не только по археологическим, но и по письменным (нарративным и эпиграфическим источникам [13, 56; 7, 86, 87; 37, 178; 52, 232], в т. ч. по надписям на костях, 甲骨文 *цзягувэнь*, количество находок которых св. 150 тыс., ок. 50 тыс. опубликованных надписей, датированных сер. XIII–XII / XI вв. до н.э.) [31, 161, 160; 52, 88, 106, 124, 126-127, 130, 182; 4, 147]. Когда исследователи расшифровали гадательные надписи на костях, оказалось, что материалы надписей на костях и 3-й главы «Ши цзи» в значительной части идентичны [7, 87]. Имена всех правителей династии Инь, за исключением двух, были найдены в надписях на костях того времени [37, 369; 27, 10; 7, 87-88; 4,



164; 30, 152; 52, 181]). Блестяще подтвердилась историческая достоверность данных хронологии раздела «Инь бэнь цзи» в «Ши цзи» и факт использования Сыма Цянем неизвестных нам, но вполне надёжных источников эпохи Инь [7, 88; 30, 152; см.: 52, 10].

Письменные источники («Чжу шу цзи нянь» [цит. по: 8; 9; 10; 11; 39; 40; 41; 51], «Шан шу» [цит. по: 42; 43], «Ши цзи» [цит. по: 37; 44; 45]) донесли до нас предания о предках правителей народа *шан* (основателе династии Инь – Чэн Тане, его сподвижнике И Ине (упомянутом в надписях на костях [37, 284, п. 19]) и др.), живших на юге Великой Равнины, на стыке носителей археологических культур Нижней Янцзы, Шаньдуна и, позже, юга Древнего Приморья [13, 55; см.: 31, 158]. Главное поселение *шанцев* в конце периода Ся (при последних четырёх Ся-хоу), с 1603 г. до н.э. [6, 66], находилось в Шанцю [39, 200; 37, 283, п. 14] (商丘, 商邱 досл. «шанский холм», на востоке современной пров. Хэнань) (Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 2.14.6–7, Кун-цзя, 9-й г.). Отсюда Чэн Тан (трад. в 1574 г. до н.э. [6, 66]) перенёс свою резиденцию в 亳 Бо (первую столицу государства Шан) [39, 201; 37, 167; 42, 607, п. 4] (Шу сюй, 14 [49, 144]; Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 2.17. 12, Гуй, 15-й год; Ши цзи, гл. 3-я, Тан [37, 167; 39, 257, п. 52]). О местонахождении Бо существуют различные мнения. Чэнь Мэн-цзя пришёл к выводу, что Бо должно было находиться к югу от Шанцю, т.е. к юго-западу от совр. Гушучзи пров. Хэнань [37, 283, п. 15]. В Бо, согласно «Чжу шу цзи нянь», располагали свою резиденцию первые девять *правителей* династии Инь [9, 108-109, 203-205; 6, 68].

Титул *ван* (王 «правитель») носил только глава *шанской* общины – гегемона союза *общин–государств* Среднего Хуанхэ [42, 165; 46, 209; 47, 248]. Главы общин, входивших в состав союза носили титул *侯 хоу* (обозначались общим термином 諸侯 *чжу-хоу* «все князья» [37, 292, п. 77]) [46, 209; 47, 248]. Чэн Тан, став правителем нового государства, повёл борьбу за усиление своей власти и единства *Шанского* союза общин: «Тан карал [непокорных] князей» [49, 144; 37, 167] (湯征諸侯。 [44, 93; 45, 23]) (Шу сюй, 15; Ши цзи, гл. 3-я, Тан).

На основе анализа археологического материала исследователи установили, что территория государства Шан ограничивалась **районом**, примыкающим к столице [31, 158-159; 14, 24; см.: 6, 100; 4, 170], и в этом отношении данный район сложения **ранней государственности** имел сходство с **номами** (*общинами–государствами*) Шумера [31, 158-159; 14, 24].

Таким образом, период генезиса государства в древнем Китае завершился, и, на основе сложного *вождества* [ср.: 6, 68], возникшего в период Ся (археологическая культура Эрлитоу 二里頭文化, XX–XVII вв. до н.э.) [4, 136; 1, 139; 2, 70-88; 33, 124-135] – в условиях раннеклассового рабовладельческого общества в среднем течении реки Хуанхэ формируется ранняя форма государства в виде отдельных *общин–государств* (國 кит. го – «государство», или для раннего периода – «город–государство» [3, II, 684]).

Период **раннего Инь** хронологически совпадает с археологической культурой *Эрлиган* (二里岡文化, 1600–1400 гг. до н.э.) [4, 136]. В 1951 году в г. Чжэнчжоу (пров. Хэнань) обнаружен развитый памятник *Эрлиган* площадью в 25 кв. км. В его центре располагался город, история которого началась ок. 1620 года до н.э. Он был обнесён утрамбованной стеной периметром 7,2 км (толщина у основания до 12 м, сохранившаяся высота 5 м, а достигала 10 м), окружающей пространство более 320 га (это больше территории древнего Рима – ок. 285 га времен *рэксы* Сервия Туллия, VI в. до н.э.). Очевидно, что это был крупный многолюдный городской центр. В нём раскопаны дворец, жилые дома, колодцы, за его стенами – жилища простых людей, мастерские (гончарные, бронзолитейные, косторезные и т.д.), кладбища с могилами средних и небольших размеров [31, 157; 30, 56; 6, 76-77; 4, 164; 28, 14-15; 52, 132, 165-166; 38, 64]. Для культуры *Эрлиган* характерен устоявшийся набор ритуальных изделий из бронзы (различные триподы, тетраподы, кубки и др.) и нефрита (клевы, стержни, диски) [13, 56; 6, 77]. Город был окружен тяготевшей к нему периферией, ориентировочные размеры которой 40 кв. км [6, 76]. Здесь в южной части Древнего Приморья (на границе с Великой Равниной и в её западной части), как считают исследователи, в начале периода бронзы и возникает **раннее государственное образование** со столичным центром на территории совр. г. Чжэнчжоу [13, 56; ср.: 4, 164]. По мнению многих китайских археологов, на месте Чжэнчжоу находилась столица **раннего государства** династии Инь (предположительно, вторая столица *шанского* государства – Ао-ду 隰都 [см.: 4, 146]). По «Ко ди чжи», Ао находилась в округе Чжэнчжоу (уезда Синцзэ пров. Хэнань) [37, 291, п. 67; см. 敖 Ао – 3, III, 1081]. В «Шу сюй», «Чжу шу цзи нянь» и «Ши цзи» (гл. 3-я) сказано, что 囿 Ао – резиденция Чжун-дина и Вай-жэня, 10-го и 11-го правителей династии Инь [49, 186; 37, 171, 292, п. 78, 9, 90, 109, 149, п. 68; 39, 206; 6, 68, 81-82] (Шу сюй, 35; Чжу шу цзи нянь, 3.10.1, 3.11.1; Ши цзи, гл. 3). Таким образом, учёные связывают культуру Эрлиган с ранним этапом государства Шан [см.: 4, 136].

В конце XIV в. до н.э. при правителе Пань-гэне *шанцы* осели в долине р. Хуаньшуй (совр. уезд Аньян, пров. Хэнань), где около 1300 г. до н.э. (в районе совр. деревни Сяотунь) [см.: 37, 172-173, 293, п. 79; 50, 19; 38, 47; 6, 100, 101; 4, 146] основали «*да и Шан*» – «Великий город [владения] Шан» (大邑商, который упоминается и в надписях на костях [37, 292, п. 79; 27, 13; 4, 145, 167]) – столичный и культовый центр государства периода Шан-Инь [31, 158; 30, 156; см.: 6, 68-70; 28, 15] (ок. 1300-1027 гг. до н.э.), возникший в «аньянском» аграрном очаге юга северной части Древнего Приморья [13, 56; 6,

69]. По сведениям источников, новая столица государства Шан стала называться Инь. «Пань-гэн перенёс столицу в *Инь*» [42, 188; 43, 223] (Шан шу, гл. 18-6 (1)). «Пань-гэн Сюнь из (прежней резиденции – С.Д.) Янь переселился в Бэймэн, называвшийся Инь. Инь находится [на расстоянии] 30 *ли* к югу от Е... Больше столицу не переносили» [9, 90, 110; 8, 8; 10, 21; 11, 29] (Гу бэнь чжу шу цзи нянь, 3.19.1–2). «Пань-гэн. Начальный год *бинь-инь*. Ван занял престол, жил в Янь... 14-й год. [Ван] из Янь переселился в Бэймэн, называвшийся Инь. || 15-й год. [Ван] основал город Инь» [39, 207; см.: 6, 69] (Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 3.19.1, 3.19.3–4). О переезде Пань-гэна в Инь подробно рассказано в «Шан шу» (гл. 18-6, 19-6, 20-6) [42, 188-208; 43, 223-245] и более кратко в «Ши цзи» (гл. 3-я, Пань-гэн) [37, 172-173].

Археологи раскопали столицу Инь и другие *иньские* поселения [37, 280, п. 1; 37, 293, п. 79; 27, 10, 11-12]. На территории города Инь (известного ныне как Инь-суй 殷墟 – досл. «Иньские руины»), обнаруженного в начале XX века, с 1928 года ведутся раскопки. На площади около 30 кв. км вдоль обоих берегов реки Хуаньшуй выявлены остатки дворцов, храмов, жилых строений, бронзолитейных и других мастерских, а также многочисленные погребения – от огромных подземных гробниц правящей элиты (размером до 20 × 15 × 10 м, нередко с четырьмя дромосами длиной 30 м, шириной 8 м и общей площадью захоронения не менее 700 кв. м) до мелких ям бедняков; огромное количество сопогребенных людей; многочисленные предметы – керамика, бронза (церемониальная утварь, элементы повозок, орудия труда, оружие и т.д.), изделия из яшмы / нефрита, камня, слоновой кости и пр. [31, 158; 38, 51; 30, 156-157; 28, 14; 52, 183-184, 236]. Погребения, различавшиеся своими размерами, конструкцией, способом захоронения и погребальным инвентарем, служат показателем имущественного и социального неравенства в *шанском* обществе. Если в гробницах знати находят сотни дорогих бронзовых сосудов, части колесниц, тысячи раковин каури (служивших деньгами), драгоценные нефритовые изделия, то в бедных могилах – единичные керамические изделия и орудия труда из камня [31, 159; 52, 184-185, 186-208; 4, 148-150].

Государство Шан-Инь занимало один **небольшой «аграрный район»**, внутри которого располагались дворцовый центр и несколько отдельных поселений [13, 56; 4, 170]. Небольшой размер территории государства Шан позволяет определить его как *общину–государство* (которое Л.С. Васильев называет как «развитое сложносоставное протогосударство» [4, 168, 169]). Фань Вэнь-лань указывает, что в надписях на костях иероглиф, обозначающий государство, изображался знаком 𠄎 [38, 57]. В этой *общине–государстве* сложились три основных органа управления (глава государства, совет знати и народное собрание), которые нашли отражение в главе «Хунфань» из «Шан шу», содержащей рассказ Цзи-цзы об основных моментах истории Иньской эпохи: «Если у тебя (*вана*) большое и трудное дело, то сначала подумай сам, потом посоветуйся с *цинши* (высшая аристократия), посоветуйся с *шуминь...*», т. е. с народом [цит. по: 38, 60, 63].

1) *глава общины–государства (ван)*. Должность *вана* возникла на основе должности *главного вождя* (帝 кит. *ди* – «первопредка–правителя») [*сложного вожDESTВА*], как истолковывают термин *ди* современные комментаторы текста «Ши цзи» [37, 235, п. 65]. В начальный период правления династии Инь *ваны* менялись очень часто (что может свидетельствовать об ожесточённой борьбе за власть, в ходе которой устранялись неугодные претенденты на трон) [49, 169; 9, 108; см.: 37, 170-174; 38, 58] (Шу суй, гл. 14-0; Гу бэнь чжу шу цзи нянь, 3.4; Ши цзи, гл. 3, Тай-цзя). Причём, ясно видно, что в эту борьбу активно вмешивалась *общинная знать* [35]. Поэтому *ван* был наделён большой, но не неограниченной наследственной властью: при решении важных, задач ему приходилось советоваться с приближенными (*советом знати*) и простыми общинниками (*народным собранием*) [42, 146, 148, 157, 191; 38, 60, 63; 31, 159] (Шан шу, гл. 10-5, 12-0, 18-6 (5-6)). *Ван* не был всемогущ. Пань-гэн, собираясь переехать – просил, уговаривал народ, урезонивал должностных лиц общины, снова спрашивал, пытаясь пригрозить чиновникам [см.: 6, 99; 4, 168]. Поэтому *ван* опирался на знать (родственников, общинную знать, вождей дружественных общин и племён) и на соплеменников [см.: 31, 159] (*рядовых общинников*, составлявших основную часть общинного ополчения). *Ван*, по существу, оставался должностным лицом общины, управляя её общественным фондом, регулируя его создание и потребление, обеспечивая защиту интересов общины. Не только хозяйство *вана* и храмов было ещё частью производственного комплекса общины, но и власть *вана* опиралась не столько на собственный административный аппарат, сколько на *общинную знать* и систему общинных органов управления [47, 209; 48, 248] (Гу бэнь чжу шу цзи нянь, 3.3.1, 3.4).

*Ван* объединял в своих руках высшие административные, судебные, религиозные, военные и хозяйственные функции [см.: 31, 159]. 1) *админи-стративные* функции: правитель руководил государством, инспектировал подвластные территории, объявлял указы; для выполнения государственных функций и управления хозяйством *вана*, он формировал административный аппарат управления, назначая должностных лиц [см.: 20, 4] (обозначаемых термином 百官 *бэй-гуань* «сто чинов») [42, 163, 209, 215] из категории людей, не входивших в общину и постоянно связанных с его хозяйством [47, 207; 48, 246; см.: 52, 272]. В речи Пань-гэна они указаны как «начальники (師長 *шичжэнь*) и люди при исполнении сотни служб» (*байчжи шичжизжэнь*), т.е. чиновники среднего и низшего рангов [42, 208; 6, 98; 4, 168; 20, 12-13] (Шан шу, гл. 13-0 (1), 20-6 (8); Гу бэнь чжу шу цзи нянь, 3.4.1, 3.27.1; Цзинь бэнь

чжу шу цзи нянь, 3.2.2, 3.3.1, 3.4.1, 3.4.3; 3.13.2, 3.13.5, 3.13.7, 319.5, 3.21.2, 3.24.5, 3.24.7, 3.27.4, 3.27.9, 3.29.2, 3.30.2, 3.30.24; Ши цзи, гл. 3-я). Чэнь Мэн-цзя, проведя анализ надписей на костях, зафиксировал несколько десятков терминов, обозначающих должностных лиц различных рангов и рода деятельности [см.: 4, 190, 190-191]. **2) судебные функции:** так как суд не был отделён от администрации, то правитель был также высшей *судебной* и *апелляционной* инстанцией (Шан шу, гл. 13-0 (7), 18-6 (16); Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 3.24.6, 3.28.8, 3.30.5, 3.30.16–17, 3.30.45). **3) религиозные функции:** ван был *верховным жрецом* общинных культов, приносил от лица общины жертвы божеству [20, 4; 47, 209; 48, 248; 52, 237, 262] (Шу сюй, 40; Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 3.1.2, 3.4.5, 3.22.6, 3.22.8; Ши цзи, гл. 3). Практика гадания в Шан составляла важную часть не только культа религии, но и политической и экономической жизни в целом. Проводил обряд и записывал его результат профессиональный гадатель [см.: 20, 4-6], однако задавал вопросы оракулу и толковал ответы сам ван [см.: 47, 207; 48, 246; см.: 50, 22; 38, 63; 4, 184, 1185, 188]. Характер вопросов свидетельствует о том, что обычай гадания в период Шан стал важным государственным институтом [31, 162, см.: 31, 159]. **4) военные функции** (был военачальником [47, 209; 48, 248; 52, 284-285]: возглавлял свою дружину [4, 182, 189] и возглавлял общинное ополчение [см.: 42, 148; 4, 180-182]), о чём есть сведения и в надписях на костях [см.: 20, 8-13; 4, 173] (Шу сюй, 18. 19, 20, 21, 22; Шан шу, гл. 10-5 (4), гл. 11-0 (6); Гу бэнь чжу шу цзи нянь, 3.1.1, 3.10.2, 3.12.1, 3.18.2, 3.28.3; Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 3.10.2, 3.12.2–3, 3.18.2, 3.22.9-11, 3.22.13-14, 3.24.2–4, 3.30.9, 3.30.38; Ши цзи, гл. 3-я). **5) хозяйственные функции:** полевое хозяйство храма и вана обслуживалось руками самих общинников, которые призывались на эти работы по велению оракула. Должностной функцией вана была организация коллективных полевых работ, в которых участвовали тысячи людей [20, 4; 47, 207, 209; 20, 5; 48, 246, 248; см.: 4, 172, 184-188]. На гадательных костях встречаются надписи: «Ван призывает сяочэнь и приказывает чжун сеять просо»; «Ван обычно посылает чжун сеять просо в Цзюнь»; «ван отдал общий приказ чжун-жэнь, объявив: совместно трудитесь на полях, и тогда получим урожай...»; «приказано сеять клейкое просо...» [38, 50; см.: 4, 184-185; 20, 5-7, 12].

Кроме того, ван осуществлял внешнеполитические функции (принимал посланников, заключал союзы [9, 111]) (Гу бэнь чжу шу цзи нянь, 3.27.1; Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь, 3.1.4, 3.9.5, 3.9.9, 3.12.4, 3.19.2, 3.22.12, 3.27.9, 3.28.7, 3.30.18, 3.30.24, 3.30.34).

Таким образом, различные функции управления концентрировались в одних руках – это признак *монархической формы правления* [см.: 20, 4]. Исходя из того, что власть главы общины–государства ограничивалась органами общинного управления (дела обсуждались в совете знати, а самые важные решения, видимо, утверждались на народном собрании [см.: 31, 159; 38, 60, 63]) можно говорить о том, что это была *ограниченная монархия* в виде **ранней монархии**, которая возникла не путём захвата власти, а вследствие развития должности *главного вождя*.

2) Совет знати (т.е. совет, в котором заседали только знатные люди) – это советственный орган при правителе, вместе они занимались решением текущих дел [см.: 31, 159]. *Совет знати* ещё в конце первобытного общества появился вместо прежнего *совета* старейшин общины. Теперь это был *совет* всей общины–государства. Например, «Тан [находился – С.Д.] под влиянием И Иня и Чжун Хуэя...» [32, 84], двух своих советников [38, 47] (Люй-ши чунь-цю, кн. 2-я, гл. 4-я; см.: кн. 3-я, гл. 3-я [32, 91]; см.: Шан шу, гл. 13-17). В «Ши цзи» в качестве советников Тана назван И Инь (И-инь) и, как полагает Кунь Ан-го, Цзю и Фан [37, 167, 285, п. 25] (Ши цзи, гл. 3-я, Тан). Источники упоминают имена советников при разных правителях династии Инь [см.: 38, 48; 4, 191]. Совет выполнял *административные* функции. Так как суд не был отделен от администрации, то *совет знати* выполнял *судебные* функции. Кроме того, члены *совета знати* выполняли *жреческие* функции (были жрецами родовых культов) и *военные* функции (командовали отрядами своих родичей).

3) Народное собрание – выросло из народного собрания первобытной *соседской* общины, но это было собрание не отдельной территориальной общины, а всей общины–государства. Все общинники (взрослые мужчины–воины) должны были собираться в главном поселении (городе) общины–государства на *народное собрание*. Общинники собирались на главной площади главного поселения (города). Народное собрание собиралось для решения самых важных дел: ван, в таких случаях, должен был советоваться с **простыми общинниками** [31, 159]. Это не мог быть постоянно действующий орган, так как общинникам нужно было работать в поле. В «Шан шу» сообщается, что Чэн Тан, собрав *общинников–людей* (衆庶 чжуншү «массы, [простой] народ», также 有衆 ю чжун «народ владения», или просто 衆 чжун «народ» [3, III, 831; 42, 146, 609, п. 5]), обратился к ним с предложением пойти войной против правителя династии Ся: «Придите, вы, люди! Слушайте всё, что я скажу! ... Нынче вы, люди (ю чжун – С.Д.), скажете вы: «Наш повелитель не жалеет нас, людей (чжун – С.Д.), прерывает наши полевые работы...» ...Я... слышу, люди (чжун – С.Д.), ваши речи...» [42, 146]. Обсуждая этот важный вопрос, общинники задали вопрос Чэн Тану: «В чём преступления Ся?». Тан просил общинников помочь ему в войне против Ся и обещал им щедрую награду [42, 148; см.: 6, 64; 4, 168]. После победы над Ся, Чэн Тан снова собрал общинников (萬方有衆 вэньфэнь ю чжун «народ десяти тысяч мест») [42, 157; 6, 97-98] (Шан шу, гл. 10-5, 12-0). *Народное собрание*, по сути дела, было формой собрания *общинного ополчения*. Перед переездом в Инь, Пянь-гэн дважды собирал народ (衆 чжун и 民 мин) во дворе своего дворца и ещё раз (有衆 ю чжун «народ» и 萬民 вэньминь «весь народ, народные массы» [3, III, 340]) – по-

сле переселения [42, 199-205, 206-208; 38, 52] (Шан шу, гл. 18-6 (5-6), 19, 20-6).

4) Помимо вышеуказанных трёх главных органов управления, в *общине–государстве* также продолжали действовать должностные лица общины, которые в речи Пань-гэна названы «те, кто занимал должности (位 *вэй*)... по заведённому порядку выполняли [свои] старые обязанности» [42, 191] (Шан шу, гл. 18-6 (5), 20-6 (8)) Так как должности в *общинах–государствах* занимали по происхождению – по знатности [см.: 50, 21; 4, 190-191; 20, 8-9], то **политический режим** можно охарактеризовать как **аристократический**.

Анализ археологического материала нескольких отдельных поселений и могильников, позволил выявить на территории *общины–государства* Шан-Инь несколько «секторов», для каждого из которых характерны не только общие для всего Шан-Инь, но и отличающиеся элементы культуры (керамика, изделия из металла, нефрита, погребальный обряд и т.п.) [13, 56]. В речи Чэн Тана упоминаются 凡我造邦 «все уделы (邦 *бāн* – букв. ‘уделы, города-государства’ [3, II, 784]), полученные от нас» (т.е. от правителя Шан) [42, 159]; а в речи Пань-гэна – главы «уделов городов-государств» (邦伯 *бāн-бó*) – главы округов, обозначенные в надписях на костях термином *до-бо* («все главы округов») [42, 208; 50, 21; 38, 52, 60; 20, 7-10] (Шан-шу, гл. 12-0, 20-6 (8)). Это означает, что *община–государство* (кит. *го*) Шан делилась на *территориальные общины* (邦 *бāн*), которые являлись административно-территориальными единицами государства и, одновременно, были полицейскими (отвечали за правопорядок на своей территории), фискальными (отвечали за внесение податей и отбытие трудовой обязанности, о чём есть эпиграфические надписи [см.: 20, 12-17]) и военными (формировали общинное ополчение [20, 16]) округами [см.: 4, 180-181, 187-188]. Одно из поселений *территориальной общины* было главным поселением – «городом» (都 *дū* – *ист.* крупное селение (в первый период оседлости) [3, II, 778]), где располагались местные органы власти. В «Шан шу» сказано: «ван, по воле Неба, «...создаёт уделы (邦 *бāн* – С.Д.) и ставит города» (都 *дū*) [42, 215]. В каждой *территориальной общине*, кроме *главы общины* (*бāн-бó*), надо полагать, были ещё *совет старейшин* и *собрание общинников*. Л.С. Васильев указывает, что Пань-гэн, собираясь перенести резиденцию и столкнувшись с неприятием этой идеи народом, призвал к себе *старейшин* и обратился к ним с увещаниями [6, 97; 4, 168].

На территории округа (邦 *бāн*) существовали отдельные поселения (кит. *и*; числом от 3-4 до 30-40 [6, 106; 4, 171]). Л.С. Васильев указывает, что обнаружены многочисленные надписи (числом около 44-х) о возникновении в районе Аньяна новых поселений (кит. *и*), например: «Ван решил создать *и*»; «построили большое *и* [там-то]»; «Я (*ван* – *прим. переводчика*) построил это *и*». Всего этих *и* в государстве Шан-Инь, по данным Дун Цзо-биня, насчитывалось около тысячи [4, 169, 177; 6, 101-102]. В каждом *поселении*, видимо, были три органа *самоуправления* (*глава* поселения [6, 102], *совет* поселения и *собрание* поселения).

В результате, исходя из небольшого размера территории [13, 56; 4, 170] (в радиусе нескольких десятков км, площадью [6, 170]) и особенностей организации власти, *форму государственного устройства* Шан (и других *общин–государств*) можно определить как **номовое государство** (маленькое *децентрализованное унитарное государство*).

Кроме того, правители Шан контролировали также отдаленные земли, населенные разными этносами [13, 56, 46, 209; 48, 248; 6, 170, 171]. Видимо, *общины–государства* Среднего Хуанхэ объединились в некую *конфедерацию* (союз независимых государств) вокруг *шанской общины–гегемона*, где правили члены новой династии Инь [см.: 4, 171; 47, 209; 48, 248].

Таким образом, органы государственной власти в *общинах–государствах* в древнем Китае, как и везде в мире, формировались путём **трансформации** органов общинного управления первобытной *соседской общины* (глава общины, совет общины, собрание общины, должностные лица общины) в органы государственного управления, когда эти органы, помимо функций управления, начинали выполнять политические функции (функции публичной власти).

#### Литература:

1. Блюмхен С.И. «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня // История и современность. 2007, март. № 1. С. 138-145.
2. Блюмхен С.И. Становление династии Ся и «Событие 4200BP» в свете исследований китайских и западных учёных // Общество и государство в Китае: XLII Научная конференция – М.: ИВ РАН, 2012. Ч. 1. С. 70-88.
3. Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. I–IV.
4. Васильев Л.С. Древний Китай. М.: Вост. лит., 1995. Т. I. – 379 с.
5. Васильев Л.С. История Востока. М.: Высш. шк., 1993. Т. I. – 496 с.
6. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. – 327 с.
7. Вяткин Р.В. «Основные записи» как исторический источник // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи). М.: Вост. лит., 2001. Т. I. С. 66-129.
8. Гу бэнь чжу шу цзи нянь 古本竹書紀年. Ци Лу шушэ 齐鲁书社, 2000. – 133 с.

9. Гу бэнь чжу шу цзи нянь 古本竹書紀年 // Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / Пер. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М.: Вост. лит., 2005. С. 87-189.
10. Гу бэнь чжу шу цзи нянь цзи цзяодин бу 古本竹書紀年輯校訂補. Шанхай 上海: Шанхай жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 1962. – 107 с.
11. Гу бэнь чжу шу цзи нянь цзи чжэн 古本竹書紀年輯證. Шанхай 上海: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1981. – 294 с.
12. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у хуася во II тыс. до н.э. // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 2013. Т. XIII. Ч. 1. С. 167-176.
13. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. // XLII научная конференция «Общество и государство в Китае». Учёные записки отдела Китая. М.: ИВ РАН, 2012. Вып. 6-й. Т. 1. С. 39-62.
14. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э.: складывание «двуединого» Региона // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLII. Ч. 3: Учёные записки отдела Китая. Вып. 7-й. М.: ИВ РАН, 2012. С. 7-39.
15. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Ранние городские поселения Восточной Азии (рубеж 3-2 тыс. до н.э.): к вопросу о возникновении государственности в историческом регионе Восточная Азия // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2013 г.). М.: ИД «Ключ-С», 2013. С. 17-20.
16. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Ранняя аустрическая письменность: массив надписей V тыс. до н.э. из Шуандуня (пров. Аньхой, КНР) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 ноября 2011 г.). М.: ИД «Ключ-С», 2011. С. 67-70.
17. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 1 // Вопросы эпиграфики. Вып. V. М., 2011. С. 7-118.
18. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 2 // Вопросы эпиграфики. Вып. VI. М., 2012. С. 205-249.
19. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 3 // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. М., 2013. С. 15-103.
20. *Думан Л.И.* Пожалование земельных владений в древнем Китае (эпоха Инь, XIV–XI вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. М.: Наука, 1981. С. 3-21.
21. *Дьяконов И.М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории, 1963. № 1. С. 16-34.
22. *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3-16.
23. История древнего Востока. М.: Наука, 1983. Ч. 1. – 534 с.
24. История древнего мира: ранняя древность. М.: Наука, 1982. Кн. 1. – 390 с.
25. История древнего мира: ранняя древность. Изд. 2-е. М.: Наука, 1989. Кн. 1. – 470 с.
26. История древнего мира: упадок древних цивилизаций. М.: Наука, 1989. Кн. 3. – 572 с.
27. История Китая с древнейших времён до наших дней. М.: Наука, 1974. – 535 с.
28. История народов Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1986. – 580 с.
29. *Конрад Н.И.* О рабовладельческой формации // Запад и Восток. М.: Наука, 1972. С. 29-46.
30. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. – 344 с.
31. *Кучера С.И., Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Древний Китай (III–II тыс. до н.э.) // Всемирная история. В 6-ти тт. Т. 1: Древний мир. М.: Наука, 2011. С. 150-168.
32. Люйши чуньцю: Весны и осени господина Люя. М.: Мысль, 2001. – 525 [1] с.
33. *Мартыненко Н.П.* Загадка «династии Ся» и символика сельскохозяйственного цикла // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 6. С. 124-135.
34. *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. – 276 с.
35. *Суровень Д.А.* Особенности борьбы за власть в период окончания генезиса государства и появления ранней государственности в древнем Китае // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VII Международной научно-практической конференции. Казань: ЯЗ, 2014. С. 312-321.
36. *Суровень Д.А.* Периодизация рабовладельческого государства и права // История государства и права в условиях реформирования юридического образования: методологические, ме-

тодические, социально-культурные аспекты. Межвузовская научно-методическая конференция. Екатеринбург: УрГЮА, 2011. С. 52-55.

37. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Вост. лит., 2001. Т. I. – 415 с.

38. *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 294 с.

39. Цзинь бэнь чжу шу цзи нянь // Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / Пер. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М.: Вост. лит., 2005. С. 190-265.

40. Чжу шу цзи нянь ичжу 竹書紀年譯注. Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ 黑龙江人民出版社, 2003. – 270 с.

41. Чжу шу цзи нянь цзицзе 竹書紀年集解. Гуан-и шуцзюй 廣益書局, 1936. – 172 с.

42. Шан шу 尚書 // Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). М.: ИДВ РАН, 2014. – 1149 с.

43. Шан шу чжэн-и 尚書正義 (из серии «Ши сан цзин чжушу» 十三經注疏). Пекин 北京: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大學出版社, 1999. – 572 с.

44. Ши-цзи 史記 (в 10-ти тт. 全十冊). Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. Т. I. – 339 с.

45. Ши-цзи 史記 (из серии «Эршисы ши цюань-и» 二十四史全譯). Шанхай: Хань-юй дацзюань чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. Т. I. – 6, 5, 3, 3, 6, 797 с.

46. *Шилюк Н.Ф.* Закономерности развития государства в рабовладельческом обществе // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1984. С. 3-17.

47. *Шилюк Н.Ф.* История древнего мира: Древний Восток. Свердловск: УрГУ, 1991. – 244 с.

48. *Шилюк Н.Ф.* История древнего мира: Древний Восток. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. – 288 с.

49. Шу сюй 書序 // Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). М.: ИДВ РАН, 2014. – 1149 с.

50. *Ян Юн-го*. История древнекитайской идеологии. М.: Изд. ин. лит., 1957. – 424 с.

51. The Annals of the Bamboo books 竹書紀年 // The Chinese Classics. Hong Kong, 1865. Vol. III. Part I. P. 105-183.

52. The Cambridge History of Ancient China. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – xxxii, 1148 p.

## РОЛЬ АПОКРИФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (ЧЭНЬ ВЭЙ) В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ БЛАГИХ ЗНАМЕНЕЙ

Терехов А.Э.  
ИБР РАН

На протяжении всей истории императорского Китая благие знамения (жуй 瑞) являлись важным элементом комплекса представлений о верховной власти. Они служили свидетельством легитимности правящего монарха, признаком наличия у него мироустроительных способностей, показателем успешности предпринимаемых им политических мер, а также знаком одобрения и поддержки со стороны высших сил.

Китайская традиция знаменей имеет очень долгую историю: наиболее ранние свидетельства её существования относятся к эпохам Шан 商 (XVII–XI вв. до н. э.) и Западная Чжоу (Си Чжоу 西周, XI–VIII вв. до н. э.), а концептуальное осмысление началось, по-видимому, в период Чуньцю 春秋 (Весны и осени, VIII–V вв. до н. э.) и активно продолжилось в следующий за ним период Чжаньго 戰國 (Сражающиеся царства, V–III вв. до н. э.) [см. 25, 216–222; 17, 168–169]. При этом большее внимание обычно уделялось дурным предвестиям (т. н. «катастрофам и странным происшествиям», *цзай и 災異*), которые активно использовались сановниками и мыслителями для критики современных им правителей [см. 25, 216–234; 17, 680–684]; благие же знамения в течение долгого времени воспринимались только в качестве атрибута «золотого века» легендарной древности и его мифических правителей, и использовались преимущественно для создания контраста, подчёркивающего несовершенство далёкой от этого идеала действительности. Лишь во второй половине Чжаньго Цзоу Янь 鄒衍 (ок. 350 – 270 гг. до н. э.) актуализировал проблему благих знаменей: в его знаменитой теории о круговороте «пяти сил» (у дэ 五德) они оказались главным признаком начала очередной фазы космического и политического цикла, подтверждающим легитимность нового правителя [см. 25, 219–222].

Однако эпоха подлинной популярности благих знаменей началась чуть позже, в конце III – начале II вв. до н. э.: образование единой империи с ее «государственной утопией», «достижением

идеального состояния общества „здесь и сейчас» [19, 25–35] сделало возможным появление благих знамений в непосредственной политической реальности и тем самым вывело их обсуждение на принципиально новый уровень. В результате эпоха Хань 漢 (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) стала временем наивысшего расцвета и окончательного оформления не только теории знамений в целом [см. 25, 222–234; 17, 169–171], но также и системы представлений о благих знамениях как её специфической части.

К рубежу н. э. различные благие знамения упоминались в значительном числе исторических, философских и даже поэтических текстов, сообщавших как о самих фактах их появления, так и об их причинах и последствиях. Чаще всего в качестве благих знамений выступали либо различные природные феномены (например, своевременный ветер и дождь), либо появление тех или иных благовещих существ или предметов (*жуй у* 瑞物), в первую очередь (но отнюдь не исключительно) – фениксов (*фэн-хуан* 鳳凰), *цилиней* 麒麟<sup>1</sup> и, уже в имперский период, драконов (*лун* 龍). Их возникновение чаще всего связывалось с мироустроительной деятельностью наделённого благой силой-дэ 德 истинного государя, образ которого в условиях императорского Китая соотносился с одной стороны с реальными монархами, а с другой – с представлениями о совершенных мудрецах (*шэн* 聖), особого типа личностях, воплощавших собой идеал морально-этического и духовного совершенства [см. 24; 25, 243–247; 17, 453–454].

Особую роль в дальнейшем развитии и окончательном оформлении традиции благих знамений сыграли так называемые апокрифические тексты (*чэнь вэй* 讖緯) – корпус дошедших до нас лишь в извлечениях религиозно-политических сочинений I–III вв. н. э., представлявших собой замысловатый сплав философии, космологии, мифологизированной истории, протонаучных знаний и руководств по мантическим практикам [см. 26]. Главной целью составления этих текстов была легитимизация правящего дома Хань с мистически-философских позиций, и потому благие знамения занимают в них одно из центральных мест. Посвящённые им пассажи составляют значительную часть сохранившихся до наших дней фрагментов этих текстов, и, по мнению некоторых учёных, могли даже являться их ядром [см., например, 33, 79]. Дурные знамения также занимают в этих сочинениях довольно важное место, однако по значимости сильно уступают благим.

В целом, фрагменты, в которых говорится о благих знамениях, можно разделить на три основных группы: это, во-первых, сообщения о случаях появления знамений в прошлом (при этом практически все они связываются с деятельностью совершенномудрых древности от Фу-си до Конфуция и, в редких случаях, с государями более поздних эпох); во-вторых, указания причин или последствий появления тех или иных знамений; наконец, в-третьих (значительно реже), подробные описания благовещих существ или предметов. Стоит отметить, что в предшествующей традиции бытовали, насколько можно судить по дошедшим до нас текстам, лишь сообщения первого типа, да и их число было довольно ограничено; таким образом, можно предположить, что относительно подробные описания отдельных знамений и конкретных причин их появления (до этого они чаще всего рассматриваются совокупно и воспринимаются лишь как признак установления мировой гармонии<sup>2</sup>) в апокрифах появляются впервые. К сожалению, фрагментарность апокрифов значительно затрудняет анализ отражённых в них представлений о благих знамениях: пассажи, посвящённые этой теме, крайне многочисленны и лапидарны, что затрудняет их анализ. Тем не менее, на основании дошедших до нас фрагментов можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, в апокрифических текстах получает дальнейшее развитие идея о связи благих знамений с совершенномудрыми правителями. Хотя в дошедших до нас отрывках отсутствуют теоретические рассуждения на эту тему, представления о том, что появления чудесных знаков высшего одобрения удостоиваются преимущественно (если не исключительно) *шэны*, находят своё выражение в записях о конкретных случаях появления благих знамений в древние времена: в то время как в предшествующей традиции этих знаков небесного одобрения мог удостоиться «обычный» хороший правитель, в апокрифах практически все они связываются с персонажами, причисляемыми к совершенномудрым.

Во-вторых, согласно этим текстам, благие знамения появлялись при каждом из совершенных мудрецов. При этом мифология многих из них изначально не содержала элементов, которые можно было представить в качестве знамений, и потому авторы апокрифов либо придумывали для них новые знамения, либо (чаще) переносили на них знамения других *шэнов*, к этому времени отчасти утратившие исходные связи и ставшие «самостоятельными». Таким образом, благие знамения в апокрифических текстах активно проецировались в прошлое и вплетались в исторический контекст прежних

<sup>1</sup> В отечественной традиции *цилиня* – чудесного зверя, описываемого китайцами I в. как кабаргу с одним рогом, – иногда называют «единорогом», однако подобный перевод представляется не особо удачным хотя бы уже только потому, что в более поздней традиции это животное изображается не с одним рогом, а с двумя.

<sup>2</sup> Одним из немногих исключений являются знамения, маркирующие начало новой эры в упомянутой выше системе Цзоу Яня.

эпох, как представляли его китайцы, жившие в I–III вв. н. э.<sup>1</sup> В результате, апокрифические тексты оказались переполнены сообщениями о неизвестных по более ранним источникам знамениях, якобы ниспосланных Шэнь-нуну 神農, Хуан-ди 黃帝, Яо 堯, Шуню 舜, Чжоу-гуну 周公, Конфуцию (Кун-цзы 孔子) и прочим совершенным мудрецам. Это ещё больше усиливало связь благих знамений с *шэнами* и превращало эти чудесные происшествия в неотъемлемый атрибут данных персонажей.

В-третьих, обилие благих знамений, получившееся в результате их проецирования в древность, превратило их в привычный атрибут мироздания: если раньше они считались редкой наградой, которой удостаивались лишь наиболее выдающиеся из монархов, то теперь простое их отсутствие оказывается свидетельством недостатков правителя: «[Когда Сын Неба] лишается гуманности, драконы и *цилини* не танцуют, [когда] лишается благопристойности – птицы *луань* 鸞 и фениксы не порхают, [когда] лишается мудрости – жёлтый дракон не показывается, [когда] лишается справедливости – белый тигр не появляется, [когда] лишается честности – тёмная черепаха не показывается» [3, 1016; см. также 3, 1012–1013]<sup>2</sup>.

В-четвёртых, несмотря на то, что в апокрифах ощущаются попытки упорядочивания множества благих знамений, никакой целостной системы там не вырисовывается. Это проявляется, в частности, в отсутствии однозначных соответствий между знамениями и событиями, вызвавшими их появление или предвещаемыми ими. Так, одни и те же обстоятельства могли приводить к появлению различных удивительных последствий. Например, знамения, вызываемые тем, что «благая сила-дэ [правителя] достигает птиц и зверей», включали в себя появление фениксов, птиц *луань*, *цилиней*, белых тигров, белых оленей, белых воронов, девятихвостых лисиц, белоголовых фазанов и т.д. [см. 3, 977–978]. В другом случае, целый ряд различных знамений связывался с тем, что «божественный дух (*шэнь лин* 神靈) [монарха] просачивается [во все сферы мироздания] и сто драгоценностей используются с должным почтением» [3, 979–982]. В то же время, одно и то же знамение могло являться результатом (или предвестием) самых разных событий. Так, в числе причин появления сладкого источника (*ли цюань* 醴泉) в апокрифических текстах назывались почтение правителя к выдающимся людям и готовность назначать их на ответственные посты, обретение им наивысшей власти, а также способность его благой силы-дэ достигать земли или глубоких источников [см. 3, 406, 649, 741, 977], а появление сияющей звезды (*цзин син* 景星) объявлялось следствием того, что сердце правителя преисполнено заботой о добродетели, что его благая сила-дэ достигает Неба или восьми отдалённых регионов, что его «божественный дух просачивается [во все сферы мироздания] и сто драгоценностей используются с должным почтением», либо что сам он «выдвигает достойных», «воздействует на августейшее Небо» или «учреждает ритуалы, устанавливает музыку и наставляет [подданных] в служении Небу» [3, 582, 741, 768, 974–975, 980, 1007]. Тем не менее, некоторые знамения в апокрифах всё-таки получают однозначные объяснения: например, сладкие росы (*гань лу* 甘露) появляются, лишь когда благая сила-дэ правителя достигает Неба, а чудесный колос (*цзя хэ* 嘉禾) – когда она пропитывает землю [3, 738, 741, 973–974, 977].

В-пятых, в апокрифах наиболее очевидное воплощение приобретают противоречия, вызванные характерным для древнекитайской традиции знамений в целом отсутствием чёткой границы между «предвестиями» и «откликами» [см. 18, 32–33]. В результате, одно и то же явление порой рассматривалось то как предзнаменование грядущей гармонии, то как её результат. К примеру, в одном случае появление на небосводе звезды Старца (*лао жэнь* 老人, Канопус) объявлялось предвестием «спокойствия в душе правителя», а в другом – считалось «откликом» на него [см. 3, 663]; в ещё одном случае эта же звезда рассматривалась как ответ на достигнутую благодаря стараниям монарха гармонию в обществе и в то же самое время – как предвестие его долголетия [3, 650]. Возможно, подобное безразличие к причинно-следственным связям было вызвано тем, что предвещаемый или отражаемый знамениями порядок в обществе понимался одновременно и как условие, и как результат проявляющейся их посредством гармонизации всего мироздания.

Наконец, особое развитие в апокрифах получает специфический тип предвестий – т. н. «текстуальные знамения», т. е. посылаемые Небом письменные распоряжения, в которых его воля выражена не аллегорически, а непосредственно – в виде письменного текста.

На этих знамениях стоит остановиться подробнее, поскольку они в значительной степени определили сущность апокрифических сочинений и их восприятие современниками. В древние эпохи зна-

<sup>1</sup> Зачастую в качестве «основы» для благого знамения брался известный из более ранних источников эпизод, который приукрашивался подробностями, придававшими ему новое качество. Так, рассказ о рыбалке мудреца Люй Шана 呂尚, в процессе которой его обнаруживает Вэнь-ван 文王 [см. 16, 32/1477; 22, 39], был дополнен сообщением о выловленной им драгоценности с пророческой надписью [см. 3, 371, 411, 443] (другой – вероятно, более ранний, – вариант сообщает о послании в животе выловленной им рыбы [см. 4, 66/1178]), а короткое упоминание о поимке в царстве Лу в 481 г. до н. э. *цилиня* превращено в историю о ниспослании Конфуцию божественных текстов [3, 1000–1001].

<sup>2</sup> На первый взгляд, подобные представления вступают в противоречие с отмеченной выше идеей о том, что появления благих знамений удостаивались лишь совершенные мудрецы. Тем не менее, стоит принимать в расчёт специфику рассматриваемых текстов: в идеализированном мире апокрифических текстов законные правители практически неизбежно оказывались *шэнами*.



меня такого типа практически отсутствовали: большинство древнекитайских мыслителей сходилось во мнении, что «Небо не говорит» (*тянь бу янь* 天不言) [см., например, 7, 5A/2737; 1, 3/46; см. также 6, 17.19/2526], и потому способно изъявлять свою волю лишь косвенно: в действиях народа, в катастрофах, в появлении удивительных предметов, зверей и птиц и т.д. Впрочем, облекаться в слова, хотя и устные, воля Неба начала уже в эпоху Чжаньго: по-видимому, именно тогда широкую популярность начинают приобретать детские песенки (*тунъяо* 童謠), в которых пророчества политического характера выражались в завуалированной, аллегорической форме [см. 18]. С другой стороны, «слова» Неба получают материальные воплощения в древних артефактах, – «Схеме из реки Хэ» (*хэ ту* 河圖) и «Письменах из реки Ло» (*ло шу* 洛書), требующих, однако, посредничества мудрецов для того, чтобы быть переведёнными в привычную для обычных людей форму [32, 300].

Постепенно возникает представление о том, что Небо способно выразить свою волю непосредственно, в виде письменного текста. По-видимому, данная идея оформилась к концу периода Чжаньго: первые свидетельства появления «небесных посланий» относятся к периоду правления пришедшей ему на смену династии Цинь 秦 (221–207 гг. до н. э.). Согласно «Историческим запискам» («Ши цзи» 史記) Сыма Цяня 司馬遷 (145?–86? гг. до н. э.) в 211 г. до н. э. на упавшем в области Дунцзюнь метеорите появились слова «Ши-хуанди умрет, и землю [империи] разделят» [16, 6/259; 21, 81], а два года спустя внутри купленной на рынке рыбы был обнаружен кусок шёлка с надписью «Чэнь Шэн станет царём» [16, 48/1950; 23, 153]. Интересно, что в обоих случаях источник этих историй сразу изобличает эти «божественные» тексты как подделки: согласно ему, слова на камне вырезал «кто-то из черноголовых», а надпись на шёлке была сделана и помещена внутрь рыбы тем самым Чэнь Шэном 陳勝 (ум. 208 г. до н. э.), о котором в ней и говорилось. Очевидно, во времена Сыма Цяня идея о том, что Небо способно изъявлять свою волю в письменной форме, в целом была чужда представителям образованных слоёв<sup>1</sup>.

Тем не менее, со временем подобные представления набирают силу. Так, по сообщениям исторических источников, в 78 г. до н. э. на изъеденных гусеницами листьях внезапно зазеленевшего старого дерева проступила надпись, предвещающая появление нового правителя [см. 12, 75/3153]<sup>2</sup>; несмотря на неоднозначность трактовок этого знамения, его подлинность, судя по всему, уже не вызвала у современников сомнений.

Целый ряд «божественных надписей» появился в последние годы Западной Хань, в период возвышения Ван Мана 王莽 (пр. 9–23 гг. н. э.). Среди огромного множества знамений, появившихся в период его регентства при двух малолетних ханьских императорах (1–8 гг. н. э.), упомянуты «железная грамота» (*те ци* 鐵契), «верительная бирка юйского [Шуня]» (*Юй фу* 虞符), «тёмная печать» (*сюань инь* 玄印) и «письмена на камне из Маолина» (*Маолин ши шу* 茂陵石書) [12, 99B/4113]. Наиболее важные знамения такого рода появились в 8 г. н. э., незадолго до вступления Ван Мана на престол. Одним из них стало внезапное появление при дворе медной верительной бирки и схем/изображений на шёлке (*тун фу бо ту* 銅符帛圖), текст на которых гласил: «Небо явило [новому] императору [свои] верительные бирки... Повинуйтесь Небесному повелению, внимайте божественному приказу» [12, 99A/4093–4094]. В другом случае в храм основателя династии Хань был доставлен медный сундук (*тун гуй* 銅匱) с двумя ярлыками (*цзянь* 檢), на которых были записаны приказы «Небесного императора» (*тянь ди* 天帝) и «Алого императора» (*чи ди* 赤帝, покровителя Хань) о передаче престола новой династии [12, 99A/4095]. В результате эти ярлыки стали одним из решающих аргументов, «заставивших» Ван Мана принять отречение малолетнего ханьского императора и основать собственную династию Синь 新 (9–23 гг.).

Все вышеупомянутые «божественные тексты» обладают рядом общих черт. Они достаточно лапидарны и по содержанию могут быть охарактеризованы как пророчества-императивы, т.е. приказы, имеющие абсолютную силу и, таким образом, предрекающие будущее, которое наступит в результате

---

<sup>1</sup> Безусловно, у Сыма Цяня были и другие основания говорить о поддельности этих знамений. Так, возглавивший первое антицинское восстание Чэнь Шэн погиб в борьбе за власть и, следовательно, в действительности не обладал поддержкой Неба. В случае с метеоритом ситуация представляется более сложной: записанное на нём предсказание сбылось, и, стало быть, вполне могло быть представлено как подлинное. Тем не менее, в таком случае оно могло быть воспринято как свидетельство нелегитимности циньской династии, которое, очевидно, противоречило представлениям Сыма Цяня о её роли в истории Китая. Вообще, проблема поддельных знамений стояла в традиционном Китае достаточно остро и со временем приобрела юридический статус. Так, в уголовном кодексе династии Тан присутствует статья, гласящая: «Всякий, кто подделал благовещее знамение, наказывается 2 годами каторги» [28, 348]. При этом, как следует из комментариев, наказывали не только за заведомо ложные сообщения, но и за те сведения, которые не могли быть проверены [см. 28, 349].

<sup>2</sup> Не исключено, что в реальности данное знамение было изобретено позже – в годы правления императора Сюань-ди 宣帝 (74–49 гг. до н. э.), имя которого упоминается в надписи, или же и вовсе в первые годы Восточной Хань (25–220 гг. н. э.), когда схожее пророчество послужило объектом спора между основателем династии Лю Сю 劉秀 (Гуанью-ди 光武帝, пр. 25 – 57 гг.) и его соперником Гунсунь Шу 公孫述 (7 г. до н.э. – 36 г. н.э.) [см. 13, 13/538; 24:167; 26: 274].

неизбежного повиновения им. При этом они оказываются неотделимыми от своих материальных носителей, придающих им силу и значимость<sup>1</sup>.

Тем не менее, вскоре письменные пророчества начинают принимать иную форму. Её прототипом можно считать текст «Фу мин» 符命 («Подтверждения [Небесного] повеления») в 42 главах, составленный по приказу Ван Мана спустя несколько месяцев после его вступления на престол и представляющий собой перечисление чудесных явлений, предшествующих приходу нового императора к власти [12, 99Б/4112–4114]. Реальные знамения в этом тексте оказались замещены их вербальными описаниями. Безусловно, подобные описания неоднократно встречались в письменных памятниках и раньше, однако в данном случае ситуация оказывается принципиально иной: «Фу мин» не просто рассказывал о знамениях, он воплощал их в себе. В результате их авторитет переносился на этот текст, который фактически становился переводом повеления, данного Небом, на «человеческий» язык. За счёт этого «Фу мин» сближался с «божественными текстами», о которых шла речь выше. В то же время, между ними существуют значительные отличия: во-первых, «Фу мин» приобретает сводный характер, тем самым аккумулируя авторитет целого ряда отдельных знамений и пророчеств, а во-вторых – оказывается оторванным от специфического материального носителя, который, тем не менее, продолжает существовать в содержащихся в тексте описаниях.

В апокрифических текстах тенденции, заложенные в «Фу мин», были реализованы в полной мере. Среди упомянутых там знамений встречается значительное число небесных посланий: некоторые из них запечатлены на нефритовых пластинах, в которые превращаются божественные птицы, некоторые проявляются в форме луж, оставшихся после «кровового дождя», некоторые написаны на планках, выплюнутых *цилинем* [см. 3, 577–578, 99Б, 1000–1001 и т.д.]. При этом, как и в случае с «Фу мин», авторитет этих знамений переносился на сам описывающий их текст. В результате, апокрифы считались небесным откровением, облечённым в слова если и не самим Небом, то, по крайней мере, при непосредственном его участии, и воспринимались как воплощённые знамения, самим фактом своего существования подтверждающие право династии на трон [см. 32, 305–308]. При этом, порой представления о таком их характере выражались эксплицитно: в отдельных случаях в этих текстах описываются обстоятельства их собственного чудесного появления [см., напр., 3, 577–578]. Кроме того, часть апокрифов выдавалась за оригинальные тексты легендарных «Схемы из реки Хэ» и «Письмён из реки Ло», считавшихся знамениями задолго до появления самих апокрифов.

В отличие от «Фу мин», эти тексты не просто служили сводом описаний различных знамений, известных современникам или упомянутых в других текстах, но являлись источниками информации о чудесных явлениях, якобы случившихся в древности и при этом доселе не известным. При этом авторитетность сообщений о них подтверждалась авторитетом самих текстов, которые в свою очередь также объявлялись знамениями. В результате, апокрифы можно считать одним из наиболее ярких проявлений китайского культа письменности, причём то же самое можно сказать и об изображённых в них совершенномудрых: они не только становятся создателями апокрифов и получателями текстуальных знамений, но и сами, будучи в буквальном смысле покрыты письменными знаками [см. 27, 506–507], оказываются воплощением текста.

Изложенные в апокрифах представления о знамениях в систематизированном виде изложены в специальном разделе трактата «Бай ху тун» 白虎通 («Всепроникающие [дискуссии в зале] Белого тигра»), составленного по материалам придворной дискуссии, имевшей место в 49 г. н. э. Там содержится описание ряда благих знамений, а также сообщается о том, что благие знамения приходят к правителю в качестве ответа на его благую силу *дэ*: «Причиной того, что благие знамения появляются, когда Великий мир царит в Поднебесной, является то, что правитель помогает Небу в упорядочении [вещей] и гармонизации *инь* 陰 и *ян* 陽. Когда *инь* и *ян* пребывают в гармонии, десять тысяч вещей находятся в иерархическом порядке и прекрасная энергия-*ци* 氣 проникают повсюду. Поэтому когда благие знамения появляются одно за другим, [это знак того, что] они пришли в ответ на благую силу *дэ* [правителя]» [15, 6.5/283].

Кроме того, в трактате впервые, если говорить о дошедших до нас источниках, предлагается классификация благих знамений, основанная на классификации сфер мирового пространства, элементов ландшафта, живых существ и растений, от которых проистекает благой отклик на *дэ* правителя: Небо, Земля, восемь отдаленных регионов, растения, птицы и звери, горы и холмы или реки и ручьи [см. 15, 6/283–288; см. тж. 31, 241–243]<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> О важности материального носителя текста см., например, [29; 30].

<sup>2</sup> Окончательной регламентации благие знамения подверглись, по-видимому, при династии Тан. Их разделили на 4 категории, исходя из степени их значимости: к разряду великих знамений (*да жуи* 大瑞) относили 64 типа благих предвестий вроде упомянутой выше сияющей звезды или благословенных облаков (*цин юнь* 慶雲), к разряду высших (*шан жуи* 上瑞) – 38 типов знамений вроде белого волка (*бай лан* 白狼) или алого зайца (*чи ту* 赤兔), к средним (*чжун жуи* 中瑞) – 32 типа знамений вроде лазурного ворона (*цан у* 蒼烏) или киноварного гуся (*чжу янь* 硃雁), а к низшим (*ся жуи* 下瑞) – 14 типов знамений вроде уже упомянутого чудесного колоса, волшебного гриба (*лин чжи* 靈芝) и дерева со сросшимися стволами (*му лян* 木連理) [9, 46/1194; 20, 224]. Все эти знамения, вошедшие в эти четыре категории, перечислены в составленной в 738 г. книге «Тан лю

Помимо этого, данные апокрифов в систематизированном виде сохранились в трактате «Фу жуй чжи» 符瑞志 («Трактат о благих знаменьях, служащих подтверждениями [прав монарха на престол]»), входящем в составленную известным ученым и поэтом Шэнь Юэ 沈約 (441–513 гг.) династийную историю «Сун шу» 宋書 («Книга [о династии Лю] Сун»). В первой части трактата в хронологическом порядке перечислены знаменья, появившиеся при 34-х китайских монархах, начиная с легендарных правителей древности и заканчивая императорами династии Лю Сун 劉宋 (420–479 гг.) [11, 27А/759–786], а во второй дано краткое описание 94-х типов благих откликов, указаны вызывающие их обстоятельства, а также перечислены все случаи появления каждого из них в период от утверждения Хань до падения Лю Сун [11, 27Б/791–823, 27В/827–874]. Таким образом, в «Фу жуй чжи» нашли отражение все три выделенных выше типа обнаруживаемых в апокрифах сообщений о благих знаменьях<sup>1</sup>.

Кроме того, в последующих династийных историях появляется ещё два посвящённых благим знаменьям трактата: это «Трактат о счастливых предзнаменованиях» («Сян жуй чжи» 祥瑞志) из «Нань Ци шу» («Книга [об эпохе] Южная Ци», 1-я пол. VI в.) [8, 18/349–366], и вторая часть «Трактата о чудесных предзнаменованиях» («Лин чжэн чжи» 靈徵志) из «Вэй шу» («Книга [об эпохе Северная] Вэй», сер. VI в.) [2, 112Б/2927–2969]. Оба эти трактата берут за основу «Фу жуй чжи», но при этом сильно уступают ему в содержательности<sup>2</sup>.

Таким образом, можно утверждать, что именно в апокрифических текстах традиция благих знамений достигла своего апогея, и именно им она обязана своей популярностью на протяжении многих сотен лет. Характерно, что важность её стала ослабевать при династии Сун, когда под натиском новой идеологической системы – неоконфуцианства – апокрифические тексты окончательно утратили былой авторитет. Тем не менее, свою значимость благие знаменья сохраняли в той или иной мере на протяжении всей истории традиционного Китая вплоть до падения монархии в 1911 г.

#### Литература:

1. Ван Сянь-цянъ 王先謙. Сюнь-цзы цзи цзе 荀子集解 («Сюнь-цзы» со сводным толкованием). Шанхай, 1988.
2. Вэй шу 魏書 (Книга [об эпохе Северная] Вэй. В 8 тт. Пекин, 1984.
3. Вэй шу цзи чэн 緯書集成 (Собрание апокрифических книг). / Сост. Ясуй Ко:дзан 安居香山 и Накамура Сё:хати 中村璋八. В 3 тт. Шицзячжуан, 1994.
4. И вэнь лэй цзюй 藝文類聚 (Собрание по родам [записей из] классической литературы и изящной словесности). В 2 тт. Шанхай, 1999.
5. Ли Линь-фу 李林甫 и др. Тан лю дянъ 唐六典 («Шесть статуты [эпохи] Тан»). Пекин, 1992.
6. Лунь юй чжу шу 論語注疏 («Обсуждённые изречения [Конфуция]» с комментарием и субкомментарием) // Шисань цзин чжу шу 十三經注疏 («Тринадцатиканоние» с комментарием и субкомментарием). Пекин, 1982. Т. 2, с. 2453–2536.
7. Мэн-цзы чжу шу 孟子注疏 («Мэн-цзы» с комментарием и субкомментарием) // Шисань цзин чжу шу 十三經注疏 («Тринадцатиканоние» с комментарием и субкомментарием). Пекин, 1982. Т. 2. С. 2659–2782.
8. Нань ци шу 南齊書 (Книга [об эпохе] Южная Ци. В 3 тт. Пекин, 1987.
9. Синь Тан шу 新唐書 (Новая книга [об эпохе] Тан). В 20 тт. Пекин, 1975.
10. Суй шу 隋書 (Книга [об эпохе] Суй). В 6 тт. Пекин, 1982.
11. Сун шу 宋書 (Книга [об эпохе Лю] Сун). В 8 тт. Пекин, 1974.
12. Хань шу 漢書 (Книга [об эпохе Ранняя] Хань). В 12 тт. Шанхай, 1964.
13. Хоу Хань шу 後漢書 (Книга [об эпохе] Поздняя Хань). В 12 тт. Шанхай, 1973.
14. Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая книга [об эпохе] Тан). В 16 тт. Пекин, 1975.
15. Чэнь Ли 陳立. Бай ху тун шу чжэн 白虎通疏證 («Исчерпывающий [дискурс в зале] Белого тигра» с аргументированными комментарием). В 2 тт. Пекин, 1994.
16. Ши цзи 史記 (Записи историографа). В 10 тт. Шанхай, 1963.

---

дьянь» 唐六典 («Шесть статуты [эпохи] Тан») [см. 5, 4/114–115]. Современные классификации благих знамений см. в [30, 96; 25, 258–260].

<sup>1</sup> В то же время, в плане конкретного содержания (преимущественно, в вопросах описания и причин появления знамений) между апокрифами и «Фу жуй чжи» имеется значительное число расхождений. По моему мнению, это может быть вызвано отмеченным выше отсутствием в сообщениях апокрифических текстов о благих знаменьях какой-либо внятной системы.

<sup>2</sup> Подробнее о трёх посвящённых благим знаменьям трактатах см. [25, 251–255]. Кроме них, в период от Хань до Тан было создано значительное число специально посвящённых благим знаменьям сочинений, причём большинство из них представляло из себя, по-видимому, каталоги, иллюстрированные изображениями благовещих существ и предметов. К сожалению, до наших дней они не дошли, и нам известны лишь по записям в библиографических разделах династийных историй [см. 10, 34/1038; 14, 47/2034; 9, 59/1535; см. также 25, 256–258; 30, 2–3].

17. Духовная культура Китая: энциклопедия. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 2: Мифология. Религия. М., 2007.
18. Зинин С. В. Протест и пророчество в традиционном Китае: Жанр яо с древности до XVII века н. э. М., 1997.
19. Мартынов А. С. Конфуцианская утопия в древности и средневековье // Китайские социальные утопии. / Отв. ред. Л. П. Делюсин, Л. Н. Борох. М., 1987. С. 10—57.
20. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб., 2009.
21. Сыма Цянь. Исторические записки: («Шицзи»). Т. II. / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 2003.
22. Сыма Цянь. Исторические записки: («Шицзи»). Т. IV. / Пер. с кит., вступит. ст. и прил. Р. В. Вяткина. М., 1986.
23. Сыма Цянь. Исторические записки: («Шицзи»). Т. VI. / Пер. с кит., вступит. ст. и комм. Р. В. Вяткина. М., 1992.
24. Терехов А. Э. Представления о совершенномудрых правителях-шэн // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. / Сост. М. Е. Кравцова. СПб., 2012. С. 156—215.
25. Терехов А. Э. Традиция знамений и ее место в государственной идеологии древнего и имперского Китая // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая. / Сост. М. Е. Кравцова. СПб., 2012. С. 216 – 291.
26. Терехов А. Э. Апокрифические тексты Древнего Китая // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М., 2013. С. 271—286.
27. Терехов А. Э. Представления о внешности Конфуция в Древнем Китае (на материале письменных источников) // Россия - Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников VI Международной научно-практической конференции. Казань, 2014. С. 502—509.
28. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан луй шу и»). Цзюани 17-25. Пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 2005.
29. Csikszentmihalyi M. Reimagining the Yellow Emperor's Four Faces // Text and Ritual in Early China. / Ed. by M. Kern. Seattle, 2005. Pp. 226—248.
30. Meyer D. Philosophy on Bamboo: Text and the Production of Meaning in Early China. Leiden, 2012.
31. Po Hu T'ung. The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall. / Introduction, Translation, Notes, Fragments by Tjan Tjoe Som. Vol. 1. Leiden, 1949.
32. Seidel A. Imperial Treasures and Taoist Sacraments: Taoist Roots in the Apocrypha // Tantric and Taoist Studies in Honour of R. A. Stein. / Ed. by M. Strickmann. Vol. 2. Brussels, 1983. Pp. 291—371.
33. Чэнь Пань 陳槃. Цинь Хань цзянь чжи со вэй "фу жуй» лунь люэ 秦漢間之所謂「符應」論略 (Рассуждения о так называемых «[благовещих] подтверждениях и откликах» в период Цинь и Хань) // Он же. Гу чэньвэй яньтао цзи ци шулу цзети 古讖緯研討及其書錄解題 (Исследования древних пророчеств и апокрифов и разъяснение их заглавий). Шанхай, 2010. Т. 1. С. 1—96.

## ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ В 1990-Е ГОДЫ

*Тохметов А.Т.  
Казахский национальный педагогический  
университет имени Абая*

За весь период с 1949 года – года образования КНР до 1991 года – времени распада СССР – история китайско-российских отношений не всегда демонстрировала прогрессивные достижения.

С самого начала двусторонние отношения строились на принципах взаимной дружбы государств, строительства партнерских отношений, достижения уровня отношений стратегического партнерства. Эти три этапа развивались в сферах финансов, научно-технической, военной, обеспечения безопасности, военно-технического, пограничного сотрудничества и торгового взаимодействия.

К тому же китайско-российские отношения принципиально показывают, что они основаны на идеях стратегического партнерства, финансово-экономических интересах глобального уровня.

Кроме того, двусторонние связи строятся не только на основе политических и экономических интересов. В настоящее время китайско-российские отношения развиваются в таких направлениях как противодействие угрозам глобализации, в вопросах экономического взаимодействия, охране границы, приграничном сотрудничестве, противостоянию так называемой «желтой угрозе».

Китай и Россия являются двумя крупнейшими странами мира, к тому же – соседями. Обе страны обладают ядерным оружием, являются постоянными членами Совета безопасности ООН. Поэтому китайско-российское сотрудничество соответствует интересам развития и безопасности обеих сторон. Кроме того, оно отвечает интересам укрепления мира и стабильности в Азии и в мире.

В связи с этим состояние и развитие китайско-российских связей естественным образом стали важным аспектом отношений между народами двух стран и всего мирового сообщества.

Как и ранее, в период китайско-советских отношений, китайско-российские отношения развивались на фоне коренных политических реформ, проходивших на фоне изменения собственных точек зрения и мнений сторон. Обе страны осуществляют преобразования исторического значения, но процесс этих реформ еще не завершен, а окончательные цели пока не достигнуты.

Однако традиционно в обществах обеих стран направления реформ углубляются, усиливается созидательная и прогрессивная составляющие преобразований и развития политической и экономической систем.

Распад СССР и окончание холодной войны коренным образом изменили политическую и военную ситуацию на мировой арене в целом и на Европейском континенте, в частности. Мир стал развиваться по многополярной системе. Кроме того, ускорился мировой научно-технический процесс, углубилось взаимопроникновение экономик различных стран. Характер международных связей так же претерпел изменения.

Что касается основных факторов китайско-советских отношений, от их установления в 1949 году после образования КНР, до распада СССР в 1991 году, они находились в постоянном развитии.

Сейчас китайско-российские отношения строятся с учетом прежнего опыта и традиций китайско-советских отношений. В то же время Китай и Россия смогли избежать ошибок и элементов противостояния, имевших место в китайско-советских отношениях.

Со времени начала реформ, инициированных Дэн Сяопином, Китай стал вести открытую внешнюю политику со всеми государствами. Внутри страны стал строить социализм с китайской спецификой, отдавая предпочтение экономическим реформам. Во внешней политике Китай заявил об отказе от диктата и вмешательства на международной арене. Он призвал к уважению основных прав всех стран и строительству мирных взаимоотношений с каждым государством на принципах уважения, так как с завершением холодной войны стало ясно, что отношения с Россией по-прежнему остаются на высоком уровне и продолжают развиваться.

С другой стороны, Россия, исторически являясь частью западного мира и поддерживая с ним тесные контакты, ведет активную политику на Востоке, принимая участие в организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

Ученые Рассетт и Старр считают что каждый человек, (субъект) по отношению к международной жизни имеет собственные характеристики, мнения, точки зрения, роль в структуре общественных отношений, позиции в международных связях и в международном сообществе и другие особенности.[1]

К числу таких особенностей специалисты-международники относят решительность, силу воли, образ жизни, силу и остроту восприятия, удельный вес каждой точки зрения и степень их несовпадения, прежние разногласия.

Однако факторы международного среды и внутренней политики государств трудно оставить без внимания.

В мае 1989 года тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного совета СССР Горбачев по приглашению китайского руководства посетил КНР с официальным визитом. Он провел переговоры на высшем уровне с руководителем КПК Дэн Сяопином.

Дэн Сяопин назвал эту встречу важным шагом в развитии китайско-советских отношений. «Покончить с прошлым и открыть будущее» - таков был основной тезис, которым он охарактеризовал состояние и перспективы этих отношений.[2]

Этот визит, состоявшийся через 30 лет китайско-советского противостояния, стал поворотным шагом в направлении достижения мира и взаимодействия, продемонстрировал нормализацию китайско-советских отношений. Это не могло не сказаться на стремлении сторон к созданию глубоких отношений взаимоуважения и партнерства.

После распада СССР, народы прекратили строить коммунизм в России и социализм в Китае и полагали, что отношения между ними замедлятся. Кроме того, возникали различные догадки и прогнозы. Однако через несколько лет стало ясно, что китайско-российские взаимоотношения развиваются вполне успешно. На всех направлениях сотрудничества стороны достигли значительного прогресса. В эти несколько лет чрезвычайно важным в китайско-российских отношениях были не только дела нынешнего дня, но и перспективы будущего, развитие которых шло на положительной основе взаимного уважения. Кроме того, народы смогли за эти несколько лет получить практический опыт поиска «шелковых и прочных» связей в развитии двусторонних отношений в будущем.

В конце 1991 года после распада СССР китайская правительственная делегация посетила Москву. В тот период обе стороны пришли к согласию по следующим вопросам:

1. Китай признает Россию правопреемницей бывшего Советского Союза, постоянным членом Совета безопасности ООН.

2. Обе стороны признают 5 принципов взаимного сосуществования государств основой двусторонних отношений. Основные положения Совместного китайско-советского коммюнике, подписанного Горбачевым в 1989 году в Пекине, и Совместного китайско-советского коммюнике, подписанного Ге-

неральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэминем в ходе визита в СССР в 1991 году, становятся основными принципами китайско-российских отношений.

3. Подписанные ранее КНР и СССР договоры и международные документы продолжают свое действие.

4. Начатые ранее между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом переговоры по двум вопросам: «О сокращении вооруженных сил, вооружений и укреплении мер доверия в военной области в районе границы» и «О границе между КНР и СССР» будут продолжены. Обе стороны выразили готовность к реализации достигнутых договоренностей относительно Восточного участка госграницы.

Кроме того, было решено продолжить уже начатые двусторонние переговоры по торгово-экономическим и другим вопросам.

Месяц спустя, 31 января 1992 года, премьер Госсовета Китая Ли Пэн и президент России Б.Н.Ельцин, участвуя в заседании Совета безопасности ООН на высшем уровне в Нью-Йорке провели двусторонние переговоры. Стороны достигли взаимопонимания относительно насущных вопросов добрососедских отношений и сотрудничества двух стран.

В итоге, китайско-российские отношения не прекратились по причине распада СССР. Напротив, их основа, заложенная в последние годы существования Советского Союза, получила динамичное развитие.

Рассматривая китайско-российские отношения, вначале обратимся к их политической составляющей.

С 17 по 19 декабря 1992 года российский президент Ельцин посетил Пекин, что стало новым этапом в развитии китайско-российских отношений. По результатам китайско-российских переговоров на высшем уровне, стороны издали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации (далее - Совместное заявление) об основах двусторонних отношений».

В данном Совместном заявлении утверждается: Китай и Россия являются дружественными государствами. В своих отношениях обе стороны основываются на 5 принципах мирного сосуществования государств.

Во время визита стороны подписали 24 документа, касающихся экономической, научно-технической, культурной и других областей сотрудничества. Это стало основой китайско-российского внешнеполитического взаимодействия.

В январе 1994 года президент Ельцин направил председателю КНР Цзян Цзэминю письмо с предложением разработать и подписать Соглашение о создании отношений партнерства, направленное в 21 век. Предложение получило одобрение с китайской стороны.

28 мая того же года Председатель КНР Цзян Цзэминь на встрече с российским премьер-министром В.И.Черномырдиным сказал, что «предложения президента Ельцина о формировании отношений с китайской стороной на основе идей двустороннего сотрудничества, добрососедства, дружбы и взаимной выгоды вполне могут быть достигнуты. Я также полагаю, что нужно обсудить, одобрить и установить китайско-российское сотрудничество, направленное в 21 век, на высшем стратегическом уровне».

В выражении «стратегическое партнерство» слово «стратегическое» обозначает всеобъемлющее сотрудничество двух государств, осуществляемое во всех сферах, основанное на непрерывных двусторонних связях, выходящее к тому же, за рамки двусторонних интересов и имеющее глобальное значение. Слово «партнерство» означает характер двусторонних отношений, а также то, что стороны не выходят из имеющихся союзов и коалиций. Обе стороны имеют право не ограничиваться от участия в других соглашениях, договоренностях и глобальной международной деятельности. Это взаимодействие, основанное на социально-экономической базе.

Отношения стратегического партнерства между Пекином и Москвой только начинают формироваться, но во всех вопросах стороны достигли согласия и взаимопонимания, а также заложили базу развития успешного сотрудничества в будущем.

Со 2 по 6 сентября 1994 года председатель КНР Цзян Цзэминь побывал в России с визитом и подписал с президентом Ельциным направленное в будущее «Совместное китайско-российское заявление». Стороны решили строить отношения стратегического партнерства нового типа, направленное в 21 век. Это партнерство нового вида, не противоречащее отношениям с другими странами, союзами, но лишь основанное на длительный период на 5 принципах мирного сосуществования государств. Оно строится на основе добрососедства и взаимной выгоды. Такие отношения не противоречат внутренней политике обеих стран и международным отношениям в целом. К тому же они соответствуют интересам будущих поколений.

Данное Совместное китайско-российское заявление базируется на положениях Совместного коммюнике, направленного в 21 век, подписанного в декабре 1992 года, которое подняло двусторонние отношения иной уровень. Новое Совместное китайско-российское заявление расширило политические, торгово-экономические, научно-технические, военно-политические и международные отношения стран-подписантов. Оно стало новым шагом прогрессивного сотрудничества.

В ходе вышеуказанного визита также были подписаны «Совместное заявление лидеров КНР и РФ о взаимном не нацеливании и не применении ядерного оружия против другой стороны» и «Китайско-российское соглашение о Западном участке государственной границы».

В 1995 году, 8 мая, в ходе визита председателя Цзян Цзэминя в Москву для участия в праздновании 50-летия Победы в войне против фашизма лидеры Китая и России и в этот раз снова подтвердили решимость продолжить совместные усилия, чтобы поднять на новую ступень отношения длительного добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества – отношения нового типа.

С 24 по 26 апреля 1996 года состоялся очередной официальный визит президента Ельцина в Китай. В этот раз состоялось одно из интересных событий. 23 апреля, еще до вылета российского президента, он по специальной связи предложил внести изменения в ранее подготовленное «Совместное китайско-российское заявление». Они заключались в следующем. Формулировку «Развитие отношений добрососедства, взаимовыгодного партнерства, направленных в 21 век» предлагалось заменить на «Развитие равноправных и доверительных отношений стратегического партнерства, направленных в 21 век». Связавшись по телефону с российским посольством в Пекине, Ельцин приказал известить о предложении китайскую сторону. В тот же день, еще до прибытия Ельцина, Китай выразил согласие с российским предложением.

После переговоров глав Китая и России, было опубликовано новое «Совместное китайско-российское заявление». Кроме него, представители сторон подписали еще 19 других документов о сотрудничестве, «соответствующих интересам сторон». «Для развития равноправных, доверительных отношений стратегического партнерства, направленного в 21 век стороны согласились организовать систему срочной прямой связи между лидерами двух стран. Для этого было решено создать линию засекреченной телефонной связи между Пекином и Москвой».

Для укрепления базы отношений добрососедства и дружбы, направленных в 21 век, стороны договорились издавать при содействии многопрофильной группы представителей общественности двух сторон «Китайско-российское общественное обозрение». Обе стороны пришли к согласию на позициях сближения или единодушия, а также уже на базе достигнутых позиций сделать еще один шаг вперед к укреплению сотрудничества. По несогласованным проблемам решено было искать взаимоприемлемые пути решения. Обе стороны гарантировали, что усилят сотрудничество и активизируют диалог для достижения стратегической стабильности в создавшейся мировой системе новых политических и экономических отношений и системе безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Еще одним важным итогом визита Ельцина в Китай стало подписание в Шанхае лидерами 5 государств - Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан «Соглашения между Китайской Народной Республикой, Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан об укреплении мер доверия в военной области в районе государственной границы». Оно стало политическим и военным документом, имевшим поистине огромное историческое значение, «подтвердившим естественную решимость 5 государств строить добрососедские, дружественные и партнерские отношения». Оно стало позитивным начинанием для всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Заместитель министра иностранных дел России Карасин в интервью подтвердил огромное значение данного Соглашения. Он полагает, что взаимная открытость военной деятельности создает эффективную систему наблюдения и контроля. Это показывает, что достигнут новый, высочайший уровень мер доверия в военной области и в целом между странами.

В 1996 году китайско-российские визиты на высоком уровне проходили неоднократно. С китайской стороны Россию посещали председатель Всекитайского собрания народных представителей Чжан Цяоши, председатель Политсовета Ли Жуйхуань, заведующий комитетом государственной службы и, по совместительству, заведующий комитетом по проведению реформ Ли Теин. Китай в разные периоды 1996 года посетили президент Ельцин, председатель Госдумы Селезнёв, председатель Совета Федерации Строев. В декабре того же года Россию посетил премьер Госсовета КНР Ли Пэн. Его визит послужил систематизации, укреплению и интенсификации китайско-российских отношений стратегического партнерства. Летом 1997 года Китай посетили российский премьер-министр Черномырдин и его первый заместитель Немцов.

Обобщая вышесказанное отметим, что развитие китайско-российских отношений, выстроенных за 5 с небольшим лет, прошло три стадии: от китайско-советских отношений к китайско-российским отношениям стратегического партнерства, через взаимопонимание к дружбе между государствами и формированию партнерских отношений и далее к равноправным доверительным отношениям стратегического партнерства. Лидеры двух государств достигли понимания, что китайско-российские связи вошли в новый этап развития во всех сферах.

#### **Список литературы:**

1. Maurice A. East et al., Why Nations Act (Beverly Hills: Sage Publications, 1988).
2. 人民日报。 – 1992。 – 19 декабря。 – С. 1, 4.

## БУКВЕННЫЕ СЛОВА – НОВЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Урывская Т.А.  
ИМОИВ КФУ

Живые языки, в том числе и китайский, ввиду различных факторов подвергались и подвергаются постоянным изменениям. Изменения несут многоплановый характер и затрагивают все стороны языковой системы. Историческое развитие каждого уровня языка всегда зависело от конкретных причин и условий, стимулирующих малые и глобальные сдвиги в лексическом составе, фонетической организации и грамматическом строе.

В современном мире, в условиях активной глобализации всех сфер жизни человека, языки подвергаются все большему воздействию внешних факторов, изменяются стремительнее и масштабнее.

Необходимость современных языков развивающихся и развитых культур к эволюции – это вопрос давно изученный. Так каковы основные векторы развития языка? Ответ на данный вопрос дал известный французский лингвист Андре Мартине в своей работе «Принцип экономии в фонетических изменениях», опубликованной в 1955 году, назвав главной движущей силой изменений в языке так называемый «принцип экономии» — стремление человека свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность. То есть, будучи средством общения человека, язык стремится к упрощенной форме существования. Чем проще система языка, тем проще и результативнее акт коммуникации между носителями данного языка.

Еще один не менее важный вектор изменения языка – это появление в языке большой массы неологизмов. Данный процесс всегда свидетельствовал о развитии общества и влек за собой соответствующие изменения в языке. Известный китайский лингвист, профессор Юй Юньхай считал, что отсутствие процесса появления в языке новых слов прямым образом говорит об отсутствии прогресса общества [1].

Основываясь на приведенных выше положениях можно сделать вывод, что процесс эволюции языка как системы предполагает в первую очередь тенденцию к упрощению и появление в языке новых лексических единиц.

Среди рассматриваемых в своем труде «Новые слова, новые значения» этимологических новизн неологизмов в китайском языке, Юй Сун выделял такой вид как заимствования из других языков [2].

В рамках современного китайского языка, наряду с выделяемыми Гореловым В.И. вторичными, фонетическими, семантическими, фонетико-семантическими заимствованиями [2] активно интегрируются и употребляются заимствования совершенно нового типа – буквенные слова.

Буквенные слова (字母词 zìmǔcí) проникли в китайский язык сравнительно недавно. Согласно определению Лю Юнцюань, буквенные слова – это слова, в структуру которых входят латинские (включая буквы алфавита пиньинь) или греческие буквы, а так же слова, структура которых представляет собой смешение букв, знаков, цифр и китайских иероглифов [3].

Многообразие форм буквенных слов определяет сложность составления единой классификации данного типа лексических единиц. Изучив несколько классификаций, мы пришли к выводу, что, несмотря на различия в классификациях, их объединяет базовое деление на два больших подтипа: чисто буквенные слова и буквенные слова смешанного типа. Ниже рассмотрим классификацию Лю Юнцюань

1. Классификация по виду букв
  - латинские (Internet, WTO);
  - греческие (β 射线);
2. Классификация по чистоте состава
  - чисто буквенные слова;
  - слова, включающие в себя буквенную часть, которые далее можно разделить на подтипы: буквенные слова со знаками и/или арабскими цифрами (.net, P&G, 3D, 4G), смешение иероглифов и букв (BP 机, IP 卡);
3. Классификация по формату букв
  - Слова, состоящие из прописных букв (DNA, ISO);
  - Слова, состоящие из строчных букв (mm, ml);
  - Слова, состоящие из прописных и строчных букв (dBASE, vCommerce);
  - Слова, которые могут записываться как прописными, так и строчными буквами (EMAIL, Email, email);



#### 4. Классификация по количеству букв

- Одна буква (B 超, A 股);
- Две буквы (TV, CD, AA 制, 卡拉 OK);
- Более 2х букв (BASIC, TOFEL, OCR);

#### 5. Классификация по месту расположения иероглифов и букв в слове

- Иероглифы + буквы (T 恤, AB 型血);
- Буквы + иероглифы (卡拉 OK, 维生素 E);
- Буквы заключены между иероглифами (后 PC 时代) [4].

Очень важным на наш взгляд является не только отследить источники возникновения буквенных слов, их формы и многообразие, но и определить нишу, которую они занимают в современном китайском языке. Изначально, данный тип лексики существовал исключительно в рамках виртуального общения в сети Интернет, и, на наш взгляд, в тот период классифицировался как жаргонная лексика, нежели как неологизмы.

Другой, параллельный вышеописанному процесс возникновения, а точнее, активного заимствования буквенных слов, имел место быть в профессиональной и научной сфере. Впоследствии они перешли в статус профессиональной и терминологической лексики китайского языка.

И, наконец, последним этапом укрепления буквенных слов в современном китайском языке стал процесс перетекания интернет - жаргона и профессиональной терминологии в бытовой уровень китайского языка.

Ввиду наших наблюдений, буквенные слова современного китайского языка и в настоящий момент сохраняют позиции в общении в виртуальном пространстве, в профессиональных областях, ровно, как и в повседневном общении китайцев. В недавнем общении с носителем языка мы обсудили купленный им недавно «BB 霜» (BB shuāng, BB-крем), в любой поликлинике никого не удивит назначение врача пройти «СТ» обследование, китайский экономист в интервью неоднократно употребит слово «GDP», в резюме или на бейджах часто можно встретить PhD.

По всей видимости, буквенные слова, не просто существуют в какой-то определенной области, они, закрепив свои позиции, переходят в следующие области, распространяясь таким образом во всех сферах языка.

Каковы мотивы появления буквенных слов? Насколько важна их роль в процессе формирования новейшего китайского языка? В настоящий момент множество отечественных и зарубежных исследователей задаются этими вопросами. На наш взгляд, можно выделить несколько основных причин:

- **Необходимость заполнить пробелы.** В момент заимствования у других стран/культур нового для себя предмета/явления/материи/технологии и т.д., в языке заимствующей стороны еще нет слова, способного именовать заимствованный предмет/материю/технологии. Потому использование слова в оригинале является одной из самых приемлемых альтернатив.

Например: X 线束 (X xiànshù), γ 射线 (γ shèxiàn), BB 霜 (BB shuāng)

- **Экономичность.** Стоит еще раз упомянуть принцип экономичности Андре Мартине. Безусловно, со временем в языке появятся специальные лексические единицы, способные в полной мере описать совершенно новый предмет. Но зачем использовать китайский аналог слова, когда можно все громоздкое понятие уместить в простом, общепринятом слове на иностранном языке или же аббревиатуре?

Например: DNA (脱氧核糖核算, tuōyǎng hé táng hé suān)

CT (计算机断层成像, jìsuànjī duàncéng chéngxiàng)

PDF (便携式文档格式, biànxíeshìwéndàng géshì)

- **Психологический фактор.** Зарубежные слова и целые выражения, по мнению некоторых людей, автоматически придают их речи особую новизну, актуальность и даже грацию, а самих говорящих возводит в особый социальный статус (образован, владеет иностранными языками, владеет терминологией). Именно по этой причине в лексиконе китайцев практически всех возрастных категорий возникают уместные и неуместные буквенные заимствования.

Например: 申请 IPO (申请首次公开募股, shēnqǐng shǒucì gōngkāi mùgǔ)

GDP 水平 (国内生产总值, guónèi shēngchǎn zǒngzhí)

Кроме того, по мнению Ли Хунвэя, буквенные заимствования выполняют функцию эвфемизмов китайского языка (委婉语 wěiwǎnyǔ). Например, «去一趟 WC» (qù yītàng WC - сходить в WC), позволит избежать неловких ситуаций в отличие от «去一趟卫生间» (qù yītàng wèishēngjiān, сходить в туалетную комнату) или «去一趟厕所» (qù yītàng cèsuǒ – сходить в туалет) [5].

Вышеизложенные факты свидетельствуют о наличии и активном использовании буквенных слов в современном китайском языке. При этом автор считает необходимым затронуть тему реакции и настроения в обществе в отношении буквенных слов.

В августе 2012 года издательство Шануиньшугуань (商务印书馆 shāngwù yìnshūguǎn) выпустило 6-е издание словаря «Сяньдай ханьюй» (现代汉语词典 xiàndài hànyǔ cídiǎn), в которое вошло 239 статей с заголовком «слова, начинающиеся с букв европейских языков» (西文字母开头的词语 xīwénzīmǔ kāitóudecíyǔ). Факт наличия буквенных слов в авторитетном словаре получил огласку в СМИ и вызвал неоднозначную реакцию в китайском обществе, разделив его на два основных лагеря – «за» и «против».

Противники распространения буквенных слов в китайском языке видят в буквенных словах угрозу чистоте китайского языка и китайской письменности в частности. Злоупотребление буквенными словами в устной и письменной речи влечет за собой опасность исчезновения такого колоссального сегмента китайской культуры как иероглифическое письмо. По словам Лю Яна, буквенные слова – это самая серьезная диверсия, совершенная в отношении китайской письменности за столетнюю историю попыток латинизации китайской письменности [6].

Представители данной стороны уверены в том, что китайский язык обладает колоссальным потенциалом и самобытностью, чтобы спокойно существовать и без буквенных слов. Буквенные слова в большинстве случаев имеют китайские аналоги, которые и необходимо использовать в речи. Например, часто появляющийся в деловых кругах и сфере образования термин MBA (master of business administration) имеет китайский аналог «工商管理硕士» (gōngshāng guǎnlǐ shuòshì) или NBA (National basketball association) - «国家篮球» (guójiā lánqiú liánméng) или же «美职篮» (měizhǐlán) [7].

Некоторое время назад большинство фонетических заимствований, так же как и современные буквенные слова не принимались китайским обществом. Мы полагаем, что между этими фактами можно провести параллель, установив общую закономерность. Горелов В.И. полагал, что в китайском языке существует тенденция к вытеснению фонетических заимствований заимствованиями семантическими [2]. Так например, слово 德律风 (délüfēng, телефон) с течением времени заменилось китайским аналогом 电话 (diànhuà, телефон), а бытовавшее некогда заимствование из русского языка 维德罗 (wéidélúo, ведро) было заменено на 水桶 (shuǐtǒng, ведро).

По такому же точно принципу буквенные слова, например, TB (tubercle bacillus) и AIDS (acquired immune deficiency syndrome), несмотря на популярность зарубежной формы термина, чаще стали заменяться на китайские аналоги 肺结核 (fèijiéhé, туберкулез) и 艾滋病 (àizībìng, СПИД).

Считается, что за неимением китайского аналога, употребление буквенных слов допустимо в профессиональной сфере в качестве профессиональной терминологии. Но неуместное употребление таких слов, намеренное злоупотребление, во-первых, действительно усложняет процесс восприятия устной и письменной речи на китайском языке, а во-вторых, влияет на эстетику речи.

Рассмотрим аргументы противников вышеописанной точки зрения.

Формула Гегеля гласит: все действительно разумно, все разумное действительно. Если в китайском языке появились буквенные слова, значит они языку в какой-то степени нужны. Их появление – это естественная потребность языка. Один из руководителей проекта редакции 6-ого издания словаря «Сяньдай ханьюй» (现代汉语词典, xiàndài hànyǔ cídiǎn) госпожа Цзян Ланьшэн (江蓝生, Jiāng Lánshēng) в одном из интервью изложила профессиональное видение процесса распространения буквенных слов и необходимости введения их в словарь: «Язык постоянно развивается, уместное использование буквенных слов может обогатить выразительность языка, буквенные слова давно стали неотъемлемой частью нашего языка, с их появлением жизнь стала комфортнее. Словарь 现代汉语词典 (xiàndài hànyǔ cídiǎn) относится к разряду вспомогательной литературы, его задача – приносить удобство читателям. Если буквенные слова появились в повседневной жизни, то мы просто обязаны ввести их в словарь и дать нормативное определение» [7].

Появление в китайском языке буквенных слов – это вовсе не спланированный процесс замещения китайской иероглифики алфавитным письмом, это естественный продукт эволюции китайского языка, его участия в процессе глобализации. В рамках этого процесса появление иностранных слов в системе языка просто неизбежно, а упомянутый ранее принцип экономии способствует закреплению заимствований в их оригинальной форме.

По мнению противников распространения слов новой формации, главная угроза процесса появления буквенных слов – это утрата чистоты языка, его культурной уникальности. Но при этом такое понятие как «чистота языка» на самом деле является весьма относительным. Развитие культуры и социума неизбежно влечет за собой изменения в языке. Китайский язык, язык народа Хань в современном его виде в сравнении с формацией этого же языка прошлых столетий уже претерпел массу глобальных изменений. Нормы китайского языка в древние времена и средневековье по большей части отличаются от современных норм, но при этом современный китайский язык по-прежнему называется китайским, его не считают языком, потерявшим свою чистоту. Еще одним отличным примером относительности термина «чистота языка» является наличие арабских цифр в китайской письменности

сти. Они давно укрепились в китайском языке, являются абсолютными синонимами цифр, записанных иероглификой. Подобное замещение вовсе не вызывает масштабной, негативной реакции.

Китайская Народная Республика является активно развивающейся страной. Страной, которая вовлечена в мировые процессы и претерпевает массу изменений во всех сферах ее жизни. Процесс глобализации, активного взаимодействия с другими странами требуют модернизации всех необходимых в этом процессе инструментов, в том числе и языка. Движущей силой изменений языка является принцип экономии, прогресс общества предполагает ввод большого количества неологизмов, часть которых - чистые заимствования из других языков. Вышеописанные процессы способствовали появлению в китайском языке такой категории как буквенные слова. Они давно существуют в китайском языке в виде терминов профессиональных сфер и в виде сленга виртуального общения коммуникантов, но большое внимание к себе они привлекли только после появления в 6-ом издании словаря «Сяндай ханьюй» (现代汉语词典, xiàndài hànyǔ cídiǎn). Каким бы не было отношение общества к подобным изменениям, буквенные слова уже существуют в китайском языке и активно в нем распространяются, закрепляя новые позиции.

С одной стороны появление буквенных слов в китайском языке – это логичная тенденция в рамках развития языка. Буквенные слова заполняют пробелы, способствуют обогащению синонимичных рядов китайского языка, а значит, способствуют развитию его выразительности. С другой стороны, неумение коммуникантов четко разграничить ситуации, в которых буквенные слова уместны или же неуместны, необоснованное злоупотребление буквенными словами действительно несут в себе некую опасность появления у будущих поколений носителей языка желания отказаться от иероглифики ввиду ее сложности.

#### **Список литературы:**

[1] Юй Юньхай. Исследование неологизмов [Электронный ресурс]/ Юньхай Юй. – Режим доступа: <http://www.huayuqiao.org/articles/yuyunhai/yyh03.htm>. – Проверено 07.04.2015. 俞允海. 论新词语研究 俞允海

[2] Горелов В.И. Лексикология китайского языка / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. С. 158.

[3] Лю Юнцюань. Рассуждения о буквенных словах/ Лю Юнцюань. - Юйвэнь цзяньшэ, 1994. 刘涌泉, 谈谈字母词. 语文建设, 1994 (10).

[4] Лю Юнцюань. К вопросу о буквенных словах / Лю Юнцюань. – Юйянь вэньцзы инюн, №1, 2002. 刘涌泉, 关于汉语字母词的问题. 语言文字应用, 2002年01月, №1.

[5] Лю Хунвэй, Ван Вэйсы. Рассуждение о психологии принятия буквенных слов китайского языка обществом / Лю Хунвэй, Ван Вэйсы. – Чанчунь лигун дасюэ (Шэхуэй кэсюэ бань), № 2, 2013, С. 128-129. 刘宏伟、王伟思, 论汉语中字母词的社会认同心理. 长春理工大学学报(社会科学版), №2, 2013年, 2月.

[6] Ли Сяонань. Корректное отношение к буквенным словам и к включению их в словари / Ли Сяонань. – Аньхой чжэ цзишу сюэюань сюэбао, № 2, 2013. С.45-46. 李晓楠, 正确对待汉语字母词及其入典. 安徽职业技术学院学报. 第12卷第2期.

[7] Тан Цзинцюн. Включение буквенных слов в словарь Сяндайханьюй / Тан Цзинцюн. – Сучжоу кэцзи сюэюань (Шэхуэй кэсюэ бань), № 2. 2014. С 104-108. 唐晶琼, 字母词入《现代词典》. 苏州科技学院报(社会科学版). 第31卷第2期. 2014年3月.

[8] Дун Мин. Целесообразность существования буквенных слов в китайском языке / Дун Мин. – Чжецзян гуншан дасюэ сюэбао. № 2. 2014. С.45-52. 董明, 汉语字母词存在的合理性. 浙江工商大学学报. 第2期, 2014.

[9] Хаматова А.А. Тенденции развития лексики китайского языка в начале XXI века // Вестник ИГЛУ . 2012. №4 (21). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-leksiki-kitayskogo-yazyka-v-nachale-xxi-veka> (дата обращения: 10.09.2015).

### **ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДНОГО КИТАЯ В КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.**

*Фаткулин Б. Г.,  
ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ)*

КНР — многонациональная страна, и поэтому изучение национальных меньшинств Китая является важным дополнительным объектом китаеведения. Кроме собственно китайцев, которые составляют почти 95% населения страны, здесь проживают народы других национальностей: монголы (mengguzu) 蒙古族, дунгане (huizu) 回族, тибетцы (zangzu) 藏族, уйгуры (weiwuerzu) 维吾尔族, мяо (miaozu) 苗族, и (yizu) 彝族, чжуаны (zhuangzu) 壮族, корейцы (chaoxianzu) 朝鲜族, маньчжуры (manzu)

满足 и др. Умение анализировать взаимоотношения ханьцев и национальных меньшинств является одной из составляющих квалификации китаиста в России и в других евразийских государствах.

Китайское государство издавна уделяло внимание изучению языков народов приграничных окраин. Доказательством этому служит Пятиязычный цинский словарь, составленный в XVIII веке в правление Цяньлун (1736—1795 гг.), когда, после последовательного завоевания Тибета, Джунгарии и Кашгара (в конце 50-х годов XVIII века), созрела объективная необходимость в многоязычной вспомогательной литературе для административных кадров новых земель Цинской империи. Издан был данный словарь только в следующем веке, в последние годы правления Цзяцин (1760—1820 гг.). Основой для данного словаря послужил «Четырехязычный цинский словарь», к содержанию которого была прибавлена уйгурская часть, а также добавлены и изменены некоторые словарные статьи. Основной корпус словаря подразделяется на 32 тома, 36 частей, 292 раздела, 556 подраздела, и содержит в себе 17052 словарных статей. Дополнительная часть разделена на 4 тома, 26 разделов, 71 подраздел, и содержит 1619 словарных статей. Всего в словаре 18671 словарных статей на 2563 страницах. Сама тематическая структура словаря является традиционной для китайской лексикологии и принципиально не отличается от структуры более ранних китайско-иноязычных словарей (например, Хуаи-Июй).

В настоящее время поскольку представители центральноазиатских народов проживают по обе стороны границы, изучение тюркско-русского и тюркско-китайского билингвизма теснейшим образом переплетается с центральноазиатскими исследованиями. С точки зрения вопросов билингвизма тюркско-русские билингвы живут к западу от бывшей советско-китайской границы, а тюркско-китайские билингвы к востоку от нее. Справедливости ради надо указать, что наряду с тюркоязычными народами в Китае проживают и ираноязычные национальные меньшинства, например сарыкольские таджики.

Конституция КНР провозглашает право каждого народа страны свободно использовать и развивать свой язык и письменность. Китайские лингвисты и китайские научные учреждения уделяют большое внимание изучению языков меньшинств Западного Китая. Для публикации научных работ, словарей, учебников и пособий по языкам нацменьшинств в Китае создано специальное издательство национальностей 民族出版社 (Mínzú Chūbǎnshè). Успешно работает такая структура как Центральный университет народностей. Изучение языков национальных меньшинств стало частью программы «Большого освоения Запада», принятой в конце 1990-х гг. Основной задачей данного проекта являлась связь между ведущими университетами Запада и Востока страны и плановая адресная помощь развитию региональных вузов Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) с выходом на Центральную Азию. С этой целью была налажена кооперация между китайскими структурами и университетами Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана и Туркменистана.

Работы китайских специалистов в области языков национальных меньшинств призваны обеспечить единство информационного пространства в Китае. Российские китаисты, изучающие Западный Китай, должны уметь пользоваться такими учебниками, пособиями и словарями.

Направления современных центрально-азиатских исследований в Китайской Народной Республике с начала 2000-х гг., специфика современных центральноазиатских исследований подробно рассматривается Е. В. Савковичем в его статье «Центрально-азиатские исследования в КНР в 2000-е гг.» [3:70]. Наукометрия центральноазиатских исследований, тематика и краткие аннотации магистерских и диссертационных работ китайских исследователей даны в его статье «Диссертационные исследования по Центральной Азии в КНР на современном этапе» . [2:100] Историографические аспекты центральноазиатских исследований описаны в статье «Центрально-Азиатские исследования в КНР: историография в первой половине 1990-х гг» [4:110]. Проблемы национальных меньшинств Западного Китая рассмотрены в статье В. А. Клиновского «Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте» [1:141]

Согласно Е. В. Савкович, к новым исследовательским центрам и структурам, созданным в 2000-е гг., можно отнести следующие: Исследовательский центр современных международных отношений (одно из направлений исследований - Центральная Азия, год создания - 2002); Центр исследований Центральной Азии при Шэньсийском педагогическом университете (2004); Исследовательский Центр России и Центральной Азии Фуданьского университета и Исследовательский центр ШОС Фуданьского университета, г. Шанхай (2005); Исследовательский центр по Центральной Азии Илийского педагогического университета (2005); Научно-исследовательский центр Центральной Азии при Синьцзянском университете (2007); Исследовательский центр экономик Центральной Азии университета Шихэцзы (2008); Центр региональных исследований Центральной Азии (при участии правительства СУАР) и Исследовательский институт экологии и географии при региональной АОН КНР в СУАР (2009); Исследовательский центр по Центральной Азии Синьцзянского педагогического университета (2009); Институт исследований музыки и культур Центральной Азии (2010); Исследовательский центр проблем Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков (2010).

Работа ведется и в существующих центрах: Исследовательском центре современных международных отношений, Китайском исследовательском центре международных проблем, Исследователь-

ском институте Азии и Африки Пекинского университета, Исследовательском институте Восточной Европы и Центральной Азии Китайского народного университета, Исследовательском институте Восточной Европы, Центральной и Западной Азии Шанхайского отделения АОН КНР, Исследовательском институте международных проблем Педагогического университета Восточного Китая, Исследовательском институте общественного развития Европы и Азии Центра развития при Госсовете КНР, Исследовательском институте России Аньхойского университета, Исследовательском институте международных проблем Шанхайского университета иностранных языков, Исследовательском институте СНГ и Восточной Европы Чжэньчжоуского университета, Исследовательском центре дунган Центрального университета национальностей и других структурах.

Языковая политика правительства КНР в СУАР достаточно полно проанализирована в статье В. А. Клиновского [1]. Российские ученые в большинстве своих статей сетуют на недостатки работы правительства КНР в области языковой политики. Однако в этих статьях мало говорится о реальных мерах, которые правительство КНР предпринимает для расширения сферы применения национальных языков.

Китайская сторона активно реализует двусторонние региональные проекты и в гуманитарной сфере: так, для сотрудничества с вузами Республики Казахстан был выбран Илийский университет, который активно разрабатывает стратегию развития научно-исследовательской составляющей вуза в рамках образования для малых народов КНР, в исследованиях казахской культуры, фундаментальных исследованиях. Университетское издательство начало проект совместного выпуска на китайском и казахском языках «Вестника Илийского педуниверситета» (серии «Общественные науки» и «Естественные науки»). В университете созданы Исследовательский центр казахской культуры, Исследовательский центр по науке и образованию, Исследовательский центр по Центральной Азии, Исследовательский центр природы и экологии (основан совместно с Китайской академией наук и ее региональным филиалом в Синьцзяне) и др.

Касаясь языкового аспекта, необходимо отметить, что усилия китайской науки по интеграции нацменьшинств подкрепляются серьезными лексикографическими работами, венцом которых можно считать создание китайскими лингвистами словарей языков национальных меньшинств, пособий и учебников.

Взаимодействие в области лексикографии идет по линии контактов с Институтом Дальнего Востока РАН, Институтом Востоковедения РАН, Казахским национальным университетом им. Аль-Фараби, Университетом Кокшетау, Центром культурных обменов с КНР (Республика Казахстан), КИСИ (Республика Казахстан) и т.д.

Нам удалось составить следующий далеко не полный список работ китайских лингвистов и лексикографов (словари, учебники и учебные пособия по языкам национальных меньшинств):

1. 中国突厥语族语言词汇集。北京。民族出版社。《Словник Нурбека》 Нурбек (отв. Ред.)

Сборник словарей тюркских языков Китая. Пекин: Изд-во национальностей, 1990. — 586 с.

В восьмязычный сборник вошли словники тюркоязычных народов Китая (уйгурский, казахский, кыргызский, узбекский, тувинский, саларский, западногургский и татарский). Включает в себе 4000 лексических единиц. В конце сборника прилагается китайско-тюркский индекс. Слова тюркских языков даются согласно научной транслитерации.

2. 北京：民族出版社，2007年。1400页。维汉大词典。Yakup Muhemmetrozi. Уйгурско-китайский словарь «Uyghurche-xenzuche lughet». «Минцзу чубаньшэ». 2007. - 525 с.

Словарь содержит более 70 000 словарных статей и устойчивых словосочетаний современной и устаревшей лексики уйгурского языка.

3. 胡振华 柯尔克孜语言文化研究 — 北京：中央民族大学出版社，2006，Ху Чжэнхуа. «Исследования по языку и культуре киргизов» .

Признанным киргизоведом в Китае считается профессор Центрального университета национальностей Китая Ху Чжэнхуа. Сборник его работ, посвященных различным вопросам киргизского языкознания, культурологии и истории, в частности: современные проблемы киргизского языка и письменности, особенности языка фуюйских киргизов, сопоставление с родственными казахским и уйгурским, а также с китайскими языками. Что немаловажно, вторая часть сборника посвящена исследованию киргизского эпоса "Манас".

5. 胡振华 柯尔克孜语教程。中央民族大学出版社，北京，1995年，360页。Ху Чжэнхуа. Учебник кыргызского языка на китайском языке.

6. 北京：民族出版社，1985年。—245页。耿世民，李增祥编著。哈萨克语简志。Гэн Шиминь，Ли Цзэнсян. Краткий очерк казахского языка.

В данную книгу вошли краткие сведения о казахском языке СУАР и других районов Китая. Авторы в работе использовали материалы из своего многолетнего опыта исследования и преподавания казахского языка. В книге описаны фонетика, грамматика, лексика, диалекты, письменность. В конце книги даётся приложение - казахско-китайский лексический индекс.

7. 汉哈俄语言学术语词典。Калибек Т. Китайско-казахско-русский словарь лингвистических терминов. Центральный университет национальностей, 2009. - 491 с.

Данный словарь является результатом совместной работы Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Аблай хана (Республика Казахстан) и Илийского педагогического университета (КНР). Словарь включает в себя почти 3 000 терминов и понятий, связанных с лингвистикой. Содержание словаря разбито по тематическим главам, кроме того, есть несколько приложений, призванных помочь лингвистам в их работе.

8. 汉哈英俄信息与计算技术名词术语词典 一乌鲁木齐: 新疆科学技术出版社, 2010 年, 642 页, Ережепов К. Китайско-казахско-англо-русский словарь терминов информатики и вычислительной техники.

9. 北京: 民族出版社, 1987 年。—190 页。程适良, 阿布都热合曼编著。乌孜别克语简志。Чэн Шилян, Абдурахман. Краткий очерк узбекского языка.

В данную книгу вошли краткие сведения об узбекском языке СУАР Китая. Авторы в работе использовали материалы из своего многолетнего опыта исследования узбекского языка. В книге описаны фонетика, грамматика, лексика, синтаксис. В приложении - узбекско-китайский лексический индекс.

10. 乌汉—汉乌熟语词条对照辑录 / (中国) 李雅梅, (乌兹别克斯坦) 奥扎德·阿奇洛夫编著。—北京: 人民出版社。Ли Ямей, Очилов О. Узбекско-китайский, китайско-узбекский словарь пословиц, поговорок и идиоматических выражений. Li Yamei, Ochilov O., O'zbekcha-xitoycha, xitoycha-o'zbekcha maqol, matal va iboralar lugati.

11. 高尔锵 塔吉克汉词典。成都: 四川民族出版社, 1996 — 292 页 Гаварджон. Таджикско-китайский словарь. Чэнду, Сычуанское издательство национальностей, 1996 — 292 с. Gawarjon. Tujik (Sarikhuli) ziv - Hanzu ziv lughot

Словарь сарыкольского языка, который в КНР называется таджикским.

12. 高尔锵. 塔吉克语简志. 北京: 民族出版社, 1985 年。— 151 页 Gawarjon. Краткий обзор таджикского (сарыкольского) языка.

Таким образом, мы видим, что китайское правительство предпринимает активные меры для сохранения и приумножения богатств языков народов Китая, развивает лексикографические проекты по сохранению их языкового наследия. Российские китаисты должны активнее использовать китайские учебники, пособия и словари для изучения многонационального Китая и проживающих в нем народов. Списки новых пособий должны регулярно пополняться, аннотироваться, реферироваться и использоваться в деятельности аналитических и образовательных китаеведческих структур. Без изучения материалов по нацменьшинствам КНР в оригинале результаты информационной и аналитической работы будут нерелевантны.

#### Литература:

[1] Клиновский В. А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте. // Вестник Томского государственного университета. История, 2, 2012.

[2] Савкович Е. В. Диссертационные исследования по Центральной Азии в КНР на современном этапе. // Вестник Томского государственного университета, 357, 2012.

[3] Савкович Е. В. Центрально-азиатские исследования в КНР в 2000-е гг. // Вестник Томского государственного университета, 355, 2012.

[4] Савкович Е. В. Центрально-Азиатские исследования в КНР: историография в первой половине 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета, 354, 2012.

## ОЧЕРК О ТОГОН-ТЕМУРЕ

Хайруллина Д.И  
ИМОИВ

XIV век - век перемен. Век, когда некогда могущественные державы исчезают в песках истории, а династии тонут в кровавых морях. Династия Юань правящая не только Поднебесной, но и всей Монгольской империй. «Вселенная»<sup>1</sup>, которая охватывала большую часть мира. Всего век «золотой род Чингис-хана» восседал на «троне дракона»<sup>2</sup>, всего век волей Тенгри «золотой род» правил Поднебесной. Начало и конец империи выпал на долю двух людей, чье правление оказалось равным, не только по времени, но и по величию и трагичности судеб. Хубилай-хан – внук «Покорителя морей», внук, который закончил дело своего «отца», построив «город хана»<sup>3</sup>, таким образом, поставив точку на карте «Вселенной» монгольской империи. Его правление доказывало лишь могущество его рода, однако с его смертью «трон дракона» стал лишь «троном смерти», на котором сын убивал отца, отец сына, брат брата. В борьбу за власть вступали не только претенденты на титул великого хана, но и все его окружение: от ближайших родственников до простых слуг империи. Были случаи, когда на некогда столь желанный трон ни один потомок «золотого рода» не решался взойти. Так в 1333 году, когда «трон дракона» пустовал несколько месяцев, верхушка монгольской элиты решила путем интриг и заговор посадить юного степного принца, Тогон-темура на престол его великого «отца» Чингис-хана.

Его судьба была предначертана стать великим ханом и императором Юани с самого рождения. Его отец Хошила должен был занять «трон дракона» после смерти своего дяди Аюрбаригада в 1328 году, но пал в ходе борьбы за власть с родным братом Туг-темуrom. Юный Тогон-темуr неуместный в нынешней ситуации был сослан в Корё в 10 лет, оставленный один на один с самим собой, без родителей, которые были убиты его собственным дядей. Здесь он провел чуть больше года, воспитываясь буддийским монахом, изучая «Аналекты Конфуция»<sup>4</sup> и «Канон сыновней почтительности», прежде чем был возвращен в Джинджан (Jingjiang) своим сводным младшим братом Ринчибалом, который в октябре 1332 года был объявлен императором Поднебесной. Однако спустя 53 дня правления шестилетний император умер, последующие полгода «трон дракона» был пуст, пока судьба не вступила в игру.

Дворец в Дайду ждал своего владельца. В июле 1333 года входе очередных интриг взошел на престол тринадцатилетний Тогон-темуr. Был ли юный император, как и все до него, готовым к власти? По праву рождения «сын степи», но по духу был ли он таковым? Воспитанный буддийский монахом в конфуцианских традициях, проживший важный период в становление личности в окружение корейцев и других этнических, ощущал ли он связь со своим далеким предком, Тимучином? Осознавал ли Тогон-темуr в тринадцать лет, куда он решил войти? Во дворец, которым правили не императоры или великие ханы. Обладать «троном дракона», который был завоеван в 1215 году войсками Чингис-хана. Было ли его восшествие на престол результатом интриг монгольской верхушки, или страстное желание отомстить за своего отца, за свою семью? Понимал ли юный великий хан, какова цена?

Его личность с самого начала была окружена со всех сторон интригами, «шептаниями» и даже страшными предзнаменованиями. Чтобы сохранить власть канцлер Ельтемуr женил свою дочь, Танашири, на Тогон-темуre; покойный хан Туг-темуr, чтобы осквернить имя, как своего племянника, так и своего брата, издал декрет (составленный Yü Chi, одним из уважаемых и влиятельных китайских литераторов в то время) о том, будто Тогон-темуr не сын Хошила; ко всему прочему отдел лунных дел (Department of calendarical affairs) предупреждал вдову Туг-темура Будашири, которая активно поддерживала кандидатуру Тогон-темура, что «если он сядет на трон, то будет множество несчастий в Поднебесной»<sup>5</sup>. Вдовствующая императрица лично взялась за коронацию императора. Многие, как источники, так и историки, упрекают Хуэй-цзуна<sup>6</sup> за его халатность и мягкотелость, смотря на личностью довольно однобоко, через призму его окружения (Боян, Тогто), которые разделяют правление Хуэй-цзуна на два периода. Однако стоит заметить, что Тогон-темуr сам был достаточно разносторонним и преследовал свои личные цели возвышая поочередности того или иного чиновника. «Юань ши» описывает его как «марионетку» в руках монгольской верхушки, но если он был настолько глуп и пассивен как рисуют его источники, то, как ему удавалось удерживать «трон дракона» в своих руках в течение 35 лет? Трон, с которого в любой момент могли столкнуть прямоком в бездну забвения. Не заслуга ли это четкого плана, дальновидности, холодного расчета ума, хитрости и самое главное, желание очистить имя семьи и слиться с «мифической тенью Чингис-хана»?

<sup>1</sup> Династия Юань - с китайского языка «юань» - вселенная, начало.

<sup>2</sup> Дракон в китайской традиции ассоциировался с императором.

<sup>3</sup> Ханбалык – с тюркского языка «обитель хана».

<sup>4</sup> Лунь Юй («Беседы и суждения», «Аналекты Конфуция»).

<sup>5</sup> Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Culture Expression: Mongol Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. - New York, 2008. – p.78; *Yuanshi,juan 38, p.816*

<sup>6</sup> Храмовое имя Тогон-темура

В самом начале своего пути Тогон-темур «был тринадцатилетним ребенком, неподготовленным, по-прежнему официально нелегитимным, и легко подчиняемым, прятаясь в тени и не принимавшим никакого участия в управление империи. Позже он откровенно сказал, что первые годы на троне он проводил в постоянном страхе».<sup>1</sup> Это было очень неуверенное начало самого длительного правления. Однако можно оспорить факт о не подготовленности к управлению империи его предка. Юный Тогон-темур получил классическое китайское образования, присущие его статусу принца крови. В его образование было включено обучение живописи, и он считался довольно неплохим каллиграфом, один из его чиновников писал: «его характер был доброжелательным и милосердным, ему было суждено быть великодушным и мирным правителем... Он уважал конфуцианство и логику. Он почитает своих старых вассалов. После государственных дел, он уделяет свое внимание каллиграфии»<sup>2</sup>. Как известно каллиграфия – это не только умение красиво писать, каллиграфия считается одним из методов познания как духовного, так и материального мира, чтобы чувствовать «путь кисти» нужно иметь определенное восприятие, интеллект, силу духа. Ведь нужно не просто понять написанное, важно почувствовать и увидеть, что скрывается за данным произведением, как оно написано. Воспитывая в конфуцианских традициях, Тогон-темура готовили к ханствованию, развивали его всесторонне, дабы он смог понять сущность монгольского государства, которое требовало сильного правителя, «отца империи» для всех народностей проживавших внутри него. Потомок Чингис-хана, проживший в Корё, правивший на китайском троне, можно с уверенностью сказать, что его раздирали не только внутри, но и снаружи. Правитель, которому пришлось сражаться не только с внутренними демонами, но и с внешними.

В течение последующих семи лет великий хан привыкал к дворцовой жизни и собирал силы для возврата власти в свои руки, поочередности сталкивая друг с другом врагов. В 1335 году, в ходе столкновения Тогон-темура Танкиши, сына Ельтемура, и Бояна, клан Ельтемура пал. «Юань ши» повествует о том, что Танкиши и его брат Талахай планировали переворот в пользу Хуанхо-темура, потомка Монке-хана. Заговор был раскрыт, вместе с братьями была «отравлена в седьмой месяц 1335 г.»<sup>3</sup> в частном доме в Кайпине императрица Танашири.

В этот момент нужно четко понимать, в какой ситуации оказывается Тогон-темур, ведь в последующем это сыграет одну из главных, если даже не первичной причиной как падение империи, так потерей «прекрасного Дайду». Также нужно понимать в каком схожем состоянии была империя как на момент правления Хубилай-хана, так и к 1335-1336 гг.

После свержение монополии власти клана Ельтемура правление оказалось в руках Баяна. Тогон-темур столкнулся с двумя противоборствующими партиями: про-конфуцианская и про-монгольская. Данная расстановка была не только на политической доске, но и в самом сердце императора. Нужно помнить, что Тогон-темур – «сын степи» на «троне драконов»; кровь степи, долг перед «отцом Чингисханом», ответственность перед «мифической тенью», которая стоит за ним, и империя, которая наполнена разными народностями и управлялась многие века конфуцианской моралью. Однако насколько схожа конфуцианская сыновья почтительность у китайцев и культ предков у монголов? Не здесь ли кроится ответ, который отчаянно пытался найти император? Единения с императором-отцом династии, которая правила «Вселенной».

Политика Баяна на улучшение общего благосостояние общества империи Юань за счет сокращения расходов, а также на возобновление порядков при Хубилай-хане, в первую очередь соблюдение строгого этнического разделения населения империи, была невозможна. За последние сорок лет грань между четырьмя класса стала размытой, монголы принимали стиль жизни китайцев, а последние впитывали культуру кочевников. Разделение было уже невозможно даже в кругах элиты. Любимая супруга императора Хуэй-цзуна Олджей-хутун была корейкой, которая оставалась рядом с ним на всем протяжении его жизни и играла важную роль в политических решениях Тогон-темура.

Хуэй-цзуна нужно рассматривать, как человека одинокого, отчаянно желавшего семьи, понимания и поддержки. Юный великий хан нашел это в корейской девушке, которая подавала чая для императора. Она была представлена Тогон-темуру евнухом Тумандером или Го Ёнбо. Император предпочитал проводить время с корейской служанкой, чем с императрицей Танашири, дочерью Ельтемура. И вскоре юный император даровал ей титул «fei» -супруги (между 1333 и 1335 гг.). «Императрица Танашири ревновала к ней, порола ее кнутом и часто оскорбляла»<sup>4</sup>. Это был первое действие, которое было принято самостоятельно, и возможно без ведома «державших власть». Таким образом, дальнейшие действия Тогон-темура были направлены на укрепление семьи на троне и возврата почта к «золотому роду».

<sup>1</sup> Lauren Arnold. Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250-1350 San-Francisco, Desiderata Press, 1999 – p.100

<sup>2</sup> Lauren Arnold. Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250-1350 San-Francisco, Desiderata Press, 1999 – p.100

<sup>3</sup> Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Culture Expression: Mongol Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. - New York, 2008. – p.253; *Yuanshi vol.114*

<sup>4</sup> Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Culture Expression: Mongol Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. - New York, 2008. – p.83



Титул правления Тогон-темура был сменен на Chih-yüan, такой же, как и титул правления Сэцэн-хана, администрация императора всячески старалась повернуть время вспять. Дворцовые расходы были сокращены; соляные монополии были уменьшены; были направлены усилия для обеспечения своевременной помощи для пострадавших от голода и других бедствий районах.

Политика разделения много этнического государства и усиление военной мощи Баяна привела его к краху (в 1339 г.). Заговор был составлен как про-конфуцианской верхушкой, во главе которой стоял его племянник Тогто (следующий великий канцлер), так и императором. Возможно, Тогон-темур и поддерживал возвращение к устоям Чингис-хана и Сэцэн-хана, но этнический вопрос он явно не поддерживал. Более того у императора были личные причины отстранить Баяна, после смерти императрицы Танашири, место рядом с «драконом» пустовала в течение двух лет, Тогон-темур хотел провозгласить Олджей-хутун императрицей, но встретил поток порицаний со стороны Баян, ведь женщины не «степной крови» не могла быть главной женой великого хана.

В 1339 году любимая супруга Кий<sup>1</sup> родила первенца, Аюширидара. Хуэй-цзуну нужно было утвердить не только свою власть, но и свой род. Приблизительно в это же время был реконструирован храм Сингванг (Singwang) в скалах недалеко от Хиджи (Haeju), в Корё в честь правления Тогон-темура и его семьи. В 1340 г. великий хан издал императорский декрет о публичном обвинение Туг-темура в убийстве его отца. Пришло время отомстить за своего отца и доказать свою причастность к «золотому роду». «Он притворился, что отречется и передаст императорскую печать. Мой отец доверился ему и не ожидал его скрытых мотивов. Он даровал ему печать наследного принца. Однако Туг-темур, ослепленный злобой, отказался покается. Когда он встретил моего отца, он был в сговоре со своими министрами Yuelubuhua Yeliya и Minglidong'e. Поэтому мой отец умер с обидой в сердце. Он эгоистично передал трон своему сыну. Он сфабриковал ложь и принес несчастье императрице Бабуши. Он утверждал, что я не сын Минг-цзуна<sup>2</sup> и поэтому отправил меня в ссылку<sup>3</sup>». После этого вдовствующая императрица Будашири была сослана в Dong'an Zhou и казнена, а ее сын Янтегус, который был до этого объявлен наследным принцем, был изгнан в Корё и по пути убит. Далее Тогон-темур провозгласил Олджей-хутун «Di'er Huang-hou» («вторая императрица»), что вообще выходила за рамки традиции, и наследным принцем был объявлен Аюширидар, (титул первой императрицы носила Боян-хутун с 1337 г.),

Столь решительность в личных вопросах сопровождалась и во внутренней политике императора. Окружив себя про-конфуцианской партии, приблизив людей со схожими мыслями в решение государственных вопросов, Тогон-темур страстно пытался найти выход из кризиса в империи. Реформа возвращение государственных экзаменов, дабы набирать на службу талантливых деятелей, продвижение идей конфуцианства и образования, издание законов, проверка и обложение налогов государственных чиновников. Его реформы достигли неплохих результатов в нескольких провинциях, однако всевозрастающая коррупция, продажность чиновников разрушала все его грандиозные планы по восстановлению империи Чингис-хана. Строительство канала и изменение течения р. Хуанхэ в 1342 г., которое должно было улучшить жизнь людей, было вскоре закрыто. Восстания вспыхнули в южных границах империи Юань, бандиты опустошали Шаньдун и Хэбэй. Река Хуанхе вышла из берегов в 1344 г., что привело к голоду, миграции беженцев, и бандитизму. Решено было организовывать помощь нуждающимся непосредственно на местах, сделать районы более самостоятельными. В 1345 году императорская администрация разослал двенадцать команды, которые должны были проверить все провинции. Также, границы Хэнань были тщательно перерисованы в целях координации борьбы против бандитов. Тогон-темур назначал новых людей на должности, дабы уменьшить продажность чиновничьего аппарата. Казалось бы, нововведения должны были пойти на благо империи. Однако «коня на скаку» было уже не остановить.

Всевозрастающее недовольство, взяточничество, постоянная борьба и интриги монгольской верхушки, внешний криз отражал кризис во дворце. Тогон-темуру было уже сложно балансировать как между про-монгольской и про-конфуцианской партиями, так и между отдельным военачальниками, жаждущих власти, которые сеяли смуту не только в отдельных провинциях, но и в частности между императором и сыном.

Столица в 1363 году была захвачена монгольской военной знатью, под предводительством Боллод-темура. В столице остались лишь «отец и мать Юани». Не обладая какой-либо силой, чтобы противостоять мятежу во дворце, лишь то, что он сын неба и потомок Чингис-хана, Хуэй Цзун смог лишь замедлить процесс заговора против своей семьи, сослать наследного принца, Аюширидара в Джининг (Jining), и закрыть любимую жену «под домашний арест» в ее покоях. Спустя сто дней, при загадочных обстоятельствах Боллод-темур умер, а вторая императрица стала первой (Боян-хутун умерла в 1365 г.). Один из министров, Ли Ми, обвинил Императрицу Кий во всех бедах: в голоде, в засухе и разливе канала, более того он напомнил императору об ее этническом происхождении, ссы-

<sup>1</sup> Олджей хутун- монгольское имя супруги Кий, которая позже станет императрицей.

<sup>2</sup> Храмовое имя Хошилы хана.

<sup>3</sup> Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Culture Expression: Mongol Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. - New York, 2008. - p.80; *Yuanshi, juan 40, p.856*

лаясь на завет Хубилай хана не смешивать императорскую кровь с корейцами. Однако никакие доводы и необдуманные обвинения не помешали Тогон-темуру даровать своей любимой жене титул первой императрицы.

Потеря военного преимущества, децентрализация власти, растерянность и отчаяние, император терял контроля над ситуацией. Постоянные вспышки восстаний против чужеземной династии, чиновников и даже с религиозным подтекстом, процесс разрушения, который был запущено уже давно и не в правление Тогон-темура, что ошибочно предписывают ему, было не остановить. Историки видят Тогон-темура не объективно, основываясь на летописях о династии Юань. Которые в свою очередь были составлены при династии Мин, созданные не только для того, чтобы продолжить традицию сооставления династийных историй, но и для того, чтобы очернить и неверно интерпретировать действия обладателя «трона дракона». Так в «Юань ши» говорится, будто Хуэй-цзун погряз в невежестве и в безнравственности, развлекаясь с «небесными демоническим танцовщицам» и устраивая тантрические ритуалы. Составители «Юань ши», не понимая и являясь другой ветвью буддизма, охарактеризовали ритуалы тибетского буддизма Невайра Samadhi как «искусство наслаждений». Более того, историки впадают под влияние взгляда династии Мин даже в простых вещах. В китайской традиции в последующем (с основанием династии Мин) Тогон-темур зовется именем Шунди («тот, кто последовал судьбе»), даже в «Юань ши». «Тот, кто последовал судьбе» рассматривалось как «тот, кто уступил мандат Неба Мин». Но на самом деле так ли это? Во всех других источниках он именуется как Ухагату-хан («Умный»). Возможно, его судьба была и оказаться последним великим ханом, но явно «не сдаваться Чжу Юаньчжану».

В 1368 г. Дайду пал. *«Плачь, не плачь, остался я один! О, мой город Дайду... где я правил моей великой державой и народом! ...все отобрали китайцы! А мне, Ухагату-хану, осталось только мое скверное имя - враждовавшего с китайцами,....любезничавшего с китайцами. Великую державу, собранную владыкой ханом (Чингис-ханом), любимый Дайду, ставший опорой для всего народа, - все потерял! Прекрасный Дайду, построенный потомком золотого рода Чингис-хана,...я, Ухагату-хан...утратил по воле судьбе!»*<sup>1</sup>. Человек, который боролся за свою семью, за империю, за восстановление наследия великого предка, за возврат власти к «золотому роду», остался один на один со своими демонами. Страстно желавший быть достойным «тени Покорителя морей», пытавшийся замедлить несущуюся колесницу времени. Раздираемый внутренними демонами на вину, долг, месть, слабость, амбиции и любовь, и внешними: людьми жадными до власти, которая сокрушает при малейшей оплошности. Тогон-темур, хан монгольского империи, «дракон» династии Юань сражался с роком. Нет, он не проиграл битву, он отдал Дайду не по глупости или из-за страха, «если бы Тогон-Тэмур-хаган был пойман в Дайду, он принял бы на себя позор»<sup>2</sup>, который не смог бы пережить, груз вины перед «сыном Тенгри», перед самим собой.

Из Ханбалыка Ухагату-хан вместе со своей семьей и несколькими туменами, прибыл в летнюю резиденцию монгольских ханов в Шанду, затем откочевал в Инчане. Тогон-Тэмур находился в Инчане около двух лет, готовя план возмездия и возврата утерянного «драгоценного Дайду». Великий хан не оставляли идею отвоевать империю, проводя политику, направленную на: концентрирование главных сил монгольской армии, сохранение боеготовности, защиту от нападений и вторжения со стороны китайской армии, сохранение за «золотым родом» некоторых китайских территории.

В 1370 году (1371 г.) великий «сын степи», «дракон» империи умер во вновь построенном городе Барс-хото, не добравшись до колыбели монгольского государства, наказав беречь яшмовую печать своему сыну Аюширидаре и не сдаваться династии Мин.

### **Список использованной литературы и источников**

#### **Источники:**

- 1 Эршисы ши. Двадцать четыре династийные истории Китая в 24 т. Т. 20. Юань ши. История Династии Юань Ч. 1. - Шанхай: Бонабэнь, 1958. - с.25953-27099
- 2 Эршисы ши. Двадцать четыре династийные истории Китая в 24 т. Т. 21. Юань ши. История Династии Юань Ч. 2. - Шанхай: Бонабэнь, 1958. - с.27101-28192
- 3 Желязняков А.С., Цендина А.Д. История в трудах ученых лам. [Текст]/ сост. А.Д. Цендина. - М.: Товарищество научных изданий КМК. 2005.-275 с.

#### **Материалы на русском языке:**

- 1 Базаров Б.З. Монгольские летописи – памятник культуры [Текст]/ Б.З Базаров. РАН. Сибирское отд. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. – М.: Academia, 2006.- 368 с.
- 2 Покотилова Д. История восточных монголов в период Династии Мин 1368-1634 по кит. Источникам [Текст]/ Д. Покотилова. – Санкт-Петербург: типография Императорской Академии Наук, 1893. - 231 с.

<sup>1</sup> История в трудах ученых лам. А.С. Желязняков, А.Д. Цендина М. 2005. Стр.39, *Золотой сказание, Плачь Тогон-темура.*

<sup>2</sup> «Болор эрихэ» — «Дай-Юану Болор эрихэ» («Хрустальные четки великой Юаньской династии») — монгольская летопись, составленная Рашипунцуг в 1774—1775 гг. <http://sakhpa.ru/mongoliya/smert-togon-temura.html>

3 Чулуун Далай Монголия в XIII-XIV веках [Текст]/ Чулуун Далай. – М.: Наука, 1983. - 233 с.

**Материалы на иностранных языках:**

1 Charles O. Hucker A Dictionary of Official Titles in Imperial China. – Stanford, CA, Stanford University Press, 1985. – p. 668

2 Cho Eunsu Korean Buddhist Nuns and Laywomen: Hidden Histories, Enduring Vitality, Albany, NY, State University of New York Press, 2012.– p. 224

3 Hong Lee L. X., Wiles S. Biographical Dictionary of Chinese Women:Tang through Ming, 618-1644. – New York, M.E. Sharpe, 2014. - p. 716

4 David M. Robinson Empire's twilight: Northeast Asia under the Mongols. – Cambridge, Harvard University Press, 2009. – p. 439

5 The Cambridge History of China: Vol. VI, Alien Regimes and Border States, 710-1368 // Ed. by Denis C. Twitchett, Herbert Franke, John King Fairbank. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. – p. 864

6 Lauren Arnold Princely Gifts and Papal Treasures: The Franciscan Mission to China and Its Influence on the Art of the West, 1250-1350 San-Francisco, Desiderata Press, 1999 – p. 240

7 Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Culture Expression: Mongol Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. - New York, Peter Lang publishing inc., 2008. – p.319

**Электронные ресурсы**

Смерть Тогон-Тэмүра [Электронный ресурс] //Экономика Сахалинской области. Режим доступа <http://sakhpa.ru/mongoliya/smert-togon-temura.html>

## О РАЗЛИЧИЯХ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ КИТАЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Хань Юн,  
ИМОИВ КФУ

В статье рассмотрены особенности пищевой культуры Китая в сопоставлении с западной культурой питания. В понятие культуры питания включены общие понятие о кухне, методы приготовления пищи, способы её приёма, особенности подачи блюд, столового этикета.

### 略谈中国人的餐饮习惯及中西餐饮文化的差异

韩雍

中国古人云: «民以食为天», «开门七件事: 柴, 米, 油, 盐, 酱, 醋, 茶»。

在中国人看来, 吃饭是人生的头等大事, 它关乎着国计民生。中国地大物博, 历史悠久, 纵观中国的饮食文化, 从远古传说中钻木取火的燧人氏到科学技术高度发达的今天, 同样历史久远; 因中国的地理地貌气候多种多样, 形成了众多的不同的菜系和层出不穷的数不清的美味菜品。随着中国的改革开放, 中餐馆也遍布世界, 吃中餐的外国人也越来越多。中餐也是中国文化的重要组成部分, 而且中餐和西餐有着很大的区别, 因此, 了解中国的饮食文化和中国菜的特点也是一件非常有意思和有必要的事。

#### 一、中国人的饮食习惯:

##### 一日三餐, 以粮为主, 主副配餐的膳食配置

中国人的饮食习惯是一日三餐, 即早餐, 午餐, 晚餐。一般不像西方人两餐之间要喝上、下午茶。

中国人的午餐和晚餐一般分为主食和副食。

主食是指用米类, 麦类和杂粮类做成的各类食品。如: 米饭, 饺子, 包子, 面条, 馒头, 烧饼, 面包等。

副食是指以蔬菜, 肉, 鱼, 禽, 蛋等材料做成的食品和菜肴。

中国人的祖先是农耕民族。很早以前就以粮食及其制品为一日三餐的主要食品, 而以蔬菜, 鱼, 肉等为辅助食品了。

«以粮为主»表明粮食在一日三餐中的重要性。它给人体活动必须的热量。

副食则有调剂口味, 补充营养, 提高食欲的作用。在现代人的饮食中则越来越重视副食的食用。中国人的副食品十分丰富, 除了最常见的鸡鸭鱼肉等荤菜以外, 形形色色的新鲜蔬菜, 豆制品, 泡菜, 酱菜, 咸菜和腌腊制品也是餐桌上常见的菜肴。搭配的方式多种多样, 因食, 因人, 因地, 因时间而不同。总体说来有«三多三少»的传统:

主副食搭配：谷食多，菜食少；  
菜食用料上：蔬菜多，肉品少；  
肉品选用上：猪肉多，其他肉少。

这种饮食搭配与中国的农业生产和中医的理论有关。如：「得谷者昌」。

### 热、熟为主，兼用生、冷的饮食方式

中国人早在 50 万年前就会用火烧烤食物了。中国人喜欢吃熟食、热食，喝热水喝热茶的习惯也与中医医理有关。中医主张人的热腹不易承受过多的冷食，某些体质的人，还要忌食生冷食品。虽然中国人很早就习惯饮用熟食、热食，但也不排斥生、冷食品。中国人很早就认识到，有些食物原料，较适宜生吃，更能保存其鲜美的味道和营养，所以中国人的饭桌上生、冷食品并不罕见，如黄瓜、西红柿、生菜、生鱼片、葱、姜、蒜、辣椒等等。中国人的日常餐桌上一般总是有冷菜，有热菜，一冷一热菜，或一冷两热菜，或二冷二、三热菜根据情况而定。

### 3) «药食同源» 平衡膳食、四季有别的饮食理念

不管是治病救人的草药，还是可以食用的植物，其本质上属于同宗同源。

举例来说，很多来自自然界的十分普通的食物，如：麦芽、萝卜、山药、冬瓜、南瓜、海带、山楂、杏仁、核桃、生姜、花椒、大葱、菊花、金银花、乌鸡、牡蛎、珍珠等等，虽然它们有的是粮食、有的是蔬菜、有的是植物、有的是动物、有的是调味品、但它们都有一个共同点：就是它们不仅是营养丰富的食品，也是具有良好治病效果的中药。在医食同源思想的影响下，中国人十分讲究食品的「食疗」作用。

那么，在日常生活中怎样用餐，才能更有利于健康呢？

«阴阳五行»的哲学思想是中国古代思想家用来解释自然界中两种互相对立、互相消长的自然现象的学说。中国人很早就把«阴阳五行»的思想运用到饮食文化中来，设计出一套完整的饮食理论体系。

中国饮食文化中不仅把味道分为：«酸、甜、苦、辣、咸»五味，而且还把众多的谷物、畜类、蔬菜、水果分别纳入«五谷»（小豆、大豆、麦类、粳米、黄黍），«五肉»（猪、牛、羊、鸡、鱼肉），«五菜»（葵、韭、藿、蕤、葱），«五果»（桃、李、杏、枣、栗子）的固定模式。食疗的奠基之作《黄帝内经》（素问·脏气法时论）文章中有一条十分有名的养生原则指出：«五谷为养，五果为助，五畜为益，五菜为充，气味合而服之，以补精益气。»这句话的主要意思是，五谷为人们养生的主要食物，而水果、蔬菜、肉类则是作为有益的辅助食品，只有当它们达到气味和时，即相辅相成时，吃了就会对人体有益处。中国人还把食物的臊、焦、香、腥、腐五种气味称为阳，把甜、酸、辛、苦、咸五种味道称为阴。大千世界的药材、食品虽然很多，但都具有五味中的味道，许多食材都被归为阴阳两类。人们日常摄入五味食品，既是为了满足口腹之欲，也是为了调和人体的阴阳平衡。

如阴的病症«贫血»，就要吃阳性的食物。这样的食物有：肝、鸡蛋、红糖、大枣等，主要有祛寒补虚等功效。

«高血压»«炎症»属于阳性病症，应该用阴性的食物来败火。如：莲子、黄瓜、冬瓜、绿豆、菊花等，认为这些食物有解毒，清热降火的功效。

各种食物按对身体的调和功能被分为：«热、温、凉、平、寒»五种性质，许多种草药同时也作为食物原料归于其中。饮食要根据自己的身体状况，«寒者热之»，«热者寒之»，«虚者补之»，«实则泻之»。

可以说平衡膳食是中国人养生、维护身体健康的根本。怎样才能维持膳食平衡？《中国居民膳食指南》指出：中国居民要想吃的合理，维持膳食平衡必须做到以下几点：

- 食物多样，谷物为主；
- 多吃蔬菜和水果；
- 经常吃适量动物性食物，少吃肥肉和荤肉；
- 特别注意多补钙；
- 吃清淡少盐的食品；

另外，中国人很早就注意到一年四季的变化对人们的身体和健康的影响，所以根据«药食同源»的理念，根据季节的变化而调整自己的饮食，做到四季进食有别。

春季万物生长，人体新陈代谢加快，户外活动逐渐增加，所需营养素相对较多，故一定要注意食物品种的多样化。春天肝气旺盛，肝气过旺容易伤及脾脏，引起脾胃不适。酸味是肝的本味，增加甜味可以增加脾脏的功能，使肝脾协调平衡，春天人们就要少吃酸味，多吃甘甜的食品。

夏季对人来说，是心火旺，肺气衰的季节。苦味属心，辛味属肺，所以夏天人们多吃苦味，辣味的食物。

秋天，天地阳气衰，阴寒之气则日渐长，景物萧条，人们此时则少辣多酸。

冬季，人们的肾气旺，心气衰，咸味属肾，所以少吃咸味，多吃苦味的食品。

以上的«四季有别»的进食原则，也来自中医的理论。中医认为，人体有五脏：肝、心、脾、肺、肾，分别对应的是五行是木、火、土、金、水，而与五行相对应的四季是春、夏、长夏、秋、冬。不同季节所需重

点保养的脏器也有所不同，即春养肝，夏养心，长夏养脾，秋养肺，冬养肾。五脏又分别相对应五味，所以中国人的饮食根据季节的变化而有所不同。

## 无鱼不成席

«无鱼不成席»那就是宴席上一定要有鱼。家常便饭常有鱼，贵客临门要有鱼，礼尚往来要有鱼，婚丧有鱼，祭祀有鱼，无鱼不成席，无鱼不成礼仪。

鱼在中国传统观念中始终占据着重要的地位。古人将鱼看成多子嗣、繁荣的象征。由于对鱼的喜爱，人们将鱼的图案装饰在各类物品上。所以说，从古至今，尤其逢年过节，带有鱼的吉祥画是家家挂，»无鱼不成席»的大餐也为节日聚会增添了不少喜气。

## 二、中国餐饮文化与西方餐饮文化的差异

### 1) 饮食观念的差异

西方饮食文化受西方文化、宗教的影响，表现为天人相分的生态观，合理均衡的营养观，个性突出的美食观。西方饮食以营养为最高准则，特别讲求食物的营养成分，蛋白质、脂肪、碳水化合物、维生素及各类无机元素的含量是否搭配合宜，卡路里的供给是否恰到好处，以及这些营养成分是否能为进食者充分吸收，有无其他副作用，而菜肴的色、香、味如何，则是次一等的要求。

西方人于饮食强调科学与营养，所以烹调的全过程都严格按照科学规范行事，烹调时，调料的添加精确到克，时间也精确到分秒。比如，牛排的制作，因为严格地按规范操作，所以牛排的味道从纽约到旧金山是一样的。牛排的配菜也只是在旁边放上番茄、土豆、生菜等有限的几种菜。

«以味为本，至味为上»这也是中国烹饪最突出的特点之一。保持烹饪原料的自然风味或经过烹饪使食物达到尽善尽美，是烹饪的根本目的和最高要求。这是两千多年前的《吕氏春秋·本味篇》提出来的，这种»至味为上»的烹饪思想对后世的烹饪产生了深远的。中国的烹调追求菜肴的色、香、味。特别重视菜的味道。这也反映在人们的日常生活中。中国人品评菜肴时总是»味»字挂帅的。如家庭宴请，面对满桌的菜肴，主人常会谦虚地说：»菜做的不太好，不一定和您的口味。»人们决定吃什么，也常常以菜肴的味道好吃与否来决定取舍。依照菜肴的味道，中国菜可以分为很多菜系，不仅各大菜系都有自己的风味与特色，就是同一菜系的同一个菜，其所用的配菜和各种调料的调配，也会依厨师的个人的特点有所不同。就是同一个厨师做同一个菜，也会依不同的季节、不同的场合，用餐人的情况而加以调整。此外厨师还会因自己当时的情绪的变化，作出某种即兴的发挥。因此，中国的烹调不仅讲求精确到秒与克的规范化，还特别强调随意性。但随意发挥的目的与第一标准，也是菜肴的味道如何。

## 烹饪方法的差异

«和» - «五味调和» - 中国厨师烹饪的最高追求 - 花样繁多的烹饪手法

前面我们已经探讨了中国菜的烹饪理念就是追求»美味»。

如何达到»味美»?那就是厨师通过»调和五味»，达到饮食之美的最高境界 - «和»。这里的»和»即味道的调和要达到得当和谐。»和»不仅能满足人们味蕾的需要，而且能满足人们的生理和心理的需要。我们知道，根据中国医学的»性味归经»的理论，食物的五味与人体的五脏是相对应的。食物的五味入胃，各与人体的某一脏器有亲和性。如果长期偏食五味中的一种就会导致阴阳失调，有损健康。

总之，»五味调和»才为最美。

在烹饪中怎样才能做到»五味调和»呢?这就要遵循»荤素之和»，»性味之和»，»时令之和»的原则。注意动物原料与植物原料搭配适当;主料、辅料与调料的性味搭配适当;与季节，时令搭配适当。

中国疆域辽阔，民族众多，各地的自然气候，地理条件也不相同。这为中国菜肴的多样化提供了便利条件。中国历史悠久，烹饪的历史也源远流长。在漫长的岁月中，为了追求美味，各地的厨师们经过不断地探索和实践，形成了众多的菜系，数不清的美味菜肴，并创造出了齐全多样的烹饪方法。

如：凉拌、焯、炒、煎、炸、煮、烙、烤、煎、贴、煨、爆、溜、焖、焅、酱、卤、蒸、烧等等。

我认为，最能代表中国烹饪方法的就是炒、蒸、红烧和卤。一般家庭的一日三餐，最快最方便的方法就是炒菜。一般有朋友、客人来访，主人总会挽留：»吃个便饭，炒几个菜，很快就得。»蒸，可以说是中国人特有的，情有独钟的一种烹饪方法，比如说馒头、包子、人们要天天吃，清蒸鱼、粉蒸肉、不仅好吃，而且营养健康。红烧和卤菜，也是极具中国特色的，所以不少外国人认为，只要加了酱油或豆酱调料的菜肴就是中国味儿的菜了。

我们已知道，中国人在烹制食品时，需要在保留原料自然之味的基础上进行»五味调和»，所以中国菜几乎每个菜都要用两种以上的原料和多种调料（如：葱、姜、蒜、酱油、醋、糖、花椒、大料、辣子、料酒等）来调和烹制，即便是家常菜，一般也是荤素搭配，如：韭菜炒肉丝、西红柿炒鸡蛋、香菇菜心、白菜粉条炖猪肉、排骨冬瓜汤等等。

与中国人不同的是，西方人很少像中国人那样把几种蔬菜，或者肉和几种蔬菜在一起炒。西餐的主要做法是煮、烤、焖、其次是煎和炸。西餐中除少数汤菜，如俄式罗宋汤是把多种荤素集中在一锅里煮汤外，正菜中各种原料互不相干，鱼就是鱼，鸡就是鸡，牛排就是牛排，就是搭配那也是在盘中进行，比如，米饭或者土豆泥旁边配上牛排或者炸肉饼、炸鱼块、烤鸡肉旁边配上洋葱、西红柿、酸黄瓜等生菜。菜、饭、肉各是各的味儿，不像中餐那样讲究»五味的调和»。

### 用餐方式的差异

崇尚自由的西方人重分别与个性，这种文化也体现在用餐方式上。

西方人奉行的是分餐制。首先是各点各的菜，即使是几个朋友一起请客去吃饭，主人也是请每个人点自己喜欢吃的菜，上菜后，也是各吃各的菜。一道菜吃完，再上第二道菜，一般不混吃。西方流行的自助餐形式更是各吃各的，互不相扰。

在中国不管是家庭便饭还是任何形式的宴席，不论什么目的，用餐都只有一种形式，就是聚餐。大家团团围坐，同吃一桌菜，冷拼热炒摆满桌面，美味佳肴放在桌子的中间，人们互相让菜，敬酒，体现了相互尊重、礼让的美德。

### 就餐时所选食材的差异

中国自古就是农业大国，据西方植物学家的调查，中国人吃的蔬菜就有 600 多个品种，比西方多 6 倍。所以，在中国人一日三餐的餐桌上，素菜是最平常的食品，荤菜（肉菜）只是配菜，所以自古就有»菜食»之说。

西方人因古时很多地方有放牧的习惯，所以以肉食为主，正餐一定要有肉。

西方人比中国人更重视营养搭配，如罐头、快餐等，虽口味千篇一律，但省时间，营养。所以有人根据中西方饮食对象的明显差异，把中国人称为植物性格，西方人称为动物性格。

### 上菜顺序的差异

中餐的上菜顺序大体原则为：先冷后热 - 先位菜后汤菜 - 先鲜后咸 - 先辣后炒 - 先烧后蒸或先炒后烧 - 先菜后汤 - 先清淡后肥腻 - 先主食后甜品 - 先点心后水果 - 先优质后一般。上菜的顺序，根据地域的不同也有所不同。比如：

北方：冷盘- 热菜 - 炒菜 - 大菜（如整鱼、鸡、鸭等）- 汤 - 主食 - 水果

广东：汤 - 冷盘 - 海鲜 - 荤菜 - 小菜 - 主食 - 水果

湖南：冷盘 - 海鲜 - 荤菜 - 小菜 - 汤菜 - 主食 - 水果

正式的全套西餐点的上菜顺序是：

- 前菜和汤菜
- 鱼类
- 水果
- 肉类
- 乳酪
- 甜点和咖啡
- 水果、还有餐前酒和餐酒

以上这些，没有必要全部都点，点太多却吃不完反而是失礼。

在俄罗斯上菜的一般顺序是：

- 开胃菜：各种荤素沙拉，一般是少而精，有 1-4 种
- 第一道菜：汤菜
- 第二道菜：副菜（一般是鱼类菜肴，可要可不要），或者是主菜
- 第三道菜：主菜，一般是主食 + 主菜（一般是肉类、禽肉类，如没有副菜，主菜可以是鱼类）或者 + 做熟的蔬菜
- 第四道：甜品
- 第五道：咖啡或茶
- 第六道：水果

中西上菜顺序的主要差别在于何时上汤菜，中国人一般是先干后汤菜，即中国大部分地区是最后一道上汤菜，而俄罗斯的头道菜则是汤菜。

另外，中国人常常省略甜品，而西方人，俄罗斯人饭后甜品则是必须的。

### 用餐时一些礼仪的差异

在待客方面：中国人宴请时一般是围桌而坐，为了表示对客人的尊重，主人常常会劝客人多吃菜，并会往客人的碗里不停地夹菜。

西方人为了表示对个性的尊重，往往只是建议，而不会往别人的碗里布菜。

在饮酒方面：白酒是中国人饮酒时的首选，这同欧洲人爱喝啤酒、果酒、葡萄酒、威士忌、白兰地的传统不同。中国人一向以能喝白酒为荣。中国人的饮酒观念是«酒以烈（度数高）为贵»，所以中国的酒杯比较小，并且要慢慢地品尝。为了喝的高兴，并让别人能多喝一些，酒席间人们不仅互相让酒，并且玩儿行酒令，所以酒席间比较吵闹、热闹。这是外国人所不能接受的。

在所用餐具方面：西方人用刀、叉、勺子、盘子。中国人用筷子、碗吃，所以吃汤菜时，可以把碗端起来，而西方是不允许的。

**西餐的主要特点是：**生、冷、甜、追求方便快捷，选料精细，用料广泛，注重营养的搭配。调味品不同于中餐，如酸奶油、奶酪、桂叶、柠檬、罗勒叶都是常用的调料。

**中餐的主要特点是：**热、熟、五味调和、医食同源、四季有别、用料广泛、菜系繁多，流派纷呈、色香味齐全。常用调料主要有：葱、姜、蒜、花椒、大料、辣椒、酱油、醋、豆酱。

综上所述，我们可以说，不同的文化背景，不同的饮食文化，不同的饮食观念，不同的饮食方式和饮食对象，最终形成了中西方饮食文化的差异。

### 主要参考资料：

1. 尚水 《中国居民膳食指南》华龄出版社 2011.08。
2. 李济生 《黄帝内经·十二时辰养生法》华龄出版社 2012.08。
3. 陈志田 《舌尖上的中国》北京联合出版公司出版 2014.01
4. 李麦逊 《舌尖下的中国》重庆出版集团、重庆出版社 2013.05
5. 清渠 《舌尖上的文化》北京工业大学出版社 2015.01
6. 裴凌鹏 《特色膳食文化概论》中央民族大学出版社 2010.06
7. 王仁湘 《饮食与中国文化》青岛出版社 2012.04

## РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ТРАНСПОРТНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ОТ КВЖД ДО ВСЖМ

*Харченко М.П.*

*Институт международной торговли и права*

История двусторонних отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики представляет собой череду взлетов и падений. Наши страны неразрывно связаны важными событиями общей истории и культурными аспектами. Под взаимный синтез попали различные сферы общественной жизни, культурной деятельности, религии, торговли, военной отрасли и экономического развития.

Безусловно, Царская Россия и Императорский Китай, как позднее СССР и КНР, переживали не только моменты единения и дружбы, но и враждебных, агрессивных действий в отношении друг друга, доходивших до локальных конфликтов. Тем не менее, все это наша общая история, забыв уроки которой мы не сможем построить светлого будущего для народов двух Великих Держав.

Россия и Китай сегодня находятся на новой стадии построения дружественных, если не сказать союзнических отношений. Эксперты говорят о достижении самого высокого уровня дружбы, сотрудничества и взаимного доверия за всю историю установления дипломатических контактов. Благодаря выстраиваемой политике добрососедства наши страны сегодня развивают множество совместных проектов по многим отраслям производства и торговли.

Наши экономические обозреватели сегодня много говорят о развитии совместных предприятий в добывающей отрасли, что позволит обеспечивать Китай постоянно необходимым уровнем углеводородного сырья. Совместная разработка производственной отрасли даст возможность наполнить

емкий рынок РФ необходимой китайской продукцией, а также активизировать постройку совместных перерабатывающих и производящих предприятий на территории нашей страны. Углубление двусторонних связей в экономической сфере, налаживание совместных предприятий производства и переработки сырья – это один из самых важных показателей выстраиваемых партнерских отношений.

Вместе с тем, крайне важным фактором экономического баланса и увеличения взаимной торговли, является создание полноценного, конкурентоспособного, экономически выгодного и безопасного пути доставки людей, товаров, грузов и услуг между двумя державами.

Одним из таких вариантов доставки, безусловно, выступает железная дорога. Учитывая огромные площади наших стран, а также труднопроходимые участки, где никакой другой транспорт кроме железной дороги не гарантирует доставки товаров и грузов в срок, необходимо четко выстраивать партнерские связи именно в области развития транспортных железнодорожных проектов.

У России и Китая уже есть исторический опыт построения и использования этого вида транспорта и именно с небольшого анализа опыта исторического сотрудничества логичнее всего проводить исследование наших современных проектов.

Историю российско-китайского сотрудничества и период его наибольшего расцвета, логичнее всего вести от Китайско-Восточной железной дороги. Безусловно, данный проект не является в полной мере предшественником современных разработок России и Китая в сфере совместного строительства железных дорог, однако именно он был одним из ключевых проектов, призванных наладить устойчивые контакты между Российской Империей и Цинским Китаем.

Идея о необходимости постройки КВЖД – это не что иное, как «производная» от другого масштабного проекта Российской Империи по постройке Транссибирской железной дороги. Российское правительство было обеспокоено тем, что представители Западных держав начали проводить слишком активную политику в вопросах двусторонних отношений и экономического развития на Дальнем Востоке, а также в Северо-Восточной Азии.

Чрезмерное сближение стран региона с Великобританией, Францией, Германией, Италией и США угрожало приграничным российским регионам. Чрезвычайно низкая плотность заселения этих земель требовала от правительства не только создания крупной воинской группировки для защиты границы, но и чрезвычайного комплекса скорейших мер по заселению окраин Империи. Значительная часть территорий Сибири и Дальнего Востока, ввиду отсутствия постоянного транспортного сообщения, попадали в прямую зону угрозы и могли быть отторгнуты от Российской Империи в связи с фактической «оторванностью» от центральных регионов.

В 1891 году было принято поистине историческое решение о начале постройки стабильного коридора транспортных коммуникаций, который должен был связать центральную и восточную части страны. Таким коридором стала Транссибирская железнодорожная магистраль. Строительство Транссиба началось сразу с двух направлений на встречу друг другу. Отправной точкой Центральной части страны стали фактические «ворота» в Западную Сибирь – город Челябинск. Крайним пунктом, откуда пошло строительства Дальневосточного участка стал город Владивосток. Использование значительных государственных средств позволило добиться весьма успешных, по тем временам, темпов строительства. Всего за 10 лет было построено 7,5 тысяч км железных дорог [9].

После того, как восточный участок дороги был доведен до Хабаровска и уперся в широкую реку Амур, где требовалось возведение грандиозного моста, а западный отрезок дошел до Забайкалья, встал вопрос о продолжении строительства по одному из двух проектов южного участка.

Первый вариант подразумевал под собой прокладку дороги по территории Российской Империи, вдоль российско-китайской границы и берега Амура, до тех пор, пока дорога не замкнулась бы под Хабаровском. Второй вариант предполагал возможность прокладки путей через Иркутск и Кяхту в сторону Монголии, далее, через Маньчжурию в сторону Тихого океана к Российскому Приморью. Учитывая, что сторонником именно этого варианта был министр финансов С.Ю. Витте, имевший значительное влияние на Царя, а также пользовавшийся огромной властью и уважением у аристократии и финансовых магнатов, не сложно догадаться, какой вариант был выбран. Сам С.Ю. Витте объяснял свою позицию тем, что железная дорога в этом регионе будет способствовать постепенному мирному присоединению Маньчжурии, а также позволит выйти российским товарам на новые рынки сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, из-за возросшей активности Японии, которая угрожала стратегическим интересам Российской Империи в Китае, было необходимо укрепить свое влияние на этом чрезвычайно важном направлении.

Только после поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. российское руководство осознало ошибочность своего решения по строительству КВЖД и направило дополнительное финансирование для ускоренного завершения строительства «Амурской железной дороги» по первому сценарию.

Однако, к пониманию своего «промаха» в Российской Империи придут позже, а пока же решение о строительстве КВЖД требовало детальной проработки, причем далеко не только инженерной и фортификационной, но также финансовой и политической.

Руководство Российской Империи, понимавшее опасность прокладки железнодорожных путей на территории другого государства, вовсе не хотело брать на себя обязательства по 100% финанси-



рованию строительного процесса. Именно тогда и было принято решение привлечь к работе частных инвесторов, которые были также заинтересованы в торговле с Китаем. С этой целью в 1895 году было принято решение о создании Русско-китайского банка. Именно этой организации было предоставлено право на постройку железной дороги.

Вместе с тем, для безопасной прокладки КВЖД необходимо было заручиться поддержкой китайской стороны. Именно с этой целью в 1896 году, во время визита в Россию одного из самых влиятельных сановников Цинского Китая, Ли Хунчжана, состоялось подписание так называемого «Московского договора» - секретного соглашения о союзе между Российской Империей и Китаем, против Японии.

Уже спустя год, после подписания всех соглашений, началось строительство КВЖД, а еще через год, в 1898 г., Российская империя получила от китайской стороны разрешение на строительство Южно-Манчжурской железной дороги (южная ветка КВЖД), которая должна была обеспечить прямую связь с опорными пунктами России на Ляодунском полуострове. В частности, речь шла о налаживании транспортного коридора к Люйшуню (Порт-Артур) и Даляню (Дальний).

Несмотря на отдельные технические трудности, связанные с большой протяженностью дороги, сложным рельефом местности, а также на геополитические препятствия - в 1899 году в империи Дай-Цзинь-Го вспыхнуло Боксёрское (Ихэтуаньское) восстание, организованное фракцией секты «Белый лотос», уже 1 июня 1903 года дорога была передана «Эксплуатационному управлению», что и стало официальной датой открытия КВЖД.

Постройка КВЖД в Маньчжурии значительно увеличила приток китайских работников в провинцию. Ее значение, как одной из наиболее значимых и стратегически важных пограничных провинций теперь дополнилось статусом ключевой транспортно-узловой территории в Северо-Восточном районе Поднебесной. Возможность перевозки товаров и пассажиров дала стимул скорому росту производственной и перерабатывающей отраслям китайской экономики, которая нуждалась в дешевой рабочей силе. Именно это привело к тому, что за 5 лет полноценного функционирования дороги в 1908 г. население Маньчжурии насчитывало уже 16 млн. человек против всего 8 млн. в 1903 г.

История КВЖД после революции в России – это крайне сложный вопрос. Ослабевшая страна, раздираемая внутренними противоречиями, не могла уделить достаточного внимания даже своим отдаленным регионам, не говоря уже о защите своих интересов за рубежом. Этим временным отсутствием сильного игрока и решили воспользоваться ведущие мировые державы, в особенности США, которые решили расширить свое влияние в бассейне Тихого океана, а также закрепиться в Юго-Восточной Азии.

В период с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. в г. Вашингтон прошла международная конференция, посвященная вопросам ограничения морских вооружений, проблемам Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Однако, среди стран участниц конференции представителей Советской России не оказалось. США решили урегулировать все спорные вопросы самостоятельно, а также свести на нет влияние России на Дальнем Востоке.

Среди целого списка вопросов, обсуждаемых на данной встрече, также поднимался вопрос о заключении соглашения по установлению интернационального контроля над КВЖД. Несмотря на то, что советское правительство 8 декабря 1921 года направило протест против обсуждения вопроса о принадлежности дороги, лишь благодаря решительному протесту Китая и серьезным противоречиям между США и Японией вопрос о дороге так и не был окончательно решен.

Только спустя 3 года после конференции, в 1924 г., когда были установлены дипломатические отношения между СССР и Китаем, КВЖД получила свой официальный юридический статус. Дорога была признана совместным советско-китайским коммерческим предприятием. Именно с этого момента, пожалуй, можно говорить об истории полноценного использования КВЖД как совместного предприятия.

Дорога и люди, связавшие с ней свою жизнь в полной мере ощутили на себе все трудности, которые переживал данный регион. История дороги – это история сложных и порой противоречивых отношений между Россией и Китаем, однако именно она дает старт двустороннему сотрудничеству в развитии железнодорожной отрасли.

Сегодня сотрудничество между КНР и РФ в области железнодорожных перевозок развивается стремительно, но, вместе с тем, не уходит в прошлое и традиционные партнерские связи. Еще в 1959 г. совершил свою первую поездку по маршруту КЗ поезд из Пекина в Москву. Поезд проезжает через Монголию, а затем пересекает пять часовых поясов в западном направлении, едет через Сибирь, а его конечным пунктом назначения является Ярославский вокзал Москвы. Время, за которое поезд КЗ преодолевает это огромное расстояние в пути - 132 часа, а длина самого маршрута - 7862 км.

Безусловно, сегодня поезд КЗ – это маршрут для тех, кто отправляется путешествовать и может позволить себе провести без малого 6 суток в, фактически полной изоляции от внешнего мира или же для тех, кто попросту боится летать.

Газета «Жэньминь жибао» посвятила этому маршруту и следующему по нему поезду целую статью, небольшой фрагмент которой я приведу для понимания ситуации с нынешним пассажирским железнодорожным сообщением между Москвой и Пекином: «Шесть дней в пути достаточно для того,

чтобы занятые в бизнесе люди полностью отошли от своих дел, но для любителей путешествовать - это очень хороший выбор. Неторопливое передвижение по просторам трех стран доставит удовольствие спокойным в душе людям. Пейзажи за окном меняются вслед за стуком колес: величественные горы Тайханшань, безграничные степи Монголии, самое большое в мире пресное озеро Байкал, девственные леса Сибири, горная система, разделяющая два материка Европу и Азию - Уральские горы, река Волга.

На своем пути поезд проезжает через огромное количество мест, где не налажена электрификация, вместе с этим, вагоны не оснащены современной системой кондиционирования, по-прежнему ездят традиционные зеленые вагоны. Поезда ходят круглый год, девять месяцев - отопительный период, тепло в вагонах обеспечивается за счет сжигания угля.

Однако новые, более комфортабельные вагоны совсем скоро появятся в составе международного поезда КЗ, в вагонах-купе будут диваны и отдельные туалетные комнаты, где можно будет принимать душ, а также бары. Таким образом, пассажиры смогут получить новые впечатления от 6-дневного путешествия» [6].

Мы можем сделать вывод, что у России и Китая есть опыт использования железнодорожных проектов в двусторонних отношениях. Но если раньше Россия строила железные дороги в Китае, то теперь процесс движется в обратном направлении. Именно этот вопрос был одним из наиболее приоритетных во время переговоров Премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в период его двухдневного официального визита в Российской Федерации с 12 по 14 октября 2014 года.

Идея создания прямой транспортной магистрали, которая бы связала между собой столицы двух крупнейших стран Азиатского континента, прорабатывалась и обсуждалась уже давно. Возрастающая экономическая активность китайского бизнеса, направленная на Россию, постоянно расширяющееся торговое взаимодействие, а также увеличивающийся поток китайских туристов, требуют развития дополнительных транспортных путей.

Создание высокоскоростного транспортного коридора Москва-Пекин – это один из наиболее перспективных вариантов по установлению стабильного коридора передвижения лиц, а также перемещения товаров и услуг.

Согласно подсчетам китайской газеты «Цзинхуа шибао» расстояние в пути между двумя столицами, которое составит 7 тысяч километров, сократится с 6 до 2 суток, а максимальная скорость, которую будут развивать поезда, составит 400 км/ч. Приблизительный маршрут этого коридора начнется в Пекине и пройдет через Хабаровск, Улан-Батор, Иркутск, Астану, Екатеринбург, Казань и завершится в Москве.

В настоящее время в проекте прорабатывается возможность строительства двух участков будущего Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва-Пекин. Первый участок, который пройдет по территории Китая будет проложен от Пекина до Урумчи и свяжет, таким образом, северную и западную части КНР. Второй участок будет пролегать через территорию Казахстана с остановкой в Астане. Третий участок – это собственно и есть высокоскоростная железнодорожная магистраль Москва-Казань.

Согласно презентованному пилотному проекту ВСЖМ-2, дорога из Москвы в Казань пройдет через Владимир, Нижний Новгород и Чебоксары и займет около трех с половиной часов. Дальше этот участок планируется тянуть по направлению Екатеринбург, Пермь, Уфа, Челябинск.

Как заявил глава РЖД Владимир Якунин: «Если наши государства договорятся о предоставлении инвестиций на условии государственных гарантий, то мы можем приступить к проектированию высокоскоростного движения даже в этом году (2014г.), ну или следующем (2015г.)» [12].

В ноябре 2014 г. первый вице-президент РЖД А. Мишарин заявил, что строительство нового «шелкового пути» по расчетам специалистов РЖД займет от 8 до 10 лет [2].

Однако кроме принципиальных вопросов политического, экономического и стратегического характера разработчикам предстоит решить и весьма непростую задачу технического характера. В первую очередь речь идет о разнице в ширине колеи. В России ее стандарт составляет 1520 мм, а в Китае – 1435 мм, и, если не решить этот вопрос во время работы над предпроектной стадией, то придется прорабатывать вопрос о «замене» колес, что не практикуется при работе с высокоскоростным транспортом.

Отдельного внимания заслуживает также и ситуация с финансовой стороной вопроса. Как заявил в своем интервью российской газете «ВЗГЛЯД» первый вице-президент Российского союза инженеров И.А. Андриевский: «Китай не только умеет и хочет работать с Россией в области ВСМ, но еще и может предложить более дешевое решение для этого масштабного инфраструктурного проекта. Если проект нового «шелкового пути» из Москвы в Китай будет исполнен по китайским технологиям, то его стартовая цена будет 230 млрд долларов, в противном случае она увеличится более чем на 100 млрд долларов до 350 млрд, подсчитывали китайские эксперты. Если в мире себестоимость высокоскоростного железнодорожного строительства составляет 50 млн долларов за 1 км, то в Китае, который строит по своей более дешевой технологии, 33 млн долларов за 1 км» [2]. Кроме всего прочего Поднебесная может предоставить кредиты под строительство железной дороги, если будет принято решение строить по китайским технологиям.

В тоже время ведущий эксперт Управляющей Компании «Финам Менеджмент» Д. Баранов считает, что: «Столь масштабный проект можно будет реализовать лишь общими усилиями России, Китая и Казахстана, через который тоже пройдет магистраль. Найти приемлемую форму разделения расходов и доходов можно будет достаточно быстро. Ведь не обязательно, чтобы каждая сторона выступала «кошельком» проекта, вклад может быть внесен и в виде выполнения страной-участницей работ на своей территории, предоставления необходимых материальных ресурсов для проекта другим странам» [2].

Вместе с тем, следует отметить, что проект Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва-Пекин, безусловно являющегося одним из самых грандиозных и значимых по своим масштабам, не является единственным проектом между РФ и КНР. Идея еще одного подобного проекта, по постройке высокоскоростной магистрали между Китаем и Россией, была озвучена в апреле 2015 г. на встрече руководства Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока с представителями китайской северо-восточной провинции Цзилинь.

В частности, речь шла о возможности проложить скоростную железную дорогу «Хуньчунь-Владивосток» [8]. В рамках данной встречи также обсуждалось и развитие уже существующих транспортных маршрутов между двумя регионами. Представители приграничных районов двух стран обсудили идею по открытию прямых рейсов «Чанчунь-Владивосток» и «Чанчунь-Хабаровск», что, по их мнению, позволит увеличить взаимные туристические потоки.

Этот же проект обсуждался на встрече первого секретаря комитета КПК провинции Цзилинь КНР Баинь Чаолу с губернатором Приморского края В. Миклушевским. В частности, китайский представитель сказал: «У нас есть идея построить скоростную железную дорогу до Владивостока. К августу мы уже запустим участок до Хуньчуна. Если совместно нам получится его продлить, то это будет первая скоростная трансграничная магистраль между Россией и Китаем» [13].

Приграничное сотрудничество в области транспортного железнодорожного сообщения – это далеко не единственный пример успешного развития двусторонних железнодорожных проектов, не связанных с высокоскоростными железными дорогами. Как сообщает официальное печатное издание ЦК КПК, газета «Жэньминь Жибао»: «Специальный товарный железнодорожный состав сегодня (10 июня 2015 г. – прим. автора) в 18:15 вышел из Урумчи Синьцзян - Уйгурского АР /Северо-Западный Китай/ и отправился в Москву. Это очередной состав, запущенный Синьцзяном в западном направлении, наряду с составами, которые следуют в Центральную Азию, Грузию и Челябинск» [7].

Увеличение грузового потока, направляемого через Центральную Азию по западному направлению – это еще одно свидетельство серьезности намерений руководства Поднебесной по воссозданию Экономического пояса Великого шелкового пути. Создание столь разветвленной сети железных дорог, которые свяжут не только приграничные регионы двух стран, но и их столицы, требует наличия, отвечающего вызовам времени, современного и качественного подвижного состава.

Следует отметить, что Российские железные дороги, являющиеся абсолютным монополистом в сфере транспортных и грузовых перевозок по железной дороге на территории РФ, не обладают поездами соответствующей модификации. Развитие железнодорожного сообщения в нашей стране является крайне важной и приоритетной задачей, практическое воплощение которой будет способствовать не только росту экономики, но и общему благосостоянию граждан, чье комфортное передвижение по всем регионам РФ поможет и в развитии существующих маршрутов внутреннего туризма, и в создании новых туристических направлений.

Имеющиеся в распоряжении РЖД модернизированные или хотя бы более современные поезда типа «САПСАН», «СТРИЖ», «ЛАСТОЧКА» курсируют на относительно небольшие расстояния и, в первую очередь, ориентированы на доставку пассажиров из соседних регионов в Москву или Санкт-Петербург. Что же касается Сибирского и, уж тем более, Дальне-Восточного Федеральных Округов, то пока до них добрались разве что «фирменные поезда».

Вместе с тем, для практического воплощения обозначенных проектов скоростных железных дорог Москва-Пекин и Хуньчунь-Владивосток, подобного «транспортного парка» явно недостаточно. Вполне возможно, что решением этой проблемы станет собираемый современный подвижной состав новой объединенной корпорации «ЧЖУНГО ЧЖУНЧЭ». Как известно, в конце 2014 г. представители двух самых крупных китайских компаний в области строительства высокоскоростных поездов: «Чжунго Наньчэ» и «Чжунго Бэйчэ» объявили о предварительной проработке и создании плана по слиянию южной и северной локомотивостроительных корпораций.

По мнению китайских экспертов, новая компания станет одним из самых крупных, если не сказать лидирующим, в мире производителем современного подвижного состава и оборудования. Так, по мнению одного из ведущих китайских специалистов в данной отрасли, профессора «Пекинского университета транспорта» Ху Сыцзи: «...разделение на две компании в 2000 г. было нацелено на стимулирование конкурентоспособности предприятия, а теперь недобросовестная конкуренция на внешнем рынке уже негативно влияет на «выход» индустрии железнодорожного транспорта Китая на международный рынок» [5].

Кроме того, дополнительным сигналом к тому, что именно объединенная компания будет основным поставщиком транспортного состава, может служить тот факт, что высокопоставленные руко-

водители «Чжунго Наньчэ» и «Чжунго Бэйчэ» сопровождали Премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна во время его визита в Москву в октябре 2014 г. Именно во время его приезда между РФ и КНР был подписан меморандум о сотрудничестве в сфере высокоскоростных железных дорог.

Крайне важно понимать, что настоящих конкурентов на рынке постройки скоростного подвижного состава и высокоскоростных железнодорожных магистралей у Китая сегодня нет. Учитывая, что в Европе бум строительства ВСЖМ проходил в 90-е годы XX века, а в КНР он происходит сейчас, не сложно догадаться, как изменилось железнодорожное строительство с применением новых технологий и в чью пользу оно изменилось.

Сегодня европейские специалисты трудятся лишь в сфере разработки новых методик по повышению скорости своих поездов, не уделяя внимания созданию новых транспортных маршрутов. Китайские же специалисты не только повышают скорость движения, но и развивают транспортную сетку этого движения.

Безусловно, опыт европейских производителей подвижного состава крайне важен для разработки новых технологий, но следует понимать, что у Поднебесной технологии не хуже, а по некоторым параметрам и гораздо лучше, нежели у «пробуксовывающих» европейских производителей, у которых наша страна покупала свои скоростные поезда. Далеко не все простые пассажиры знают, что поезда типа «Сапсан» для России строил немецкий концерн «Сименс», а «Аллерго» для нас производила итальянская компания «Альстом».

И в первом и во втором случае с европейскими партнерами у нас было налажено давнее и плодотворное сотрудничество. Планировалось, что при содействии иностранных специалистов наша страна сможет запустить предприятие по сборке «Сапсанов» в России, однако из-за «войны санкций» и сворачивания любого сотрудничества с европейскими производителями эти планы, похоже, так и останутся нереализованными.

Следует полагать, что работа объединенной корпорации «Чжунго Чжунчэ» также будет активно поддерживаться официальными китайскими властями. В последние годы лидеры Поднебесной, воодушевленные успехами строительства и работы высокоскоростных железных дорог у себя на родине (Китай занимает первое место в мире по суммарной протяженности высокоскоростных железных дорог – 10 тыс. км), активно предлагают совместное строительство этих дорог своим соседям. Возможно, этот шаг стоит расценивать так же, как один из инструментов мягкой силы КНР и распространения ее влияния на весь Азиатский континент.

Подтверждением этих планов по расширению присутствия Китая в сфере строительства железных дорог и подвижного состава может служить уже то, что начиная с 2013 г. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян во время пяти своих зарубежных визитов в каждом выступлении говорил о возможностях его страны в данной отрасли.

Вместе с тем, Китай стремится развивать свои железнодорожные проекты не только в соседних странах Центральной Азии и на территории Российской Федерации. Среди планов руководства Поднебесной прокладка железной дороги из Азии в США.

По предварительной информации железнодорожная магистраль возьмет свое начало в одном из крупных городов северо-восточного Китая, затем пройдет по территории РФ через Сибирь, следующим пунктом станет прохождение по тоннелю под водами Тихого океана и попадет на Аляску, а уже оттуда через территорию Канады дойдет до западного побережья США.

Многие эксперты в настоящее время относятся к этим планам настороженно или даже скептически. Воплощение в жизнь такого сложного проекта, которому присвоено условное название «Китай-Россия, плюс Америка» сейчас считается практически невыполнимым по многим параметрам:

во-первых, для пересечения Тихого океана потребуются проложить через Берингов пролив подводный тоннель между Россией и США, длина которого будет составлять не менее 200 км;

во-вторых, протяженность подобной магистрали будет составлять около 13 тысяч километров;

в-третьих, для того, чтоб преодолевать это расстояние примерно за двое суток поезду будет необходимо поддерживать постоянную скорость примерно в 350-370 км/ч.

При всем этом китайское руководство не видит невыполнимых задач по реализации данного совместного проекта. Как пишет газета «China Daily»: «технологии для строительства такого тоннеля «уже существуют» и будут использованы при постройке скоростной железной дороги между юго-восточной провинцией Фуцзянь и Тайванем» [11].

Газета «Московский Комсомолец» (МК) со ссылкой на издание «Beijing Times» называет магистраль между Китаем и США одним из четырех международных проектов скоростных железных дорог, которые сейчас разрабатываются. «Первый из них - это железная дорога, которая должна пройти из Лондона через Париж, Берлин, Варшаву, Киев и Москву. Ожидается, что там она разделится на две ветки, одна из которых пойдет в Китай через Казахстан, а вторая - через Восточную Сибирь. Вторая железная дорога должна начаться в городе Урумчи на западе Китая и пройти через Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Иран и Турцию в Германию. Третья должна начаться в городе Куньмине на юго-западе Китая и закончиться в Сингапуре» [11]. Сегодня все эти проекты находятся на разных стадиях разработки, однако каждый из них крайне важен для руководства КНР.

Как уже было сказано выше, Россия и Китай сегодня находятся на высшей стадии своих двусторонних дружеских отношений. Невзирая на все проблемы, связанные с мировым финансовым кризисом, а также на противодействие «внешних игроков», наши страны продолжают наращивать сотрудничество в экономической сфере.

Разработка проектов, посвященных транспортной доступности и развитию железнодорожной сети – эта та область, где наши страны имеют как положительные, так и отрицательные уроки прошлого и должны извлечь из них опыт для успешного развития этой отрасли.

Совместные российско-китайские проекты – это пример практической реализации политики «Разворота на восток». Поиск надежных и проверенных партнеров в Азии является сложной, но выполнимой задачей, и пренебрегать стратегическим партнерством с нашим давним соседом – это непростительная ошибка.

Как гласит китайская мудрость: «В каждом зерне риса есть капля пота». Именно по этому принципу должны строиться отношения России и Китая, когда совместный труд двух великих народов сможет принести мир, благоденствие и процветание не только в Азию, но и на весь Земной шар.

### Литература

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. - М.: Русская панорама, 2004. – 432 с.
2. ВЗГЛЯД. Деловая газета. Китай готов вложиться в мегастройку в России. <http://vz.ru/economy/2015/1/22/725700.html> (Дата обращения 24.05.2015 г.)
3. Ежемесячный журнал КИТАЙ. №11(109), Ноябрь 2014 г.
4. Ежемесячный журнал КИТАЙ. №1(111), Январь 2015 г.
5. Ежемесячный журнал КИТАЙ. №2(112), Февраль 2015 г.
6. Жэньминь Жибао. Международный поезд Пекин-Москва. <http://russian.people.com.cn/n/2015/0610/c95197-8904891.html> (Дата обращения 11.06.2015г.)
7. Жэньминь Жибао. Китай открыл новый международный железнодорожный грузовой маршрут на запад - "Урумчи-Москва". <http://russian.people.com.cn/n/2015/0611/c31518-8905289.html> (Дата обращения 11.06.2015 г.)
8. Информационное агентство Южный Китай. Китай подведет скоростную железную дорогу к Владивостоку. <http://south-insight.com/node/1485> (Дата обращения 15.05.2015 г.)
9. История железнодорожного транспорта России в 4-х томах. Том 1. 1836-1917 гг. С.179
10. Ларин М.Ю., Хватов А.В. Неизвестные войны России. - М.: ООО «Дом Славянской книги», 2012. - 480 с.
11. Московский Комсомолец. Железную дорогу из Пекина в Москву будет строить перенаселенный Китай. <http://www.mk.ru/politics/world/2015/01/22/zheleznuyu-dorogu-iz-pekina-v-moskvu-budet-stroit-mnogonaselennyy-kitay.html> (Дата обращения 03.03.2015 г.)
12. РИА НОВОСТИ. В.Якнунин: трассу Москва-Казань могут начать проектировать в этом году. <http://ria.ru/economy/20141013/1028126775.html> (Дата обращения 10.06.2015 г.)
13. Российская газета. Приморье и Китай свяжет высокоскоростная железная дорога. <http://www.rg.ru/2015/05/21/china-site-anons.html> (Дата обращения 03.06.2015 г.)

## МОДЕЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

*Холкина Л.С., Мазо О.С., Лебедева А.В.  
Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации  
РГГУ,  
СПбГУ*

Между традициями изучения и преподавания китайского языка существует разрыв. В теоретической лингвистике, как отечественной, так и зарубежной, вопрос словообразования в китайском языке занимает важнейшее место.

В отечественной лингвистической традиции вопросы словообразования в китайском языке освещаются в классических трудах В.И. Горелова [1] и А.Л. Семенас [5]. Для сложных слов с сочинительной (копулятивной) связью между компонентами В.И. Горелов выделяет такие типы как **суммирующий** (например, 高大 *gāodà* 'высокий' + 'большой' = 'громадный'; 学习 *xiuéxí* 'изучать' + 'повторять' = 'учиться'), **обобщающий** (水土 *shuǐtǔ* 'земля' + 'вода' = 'климат'; 会议 *huìyì* 'собираться' + 'обсуждать' = 'собрание, конференция'), **синонимический** (波浪 *bōlàng* 'волна' + 'волна' = 'волны'; 健壮 *jiànzhàng* 'крепкий' + 'здоровый' = 'сильный'), **антонимический** (大小 *dàxiǎo* 'большой' + 'маленький' = 'размер'; 呼吸 *hūxī* 'выдыхать' + 'вдыхать' = 'дыхание') и **особый** (妻子 *qīzi* 'жена' + 'дети' = 'жена'; 忘记 *wàngjì* 'забыть' + 'запомнить' = 'забыть').

Для сложных слов с подчинительной связью выделяются такие типы как **определятельный** (黑板 *hēibǎn* 'черный' + 'доска' = 'классная доска'; 中立 *zhōnglì* 'середина' + 'стоять' = 'нейтралитет'), **дополнительный**, или **объектный** (失望 *shīwàng* 'потерять' + 'надежда' = 'разочароваться'; 摇篮 *yáolán* 'качать' + 'корзина' = 'колыбель'), **результативный** (说明 *shuōmíng* 'сказать' + 'ясный' = 'пояснить'; 促进 *cùjìn* 'побуждать' + 'двигаться вперед' = 'способствовать, стимулировать'), **предикативный** (地震 *dìzhèn* 'земля' + 'трястись' = 'землетрясение'; 年轻 *niánqīng* 'годы' + 'легкий' = 'молодой') и **особый** (书本 *shūběn* 'книга' + 'классификатор' = 'книги'; 未婚 *wèihūn* 'не' + 'брак' = 'неженатый, незамужняя').

В англоязычной литературе значительное внимание уделено вопросу о месте вершины в китайских сложных словах. Так, Паккардом [7: 39] предложен Принцип Вершинности (Headedness Principle), согласно которому в двусложных корнеслогах в именах именной компонент находится справа, а в глаголах – глагольный компонент находится слева [7: 194]. Например,

毛笔 *máobǐ* (букв. 'шерсть-кисть') 'кисть (для письма)', 卖场 *màichǎng* (букв. 'продавать-площадь') 'место продажи', 圆桌 *yuánzhuō* (букв. 'круглый-стол') 'круглый стол'

写好 *xiěhǎo* (букв. 'писать-хорошо') 'написать', 求助 *qiúzhù* (букв. 'просить-помощь') 'просить о помощи'

Этот принцип, действующий на значительной части китайского материала, связан с моделью управления именной и глагольной лексики и порядком слов в китайском предложении. В дальнейшем он был уточнен в [6] в рамках проекта Morbo/Comp, посвященному изучению сложных слов с типологической точки зрения (Болонья, рук. Scalise, S.). Так, было отмечено, что в глагольных сложных словах вершина находится слева только для глаголов глагольно-объектного типа и для сочетаний с результативом, в то время как вопрос о степени лексикализации подобного рода сочетаний остается открытым.

В китайской традиции помимо вопросов внутренней структуры слова значительное внимание уделяется статусу отдельных компонентов. Так, Дун Сюфан [8] выделяет класс морфем, занимающий промежуточное положение между морфемами, способными выступать в роли слова, и морфемами, способными употребляться только в составе сложных слов. Они связаны с длительной письменной традицией, сохранившей некоторые морфемы только в ряде устойчивых сочетаний. Такие морфемы называются «полусвободными» (半自由语素 *bàn zìyóu yǔsù*) – это морфемы, которые не могут быть произнесены отдельно, но могут свободно употребляться в типичном для данной части речи синтаксическом окружении (автор описывает глагольные, именные, наречные и адъективные полусвободные морфемы).

В качестве примера полусвободной морфемы можно привести глагольную морфему 趋 *qū* 'быстро идти'. Самостоятельно в предикативной позиции она употребляться не может:

\*他趋了。 *Tā qū le*. \*Он сходил/устремился'.

\*他的作品趋成熟。 *Tā de zuòpǐn qū chéngshú*. \*Его произведения приобретают зрелость'.

Однако при добавлении перед ней, на характерную для глаголов позицию, наречия 更 *gèng* 'более', предложение становится грамматичным.

随着阅历的增多，他的作品更趋成熟。 *Suízhe yuèlì de zēngduō, tā de zuòpǐn gèng qū chéngshú* 'Вслед за увеличением объема прочитанного его произведения приобретают большую зрелость'.

Оно оказывается параллельно предложениям, где на месте 趋 *qū* используются глаголы, могущие употребляться независимо:

他的作品更显得成熟了。 *Tā de zuòpǐn gèng xiǎnde chéngshú le* 'Его произведения кажутся более зрелыми'.

他的作品更具有魅力了。 *Tā de zuòpǐn gèng jùyǒu mèilì le* 'Его произведения приобретают большее очарование'.

В учебной же литературе внимание уделяется в основном суффиксам, а вопрос образования сложных слов (словообразовательных моделей) обойден вниманием. Между тем, понимание структуры слова способствует более быстрому его усвоению и позволяет избежать типичных ошибок, а знание значения отдельных компонентов, входящих в состав слова, помогает догадываться о значении многих новых слов.

Мы рассмотрим четыре аспекта, связанных со структурой китайского слова, которые могут быть использованы в преподавании китайского языка.

### 1. Различения свободных и связанных морфем.

В китайском языке абсолютное большинство морфем имеет собственное лексическое значение, но не все из них способны употребляться самостоятельно. В терминологии Чжу Дэси [9], морфемы, употребляющиеся только в составе сложных слов, называются связанными. Морфемы, способные как самостоятельно выступать в роли слова, так и входить в состав сложных слов, называются свободными. Другими словами, отдельно взятый иероглиф может записывать слово разговорного языка

и употребляться свободно, а может записывать лишь морфему и свободно как отдельное слово разговорного языка не употребляется.

В русском языке такой феномен отсутствует, поэтому по переводу на русский язык нельзя понять, с какой формой мы имеем дело: свободной или связанной. Например, 日 *rì* 'солнце' в современном китайском языке в отличие от древнекитайского языка *вэньянь* самостоятельно не употребляется. 日 *rì* является связанной морфемой, и функционирует только как словообразовательный компонент сложных слов: 日出 *richū* 'восход', 日落 *riluò* 'закат', 日食 *rìshí* 'солнечное затмение', 日光灯 *riguāngdēng* 'лампа дневного (=солнечного) света', 日照 *rìzhào* 'солнечное освещение' и т.д. В разговорном же языке в значении 'солнце' употребляется двусложное слово 太阳 *tàiyáng*. Морфема 日 *rì* и двуслог 太阳 *tàiyáng* переводятся на русский одинаково: 'солнце'. То, что русский перевод не передает разницу между свободными и связанными формами<sup>1</sup>, затрудняет их различение для начинающих.

Кроме того, связанные морфемы часто встречаются в ключевых списках<sup>2</sup>, с которыми студенты начинают работать с самого начала изучения языка, например: 士 *shì* 'воин', 夕 *xī* 'вечер', 女 *nǚ* 'женщина', 工 *gōng* 'работа', 尸 *shī* 'труп', 巾 *jīn* 'полотенце, салфетка', 户 *hù* 'двор', 月 *yuè* 'луна', 文 *wén* 'текст, письмена', 瓜 *guā* 'дыня, тыква', 甘 *gān* 'сладкий', 皿 *mǐn* 'блюдо, посуда', 目 *mù* 'глаз', 示 *shì* 'алтарь, демонстрировать', 矢 *shǐ* 'стрела', 舟 *zhōu* 'лодка, корабль', 豕 *shǐ* 'свинья', 面 *miàn* 'лицо', 音 *yīn* 'звук' и мн.др. [4: 138-139]

Без объяснения разницы между свободными и связанными морфемами невозможно показать, почему неправильны такие словосочетания и предложения как

\*我的国                    *wǒ de guó*                    \* 'моя страна'  
\*这个女                    *zhè gè nǚ*                    \* 'эта женщина'  
\*这是月。    *Zhè shì yuè.*                    \* 'Это Луна.'

Конечно, вопрос различения этих типов морфем особенно остро стоит в начале обучения, когда у студентов еще мало реальной практики, не сформирован лексический запас и не развито языковое чутье, и они не имеют представления о структуре китайского языка в целом.

Именно поэтому желательно с самого начала обучения обращать внимание на связанные морфемы, которые могут встречаться только в составе сложных слов, если в используемом учебном пособии этот вопрос не затрагивается.

При этом бывает необходимо дополнительно подчеркнуть, что свободные морфемы могут также входить в состав сложных слов употребляться и в качестве словообразовательного компонента. Например, 手 *shǒu* 'рука' функционирует одновременно и как слово разговорного языка, и как продуктивная словообразовательная морфема: 手机 *shǒujī* 'мобильный телефон', 手表 *shǒubiǎo* 'наручные часы', 手提 *shǒutí* 'переносной'<sup>3</sup> и т.д.

## 2. Запоминание значения всех компонентов многосложного слова

При изучении многосложных слов часто случается так, что студенты запоминают слово как одно целое, не запоминая значение отдельных компонентов, входящих в его состав. Ситуация может доходить до того, что встретив иероглиф, который ранее встречался в составе сложного слова, студент способен опознать его только как «это либо *shòu*, либо *huò*, из 售货员 *shòuhuòyuán* 'продавец'».

Такое положение дел связано с тем, что на начальных этапах обучения у студентов еще не закреплено представление о том, что в китайском языке почти каждый иероглиф имеет свое значение, и набор иероглифов, которыми записывается то или иное слово, неслучаен. Возможно, здесь срывается аналогия с русским, где слоги в составе сложного слова собственного значения не имеют.

Между тем, при изучении многосложных слов представляется целесообразным не механическое запоминание наборов следующих подряд иероглифов и их произношения, а установление связи структуры со значением. Конечно, на первый взгляд, это увеличивает объем работы – придется запоминать, что 售 *shòu* значит 'продавать' (являясь при этом связанной морфемой, то есть самостоятельно употребляться не может), 货 *huò* – 'товар', а 员 *yuán* – суффикс действующего лица.

Но такое небольшое приложение дополнительных усилий окупается сторицей. Во-первых, многосложное слово перестает восприниматься как бессмысленная цепочка звуков, становится понятно, как складывается его смысл слова, почему они записывается именно этими иероглифами и какая между ними связь.

<sup>1</sup> Ср. в учебнике *вэньяня* А.М. Карапетьянца и Тань Аошун [5] для слов, которые в современном языке не могут употребляться свободно, специально дается архаичный и малоупотребительный русский перевод, например: 舟 *zhōu* 'ладья', 犬 *quǎn* 'пес' и под.

<sup>2</sup> При работе с ключевыми списками дополнительной важной задачей, которая, впрочем, обычно успешно решается, является разделение ключей, могущих употребляться в качестве отдельного иероглифа (все примеры ниже по тексту), и ключей, способных употребляться только как часть сложного иероглифа.

<sup>3</sup> Пример заимствован из [2]

Во-вторых, в перспективе такой подход ведет к быстрому расширению словарного запаса, когда те же иероглифы будут встречаться в составе других слов, воспринимаясь при этом не просто как знакомый иероглиф из сложного слова. Например, значение слов нижеследующих слов и словосочетаний становится понятно практически без объяснений: 售票员 *shòupiàoyuán* ‘кассир, кондуктор’, 售票处 *shòupiàochù* ‘билетная касса’, 售后服务 *shòu hòu fúwù* ‘послепродажное обслуживание’, 零售 *língshòu* ‘продавать в розницу’, 无货 *wú huò* ‘нет в наличии (товара)’, 货车 *huòchē* ‘грузовой автомобиль, товарный вагон’, 货船 *huòchuán* ‘грузовое судно’ и т.д.

В-третьих, понимание значений отдельных компонентов очень помогает при работе с сокращениями. Так, знание того, что 贸 *mào* из 贸易 *màoyì* значит ‘торговать’, позволяет без особого труда понять смысл таких слов и словосочетаний как 外贸 *wàimào* (=对外贸易 *duì wài mào yì*) ‘внешняя торговля’ и 世贸组织 *shìmào zǔzhī* (=世界贸易组织 *shìjiè mào yì zǔzhī*) ‘Всемирная торговая организация (ВТО)’.

В-четвертых, понимание значения отдельных компонентов важно при работе с идиоматическими выражениями чэньюями. Например, в чэньюе 见多识广 *jiàn duō shí guǎng*, букв. ‘многое повидать и многое познать’, обр. ‘обладать широким кругозором; многоопытный’ встречается 识 *shí* из двуслога 认识 *rènshi* ‘знать, познание’, в 画龙点睛 *huà lóng diǎn jīng* букв. ‘рисую дракона, нарисовать ему и зрачки’, обр. ‘нанести завершающий штрих; подчеркнуть самое существенное’ встречается 睛 *jīng* из 眼睛 *yǎnjīng* ‘глаз’ и т.д. В дальнейшем знание значений отдельных иероглифов пригодится и при изучении классического китайского языка вэньянь.

Таким образом, при изучении новых слов представляется целесообразным пояснять значение каждого компонента, даже если он редкий. Как показывает практика, студентам нравится отгадывать значение незнакомых слов, составленных из знакомых морфем, например:

水牛 <i>shuǐniú</i>	‘вода’ + ‘корова’ = ‘буйвол’
子女 <i>zǐnǚ</i>	‘сын’ + ‘женщина’ = ‘сыновья и дочери, дети’
同姓 <i>tóngxìng</i>	‘одинаковый’ + ‘фамилия’ = ‘однофамилец’
留言 <i>liúyán</i>	‘оставаться’ + ‘речь’ = ‘оставить сообщение’
口红 <i>kǒuhóng</i>	‘рот’ + ‘красный’ = ‘помада’

### 3. Понимание структурных связей между компонентами сложного слова

Следующим важным моментом при работе с многосложными словами представляется анализ их структуры. Как видно уже из примеров, приведенных выше, даже знание значений компонентов не всегда помогает, если непонятно, в каких отношениях они находятся. Например, без учета структурных отношений между компонентами можно было бы предположить, что 山水 *shānshuǐ* значит ‘горная вода’, в то время как значительно более частотным значением является ‘горы и реки, пейзаж’ (связь между компонентами сочинительная, а не атрибутивная). Аналогично, 人口 *rénkǒu* значит не ‘человеческий рот’, а ‘население’ (подчинительные отношения между компонентами, особый тип связи); 雪白 *xiěbái* – не ‘белый снег’, а ‘белоснежный’ (определятельный тип); 出口 *chūkǒu* – не ‘выходить изо рта’, а ‘экспорт’ (определятельный тип); 老鼠 *lǎoshǔ* – не ‘старая мышь’, а просто ‘мышь’ (с префиксом).

Понимание внутренней структуры слова позволяет избежать и некоторых грамматических ошибок, например, при работе с глаголами со встроеным дополнением (глагольно-объектная структура). Знание того, что 吃饭 *chīfàn* ‘есть, кушать’ имеет структуру ‘есть’ + ‘еда, рис’, а 见面 *jiànmiàn* ‘видеться, встречаться’ – ‘видеть’ + ‘лицо’, позволяет избежать таких распространенных ошибок как

\*吃饭饺子 *chīfàn jiǎozi* \*‘есть пельмени’ => 吃饺子 *chī jiǎozi*

\*见面朋友 *jiànmiàn péngyou* \*‘встречаться с друзьями’=> 跟朋友见面 *gēn péngyou jiànmiàn*

Понимание внутренней структуры слова поможет избежать и ситуации гиперкоррекции, когда, например, любой двусложный глагол начинает восприниматься студентами как раздельно-слитное слово (离合词 *líhécí*), что ведет к появлению ошибочных употреблений типа \*回答回得不对 *huídá huí dé bú duì* \* ‘ответить неправильно’ => 回答得不对 *huídá dé bú duì*

Таким образом, знание возможных вариантов структурных связей между компонентами и умение применить эти знания на практике важно при работе не только с лексикой, но и с грамматикой.

### 4. Знакомство с продуктивными словообразовательными моделями

Еще одним важным моментом при работе со сложными словами представляется овладение наиболее распространенными словообразовательными моделями. С некоторыми из них знакомство происходит уже в самом начале обучения – как, например, 人 *rén* ‘человек’ после географических названий дает значение ‘житель’ или ‘уроженец’ данной страны, а присоединение 语 *yǔ* ‘язык’ позволяет получить название соответствующего языка.

Также уже на раннем этапе можно вводить антонимичную модель 好 *hǎo* + глагол / 难 *nán* + глагол со значением легкости и приятности совершения действия – или наоборот. Например, 好吃 *hǎochī*



‘вкусный’ / *nánchī* 难吃 ‘невкусный’; 好听 *hǎotīng* ‘благозвучный, приятный для слуха’ / 难听 *nántīng* ‘неблагозвучный’; 好闻 *hǎowén* ‘ароматный’ / 难闻 *nánwén* ‘вонючий’; 好学 *hǎoxué* ‘легкий для изучения’ / 难学 *nánxué* ‘трудный для изучения’; 好办 *hǎobàn* ‘легко выполнимый’ / 难办 *nánbàn* ‘трудно выполнимый’ и мн. др.

На более продвинутых этапах обучения при расширении словарного запаса появляется возможность отрабатывать продуктивные модели с полуаффиксами (в терминологии В.И. Горелова). Например, с такими полупрефиксами как 超 *chāo* ‘сверх-, супер-’: 超音速 *chāoyīnsù* ‘сверхзвуковая скорость’, 超人 *chāorén* ‘супермен’ и т.д.; 微 *wēi* ‘микро-’: 微生物 *wēishēngwù* ‘микроорганизм’, 微气候 *wēiqìhòu* ‘микrokлимат’; 亚 *yà* ‘суб-, гипо-’: 亚种 *yàzhǒng* ‘подвид’, 亚热带 *yàrèdài*; ‘субтропики’; 反 ‘анти-, контр-’: 反攻 *fǎngōng* ‘контрнаступление’, 反恐 *fǎnkǒng* ‘антитеррористический’ (от 恐怖主义 *kǒngbùzhǔyì* ‘терроризм’) и др. под.

В качестве примеров продуктивных полусуффиксов можно привести 员 *yuán* со значением действующего лица: 广播员 *guǎngbōyuán* ‘диктор’, 观察员 *guāncháyuán* ‘наблюдатель’ и т.д.; 手 *shǒu*, часто используемый для образования названий профессий: 歌手 *gēshǒu* ‘певец’, 水手 *shuǐshǒu* ‘матрос’; 心 *xīn*, образующий слова со значением черт характера и свойств человеческой натуры: 耐心 *nàixīn* ‘терпение’, 自尊心 *zìzūnxīn* ‘самолюбие’; 品 *pǐn*, образующий названия предметов и принадлежностей: 日用品 *riyòngpǐn* ‘предметы повседневного обихода’, 牺牲品 *xīshēngpǐn* ‘жертва’ и мн. др.<sup>1</sup>

Некоторые из таких словообразовательных моделей очень продуктивны – например, в современном языке 族 *zú* со значением ‘группа лиц’ может встречаться в таких сочетаниях как 上班族 *shàngbānzú* ‘офисные работники’, 打工族 *dǎgōngzú* ‘те, кто на временной работе’, 北漂族 *běipiāozú* ‘люди которые живут и работают в Пекине, но изначально не оттуда’, 追星族 *zhuīxīngzú* ‘фанаты, гонящиеся за знаменитостями’, 啃老族 *kěnlǎozú* ‘живущие за счёт родителей’, 月光族 *yuèguāngzú* ‘те, кто живут от зарплаты до зарплаты’, 低头族 *dītóuzú* ‘заядлые любители мобильных устройств’, 考碗族 *kǎowǎnzú* ‘люди, всеми силами стремящиеся сдать экзамен на госслужбу, чтобы обеспечить себя стабильной работой’ и даже BMW 族 *zú* – не ‘любители BMW’, как можно было бы подумать, а те, кто добираться на работу и с работы на автобусе (Bus), метро (Metro) или пешком (Walk).

Навык анализа такого рода сочетаний, которые часто бывают окказиональными, становится особенно важным при работе с неологизмами, газетными текстами и Интернет-языком. В словарях найти толкования этих слов не всегда возможно, и именно поэтому очень важно воспитать в студентах умение самостоятельно их анализировать. При расширении и обобщении лексического запаса представляется целесообразным делать акцент на продуктивные словообразовательные модели.

### Вывод

Аналитический подход к структуре изучаемых слов – начиная от значения и статуса (свободный-связанный) входящих в него компонентов и заканчивая структурными отношениями между ними, хотя и увеличивает на первый взгляд объем работы, но в конечном итоге оказывается не только оправданным, но и, пожалуй, наиболее продуктивным способом работы с многосложными словами.

Такой подход делает изучение языка увлекательным, запоминание новых слов превращается из зубрежки (когда нужно запомнить звук, значение и иероглифы) в увлекательную исследовательскую работу. У студентов довольно быстро формируется навык самостоятельно определять значение компонентов, входящих в состав слова, по словарю. Немного сложнее дается определение структурных типов связи между компонентами, но и эта задача оказывается решаемой.

При таком подходе студенты получают возможность быстро расширять словарный запас без необходимости значительно увеличивать объем изучаемой иероглифики, что на первых порах представляет для них некоторую сложность. При этом уже на начальных этапах изученной часто оказывается довольно сложная лексика, что поддерживает в студентах надежду на успешное освоение китайской грамоты.

### Список литературы:

1. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984
2. Ивченко Т.В., ред. Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка, часть 1, том 1-3. Пекин: издательство "Цзяоюй кэсюэ", 2013 (авторский коллектив: Т.В. Ивченко. О.М. Мазо, П.П. Ветров, Л.С. Холкина, Ван Чун, Лу Сяоянь)
3. Карапетьянц А.М., Тань Аошуан. Учебник классического китайского языка вэньянь. М: Муравей, 2001
4. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике (том 1) М: Муравей, 2000
5. Семенас А.Л. Лексикология современного китайского языка. М.: Наука, 1992

<sup>1</sup> Примеры из [1]

6. Ceccagno A., Scalise S. Classification, structure and Headedness of Chinese compounds. *Lingue e Linguaggio*, 2, 2006, pp. 233-260

7. Packard, Jerome L. *The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach*. Cambridge: 2000.

8. 董秀芳 词汇化:汉语双音词的衍生和发展, 北京: 北京大学出版社. Дун Сюфан. Цыхуэйхуа: ханьюй шуаньиньци дэ яньшэн хэ фачжань (Лексикализация: происхождение и развитие двусложных слов китайского языка). Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005.

9. 朱德熙 语法讲义, 北京: 商务印书馆. Чжу Дэси. Юйфа цзяньи. (Лекции по грамматике). Пекин: Коммерческая пресса, 1982.

## ON METHODOLOGY OF TEACHING THE VARIATIVE USAGE OF -LE FORMS IN MODERN CHINESE

*Tsankova A.D.  
Sofia University «St. Kliment Ohridski»*

The aspect-tense marker 了 is probably the most debated grammatical component in Chinese language studies and still the most obscure one in terms of varieties of functions and its irregular explication in speech. These specific characteristics cause a great challenge to defining an appropriate methodology of teaching of the optional aspect-tense forms, that is mostly relevant to learners of Chinese as a second language.

In this study we propose a model of methodological structuring of the functions and defining the possible modifications in the aspect-tense and other semantics of 了 on several subsequent levels. In the analysis of 了 we assume the existence of two homonymic morphemes, i.e. 了<sub>1</sub> as a post-verbal marker and 了<sub>2</sub> as a sentence-final particle. This is the most commonly shared theoretic approach to the nature and functions of 了 [4, 109; 15, 126-127; 14, 351-358; 6, 185 etc.], while another viewpoint in linguistics stands for the unified treatment of the two variants of 了 [10, 70-76; 5, 179-184; 3, 386-389; 7, 49-57 etc.].

The two homonymic variants of 了 are closely related and mutually influenced in usage, they can overlap positionally and functionally under certain conditions that will be discussed below. In this paper we shall mainly discuss the functioning of the post-verbal marker 了<sub>1</sub> and the usage of the two variants of 了 with dynamic predicates when they may appear separately or both in one sentence and suggest quite similar aspect-tense interpretation but differ in communicative functions. Within the limitations of this article we would not consider the cases of 了<sub>2</sub> with static predicates and the purely modal usage of the particle, when it is clearly differentiated from 了<sub>1</sub>.

Aspectual formatives in Modern Chinese are also related to the category of tense, but the temporal relations they express are not oriented to the time of speech, but to the reference time that is derived from the context and the situation of speech. The moment of speech is the default case of reference when no other referent time is mentioned in the context. Thus, in contrast to the Indo-European languages, the aspect-tense categories in Chinese express not absolute, but relative time reference [4, 107-115]. Contemporary linguistic studies account for the fact that aspect-tense markers in Chinese express complex categories including the semantics of aspect, tense, mood, modality, and these semantic components can be represented in certain combinations or separately, being actualized or neutralized by the context and the situation of speech. Extracted from the context, the marked phrases may be ambiguous in many ways. But in real speech situation the interpretation of a separate statement (for example, as a starting point of a conversation or a new discourse) is oriented according to the time of speaking, which suggests that every decontextualized independent sentence would have **basic or default grammatical reading(s)** that take the minimum coordinates of the situation present to the moment of speech, and other, **contextually conditioned grammatical reading(s)**, as the same form of utterance may be embedded without any formal change into different contextual environments and thus acquire another relevant grammatical and/or modal properties, encoded in the context [11, 13-14]. Many contextual elements like time adverbials, expressions denoting duration or quantity, subclauses denoting condition, comparison or sequence of events etc. may influence the functions of the marker, but the final interpretation of the phrase is acquired in compliance with the situation of speech, i.e. it is communicatively and pragmatically motivated [3, 551-553; 7, 66].

In view of this, it is very important to update the methodology of teaching of aspect-tense forms with more information and practice on the communicative and extra-linguistic functions of the markers under the influence of broader context and the parameters of the communicative situation.

We propose that the principles of usage may be explained on four subsequent levels:

- Compatibility of the markers with predicates of different semantic types, variants of semantic interaction and resultant aspect-tense meanings (verb lexeme level);
- Variants of usage in separate and contextually independent simple sentences (core syntactic level);

- Specific usage in fixed syntactic constructions, in compound (coordinating) and complex sentences – within the main or the subordinate clauses (clause level);
- Additional functions and possible modifications within the context and the overall discourse (discourse level).

### 1. Compatibility of 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> with predicates of different aspectual semantics.

The semantic compatibility principles describe the possible combinations between the core grammatical meaning of 了 and the aspectually relevant lexical semantics of the verb. Among the semantic properties of the predicate, the most relevant to the compatibility with 了 are the characteristics [ $\pm$ dynamics], [ $\pm$ telicity] and [ $\pm$ duration] (about aspectual categories and kind of action of the Chinese verbs, see [9, 284-292]). It is assumed that the core grammatical meaning of the verbal marker 了<sub>1</sub> is perfectiveness [6, 185] with a retrospective point of view. Some linguists, proponents of the unified treatment of 了, define its core semantics more broadly as «to impose a boundary» (usually final, but not exclusively) [7, 75], or «a switch-point in the situation» [3, 390]. The possibility of using 了<sub>1</sub> with predicates of a certain kind depends, first of all, on the semantic feature [ $\pm$ dynamics]. 了<sub>1</sub> can be **naturally combined with** predicates that denote **dynamic events** like actions, activities, processes etc. that can be initialized, terminated or changed in time by the subject. The marker **cannot be applied to predicates, denoting static situations** that cannot be changed in time or controlled by the subject. The basic principles of semantic compatibility of 了<sub>1</sub> were defined in [1, 113-118; 4, 78-83; 7, 68-76; 13, 304-307].

It is considered that the basic function of the sentence-final particle 了<sub>2</sub> is to mark «a currently relevant state» [6, 185]. It is attached to the whole phrase and modifies the situation as a whole, and thus it has no limitations as to the situation type and can be combined also with static predicates, expressing constant, habitual, modal or irrealis situations, and the resultant meaning is «change of state». We should specially emphasize on the fact that this widely acknowledged meaning of 了<sub>2</sub> should be clearly distinguished from the function of the marker in combination with dynamic predicates, when it usually conveys perfect or perfective meaning, which to a great extent overlaps with the usage of 了<sub>1</sub> and differs mainly in its communicative connotations.

Principles of compatibility of 了<sub>1</sub> with the basic semantic types of predicates:

1.1. 了<sub>1</sub> is **most commonly applied to telic verbs** (including resultative verb compounds which are always telic) that have a natural endpoint, by which the action is accomplished and cannot persist any longer (e.g. 开 ‘to open’, 送 ‘to deliver; to present’, 偷 ‘to steal’, 告诉 ‘to tell’, 放 ‘to put’, 点 ‘to light’, 仍 ‘to throw’, 来 ‘to come’, 去 ‘to go’, 出版 ‘to publish’, 杀 ‘to kill’ etc.). The marked form standardly means that the **action is completed in a relative past**.

(1) 我看书的入神时, 不时门开了, 好几个同学进来。(CCC)<sup>1</sup>

‘Just when I was engrossed in reading, suddenly the door **opened** and several schoolmates rushed in.’

According to the context, this form may obtain a perfective reading, when the event is presented just as an **accomplished** at a certain point in the past (example 2), or a perfect interpretation, when the event or the resultant situation after completing the action is **relevant** to some reference point in time (example 3).

(2) 他去年买了汉英词典。‘He bought a Chinese-English dictionary last year.’

(3) 他已经买了汉英词典。‘He has already bought a Chinese-English dictionary (now).’

1.2. **Applied to atelic verbs**, denoting actions or activities that have no natural, but only a potential endpoint (e.g. 咳嗽 ‘to cough’, 踢 ‘to kick’, 敲(门) ‘to knock (at the door)’, 拍 ‘to clap’; 看 ‘to watch’, 听 ‘to listen’, 睡 ‘to sleep’), 了<sub>1</sub> usually means an accomplished action. But in accordance with the contextual conditions it may convey another grammatical interpretation, marking the initial point of a situation that is still persisting in the time of speech or another reference point in time.

(4) 我笑话讲完了, 他笑了。‘When I finished the joke, he laughed.’ (perfective meaning/ accomplished action)

(5) 你看, 他笑了。‘Look, he has started to laugh./ Look, he is laughing./ Look, he is smiling’. (inchoative meaning/ beginning and continuing of the action)

Atelic verbs are usually combined with 了<sub>1</sub> to express durative past events, with a collocation of time that define the period of duration:

(6) 我等他半个小时。‘I waited for him half an hour’.

In cases when the verb is in final position without arguments after it (like in ex. 4 and 5), the verbal marker 了<sub>1</sub> and the sentence-final marker 了<sub>2</sub> coincide positionally and may overlap functionally. The possible distinction between the two variants in such conditions is more a question of theoretical approach and it is not practically significant for the present study.

<sup>1</sup> The abbreviation will be used to quote examples from the Contemporary Chinese Corpus developed by the Center for Chinese Linguistics at Peking University, available at [http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl\\_corpus/index.jsp](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp)

1.3. The **static predicates** (states), or non-action verbs that have neither natural nor potential end-point, usually denote relationships, feelings, attitudes, mental and emotional states that generally cannot be changed or controlled by the subject, and therefore they are not compatible with the perfective semantics of the marker 了<sub>1</sub>.

1.3.1. 了<sub>1</sub> cannot be used with static predicates belonging to the following types:

A) Verbs denoting emotional relations and states of mind, e.g. 觉得 'to feel', 信 'to trust' (in one-morpheme form), 怕 'to fear', 恨 'to hate', 爱 'to love';

B) Modal verbs, e.g. 能 'can', 会 'can, be capable of', 该 'must', 想 'to want', 敢 'to dare';

C) Linking (copulative) verbs, e.g. 是 'to be', 叫 'my name is', 姓 'my surname is', 算 'to be considered', 像 'to resemble';

D) Some individual types of verbs with specific characteristics, not belonging to any of the above groups, for example 在 'be located in'.

Verbs from the subgroup A) may have a resultative compound form (which always suggests a "culminative point" in the situation, i.e. telic aspectual meaning), and only in this form they can be marked with 了<sub>1</sub>, e.g. 喜欢上了 'I liked (started to like)', 信上了 'I believed (started to believe)', 爱上了 'I fell in love'. Verbs of the other three groups do not form any aspectually relevant forms.

1.3.2. Some of the verbs, belonging to the static predicates (usually denoting mental states) can be combined with 了<sub>1</sub>, and in those cases the form means the occurrence of the state:

(7) 知道 'to know' → 知道了 (这件事) 'learned (about this thing)'

(8) 懂 'to understand' → 懂了 (这个道理) 'understood (this principle)'

(9) 病人起初很相信她, 但后来知道了真相。'The patient quite believed her at the beginning, but later he **learned** the truth.'

(10) 我记得当时我知道什么是幸福。'I remember the time I knew what happiness was.'

In these cases, it is very important to highlight the specific aspectual function of 了<sub>1</sub>, which signals the turning point, i.e. the beginning or occurrence of the subsequent state (ex. 9, the marked verb 知道了 'learned'). 了<sub>1</sub> cannot be used to mark states, persisting for a certain time in the past – this meaning is always conveyed in contrast by the unmarked form of the verb (ex. 9, the unmarked verb 相信 'believed' and ex. 10), but still there are often mistakes among Chinese language learners in using the marked form instead of the unmarked in such conditions.

1.3.3. The verb 有 'to have' is similar to the static predicates in its semantic type, but many linguists consider it as a separate functional-semantic category. It can be combined with 了<sub>1</sub> and the form has an inchoative meaning:

(11) 他有了新的工作。'He has (acquired) a new job (now).'

1.4. Applied to **adjectives** that are usually referred to as static predicates, 了<sub>1</sub> normally signals the occurrence of a certain quality/state.

(12) 秋菊明白了娘的意思, 一下子红了脸。'Qiu Ju knew what her mother meant and suddenly blushed.' (from the adjective 红 'red')

The marked form is often used in constructions with an additional element that shows the degree of the quality, denoted by the adjective. This form may convey several potential meanings that are finally actualized in the context: a) a degree of the change in the quality; b) comparison; c) modal evaluation of the degree of the quality, e.g.:

(13) 这样空间大了一点儿。

a) 'Thus the space became slightly larger.'

b) 'Thus the space is slightly larger (compared to some other).'

c) 'Thus the space is too large (i.e., slightly larger than necessary).' (expressive-evaluative meaning)

## 2. Basic usage of 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> in simple and contextually independent sentences.

On this level we define the possible variants of marking and the resultant functions of 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> in basic model constructions that are contextually independent.

2.1. Requirements for the usage of 了<sub>1</sub>.

The formative is standardly used to mark perfective and past events when the action is presented as specific and defined by its temporal, spatial, quantitative or other boundaries [6, 185-202]. We can define several types of model constructions that typically require the usage of 了<sub>1</sub>:

2.1.1. When the object of the verb is quantified:

(14) 我昨天换了 1000 块钱。'Yesterday I changed 1000 RMB.'

2.1.2. When the object of the verb is definite, specified or referent:

(15) 我在北京碰到了王先生。'In Beijing I met Mr. Wang.'

(16) 我看了关于气候变暖新出版的资料。

'I read the newly published materials on global warming.'

(17) 老师回答了那个问题。

'The teacher answered that question.'

2.2. Variants of usage of 了<sub>1</sub> or/and 了<sub>2</sub> with dynamic predicates.

When used in phrases with dynamic predicates (denoting actions, activities, processes or other events controlled by the subject), the two variants of 了 may have similar aspect-tense interpretation but differ in usage according to the type of argument, contextual and communicative conditions. We shall consider a series of model examples for the variants of marking of core syntactic constructions, viewed as separate independent sentences, in order to distinguish and explain the specific functions of every different type of marking and compare them with the neutral (unmarked) form of the phrase.

Phrases with telic verbs:

(18) 我买水果。'I buy fruits. / I'm buying fruits. / I will buy fruits.'

(19) (?) 我买了水果。['I bought fruits.']

(20) 我买水果了。'I bought fruits. / I've bought fruits.'

(21) 我买了水果了。'I've (already) bought fruits.'

Phrases with atelic verbs:

(22) 她喝啤酒了。

'She drunk beer.' / 'She has drunk beer.'

'She has been drinking beer (now). ' (inchoative meaning, ongoing activity)

'She has started to drink beer. ' (used to not drink it before, change of state)

2.2.1. First of all, it can be observed that in neutral context the unmarked form of a standard phrase (ex. 18) is clearly contrasted to all the variants of marking as it defaultly has a present imperfective or future temporal interpretation, while the marked forms as a whole (ex. 19, 20, 21, 22) express perfective or perfect temporal reading. Phrases with atelic verbs, as we have noted in 1.2. (ex. 5), may acquire an inchoative reading when used with 了<sub>2</sub>. A special case is the possible usage of 了<sub>2</sub> as a «change of state» marker, which is typical in combination with static predicates. It is also possible with dynamic events, but this function is **pragmatically limited** by the speech situation and the common sense – i.e. there must be very specific pragmatic conditions when such an interpretation would be relevant to ex. 20 as 'She has started to buy fruits now (used to not buy fruits before)'.

2.2.2. It is assumed that in phrases with an indefinite object (ex. 19) 了<sub>1</sub> cannot be applied in separate and contextually independent sentences [13, 314]. In this type of constructions it is possible to use 了<sub>1</sub> and the phrase has its typical (perfective) aspect-tense interpretation, but it is considered as somewhat uncompleted and thus cannot form a proper independent sentence. But such kind of clauses may be a part of a complex sentence, e.g. indicating priority in time, or a condition for the occurrence of another (subsequent) action (see pt. 3.1 below), or it may form a completed simple sentence by attaching also the phrasal 了<sub>2</sub> (ex. 21).

2.2.3. In general, accomplished events with an indefinite object to the predicate are marked with 了<sub>2</sub> to form a separate accomplished sentence and express the general fact of the event and the current relevance of the situation that has occurred as a result of it (ex. 20, 22). Thus we can summarize that 了<sub>1</sub> is standardly used when the argument is definite (ex. 14-17), and 了<sub>2</sub> is applied separately when the argument is indefinite, not determined (ex. 20, 22). This is confirmed by the examples which show that the two variants of 了 are interchangeable in one speech act, depending only on the qualities of the argument.

(23) 你昨天做什么了? (了<sub>2</sub>) [12, 380]

'What did you do yesterday?'

(24) 我昨天看了一部中国电影。(了<sub>1</sub>) 'Yesterday I watched a Chinese movie.'

(25) 我昨天看电影了。(了<sub>2</sub>) 'Yesterday I watched movies.'

(26) 你看了几部电影? (了<sub>1</sub>) 'How many films did you watch?'

(27) 我看了两部电影。(了<sub>1</sub>) 'I watched two movies.'

As we can see from ex. 23, the general question to an indefinite object is marked with the phrasal 了<sub>2</sub>. The answer, if it contains a specified object, is marked with the verbal 了<sub>1</sub> (ex. 24), but if the answer is an indefinite object, it should be marked again with 了<sub>2</sub> (ex. 25), like in the general question (ex. 23). However, if the initial question is addressed to a specific issue and presumes more definite information about the object of the action, it should be marked with 了<sub>1</sub> (ex. 26), and accordingly, the answer involving specific information about the object is also marked with 了<sub>1</sub> (ex. 27).

General questions (like the type of ex. 23) can be used with the verbal 了<sub>1</sub>, but only under specific communicative conditions.

(28) 他问我昨天晚上做了什么? [6, 194]

'He asked me what I did yesterday.'

According to Li and Thompson, such marking of the predicate is possible when the question suggests a response with a **specific or detailed information** about the parameters of the situation (i.e., «what I did yesterday»), while in the same syntactic conditions the use of the phrasal 了<sub>2</sub> will formulate a general and more neutral question without a concrete expression of interest to the event [6, 194-195].

Comparing the functions of 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> in separate simple sentences formed by dynamic verbs, we can summarize that in such cases the markers may have identical aspect-tense interpretation, but they are distinguished by their accentual features and communicative functions. The use of the verbal 了<sub>1</sub> focuses on the accomplishment of the action (in terms of exact time, space or other characteristic features), or on the object to which it is addressed – for example in cases when the object becomes a topic of conversation, or when it contrasts with other alternative objects. Unlike the verbal formative, 了<sub>2</sub> refers to the situation as a fact and focuses on the actuality or relevance of the event to the current moment of reference. Apart from that, the phrasal particle 了<sub>2</sub> has an additional function to form an independent, communicatively complete sentence («有成句的作用», [14, 351]) and may mark the end of the speaker's discourse, i.e. it has other specific phrase-forming and text-forming functions [6, 283-289; 3, 428-431].

In cases when 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> are both used in one sentence (ex. 21, 29), there is an interaction of their functions that can be summarized as:

- a) confirmation about an event that was expected and already took place;
- b) the situation as a result of the event is relevant and important at the time of speaking;
- c) the utterance may express some modal and attitudinal nuances.

Such kind of constructions is often used to **emphasize** on the relevance of the event and its implications to the present situation which from the point of view of the speaker has already reached or exceeded some subjective norms.

(29) 我喝了三碗汤了, 不能吃别的了。

'I've (already) had three bowls of soup, I can't eat anything more.'

So, in terms of variability of 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub>, it is very important to take into account the overall context and the communicative situation.

2.2.4. 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> have specific functions in sentences that contain adjuncts encoding duration of time. This kind of construction is typical for atelic verbs (as noted in pt. 1.2), when 了<sub>1</sub> marks retrospectively the period in which the action was being performed, but not necessarily accomplished (ex. 6 and 30). Telic verbs, when used in such conditions, acquire another grammatical meaning. As far as they denote instantaneous or bounded events, 了<sub>1</sub> marks retrospectively the period after the completion of the event, or the duration of the situation that has occurred as a result of the action (ex. 32). In both cases, when 了<sub>2</sub> is used at the end of the phrase, it signals that the period of duration lasts up to the current moment, i.e. the time span includes the moment of speech, or other reference time in the text (ex. 31 and 33).

Phrases with atelic verbs:

(30) 她看了两个小时电视。

'She **watched** TV for two hours.'

(31) 她看了两个小时电视了。

'She **has been watching** TV for two hours (now).'

Phrases with telic verbs:

(32) 我送给他的吉他放了一年, 他都没动。

'The guitar I gave him **was left** there for a year and he didn't even touch it.'

(33) 我送给你的吉他放了一年多了, 你还想弹吗?

'The guitar I gave you **has been left** here for a year, do you ever think of playing on it.'

### 3. Usage of 了<sub>1</sub> in specific syntactic constructions, in complex and compound sentences.

The basic functions of 了<sub>1</sub> in simple and contextually independent sentences may be modified under the influence of contextual conditions within more complex syntactic structures.

#### 3.1. Usage of 了<sub>1</sub> in subordinate clauses of time and condition.

3.1.1. The marker is regularly used in subordinate clauses of time and expresses the category of **taxis**, i.e. completion of an action before another subsequent action:

(34) 我们下了课再去帮帮他。

'After we finish classes, we'll go to help him.'

3.1.2. The taxis function of 了<sub>1</sub> in subordinate clauses may also signal a **condition** that (only) if the action is fulfilled the subsequent event may occur:

(35) 儿子通过了考试, 才能让妈妈放心得下。

'Only if her son passes the exams can mom be calm.'

In such constructions (ex. 34, 35) the usage of 了<sub>1</sub> is considered mandatory, i.e. it is not optional or subjectively motivated. Furthermore, under such conditions 了<sub>1</sub> can mark events relating not only to the past time, but also to a future time. But used in subordinate clauses, it always marks events, prior in time to those expressed in the main clause, and thus in all these cases 了 reports a **relative past time** of the event [4, 109-110].

The action in the main clause and the sentence as a whole may refer to a future time when it is left unmarked (ex. 36), or to a past time when it is standardly marked with 了<sub>2</sub> (ex. 37):

(36) 他下了课就去图书馆。

'After he finishes classes he'll go to the library.'

(37) 他下了课就去图书馆了。

'After he finishes classes he **went** to the library.'

3.2. In constructions with complex predicates that contain a sequence of actions, bounded logically and/or temporarily as an unity of events, 了 is usually attached only to the last in the series of verbs:

(38) 我回家找他要了 100 块钱。

'I went home to find him and ask him for 100 RMB.'

3.3. 了<sub>1</sub> has a specific usage with predicates that can introduce as its object not only a single noun or nominal phrase, but also an embedded predicative clause. These are usually verbs that indicate feelings, emotional and sensory perceptions, mental or speech activities, such as: 知道 'to know sth' or 'to know that ...', 想 'to think about sth' or 'to think that...!', 相信 'to believe in sth' or 'to believe that ...!', 喜欢 'to like sth' or 'to like doing sth ...' 告诉 'to tell sth' or 'to tell that ...' 看见 'to see' or 'to see that...!' and others.

A) When this type of verbs have a nominal phrase as its object, they are marked with 了<sub>1</sub> to denote a switch-point of a state, or a completion of an event that refers to a specified argument (ex. 39, 40):

(39) 我知道了这件事。

'I learned about this thing. (From the verb 知道 'to know')

(40) 我想了一个好办法。

'I came up with a good solution. (From the verb 想 'to think')

B) When such verbs introduce an embedded sentence as an object, 了 usually cannot be used with the main verb, even if it describes a past and/or a perfective event (ex. 41, 42).

(41) 当时我知道他不打算回家。

'Then I **knew** that he did not intend to return home.'

(42) 昨天我朋友告诉我他们结婚了。

'Yesterday a friend **told** me that they got married.'

Regarding the principles of using 了 in the subordinate (embedded) clause, they are generally the same as in simple and contextually independent sentences, i.e. when the object to the predicate is specified, we standardly use 了<sub>1</sub>:

(43) 我看见她带来了几幅画。

'I saw that she brought some pictures.'

When the object is indefinite, 了<sub>2</sub> is usually used (ex. 44), but 了<sub>1</sub> is also possible, especially with telic predicates, denoting instant or resultative actions (ex. 45, 46).

(44) 我听说哥哥有女朋友了。

'I realized that my brother has got a girlfriend.'

(45) 我听说哥哥找到了工作。

'I realized that my brother found a job.'

(46) 我想她已经下了决心。

'I think she took her decision.'

3.4. 了<sub>1</sub> is regularly used in compound sentences that express comparison, contrast or opposition. If the predicates in the two parallel phrases denote past completed actions, they are usually marked with 了<sub>1</sub>, thereby focusing on the two compared events, or highlighting the objects of comparison:

(47) 我吃了饭, 没吃面条。

'I ate **rice**, I didn't eat **noodles**.'

In this example the logical emphasis in both parts of the sentence falls on the argument as an object of comparison. Unlike this type of compound sentences, in contextually-independent simple sentence a coordinate clause of such construction cannot be formed with 了<sub>1</sub> (ex. 48), it is marked with 了<sub>2</sub> (as explained in pt. 2.2) to report the general fact of the event (ex. 49).

(48) (?) 我吃了饭。 ['I ate (rice, or any food).'] (cannot be used as an independent sentence)

(49) 我吃饭了。 'I've had my meal.'

3.5. 了<sub>1</sub> may have a specific usage in modal phrases denoting future (ex. 50, 51) and habitual (ex. 52) events, and also in imperative constructions (ex. 53).

(50) 我想明天卖了那辆车吧。 [8, 112]

'I think I should sell that bike tomorrow.'

(51) 他们 ... 生怕别人偷了事。 [4, 119]

'... They were afraid lest other people may steal their craft (the secrets of the profession).'

(52) 我总是忘了她的名字。 [8, 112]

'I always forget her name.'

(53) 你可别听了这句话!

'Don't listen to these words!'

These functions are not typical for the basic aspect-tense semantics of the marker. Shi Zhiqiang suggests that such usage reflects the **prototypical function** of 了 as a resultative modifier (phase complement of the resultative construction), which in the process of its grammaticalization developed into an aspect-tense function. In support of this argument he notes that in such cases 了 can be replaced by another resultative complement without a substantial change in the meaning of the phrase [8, 112] (compare examples 50 and 54):

(54) 我想明天卖掉那辆车吧。

'I think I should sell that bike tomorrow.'

S. E. Yakhontov analyses such cases as a transmission of the past tense in the plan of future event. He notes that these constructions impart a certain modal tinge and are most commonly used to express hope, fear, advice, intention, regret and other modal shades. They are usually formed by verbs of feelings and thinking, often in combination with modal verbs and verbs with negations like 不, 别, 不要 [4, 119].

#### 4. Emphatic, stylistic and text-forming functions of 了<sub>1</sub> within the context and the overall discourse.

Within more complex syntactic structures and on the level of the whole discourse, when the basic aspectual and temporal meanings of the phrase are explicitly or implicitly transmitted by the context or the situation of speech, 了<sub>1</sub> may also modify its basic aspect-tense meaning, as well as to acquire some extragrammatical properties, such as emphatic, stylistic, modal and text-forming functions. An important role of 了 on this level is to highlight the communicative focus in the phrase or the whole discourse.

4.1. In complex sentences that contain as a first part a subordinate clause, indicating the reason, background or a prelude to the main action, expressed in the second part of the sentence, the main verb is typically marked with 了<sub>1</sub>, while the first predicate, even when it denotes a completed past action, usually remains unmarked, thereby achieving a **stylistic contrast** of a background action (verb 1) to a focused action (verb 2):

(55) (由于) 他多次犯错误, 结果被撤了职。 [13, 314]

'Because he made many mistakes, he was eventually **fired** from the job.'

In this type of constructions, even without conjunctions expressing the causal relation between the clauses, the subordinate connection in the sentence is achieved through the contrast between the unmarked and the marked predicate and the general logical sequence of the events:

(56) 会上, 他主动承担责任, 取得了同事和领导的谅解。 [13, 314]

'At the meeting he took the initiative to take responsibility, and (thus/because of this) **achieved the understanding** of his colleagues and leadership.'

In case that the first phrase is also marked with 了, it would assume the same logical emphasis and become an independent coordinate with the second predicate. Thus the first phrase would be viewed rather as a **separate completed action** than as a reason or a prelude to the main (second) action (ex. 57):

(57) 会上, 他主动承担了责任并取得了同事和领导的谅解。 [13, 314]

'At the meeting he **took the initiative** to take responsibility and **achieved the understanding** of his colleagues and leadership.'

In this type of complex sentences the main clause should be accentually marked, but it can also be done with the phrasal particle 了<sub>2</sub>. The use of 了<sub>1</sub> is more typical in such cases as it highlights the action itself as a culmination of the events, rather than the current actuality of the situation. But the usage of 了<sub>2</sub> is also possible (ex. 58), and the conditions of choice between the two variants are generally the same as those in simple independent sentences (see 2.2).

(58) 由于他多次犯错误, 结果被撤职了。

'Because he made many mistakes, he was eventually fired from the job.'

Apart from the general rule that we refer to, 了<sub>2</sub> is more largely used when the phrase represents the end of the speaker's statement, or the end of the discourse, while using 了<sub>1</sub> would usually suggest that the topic is opened and the speaker may continue on it. This is an aspect of difference in the functions of 了<sub>1</sub> and 了<sub>2</sub> on discourse level.

4.2. Even in the conditions when in a single independent sentence the usage of 了 is mandatory (e.g. with a quantified object etc.), within bigger contextual units the omission of 了 is possible (ex. 59), and in



such cases the specific meaning of the unmarked form as opposed to the marked version, is to present the event as more neutral, backgrounded or subordinate.

(59) 昨天我给你发了一个邮件,你收到了吗?

'Yesterday I **sent** you an e-mail, did you receive it?'

(60) 昨天我给你发了一个邮件,你收到了吗?

'Yesterday I (really) **sent** you an e-mail, did you receive it?'

The grammatical interpretation of both phrases is identical. It is assumed that the use of 了 in such cases of redundancy and optionality is motivated from a communicative point of view when the predicate falls in the communicative focus of the statement. This is usually achieved under the following conditions:

A) In accordance with the communicative type of the utterance.

Statements belonging to the communicative category "confirmation", i.e. in cases of doubt, question or any other **need to confirm the fact** that the action is accomplished [3, 429], 了 necessarily marks the predicates that express confirmation and thus fall in the communicative focus of the phrase:

(61) 你还没给我发邮件吧?

'You still haven't sent me an e-mail, have you?' (Expressing doubt)

(62) 我昨天给你发了一个邮件,你没看到吗? (确实发了)

'Yesterday I (really) **sent** you an e-mail, haven't you seen it yet?' (I really did send it – confirmed action)

B) In a description of a series of actions within a more extended context, the marking and the communicative focus usually falls on one or several of them, depending on the speaker's intention to emphasize one or another event as a significant and separate action, while other actions, expressed by verbs in neutral form, can be represented as backgrounded or subordinately linked to the main action. In such cases normally the communicative focus is on the last in the sequence of verbs (as representing the final result or a peak in the series of events).

(63) 她突然打开窗户,跟儿子挥挥手,流着眼泪地喊了一声:"保重啊!"

'Suddenly she opened the window, waved to her son and **cried out** with tears in her eyes: "Take care!"

But depending on the speaker's point of view, any other or all in the sequence of actions may be marked with 了, and thus be presented as foregrounded and significant separate events:

(64) 她突然打开了窗户,跟儿子挥了挥手,流着眼泪地喊了一声:"保重啊!"

'Suddenly she **opened** the window, **waved** to her son and **cried out** with tears in her eyes: "Take care!"

## Conclusions

The aspect-tense marker 了 is extremely multifunctional and variative in usage, but nevertheless its diverse and sometimes contrasting functions may be followed as paths of modifying its core grammatical semantics on several subsequent levels. The basis is the compatibility of the marker with predicates of different semantic classes and the resultant variants of aspect-tense interpretation of the marked phrase. These variants of core syntactic constructions may function as completed and contextually independent utterances and obtain their basic interpretation in compliance with the situation of speech. In such conditions the marked form is clearly opposed to the unmarked, they cannot be interchanged because it will accordingly change the temporal characteristics of the sentence. On another level, within more complex syntactic structures the marker may obtain additional grammatical and stylistic functions. In broader context and on discourse level 了 has a great degree of optionality and variability in usage. When the aspect-tense coordinates of the embedded phrase are explicitly or implicitly derived from the context and the marker is grammatically redundant, it acquires more extra-linguistic – stylistic, emphatic, modal, text-forming and other functions. Such a gradual model of defining the procedures of functioning would allow us to present more systematically the variety of usages of 了 and its irregular explication in speech.

## References

*In Russian language:*

1. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
2. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М.: Наука, 1985.
3. Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). – М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: ЛГУ, 1957.

*In English language:*

5. Huang L. Meei-jin. Aspect: A general system and its manifestation in Mandarin Chinese. PhD dissertation. Rice University, 1987. URL: <http://dspacedev.rice.edu/bitstream/handle/1911/16067/8718726.PDF?sequence=1>
6. Li, Charles N., Thompson, Sandra A. Mandarin Chinese, a functional reference grammar. Berkeley/Los Angeles/London: University of California Press, 1981.

7. Ljungqvist, M. Aspect, tense and mood: Context dependency and the marker *le* in Mandarin Chinese. Lund, 2003.
8. Shi Zhiqiang. The Grammaticalization of the Particle *le* in Mandarin Chinese // *Language Variation and Change*, 1, 1989.
9. Smith, C. The parameter of aspect. 2-nd ed. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publisher, 1997.
10. Thompson, C.J. Aspects of the Chinese verb // *Linguistics* 38, 1968.
11. Tsankova, A. Markedness Analysis of Chinese Verbal Constructions: Interaction between Semantics, Syntax and Pragmatics // *Book of proceedings from the First International Conference «The Silk Road»*. Sofia: Vizia, 2011.

*In Chinese language:*

12. 刘月华, 潘文娉, 故Wei. 实用现代汉语语法. 北京: 商务印书馆, 2006.
13. 陆庆和. 实用对外汉语教学语法. 北京: 北京大学出版社, 2011. (2006年第一版)
14. 吕叔湘. 现代汉语八百词. – 修订版. 北京: 商务印书馆, 1999. (1981年第一版)
15. 赵元任. 汉语口语语法. 北京: 商务印书馆, 1979.

## СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ КНР ПО УПРАВЛЕНИЮ КОНФЛИКТАМИ

*Чернова А.Ф.*

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

Прежде всего, необходимо определиться с терминологией, так как многие определения в теории международных отношений трактуются неоднозначно.

Идеи политического менеджмента (отсюда одно из названий направления — «управление конфликтом») в последние годы приобретают все большую популярность. Специалист в области конфликтологии И. Галтунг определил управление конфликтами как умение поддерживать отношения ниже уровня, на котором возможна угроза для системы в целом.

По мнению профессора Зеркина Д.П., управление конфликтами включает в себя: прогнозирование конфликтов; их предупреждение; прекращение или подавление, а также регулирование и разрешение<sup>1</sup>.

Первые две фазы: прогнозирование и предупреждение конфликта — это деятельность, направленная на недопущение его возникновения, т.е. профилактика конфликта. Этому аспекту международной деятельности уделяется в КНР большое внимание. Во второй половине 1990-х годов руководство Китая произвело корректировку внешней политики. С этого времени, по утверждению известного китаиста Мамонова М.В., можно говорить о формировании внешнеполитической стратегии Пекина как целостного комплекса мер по реализации «глобальной профилактики внешних угроз»<sup>2</sup>. Основным внешнеполитическим инструментом в этих целях служит политика мягкой силы, тактической задачей которой является построение эффективного имиджа государства. В нынешнюю эпоху информационной революции фактор привлекательности той или иной страны будет иметь большее значение, чем самое сокрушительное военное превосходство. В отличие от «силового умиротворения», концепция «мягкой силы» — это технологии обеспечения добровольного подчинения одних субъектов международного права другим. Эти технологии основаны на признании абсолютного превосходства в сфере идеологии, политики, экономики, морали некоторых государств. Причем подчинение должно быть именно добровольным, что определяет приоритетность использования ненасильственных методов.

Самый убедительный факт, свидетельствующий о превосходстве Китая, — это темпы его экономического роста. Второй составляющей его «обаяния» являются концепции его внешней политики. Конечно, модель гармоничного мира и развития, «китайская мечта», «ответственная держава», контуры которой можно проследить на материале официальных доктрин китайского руководства, отличаются некоторой утопичностью, но создают КНР образ справедливого, миролюбивого государства. В качестве доказательства нового мышления лидеров КПК можно привести финансовый кризис в Юго-Восточной Азии 1997–1998 годов. Правительство не девальвировало юань и не стало разворачивать товарную экспансию с целью захвата рынков сопредельных азиатских стран, пострадавших от кризиса. Более того, Китай предложил нескольким государствам ЮВА финансовую помощь и низкопроцентные займы. Его поведение разительно отличалось в тот момент от предельно жесткой политики международного валютного фонда и западных кредиторов.

<sup>1</sup> Зеркин, Д. П. Основы конфликтологии: (Курс лекций): Для вузов / Д.П. Зеркин. - Ростов н/Д : Феникс, 1998. - С.368

<sup>2</sup> Мамонов, М.В. "Стратегия профилактики опасности" во внешней политике КНР / Михаил Мамонов // *Международные процессы*. - 2007. - № 3. - С. 32.

Целям пропаганды китайского образа жизни, языка, культуры служит известный глобальный сетевой проект – создание Институтов Конфуция. На сегодняшний день (2014 г.) их насчитываются 456 и 713 классов Конфуция. К 2020 году планирует довести число институтов Конфуция до 1000.

В преддверии Олимпиады, руководствуясь необходимостью широкой пропаганды своей позиции по ключевым международным проблемам, правительство КНР предпринимало меры по созданию имиджа «открытого Китая». Причем, если раньше образ «открытого Китая» служил экономическим целям, то в настоящий момент «открытость страны» иностранным инвестициям приобрела значение аксиомы, а образ «открытого Китая» используется для описания отношений КНР с иностранными государствами в области гуманитарного взаимодействия и взаимовлияния. Для развития внешнеполитического потенциала страны расширение культурного и идеологического влияния в мире имеет не меньшее значение, чем усиление воздействия КНР на мировую экономику

Во избежание любой конфронтации с ведущими государствами мира Пекин разработал инициативную политику создания «партнерств» с ними, причем партнерству с каждой страной присваивался определенный предикатив, служивший показателем статуса. Отношения с Россией в этой иерархии с 1994 по 2001 годы эволюционировали от «конструктивного партнерства», до «партнерства стратегического сотрудничества». На этом процесс не остановился. После подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в июле 2001 г. отношения двух стран стали именоваться «добрососедскими партнерскими отношениями стратегического взаимодействия, направленными в XXI век». А в мае 2014 г. в «Совместном заявлении России и Китая о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия»<sup>1</sup> была провозглашена новая, на сегодняшний момент, высшая форма партнерства. Во вторую группу входят Южная Корея, Бразилия, ЮАР, Индия, Канада, Украина, Белоруссия, Мексика, Аргентина и ряд других государств. Этот вариант партнерства китайскими экспертами характеризуется как «партнерские отношения дружеского типа».

В третью группу включены страны ЕС и АСЕАН. С ними у Китая имеется много общих (экономических) интересов, но есть политические и территориальные (с отдельными странами АСЕАН) расхождения по ряду ключевых вопросов. «Добрососедское партнерство взаимного доверия» с АСЕАН в период с 1997 г. по 2003 г. выросло в «стратегическое партнерство во имя мира и процветания».<sup>2</sup>

К четвертой группе можно отнести отношения с США и Японией, которые рассматривают Китай как потенциального, стратегического противника и по ряду политических проблем у сторон существуют очевидные разногласия. Данный вариант получил воплощение в словосочетании «конструктивное стратегическое партнерство»<sup>3</sup>, о существовании которого в отношениях Китая с США было объявлено в октябре 1997 г. на китайско-американском саммите в Вашингтоне.

Чтобы предотвратить территориальные споры китайская дипломатия занялась конструированием «пояса добрососедства»<sup>4</sup>. Причем Пекин строит не буфер, не кордон, а «пояс контактных зон» с внешним миром. Активизация связей с сопредельными странами позволяет уменьшить внешнеполитические риски, тем более что Китай имеет наибольшее количество территориальных споров со своими соседями. Но только с Японией на сегодняшний момент сохраняются напряженные отношения, готовые вылиться в вооруженный конфликт, из-за островов, известные как Сенкаку в Японии и Дяоюйдао в Китае.

Если же конфликта все же не удалось избежать, то Китай выступает категорически против его силового урегулирования, что отражено в «новой концепции безопасности», которая по сути является обновленным вариантом принципов мирного сосуществования (а именно, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования), дополненных тезисом о необходимости равноправного диалога со странами мира и призывом отказаться от военно-политических союзов. При этом устранение очагов напряженности и конфликтов, в которые вовлечен сам Китай, например, решение тайваньского и тибетского вопроса, то они рассматриваются властями исключительно как внутреннее дело страны. В «Белой книге КНР» изложена военная доктрина (2000 г.). Относительно тайваньской проблемы четко сформулирована позиция государства: «...если произойдет серьезное изменение обстановки, связанное с отделением под любым предлогом Тайваня от Китая, если иностранное государство оккупирует Тайвань, если тайваньские власти будут бесконечно отказываться от мирного решения вопроса объединения двух берегов путем переговоров, правительство Китая будет вынуждено принять все возможные решительные меры, включая применение военной силы, для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая и осуществления великого дела объединения страны».<sup>5</sup>

<sup>1</sup> [http://news.kremlin.ru/ref\\_notes/1642](http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642)

<sup>2</sup> Мамонов, М.В. "Стратегия профилактики опасности" во внешней политике КНР / Михаил Мамонов // Международные процессы. - 2007. - № 3. - С. 35.

<sup>3</sup> Мамонов, М.В. "Стратегия профилактики опасности" во внешней политике КНР / Михаил Мамонов // Международные процессы. - 2007. - № 3. - С. 35.

<sup>4</sup> Там же, С. 32.

<sup>5</sup> Оборонная доктрина КНР <http://www.abirus.ru/content/564/623/631/11307.html>

КНР выступает за мирное разрешение международных конфликтов на основе Устава ООН, несмотря на то, что международная деятельность этой организации сегодня переживает системный кризис. В конце 1990-х годов Пекин дважды воспользовался правом вето для того, чтобы отбить покушения на принцип «одного Китая». Речь идет о вето Китая при голосовании в СБ ООН проекта резолюции о направлении группы военных наблюдателей в Гватемалу (1 октября 1997 года) и при голосовании по вопросу о продлении пребывания в Македонии военной миссии ООН (25 февраля 1999 года). В обоих этих случаях Китай руководствовался «основополагающим принципом защиты суверенитета», так как Гватемала, игнорируя предостережения КНР, пригласила на церемонию подписания мирных соглашений представителя администрации Тайваня, а Македония 8 февраля 1999 года установила с Тайванем дипломатические отношения.

Возросла также активность Китая в различных международных организациях, таких как БРИКС, ШОС, РИК и др.

Реальной альтернативой силовым методам «принуждения к миру» являются информационно-психологические технологии. Эта политическая ниша сегодня практически полностью занята моделями, предлагаемыми представителями четырех основных мировых цивилизаций: англо-саксонской (США, Великобритания), романо-германской (Западная Европа, прежде всего — Германия и Франция), ближневосточной (исламский мир) и восточноазиатской (Китай, Япония, Вьетнам, и т. д.). В основе восточноазиатской модели лежит, прежде всего, конфуцианское мировоззрение и идеология, философское учение Лао-Цзы. Особенностью китайского образа мыслей является использование долгосрочного, стратегического поведения. Поэтому китайцы придумали 36 стратагем, которые позволяют достичь поставленных целей. Например, «В покое ожидать утомленного врага», «Извлечь нечто из ничего» и т.д.

Пекин, как правило, не форсирует события, ожидая лучших времен в своих спорах с оппонентами, стремится первоначально «застолбить позицию», заявить, например, о притязаниях на ряд островов Южно-Китайского моря, либо оставить вопрос открытым на «неопределенное время» по спорным территориям, как это имело место в начале 1970-х годов при нормализации отношений с Японией по поводу принадлежности островов Сэнкаку. «Отложенные решения» — удобная форма психологического воздействия. Проблема остается нерешенной, ей можно всегда воспользоваться как инструментом информационного давления, в том числе и на переговорах.

Подводим итог. Внешнеполитическим инструментарием КНР управления международными конфликтами являются созданный благоприятный имидж страны, партнерство, добрососедство и позиционирование в ООН и других международных организациях.

Использованная литература

Анцупов, А. Я. Конфликтология в схемах и комментариях: учебное пособие / А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский - СПб: Питер, 2007. - 304 с.

Зеркин, Д. П. Основы конфликтологии: (Курс лекций): Для вузов / Д.П. Зеркин. - Ростов н/Д : Феникс, 1998. - 480 с.

Мамонов, М.В. "Стратегия профилактики опасности" во внешней политике КНР / Михаил Мамонов // Международные процессы. - 2007. - № 3. - С. 28-43.

## О НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В УЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ

Чэн Мо,  
Международное радио Китая,  
Класс Конфуция при УрГУ

### 浅谈远程教育在孔子学院对外汉语教学中的必要性

程 谟 (新闻学硕士)  
中国国际广播电台俄罗斯叶卡捷琳堡广播孔子课堂  
中方负责人

摘要: 对外汉语是面向以其他语言为母语的国家或民族群众为对象的汉语教学, 旨在培养学生熟练运用汉语的能力, 掌握相应的语言要素和技能, 熟悉中国国情和文化背景, 具有从事语言或文化研究的基本能力, 成为能以汉语为工作用语的翻译、教师等汉语人才。在教学过程中将所有教育资源整合到一个网络平台, 创设最大限度的有助于语言学习的学习情境和途径, 面向世界全球进行互联网传播媒体的教学模式, 学员不受年龄、学历、时间、地点的约束进行学习, 教师给予适当的辅导和支持, 形成多元混合式教学模式, 通过此种方式可

以有效地解决目前对外汉语教学所面临的问题和压力。现代网络技术与对外汉语教学的结合有着它的必要性和必然性。现代网络技术是推动对外汉语教学的一个有效途径，如何进一步将二者有效地结合起来是一个值得探讨的问题。

关键词：远程教育 孔子学院 对外汉语 M-learning

对外汉语教学是一门新兴学科，和语言学、心理学、教育学、社会学等有着不可分割的关系，教学对象多为成年人。对外汉语教学的成型和发展，离不开作为横断科学、工具学科的数学；此外，它跟一些新兴学科，如计算机科学、通讯工程科学、跨文化交际学等、也有密切关联。

在中国，对外汉语教学起步发展相对较晚，随着中国近年来经济的飞速发展，国际地位的急速提升，拓展了广阔的市场，汉语在全球正逐步提升自身的语言地位。其中，汉语热也在中国的近邻 - 俄罗斯国家蔓延。当前全俄有 50 多个汉语教学点，18 家孔子学院，4 家孔子课堂。孔子学院作为一个全新的平台在对外汉语教学及文化交流方面正发挥着积极的作用。此外，中国国际广播电台是面向全球语种最多的广播电台，目前有 63 个语种每天利用无线和在线等多手段对外进行广播。曾有一度听众流失、数量下降，当把汉语文化和汉语教学如《每日汉语》、《你好，中国》、《茶艺沙龙》等节目在固定广播时段进行广播后，不仅留住了大批老听众，而且吸引了越来越多新的听众。

孔子学院不但是中国对外文化交流的重要途径，也是国与国之间的外交舞台。孔子学院除了进行单纯的语言教学，还肩负着传播中华文化的责任。任何语言的背后一定是文化，学习语言的过程就是在学一种文化。海外孔子学院大都开设在大学内，大学是社会上重要的思想来源，有助于增进相互的了解和沟通，是一个非常好的中外文化平等交流的平台，文化推广的过程是不同文化交流、交锋和交融的过程。

随着“汉语热”的升温和中国对外经贸活动的强力带动，越来越多的外国人士开始关注和参与中国众多领域的事务。世界上很多国家和地区相继在大学、中学开设了汉语课。据不完全统计，目前全球学习汉语的人数近 1.5 亿人。汉语学习者主要分布于两个地方：国内和国外，他们学习汉语地目的也不相同：了解中国、兴趣爱好、国形所趋、工作需要、专业进修、旅游等。学习目的不同，对学习的需求也就不同，但有一点却是相同的，即要求教学内容简单化、趣味化，希望学习方式多样化。汉语自身的特点也对学习主体和教师提出了更高的要求，教师和学生之间是一种辅导和支持的关系。由于汉语学习的难度较大，当前师资队伍合格人员缺乏、水平不一，教学资源分配不均，不能保证对外汉语教学质量和需求，此外，全球对汉语教师的需求量也远远超过实际拥有汉语教师的数量，目前的传统汉语教材以及课堂授课已不能取得最佳的汉语教学效果，也无法适应和满足学生对汉语学习的要求，汉语国际推广的能力必须进一步提高。

随着计算机技术、多媒体技术、通信技术的发展，特别是因特网(Internet)的迅猛发展，使远程教育的手段有了质的飞跃，逐渐成为高新技术条件下的远程教育。现代网络技术是实施网络教育的重要条件，也是促进汉语广泛推广及解决对外汉语教学中现有问题的重要途径和方法。现代网络技术使得不同国家不同地区的人可以通过网络集中进行学习，教师可以利用现代网络教育技术对不同国家、不同地区的学生进行教学和辅导，以解决师资不足的问题。在教学过程中创设最大限度的有助于语言学习的学习情境和途径，学生与教师、学生与教育组织之间主要采取多种媒体方式进行系统教学和通信联系的教育形式，有效地发挥远程教育的特点，跨学校、跨地区的教育体制和教学模式，将课程传送给校园外的一处或多处学生的教育，是一种相对于面授教育、师生分离、非面对面组织的教学活动。将现代网络技术运用到对外汉语教学中，整合教学资源，兼容面授、函授和自学等传统教学形式，多种媒体优化组合的教育方式，形成多元混合式教学模式，使学生在虚拟语言世界里得以充分学习。

远程教育具有如下的特点：

- ❖ 学生与教师分离
- ❖ 采用特定的传输系统和传播媒体进行教学
- ❖ 信息的传输方式多种多样
- ❖ 学习的场所和形式灵活多变

相比面授教育，远距离教育具备如下优势：

- ❖ 突破时空的限制
- ❖ 提供更多的学习机会
- ❖ 扩大教学规模
- ❖ 提高教学质量
- ❖ 降低教学的成本

基于远程教育的特点和优势，许多教育组织已经认识到发展远程教育的重要意义和广阔前景，笔者认为，海外孔子学院及孔子课堂的对外汉语教学可以通过此种方式可以有效地解决目前对外汉语教学所面临的问题和压力。现代网络技术与对外汉语教学的结合有着它的必要性和必然性。

当前有一种观点认为,运用现代网络技术的效果在某些方面比面授的效果,它可以有效地解决汉语学习者的相对分散问题。一起进行学习,而同时又不失个体学习的机会。在课堂面授教学中,课程的开设受制于学生的数量、学生的学习层次,且对外汉语教学中还要考虑学生所在母语的文化背景、习得特点、实际汉语水平等。如果学生的数量过少,学习水平层次又很多,便不能开设,而在网上开设一门课程则可以不受这些因素的制约。因此,现代网络技术的运用能很好地解决汉语学习者过分分散的问题,并且通过网络教育可以体现汉语教学的可行性,让更多的海外朋友接触汉语,更好的了解中国文化。

远程教育转变对外汉语教学模式,促进继续学习现代网络技术为教学提供了丰富的手段和方法,可以促进对外汉语教学模式从现有的以教师为中心、有限单调的书面文字为主要教学内容、单一课堂为学习场所的教学模式向以学生为中心、丰富多样的多媒体和网络学习材料、多样互补学习媒介和资源辅助的学习模式的转变。这一转变可以有效地培养学生的自主学习能力、培养学生在将来积极主动寻求语言学习资源和继续学习汉语的能力,同时丰富并改善学生的学习资源,增加学生使用语言的机会。

汉语学习者中有大部分人因为年龄、工作、经济等多种原因不能前往中国留学,无缘接触到真实的汉语语境。我们可以在传统课程类别的基础上,通过现代网络技术设计丰富多彩的课程项目,引导并帮助学生从初级水平达到高级水平,从而满足不同水平学习者的需要。还可以设计不同级别的入门标准,突破传统的由教师根据学生的入学成绩单方面进行分班的模式,学生也可根据自己的水平自行选择入学级别。通过现代网络技术的运用,设计的语言网络教学,为此提供原汁原味的汉语环境,以实用的话题为纲,训练实用交际能力等等,取得较好的学习效果。

从D-learning到E-learning,远程教育发展至今已进入一个全新的发展阶段:M-learning(mobile learning 移动学习),它利用现代通讯终端,如手机、PDA等具备无线上网功能的电子设备,下载支持语音与文本的互换服务,多媒体信息服务(MMS)等任意一网络社交平台到自己的手机终端,满足学员随时、随地自由进行信息交互及学习体验。

2015年7月,俄罗斯国立职业师范大学广播孔子课堂首次尝试选取对使用移动(或无线)设备、网络进行学习感兴趣的HSK2至4级水平的20~40岁学员八名,通过课堂面授结合M-learning线上教学方式,对该班学员进行汉语语音及文化课程教学。

结合课堂教学内容,M-Learning作为一种辅助工具,提供碎片化的学习内容,最多不超过10分钟,辅以大量课外学习补充资料,强调信息的设计而不是教学设计。经24课时教学结束后进行测试,学员们在汉语发音等方面均获得了不同程度提高,学员认为面授和线上结合的汉语学习方式可行有效,在学习过程中,老师和学员可自由进行分享互动,加强记忆得同时也提升了学习效果。

尽管现代远程教育毫无疑问是具有良好应用前景的,它是未来社会普及高等教育和接受终身教育的最佳教育模式,但是网络教育当前还处于初级阶段。初级阶段的网络办学就仍带有初级阶段的特点和问题,如资源还不完备、课件还不成熟、硬软件的环境还在发展、课件的客观评价评估体系还没有建立、课件和平台的标准和规范还没有形成、新的教育模式还需要探索和实践、特别是社会对于网络教育的认识还有一个过程、传统教育模式在人们心目中的认可度和亲和力还存在强大的惯性。

中国的对外汉语教学发展至今,历时比较短,无论是理论上还是教学实践上都存在着不足之处,需要采用不同的教育模式,积极探索、逐步推进、平稳过渡。教学上采用学分制与学年制相结合,传统模式与网络模式相结合,从以传统面授课程为主、网络教育课程为辅,逐步过渡到以网络教育课程为主、传统面授教育为辅(答疑、辅导、考试、实验)的模式。并建立对外汉语教学资源库及交流平台,最大限度地将对汉语教学资源进行整合共享,集众家之所长,使其内容可以不断地丰富更新,从而有效地指导和促进中国的对外汉语教学的迅速发展。

现代网络技术是推动对外汉语教学的一个有效途径,如何进一步将二者有效地结合起来是一个值得探讨和研究的问题。

#### 参考文献:

- [1]李 杨,对外汉语教学课程研究[M].北京:北京语言文化大学出版社,1994.
- [2]徐 娟,孙德金.基于www的远程对外汉语教学课程设计[J].开放教育研究,1999,(6).  
(行玉华,天津中医药大学国际教育学院;马 静,天津师范大学)
- [3]张 普,现代远程对外汉语教学[N]人民日报海外版,2002年

# DYNAMICS AND PROSPECTS OF CHINA-RUSSIAN RELATIONS FROM THE PERSPECTIVE OF ECONOMIC COOPERATION

ZHANG Jian<sup>1</sup>

**Abstract:** China and Russia share a long physical border and has long historical economic ties that began in the seventeenth century. Chinese and Russian economies are highly complementary in terms of economic elements, such as China's labor-intensive industry and Russia's technological-intensive industry. Sino-Russian economic relations have been extensively examined since the early of 1990s. China and Russia are transition countries. Their advent of the transition from central planning economy to market economy coincides with their political rapprochement. Meanwhile, China and Russia are integrating into regional and world economic systems, which is also coincident with their efforts of enhancing economic ties. This paper will exam economic relations in past more than 20 years, and analyze the dynamics and prospects in current Sino-Russian economic relations.

**Key words:** Sino-Russian relations, economy, dynamics, prospects

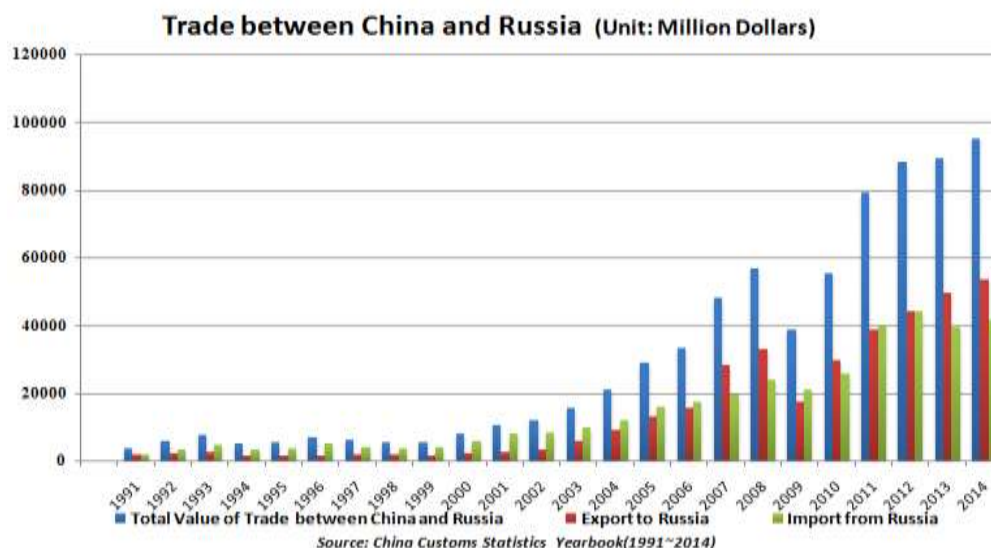
## Introduction

Russia inherited the Soviet Union's diplomatic relations with China in 1991. Since then, bilateral relations got greater achievements. In 1992, China and Russia announced each other as friendly countries, and established a constructive partnership in 1994; established a strategic partnership in 1996. In 2001, China and Russia signed a treaty of good-neighborhood, friendship and cooperation, and totally settled border disputes in 2004. Further, the two sides decided to promote their relationship to be comprehensive strategic partnership in 2011.<sup>2</sup> In recent year, top leaders of two countries often mention that Sino-Russian relations are in the best period in history. Since March 2013, Chinese President Xi Jinping and Russian President Vladimir Putin have been met each other more than ten times on various bilateral and multilateral occasions.<sup>3</sup> Economic relations are a window of current Sino-Russian relations:

### 1. Current situation of economic relations between China and Russia

In the past more than 20 years, bilateral economic relations grew smoothly

Sino-Russia trade has increased nearly 17 times in value from \$5.862 billion in 1992 to \$95.28 billion in 2014(See the below Chart 1)<sup>4</sup>. China now is Russia's number 1 trade partner; Russia is China's 9th big trade partner after the EU, the US, ASEAN, and so forth.



<sup>1</sup> ZHANG Jian is a Ph.D. Candidate from the Department of Diplomatic Studies, a Research Assistant of Center for Russian Studies, a Research Fellow of Center for BRICS Studies, China Foreign Affairs University; a Visiting Scholar to Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO) from 2015-2016; e-mail: zhangjian1598@163.com/zhangjian1598@yandex.ru.

<sup>2</sup> 陈军.中俄双边贸易增长成因及空间拓展研究[J].首都经贸大学学报,2012,(2): 96-102.

<sup>3</sup> 重温习近平与普京的 10 次会面, <http://news.qq.com/a/20150508/051087.htm>, 2015-07-31.

<sup>4</sup> In this paper, all statistical data is from the websites of IMF, World Economic Outlook, General Administration of Customs of the PRC, Ministry of Commerce of the PRC, the charts are created by ZHANG Jian.

### 1.2 Bilateral strategic economic cooperation is steadily developing

On February 17th, 2009, the third energy dialogue between China and Russia was held in Beijing. Two countries finally reached the agreement on «loan-for-oil» contract.<sup>1</sup> According to this agreement, China's \$ 25 billion long-term loan will exchange each year for 15 million tons of Russian oil supply in coming 30 years, which is win-win strategic cooperation. China and Russia have respectively diversified energy exports and imports. Electricity cooperation is another case. Russian electricity exports to China also grows very fast from 0.3 billion kWh in 2004 to 1.3 billion kwh in 2012.<sup>2</sup> Russian Unified Energy Systems, Inc. and China State Grid Corporation signed framework agreement on Russian electricity exports to China in the summer of 2005. Under Sino-Russian Energy Cooperative Framework, more and more Chinese company showed their interests in Russian Hydropower construction. In February of 2011, EuroSibEnergO PLC (Russia's largest independent power company) and China Yangtze International (China's largest listed hydropower producer) announced an official JV—YES EnergO Ltd—to develop hydro and thermal power projects in Russian Siberia.<sup>3</sup> On May 21, 2014, the Chinese and Russian government and energy companies in Shanghai signed gas purchase and sales contracts. The two sides agreed that from 2018, Russia will supply through the construction of the Eastern pipeline to China annually no less than 38 billion cubic meters of natural gas, which will last 30 years, the supply agreement worth \$ 400 billion total. The signing of this contract is not only a milestone in the history of Sino-Russian relations, but also attracts worldwide attention.

### 1.3 China and Russia has started financial cooperation since global financial crisis

In March 2003, Heihe City in Heilongjiang Province and Russia Blagoveshchensk City Bank decided to carry out a currency settlement pilot. Up to April 2009, 12 commercial banks in Heilongjiang Province and 19 commercial banks in Russia established correspondent relationships. In 2008 local currency settled business was about \$ 790 million, a 54-fold increase since 2003. Local currency balance sheet that accounts for the proportion of trade with Russia in Heilongjiang Province was increasing year by year from 0.5% in 2003 to 7.1% in 2008<sup>4</sup>. In November 2010, China and Russia pledged to drop the dollar when trading bilaterally, opting to use local currencies instead. On 23th June 2011, the People's Bank of China and the Central Bank of Russia Federation, signed a new bilateral currency settlement agreements. According to this agreement, China and Russia expanded the geographic scope of the settlement currency from the border trade to general trade, and RMB and Ruble became freely convertible currency in bilateral payment of goods and services<sup>5</sup>.

### 1.4 The improved transportation system provided a new basis for future economic cooperation

In 2010, an 866 kilometer-long railway was opened, connecting Russia's largest port city on the Pacific Ocean, Vladivostok with Changchun, the capital of Jilin province in Northeast of China. In January 2011, an oil pipeline linking Daqing in China's Heilongjiang Province and Skovorodino, a Russian city, officially began to produce, and was expected to transport 15 million tons of crude oil per year, with a 30 million tons per year benchmark set for the immediate future. (See the below Picture 1) In February 2014 started the construction of railway bridge between the two countries, which is an important channel to tie the northeast China and the Russian Far East's as the new Silk Road economic Belt. In June 2015 China and Russia signed a high-speed railway cooperation agreement. Moscow to Kazan part is a part of the Beijing to Moscow high-speed railway, this high-speed railway construction has long-term significance to link the Eurasian transport corridor, which can also promote the development of Sino-Russian bilateral transport and logistics industry, and thus lead to mutual benefits. The Silk Road economic belt construction needs the high-speed railway across Europe and Russia, the Silk Road economic belt will find more common interests with the Eurasian Economic Union.

---

<sup>1</sup> Загребновт Е. Дальний Восток России: от опасений местных властей до сотрудничества с Китаем. [EB/OL]. <http://russian.people.com.cn/2015-07-18>.

<sup>2</sup> Ibid.

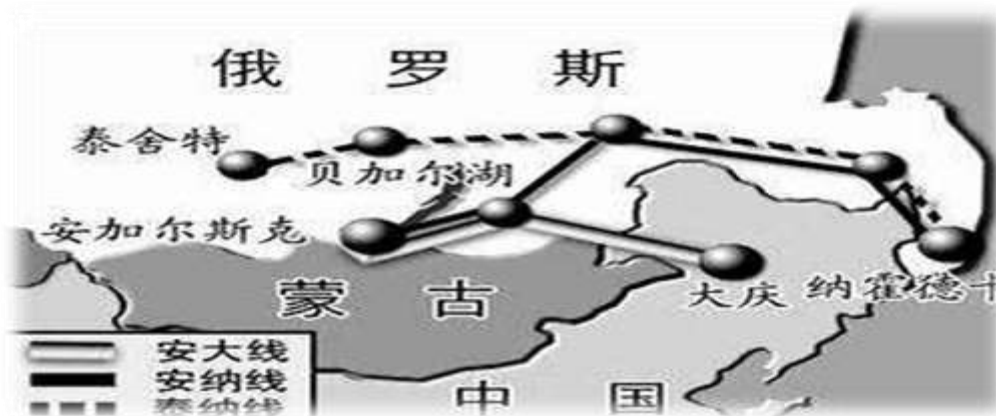
<sup>3</sup> Титаренко М. Россия и Китай. Сотрудничество конструктивно? [EB/OL]. <http://pribaikal.ru/rus-china-item/article/5560.html>. 2015-07-19.

<sup>4</sup> 陆南泉.中俄经贸关系: 现状与前景[M].北京:中国社会科学出版社,2012,13-17.

<sup>5</sup> Slantchev, Branislav L. The power to hurt: Costly conflict with completely informed states.[Z] Russian Political Review 2101(1): 123-33.



Picture 1:



Sino-Russian bilateral ties have been strong for quite a while, and will likely get stronger. The presidents of Russia and China laid out ambitious plans on June 5, 2012, to tie their countries into a closer strategic and economic partnership as both Beijing and Moscow seek to use each other to balance their relationship with the US. The two presidents set a goal of more than doubling bilateral trade from \$83.5bn 2011 to \$200bn in 2020.<sup>1</sup>

## 2. Dynamics of Sino-Russian Economic Relations Growth

### 2.1 Geographical and historical link

The geographical space that Russia and China occupy brings them together along a short border to the west of Mongolia and along a much longer border (4,300 km) that begins on the eastern end of Mongolia along with Amur River (Which in China is called Heilongjiang River) and Usuri River which extends almost to the Pacific coast. The eastern border is quite significant economically with China's three political units (Jilin, Heilongjiang, and the Inner Mongolia) and five constituent subjects of Russian Federation (Primorsky and Khabarovsk Krai, the Jewish Autonomous Oblast, Amur Oblast, and Zabaikalsky Krai).

Historically, from 1960 to 1985 the borders between China and Russia were highly militarized and essentially closed to economic activities. A critical turning point came in 1989 with the historic visit of Mikhail Gorbachev to Beijing, which made two countries normalize bilateral relations.

Thanks to the settlement of border disputes and the enhancement of the quality of Chinese products helped the economic cooperation along the border.

In September 23, 2009, China and Russia formally approved the northeast region of the People's Republic of China and the Russian Far East and Siberian regions Cooperation Plan (2009-2018)<sup>2</sup>. In October of the same year, Putin stressed to Chinese media that Russia attached great importance to regional cooperation between Russia and China. He contended that the socio-economic cooperation of the two states should be mainly fulfilled by regional cooperation. On the Chinese side the most integrated with Russia is Heilongjiang which has the longest border with Russia and a significant history of occupation by Russia. Heilongjiang Province's foreign trade with Russia share 24.4% of Sino-Russian trade in 2014.<sup>3</sup> On the Russian side, interaction with China is even more common among the five units that border China. The longest stretch of border lies in the Amur Oblast, which also has the greatest potential to attract Chinese investment. Over 70 percent of the exports from the Russian Far East goes to China, much of which is produced in Amur. Just to the west lies Zabaikalsky Krai, where wood exports to China has an important influence on the local economy.<sup>4</sup>

The geographical and historical link supports the bilateral trade between China and Russia.

### 2.2 Complementary of Commodity Structure in Bilateral Trade

The examination of the commodity composition is helpful to understand Sino-Russian trade relationship. Industrial materials (base metals, chemicals, wood, pulp and paper) and energy have dominated the flow of goods from Russia to China.

The most significant change in composition is the growing share of mineral fuels (primarily petroleum, although there is also some coal and a very small amount of gaseous hydrocarbons), which increased from

<sup>1</sup> James Woo. Russia and China to strengthen trade ties. [EB/OL] <http://www.ft.com/cms/s/0/d8999462-af27-11e1-a8a7-00144feabdc0.html#ixzz2EFYfpcZX>. 2015-07-19.

<sup>2</sup> 陆南泉. 中俄经贸关系: 现状与前景[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2012, 19-38.

<sup>3</sup> 黑龙江省对俄贸易占全国四分之一: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0421/c220024-24579167.html>. 2015-08-01.

<sup>4</sup> The Zabaikalsky Krai is formally part of the Eastern Siberian Federal Region rather Russian Far East.

5 percent of China's imports from Russia in 1995 to around half of all imports in 2006-2008<sup>1</sup>. This share dramatically increased while Russia developed its oil pipeline infrastructure in 2012.

Consumer goods make up most of the flow of commodities from China to Russia. Three categories—leather goods, textiles, apparel and footwear—account for 40 to 60 percent between 1995 and 2007. China's vehicles and transportation equipment export to Russia also increased from 1995 to 2014. In contrast, China's main categories imported from Russia are mineral fuels, wood and armaments. Trade has been mainly composed of natural resources: in 2012, crude oil and natural resources made up 48.5 percent of overall bilateral trade (Something which will probably remain consistent as China continues to demand energy inputs to fuel its rapid growth).

### 2.3 Integrated into World System and Sino-Russian's Economic Cooperation

Three main economic processes influenced Sino-Russian Economic cooperation globally and regionally.

The first is WTO accession, China and Russia respectively became WTO member in 2001 and 2012. These are not only symbols of economic transition from command economy to market economy but also a significant step for China and Russia's integrating into the world economic system.

China got the WTO full membership in 2001 after 15 years long march. Following China's accession to the WTO, Chinese leaders took many impressive steps to implement a set of sweeping commitments: China reduced tariffs, eliminated non-tariff barriers that denied national treatment and market access for goods and services imported from other WTO members, and made legal improvements in intellectual property protections and in transparency. These steps unquestionably deepened China's integration into the international trading system, strengthening both China's rule of law and the economic reforms that China had begun in 1978. Trade and investment also expanded dramatically between China and its many trading partners, including the United States.<sup>2</sup> WTO membership greatly promoted China's position in world market and finally made China the workshop of the world.

After a number of fits and starts during the 18-year process, the WTO members invited Russia to join the WTO during the December 15-17, 2011, Ministerial Conference<sup>3</sup>. In joining the WTO, Russia had committed to bring its trade laws and practices into compliance with WTO rules and other market-opening measures. By doing so, Russia takes a major step in integrating its trading system with the rest of the world. In joining the WTO, Russia also commits to accepting WTO dispute settlement procedures. In return, WTO membership makes Russia a more attractive location for foreign producers and investors to do business by locking in trade-liberalizing reforms, which could increase Russia's economic growth. According to a World Bank study, in the medium term, WTO accession would increase Russia's gross domestic product (GDP) by 3.3% and, in the longer term, would increase it by 11%<sup>4</sup>.

The second is Shanghai Cooperation Organization, which provides a platform for Sino-Russian economic cooperation. The SCO includes China, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, and was founded in June 2001. It is the common wish of SCO member states to seek social stability and the development of their national economies. The fundamental cause of international terrorism is the unfair, irrational international political, economic order and the growing gap between the North and South. In terms of economic cooperation, China emphasizes common development in accordance with the SCO's principle, which advocates further cooperation and exchanges with foreign counterparts on the basis of equality, mutual respect and benefit. On September 14, 2001, the first meeting of the heads of SCO member states took place in Almaty to discuss regional economic cooperation. The heads of the six states signed the Memorandum among Governments of SCO member states on the basic goals and directions of regional economic cooperation and launch of process on creating favorable conditions in the field of trade and investments. The program precisely determined basic goals and objectives of economic cooperation within the SCO framework, its priority directions, and certain concrete steps towards cooperation<sup>5</sup>.

The third is BRICS, from the view of increment of economies scale, in recent years emerging countries, the BRIC countries as the representative, have a more outstanding performance. From 2008 to 2013, (See the below Chart 2) the total GDP of emerging markets and developing countries increases by approximately \$9.45 trillion, accounting for 77.9 percent of global GDP growth, in which 6.43 trillion US dollars of the BRICS, accounting for 53% of incremental global GDP; total GDP in developed economies over the same period is 2.69 trillion US dollars, accounting for 22.1 percent of global GDP growth, in which the Group of Seven (G7) increase of \$ 1.88 trillion, accounting for incremental global GDP 15.5%. The world witnesses the rise of emerging economies.

---

<sup>1</sup> 赵华胜.上海合作组织: 评析和展望[M].北京: 时事出版社, 2012.15-18.

<sup>2</sup> United States Trade Representative, 2011 Report to Congress On China's WTO Compliance, [EB/OL]. [http://www.ustr.gov/webfm\\_send/3189,2012-12-18/](http://www.ustr.gov/webfm_send/3189,2012-12-18/).

<sup>3</sup> Wei Xiaotong. Ministerial Conference[N]. China Daily, 2011-6-18 (8)

<sup>4</sup> 谢希德.俄罗斯与世界贸易组织[N].人民日报, 2011-12-25(10).

<sup>5</sup> 王树春,万青松.上海合作组织与欧亚共同体的关系探析[J].世界经济与政治, 2012, (3): 20-37.

In the field of global economic governance architecture, BRICS cooperation mechanisms provided for emerging markets and developing countries the chances of the economic investment (See the below chart3) and trade cooperation and expression of interests.

Chart 2:

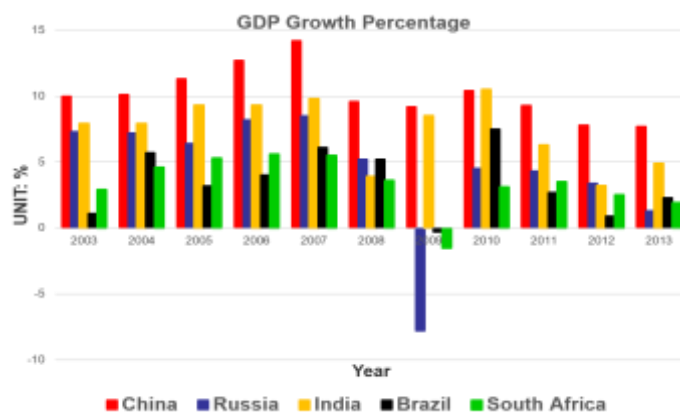
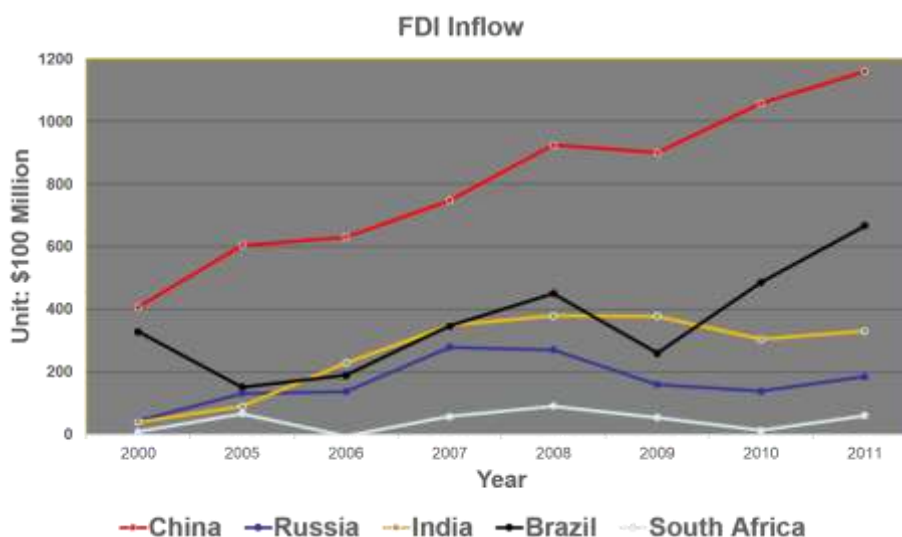


Chart 3:



Sino-Russian economic cooperation coincides with the process of SCO regional integrity and cooperation among BRICS countries.

### 3. Main Challenges for Sino-Russian Economic Cooperation

#### 3.1 Although the bilateral trade developing very fast, it still has great potential

According to Chinese customs statistics, in 2014, the Sino-Russian bilateral trade amounted to \$95.28 billion, year-on-year growth of 6.8%.<sup>1</sup> However, the trade status cannot commensurate the big power positions. In 2012 Sino-Russian bilateral trade is more than \$80 billion, US-China's trade is more than \$500 billion in contrast<sup>2</sup>. In 2014, Sino-Russian Trade is only share 17.5% of Sino-US Trade, 32% of Sino-Japanese Trade, 30% of Sino-South Korean Trade<sup>3</sup>.

#### 3.2 The trade structure is not reasonable

Raw materials share about 60% of total merchandise trade. Sino-Russian trade structure accounted for the major share of China's exports of electromechanical products (mainly for home appliances and consumer electronic products, communication equipment and parts, motor vehicles and spare parts, machinery foundation parts, electrical equipment), while Russian exports are raw products, the top five commodities are crude oil, refined oil, iron ore and concentrates, logs and coal. From 2001 to 2014 years, China imported from Russia and the share of machinery and electronic products decreased from 28.8% to 0.7%, in sharp contrast with the rapid growth of export of electromechanical products to Russia.<sup>4</sup> Mechanical and electrical

<sup>1</sup> 中国海关统计年鉴[Z].北京: 海关总署出版社, 2014.

<sup>2</sup> 2012 中国海关全年对各国进出口总值: [EB/OL]. <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab49666/info729729.htm>, 2015-01-17.

<sup>3</sup> 金文文: 中美需打造「共赢经济学」, [EB/OL]. <http://finance.huanqiu.com/roll/2015-06/6784017.html>, 2015-07-29.

<sup>4</sup> Brief introduction of Sino-Russian Trade,[EB/OL].

products trade between the two countries, the Chinese side by the deficit of the past (in 2001 China had a deficit of 1.92 billion U.S. dollars) into a huge trade surplus (2012 China 18.54 billion surplus<sup>1</sup>).

### **3.3 Russia's foreign FDI and China's FDI grew quickly these years, the problem is bilateral FDI is very little**

Up to the end of 2011, Russia accumulated to attract \$ 347.16 billion of foreign investment, including \$139.15 billion direct investment, \$9.86 billion in Stock market, and other investment to \$198.15 billion. The top six investors for Russia are Cyprus, \$ 78.25 billion, Netherlands, \$ 49.07 billion, Luxembourg, \$ 36.95 billion, Germany \$ 28.72 billion, \$ 27.62 billion in China, \$ 26.82 billion in the United Kingdom, the above-mentioned countries accounted for the proportion of total Russia's FDI is 22.5%, 14.1%, 10.7%, 8.3%, 8.0% and 7.7%, respectively. In 2013, Chinese investment in Russia was \$4.08 billion, Chinese investment in Russia main areas of transportation and communication, with an increase by 518.2%.<sup>2</sup> But it is still not enough for more cooperation. In the year 2014, Russia attracted less foreign investment due to the sanction from Western countries.

### **3.4 The ability to withstand financial risks is weak and cannot meet the objective requirements**

On the financial and monetary cooperation, the ability to withstand financial risks is weak for Sino-Russian economic relations, and developed countries and international monetary and financial system restrain the other countries to establish this ability. Due to sanctions from Western countries, ruble devaluation and oil prices down, in 2015 the Russian economic situation is not optimistic, which affects the economic and trade cooperation between China and Russia. Sino-Russian trade volume in the first half year of 2015 dropped by a third compared to previous year. Therefore, it can be seen that there is insufficient capacity to resist risks in the economic and trade cooperation between China and Russia.

## **4. The Solutions and suggestions for better Sino-Russian economic ties**

Faced with the challenges, both China and Russia should work together to continue to promote bilateral economic and trade ties. Following methods are supposed to be helpful for the future development of Sino-Russian economic ties.

### **4.1 For the balanced trade structure, efforts to strengthen cooperation in the field of science and technology is urgent**

In recent years, although Russia's industrial and armament exports to China declined, but its Civil High Technology exports has grew quickly. Russia's technology products export to China reached \$ 660 million in 2013. Meanwhile, since 2005, China began to introduce more and more Russian civilian technologies and the trade structure is becoming more reasonably. In 2006, China imported 38 items, involving an amount of \$ 13,480,000; 31 items in 2007, \$ 33,290,000; 31 items in 2008, \$ 30.8 million; 32 items in 2009, \$ 72,560,000; 2010 to 31, the amount of \$ 1.75 billion, mainly in the mechanical and electrical, aviation, aerospace, electronics and other fields. The two countries should strengthen more cooperation in the field of technology.

### **4.2 Improve the trade order and make better environment for trade**

Three years have been passed, Russia's accession to the WTO has become a new opportunity for Sino-Russian economic cooperation. Since then, the trade order and law service met the objective requirements to a better degree. According to the Accession Protocol, except some of import tariffs and some transition period, Russia fulfilled all of the requirements of the WTO. Russia's overall tariff level dropped to 7.8% from the current 10%, the level of tariffs on agricultural products decreased from 13.2% to 10.8%, the level of tariffs on industrial products from 9.5% to 7.3%.<sup>3</sup> As Russia's chief WTO negotiator Medved Primakov said, «Russia's accession to the WTO will provide a huge opportunity for Russia and China, because Russia will follow the rules of the WTO, trade between our two countries will become more standardized and orderly» .

### **4.3 Emphasis on different multilateral mechanisms**

China and Russia should strengthen cooperation in more multilateral mechanisms to promote bilateral cooperation, such as «BRICS» , G20, whose member countries are different in resource endowment and comparative advantage. The economic relationships are very close. «BRICS» should be paid more attention. With the development of the cooperation of «BRICS» and the establishment of BRICS Bank, the member countries will compete when cooperating and there will be a process of reallocation on resources and interests. Russia in 2015 run presidency of the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS, the summits of the two international organizations was held in Ufa July 8 to 10. Russia shows the flexibility and stability of the country despite of the sanctions.

---

<http://www.sme.gov.cn/web/assembly/action/browsePage.do?channelID=1134400998462&contentID=1332368142488,2015-07-09>.

<sup>1</sup> 2012 中国海关全年进出口总值.[EB/OL].

<http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab4370/module3760/info409290.htm,2015-08-05>.

<sup>2</sup> 去年我国对俄投资增 518.2%,对日投资降 23.5%.[EB/OL].

<http://finance.sina.com.cn/china/20140116/103217973821.shtml,2015-07-29>.

<sup>3</sup> Фёдоров В.П. Координация усилий России и Китая по реализации стратегий регионального развития Российской вектор-2010 информационно-аналитический (R) : бюллетень №3(38) С.3,2011.

Of course, China and Russia can blaze new trails, to create cooperation and mechanisms to bring new impetus to regional economic development and emerging market countries.

#### Conclusion and Prospects:

In general, these problems are problems occurred in the process of development. To resolve these problems, both China and Russia have made great efforts. Some of the problems are long-term objective existence, the problems can only be solved gradually through the process of cooperation, enhance mutual understanding by the two sides, but we do have faith that Sino-Russian economic relations will become better and better. Silk Road economic belt will play a more important role. In the process of construction Silk Road economic belt, there will be more cooperation between China and Russia. If the economic and trade relations between China and Russia is done well, it is of great significance and far-reaching for the current situation of the world economic. The healthy and stable Sino-Russian economic relations can help improve the living levels of Chinese and Russian peoples, create economic prosperity in Central Asia and Northeast Asia and stimulate the development of the world economy.

#### Reference:

- [1] 陈军.中俄双边贸易增长成因及空间拓展研究[J].首都经贸大学学报,2012,(2): 96-102.
- [2] Загребновт Е. Дальний Восток России:от опасений местных властей до сотрудничества с Китаем. [EB/OL].<http://russian.people.com.cn/>.2015-07-18.
- [3] Титаренко М. Россия и Китай. Сотрудничество конструктивно? [EB/OL].<http://pribaikal.ru/rus-china-item/article/5560.html>. 2015-08-13.
- [4] 陆南泉.中俄经贸关系: 现状与前景[M].北京:中国社会科学出版社,2012,13-17,19-38.
- [5] Slantchev, Branislav L. The power to hurt: Costly conflict with completely informed states.[Z] Russian Political Review 2101(1): 123-33.
- [6] James Woo. Russia and China to strengthen trade ties.[EB/OL] <http://www.ft.com/cms/s/0/d8999462-af27-11e1-a8a7-00144feabdc0.html#ixzz2EFYfpcZX>.2015-08-10.
- [7] 谢卫华.黑龙江对俄贸易新思路[N]. 中华工商时报, 2012-02-06(6).
- [8] 赵华胜.上海合作组织: 评析和展望[M].北京: 时事出版社, 2012.15-18.
- [9] United States Trade Representative, 2011 Report to Congress On China's WTO Compliance, [EB/OL]. [http://www.ustr.gov/webfm\\_send/3189](http://www.ustr.gov/webfm_send/3189),2015-07-18.
- [10] Wei Xiaotong. Ministerial Conference[N]. China Daily, 2011-6-18 (8) .
- [11] 谢希德.俄罗斯与世界贸易组织[N].人民日报, 2011-12-25(10).
- [12] 王树春,万青松.上海合作组织与欧亚共同体的关系探析[J].世界经济与政治, 2012, (3): 20-37.
- [13] Zhang Weizhi. Discuss of SCO Business Council[N] .ShangHai SecuritiesDaily,2005-12-21(4).
- [14] 中国海关统计年鉴[Z].北京: 海关总署出版社, 2011,2014.
- [15] 2014 中国海关全年对各国进出口值.[EB/OL].<http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab4370/module3767/info409456.htm>,2015-01-25.
- [16] 郭晓琼.2011 年的中俄贸易合作[J].俄罗斯中亚东欧市场,2012,(3): 25-28.
- [17] Brief introduction of Sino-Russian Trade,[EB/OL]. <http://www.sme.gov.cn/web/assembly/action/browsePage.do?channelID=1134400998462&contentID=1332368142488>,2015-08-09.
- [18] 2014 中国海关全年进出口总值.[EB/OL]. <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab4370/module3760/info409290.htm>,2015-01-25.
- [19]张春萍.中国对俄罗斯的直接投资贸易效益研究 [J].俄罗斯中亚东欧研究, 2012, (3) :45-90.
- [20] Фёдоров В.П. Координации усилий России и Китая пореализации стратегий регионального развития Российский вектор-2010информационно-аналитический (R) : бюллетень №3(38) С.3,2011.
- [21] С. Е. Нарышкина и др.БРИКС : контуры многополярного мира. Москва:Юриспруденция.2015г.
- [22] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ. Москва:Аспект Пресс. 2015г.
- [23] А. В. Бобровников. БРИКС и Латинская Америка.Москва: Институт Латинской Америки РАН.2014г.
- [24] Тищенко В.И.Проблемы развития и управления Интернетом в странах БРИКС. Москва: ЛЕ-НАНД.2014г.

Африканский рог – один из наиболее нестабильных и конфликтогенных регионов Африканского континента. Территориально, в состав рога входят Сомали, Эфиопия, Джибути и Эритрея. Однако некоторые соседние государства добавляют противоречий в этот и так сложный клубок. Египет и Судан связывают непростые отношения со странами африканского рога. В частности, власти Египта крайне негативно воспринимают попытки Эфиопии построить плотину на реке Нил и использовать ресурсы этой африканской кормилицы в своих интересах.

Конфликты между Эфиопией и Сомали, между Эфиопией и Эритреей, между Эритреей и Джибути вносят основной вклад в нестабильность региона. Эта нестабильная обстановка стала благоприятной основой для появления на рубеже 20-21 вв. пиратства в Аденском заливе. После распада в 1991 году Сомали на его территории возникло несколько автономных образований, которые не подчиняются центральной власти в Могадишо, с трудом сохраняющей под своим контролем столицу благодаря поддержке ООН и миротворческих сил Африканского Союза. Слабая центральная власть не может в должной мере контролировать свое побережье и этим воспользовались пираты, которые с начала 21 столетия активизировали свои нападения на торговые суда с целью последующего получения выкупа.

Через Аденский залив ежегодно проходят более 30000 судов[1]. Учитывая высокую опасность нападения пиратов, международное сообщество решило принять определенные меры по охране судов, проходящих через залив. Ведущие морские державы организовали постоянное сопровождение их с помощью военных конвоев.

Среди серии специальных операций, которые проводятся в Индийском океане недалеко от побережья Сомали, следует выделить первую военно-морскую операцию Европейского Союза «Аталанта», которая началась 10 ноября 2008 года. Согласно первоначальному мандату 2008 года, «Аталанта» была начата в целях защиты кораблей в рамках всемирной продовольственной программы, доставляющих продовольствие сомалийским беженцам, а также охраны гражданских судов, проходящих вдоль сомалийского побережья и предупреждения и подавления актов пиратства и вооруженных грабителей на сомалийском побережье. [2]

Активно ведет себя в Аденском заливе и НАТО. Этот военно-политический блок, начиная с 2008 года, провел в регионе три военно-морских операции. Первая такая операция «Элайд провайдер», проводившаяся в последней четверти 2008 года для защиты кораблей всемирной продовольственной программы. В марте 2009 года НАТО начинает операцию «Элайд протектор» с целью обеспечения безопасности коммерческих морских магистралей, а в августе 2009 года передает эстафету следующей операции – «Оушен шилд».[3, 3]

В целом, более двух десятков государств послали свои военные корабли в Индийский океан для борьбы с сомалийскими пиратами, включая Россию.

КНР с первых лет своего образования проводит активную африканскую политику. В конце 1963 начале 1964 гг. состоялся исторический визит премьер-министра КНР Чжоу Эньлая в 10 африканских стран. В ходе этого визита были сформулированы 5 принципов развития политических отношений Китая со странами континента:

1. Поддерживать народы всех африканских стран в их борьбе против империалистов, колониалистов и неоколониалистов для завоевания и сохранения национальной независимости;
2. Поддерживать политику мира, нейтралитета и неприсоединения африканских стран;
3. Поддерживать стремление африканских стран к солидарности и единству средствами, выбранными самими странами континента, а также поддерживать их усилия по урегулированию разногласий путем мирных переговоров;
4. Требовать от других стран соблюдения суверенитета африканских государств;
5. Борьбаться против агрессий и других форм иностранного вмешательства.

Следующий этапный визит руководителя КНР в Африку состоялся в 1992 году после распада bipolarной системы. Во время визита председателя Ян Шанкуня были сформулированы 6 новых принципов африканской политики КНР:

1. КНР поддерживает африканские страны в их стремлении сохранить государственный суверенитет и независимость, в борьбе против внешнего вмешательства и за экономический рост;
2. КНР уважает выбранную африканскими странами политическую систему и путь развития в соответствии с их национальными условиями;
3. КНР поддерживает африканские страны в стремлении активизировать взаимное сотрудничество и решать конфликты путем мирных переговоров;
4. КНР высоко оценивает усилия, предпринятые ОАЕ для поддержания стабильности на африканском континенте и достижения экономической интеграции;

5. КНР поддерживает все усилия африканских стран, направленные на участие в качестве полноправных членов международного сообщества в международных делах и установлении нового мирового экономического и политического порядков;

6. КНР готова развивать дружественные связи и экономическое сотрудничество с африканскими странами.

Пекин и в своей практической политике по отношению к Африке старался придерживаться этих принципов. Постепенно у африканских стран сформировался положительный имидж Китая как равного партнера, который не навязывает свою волю более слабым государствам. Этот имидж в XXI веке позволил Пекину проводить более активную политику на этом континенте.

В XXI столетии бурный рост китайской экономики привел к существенному росту политического авторитета страны на международной арене. Пекин стал все активнее выходить из своего региона на высокий международный уровень, используя для этого разнообразный инструментарий. Африканский континент является стратегически важным для КНР как кладовая минеральных ресурсов. Индийский океан является ключевым именно с точки зрения связи КНР со странами африканского континента. Доступ к этим ресурсам зависит от морских коммуникаций именно в этой части мирового океана. В тоже время, с точки зрения геополитики, Индийский океан предоставляет больше возможностей для новых морских держав, таких как Китай, чем Тихий или Атлантический. Тихий и Атлантический океаны являются своеобразными вотчинами традиционных великих держав, таких как США, Россия и Великобритания. В Индийском океане, за исключением Индии, географически нет великих морских держав. Поэтому КНР в этом регионе может продемонстрировать свои амбиции наиболее рельефно. В то же время проблемы международной безопасности в 21 веке, прежде всего пиратство и терроризм, связаны с Индийским океаном.

КНР на протяжении многих лет осваивает акваторию Индийского океана. Пекин имеет тесные экономические и дипломатические отношения со многими странами этого региона. Особенно близкие отношения с Мьянмой, Шри-Ланкой, Пакистаном, Ираном, Саудовской Аравией, Суданом и Южной Африкой - все эти страны имеют важное стратегическое значение для Китая. КНР поставляет вооружения правительствам некоторых из этих стран. Кроме того, в Пакистане, Мьянме и Шри Ланке, китайское правительство участвует в разработке крупных портовых сооружений. В будущем эти объекты могут использоваться китайские торговые и военные кораблями. До начала 2009 года в этой части мирового океана не было китайских военных кораблей. Все изменилось 6 января 2009 года, когда первая целевая группа Военно-Морского Флота НОАК, состоящая из двух эсминцев и вспомогательного судна, прибыла в Аденский залив [4]. Первая группа в последствие была усилена несколькими группами по три корабля в каждой. Основные задачи китайских моряков - обеспечение безопасности китайских судов и персонала в Аденском заливе и около побережья Сомали, обеспечение безопасности судов, перевозящих гуманитарные грузы в рамках Всемирной продовольственной программы. В случае необходимости, китайские моряки могут проводить совместные спасательные операции с кораблями других стран [5]. Китайские военные корабли в Аденском заливе имеют на своем борту вертолеты и специальные группы, которые подготовлены к бортовой борьбе с пиратами.

Можно назвать несколько причин посылки китайских кораблей к побережью Сомали. Хотя присутствие ВМС НОАК в Аденском заливе является не очень масштабным, оно, тем не менее, подчеркивает место КНР в качестве великой державы в Индийском океане и в обеспечении африканской безопасности.

Направление своих военных кораблей позволило Пекину стать членом ряда многосторонних соглашений. Это, прежде всего, членство в контактной Группе по борьбе с пиратством у побережья Сомали (КГПБС) и ее различных рабочих подгруппах, и ежемесячном саммите по осведомленности и борьбе с конфликтами в Бахрейне(Шейд), сопредседателями которой являются ЕС и комбинированные военно-морские силы во главе с США. Шейд является влиятельной структурой, которая объединяет представителей стран и организаций, развернувших свои военные силы в регионе, а также представителей судоходных компаний и Интерпола.

Борьба с пиратством в Аденском заливе также укрепляет имидж КНР как ответственной власти. Кроме того, это может привести к постепенному развитию многосторонности в области морской безопасности, которую ограничивает традиционная модель, предусматривающая доминирующую роль США. В этом плане Пекин несколько раз предпринимал попытки поставить все военно-морские силы, принимающие участие в борьбе с пиратами, под единое командование ООН.

Еще одна причина участия КНР в борьбе с пиратами – защита экономической активности страны в Африке и на Ближнем Востоке. Пекин с начала 21 столетия проводит активную африканскую политику, направленную на закрепление своего влияния в этом регионе. Частью этой политики является участие китайских военнослужащих в миротворческих операциях ООН в ряде стран Африки. Так, в начале 21 века более 1300 китайских миротворцев находились в составе контингентов ООН и принимали участие в 7 миротворческих операциях [6]. Власти Пекина рассматривают антипиратскую миссию как своеобразное продолжение участия в миротворческих операциях в Африке. Таким образом, эта миссия является законным средством, подкрепленным авторитетом ООН, для продвижения Пекином своих интересов в этом регионе.



Еще одна причина участия КНР в этой миссии – подтверждение, правда, косвенное, своих претензий на Тайвань. Китайское правительство заявило, что все суда под флагом Тайваня являются китайскими. Следовательно, ВМС НОАК занимаются также сопровождением тайваньских судов [7].

Наконец, эта миссия является важной для китайского ВМФ с точки зрения приобретения опыта операционного взаимодействия вдали от своих берегов. Китайские моряки также в процессе этой миссии установили контакты с представителями ВМФ ведущих европейских стран и США. В частности, они провели учения с российскими и южнокорейскими военными, а также обменялись офицерами с Нидерландским королевским военно-морским флотом.

Таким образом, миссия ВМФ НОАК, начавшаяся в 2009 году, является важным вкладом КНР в борьбу международного сообщества против пиратов в Индийском океане, позволяющим, кроме того, решить важнейшие экономические и политические цели Пекина.

#### Литература:

1. Bowden A. The Economic Costs of Maritime Piracy <http://www.steamshipmutual.com/Downloads/Piracy/EconomicCostPiracyOEFReport.pdf>
2. Council of the European Union: Council Joint Action 2008/851/CFSP, Brussels, 10 Nov. 2008
3. Strickmann, Eva: EU and NATO Efforts to Counter Piracy off the Coast of Somalia: A Drop in the Ocean? In: ISISEurope, Oct. 2009:
4. Saunders, Phillip C. (2009), Uncharted Waters: The Chinese Navy Sails to Somalia, in: *Pacnet Newsletter*, 3, online: <<http://csis.org/files/media/csis/pubs/pac0903.pdf>>
5. Wu, Dengfeng, and Riuxue Bai (2008), *Chronicle Of Chinese Naval Ships Overseas' Missions*, online: <[http://eng.mod.gov.cn/SpecialReports/2009hjdjhd/2008-12/30/content\\_4008189.htm](http://eng.mod.gov.cn/SpecialReports/2009hjdjhd/2008-12/30/content_4008189.htm)>
6. UN DPKO, Past Operations, <http://www.un.org/en/peacekeeping/operations/past.shtml>
7. Pham, J. Peter (2009), The Chinese Navy's Somali Cruise, in: *World Defense Review*, online: <<http://worlddefensereview.com>> (12 March 2009).

## КЛАССИКА И НОВАЯ ДРАМА В КИТАЙСКОМ ТЕАТРЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ<sup>1</sup>

*Шулунова Е.К., Институт Дальнего Востока  
Российской академии наук*

Разговорная драма хуацзюй возникла под влиянием иностранной литературы. В период движения «4 мая» в журнале «Новая молодежь» (新青年) печатали произведения многих зарубежных литераторов: А. Дюма, Б. Шоу, В. Шекспир, А. Чехов, Л. Толстой, Г. Ибсен и другие. Сильное воздействие на становление разговорной драмы хуацзюй оказали произведения Г. Ибсена «Привидения», «Кукольный дом». Произведения норвежского драматурга были не просто известны в театральном мире Китая, ими восхищались, ставили на всех театральных подмостках страны. Многие китайские литераторы (Ху Ши, Да Бэй, Оуян Сюцин, Хун Шэнь, Дин Силинь, Бай Вэй, Тянь Хань, Юй Шаньюань, Юань Чаньинь, Цао Юй и другие) брали творчество Ибсена за образец, изучали его драматические произведения. Ху Ши, находясь под влиянием творчества Ибсена написал «Важное семейное дело» 家庭大事, Чэнь Дабэй - «Госпожа Юлань» 幽兰女士, Хун Шэнь – «Веер молодой госпожи» 少奶奶的扇子, Дин Силинь – «Оса» 一只马蜂, Тянь Хань – «Ночь в кофейне» 咖啡店之一夜, «Ночь ловли тигра» 获虎之夜, Юй Шаньюань – «Возвращение домой» 回家 и другие.

В 2014 году в Большом государственном театре (国家大剧院) был представлен спектакль «Кукольный дом» (Г. Ибсен, режиссер Жэнь Мин 任鸣). Постановка произвела глубокое впечатление на зрителей и получила положительные отзывы критиков. Сегодня на китайской сцене «Кукольный дом» отличается не только точностью, целостностью, единством, а также лирикой, поэтичностью, что отвечает художественному замыслу Ибсена, как это было представлено в 1879 году на премьере пьесы в императорском театре Копенгагена. До начала спектакля считанные минуты, занавес поднимается и декорации перемещают зрителя в совершенно иную обстановку. Теплый свет лампы, которая стоит на сцене, передает чувственное настроение героев пьесы, зрители ощущают атмосферу уюта. Поиски настоящей любви, душевные терзания героев, нравственные противоречия, которые они испытывают – все это не оставляет равнодушными зрителей. Эта постановка для разговорной драмы хуацзюй важна была не только в начале, в середине 20 века, также и в настоящее время. Она вновь позволила увидеть силу художественного воздействия драматургии реализма, подчеркнула вневременной характер классики, продемонстрировала развитие драмы хуацзюй. Раньше китайские литера-

<sup>1</sup> Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФНФ, проект 13-24-21001



торы, деятели театра делали акцент на социальном, не уделяя должного внимания художественному и эстетическому в пьесе Ибсена «Кукольный дом», упрощенно понималась реалистическая драма в целом. Это объясняется тем, что ими руководствовала политика или идеология. На первое место выходила социальная проблематика, а не богатство внутреннего содержания пьесы, ее художественная глубина. Все это приводило к возникновению несоответствий в прочтении содержания, формализму. Жэнь Мину удалось в данной пьесе показать дисгармонию мира и героев, режиссер пытается понять происходящее с жителями «Кукольного дома», зритель задумывается над этим.

В 80-е годы прошлого столетия считали, что реалистическую драму пора оставить в прошлом. Однако в настоящее время современный китайский разговорный театр хуацзюй обращается к произведениям, тесно связанным с национальной традицией («Гроза», «Восход солнца», «Пекинцы» Цао Юя, «Чайная», «Сянцзы верблюд», «Канавы Драконов ус» Лао Шэ, «Путешествие на Запад» У Чэньзэня, «Сон в Красном тереме» Цао Сюэциня, «Семья» Ба Цзиня и другие), а также к драматургии мировой культуры. Обращение к зарубежному театральному искусству как к источнику творческого вдохновения, использование заимствований и перенос идей на китайскую сцену не исключают самобытность, творческий подход китайского искусства, способствуют появлению и развитию китайских театральных идей.

А.П. Чехов – один из наиболее популярных в Китае зарубежных драматургов и литераторов. Произведения его занимают важное, прочное место в репертуаре китайского театра. Творчество А.П. Чехова близко Китаю своим глубоким гуманизмом, реализмом, обращением к социально-философским темам и умением синтезировать их в многогранные, глубокие психологические образы.

Творчество Чехова продолжает находиться в тесной связи с проблематикой современной драматургии, временем, проблемой человека, режиссура спектаклей Чехова в Китае отмечена поиском «новых форм». В январе 2015 г. к 155-летию со дня рождения А.П. Чехова в Китае поставлены спектакли по произведениям драматурга, а также и по его биографии. Премьера спектакля «Дядя Ваня» состоялась 20 января в театре «Столица» (首都). Режиссер Ли Люи 李六乙, перевод Цзяо Цзюйиня 焦菊隐, Тун Даомина 童道明). В сценической жизни чеховской драматургии в Китае пьеса «Дядя Ваня» имеет важное значение – это первое произведение А.П. Чехова, представленное в стране. В 1930 г. она была поставлена театральной труппой «Движение «4 мая»» (辛酉剧社, Шанхай. Режиссер, переводчик Чжу Жанчэн 朱穰丞). Однако первый опыт сценического прочтения китайским режиссером «Дяди Вани» имел неточности в понимании произведения драматурга. В последующие же годы (1954 г., 1960 г. Пекинский молодежный театр. Советский режиссер П. Лесли, Сунь Вэйши 孙维世) в постановках данной пьесы, верно, раскрывается авторский замысел, убедительно показаны характеры героев. С того времени пьеса «Дядя Ваня» занимает важное место в репертуаре китайских театральных коллективов, она идет на столичных, местных театральных сценах.

29 января 2015 г. на малой сцене Китайского национального драматического театра 国家话剧中中心 показана премьера спектакля «Любовь Чехова» (爱恋·契诃夫. Режиссер Ян Шэнь 杨申, сценарий Тун Даомина 童道明). Пьеса раскрывает историю любви А.Чехова и Лики Мизиновой, безответные чувства, симпатия и сострадание писателя к Лике, переживания классика после провала премьеры «Чайки» в Александринском театре в 1896 г. Пьеса получила положительные отзывы специалистов и зрителей. Ян Шэнь считает, что в произведениях А.Чехова, Ф.Достоевского (в 2013 г. Ян Шэнь впервые на китайской сцене поставил спектакль по повести Ф. Достоевского «Белые ночи»), можно найти яркое отражение сущности человека, глубокое размышление о человеческой жизни, в них особенно тщательно отражены сложные психологические черты людей.

В 2014 г. режиссером Линь Чжаохуа (林兆华) поставил «Вишневый сад» (театр Баоли 保利). Первой постановкой данной пьесы Линь Чжаохуа был занят еще десять лет назад в малом театре Бэйбинмасы (北兵马司剧场). Обе постановки Линь Чжаохуа (2004 г., 2014 г.) являют собой пробы способа понимания центральных тем, конфликтов творчества А. Чехова, они еще в целом не разгадывают задачи, определяют перспективу развития драматургии Чехова на китайской сцене. Линь Чжаохуа, решая свои задачи в спектакле, показал чуткое отношение к драме Чехова, в которой есть и трагедия, и комедия.

Линь Чжаохуа обращается к многосторонности художественного мира Чехова, выявляя его новые грани. Стремление режиссера освоить психологизм Чехова, его вопросы связи времен в пьесе «Вишневый сад» воплотилось в опыте сочетания известных театральных подходов к творчеству драматурга. Режиссер старался выяснить сущность героев «Вишневого сада», найти отражение в современном понимании. Проблемы современного сознания отражаются в «Вишневом саду». Объективное отношение А. Чехова к философскому движению времени наметило серьезный стержень «Вишневого сада», где вишневый сад стал темой мироощущения, символом теплоты семейных отношений. Обращение Линь Чжаохуа к драматическому наследию Чехова подтверждает в глубине психологизма, связи времен, сути концепции его искусства, нужного в Китае. В постановках режиссера пьеса Чехова представлена как произведение с глубокими внутренними связями. На театральном воплощении «Вишневого сада» Линь Чжаохуа нет прямой модернизации. Сценические интерпретации режиссера

этой пьесы драматурга являют собой развитие современных традиций китайской разговорной драмы. В оценке китайской критики постановка спектакля «Вишневый сад» режиссера считается значительной постановкой Чехова в Китае. Здесь важна пространственно-временная организация действия пьесы Чехова, режиссер показывает героев в тесной связи с вишневым садом. Попытка Линь Чжаохуа использовать неоднозначный подход к героям показывает, что Чехов не только порицает, но и сострадает им.

Не только спектакли по классическим произведениям идут в Китае, создаются современные постановки, авангардные, экспериментальные, охватывающие разные темы, показывающие инновационные идеи, использование дополнительных выразительных средств. Театр должен постоянно развиваться, новое мышление, свежие идеи, иные формы обогащают театральное творчество, подчеркивают сценическую выразительность, для этого необходимы смелые, мыслящие, молодые таланты, которые смогут открыть новое дыхание у театрального искусства Китая, что будет способствовать процветанию театра, наполнение свежей жизненной силой художественного искусства. Интерес представляют работы частных театральных коллективов Китая, которые демонстрируют незаурядную творческую ценность: «Привидения-2.0» 群鬼2.0, «Краткая история времени» 时间简史, «Противоядие», «Сказка. 25,3 км.» 童话 • 25.3公里 и другие.

«Привидения-2.0» 群鬼2.0 - это спектакль молодого режиссера Ван Чуна 王翀, он один из авторов, работы которого можно отнести к произведениям, так называемой, «новой театральной волны». Пьеса «Привидения-2.0» написана по мотивам известной пьесы Г. Ибсена «Привидения», с конца 20 века драматурги стали создавать сценические версии классики. Однако новое прочтение пьесы Г. Ибсена построено не точно по сценарию классического произведения, а по идейному видению молодого режиссера, его художественному пониманию. «Привидения-2.0» о человеческих отношениях, сюжет спектакля не столь отличается от оригинала, и все же тут показан новый подход. На сцене установлены 4 камеры, включаемые в начале действия, благодаря которым возникает возможность увидеть художественные образы в деталях, метаморфозы усиливаются, изображаются крупным планом, ярче становятся краски некоторых сцен, выражения лиц героев, их мимика показаны более отчетливо. Подобно тому, как два персонажа пьесы помещаются на экран, наблюдая за их движениями, настроениями, чувствами, зритель открывает самобытность, индивидуальность личностей героев. Так достигается оригинальный эффект, что передает этой постановке еще более сильный импульс, на зрителя оказывается более глубокий, художественный, потрясающий сознание зрителя, эффект. Образ сына Фру Альвинг Освальда, идеализировавшего своего отца, но, практически, не видевшего его, чувства Фру Альвинг к пастору Мандерсу – все это благодаря, так называемому, методу «увеличения» как на экране, игра актеров, их форма исполнения создают поразительный эффект.

«Краткая история времени» 时间简史 Стивена Хокинга привлекла молодого режиссера инсценировать этот бестселлер; он своим образом мышления, с помощью театрально-художественных форм выражает своеобразную новую возможность. На сцене экспериментальной театральной мастерской «Языки пламени» (火苗, провинция Хунань) «Краткая история времени» являет собой постановку поиска, спектакль нового взгляда. Время вездесуще, его нельзя увидеть и потрогать. Иными словами, время невидимо, его нельзя коснуться, но его можно ощутить, почувствовать, измерить время можно конкретным биологическим воплощением, например, жизнью человека. В спектакле осуществлена попытка показать смысл времени. В постановке нет как такого сюжета, отсутствуют определенные герои, в ней показан новый подход творческого мышления. Все построено на действии, на декорациях, искусном монтаже, предметах (подсчет завязанных узелков на веревке, фигура треугольника) с помощью которых расшифровывается существование и смысл времени. На сцене двое: мужчина и женщина, с начала представления они сидят за столом и рисуют шахматную доску, расставив фигуры на ней, начинают игру, все это происходит в полном безмолвии. В их движениях на протяжении всей постановки читается скрытый смысл, подтекст. В постановке нет точного ответа на вопрос, что есть время. Значение времени зависит от нашего с вами восприятия и понимания его. Если человек дорожит временем, то и оно благоволит ему; а пренебрегает им, то и оно отвергает.

«Сказка. 25,3 км.» 通话•25, 3公里 (режиссер Ли Цзяньцзюнь 李建军) – это новая форма спектакля, действие ее происходит не на театральной сцене, а в одном арендованном автобусе, курсирующем по маршруту «Театр Бинмасы - Дунчжимэнь - Мост Дунсыши - улица Чжан Цзычжун». Уличный пейзаж, который виден из окон едущего автобуса, служит фоном этой специфичной постановки. Зрители садятся в автобус, когда им удобно могут попросить сделать остановку. Актеры в любой момент присоединяются к поездке, сыграв свою роль, они тут же выходят, в автобус входит новая группа актеров. Среди героев есть и рабочие и учителя начальных классов, волонтеры, в основном это не профессиональные исполнители. Сцены, которые они играют – это собственные истории, их жизненный опыт, исполнив свою роль, они задают вопросы: «что есть будущее?», «что такое исчезновение?», «что такое страх?», «что такое волнение?», «что такое выбор?» и тд. Зрители выбирают любой из вопросов, на который отвечает задавший его, также зрители могут вступить в диалог с актерами. Несомненно, такая форма исполнения новая, активная, между зрителем и актерами складывается действительно тесная коммуникация, нет напряжения, это совершенно иной опыт, отличающийся

от игры на сцене. «Сказка. 25,3 км.» дает свежие впечатления; в ней затронуты личные, социальные проблемы, здесь люди из разных слоев общества, у каждого из них свои нравственные и духовные ценности, собственный выбор. Эта оригинальная форма сценического выражения открывает ранее неизвестный горизонт театрального выражения, способствует развитию китайского театра, взаимодействию театра и зрителя, укрепляя их взаимоотношения.

#### Литература

1. Белоусов, Р.С. Чеховские традиции и творчество Цао Юя. (к вопросу о литературном влиянии). / Р.С. Белоусов. // Проблемы Дальнего Востока. – 1974. - №2. – С. 195-202.
2. Никольская, Л.А. Цао Юй. / Л.А. Никольская. - М., 1984. - 187 С.
3. Шнейдер, М.Е. Русская классика в Китае. / М.Е. Шнейдер. - М., 1977. - 272 С.
4. [http://russian.news.cn/culture/2015-01/30/c\\_133958844\\_2.htm](http://russian.news.cn/culture/2015-01/30/c_133958844_2.htm). (дата обращения 02.04.2015).

### ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В КНР.

*Гришин Я.Я.  
ИМОИВ КФУ*

Она, как известно, началась еще в период правления Дэн Сяопина. Именно он был инициатором введения смертной казни за коррупцию. Ее продолжили его предшественники Цзян Цзямин и Ху Цзиньтао. В годы их правления у власти за взяточничество наказания ежегодно получали порядка 20 тыс. человек. Тем не менее коррупция не была искоренена. Когда в 2011 г. в КНР отмечалось 90-летие Коммунистической партии Китая, ее руководитель заявил; «партия трезво оценивает смертельную опасность коррупции, которая возникла в условиях ее длительного пребывания у власти. Если решительно не покончить с коррупцией, то это может стоить партии доверия народа».

Пришедший на смену Ху Цзиньтао Си Цзиньпин, находясь на различных постах был известен «беспоощадной борьбой против коррупции» и как пишет блестящий исследователь Юрий Тарновский в своей замечательной книге «Си Цзиньпин. По ступеням китайской мечты. Книга о главном китайце планеты» она «сыграла немалую роль в его восхождении к власти». Став руководителем огромной страны, КПК, верховным главнокомандующим, он продолжил борьбу с разросшимся бедствием. Тем более на его плечи сразу же легло дело Бо Силая — бывшего члена Политбюро, секретаря парткома 30 млн. города Чунцин, погрязшего в коррупции, взяточничестве, лихоимстве.

Сосредоточив в своих руках всю полноту партийной и государственной власти, он выдвигает чрезвычайно эффективную и долгосрочную стратегию «китайской мечты о великом национальном возрождении». Сами жители КНР говорят, что есть два аспекта ее осуществления, которые были определены после XVIII съезда КПК в 2012 г. «две столетние цели развития».

К 2012 году то есть к 100 летней годовщине создания Коммунистической партии Китая необходимо удвоить ВВП и среднедушевые доходы по сравнению с 2010 годом. К этому времени в стране намерены построить среднезажиточное общество. Планируется, что ВВП на душу населения составит 10 000 долларов (в 2010 г. этот показатель составлял 4682 доллара).

А к сотой годовщине образования КНР - в 2049 г. - Китай должен превратиться в сильное, демократическое, гармоничное модернизированное социалистическое государство.

Суть «китайской мечты» - это «а) могучее государство, подъем нации, счастье народа; б) взгляд на прогресс и развитие КНР в течение ближайших десятилетий».

«Самое важное в этом — углубление реформ, развитие системы социализма с китайской спецификой, модернизация государственного управления, решающая роль рынка в распределении ресурсов».

Причем это будет касаться не только экономики, но и политики, культуры, общества, экологии и партийного строительства. Определены 15 сфер и 55 важных реформаторских задач.

В 2013 г. Си Цзиньпин подготовил программу нового этапа реформирования китайской экономики. Ее рассмотрел, обсудил и утвердил III Пленум ЦК КПК. С момента назначения он не выпускал из поля зрения и борьбу с коррупцией, решая ее текущие вопросы и готовил стратегический план решительного наступления.

В начале 2014 г. у него состоялось встреча с руководством Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК КПК, которой руководит близкий к Си Цзиньпину Ван Цишан, член Постоянного Комитета Политбюро. На ней первый призвал «активно вести обновление институтов и механизмов, создать институциональное обеспечение борьбы с коррупцией» и предупредил, что «все еще сохраняется очаг порождения коррупции». Си Цзиньпин потребовал от партийных контролеров «совершенствовать порядок привлечения к ответственности» и предостерег, чтобы эти порядки «не превратились в бумажного тигра или соломенную куклу».

Карающий меч ощутили не только мелкие взяточники ( их в КНР называют мухами), но и так называемые «тигры - высокопоставленные функционеры, как партийные, так и военные, чиновники правительства. Так в 2013 г. был арестован руководитель Комитета по контролю и управлению преимуществом (ККУГИ) до этого возглавлявшего национальную нефтяную компанию CNPC. Вместе с ним арестовываются еще 4 ее ведущих менеджера. Это по сути дела означало не только массового ареста высокопоставленных чиновников, но и конец привилегированному существованию «естественных монополий» государственного сектора типа скажем нашего «Газпрома», «Роснефти», «Роснано» ...

По указанию Си Цзиньпина формируются группы инспекторов, которые начали проверки управляемых через ККУГИ 120 корпораций и банков.

Всего после XVIII съезда КПК под расследование попало около 50 чиновников в ранге министра и выше. То есть кончилась эра неприкасаемых.

Самое главное, что расширение фронта борьбы с коррупцией и рост числа арестованных жуликов поддерживает китайский народ. Более того он требует дальнейшего ужесточения наказания коррупционеров. Опрос проведенный в 2014 г. популярной молодежной газетой «Чжунго цинняньбао» свидетельствует - 73% респондентов поддерживают вынесение им смертных приговоров.

В 20-х числах октября 2014 г. состоялся IV Пленум ЦК КПК 18-го созыва, четвертый после проведения XVIII съезда КПК. Как известно Пленумы проводятся раз в год. Они по своему значению равны полноценному съезду.

IV Пленум был посвящен главным вопросам всеотъемлющего продвижения верховенства закона. Главные стратегические установки были сформированы Си Цзиньпином и изложены в его отчетном докладе.

Он объявил, что комплекс нововведений по управлению государством на основе законов является составной частью реформы политической системы КНР. Центральная тема - верховенство закона. Беспрецедентным стало решение об установлении верховенства Конституции и вытекающих из нее законов. Основным законом объявляется «ядром» системы социалистического законодательства с китайской спецификой. Таким образом законодательные органы власти должны играть более значимую роль (Всеитайский Совет народных представителей (ВСНП), собирающийся раз в год парламент и действующий в перерывах Постоянный комитет, это касается и местных органов. 4 декабря было объявлено Днем Конституции. Отметим, что такой праздник вводится впервые.

Решение Пленума подтверждает правящую, лидирующую роль Компартии Китая в условиях политических реформ и укрепления конституционного порядка. Как сказано в коммюнике Пленума «Лидерство КПК согласуется с социалистическим верховенством закона. Только если КПК будет управлять в соответствии с законом, права народа, являющегося хозяином государства, будут реализованы, а государственные и общественные дела будут осуществляться в соответствии с законом».

Как отмечает Ю.Тарновский «в Китае учли печальный опыт КПСС, отказавшейся от 6-ой статьи Конституции СССР, которая утверждала руководство партии и обеспечивала ее системообразующую роль в управлении страной».

Как бы то ни было, лидерство КПК является «самой фундаментальной гарантией» верховенства закона в КНР, - говорится в Коммюнике.

КПК предоставила судебной власти огромные возможности для того, чтобы быть ей независимой. Создается система, при которой чиновников накажут, если они попытаются вмешаться в судебные дела. Причем межрегиональные суды и прокуратуры будут распространять свою юрисдикцию за пределы административных единиц для того чтобы разрушить имеющиеся схемы преступного взаимодействия судебных органов с местными властями и предотвращать создание новых схем.

Прокуратура получила возможность возбуждать дела по заявлениям граждан и общественных организаций. Верховный же суд формирует выездные суды, функции которых распространяются на дела по искам местной общественности, которые не получили удовлетворения местного правосудия.

Причем на судей и прокуроров возложена пожизненная ответственность за дела в которых они принимали участие.

Изменения коснулись и китайской армии. Она должна «содействовать верховенству закона и укреплять строгую дисциплину, КНР, упорно сосредоточившись на цели построения более сильной армии в новых условиях. Будет формировать систему военного законодательства с китайской спецификой, и повышать уровень верховенства закона в национальной обороне и военном строительстве и т.д.

Следует отметить, что решение КПК по продвижению верховенства закона, принятое на IV Пленуме привлекло к себе внимание во всем мире. Большинство комментариев сводится к тому, что решение ярко свидетельствует о дальнейшем движении КНР вперед, что «улучшение социалистической правовой системы с китайской спецификой, в которой Конституция рассматривается в качестве ключевого документа, усиление мер по реализации конституционных положений и продвижения основанного на правовых нормах управления» имеют принципиальное значение в дальнейшем развитии страны и т.д.

В связи с борьбой с коррупцией в КНР выходит Белая книга. Она начинается словами: позиция Коммунистической партии Китая и китайского правительства по борьбе с коррупцией и строительству неподкупного аппарата является непоколебимой.

Правительство признает, что антикоррупционная работа в отдельных сферах остается сложной. Тем не менее, оно и руководящая КПК полны решимости и готовности к ужесточению борьбы с коррупцией. При этом принимаются меры по вовлечению в нее как можно больше простых граждан. Это приносит свои плоды. Статистика показывает, что около 80% всех дел, которых расследуются соответствующими органами, были возбуждены или проверялись благодаря помощи населения и их сообщениям.

«При расследовании крупных дел привлекаются специалисты с любой точки страны. Тем самым обеспечивается эффективность работы следствия и недопущение вмешательства в нее местных органов. Действует также система материального поощрения работников, добившихся положительных результатов в раскрытии уголовных дел, а также наказания тех из них, которые проявили халатность к выполнению своих функциональных обязанностей».

Все предпринимаемые меры служат не только воспитанию и профилактике чиновников, предпринимателей, но и молодежи, детей. «Созданы специальные телевизионные сериалы, где показывают, как специальное подразделение по борьбе с коррупцией расследует коррумпированные схемы и цепочки; в школах и высших образовательных учреждениях ставятся спектакли, обсуждаются те или иные горячие новости, связанные с громкими арестами или судебными процессами; для детей создаются образовательные мультфильмы...».

Наказания для коррумпированных чиновников весьма суровы, независимо от занимаемого положения и должности. Так в декабре 2014 г. на заседании Политбюро ЦК КПК принимается решение об исключении из партии Чжоу Юнкина - являвшегося до конца 2013 г. членом Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК и председателем политико-юридической комиссии ЦК. Далее дело передали в прокуратуру, которая его арестовывает и начинает собственное расследование. Параллельно начал работать аппарат ЦК ПД. Он установил, что этот «тигр» «серьезно нарушал партийную дисциплину, пользовался своим служебным положением для оказания покровительства другим лицам, а также лично и через членов семьи принимал огромные взятки, злоупотреблял властью, чтобы помочь родственникам, любовницам и друзьям получать огромные прибыли».

Состоялся открытый судебный процесс над министром продовольствия и лекарств завершившийся вынесением ему смертного приговора и т.д.

Кроме уже упоминаемой Центральной Комиссии по проверке дисциплины борьбу с коррупцией также ведет Министерство контроля и созданное в 2007 году Государственное управление по предупреждению (противодействию) коррупции, главой которого назначили женщину, бывшего министра контроля Мао Вень. Данное ведомство напрямую подчиняется Госсовету КНР и к его функциям относятся выявления коррупционеров, и разработка комплекса антикоррупционных мер, включая ведение собственных расследований.

Между этими тремя централизованными структурами осуществляется координация совместных действий.

Естественно эта жесткая борьба с коррупцией не всем по душе, в первую очередь крупным «акулам» или как их в КНР называют «тиграм» и они могут стать препятствием на благородном пути.

Оптимизм вселяет то, что китайский народ в своем большинстве стоит на стороне руководства КПК и его борьбы со страшным злом.

Опыт борьбы с коррупцией в КНР привлекает внимание других стран, в частности, Вьетнам. В августе 2015 г. в Ханое находился Янг Сяоду - заместитель секретаря ЦК КПК по дисциплинарному контролю, где имел встречу с вице-президентом Нгуен Тхи Доаном. На ней последний высоко оценил успехи КНР в предотвращении коррупции и заявил, что Вьетнам будет тесно сотрудничать со своим соседом в борьбе с ней. Китайский гость добавил, что от этого совместного взаимодействия выиграют все.

Партийная контрразведка ЦКПД налаживает официальные контакты с антикоррупционными ведомствами других стран. На саммите АТЭС, прошедшего в Пекине, принято совместное заявление о создании в данном регионе новой международной сети антикоррупционных и правоохранительных учреждений. Причем офис этой организации будет находиться в столице КНР и действовать под эгидой ЦКПД.

Сказанное свидетельствует о значимости опыта борьбы с коррупцией в КНР.

#### Литература

Васильев А. Поднебесная берет исторический реванш // Правда -2015.-2730 июня.

Вместе против коррупции. // Правда -2015- 18-19 августа.

Глушкова Е. Пекин-Марс-далее везде // Завтра.-2015.- №2.

КНР-Россия — переход на рубли // Российская газета. - 2015.- 10 августа

Тарновский Ю. Схватка с тигром // Завтра. -2014. - №50.

Тарновский Ю., Си Цзиньпин. По ступеням китайской мечты. Книга о главном китайце планеты.

- М:Эксмо. - 2015 г.

<http://mssian.news.cn/china/2Q 14-10/23/c 133738069.htm>

<http://mssian.news.cn/china/2014-1 Q/24/c 133738386.htm>

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Предисловие</b>	3
<b>Аликберова А.Р.</b> «Мозговые центры» как инструмент «мягкой силы» во внешней политике КНР	5
<b>Анисимова И.В., Лысенко Ю.А.</b> Гуманитарное сотрудничество России и Китая в XXI веке (азиатский вектор)	10
<b>Бай Юй.</b> Отражение возрастных стереотипов коммуникативного поведения детей в русских и китайских афоризмах	16
<b>Бариева Л.И.</b> Сравнительная характеристика фонологической системы китайского и русского языков	18
<b>Белова С.В.</b> Чэнь Шоу. История Трех государств. Биография Лю Бэя («Сань Го Чжи», гл. 32)	22
<b>Белоглазов А.В.</b> Партнёрство Китая и России в реализации проекта сопряжения «экономического пояса шёлкового пути» и евразийского экономического союза	28
<b>Бодрова О.И.</b> О влиянии внутригосударственных концепций на внешнеполитический курс КНР в XXI веке	32
<b>Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.</b> Неопубликованные архивные материалы по путешествиям Н.Ф. Катанова	35
<b>Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Федорченко Р.Г., Аликберова А.К., Минеева М.С., Мратхузина Г.Ф.</b> Феномен университетской синологии в Казани (30-50 гг. XIX вв.): фонды и материалы национального архива республики Татарстан	36
<b>Валеев Р.М., Валеева Р. З., Мартынов Д. Е., Федорченко Р.Г.</b> Основные итоги научного путешествия В.П. Васильева в Пекин (первая половина XIX в.)	37
<b>Валеев Р.М., Валеева Р.З., Минеева М.С., Тугужекова В.Н.</b> Н.Ф. Катанов и его вклад в историко-этнографическое изучение тюркских народов восточного Туркестана	42
<b>Валеев Р.М., Федорченко Р.Г.</b> Основные направления и особенности практического изучения Китая в европейских университетах (XVIII – XIX вв.): краткий обзор	47
<b>Верченко А.Л.</b> Роль Сунь Кэ в советско-китайских отношениях накануне второй мировой войны	50
<b>Власова Н.Н.</b> Формирование и развитие навыков аудирования у студентов на начальном этапе изучения китайского языка	57
<b>Гамерман Е.В.</b> Закон о национальной безопасности КНР 2015 года: потенциальные возможности и угрозы региональной безопасности в АТР	61
<b>Гирченко Е.А.</b> Стилистические особенности бронзовых ритуальных сосудов из Саньсиндуй, провинция Сычуань, КНР	63
<b>Гилязетдинова Г.Х.</b> Питомец казанского университета в Харбине (некоторые факты из жизни доктора В.А. Казем-бека)	67
<b>Гулева М.А.</b> Жизнь Чан Кайши в иллюстрациях журнала «крокодил»	68
<b>Данилова Ю.Н.</b> Мораль в Китае: традиции и современность	72
<b>Дворцова А.Н.</b> Преподаватель китайского языка как ретранслятор языковой картины мира	75
<b>杜钢建(Ду Ганцзянь).</b> 西王母的故乡在湖南 (Хунаньская прародина Сиванму (на кит. языке))	78
<b>Дудин П.Н., Павлов А.К.</b> Моделирование процессов государственностроительства у монголоязычных народов российско-китайского приграничья	85
<b>Дхар А.П.</b> Китай в БРИКС. Лидер или движущая сила?	88
<b>Желтухина М.Р., Кравцова А.В.</b> Рекламный слоган как индикатор воздействия спортивной моды на потребителя в китайской спортивной медиарекламе	91
<b>Желтухина М.Р., Шмелева О. Д.</b> Современная китайская фармацевтическая и косметическая медиареклама: стилистический аспект	94
<b>Кобзев А.И.</b> Трижды отрекшийся	96
<b>Кондорский Б.М.</b> Сравнительно-исторические предпосылки революционных событий в Китае	105
<b>Корнильева Т.И.</b> Культурологический анализ керамических архитектурных элементов Паошоу на традиционных китайских крышах	112
<b>Коробова А.Н.</b> Роман Хэ Цзяньмина «слезы—золото» в контексте современной китайской документальной прозы	118
<b>Косинова Л.В.</b> Дискурсивное пространство во время акта наррации Куайбаней	120
<b>Костанда И.А.</b> Функции колоронимов со значением «красный» в романе Цао Сэциня «Сон в красном тереме»	124
<b>Котельникова Н.Н.</b> Роль аутентичных короткометражных фильмов в формировании лингво-	128



лении структуры определительных оборотов	
Лычагин А.И. Некоторые особенности современной тайваньской политики КНР	135
Лю Дуниа. Изучение и понимание иностранными студентами характерных элементов китайской традиционной культуры (外国汉语学习者对中国传统文化代表元素的认知与理解)	137
Лю Сюн. Советская помощь Китаю во время японской агрессии в исследованиях китайской научной общественности	145
Манджиева С.А. Имя существительное в калмыцком и китайском языках	150
Мартынов Д.Е. Эволюция исторических взглядов Кан Ю-Вэя	153
Никольская С.В. «Русская» тема в китайской литературе XX – XXI веков	160
Нин Хуайини. Подход к изучению лингвистической прагматики в Китае	163
Пахомова М.А. КНР и ЛАГ: система двустороннего и многостороннего партнёрства	165
Петрасяк М. Русско-китайские трансграничные отношения как пример использования парадипломатии в международных отношениях	172
Портяков В.Я. Место и роль Шэньчжэня в интеграционных процессах в южном Китае	178
Почагина О.В. Одинокие матери в современном Китае (постановка проблемы)	180
Руководельникова М.Б. Салазанова О.А. Китайский язык в средней школе и способы повышения мотивации к обучению в новом учебном комплексе «我们说汉语» «мы говорим по-китайски»	184
Семенов А.В. К вопросу о формуле китайско-российских отношений	187
Семенова Т.Г. Проблемы иероглифической письменности в современном китаеязычном пространстве	196
Сергеева А.А. "Мягкая сила" как инструмент внешней культурной политики КНР	199
Силакова С.А. Вклад VIII, IX, X миссий как представительниц трёх периодов истории пекинской православной миссии	204
Симоненко Н.Ю. Место действия и место повествования в китайских нарративных песнях XX – начала XXI вв.	207
Сторожук А.Г. Образ обезьяны в литературе и культуре традиционного Китая	210
Суровень Д.А. Ранняя форма государства в Древнем Китае	214
Терехов А.Э. Роль апокрифических текстов (Чэнь Вэй) в развитии китайской традиции благих знамений	222
Тохметов А.Т. Эволюция взаимоотношений России и Китая в 1990-е годы	228
Урывская Т.А. Буквенные слова – новый лексический формат в современном китайском языке	232
Фаткулин Б. Г. Изучение языков национальных меньшинств Западного Китая в КНР на современном этапе	235
Хайруллина Д.И. Очерк о Тогон-темуре	239
Хань Юн. О различиях в культуре питания китайской и западной цивилизаций	246
Харченко М.П. Российско-китайское транспортное сотрудничество: от КВЖД до ВСЖМ	249
Холкина Л.С. Мазо О.С., Лебедева А.В. Модели словообразования в преподавании китайского языка	259
Tsankova A.D. On methodology of teaching the variative usage of -le forms in modern chinese	261
Чернова А.Ф. Современный инструментарий КНР по управлению конфликтами	269
Чэн Мо. О необходимости использования дистанционных методов обучения в учебной практике международных институтов Конфуция	271
Zhang Jian. Dynamics and prospects of China-Russian relations from the perspective of economic cooperation	275
Шагалов В.А. КНР и проблема безопасности на африканском роге	281
Шулунова Е.К. Классика и новая драма в китайском театре в настоящее время	283
Гришин Я.Я. Опыт борьбы с коррупцией в КНР	285

Сборник статей и докладов участников  
VIII международной научно-практической конференции  
«РОССИЯ – Китай:  
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»



Подписано в печать 23.11.2015 г. Формат 21×29,7 А4  
Усл. печ. листов 12 Тираж 50 экз.  
Отпечатано в ИП Минуллина Р.В.